

«ВЫСЕЛИТЬ С ТРЕСКОМ»

Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев

Zeitzeugen und Forscher berichten über die Tragödie der Russlanddeutschen

„FORTJAGEN MUSS MAN SIE“

УДК 94(470.4)(082)
ББК 63.3(235.54)я43
В93

В93 «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. научн. статей и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. М.: «МЧК-пресс», 2011. – 352 с., 2011.

В книге собраны воспоминания очевидцев депортации и репатриации российских немцев 1941–1946 гг., а также научные статьи, в которых освещаются эти события – одни из самых трагических в судьбе немцев, проживавших на европейской части СССР в начале 40-х годов XX века.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства внутренних дел Германии.

„Fortjagen muss man sie“. Zeitzeugen und Forscher berichten über die Tragödie der Russlanddeutschen. Hrsg. A. German, O. Silantjewa. – Moskau, 2011. – 352 S.

Dieses Buch enthält die Erinnerungen der Zeitzeugen an die Deportation und Repatriierung der Russlanddeutschen sowie auch wissenschaftliche Artikel zu diesem tragischen Kapitel in der Geschichte der Deutschen, die Anfang der 40er Jahren des 20. Jahrhunderts auf dem europäischen Teil der UdSSR gelebt haben.

Dieses Projekt wurde gefördert durch das Bundesministerium des Innern.

ISBN 978-5-98355-079-7

УДК 94(470.4)(082)
ББК 63.3(235.54)я43

ISBN 978-5-98355-079-7

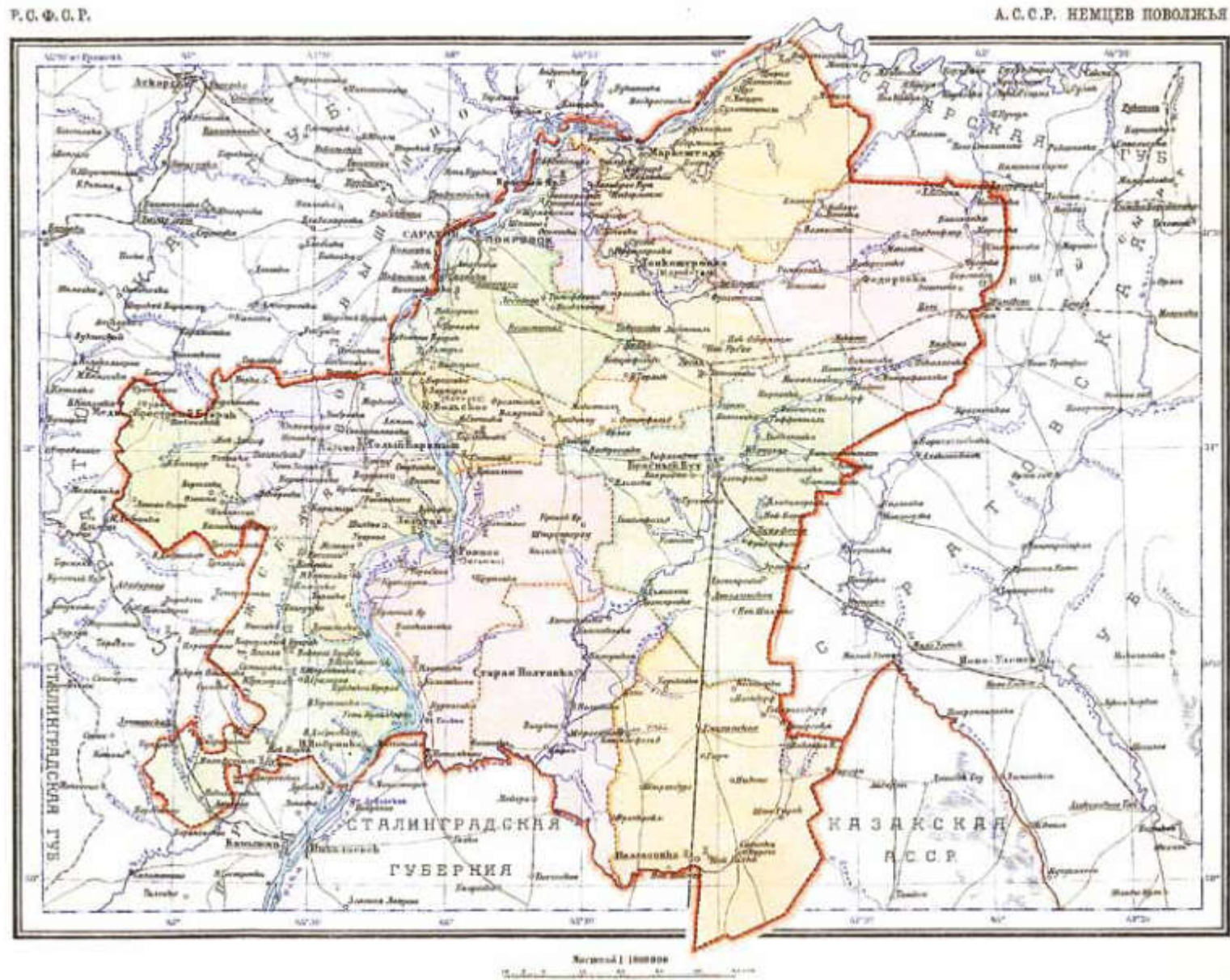
© МЧК, 2011
© «МЧК-пресс», 2011
© IVDK, 2011
© „IVDK-Medien“, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.А. Герман Депортация немцев Поволжья	5
В.Л. Мартыненко Депортации немцев с территории Украины	125
Т.Н. Плохотнюк Депортация немцев Северного Кавказа	145
Т. Чернова-Дёке Депортация немцев Закавказья	173
А.А. Герман Депортация немцев из Москвы и Московской области	197
И.В. Черказьянова Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области	213
Л.П. Белковец Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг.	241
А.А. Герман Репатриация граждан СССР немецкой национальности	275
Приложение	304

INHALT

A.A. German Die Deportation der Wolgadeutschen	5
W.L. Martynenko Die Deportationen der Deutschen vom Territorium der Ukraine	125
T.N. Plochotnjuk Die Deportation von Deutschen des Nordkaukasus	145
T. Tschernowa-Döke Die Deportation der Kaukasiendeutschen	173
A.A. German Die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau	197
I.W. Tscherkasjanowa Die Deportation der Deutschen aus Leningrad und dem Gebiet Leningrad	213
L.P. Belkowez Die Geschichte der Wolgadeutschen von Narym 1941–1945	241
A. A. German Die Repatriierung von Staatsbürgern deutscher Volkszugehörigkeit der UdSSR	275
Anlage	304

Административное деление АССР немцев Поволжья в 1928 г.

А.А. Герман

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

О причинах депортации

31 июля 1941 г., когда война уже второй месяц шла по территории СССР, в столице АССР немцев Поволжья г. Энгельсе происходил судебный процесс, во всех отношениях необычный. Рассматривалось дело заведующего овцетоварной фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусова, которому вменялся в вину «шовинистический выпад против немцев, живущих в СССР». Суть дела состояла в том, что И. Белоусов в пьяном виде оскорбил своих сослуживцев-немцев, назвав их фашистами. Верховный суд АССР НП приговорил И. Белоусова к шести годам лишения свободы с последующим «поражением в правах» на два года¹.

Судебный процесс получил широкую огласку, и приговор был, несомненно, суров. Разумеется, в условиях войны в тоталитарном государстве ни сам процесс, ни столь суровый приговор обвиняемому не могли бы состояться без санкции высшего руководства страны.

В данном случае преследовались вполне определенные политические цели. Не только в СССР, но и за рубежом, прежде всего в Германии, люди должны были знать, что в советском социалистическом государстве немецкий фашизм и простых тружеников-немцев не отождествляют, что, несмотря на войну с Германией, советские немцы защищены законом, что интернационализм по-прежнему является важнейшим атрибутом советского образа жизни. То есть судебный процесс, по замыслу его организаторов, должен был внести свою лепту в широкую и мас-

A.A. German

DIE DEPORTATION DER WOLGADEUTSCHEN

Die Vorgeschichte der Deportation

Am 31. Juli 1941, im zweiten Kriegsmonat auf dem Gebiet der UdSSR, fand in Engels, der Hauptstadt der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen (ASSR WD), ein Gerichtsprozess statt, der in vielerlei Hinsicht als außergewöhnlich gelten muss. Auf der Anklagebank saß der Leiter einer Schafsfarm des Kolchos „Kuybischew“ im Kanton Staraja Poltawka, I. Beloussow. Ihm wurden „chauvinistische Auslassung gegenüber den Deutschen, die in der UdSSR leben“ zur Last gelegt. Beloussow hatte in betrunkenem Zustand seine deutschen Kollegen beleidigt, indem er sie Faschisten nannte. Das Oberste Gericht der ASSR WD verurteilte I. Beloussow zu sechs Jahren Freiheitsentzug mit anschließenden „einschränkenden Maßnahmen“ für weitere zwei Jahre.¹

Das war zweifellos ein hartes Urteil und es sprach sich schnell herum. Nur der Segen von ganz oben erklärt dabei, dass ein solcher Prozess in einem totalitären Staat, der sich noch dazu im Krieg befand, überhaupt stattfinden und mit einem solchen Richterspruch enden konnte.

In diesem Fall wurden bestimmte politische Absichten verfolgt. Nicht nur in der UdSSR, sondern auch im Ausland, insbesondere in Deutschland, sollten die Menschen wissen, dass im sozialistischen Sowjetstaat der deutsche Faschismus nicht mit den einfachen deutschen Werktätigen gleichgesetzt würde, dass ungeachtet des Krieges mit Deutschland die Sowjetdeutschen durch das Gesetz geschützt seien, dass der Internationalismus auch weiterhin ein wichtiges Attribut der sowjetischen Lebensweise darstelle. Der Gerichtsprozess hatte nach den Vorstellungen seiner Initiatoren also seinen Beitrag zu einer breit angelegten und massiven Kampagne der Gegenpropaganda leisten sollen, die von der sow-

**Из открытого письма колхозников села Норка Бальцерского кантона
АССР немцев Поволжья крестьянам Германии
(14 июля 1941 г.)**

Крестьянин Германии!

Слушай наш голос – голос свободных крестьян Республики немцев Поволжья!

...Мы знаем, что в этой войне немецкий трудовой народ, немецкий крестьянин стоит на нашей стороне. Хватит нужды и мучений, которые причинил вам фашизм!

Чаша переполнена, немецкий крестьянин в солдатской шинели! Наша Великая Отечественная война является и твоей освободительной войной.

Подымись, немецкий крестьянин, и порази твоего заклятого врага – фашизм!

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л.126.

**Из обращения советских лётчиков – немцев
Поволжья к лётчикам германской армии**

Германские лётчики, сыны трудового народа!

Палач германского и других европейских народов Гитлер погнал вас на войну с нами, с великим Советским Союзом, свободной родиной десятков национальностей, в том числе и нашей родиной – родиной немцев Поволжья.

Слушайте голос советских лётчиков-немцев, гордых тем, что они находятся в славных рядах сталинских соколов, дающих отпор вероломному врагу.

Потерявший всякое человеческое подобие Гитлер и его грязный подручный, морфинист и бывший обитатель сумасшедшего дома Геринг превратил великое детище современной человеческой культуры – авиацию в орудие своей каннибальской политики военных авантюристов и уничтожения мирных и свободолюбивых народов...

А что они сделали из вас, представителей германской трудовой молодёжи... Убийцы, пираты воздуха – так называет вас

весь цивилизованный мир. Неужели вы ещё дальше хотите терпеть эту позорную кличку?

...Следуйте примеру Ганса Германа, Ганса Кратцке, Адольфа Аппеля, Вильгельма Шмидта из второй группы 54-й эскадрильи и Пауля Гофбауэра из первого звена первой группы той же эскадрильи и перелетайте к нам, где вам обеспечена ваша жизнь, где вам обеспечено хорошее отношение. Каждый перелёт на нашу сторону – это сильный удар по кровавому фашизму и Гитлеру, которые ненавистны всякому трудящемуся немцу.

Сегодня тебя пошлют снова в налёт на наши города и сёла. Но сегодня ты не сбросишь на советскую территорию ни одной бомбы, а перелетишь к нам. Это твой долг, как честного немца, которому дорога честь германского трудового народа, который хочет освобождения германского народа от гитлеровского ига!

Спасай свою жизнь! Перелетай к нам – мы тебя ждём!

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л. 109-112.

сированную контрпропагандистскую кампанию, направленную советским руководством на Германию и ее вооруженные силы в первые два месяца войны². В этой кампании советские немцы и Республика немцев Поволжья играли роль козырной карты.

Шли дни и недели. «Трудящихся» Германии почему-то не прельщала «счастливая, радостная и зажиточная жизнь немцев Поволжья», они не спешили свергать у себя «фашистское иго», как к тому призывали многочисленные воззвания «граждан Немреспублики», штамповавшиеся в партийных органах. В течение июля и августа германская армия продолжала мощное наступление, захватывая все больше и больше советских территорий. Постепенно фронт приближался к Волге. Стало ясно, что контрпропагандистская кампания провалилась. Примитивные приемы сталинских идеологов не сработали, в том числе и использование немецкой автономии на Волге в качестве «витрины социализма».

Вместе с тем в донесениях партийных и специальных органов, поступавших из АССР НП лично И. Сталину и Л. Берии, нет-нет да и проскальзывала информация об «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываниях отдельных граждан. Это вызывало сильнейшее раздражение советских руководителей. Быстро припомнилась общая нелояльность этнических немцев к большевистской власти, довольно заметно проявлявшаяся в предшествующие годы существования большевистского режима.

Этнические немцы, сохранявшие в своих традициях многие ценности западноевропейской цивилизации, оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к созданному большевиками общественному строю. Специфика их ментальности вызывала, как правило, более негативную реакцию немцев на большевистские эксперименты и действия, более упорное сопротивление попыткам взломать традиционный образ жизни. А это, естественно, приводило к более жестоким карательным мерам со стороны режима.

жетischen Führung in den ersten beiden Kriegsmonaten auf Deutschland und dessen Armee gerichtet wurde². In dieser Kampagne spielten die Sowjetdeutschen und die Republik der Wolgadeutschen die Rolle einer Trumpfkarte.

Es vergingen Tage und Wochen. Die „Werk tätigen Deutschlands“ waren aus irgendwelchen Gründen nicht verzückt von dem Leben der „glücklichen, fröhlichen und wohlhabenden Deutschen von der Wolga“. Sie beeilten sich nicht, das „faschistische Joch“ abzuschütteln, wozu sie in unzähligen, von den Parteibehörden absegneten Aufrufen von „Bürgern der deutschen Republik“ aufgefordert worden waren. Im Juli und August setzte die deutsche Armee ihren Vormarsch fort und eroberte mehr und mehr sowjetisches Territorium. Allmählich näherte sich die Front der Wolga. Es wurde klar, dass die besagte Gegenpropaganda ins Leere gelaufen war. Die primitiven Ansätze der Stalinschen Ideologen griffen nicht, das betraf auch die Nutzung der deutschen Autonomie an der Wolga als „Schaufenster des Sozialismus“.

Darüber hinaus fanden sich in den Berichten der Parteiorgane und der Sicherheitsbehörden aus der ASSR der Wolgadeutschen an I. Stalin und L. Beria Informationen über „antisowjetische“, „schädliche“ und „faschistische“ Äußerungen einzelner Personen. Das versetzte die Sowjetführer in helle Aufregung. Sofort erinnerte man sich an die allgemeine Illoyalität der ethnischen Deutschen gegenüber der bolschewistischen Macht, die gerade in den zurückliegenden Jahren offensichtlich geworden war.

Die Deutschen, traditionell vielen Werten der westeuropäischen Zivilisation verpflichtet, gehörten zu den Völkern unseres Landes, deren Anpassung an die von den Bolschewisten geschaffene Gesellschaftsordnung am schwierigsten verlief und am längsten dauerte. Die Besonderheiten ihrer Mentalität führten etwa zu einer deutlich negativen Reaktion auf bolschewistische Experimente und zu hartnäckigem Widerstand gegen Versuche, sie ihrer traditionellen Lebensweise zu berauben. Entsprechend empfindlich waren die Sanktionen seitens des Regimes.

Eckpfeiler des Lebens der Wolgadeutschen waren traditionell das Eigentum, die Kirche und die Schule. Wie Untersuchungen verschiede-

« Es war im Juni

Es war im Juni,
im Juni.
Hell strahlte der Morgenstern.
Wir schauten uns tief in die Augen
und hatten einander so gern.

Die Wiesen und Wälder blühten.
So sollte es immer sein!
Der junge Sommer war gütig,
die Zukunft war dein und war mein.

Es war im Juni,
im Juni.
Uns lockte die blaue Welt.
Wir lauschten dem Lerchengetriller
noch über dem wogenden Feld.

Ob wir wohl die Kälte ahnten,
der Stürme Toben und Grolln.
Verfolgungen und Verleumdung,
als „Feind“ isoliert und verscholln...

Es war im Juni,
im Juni,
am zweiundzwanzigsten Tag –
da wurde die Erde erschüttert
von tollem Geschützfeuerschlag... »

Rosa Pflug

Rosa Pflug

Russlanddeutsche Lyrikerin, Übersetzerin, Prosaschriftstellerin, geb. 1919 im Dorf Antonowka, Gebiet Saratow. Während des Krieges kam sie in die Trudarmee im Gebiet Archangelsk. Seit 1950 lebte in Kasachstan. Heute lebt in Berlin.

Основополагающими
жизненными ценностями
поволжских немцев
традиционно являлись
собственность, церковь,
школа.

Основополагающими жизненными ценностями поволжских немцев традиционно являлись собственность, церковь, школа. Как показали исследования многих авторов, именно по этим направлениям оказывалось наиболее ожесточенное сопротивление политике режима, направленной на слом традиционных устоев жизни, и навязыванию немцам сомнительных с их точки зрения ценностей сталинского социализма³. Достаточно парадоксальным выглядит полученный в результате ряда исследований вывод, что борьба за

сохранение и развитие своей государственности хотя и имела место, однако в приоритете ценностей оказалась далеко не на первом месте⁴. С одной стороны, это вызывалось пониманием значительной частью населения эфемерности своих автономных государственных прав, «дарованных» большевистским социализмом; такое понимание опиралось на

многочисленные конкретные факты повседневной жизни. С другой стороны, здесь явно сказывается отсутствие традиций жизни поволжских немцев в условиях своей государственности.

Важная особенность борьбы поволжских немцев с властью за сохранение своей идентичности и традиционных устоев жизни заключалась в том, что, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов и попадая в связи с этим в тяжелое положение, они пытались найти выход из него, используя некоторые свои объективные специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами страны (стремление вернуться на историческую родину, апелляция за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым за рубеж, получение материальной по-

ner Autoren gezeigt haben, wurde der größte Widerstand durch Maßnahmen des Regimes hervorgerufen, die auf einen Bruch mit der traditionellen Lebensweise hinausliefen und den Deutschen aus ihrer Sicht zweifelhaftes Wertvorstellungen des Stalinschen Sozialismus aufzwingen. Geradezu paradox klingt in diesem Zusammenhang die Erkenntnis von Forschern, dass der Kampf für die Bewahrung und Entwicklung ihrer Eigenständigkeit, obwohl es ihn gegeben hat, nicht zur Priorität der Wertvorstellungen der Deutschen zählte, zumindest nicht auf den vorderen Plätzen zu finden war⁴. Das hing einerseits mit der Skepsis zusammen, mit der ein Großteil der Bevölkerung die vom bolschewistischen Sozialismus „geschenkten“ Autonomierechte betrachtete. Dazu trugen unzählige konkrete Fakten aus dem täglichen Leben bei. Andererseits äußerte sich darin auch die fehlende Tradition eines Lebens der Wolgadeutschen in ihren eigenen Grenzen.

Eine wichtige Besonderheit des Kampfes der Wolgadeutschen mit den Machthabern um die Bewahrung ihrer Identität und traditionellen Lebensweise bestand darin, dass sie, wie auch andere Völker unseres Staates Opfer sozialistischer Experimente und dadurch in eine schwierige Lage gebracht, ihrerseits versuchten, einen Ausweg zu finden, indem sie sich auf einige objektive Möglichkeiten einer Volksgruppe mit historischen Wurzeln im Ausland stützten: das Bemühen um Rückkehr in die historische Heimat, Hilfsappelle an die emigrierten Verwandten und Bekannten im Ausland, den Erhalt materieller Hilfe und moralischer Unterstützung aus dem Ausland und dergleichen mehr. Auf diese Art und Weise erhielt der innere soziale Konflikt eine internationale Dimension. Das deutlichste Beispiel dafür waren die „Hungerbriefe“ von Russlanddeutschen nach Deutschland im Jahre 1933 und die von dort geleistete materielle Hilfe.⁵

Die sowjetische Führung reagierte auf solche Initiativen „ihrer“ Deutschen erwartungsgemäß äußerst negativ, da damit das bolschewistische Regime vor der Weltgemeinschaft diskreditiert und die wahre Lage im „Arbeiter- und Bauernstaat“ aufgedeckt wurde, was die Beziehungen zwischen der Sowjetunion, Deutschland und anderen Staaten

Эммануил Акст

Эммануил Акст
и Фердере Роза. 1956.

Не знаю, знал ли мой отец, Акст Эммануил, кто был тот первый Акст, который поселился в колонии Иост Кукуйского района Саратовской области. Не я одна схожусь на том, что это был Акст Николаус, мясник из Нижней Саксонии, который в 1767 г. с женой Елизаветой покинул Германию в надежде обрести лучшую долю в России. Практически через полтора столетия, 23 июня 1925 г. в семье Егора (Георгия) Акста и Анны (в девичестве Рудольф) родился мой отец. Примечательно, что ему удалось завершить круг и вернуться в 1995 г. туда, откуда прибыл наш предок. В Нижней Саксонии в городе Эмдене на старом лютеранском кладбище есть надгробие с именем моего отца и датой его кончины – 13.07.2002. И только там наконец-то он стал Эммануилом, как и был назван при рождении, а не Эмануилом, как писали во всех официальных документах благодаря какой-то малограмотной тетеньке. Правда, на моей памяти все окружающие звали его Володей, не знаю, кто, когда и почему его так назвал. И только родные всегда его называли Манль.

В 1930 г. родиной для моего отца стала Архангельская область, куда сослали семью вместе с другими раскулаченными немцами. На Волге три семьи, одна из которых – моего деда, на паях имели мельницу. Видимо, она кому-то понадобилась, ее и забрали, а людей сослали.

Там, на Севере, дети раскулаченных могли тоже учиться наравне с детьми местных жителей. Учеба для моего отца не была проблемой. Математику он сдавал на «отлично», с русским языком тоже подружился, в отличие от других детей из немецких семей. И хотя местные дети также имели проблемы с русской грамматикой,

летали через весь проход между партами только тетради, испещренные красными чернилами, детей-немцев.

Жизнь, вроде, потихоньку стала налаживаться, отец мечтал водить пароходы по реке Северная Двина, но 1941 г. внес свои коррективы, вернее, он сломал жизнь. В трудармию мобилизовывали от 15 лет. Бабушка, пытаясь как-то спасти сына, спрятала его свидетельство о рождении, которое мы нашли только после ее смерти в 1973 г. Так, в 1942 г. у отца поменялась дата рождения с 23.06.1925 на 23.02.1927 г., но это его не спасло от мобилизации, и он вместе со всеми односельчанами призывного возраста попал на шахту №20 в Копейске Челябинской области. Старшую сестру Лидию отправили в Бугуруслан Оренбургской области, где она неожиданно встретилась со старшим братом Александром, который на момент начала Великой Отечественной войны находился на срочной службе в армии: потом всех оттуда изъяли и направили в трудовые лагеря. Родители отца остались на Севере и долгое время не знали, что с детьми.

Так в 1942 г. мой отец обрел очередную родину не по своей воле. Рассказывал ли он, как тяжело было в те годы? Нет. Думаю, он нас, детей, просто щадил. Если сложить обрывки фраз из его воспоминаний со сказанным вполголоса такими же, как он, трудармейцами, то было всё: голод, холод, смерть. Замороженные трупы, которые сначала складировали, как брёвна, а потом вывозили на санях и сваливали в общие ямы, – это видел мой отец своими глазами. Услышав однажды это, я не могла поверить. И только книга Генриха Вольтера «Зона полного покоя» все расставила по местам...

Из воспоминаний дочери Эммануила Акста Анны Акст (Шейнарт)

мощи и моральной поддержки из-за границы и т. д.). Таким образом внутренний социальный конфликт выносился немцами на международный уровень. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим отмеченное, являются «голодные письма» российских немцев в Германию в 1933 г. и получение ими оттуда материальной помощи⁵.

Понятно, что на такие попытки «своих» немцев советское руководство реагировало крайне негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, т. е. «играли на руку мировому империализму». Отсюда – жесткие репрессивные кампании против «фашистов и их пособников», «немецкого национализма» и т. п., принявшие особый размах после прихода к власти в Германии нацистов (1934–1938 гг.)⁶.

К концу 1930-х гг. советскому руководству, несмотря на сопротивление, удалось отобрать у немцев собственность (в ходе коллективизации), заменить традиционную школу на советскую, ликвидировать церковь и резко ограничить религиозную жизнь, сделав ее фактически нелегальной. Жестоко пострадала и национальная культура, тесно связанная с религией. Тем самым (несмотря на сохранение определенных условий для существования и развития языка) были подрублены традиционные устои жизни этноса, часть этнических немцев, особенно молодежь, стала разделять новые «социалистические» ценности. Таким образом был осуществлен серьезный шаг на пути к ликвидации национальной самобытности этноса, утере его идентичности.

Вместе с тем сопротивление поволжских немцев режиму закрепило за ними у советского руководства стойкий имидж нелояльного социализму и власти народа. Вряд ли стоит сомневаться, что это сыграло не последнюю роль при принятии решения о депортации немцев из Поволжья в 1941 г.

erschwerte und „dem Weltimperialismus in die Hände spielte“. Daraus erwuchs auch die Verfolgung von „Faschisten und deren Helfershelfern“, dem „deutschen Nationalismus“ etc., speziell nach dem Machtantritt der Nazis in Deutschland (1934–1938).⁶

Bis zum Ende der 30er Jahre war es der sowjetischen Führung ungeachtet aller Widerstände gelungen, die Deutschen im Rahmen der Kollektivierung zu enteignen, die traditionelle Schule durch eine sowjetische zu ersetzen, die Kirche zu liquidieren und das religiöse Leben erheblich einzuschränken, es faktisch in die Illegalität abzudrängen. Das hatte auch für die nationale Kultur, die eng mit der Religion verflochten war, dramatische Folgen. Damit war – ungeachtet der Bewahrung einzelner Voraussetzungen für die Existenz und Entwicklung der Sprache – der traditionellen Lebensweise der Volksgruppe die Grundlage entzogen. Ein Teil der ethnischen Deutschen, vor allem unter den Jugendlichen, begann die neuen, „sozialistischen“ Werte zu teilen. So vollzog sich schrittweise die Liquidierung der nationalen Identität der Volksgruppe, der Verlust ihrer Identität.

Gleichzeitig festigte der Widerstand der Wolgadeutschen gegen das Regime bei der sowjetischen Führung deren Ruf als ein dem Sozialismus und der Führung illoyal gegenüberstehendes Volk. Es darf angenommen werden, dass dies eine wesentliche Rolle bei der Entscheidung von 1941 über die Deportation der Deutschen aus dem Wolgabiet gespielt hat.

Nach Beginn des Krieges und insbesondere nach den ersten schweren Niederlagen, die den Verlust riesiger Territorien mit sich brachten, schien der sowjetischen Führung und auch persönlich Stalin die Existenz einer „deutschen fünften Kolonne“ in der UdSSR zunehmend real und gefährlich. Hierbei bildeten die sowjetischen Führer keine Ausnahme. 1941 nahmen derartige Befürchtungen, die durchaus ihre Grundlage hatte, internationalen Charakter an. Der prodeutsche faschistische Putsch 1934 in Österreich, die Entstehung von deutschen Vereinigungen unter dem Zeichen des Hakenkreuzes in praktisch allen Staaten Europas und sogar auf der anderen Seite des Atlantiks (etwa

В Советском Союзе немецкие органы разведки не смогли опереться на помощь немецкого национального меньшинства, так как оно проживало в таких глубинных районах России, что наладить с ним связи оказалось невозможным. Кроме того, некоторые немцы, особенно молодежь, сочувствовали коммунизму...

Нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. До сих пор не опубликовано никаких документов, подтверждающих выдвигаемые против немцев Поволжья обвинения...

Среди обнародованных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволил бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи.¹⁰

Луи де Ионг

«Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне»

In der Sowjetunion gelang es den deutschen Spionagebehörden nicht, sich der Hilfe der deutschen nationalen Minderheit zu versichern, da diese in solch abgelegenen Regionen Russlands lebte, dass es sich als unmöglich erwies, mit ihnen in Kontakt zu treten. Darüber hinaus waren einige Deutsche, insbesondere jüngere Menschen, Anhänger des Kommunismus ...

Es gibt keine Fakten, die beweisen würden, dass einheimische Deutsche, sei es in der Ukraine oder an der Wolga, die russischen Armeen aus dem Hinterland heraus angegriffen oder sich mit der geheimen Vorbereitung von derartigen Schlägen beschäftigt hätten. Bis heute sind keinerlei Dokumente veröffentlicht worden, die solche Anschuldigungen gegen die Wolgadeutschen bestätigen würden...

Unter den veröffentlichten deutschen Archivadokumenten gibt es nicht ein einziges, das die Schlussfolgerung zulassen würde, dass zwischen dem Dritten Reich und den am Dnjepr, am Schwarzen Meer, am Don oder im Wolga-Gebiet lebenden Deutschen irgendwelche geheimen Verbindungen bestanden hätten.¹⁰

Louis de Jong

„Die deutsche fünfte Kolonne im Zweiten Weltkrieg“

С началом войны и особенно после первых серьезных поражений, повлекших за собой потерю огромных территорий, в сознании советского руководства и лично И.В. Сталина все более реальным и грозным стал представляться образ немецкой «пятой колонны» в СССР. И здесь советские руководители не были исключением. К 1941 г. такой страх, имевший определенные основания, принял международный характер. Прогерманский фашистский путч 1934 г. в Австрии, возникновение немецких объединений под знаком свастики практически во всех странах Европы и даже за океаном (особенно в Бразилии), очевидные связи национал-социалистических ассоциаций с Берлином, их агрессивные выступления в Саарской области, Судетах, Мемеле (Клайпеде) – все это уже задолго до начала войны интенсивно формировало атмосферу недоверия и настороженности по отношению к местным немцам, которых берлинские власти именовали «фольксдойч».

Известный исследователь немецкой «пятой колонны» времен Второй мировой войны Л. де Ионг писал: «Знак свастики всюду был притягательным для лиц немецкого происхождения... Третий рейх, словно магнит, притягивал к себе немцев, разбросанных по всему миру»⁷.

Страх перед «пятой колонной» в ряде стран превращался в антинемецкую истерию (кстати, такая же истерия имела место в России в годы Первой мировой войны⁸). Особенно широкий размах она имела в Польше, Бельгии, Франции. Руководство многих стран принимало огульные репрессивные меры в отношении населения, этнически родственного противнику. Практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. В Соединенных Штатах Америки на весь период войны были интернированы японцы⁹.

Однако тот же Л. де Ионг особо отметил, что исключением были советские немцы. Он писал, что нет архивных документов,

in Brasilien), die offensichtlichen Kontakte der nationalsozialistischen Assoziationen nach Berlin, deren aggressive Auftritte in der Saar-Region, in den Sudeten und im Memelland (Klaipeda) – all dies führte schon lange vor Kriegsbeginn zu einer Atmosphäre starken Misstrauens. Man ging zu den einheimischen Deutschen, die von den Berliner Stellen als „Volksdeutsche“ bezeichnet wurden, auf Distanz.

L. de Jong, bekannt für seine Forschungen zum Thema der „deutschen fünften Kolonne“ während des Zweiten Weltkriegs, schrieb: „Das Hakenkreuzzeichen war überall anziehend für Menschen deutscher Herkunft ... Das Dritte Reich, ein wahrer Magnet, zog die Deutschen an, die auf der ganzen Welt zerstreut gewesen sind.“⁷

Die Angst vor der „fünften Kolonne“ wuchs sich in einer Reihe von Staaten zu einer antideutschen Hysterie aus, wie es sie übrigens in Russland schon während des Ersten Weltkriegs gegeben hatte⁸. Besonders große Ausmaße nahm diese Hysterie in Polen, Belgien und Frankreich an. Viele Staatsführer griffen zu fragwürdigen Unterdrückungsmaßnahmen gegenüber der Bevölkerung, die ethnisch mit dem Feind verwandt war. Deportationen und Internierungen wurden gegenüber den Deutschen in fast allen Staaten, die unter dem Weltmachtstreben Deutschlands zu leiden hatten, angewandt. In den Vereinigten Staaten von Amerika wurden während des gesamten Kriegszeitraums Japaner interniert.⁹

Allerdings hat der bereits erwähnte L. de Jong in seinem Buch besonders hervorgehoben, dass die Sowjetdeutschen eine Ausnahme gewesen seien. Ich möchte hinzufügen, dass derartige Dokumente auch später nicht gefunden worden sind. Heute kann mit Bestimmtheit

Die Angst vor der „fünften Kolonne“ wuchs sich in einer Reihe von Staaten zu einer antideutschen Hysterie aus, wie es sie übrigens in Russland schon während des Ersten Weltkriegs gegeben hatte.

Фрида Фольц

«
Моя бабушка, Фрида Иоганновна, жила в деревне Сухая Речка, что в Кемеровском районе. Маленькой я часто приезжала к ней в гости. С тех приездов у меня в памяти хранится ее «сказка».
«Давно это было, когда началась война. Гитлер говорит Сталину:
– Я быстро захвачу тебя, у меня есть свои люди в твоей стране, и они помогут мне победить, потому что они немцы, хоть и поволжские.
Сталин сначала рассердился на эти слова, а потом придумал, как перехитрить Гитлера. Он приказал немедленно собрать всех немцев, что жили на Волге, и расселить их в разные стороны, чтобы Гитлер не думал, что мы ему опора. С тех пор мы и живем здесь, в Сибири, а дядя Густав в Казахстане».
Моя милая бабулечка в такой наивной форме рассказывала мне о трагедии целого народа, как свойственно всем пожилым людям, никого не осуждая и все прощая.

подтверждающих, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днепре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи¹⁰.

Добавим, что такие документы не были обнаружены и в более поздние годы. Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что данных о каком-либо сотрудничестве советских немцев с фашистской Германией не имела и советская контрразведка. В том, что такое сотрудничество не состоялось, определенную положительную роль сыграли факторы большевистской диктатуры: сильная идеологизированность советского общества, где немцы, в частности, не являлись исключением; интернационализм как элемент официальной советской политики; тотальный контроль коммунистического государства за всеми сторонами жизни каждого отдельного человека; наличие мощного и разветвленного полицейско-карательного аппарата, непрерывно выискивавшего и жестоко каравшего «врагов народа».

Тем не менее, в ходе боев и последующей оккупации Причерноморья и некоторых других регионов отдельные факты поддержки этническими немцами оккупантов, их сотрудничества с оккупационными властями в установлении «нового порядка» имели место¹¹, о них информировалось и советское руководство. В этой связи особое внимание обращает на себя информация, содержащаяся в донесении командования Южного фронта Верховному главнокомандующему И.В. Сталину и Главкому Южного направления С.М. Буденному от 3 августа 1941 г.:

«1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам.

Установлено также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью.

На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением.

2. Просим дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов.

gesagt werden, dass selbst die sowjetische Abwehr keinerlei Erkenntnisse über eine Zusammenarbeit zwischen Sowjetdeutschen und dem faschistischen Deutschland hatte. Dass eine derartige Zusammenarbeit nicht stattfand, dafür spielten Faktoren der bolschewistischen Diktatur eine gewisse begünstigende Rolle: die ausgeprägte Ideologisierung der sowjetischen Gesellschaft, der auch die Deutschen unterworfen waren, der Internationalismus als Element der offiziellen sowjetischen Politik, die totale Kontrolle des kommunistischen Staates über alle Lebensbereiche jedes Einzelnen, die Existenz eines allmächtigen und weitverzweigten Polizei- und Justizapparats, der ständig auf der Suche nach „Feinden des Volkes“ war und diese hart bestrafte.

Gleichwohl kam es im Verlauf der Kampfhandlungen und während der darauffolgenden Okkupation der Schwarzmeer-Region mancherorts zu vereinzelter Unterstützung der Besatzer durch ethnische Deutsche. Diese Zusammenarbeit mit den Besatzungsmächten bei der Errichtung einer „neuen Ordnung“ gab es¹¹, darüber war auch die sowjetische Führung informiert. In diesem Zusammenhang ist eine Information von besonderer Bedeutung, die in einem Bericht des Oberkommandos der Südfront an den Oberkommandierenden Stalin und den Oberkommandierenden des südlichen Militär-raums, Budjonny, vom 3. August 1941 enthalten ist:

„1. Kampfhandlungen am Dnjestr haben gezeigt, dass die deutsche Bevölkerung aus Fenstern und Gärten auf unsere abziehenden Streitkräfte schießt. Es konnte festgestellt werden, dass die vorrückenden deutschen faschistischen Truppen in einem deutschen Dorf am 1. August 1941 mit Brot und Salz begrüßt wurden. Im Einzugsbereich der Südfront gibt es eine Menge von Dörfern mit deutscher Bevölkerung.

2. Wir bitten darum, den örtlichen Behörden Weisung zu erteilen, die unzuverlässigen Elemente umgehend auszusiedeln.“ Unterschriften von Tjulenew, Saporojets, Romanow.

Der aufschlussreiche Vermerk von Stalin auf diesem Papier (dem Ausdruck eines dechiffrierten Telegramms) lautet: „Genosse Beria, fortjagen muss man sie. I. St.“¹² Es ist klar, dass eine solch harte und

Людмила Гизингер

Люся Гизингер (вторая
справа). Детский сад.
Саратов. 1939.

« Все рухнуло враз, когда началась война. Помню огромные очереди за продуктами, в которых толкались мы с мамой, а папа тем временем пытался продать мебель. Однажды ночью «воронок» привез нас на вокзал, и какие-то дяденьки зачихали нас в товарный поезд. Я не понимала, почему мои подружки остаются, а нам надо уезжать. Думала, что все взрослые просто дураки. После долгой езды в ужасном вагоне выгрузили на станции Есино в Новосибирской области. Трое суток жили под крышей из простыней, а был конец сентября. Крестьянские подводы развозили ссыльных по окрестным селам, но нас никто не хотел брать, так как из мужиков был только папа, а с ним четыре женщины и два ребенка. Наконец уехали в маленькую деревню Каменушка Искитимского района. Я пошла в первый класс деревенской школы-четырёхлетки. Белая ворона и по одежке, и по разговору. Помню, как дочка председателя колхоза, который пришел с фронта инвалидом, наступала на меня, крича: «Тебя Гитлер прислал наших отцов убивать?» »

Из воспоминаний Людмилы Виллибальдовны Бяндиной-Гизингер, депортированной из Саратова в Новосибирскую область.

Подписи Тюленев, Запорожец, Романов».

Примечательна резолюция И.В. Сталина на этом документе (бланке шифротелеграммы): «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И.Ст.»¹²... Ясно, что такое эмоционально-жесткое указание вождя и руководителя государства в условиях чрезвычайной ситуации не могло быть не исполнено.

Представляется, что приведенные донесение и резолюция на нем стали тем окончательным импульсом, который подвиг советское руководство на практическое осуществление депортации немцев.

Это была характерная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом неизбежные негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей – жертв этой акции – в расчет не принимались. Так большевистская власть многократно поступала и раньше¹³, однако на этот раз масштабы проводимой акции оказались беспрецедентными.

Подготовка к депортации.

Депортационное законотворчество власти

Длительное время из-за отсутствия доступа к закрытым архивным фондам считалось, что единственным документом, на основании которого было осуществлено выселение немцев Поволжья, является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Однако любой специалист, хорошо знакомый с большевистско-советской системой законотворчества, знает, что первоначальные решения по любому вопросу жизнедеятельности государства и общества принимали партийные органы, и лишь затем они «оформлялись в советском порядке», т. е.

эмоциональная Weisung des Führers und Staatsoberhauptes in einer außergewöhnlichen Situation unverzüglich umgesetzt werden musste.

Man kann davon ausgehen, dass die ihnen zugeleiteten Informationen und Meinungen der abschließende Impuls waren, der die sowjetische Führung zur realen Deportation der Deutschen bewegte.

Dies war eine für das Stalinsche Regime charakteristische Maßnahme der Überversicherung, die aus Sicht der strategischen Interessen des Staates und der Mächtigen gerechtfertigt schien. Die unvermeidlichen negativen Folgen für Tausende konkrete Schicksale – die Opfer dieser Aktion – fielen nicht ins Gewicht. So war die bolschewistische Spitze wiederholt schon früher vorgegangen¹³, allerdings erwies sich der Maßstab der Maßnahmen diesmal als ohne jegliches Beispiel.

Die Vorbereitung der Deportation.

Das Gesetzgebungsverfahren der (All-)Mächtigen für die Deportation

Lange Zeit war aufgrund des fehlenden Zugangs zu den geschlossenen Archiven davon ausgegangen worden, dass das einzige Dokument, auf das sich die Aussiedlung der Wolgadeutschen stützte, der Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 28. August 1941 „Über die Umsiedlung der Deutschen, die in den Wolgarayons „Wohnen“ war. Doch Fachleute, die mit dem bolschewistisch-sowjetischen System der Gesetzgebung vertraut sind, wissen, dass die Ausgangsentscheidung zu einer jeden für Staat und Gesellschaft substanziellen Frage von Parteistellen getroffen und erst danach auf sowjetische Art und Weise „ausgefertigt“ wurde, das heißt den Charakter eines Beschlusses auf Staatsebene annahm. Demzufolge wurde eine derart weitreichende Entscheidung wie die Deportation von Hunderttausenden Menschen aus dem Wolga-Gebiet zunächst vom höchsten Parteigremium, das zu jener Zeit die reale Führung des Landes ausübte, dem Politbüro des ZK der WKP (B), getroffen. Und so war es dann auch. Eine der Erschei-

Konstantin Koppel

Volga am Dorf
Orlovskoje

Fern am Wolgaufer...

Fern am schönen Wolgaufer,
wo im Lenz die Tulpe blüht,
sang mir meine deutsche Mutter
einst ein leises Wiegenlied.

Dieses Land war dreißig Jahre
meines Herzens trauer Ort,
bis in Russland zwei Barbaren
trieben Raub und Völkermord.

Spät im Herbst einundvierzig,
als die Welt in Flammen stand,
jagte man die Kolonisten
fort aus ihrem Heimatland.

In Sibirien angekommen,
überfiel uns neues Weh:
Alle wolgadeutschen Männer
mußten in die Trudarmee.

Später nahm man auch die Mütter,
wenn ihr Kind drei Jahr' war alt,
mußten hohe Bäume fallen
in dem kalten Nadelwand.

Hungernd und mit Gram im Herzen
dachten an die Kinder bloß
diese Frauen, und wie Kerzen
zu erlöschen, war ihr Los.

Und verscharrt in fremde Erde
wurden sie dann ohne Sarg,
hatten endlich ausgelitten,
denn das Leben war zu arg.

Gib uns, Gott, zurück die Erde,
die uns hatte einst gehört.
Führe, guter Hirt, die Herde,
dass ihr Leid nicht länger währt.

Konstantin Koppel

им придавался характер государственного решения. Следовательно, такое важное решение, как депортация сотен тысяч людей из Поволжья, первоначально должен был принимать высший партийный орган, осуществлявший в то время реальное управление страной, – Политбюро ЦК ВКП(б). Так оно и оказалось. Разновидностью отмеченной выше системы законотворчества были совместные партийно-советские постановления. Именно в таком виде оформлялось решение о выселении немцев Поволжья.

В 1991 г. профессор Н.Ф. Бугай в одной из публикаций назвал в качестве документа, положившего начало подготовки и проведения депортации, постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060сс от 12 августа 1941 г., заметив, что оно пока не найде-

но¹⁴. К сожалению, другие исследователи депортации поволжских немцев приняли это утверждение за аксиому. Это относится и к автору настоящей статьи¹⁵. Однако проведенное нами позднее фронтальное обследование протоколов заседаний Полит-

бюро ЦК ВКП(б) и Особых папок Политбюро за 1941 г. позволяет теперь уверенно утверждать, что никакого постановления от 12 августа 1941 г. о немцах Поволжья не существовало, и вообще, в этот день, накануне и позднее, вплоть до 26 августа, вопрос о депортации поволжских немцев на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) не рассматривался.

Постановление под номером, указанным Н.Ф. Бугаем, существует, но оно от 12 сентября 1941 г. и называется «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»¹⁶. О нем речь будет идти ниже. Таким образом, ошибка в месяце принятия указанного выше по-

nungsformen der oben erwähnten Gesetzgebung war die Herausgabe gemeinsamer Beschlüsse von Partei und Sowjetregierung. Genau in einer solchen Gestalt wurde auch die Entscheidung über die Aussiedlung der Wolgadeutschen herausgegeben.

1991 hat Prof. N. F. Bugai in einer seiner Publikationen ein Dokument genannt, das, wie er schreibt, zwar nicht gefunden worden sei, aber seinerzeit den Anfang zur Vorbereitung und Umsetzung der Deportation markiert haben soll: einen Beschluss des Rates der Volkskommissare der UdSSR und des ZK vom 12. August 1941, Nr. 2060 cc.¹⁴ Leider haben andere Wissenschaftler, die zur Deportation der Wolgadeutschen forschen, diese Angaben als gegeben betrachtet. Hierzu zählt auch der Autor dieses Artikels.¹⁵ Inzwischen kann allerdings mit Gewissheit festgestellt werden, dass es keinerlei Beschluss vom 12. August 1941 über die Wolgadeutschen gegeben hat und dass darüber hinaus weder an diesem Tag noch davor oder danach bis zum 26. August die Frage der Deportierung der Wolgadeutschen auf den Sitzungen des Politbüros Erwähnung fand. Das hat eine Untersuchung der Protokolle der Politbürositzungen und der Sonderordner des Politbüros für das Jahr 1941 gezeigt.

Ein Beschluss mit der Nummer, die Prof. Bugai erwähnt hat, existiert, allerdings ist er auf den 12. September 1941 datiert und trägt den Titel „Über die Ansiedlung von Wolgadeutschen in Kasachstan“.¹⁶ Darauf werden wir später noch einmal zurückkommen. Somit hat ein Fehler hinsichtlich des Monats der Beschlussfassung zu dem oben genannten Dokument und die Unkenntnis über den Inhalt dieses Dokuments zu einer erheblichen Verwirrung um den Mechanismus der Vorbereitung und Durchführung der Deportation geführt.

Das erste Dokument, welches das Schicksal der Republik der Wolgadeutschen besiegelte, war mithin der Beschluss des Rates der Volkskommissare der UdSSR und des ZK vom 26. August 1941 „Über die Umsiedlung der Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen, den Verwaltungsgebieten Saratow und Stalingrad in andere Regionen und Verwaltungsgebiete“.¹⁷

Вплоть до 26 августа вопрос о депортации поволжских немцев на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) не рассматривался.

« В мае 1939 г. Иосиф Вебер был назначен на должность исполняющего обязанности председателя горсовета г. Бальцера, а в январе 1940 г. переведен на работу при Бальцеровском кантсовете заведующим сектором по кадрам. В мае 1941 г. переведен на должность заведующим кантторготделом при горисполкоме, а в сентябре уволен на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. За два месяца до выселения в городе расквартировали армейскую часть НКВД, под присмотром которой должно было производиться выселение немецкого народа. Иосиф Вебер в силу своей должности узнал о выселении «по большому секрету» за две недели. За это время он успел оформить передачу дома государству и начал подготовку к выезду. В спешном порядке резали скот, забивали птицу, варили, жарили, консервировали мясо, делали колбасу. К этому времени в дом подселили эвакуированную еврейскую семью Шварцплат, которая в этом доме и осталась жить. Собирали самое необходимое и складывали все в сундук. Мария взяла с собой швейную машинку, а Иосиф – взял свою двустволку, так как уже знал, что местом поселения будет Сибирь. В один из сентябрьских дней 1941 г. всех погрузили на подводы и повезли в село Ахмат на Волге. Оттуда пароходом по реке до пристани Увен, а дальше по железной дороге ехали месяц до Бийска (эшелон № 887 от 14 сентября 1941 г.). По дороге поезд останавливался на короткое время, чтобы люди могли набрать воды и похоронить, пусть и в спешке, умерших. Затем телячьи вагоны снова закрывали на засов и под охраной НКВД ехали дальше. Ходили слухи, что одну семью расстреляли, так как они отказались ехать. В начале октября приехали в Бийск.

Из воспоминаний семьи Вебер, проживавшей до депортации в городе Бальцер и высланной в Бийск.

Иосиф Вебер. Барнаул, 1954.

Иосиф Вебер

Слева направо: Мария Вебер, Иосиф Вебер и подружка. Бальцер. 1935.

становления и незнание его содержания внесли существенную путаницу в представления о механизме подготовки и проведения депортации.

Первым документом, поставившим крест на судьбе Республики немцев Поволжья, стало Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»¹⁷.

Некоторые историки утверждают (к сожалению, без ссылки на документы), что принятию решения о депортации немцев из Поволжья предшествовали визиты в Немреспублику в июле 1941 г. Л. Берии и В. Молотова и встреча их с партийным руководством автономии, в результате которых и был якобы сделан вывод о необходимости депортации немцев Поволжья¹⁸. Автору настоящей статьи не удалось найти документального подтверждения этим фактам. Более того, тщательный анализ документов ЦК ВКП(б), обкома ВКП(б) АССР НП периода июля-сентября 1941 г., как и документов 4-го спецотдела МВД СССР, ведавшего вопросами спецпереселений, позволяет выразить серьезные сомнения относительно того, что такой факт (визит Л. Берии и В. Молотова в АССР НП) вообще имел место.

Несомненно, что в высшем руководстве страны идея депортации немцев из Поволжья созрела раньше 26 августа, однако местным органам власти, в том числе и управлениям НКВД, до середины последней декады августа никакой информации об этом не сообщалось. Это видно хотя бы из того, что 14 августа 1941 г. нарком внутренних дел АССР НП майор госбезопасности В. Губин представил на утверждение бюро обкома ВКП(б) Немреспублики список сотрудников, рекомендовавших им на должности начальников кантональных отделов милиции, которые временно становились заместителями начальников НКВД (в связи с объединением НКВД–НКГБ). Из 19 кандидатур 11 являлись немцами. Следовательно, 14 августа майор В. Губин еще и не по-

Einige Historiker behaupten (leider jedoch ohne Verweis auf stichhaltige Quellen), der Entscheidung über die Deportation der Deutschen seien im Juli 1941 Besuche von Molotow und Beria im Wolga-Gebiet und Begegnungen mit Parteiführern der Autonomie vorausgegangen, wobei sie angeblich zu der Überzeugung von der Notwendigkeit der Umsiedlung gelangt seien.¹⁸ Dem Autor dieses Artikels ist es nicht gelungen, dokumentarische Belege dafür zu finden. Mehr noch, eine sorgfältige Analyse von Dokumenten des ZK der Partei, des Gebietskomitees der Partei für die Autonome Sozialistische Sowjetrepublik der Wolgadeutschen aus dem Zeitraum Juli bis September 1941, aber auch der Dokumente der 4. Sonderabteilung des Innenministeriums der UdSSR, die für die Sondersiedlungen zuständig war, weckt ernste Zweifel daran, dass dieser Besuch tatsächlich stattgefunden hat.

Die Idee einer Deportation der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet reifte bei der Führungsspitze des Landes mit Sicherheit schon vor dem 26. August heran, allerdings wurde den örtlichen Behörden, darunter auch den Verwaltungen des NKWD, bis Mitte der letzten Augustdekade keinerlei Information darüber zugeleitet. Dies lässt sich schon daraus ersehen, dass am 14. August 1941 der Volkskommissar für Innere Angelegenheiten der ASSR WD, W. Gubin, ein Major der Staatssicherheit, dem Büro des Gebietskomitees der Partei der ASSR WD eine Liste von Mitarbeitern vorlegte, die er als Leiter der kantonalen Abteilungen der Miliz vorschlug und damit gleichzeitig als stellvertretende Leiter des NKWD (nach Vereinigung von NKWD und NKGB). Von 19 Kandidaten waren elf Deutsche. Das heißt, dass Major Gubin am 14. August noch nichts von der bevorstehenden Deportation der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet ahnte.¹⁹ Die Aussagen einiger Verbannter, die sich zu erinnern glaubten, sie hätten schon Monate vor dem Erlass davon erfahren, sind deshalb mit Skepsis zu betrachten.²⁰

Der Beschluss des Rates der Volkskommissare und des ZK vom 26. August 1941 war außerordentlich umfangreich (6 Seiten) und

срок возврата в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)
2-ю часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО

(из О. П.)

Союзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П35/1
6 августа 1941 г.
Членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б):
т.т. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову,
Еданову, Кагановичу, Калинин, Маленкову,
Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву,
Швернику, Щербакову, *Тадисву.*

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК от 194 г.

Решение от 26.VIII.41г.

1. - О переселении немцев из республики Немцев Поволжья,
Саратовской и Сталинградской областей.
(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б)
постановляют:

1. Переселить всех немцев из республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской областей общей численностью 479.841 человек в следующие края и области:

Красноярский край	-	75.000	чел.
Алтайский край	-	95.000	"
Омская область	-	85.000	"
Новосибирская область	-	100.000	"
Казахская ССР	-	125.000	"

в том числе:

Семипалатинская область	-	18.000	"
Акмолинская область	-	25.000	"
Северо-Казахстанск. обл.	-	25.000	"
Кустанайская область	-	20.000	"
Павлодарская область	-	20.000	"
Восточно-Казахстанск. обл.	-	17.000	"

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. Предоставить НКВД СССР право привлекать к работе по переселению Наркомзем, Наркомсовхозов и Переселенческое Управление при СНК СССР в центре и их органы на местах

(см. 2 стр.)

Всё, что не вошло в текст, в том числе и копии документов, относящихся к делу, должно быть уничтожено в течение 10 дней со дня подписания настоящего решения. В случае нарушения этого срока виновные будут привлечены к ответственности. Дир. Деп. Политбюро ЦК ВКП(б) от НКВД-М.с.

Решение Политбюро
ЦК ВКП(б) о переселении
немцев Поволжья

дозревал о существовании в верхах решения о депортации немцев из Поволжья¹⁹. В этой связи вызывают сомнения воспоминания некоторых переселенцев о том, что о предстоящем переселении им было известно за несколько месяцев до опубликования указа от 28 августа²⁰.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. весьма пространно (на шести листах) и вместе с тем предельно конкретно. В первом же пункте без всяких предисловий и объяснений указано:

«1. Переселить всех немцев из Республики немцев Поволжья и из областей Саратовской и Сталинградской в следующие края и области:

Красноярский край	70 000 чел.
Алтайский край	91 000 чел.
Омская обл.	80 000 чел.
Новосибирская обл.	92 000 чел.
К(азахская) ССР	100 000 чел.
в том числе:	
Семипалатинская обл.	100 00 чел.
Акмолинская обл.	20 000 чел.
Северо-Казахстанская обл.	20 000 чел.
Кустанайская обл.	16 000 чел.
Павлодарская обл.	18 000 чел.
Восточно-Казахстанская обл.	16 000 чел.

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей»²¹.

Во втором пункте постановления руководство переселением немцев возлагалось на НКВД СССР. Ему предоставлялось право «привлекать к работе по переселению» другие наркоматы: земледелия, совхозов, а также Переселенческое управление при Совнаркоме СССР.

gleichzeitig außergewöhnlich konkret. Bereits im ersten Punkt hieß es ohne jegliches Vorwort oder Erläuterungen:

„1. Alle Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen und aus den Verwaltungsgebieten Saratow und Stalingrad sind in folgende Regionen und Verwaltungsgebiete umzusiedeln:

Region Krasnojarsk	70.000 Personen
Region Altai	91.000 Personen
Verwaltungsgebiet Omsk	80.000 Personen
Verwaltungsgebiet Nowosibirsk	92.000 Personen
Kasachische Sozialistische Sowjetrepublik	100.000 Personen
darunter:	
Verwaltungsgebiet Semipalatinsk	10.000 Personen
Verwaltungsgebiet Akmolinsk	20.000 Personen
Verwaltungsgebiet Nordkasachstan	20.000 Personen
Verwaltungsgebiet Kustanai	16.000 Personen
Verwaltungsgebiet Pawlodar	18.000 Personen
Verwaltungsgebiet Ostkasachstan	16.000 Personen

Die Umsiedlung gilt für ausnahmslos alle Deutschen, sowohl Einwohner von Städten als auch von ländlichen Gemeinden.»²¹

Im zweiten Punkt dieses Beschlusses wurde die Leitung der Umsiedlung der Deutschen dem NKWD der UdSSR übertragen, verbunden mit dem Recht, andere Behörden einzubeziehen: die Landvermessungsbehörde, die staatliche Behörde für die Staatskooperativen in der Landwirtschaft sowie die Umsiedlungsverwaltung beim Rat der Volkskommissare der UdSSR.

Ferner bestimmte dieser Beschluss den Mechanismus zur Umsiedlung, das Verfahren zur Organisation und Durchführung der einzelnen Umsiedlungsetappen, die Aufgaben der Volkskommissariate, deren Abteilungen und Behörden und der örtlichen Stellen bei der Umsetzung der Deportation der Wolgadeutschen.

Артур Карл

Республика слушала голос Левитана, затаив дыхание, может быть даже более напряженно, чем вся страна. Теперь тревога поселилась не только в сердцах стариков, страх закрадывался в души мужчин, которые не могли стать добровольцами, молодежи, которую не брали в армию. Осознавало, вероятно, возможность скорых перемен и руководство АССР НП.

Беда пришла в августе с опубликованием печально знаменитого Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Вместе с тяжелобольной тетей Марией, семья Карлов отправилась в Абакан Красноярского края. 3 сентября 1941 г., в 824-м эшелоне, в вагоне № 43 началась «полоса везения», которая, как будет считать намного позже Артур Генрихович, помогла выжить ему и его семье.

Впервые им повезло уже при формировании состава. Юный переселенец, как и его ровесники-попутчики, не мог понять: выезжали они или их вывозили. Дело в том, что эшелон сопровождали пограничные войска, а командир поезда не ставил перед собой задачи усложнить судьбу депортируемых. Еще перед отправлением он предложил избрать старост, дать слово, что побегов не будет, и оставил вагоны открытыми. А что еще более важно, выдавал положенный хлеб, предупреждал о возможной длительной остановке. Драгоценные буханки, размеченные старостой химическим карандашом, делились поровну, а на станциях при первой же возможности из домашних запасов взрослые пытались варить суп.

В дальней дороге случалось всякое: проблемы с водой, смерть соседей, но никто в вагоне Артура не роптал. Рассуждали о стратегической необходимости «эвакуации», о том, что ждало бы их, жителей центральных улиц города, представителей немецкой партийной, хозяйственной элиты, интеллигенции в случае оккупации.

Под мерный стук колес, под песни подростков о борьбе за свободу Родины, о верности ей уносил поезд советских граждан все дальше от родной Волги, разбрасывая по просторам страны.

К счастью, два вагона переселенцев прибыли в Абакан почти в полном составе, люди не падали от голода и слабости, как во многих других.

Отрывок из книги В.А. Галушка «Энгельсский миротворец» о жизни и политической деятельности Артура Генриховича Карла (1928–2004), одного из деятелей национального движения российских немцев.

Далее в постановлении определялся механизм переселения, порядок организации и проведения его основных этапов, задачи наркоматов, их отделов и ведомств, местных органов власти по осуществлению депортации немцев Поволжья.

Переселение на новые места надлежало осуществлять как путем «довселения целых колхозов в существующие колхозы и совхозы, так и путем отдельного расселения переселяемого колхоза». Для этого предписывалось использовать все пустующие дома в сельских местностях, при необходимости «уплотнять» живущих там людей. Предлагалось также производить строительство новых домов силами самих переселенцев. Городских жителей можно было поселять в районных центрах и всех городах, за исключением областных.

Переселяемым разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие, всего весом до одной тонны на семью. Принадлежавшие же им постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были оставаться на месте и сдаваться по оценочному акту специальными комиссиям. Оставленное недвижимое имущество, продовольствие и скот (кроме лошадей) подлежало «восстановлению» колхозу, колхозникам и единоличникам на новом месте по специальным обменным квитанциям, «за вычетом полного покрытия обязательств по государственным поставкам за 1941 г. и недоимок прошлых лет».

Народный комиссариат заготовок должен был принять от выселяемых хозяйств зерно, фураж и другие продовольственные культуры и компенсировать их путем выдачи «натурой» на новых местах поселения такой же сельхозпродукции, но не более трех центнеров на человека. Народным комиссариатам земледелия, молочной и мясной промышленности надлежало организовать прием и временное содержание оставляемого переселенцами скота, при этом разрешалось для ухода за скотом привлекать студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов, учащихся школ, а также,

Es wurde festgelegt, dass die Übersiedlung an neue Orte sowohl durch „Zuführung ganzer Kolchosen zu bestehenden Kolchosen und Sowchosen, aber auch durch Einzelansiedlung übergesiedelter Kolchosen“ erfolgen sollte. Dafür wurde angeordnet, alle leer stehenden Gebäude in den ländlichen Regionen zu nutzen, bei Notwendigkeit die dort lebenden Menschen zu „verdichten“. Es wurde ferner empfohlen, den Bau neuer Häuser durch die Umsiedler selbst vornehmen zu lassen. Stadtbewohner sollten in Kreis- und anderen Städten, mit Ausnahme der Gebietshauptstädte, angesiedelt werden.

Den Übersiedlern war es erlaubt, persönliche Gegenstände mitzunehmen, kleines Landwirtschafts- und Haushaltsinventar, Lebensmittel, jedoch von insgesamt nicht mehr als einer Tonne Gewicht pro Familie. Die ihnen gehörenden Gebäude, Landwirtschaftsflächen, Tier- und Futtermittel hatten an Ort und Stelle zu verbleiben und mussten mit einem Bewertungsvordruck einer speziellen Kommission übergeben werden. Immobiles Vermögen, Lebensmittel und Tiere (mit Ausnahme von Pferden) waren zur „Wiedererrichtung“ der Kolchose, für Kolchosbauern und einzelne Personen am neuen Wohnort auf Basis spezieller Umtauschquittungen bestimmt, wobei die „vollständige Abdeckung der Verpflichtungen für Ablieferungen an den Staat für das Jahr 1941 und Minderleistungen aus den vergangenen Jahren“ angerechnet wurden.

Das Volkskommissariat für den Aufkauf hatte von den überzusiedelnden Wirtschaften Getreide, Futtermittel und andere Lebensmittelkulturen entgegen zu nehmen und diese auf dem Weg der Ausgabe „in natura“ am neuen Ansiedlungsort in Gestalt von Landwirtschaftsprodukten – jedoch nicht mehr als drei Doppelzentner pro Person – bereitzustellen. Das Volkskommissariat für Landwirtschaft, Milch- und Fleischindustrie hatte die Entgegennahme und zeitweilige Bewirtschaftung des von den Umsiedlern zurückgelassenen Viehs zu organisieren, wobei für dessen Versorgung Studenten von landwirtschaftlichen Hoch- und Fachschulen, Schüler sowie auf dem Weg einer Arbeitsverpflichtung Kolchosbauern aus nahe gelegenen, nicht deutschen Kolchosen herangezogen werden durften. Eben diese Volkskommissariate hätten im Verlauf der Jahre 1941/42

Генрих Рамих.
Мы предполагаем, что фотография сделана в 1950-е гг. Она висела на доске почета в леспромхозе. Тот факт, что мои прадеды заслужили такой чести, нас, потомков, очень радует, мы гордимся ими. Всматриваясь в эти фотографии, мы видим, как бедно были одеты люди, но самое главное – как депортация изменила их судьбы.

Семья моего деда Рамих Давида Генриховича была депортирована в 1941 г. из села Розенберг Эрленбахского кантона Республики немцев Поволжья в Тюменскую область. Семья была большая, в 1941 г. уже было пять детей. Моему дедушке было четыре года. Моя прабабушка Мария Георгиевна Рамих умерла в 2002 г., ей было 94 года. Она помнила все в мельчайших подробностях до своих последних дней. Когда мне в университете надо было написать родословную семьи, я стала ее подробно расспрашивать. Это было в 1999 г. Бабушка рассказала мне следующее:

«Всех собрали в клубе, зачитали указ Сталина, не объясняя за что и почему, дали неделю на сборы. Было объявлено, что можно, а что нельзя брать с собой. Тому, кто поехал первым, повезло больше: они успели сдать скот и получить справки, чтобы на новом месте им хотя бы частично компенсировали убытки. Но таких семей, которые смогли вывезти часть имущества, оказалось мало. Через неделю всех остальных согнали вместе, брать с собой разрешили только самое необходимое. Погрузили всех и все на машины и повезли на станцию. А оттуда в товарных вагонах отправили в неизвестную Сибирь».

Первоначально семью Рамих определили на жительство в деревню Онохино Тюменского района. Но так как семья была большая, в самой деревне Онохино их не смогли устроить, поэтому направили на участок спецпоселения, который назывался Лодочка. Там они прожили пять лет. Эти годы были самыми трудными.

Генрих Рамих

«Весть о том, что в деревне Онохино привезут немцев, быстро разлетелась по деревне, – вспоминала бабушка. – Кто-то пустил слух, что они из самой Германии, что страшные, как черти, с рогами, копытами и хвостами. И когда нас выгрузили из машины, вся деревня сбежалась посмотреть. Многие немцы не понимали по-русски и от этого испытывали еще больший страх. Дети затравленно смотрели на незнакомых людей и жались к старшим. И вдруг пронесся шепот в толпе: «Так они же нестрашные! Они вовсе даже ничего».

В 1970-х гг. поездку на Волгу с целью посетить свои родные места совершили мой дедушка Давид Рамих и его отец, мой прадед Генрих Рамих. К сожалению, дома, в котором жила семья Рамих до депортации, уже не было. Он находился на окраине деревни, и когда в послевоенное время прокладывали железную дорогу, дом помешал этой ветке, и его снесли. Ну а дом, в котором жили родители моего прадеда Генриха Рамих, сделали сельсоветом или, как это сейчас называется, местной администрацией. И выбрали этот дом неслучайно. Это был немецкий дом, и этим уже многое сказано.

В свою очередь мой дед показал свои родные места моему отцу Виктору Рамих. Это было в 1989 г. К сожалению, пока нам с отцом не удалось вместе съездить в Поволжье. Но я уверена, что это обязательно произойдет, коль такова семейная традиция.

Наталья Рамих (Тюмень)

в порядке трудовой повинности, колхозников близлежащих немецких колхозов. Эти же наркоматы в местах вселения в течение 1941–1942 гг. должны были обеспечить переселяемых колхозников и колхозы скотом. Разрешалось взамен взрослого скота выдавать переселяемым молодняк с денежной компенсацией за разницу стоимости взрослого скота и молодняка.

На партийных и советских руководителей Казахстана и всех упоминавшихся в пункте 1 постановления краев и областей, куда должны были переселяться немцы, возлагалась задача организации приема переселенцев на станциях разгрузки, перевозки их до места расселения и обустройства их в городах и селах. При этом разрешалось мобилизовывать нужное количество авто- и гужевого транспорта для перевозки переселенцев.

Питание и медицинское обслуживание переселяемых в пути возлагалось соответственно на Наркомторг и Наркомздрав СССР. На проведение всей операции НКВД СССР получал аванс – 20 млн. руб. из резервного фонда Совнаркома СССР.

Пункт 17 постановления гласил: «К переселению приступить с 3 сентября 1941 г. и закончить 20 сентября 1941 г. НКВД СССР к 1 сентября представить в СНК СССР и ЦК ВКП(б) план переселения, предложения о материально-техническом обеспечении жилищного и хозяйственного строительства для переселяемых колхозов»²².

Следующий пункт постановления определял: «... перевозку переселяемых из Республики немцев Поволжья и Саратовской области произвести по железной дороге, а из Сталинградской области – водным путем через Гурьев». Соответственно, народные комиссариаты путей сообщения, морского флота и речного транспорта получили задачу произвести перевозку всех переселяемых в срок с 1 сентября по 16 октября, организовав подачу вагонов и парходов по графику, составленному совместно с НКВД²³.

В заключение постановления Совнарком РСФСР и Переселенческое управление при Совнаркоме СССР обязывались в трехдневный срок представить в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б)

die umgesiedelten Kolchosbauern und Kolchosen an den Ansiedlungsorten mit Vieh versorgen sollen. Dabei war es im Rahmen der Vorschriften, den Umsiedlern Jungtiere anstelle von erwachsenen Tieren zur Verfügung zu stellen, unter Berechnung eines entsprechenden Wertausgleichs.

Die Partei- und Sowjetfunktionäre Kasachstans und aller unter Punkt 1 genannten Regionen, in die Deutsche umgesiedelt werden sollten, wurden beauftragt, die Abholung der Umsiedler an den Ankunftsstationen, ihren Transport zum Ansiedlungsort, sowie die Unterbringung in den vorgesehenen Städten und Dörfern zu organisieren. Dafür waren sie befugt, die erforderliche Anzahl von Kfz und Gespannfahrzeugen für die Beförderung zu mobilisieren.

Die Verpflegung und medizinische Betreuung der Umsiedler während der Fahrt hatten das Volkskommissariat für Handel und das Volkskommissariat für Gesundheitswesen sicherzustellen. Für die Durchführung der gesamten Operation erhielt das NKWD einen Vorschuss in Höhe von 20.000.000 Rubel aus einem Reservefonds des Rates der Volkskommissare.

Punkt 17 des Beschlusses lautete: „Die Umsiedlung ist am 3. September 1941 zu beginnen und am 20. September 1941 zu beenden. Das NKWD hat dem Rat der Volkskommissare und dem ZK zum 1. September einen Plan für die Umsiedlung und Vorschläge hinsichtlich der materiell-technischen Sicherstellung des Wohnungs- und Wirtschaftsbaus für die umzusiedelnden Kolchosen vorzulegen.“²²

Der nächste Punkt des Beschlusses legte fest: „Die Beförderung der umzusiedelnden Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen und dem Verwaltungsgebiet Saratow hat mit der Eisenbahn zu erfolgen, aus dem Verwaltungsgebiet Stalingrad auf dem Wasserwege über Gurjew.“ Entsprechend wurde dem Volkskommissariat für Verkehr und dem Volkskommissariat für die See- und Flussschifffahrt der Auftrag erteilt, die Beförderung aller Umzusiedelnden im Zeitraum vom 1. September bis zum 16. Oktober zu gewährleisten, und für die Bereitstellung von Waggons und Lokomotiven entsprechend eines Zeitplans, der gemeinsam mit dem NKWD zu erstellen war, zu sorgen.²³

Я – Лиля Витман, родом из Саратовской области, Лизандергейского района. Родилась я в 1940 г. В 1941 г. у меня появилась сестренка Эльза. По воспоминаниям родителей, жили мы прекрасно, дружно. Отец по специальности был бухгалтер, а мама (девичья фамилия Кехтер) работала на хлебопекарне. Но семейное счастье длилось недолго. По рассказам моей тети Фриды Кехтер (она сейчас живет в Германии), произошло следующее. Мой отец прибежал с работы и сообщил, что будут эвакуировать поволжских немцев по приказу Сталина и отправлять их на место жительства в другие регионы СССР. Мама и тетя собрали необходимые вещи в дорогу. На сборы дали несколько часов. Отец предложил тете Фриде испечь хлеб, но она не умела это делать. Мама, собирая малых детей, давала ей советы, как печь хлеб. Тете с первого раза удалось его испечь, и запах того хлеба она помнит до сих пор. Тетя рассказывала, что все дети плакали, взрослые пребывали в тревоге: они не знали, что ожидает их впереди. Большинство русских людей были так расстроены, что долго бежали за машинами и махали на прощание. Жили люди очень дружно.

Нашу семью отправили в Новосибирскую область. Отца вскоре призвали в трудовую армию – в Свердловскую область. Мы увидели его с сестрой только через 30 лет. Мама много работала, мы ходили в совхозный круглосуточный детский сад. Вот почему немецкий язык с сестрой мы не знаем. Чиновники из Германии, работая над моими документами, определили, что я немецкой национальности. Но незнание родного языка становится препятствием для переезда в Германию. Чиновники твердят одно: «Должна знать язык». Мне так хочется с ними поменяться ролями, их поставить на мое место, а мне – занять их!

Когда я пошла в школу, там преподавался только английский язык. Моя мама не виновата, что я не знаю родного языка. Он был запрещен. Она старалась передать нам много хорошего, что присуще немецкой семье. Она научила меня готовить национальные блюда, добросовестно относиться к любой работе, экономно вести хозяйство в семье, уважать мужа. У меня хороший муж – Герман Рябов, который неплохо знает немецкий язык и помогает мне в его изучении.

Я посещаю нашу региональную национально-культурную автономию «Глаубен», где нас знакомят с историей, бытом, народными обычаями, традициями, обрядами, религией Германии. Занимаемся изучением родного языка. Я не унываю. Много помню и знаю о традициях российских немцев и стараюсь передать свои знания молодежи.

Воспоминания Лилии Рябовой (Витман). Лилия Альбертовна проживает сегодня в Кинешме Ивановской области, руководит региональной немецкой национально-культурной автономией «Глаубен».

Лиля Витман

предложения о порядке использования остающегося после переселения немцев из Поволжья имущества «в целях расселения колхозников, эвакуируемых из фронтовой полосы»²⁴.

В качестве приложения к постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа ведомством Л. Берии были разработаны и утверждены высшими партийным и советским исполнительными органами «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»²⁵ и «План переселения жителей немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей»²⁶. Эти документы, во многом повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в ряде моментов уточняли и конкретизировали его.

Инструкция, в частности, определяла:

непосредственное проведение операции по переселению возлагается на оперативные группы сотрудников НКВД и милиции, подчиненные ответственному руководителю операции по району (представитель НКВД СССР). К оперативным группам придаются специальные войсковые подразделения. Руководитель операции по району создает из выделенных ему сотрудников оперативные группы соответственно количеству колхозов и населения в районе; оперативные группы приступают к подготовительной работе по переселению (составлению списков переселяемых, сбору и упаковке вещей, приему имущества, остающегося на хранение представителям местных советов трудящихся) одновременно – 30 августа 1941 г.;

начальники оперативных групп районов за три дня до отправки переселяемых передают представителям местных органов власти, привлекаемым к проведению операции, списки лиц, подлежащих переселению, для объявления переселяемым под расписку и предупреждение о подготовке к отправке. Извещение об этом должно быть произведено каждой переселяемой семье в отдельности. Сбор всякого рода собраний и коллективное обсуж-

In den Schlussbestimmungen wurden der Rat der Volkskommissare der RSFSR und die Übersiedlungsverwaltung beim Rat der Volkskommissare der UdSSR verpflichtet, dem Rat der Volkskommissare der UdSSR und dem ZK innerhalb von drei Tagen Vorschläge zu unterbreiten, wie das von den deutschen Übersiedlern aus dem Wolgagebiet zurückgelassene Vermögen „zum Zwecke der Ansiedlung von Kolchosbauern, die aus dem Frontbereich evakuiert worden sind“ einzusetzen wäre.²⁴

Als Anlage zu diesem Beschluss des Rates der Volkskommissare und des ZK vom 26. August wurde durch die Behörde von Beria eine „Instruktion über die Durchführung der Umsiedlung von Deutschen aus der ASSR der Wolgadeutschen, den Verwaltungsgebieten Saratow und Stalingrad“²⁵ ausgearbeitet und durch die höchsten Partei- und Staatsorgane bestätigt. Ferner entwickelte diese Behörde einen „Plan zur Umsiedlung der Bewohner deutscher Nationalität aus der Republik der Wolgadeutschen, aus den Verwaltungsgebieten Stalingrad und Saratow“.²⁶ Diese Dokumente, die in vielerlei Hinsicht den Beschluss des Rates der Volkskommissare und des ZK wiederholten, konkretisierten und bauten diesen in einer Reihe von Fragen aus.

So legte die „Instruktion“ unter anderem fest:

– Die unmittelbare Durchführung der Operation zur Übersiedlung wird auf operative Gruppen von Mitarbeitern des NKWD und der Miliz übertragen, die dem verantwortlichen Leiter der Operation für den jeweiligen Landkreis (Vertreter des NKWD der UdSSR) unterstellt sind. Den operativen Gruppen werden spezielle Truppenteile zugeteilt. Der Leiter der Operation für den jeweiligen Landkreis hat aus den ihm zugeteilten Mitarbeitern operative Gruppen entsprechend der Zahl der Kolchosen und der Anzahl der in den Rayons wohnenden Bevölkerung zu bilden.

– Die operativen Gruppen haben mit der Vorbereitungsarbeit hinsichtlich der Übersiedlung (Erstellung einer Personenliste der Umsiedler, Erfassung und Verpackung von Gegenständen, Entgegennahme von Vermögenswerten, die zur Aufbewahrung an die Vertreter der ört-

Софья Лоос

Софья Лоос с дочерью

«Нас выселяют...», – сказала мама дрожащим голосом. Глаза ее потускнели, а лицо стало бледным. «Бегите в поле к отцу, скажите, чтобы шел домой», – тихо прошептала она. Так начала свой рассказ Софья Ивановна Лоос. Замечательная женщина, мама, бабушка. Человек большой души, очень трудолюбивая, порядочная и справедливая. Ей выпала тяжелая доля. Но Софья Ивановна смотрит на мир добрыми глазами. Она вспоминает свое детство, юность, и мы вместе с ней уносимся в тот далекий 1941-й.

«Почему они такие грустные? Ведь мы куда-то едем!» – твердила я. Тогда я еще не знала, какие трудности нас ждут впереди. Переезд длился больше месяца. Условия были ужасными, холод, голод. Дети и немощные старики умирали в дороге. Но, как оказалось, это еще не самое страшное. Когда мы немного обосновались в землянках, которые сами и рыли в студеную зиму 1941–1942 гг., грянула новая беда. Всех мужчин от 18 до 50 лет стали забирать в трудовую армию. А потом и женщин, начиная с 16 лет».

Софию Ивановну отправили в трудовую армию в Сызрань. «Поселили нас в грязных и холодных конюшнях. Работали на нефтепромысле, очищали дороги от снега. Рабочий день длился по 14 часов. Кормили варевом, которое трудно было назвать едой. После работы я валялась с ног от усталости и голода. Сразу засыпала.

Но когда просыпалась, лицо было мокрым от слез... Снилось мама...».

В 1944 году Софию Ивановну отправляют в Красноводск (Туркменистан) на строительство железной дороги. «Опять дорога в скотских вагонах в сопровождении вооруженных солдат. В Челябинске мы целую неделю простояли в тупике. Есть было нечего. Мы не могли согреться, в результате заработали обморожение. Меня уже поместили в морг. Врач, спустившийся в морг, услышал мой слабый стон. Это меня и спасло. Отправили в госпиталь, подлечили. Там же в госпитале, слабая после болезни, работала на кухне. Немного окрепла. И каждую ночь мне снился наш дом в Маркштадте. И мама...». Затем Софию Ивановну отправляют в Киргизию. Опять тяжелая работа на железной дороге. «Однажды за хорошую работу мне дали зеленую юбку. Для меня, молодой девчонки, это был настоящий праздник! Юбка была немного помята, и, чтобы как-то ее расправить, я положила ее под матрац. Той же ночью юбку украли, а вместе с ней хлебные карточки на месяц, которые я сунула в карман юбки. Опять пришлось голодать. Я сильно плакала. А ночью снова снилась мама...».

«Далеко у самой Волги
В доме на родной реке,
мама песенку мне пела
на немецком языке».

дение вопросов, связанных с переселением, жителям, подлежащим переселению, не разрешается;

члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут по их согласию следовать с остальными членами семьи;

если отдельные члены семей, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в командировке, на излечении и т. п.), по возвращении они направляются к месту нового жительства семьи;

члены семей военнослужащих Красной армии рядового состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество в первоочередном хозяйственном и бытовом устройстве;

в отношении сотрудников НКВД – немцев по национальности вопрос должен разрешаться персонально в НКВД СССР по представлению местных управлений НКВД;

переселяемым должен быть предоставлен определенный до отправки срок для сбора, упаковки и реализации имущества и других дел, связанных с переселением;

начальники оперативных групп НКВД в районах должны составить четкий план вывоза переселяемых к месту погрузки, увязав его с графиком подачи эшелонов и водного транспорта, при этом должны быть исключены простои подвижного состава;

для перевозки женщин и детей переселяемых, а также для доставки вещей необходимо использовать колхозный транспорт (автомобили, лошадей);

все личные вещи, принадлежащие переселяемым и отправляемые в выделенных багажных вагонах, должны быть маркированы. Для приема и выдачи багажа следует выделить специальных ответственных лиц из числа переселяемых;

списки подлежащих переселению составляются начальниками оперативных групп НКВД района в 3-х экземплярах: для началь-

lichen Räte der Werktätigen übergeben werden) gleichzeitig am 30. August 1941 zu beginnen.

– Die Listen der umzusiedelnden Personen werden von den Leitern der operativen Gruppen der Landkreise innerhalb von drei Tagen vor der Abreise der Umsiedler an Vertreter der örtlichen Behörden übergeben, die zur Durchführung dieser Operation herangezogen wurden, damit diese die Umsiedler gegen Unterschrift belehren und zur Vorbereitung und zur Abreise verpflichten. Die Information hierüber ist jeder einzelnen umzusiedelnden Familie einzeln zu überbringen. Die Durchführung jeder Art von Versammlungen oder kollektiver Erörterungen von Fragen im Zusammenhang mit der Übersiedlung durch Bewohner, die der Übersiedlung unterliegen, ist nicht zulässig;

– Familienmitglieder, die nicht der deutschen Volksgruppe angehören, unterliegen nicht der Umsiedlung, können jedoch mit ihrem eigenen Einverständnis den anderen Familienmitgliedern folgen.

– Wenn einzelne Familienmitglieder, die der Übersiedlung unterliegen, zum Zeitpunkt der Abreise abwesend sind (sich auf Dienstreisen, in medizinischen Einrichtungen etc. befinden), so werden sie nach ihrer Rückkehr zum neuen Wohnort der Familie gebracht.

– Familienmitglieder von Soldaten der Roten Armee einfacher Dienstränge unterliegen der Übersiedlung auf Grundlage der allgemeinen Bestimmungen. Sie genießen an den Ansiedlungsorten bevorzugte wirtschaftliche und häusliche Unterstützung.

– Was Mitarbeiter des NKWD deutscher Volksgruppenzugehörigkeit betrifft, wird jeder Fall durch das NKWD der UdSSR auf Vorschlag der örtlichen Verwaltungen des NKWD einzeln entschieden.

– Den Umsiedlern muss eine für die Abfahrt ausreichende Stellzeit zum Einfinden, zum Verpacken und zur Veräußerung ihrer Vermögenswerte und zur Regelung anderer Angelegenheiten im Zusammenhang mit der Umsiedlung eingeräumt werden.

– Die Leiter der operativen Gruppen des NKWD in den Landkreisen haben einen detaillierten Plan zur Abreise der Umsiedler zum Verladeort festzulegen und ihn mit dem Plan zur Bereitstellung von Zügen und

Ольга Гартман (сидит)
в трудармии

Ольга Гартман

Наше село было большое, оно состояло из пяти двойных улиц длиной около пяти километров. В нем было более тысячи дворов, пять школ и четыре крупных колхоза. Когда началась война, жизнь в селе изменилась. Все радиоприемники были конфискованы, новости с фронта мы узнавали только из газет. Комсомольцы и молодежь организовали круглосуточное дежурство на всех въездах в село. Останавливали и проверяли каждую подводу, которая следовала в село, чтобы в него не мог проникнуть никто чужой. Когда началась уборка урожая, помогали в уборке.

И вдруг, 30 августа 1941 года, в субботу вечером, к нам в село приехали военные. Они расположились за селом. Мы очень удивились, но подумали, что они приехали на отдых.

Первого сентября должны были начаться занятия в школах. Я работала учительницей четвертого класса и 31 августа, в воскресенье, обходила всех своих учеников, чтобы сообщить им, что мы первого сентября учиться не будем, а поедем в поле, помогать в уборке урожая. Когда я пришла домой, у нас сидели несколько учительниц старших классов. Они пришли навестить мою маму, учительницу русского языка, которая приболела, и принесли новость, что есть указ о нашем выселении (кто-то передал из рай-

центра по телефону). Я им не поверила и сказала: «Этого не может быть! Наш любимый вождь и учитель, отец всех трудящихся товарищ Сталин не может такое допустить!» Так я с ними спорила, а они сидели и плакали. «Не поверю, – сказала я, – пока сама не прочту в газете!» И пошла на почту.

Но почту в этот день почему-то привезли очень поздно, в шесть часов вечера. В нашем районе было несколько русских сел, поэтому районная газета «Lenins Weg» («Ленинский путь») выходила на русском и немецком языках. На первой странице был напечатан указ. Я его прочтала и только тогда поверила, что нас действительно будут выселять.

Вечером мою маму вызвали в сельский совет. Домой она пришла только утром в понедельник. Сказала, что они готовили на каждую семью карточки на выселение и что военные приехали для того, чтобы всех нас выселить. Первого сентября, в понедельник, военные, по двое, с винтовками обходили дома и объявляли, что, согласно указу от 28 августа 1941 года нас всех выселяют, что надо готовиться. Люди плакали от обиды, унижений и ложных обвинений. Много юношей из сел АССР немцев Поволжья служили в Красной Армии, были на фронте, на передовой до октября 1941 года.

ника эшелона, местного исполкома Советов трудящихся и представителя НКВД;

начальники областных управлений НКВД назначают из числа оперативного состава НКВД начальника эшелона и заместителя – среднего командира конвойных войск НКВД, в качестве оперативного резерва на каждый эшелон назначается по 22 бойца конвойных войск;

в местах погрузки на железнодорожных станциях и пристанях должно быть организовано размещение и обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава либо водного транспорта;

в указанных выше местах назначаются начальники погрузочных пунктов из состава сотрудников транспортных органов НКВД, которые несут ответственность за своевременную подачу эшелонов, погрузку людей, имущества и отправление эшелонов по установленному графику;

переселяемые должны быть предупреждены, что им следует брать с собой запас продовольствия из расчета на 20 дней. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдается один раз в сутки и кипяток – два раза в день бесплатно. Оплату за питание производит начальник эшелона;

УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс на расходы по питанию переселяемых и другие нужды (телеграфные и т. п.) исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути;

каждый эшелон должен сопровождаться медперсоналом в составе врача, двух медсестер в специально отведенном санизоляторе. Медикаменты и необходимый инструментarium выделяется органами Наркомздрава;

при проведении операции по переселению в городах, кроме указанных выше мероприятий, необходимо: тщательно установить адреса лиц, подлежащих переселению, составить порайонный план вывоза, увязав его с графиком подачи подвижного со-

Schiffen in Übereinstimmung zu bringen, wobei Leerstände des Fuhrparks auszuschließen sind.

– Für die Beförderung von Frauen und Kindern von Umsiedlern sowie für die Beförderung von notwendigem Gut sind Transportmittel der Kolchosen (Fahrzeuge, Pferde) heranzuziehen. Alle persönlichen Gegenstände, die den Übersiedlern gehören und in den bereit gestellten Gepäckwaggons befördert werden, müssen markiert sein. Für die Entgegennahme und Ausgabe des Gepäcks sind spezielle verantwortliche Personen aus den Reihen der Übersiedler zu bestimmen.

– Die Liste der Umsiedler ist von den Leitern der operativen Gruppen des NKWD des Landkreises in dreifacher Ausfertigung zu erstellen: für den Leiter des Zuges, das örtliche Exekutivkomitee des Rates der Werktätigen und für den Vertreter des NKWD.

– Die Leiter der Gebietsverwaltungen des NKWD ernennen aus dem Bestand der operativen Gruppen des NKWD die Leiter der Züge und deren Stellvertreter sowie einen Kommandeur der Begleitstreitkräfte des NKWD mittleren Ranges. Als operative Reserve werden jedem Zug bis zu 22 Angehörige der Begleitstreitkräfte zugeteilt.

– An den Verladestationen auf den Bahnhöfen und in den Häfen ist die Unterbringung und Versorgung der Umsiedler bis zum Eintreffen des Zuges bzw. des Schiffes sicherzustellen.

– An den o. g. Stellen sind Leiter der Verladestationen aus den Reihen der Mitarbeiter der Transportbehörden des NKWD zu ernennen, die für die rechtzeitige Bereitstellung der Züge, die Beladung von Menschen und Fracht sowie für die Abfahrt der Züge entsprechend des festgelegten Zeitplans verantwortlich sind.

– Die Umsiedler sollen darauf hingewiesen werden, dass sie eine Reserve an Lebensmitteln für eine Reisezeit von 20 Tagen mitzunehmen haben. Die Verpflegung während der Fahrt erfolgt in speziell errichteten Versorgungspunkten an Eisenbahnstationen und Schiffsanlegestellen. Eine warme Mahlzeit wird einmal täglich und heißes Wasser zweimal täglich kostenlos ausgegeben. Die Bezahlung dafür obliegt dem Leiter des Zuges.

Бруно Диль.
Сентябрь 41-го.
Холст, масло, 2006.

После официального предупреждения жители села начали готовиться к отъезду. Коров надо было сдать в колхоз. Остальную живность: кур, свиней, овец резали. Мясо тушили, укладывали в ведра и заливали жиром, чтобы оно не испортилось. Сушили сухари. По домам ходили какие-то люди и составляли акты описи имущества, которое остается. Копию акта вручали главе семьи. С собой можно было взять только одежду, постель, посуду.

Через несколько дней стали прибывать машины, чтобы увозить людей. Начали выселение с крайних улиц с двух сторон. Когда очередь дошла до центральной, нашей улицы, выселение на несколько дней прекратилось.

Всех коров, которых сдали жители села, поместили в колхозные дворы. Корову надо доить два раза в день, иначе накапливается много молока, это очень больно для коровы, может лопнуть вымя. Пока люди были еще дома, они доили коров прямо на землю, лишь бы облегчить им страдания. Но по мере того, как жителей оставалось все меньше, с этой задачей уже не справлялись. Поэтому коровы ревели на все село.

Когда осталась одна наша улица, то кошки и собаки с других улиц потянулись к нам. Они были голодные. Ходить доить коров нам

уже не разрешали, чтобы быть на месте, когда придут машины. И когда машины за нами пришли, то последнее, что осталось у меня в памяти от родного села, это жалобное мяуканье голодных кошек, лай голодных собак, которые бегали по опустевшему селу, и оглушительный рев голодных, недоенных коров.

Нас увезли на станцию Увек, что в четырех километрах от Саратова, погрузили в товарные вагоны. Там были сделаны двухъярусные нары. Кто-то со своей семьей разместился наверху, кто-то – внизу, по несколько семей рядом. Нас привезли в Алтайский край, в село Подстепово Ребрихинского района.

18 декабря 1942 г. я была мобилизована в трудовую армию. На лесозаготовках в тайге, в Свердловской области я проработала до октября 1946 г. Потом меня вместе с отрядом трудармейцев перевезли в город Челябинск на строительство металлургического комбината...»

Из воспоминаний Ольги Гартман, подготовленных Владимиром Гартманом. Ольга Фридриховна родилась в феврале 1922 г. и до сентября 1941 г. проживала в селе Норка Бальцерского кантона Республики немцев Поволжья. С октября 1946 года по настоящее время живет в Челябинске.

става или водного транспорта, оформить опечатаывание квартир переселяемых, а также передачу остающегося нереализованного имущества под ответственность домоуправлений;

для создания централизованного учета переселяемых организовать в местах отправления (в областных и республиканских центрах), а также в местах расселения правочные картотеки²⁷.

План переселения жителей немецкой национальности Поволжья, повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, определял, какое количество людей, откуда и куда переселить, правила приема и хранения оставляемого имущества, график перевозки в эшелонах и водным транспортом, порядок встречи эшелонов и распределения переселяемых в новых местах жительства. В нем содержались и некоторые конкретные данные. В частности, указывалось:

для руководства операцией по переселению немцев в Республику Немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области направлена оперативная группа НКВД во главе с заместителем народного комиссара внутренних дел СССР И. Серовым;

для проведения операции по переселению командированы: в Республику немцев Поволжья 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции; в Сталинградскую область – 100 сотрудников НКВД, 250 работников милиции; в Саратовскую область – 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции;

для войскового обеспечения операции по переселению немцев в Немреспублику, Саратовскую и Сталинградскую области направлены войска НКВД в количестве: в АССР НП – 7250 красноармейцев, в Саратовскую область – 2300 красноармейцев, в Сталинградскую область – 2000 красноармейцев;

переселенцы будут перевозиться в 198 эшелонах, в каждом эшелоне 65 вагонов по 40 человек в вагоне. Общее количество вагонов для перевозки составляет 12 875. Из Сталинградской области 24 700 человек будут перевозиться водным транспортом до Астрахани, от Астрахани пароходом до Гурьева и далее по железной дороге к местам расселения²⁸.

– Die Gebietsverwaltung des NKWD zahlt den Leitern der Züge einen Abschlag auf die Verpflegungskosten für die Umsiedler und für andere Kosten (Telegrafenkosten etc.), wobei die Dauer der Fahrzeit berücksichtigt wird.

– Jeder Zug hat von medizinischem Personal (ein Arzt, zwei Krankenschwestern) in einem speziell eingerichteten Sanitätsraum begleitet zu werden. Medikamente und das erforderliche Instrumentarium werden durch die Behörden des Volkskommissariats für Gesundheitswesen zugeteilt.

– Bei der Abwicklung der Umsiedlung aus Städten ist es neben den o. g. Maßnahmen erforderlich: sorgfältig die Adressen der betroffenen Personen festzuhalten, einen Stadtteilplan für deren Vorladung zu erstellen und ihn mit dem Zeitplan zur Bereitstellung der Züge oder der Schiffe abzustimmen, die Wohnungen der Umsiedler zu verplomben und die Übergabe des verbliebenen, nicht veräußerten Vermögens an die Hausverwaltungen zu organisieren.

– Zur Gewährleistung einer zentralisierten Nachweisführung zu den Umsiedlern sind in den Abreiseorten (auf Gebiets- und Republiksebene) sowie in den Ansiedlungsorten entsprechende Karteien anzulegen.²⁷

Der Plan zur Umsiedlung der Bewohner des Wolga-Gebiets deutscher Volksgruppenzugehörigkeit wiederholt die Bestimmungen des Beschlusses vom 26. August, legt dabei die Zahl der Personen fest, woher und wohin diese umzusiedeln sind, die Verfahrensweise zur Aufnahme und Aufbewahrung zurückgelassener Vermögenswerte, den Zeitplan der Beförderung in Zügen und mit Schiffen, das Verfahren bei Ankunft der Züge und zur Aufteilung der Umsiedler an den neuen Wohnorten. In diesem Plan sind auch einige konkrete Angaben enthalten. So wurde konkret angewiesen, dass:

– zur operativen Leitung der Umsiedlung eine operative Gruppe des NKWD unter Führung des stellvertretenden Volkskommissars für Innere Angelegenheiten der UdSSR, I. Serow, in die Wolgarepublik der Deutschen entsandt wird;

– zur Umsetzung der Umsiedlung abkommandiert werden: in die Republik der Wolgadeutschen 1.200 Mitarbeiter des NKWD, 2.000 Mitar-

« В каждом селе присланные к 28 августа 1941 г. войска ночью забрали ключи от школ, сельсовета и других контор. Утром население увидело группы регулярных войск с автоматами и орудиями. На Вакулинской горе стоял целый полк, рассчитанный на один Бальцер. По всей республике было столько солдат с вооружением, направленным против советских людей! А в это время на фронте не было орудий! Враг продвигался по 40–120 километров в сутки, сменяя наши полувооруженные погранзаставы и войска. »

Из воспоминаний Александра Георгиевича Штейнгауэра, изъятото осенью 1941 г. из Красной армии и переброшенного в Красноярск. (опубликовано см.: Судьба российских немцев. М., 1993).

« Пришел тот страшный 1941 г., и все разрушилось. Стали брать на фронт наших советских немцев, чтобы отстоять родину от фашистов. Помню, наши соседи даже успели получить похоронку на сына. И вдруг второй удар – приказ о выселении немцев из Поволжья. Однажды отец пришел с работы и, обняв нас, громко заплакал, говоря: «Будет нам плохо, чует мое сердце, что-то неладное задумали». Тогда у нас было так принято: люди собирались на улице, сидели на скамейках и обсуждали последние новости. Старики рассуждали: «Как это можно нас выслать, сколько средств потребуется! Да куда добро-то все девать?» Один говорит: «Закроем дома, а война кончится – вернемся». И дальше судачат, что, мол, партийные, наверное, останутся. Но не тут-то было: нашли и средства, и партийных не пожалели. »

Из воспоминаний Лидии Ивановны Данневольф (Попп), депортированной из Бальцера в Алтайский край (опубликовано см.: Судьба российских немцев. М., 1993).

Следует особо отметить, что в тот же день, 26 августа, в Нем-республику и соседние с ней области, откуда надлежало выселять немцев, были направлены части войск НКВД:

в г. Энгельс – 32-й полк оперативных войск (1500 чел.), 174-й и 175-й отдельные батальоны оперативных войск (соответственно 400 и 500 чел.), резервная группа войск (1000 чел.), 226-й и 240-й полки конвойных войск (по 1500 чел. каждый), 60-й полк внутренних войск (600 чел.) и батальон от 29-й бригады внутренних войск (500 чел.); в Саратов – 238-й полк конвойных войск (1000 чел.) и курсанты местного военного училища НКВД (1300 чел.); в Сталинград – 33-й полк оперативных войск (1500 чел.) и 230-й полк конвойных войск (1000 чел.). Таким образом, к участию в операции по переселению немцев из Поволжья привлекались 12 350 человек личного состава различных частей и подразделений войск НКВД²⁹. Никаких танков и артиллерии при выселении не использовалось, как об этом пишут в воспоминаниях некоторые выселенцы³⁰.

Начальниками войсковых групп были назначены: в Энгельс – комбриг Кривенко, в Саратов – полковник Воробейков, в Сталинград – комбриг Сладкевич. Общее руководство частями войск НКВД, задействованными на обеспечение операции по переселению немцев из Поволжья, возлагалось на генерал-майора Ачкасова, который поступал в непосредственное подчинение заместителю наркома внутренних дел И. Серову.

О том, что войска направлены в Энгельс, Саратов и Сталинград именно 26 августа, доложил наркому внутренних дел СССР Л. Берии исполнявший обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майор Аполлонов³¹. То есть отправка войск в районы выселения немцев была осуществлена до официального введения в действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа или по крайней мере одновременно с ним. Таким образом, с высокой степенью точности можно заключить, что подготовка к операции по выселению немцев из Поволжья органами НКВД начала про-

beiter der Miliz; in das Verwaltungsgebiet Stalingrad – 100 Mitarbeiter des NKWD, 250 Mitarbeiter der Miliz; in das Verwaltungsgebiet Saratow 250 Mitarbeiter des NKWD, 1.000 Mitarbeiter der Miliz;

– zur militärischen Sicherstellung der Operation in die Republik der Deutschen, die Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad Truppen des NKWD in einer Stärke von: ASSR WD – 7.250 Rotarmisten, in das Verwaltungsgebiet Saratow – 2.300 Rotarmisten, in das Verwaltungsgebiet Stalingrad – 2.000 Rotarmisten abkommandiert werden;

– die Umsiedler in 198 Zügen, die jeweils aus 65 Waggons à 40 Personen pro Waggon bestehen, befördert werden. Die Gesamtzahl der Waggons für die Beförderung beträgt 12.875. Aus dem Verwaltungsgebiet Stalingrad werden 24.700 Personen auf dem Wasserweg nach Astrachan befördert, von Astrachan mit dem Schiff nach Gurjew und weiter mit der Eisenbahn zu den Ansiedlungsorten.²⁸

Es muss besonders hervorgehoben werden, dass an ein und demselben Tag, am 26. August, in die Republik der Deutschen und deren benachbarte Verwaltungsgebiete, aus denen die Deutschen ausgesiedelt werden sollten, Truppenteile des NKWD entsandt wurden:

– in die Stadt Engels: das 32. Regiment der operativen Streitkräfte (1.500 Militäranghörige), das 174. und 175. Spezialbataillon der operativen Streitkräfte (jeweils 400 bzw. 500 Militäranghörige), eine Reservegruppe der Streitkräfte (1.000 Militäranghörige), die Regimenter 226 und 240 der Begleitstreitkräfte (jeweils 1.500 Militäranghörige), das 60. Regiment der Inneren Truppen (600 Militäranghörige) und ein Bataillon der 29. Brigade der Inneren Truppen (500 Militäranghörige);

– nach Saratow: das 238. Regiment der Begleitstreitkräfte (1.000 Militäranghörige) und die Studenten der örtlichen Militärschule des NKWD (1.300 Militäranghörige);

– nach Stalingrad: das 33. Regiment der operativen Streitkräfte (1.500 Militäranghörige) und 230. Regiment der Begleitstreitkräfte (1.000 Militäranghörige).

Jelena Meyder

Am Sonntag, dem 22. Juni 1941 ist Jelena Meyder mit ihrem Bruder Viktor ins Zentrum der Stadt Stalingrad gefahren, um ihm Schuhe zu kaufen. Als sie beide am Bahnhof waren, hörten sie im Rundfunk eine schreckliche Nachricht: „Hitler hat die Sowjetunion überfallen“. Der Krieg, der Krieg, hörte man überall. Der Vorortzug fuhr langsam wie eine Schildkröte. Die Fahrgäste ergriff die Angst. Was wird jetzt mit uns allen? Die Monate einer bis zum 1. September tat Jelena ihre Arbeit: Sie war Buchhalterin in einer Bäckerei. Hanna Noll arbeitete zusammen mit Jelena. Am 1. September sagte sie zu ihr: „Ich werde ausgesiedelt“. Jelena sagte: „Wahrscheinlich, weil dein Vater 1937 verhaftet wurde“. Hanna antwortete: „Nein, alle Deutschen werden aus Sarepta ausgesiedelt“. In Jelenas Kopf klopfte es: „Meine Verwandten wurden doch auch verhaftet“. Ihre zwei Brüder Johann Meyder (1914) und Theodor Meyder (1906) wurden im März 1938 und im Oktober 1940 verhaftet. Wo sie waren, wusste niemand. Erst in den 90er Jahren haben wir erfahren, dass sie erschossen und später rehabilitiert wurden. Der Ort der Beerdigung blieb unbekannt. Aber damals 1941 hatten die Menschen Angst davor, wie die Menschen verschwanden. Die Deutschen aus Sarepta mussten sehr schnell ihre Sachen packen. Das Pferd hat die Familie in den Kolchos abgegeben. Sie haben dafür kein Dokument bekommen, obwohl es versprochen wurde. Die Nähmaschine „Singer“ hat Jelena ihrer Schwester Marina Ganzewskaja gelassen, die in Sarepta blieb. Sie hat einen Russen geheiratet. Nur das Nötigste durfte man mitnehmen. Der Weg war sehr schwer. Zuerst wurden die Deutschen mit einem Lastkahn bis Gurjew gebracht. Alle haben sich von der Wolga verabschiedet. Dann brachte man die Leute bis Semipalatinsk (Kasachstan). Von dort aus in die Dörfer.

Aus der Erzählung von Nelli Tretjakowa (Meyder) über ihre Tante Jelena Meyder, geboren in Sarepta, deportiert nach Ost-Kasachstan.

даться еще до 26 августа. Очевидно, они разработали и предложили этот проект И. Сталину, а потому начали его реализовывать еще предварительно, на основе конкретных распоряжений Л. Берии.

27 августа 1941 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа было уже доведено до партийных и советских руководителей АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей. Получив постановление, они провели 27 августа экстренные заседания и приняли постановления, как две капли воды похожие друг на друга. Разными были только фамилии конкретных исполнителей, которым надлежало заниматься депортацией немцев³².

В первом пункте постановлений обкомов выражалось полное одобрение решения Центра о депортации немцев и объявлялось о принятии его к неуклонному исполнению. Далее по сути дела шел пересказ постановления от 26 августа с небольшими добавлениями, касавшимися конкретных мер по его исполнению. Партийным организациям всех уровней предписывалось «подключиться» к мероприятиям для оказания «активной помощи» органам НКВД.

Партийным руководством АССР НП было разработано специальное приложение к постановлению бюро обкома, в котором подробно расписывалось, какое количество немецкого «трудового контингента» из каких кантонов (районов) и в какие покидавшиеся немцами села следовало направить для ухода за скотом. Всего туда планировалось направить 17 250 человек, из них: переместить внутри кантонов из русских сел в немецкие 4560 человек, из г. Энгельса – 4580 человек, из соседних районов Саратовской области – 5 тыс. человек. Остальные работники перемещались из русских кантонов в бывшие немецкие кантоны³³.

В тот же день, 27 августа, нарком внутренних дел СССР, он же Генеральный комиссар государственной безопасности СССР Л. Берия издал приказ № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»³⁴, в котором повторялись пункты «Плана переселения...», касающиеся глав-

Сomit wurden für die Operation zur Umsiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet 12.350 Militärangehörige aus unterschiedlichen Truppenteilen und Verbänden des NKWD zusammengezogen.²⁹ Panzer und Artillerie, wie das von einigen Umgesiedelten aus der Erinnerung dargestellt wird, kamen nicht zum Einsatz.³⁰

Zu Leitern der Militärgruppe wurden ernannt: in Engels der Brigadekommandeur Kriwenko, in Saratow Oberst Worobejkow, in Stalingrad der Brigadekommandeur Sladjewitsch. Die allgemeine Führung der Streitkräfte des NKWD, die zur Absicherung der Umsiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet eingesetzt waren, oblag dem Generalmajor Atschkassow, der als Bevollmächtigter des stellvertretenden Volkskommissars für Innere Angelegenheiten, I. Serow, auftrat.

Dass am 26. August Truppenteile nach Engels, Saratow und Stalingrad verlegt worden waren, wurde dem Volkskommissar für Innere Angelegenheiten der UdSSR, L. Beria, vom amtierenden Leiter der Streitkräfte des NKWD der UdSSR, Generalmajor Apollonow, gemeldet.³¹ Das heißt, dass die Entsendung von Truppen in die Aussiedlungsgebiete der Deutschen noch vor dem offiziellen Inkrafttreten des Beschlusses des Rates der Volkskommissare und des ZK vom 26. August oder zumindest gleichzeitig mit ihm vonstattenging. Daraus folgt, dass die Vorbereitung der Operation zur Aussiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet durch die Organe des NKWD mit an Sicherheit grenzender Wahrscheinlichkeit bereits vor dem 26. August begann. Offenbar hatten sich diese mit der konkreten Ausarbeitung beschäftigt und den Plan Stalin vorgelegt, woraufhin mit dessen Umsetzung bereits im Vorfeld, auf der Grundlage konkreter Weisungen von L. Beria, begonnen wurde.

Panzer und Artillerie, wie das von einigen Umgesiedelten aus der Erinnerung dargestellt wird, kamen nicht zum Einsatz.

Ганна Ноль

« Утром 2 сентября энкэвэдэшники закрыли дома на ключ, стали сажать хозяев на подводы и отправлять к затону. Стоял страшный шум – кричали, плакали люди, ревела скотина, брошенная хозяевами. На берегу ждали баржи и сопровождающий катер. Всех выстроили по два человека. Они так и шли парами на баржу, сразу в трюм. Все плакали навзрыд, их провожали жители Сарепты, не понимающие, что же происходит. Когда баржи тронулись, мужчины запели по-немецки псалмы «Иисус, иди вперед!». «Молчать!» – крикнул один из охранников. «Жалко тебе что ли? Пусть поют», – заступился другой. И старинный церковный гимн раздавался вплоть до Астрахани. В первый же день пути умерла дочка маминой кузины Герты Маус. Умершую девочку велено было опустить в воду, но Герта не отдала, пригрозив броситься вместе с ней. Через два дня пути добрались до Гурьева (Казахстан). »

Из воспоминаний Ганны Ноль, записанных ее дочерью Людмилой Волоховой (Волгоград). Ганна Ноль была депортирована из Сарепты в Казахстан.

ных руководителей операции и количества привлекавшихся для ее осуществления сил. Далее нарком внутренних дел требовал:

- на основании агентурно-оперативных материалов местных органов НКВД учесть «антисоветский элемент» и перед операцией арестовать его, а семьи переселить в общем порядке;
- перед началом операции совместно с советско-партийным активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семьи они будут наказаны в уголовном порядке, а остальные члены семей будут репрессированы;
- в случае отказа отдельных членов семейств, подлежащих переселению, выехать к месту расселения, таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке;
- предупредить «весь оперативно-чекистский состав», что при операции он «должен действовать без шума и паники. В случае возникновения волынок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений принимать решительные меры к их ликвидации».

Для координации всей работы по переселению, перевозке и расселению приказом Л. Берии создавалась специальная группа во главе с еще одним заместителем наркома внутренних дел В. Чернышевым. Ответственному за проведение операции в местах выселения, заместителю наркома И. Серову предписывалось о подготовке и проведении операции ежедневно, начиная с 1 сентября, информировать наркома³⁵.

Таким образом, еще до 28 августа 1941 г. операция по депортации немцев из Поволжья была спланирована, исполнители на всех уровнях подобраны, назначены и подробно проинструктированы, проработано материальное обеспечение операции (транспорт, питание в пути, жилье на новом месте и т. п.), а весь партийно-советский, административный и полицейский аппарат на местах был готов к осуществлению выселения немцев. Однако необходимо было придать готовившемуся гигантскому по

Am 27. August 1941 wurde der Beschluss vom 26. August den Partei- und Sowjetfunktionären der ASSR WD, der Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad mitgeteilt. Nachdem sie ihn erhalten hatten, fanden am 27. August außerordentliche Sitzungen statt, auf denen Beschlüsse gefasst wurden, die dem Moskauer Beschluss wie ein Ei dem anderen gleichen. Unterschiede bestanden nur in den Familiennamen der konkret mit der Umsetzung beauftragten Personen.³²

Im ersten Punkt der von den Exekutivkomitees der Regionen gefassten Beschlüsse wurde die Entscheidung der Zentrale zur Deportation der Deutschen in vollem Umfang gebilligt, und es wurden Maßnahmen zu ihrer Umsetzung ohne Wenn und Aber getroffen. Im Weiteren wurde der Beschluss vom 26. August praktisch nacherzählt, mit geringfügigen Ergänzungen, die konkrete Umsetzungsmaßnahmen betrafen. Die Parteiorganisationen aller Ebenen wurden verpflichtet, sich den Maßnahmen zur Unterstützung „der aktiven Hilfe“ der Organe des NKWD „anzuschließen“.

Durch die Parteiführung der ASSR WD wurde ein spezieller Beschluss unter Bezugnahme auf den Beschluss des Büros der Gebietsverwaltung der Partei erstellt, in dem detailliert festgelegt worden war, welche Anzahl nichtdeutschen „Arbeitspotenzials“ aus welchen Kantonen (Landkreisen) und in welche von den Deutschen verlassene Dörfer zur Arbeit mit dem Vieh zu entsenden war. Insgesamt wurde geplant, 17.250 Personen dazu abzustellen. Innerhalb der Kantone sollten aus russischen Dörfern 4.560 Personen in deutsche Dörfer geschickt werden, aus der Stadt Engels – 4.580 Personen, aus den benachbarten Landkreisen des Verwaltungsgebiets Saratow – 5.000 Personen. Die übrigen Arbeitskräfte sollten aus den russischen Kantonen in die ehemaligen deutschen Kantone entsandt werden.³³

Am selben Tag, dem 27. August, erließ der Volkskommissar für Innere Angelegenheiten der UdSSR und Generalkommissar der Staatssicherheit der UdSSR, L. Beria, den Befehl Nr. 001158 „Maßnahmen zur Umsetzung der Operation zur Umsiedlung der Deutschen aus der Wolga-Republik, den Verwaltungsgebieten Saratow und Stalingrad“³⁴, in dem einige Punkte aus dem „Plan zur Übersiedlung“ wiederholt wurden, was

Лидия Штейнле

Лидия Штейнле
(слева) рассказывает
Нелли Третьяковой (Мейдер)
о своей семье

Память о трагедии российских немцев возвращает меня к страшному дню депортации сарептян. Из рассказов моей мамы Александры Ивановны, русской женщины, я знала, как начиналась гибель благоустроенного, цветущего уголка под названием «Сарепта». Более двух тысяч человек погрузили на баржи в затоне. В большинстве своем колонисты были верующие люди – лютеране, и когда баржи отплыли от берега, то стихийно, как стон души, зазвучала песня “Jesu, geh voran” (Будь Вождем ты нам!), автором которой является Николаус Людвиг фон Цинцендорф. Песня все увереннее и крепче звучала, передавая силу Господа от одной баржи к другой, вселяя сарептянам дух надежды.

В трудный жизни час
Подкрепи Ты нас,

Чтобы мы в пору печали
Не стонали, не роптали.
Ведь к Тебе из бед
Лишь проложен след!

Моей сестре Альвине было в 1941 г. всего два года, а я была грудным пятимесячным ребенком. Дорога была трудной до самой Восточно-Казахстанской области. Там начались прощания. Отца забрали в трудармию на лесоповал вблизи Усть-Каменогорска, а маму с двумя малолетними дочками разъединили с бабушкой и другими родственниками. Бабушка просила оставить ей меня, но мама отказалась. Так, расставшись в 1941 г., мама больше не встретила ни с нашим отцом, ни с другими родственниками.

Из воспоминаний Лидии Эдуардовны Штейнле. Младенцем она была депортирована из Сарепты в Казахстан.

масштабам репрессивному мероприятию против целого народа хоть в какой-то степени «законный» характер. Именно поэтому, как представляется, и появился уже задним числом известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»³⁶, на котором стоит остановиться подробнее.

Проект этого указа был рассмотрен и утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 августа 1941 г.³⁷ Если учесть, что этот вопрос в повестке заседания Политбюро в тот день значился далеко не первым, а само заседание началось поздно вечером, почти ночью, то можно предположить, что указ обсуждался и утверждался высшим партийным органом, скорее всего, уже в первые часы 29 августа. Между тем датой принятия Указа Президиумом Верховного Совета СССР также значится 28 августа. Отсюда представляется весьма сомнительным сам факт заседания Президиума Верховного Совета СССР по вопросу о депортации, тем более 28 августа. По всей видимости, после утверждения указа на Политбюро он был подписан М. Калининым и А. Горкиным, и на этом вся процедура принятия документа завершилась. Подобная практика работы высшего советского руководства в годы войны была обычным явлением. Таким образом, можно утверждать, что недоброй памяти Указ от 28 августа 1941 г. не только попирает конституции СССР, РСФСР и АССР НП своим содержанием, но и сама процедура его подготовки и принятия произошла с грубым нарушением конституционных норм.

При внимательном прочтении этого документа возникает ощущение, что его составители больше руководствовались эмоциями, которые затмили элементарный здравый смысл. В указе высочайшей степени концентрации достигли все самые отвратительные черты политики глубоко антинародного сталинского режима: лицемерие, демагогия, прямая, грубая, откровенная ложь, попрание всех нравственных и гуманных принципов, пренебрежение к судьбе как целого народа, так и каждого человека в отдельности (в один

die Leitung der Operation und die Zahl der eingesetzten Kräfte betraf. Ferner forderte das Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten:

– Auf Basis der gesammelten Informationen der örtlichen NKWD-Stellen muss das „antisowjetische Element“ ermittelt und noch vor der Operation verhaftet werden, während deren Familien im allgemeinen Verfahren überzusiedeln sind.

– Vor Beginn der Operation hat gemeinsam mit dem Partei- und Sowjetaktiv eine erläuternde Arbeit stattzufinden. Den Umsiedlern ist klar zu machen, dass sie strafrechtlich verfolgt würden, falls sich Familienangehörige der Deportation entziehen und in die Illegalität abtauchen.

– Im Falle der Weigerung einzelner zur Umsiedlung bestimmter Familienangehöriger, an den Ort der Ansiedlung zu reisen, sind diese festzusetzen und zwangsweise zum Ort der Ansiedlung zu befördern.

– Der gesamte „operative Personalbestand“ ist darauf hinzuweisen, dass er sich bei dieser Operation „ohne Lärm und Panik“ zu verhalten hat. „Bei Entstehung von Unruhen, antisowjetischen Äußerungen oder bewaffneten Widerstandshandlungen sind entschiedene Maßnahmen zu deren Liquidierung zu ergreifen.“

– Zur Koordinierung der Umsiedlung, des Transports und der Ansiedlung wurde auf Befehl von L. Beria eine spezielle Gruppe unter Leitung eines weiteren stellvertretenden Volkskommissars für Innere Angelegenheiten, W. Tschernyschew, gebildet. Als Verantwortlicher für die Durchführung der Operation in den Aussiedlungsgebieten wurde der stellvertretende Volkskommissar I. Serow beauftragt, beginnend ab dem 1. September den Volkskommissar täglich über die Vorbereitung und Durchführung der Operation zu unterrichten.³⁵

Somit wurde bereits vor dem 28. August 1941 die Operation zur Deportierung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet geplant. Es wurden auf allen Ebenen verantwortliche Vollstrecker benannt und detaillierte Instruktionen herausgegeben. Desweiteren wurde die materielle Sicherstellung organisiert (Transport, Verpflegung während der Fahrt, Wohnraum an den neuen Siedlungsorten etc.). Der gesamte Partei- und Sowjet-, Verwaltungs- und Polizeiapparat vor Ort stand zur Ausführung der Umsied-

Всматриваюсь в черно-белую фотографию, на которой моя мама Амалия Яковлевна Мейдер (на фото ей 86 лет) и моя сестра Мария Андреевна Вайлерт (на фото ей 62 года). Эта фотография сделана на вечере «Наши воспоминания» в городе Волгограде 16 мая 1992 г. В зале присутствовали сарептяне, которые вернулись из мест многолетнего изгнания на родную Волгу, и впервые они были приглашены вместе в красивый зал Дворца культуры, в котором трогательное звучание скрипки, букеты разноцветной сирени и чай со сладостями располагали к душевному разговору. И он состоялся. В зале присутствовали более 200 человек. Это мгновение и стало живой историей Сарепты. На встречу были приглашены председатель областной Ассоциации жертв политических репрессий Михаил Питкевич и его заместитель Авангард Абель, сделавшие очень много в Волгограде для увековечения памяти жертв репрессий. Именно на этой встрече сарептянам впервые были сказаны

слова об их невинности. Трагические судьбы участников встречи никого не оставили равнодушным. Впервые здесь были зачитаны списки репрессированных жителей Сарепты, безвинно погибших в годы репрессий. Минутой молчания присутствующие почтили их память.

Среди них: пастор Руш, Побединский Валентин, Ниденталь Константин, Гепп Виктор, Мейснер Андрей, Мейснер Карл, Роот Павел, Патц Александр, Мейдер Федор, Мейдер Иван, Мейдер Александр, Мейдер Владимир, Кроу Александр, Лошейдер Евгений, Крейдер Владимир, Ноль Кондрат, Ноль Филипп, Рутц Владимир, Рутц Павел, Моус Александр, Кноблех Павел, Шефер Георгий, Данапфель Павел, Бельц Александр, Люкштедт Николай, Пиркхайм Фридрих, Лангерфельд Альберт, Гиске Роберт, Бауэр Адольф.

Проведена эта встреча по инициативе работников музея-заповедника «Старая Сарепта», пастора Карла-Ойгена Лангерфельда и Центра

немецкой культуры. Многих из тех, кто сидел в этом зале, уже нет в живых. Поэтому так важно не забывать трудную судьбу этих людей.

Слезы катились из глаз не только у моих мамы и сестры, которые сполна пережили все унижения и боль за утрату близких. Во всех выступлениях наших трудармейцев Марии Шнайдер, Ганны Ноль, Андрея Ниденталя, Николая Гауна и других слышалась типичная и трагическая судьба российских немцев.

Для молодых сарептян, потомков репрессированных, эти рассказы стали откровением. Просто наши родители берегли детские души от кошмарных воспоминаний. Для нас, российских немцев, дата 70-летия начала депортации ассоциируется не только с болью и слезами, но и с надеждой на то, что наши потомки не забудут трагические события прошлого и будут делать все возможное для того, чтобы подобные события не повторились в современной истории России.

миг целый народ и каждый отдельный советский немец, где бы он ни проживал, что бы ни делал и сколько бы ему ни было лет отроду, официально становились изменниками и предателями родины).

Первые два абзаца Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» дают идеологическое и политическое обоснование решению о депортации. Для любого профессионала того времени: партийного, советского работника, представителя карательного аппарата, военного специалиста – был вполне ясен бредовый характер заявления о том, что среди 400-тысячного немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, «имеются тысячи и десятки тысяч (выделено нами. – А.Г.) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». В партийно-полицейском государстве с его гипертрофированными органами политического сыска и беспредельно раздутым карательным аппаратом, где каждый человек находился «под колпаком», где существовала разветвленная система тайных осведомителей, где поголовно все население из года в год натаскивалось на поиске «врагов народа», такое (чтобы едва ли не каждый десятый немец, включая грудных младенцев, был шпионом или диверсантом) было просто невозможно. Вот почему вполне уверенно можно заявить, что первые абзацы указа были обращены прежде всего к советскому обывателю и рассчитаны на разжигание массовой ненависти к немцам Поволжья и других регионов. Это наглядно подтверждает второй абзац указа, где поволжским немцам прямо предъявляется обвинение в измене: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти».

Итак, немцы Поволжья – изменники Родины, шпионы и диверсанты. Но несмотря на это советское руководство проявляет

lung bereit. Allerdings machte es sich erforderlich, der vorbereiteten und in ihren Maßstäben gigantischen Repressionsmaßnahme gegen ein ganzes Volk wenigstens irgendeinen „Gesetzes-“Charakter zu verleihen. Wie sich denken lässt, war das auch der Grund dafür, warum der bekannte Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 28. August 1941 „Über die Übersiedlung der Deutschen, die in den Wolgarayons wohnen“ rückdatiert erschien, worüber noch genauer zu sprechen ist.³⁶

Der Entwurf dieses Erlasses wurde auf der Sitzung des Politbüros des ZK der Partei vom 28. August 1941 geprüft und bestätigt.³⁷ Wenn man berücksichtigt, dass dieses Thema auf der Tagesordnung jener Sitzung bei Weitem nicht zu den ersten Punkten zählte, die Sitzung selbst erst am späten Abend, fast in der Nacht begann, so wurde der Erlass durch die höchsten Parteigremien wohl eher schon in den ersten Tagesstunden des 29. Augusts diskutiert und angenommen. Gleichwohl ist als Datum der Beschlussfassung der 28. August angegeben. Wenn also auf der Sitzung des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR überhaupt über die Frage der Deportation gesprochen wurde, dann mit großer Wahrscheinlichkeit nicht am 28. August. Vermutlich wurde der Erlass nach seiner Bestätigung im Politbüro von M. Kalinin und A. Gorkin unterzeichnet, und damit war das Verfahren zur Beschlussfassung zu diesem Dokument abgeschlossen. Eine vergleichbare Praxis in der Arbeit der Obersten Sowjetführung war während des Krieges gang und gäbe. Somit kann festgehalten werden, dass der unrühmliche Erlass vom 28. August 1941 nicht nur inhaltlich gegen die Verfassung der UdSSR, der RSFSR und der ASSR WD verstieß. Das Verfahren seiner Vorbereitung und Beschlussfassung vollzog sich auch unter grobem Verstoß gegen verfassungsrechtliche Normen.

Bei aufmerksamem Studium dieses Dokuments entsteht das Gefühl, dass seine Verfasser sich mehr von Emotionen als von gesundem Menschenverstand leiten ließen. Der Erlass spiegelt in einer außerordentlichen Konzentration sämtliche negative Züge der Politik des grob gegen das eigene Volk handelnden Stalinschen Regimes wider: Heuchelei, Demagogie, dreiste, offene Lüge, Verstöße gegen alle moralischen und humanitären Prinzipien, Gleichgültigkeit gegenüber dem Schicksal

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

ОРГАН ОБКОМА ВКП(б), ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АССР НЕМЦЕВ
ПОВОЛЖЬЯ, ЭНГЕЛЬСКОГО ГОРКОМА ВКП(б) И ЭНГЕЛЬСКОГО
ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

№ 204 (4713) | Суббота, 30 августа 1941 г. | Цена 15 коп.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья советским властям не сообщал, — следовательно немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль
28 августа 1941 года.

ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ

Многие граждане
Немреспублики узнали
о предстоящей депортации
из этой публикации.

В течение
всем фронте
наши о-э-ка
Наша авиа
калет на Веи
данным да 21
17 немецких
ранее, а 37
в воздушных
кодет. Наши
В Балтийск
топила два п

После про
ных боев на
ский город П.
стояло врагу
ник дважды
первую авиа
дый раз отби
него потерчи
ных пушек.
старшего лей
ванта Трекин
ских танков
метных огне
1500 немецк
фашисты брос
ажесточивши
Брюшкова ун
офицеров этог

На третей
вля новые п
Красноармей
исключительно
дую улицу, на
фашистские п
клавискум у
сочива из хва
зрывают так
взрываются
здесь ручья
рочкам. Таки
тех вражеских
улице Фрунзе
попала под ог
шек калятана
тых немецких
Остальные, ст
ки, были улич
сточивый бой
ской улице. Б
шого лейтен
стали 6 танко
показалась не
нейцы открыл

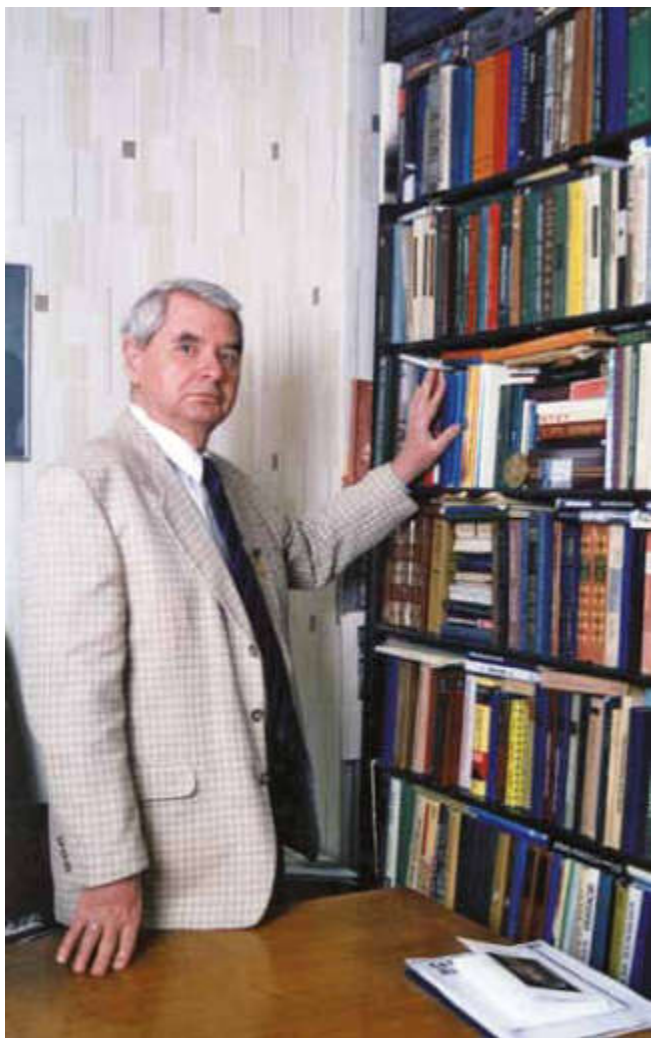
трогательную заботу о них, что видно из третьего и четвертого абзацев указа: «В случае, если произойдут диверсионные акты... случится кровопролитие и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...». Переселяемым обещали государственную помощь по устройству в новых районах, «изобилующих пахотной землей».

Распоряжением прибывшего в Саратов и Энгельс для руководства операцией по депортации И. Серова (получившего личное указание Л. Берии) республиканские газеты «Нахрихтен» и «Большевик» опубликовали указ 30 августа³⁸, и сразу же глубокий разлом отчуждения пролегал между немцами и другими народами Немреспублики. Резко изменилась и официальная политика в отношении немцев.

2 сентября 1941 г. первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП С. Малов направил специальную докладную записку Сталину, в которой охарактеризовал политическую обстановку в Немреспублике после обнародования указа от 28 августа. По словам С. Малова, «подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьезных мер по укреплению тыла...»³⁹. В качестве подтверждения вышесказанному в докладной записке приводятся «высказывания трудящихся» откровенно шовинистического характера, грубо оскорблявшие немецкое население Поволжья. В частности, «один рабочий» заявил: «Да, вот теперь они (т. е. немцы. – А.Г.) запоют не так. Пусть и туда поедут так же дружно, как они старались втирать свою немчуру вокруг! Теперь я спокойно могу пойти на фронт, зная, что моя семья будет вне опасности от внутреннего врага»⁴⁰.

sowohl eines ganzen Volkes als auch eines jeden einzelnen Menschen. (Praktisch über Nacht wurden ein ganzes Volk und jeder einzelne Sowjetdeutsche, wo auch immer er lebte, was auch immer er getan hatte und wie alt er auch immer war, offiziell zu Verrätern an der Heimat.)

Die ersten beiden Absätze des Erlasses „Über die Übersiedlung der Deutschen, die in den Wolgarayons wohnen“ liefern die ideologische und politische Rechtfertigung der Entscheidung zur Deportation. Für jeden beliebigen Insider jener Zeit – ob nun im Partei- oder Sowjetapparat, im Justizapparat oder beim Militär – war der zusammengeklaupte Charakter der Ausführungen, dass unter den 400.000 deutschen Bewohnern, die in den Wolga-Regionen lebten, „Tausende und abertausende Diversanten und Spione sich befinden, die nach dem aus Deutschland gegebenen Signal Explosionen in den von den Wolgadeutschen besiedelten Rayons hervorrufen sollen“, offensichtlich. In einem Partei- und Polizeistaat mit seinen hypertrophen Behörden der politischen Strafverfolgung und dem grenzenlos aufgeblähten Apparat der Strafjustiz, in dem jeder unter Beobachtung stand, in dem es ein weit verzweigtes System von geheimen Zuträgern gab, in dem der gesamten Bevölkerung von Jahr zu Jahr aufs Neue eine Suche nach „Feinden des Volkes“ aufgezwungen wurde, war es absolut undenkbar, dass etwa jeder zehnte Deutsche, Säuglinge inbegriffen, ein Spion oder Diversant sein sollte. Deshalb kann mit voller Überzeugung gesagt werden, dass sich diese ersten beiden Absätze vor allen Dingen an den einfachen Sowjetbürger richteten und Massenhass gegenüber den Deutschen an der Wolga und in anderen Regionen erzeugen sollten. Das unterstreicht auch der zweite Absatz des Erlasses anschaulich, in dem die Wolgadeutschen direkt des Verrats beschuldigt werden: „Über das Vorhandensein einer solch großen Anzahl von Diversanten und Spionen unter den Wolgadeutschen hat keiner der Deutschen, die in den Wolgarayons wohnen, die Sowjetbehörden in Kenntnis gesetzt, folglich verheimlicht die deutsche Bevölkerung der Wolgarayons die Anwesenheit in ihrer Mitte der Feinde des Sowjetvolkes und der Sowjetmacht.“

Герольд Бельгер

... Тогда что же означают слова обвинения в Указе? И почему он, партиец, беспрекословно верящий каждому слову партии и ее вождей, вдруг позволяет себе сомневаться в истинности этого непостижимого акта в отношении целого народа? Он помнил во всех мелочах ту субботу – 30 августа 1941-го – когда в «Нахрихтен» по-немецки, а в «Коммунисте» по-русски был опубликован этот сногшибательный Указ, подписанный старостой Калининым и секретарем Президиума Верховного Совета СССР Горкиным. Майн Готт, какие слова – слова-булыжники, слова – карающий меч, слова – смертный приговор!...

В чью коварную, изощренно-садистскую, палаческую голову они, слова эти, могли только прийти? Приговор не одному человеку, не группе отщепенцев, не какой-то презренной шайке предателей, если даже таковые были, а целой нации, целому народу, сплошь поголовно, без исключения, включая неразумных деток и престарелых немощных старцев! Нет, такое и вообразить невозможно! Ведь было памятное сообщение ТАСС, опубликованное в середине июля 1941 года в «Правде» и не допускавшее ни малейшего сомнения в патриотизме российских немцев. В этом сообщении говорилось «В дни отечественной войны трудящиеся Республики Немцев Поволжья живут единными чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют все свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей германский народ, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма». Текст этого сообщения Давид Эрлих переписал в свой блокнот и многократно его повторял на митингах, на которых юноши-немцы тотчас подавали заявления о просьбе зачислить их в Красную Армию добровольцами. И всем в республике было известно, что тысячи и тысячи немцев Советского Союза честно и преданно служили с первого дня войны на самых передовых участках западного фронта.

И вдруг – как снег на голову, как подлый удар из-за угла – этот зловеющий Указ!...

Отрывок из романа Герольда Бельгера «Дом скитальца». Герольд Бельгер родился в 1934 году в Энгельсе, тогдашней столице Республики немцев Поволжья. В 1941 году был депортирован в Казахстан.

Лиц, допускавших подобные высказывания, еще месяц назад привлекали к уголовной ответственности (вспомним дело Белоусова), теперь же эти люди объявлялись патриотами.

«Со стороны значительной части немецкого населения, – продолжает С. Малов, – опубликование Указа вызвало враждебное отношение, всячески подогреваемое контрреволюционными и профашистскими элементами. Высказывания по поводу Указа со стороны немцев сводятся, главным образом, к попыткам опровергнуть утверждение о том, что немецкое население скрывает в своей среде врагов советского народа, советской власти»⁴¹.

Далее первый секретарь Немобкома сообщает, что после опубликования указа от 28 августа «заметна активизация контрреволюционных элементов и усиление антисоветской и профашистской пропаганды. Активизация контрреволюционных элементов идет по линии высказываний пораженческого характера, попыток насаждения паники и распространения провокационных слухов, а также по линии призыва к диверсиям и сопротивлению переселению»⁴².

Из множества примеров, приводимых С. Маловым в подтверждение сказанного, выберем несколько наиболее типичных. Служащий Кобер заявил: «Этого нужно было ожидать, так как Гитлер крепко зажимает русских в свои руки. В скором времени германские войска подойдут к Сталинграду, а от Сталинграда недалеко до города Энгельса. Вот почему нас, немцев, и переселяют». Служащий Беймлер высказал такую мысль: «Да о чем мечтал царизм? О переселении немцев в Сибирь. Теперь это осуществляется»⁴³. Приведенные выше «пораженческие и антисоветские» высказывания представляются вполне нормальной реакцией на указ, попыткой осмыслить создавшуюся ситуацию.

С. Маловым приводятся и более резкие высказывания, свидетельствующие об озлобленности некоторой части жителей Немреспублики, вызванной решением о переселении. Так, жительница с. Мариенфельд Анна-Мария Флеер «в присутствии большого

Die Wolgadeutschen seinen demnach Verräter an der Heimat, Spione und Diversanten. Gleichwohl gibt sich die sowjetische Führung jedoch fürsorglich, wie aus dem dritten und vierten Absatz des Erlasses hervorgeht: „Falls aber auf Anweisung aus Deutschland die deutschen Diversanten und Spione in der Republik der Wolgadeutschen oder in den angrenzenden Rayons Diversionsakte ausführen werden und Blut vergossen wird, wird die Sowjetregierung laut den Gesetzen der Kriegszeit vor die Notwendigkeit gestellt, Strafmaßnahmen gegenüber der gesamten deutschen Wolgabevölkerung zu ergreifen. Zwecks Vorbeugung dieser unerwünschten Erscheinungen und um kein ernstes Blutvergießen zuzulassen, hat das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR es für notwendig gefunden, die gesamte deutsche in den Wolgarayons wohnende Bevölkerung in andere Rayons zu übersiedeln...“ Den Umsiedlern wurde staatliche Unterstützung bei der Ansiedlung in den neuen Regionen versprochen, wo „an Ackerland reiche Rayons“ vorhanden seien.

Auf Geheiß des in Saratow und Engels auf persönlichen Befehl Berias zur Leitung der Operation eingetroffenen I. Serow, veröffentlichten die Zeitungen der deutschen Republik „Nachrichten“ und „Bolschewik“ den Erlass am 30. August³⁸ und sofort legte sich ein tiefer Abgrund der Entfremdung zwischen die Deutschen und die anderen Völker in der deutschen Republik. Schlagartig änderte sich auch die offizielle Politik im Verhältnis zu den Deutschen.

Am 2. September 1941 übermittelte der erste Sekretär des Gebietskomitees der Kommunistischen Partei der ASSR WD, S. Malow, eine spezielle Depesche an Stalin, in der er die politische Lage in der Republik der Deutschen nach der Veröffentlichung des Erlasses vom 28. August schilderte. Demnach habe „die überwiegende Mehrzahl der Werktätigen russischer und anderer (außer deutscher) Volksgruppenzugehörigkeit den Erlass entschieden begrüßt, ihn als eine ernsthafte Maßnahme zur Festigung des Hinterlandes aufgenommen ...“³⁹ Als Bestätigung dafür werden „Äußerungen von Werktätigen“ angeführt, die offen chauvinistischen Charakter tragen und die deutsche Bevölke-

Девичья фамилия моей бабушки Лидии Федоровны Семёновой – Шваб. Родилась она 19 февраля 1935 г. в селе Гуссенбах Краснокутского района Саратовской области Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. Во время Великой Отечественной войны осенью 1941 г. семья бабушки была депортирована в Алтайский край, Алтайский район, село Ая. В селе Ая она живет до сих пор, здесь вышла замуж за Юрия Александровича Семёнова, здесь живут ее дети, внуки и правнуки. Село Ая стало ее второй родиной. Бабушка вспоминает, как жила ее семья до войны на Волге. Из ее воспоминаний: «Семья была небольшая – мать, отец, дочь и два сына. Родители работали в сельском хозяйстве, мать – дояркой, отец – скотником. Бабушка с раннего детства помогала родителям на ферме. Помню, что в селе был большой колодец с большим колесом, которое крутилось от ветра». В их семье говорили на немецком языке. До сих пор моя бабушка понимает немецкую речь и может говорить на диалекте.

Оказавшись среди русского населения, депортированные в Аю немцы не имели возможности сохранять свои традиции и обычаи, народную культуру. Совсем немного им удалось сохранить до наших дней и передать своим детям и внукам. Так в нашей семье сохранились традиции празднования немецкого Рождества и Пасхи. До сих пор бабушка хранит документ о конфирмации ее матери Елизаветы Егоровны, а свою немецкую прялку она передала в сельский музей.

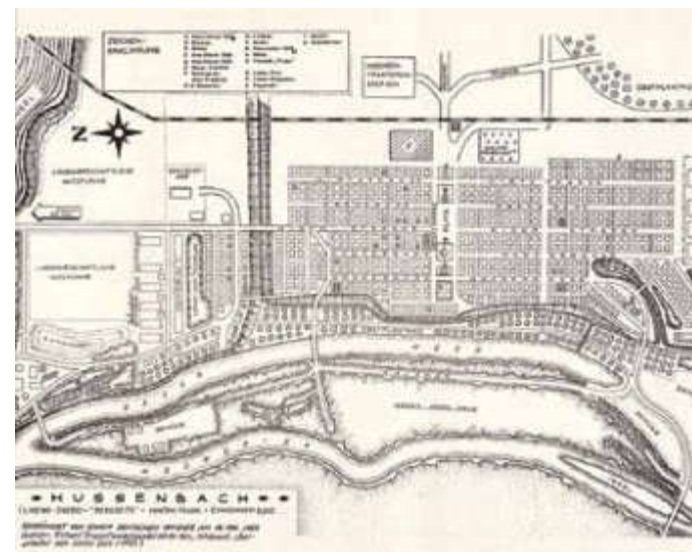
Светлана Семенова (15 лет)

Лидия Шваб

Лютеранская церковь
в селе Гуссенбах

Карта села
Гуссенбах

числа граждан села около сельского магазина» в сердцах заявила: «Хоть бы все сгорело и все погибло скорее. События на фронте развиваются очень медленно. Нужно было бы скорее покончить с советской властью. Нужно, чтобы немцы и сюда прилетели бомбить, чтобы все здесь сгорело»⁴⁴.

Партийный секретарь приводит также высказывания людей, желавших поражения Красной армии и быстрее прихода на Волгу германских войск.

Вместе с тем в докладной записке не приводится ни одного примера патриотического труда поволжских немцев на благо победы над фашистами, хотя до 28 августа в каждом из периодически отправлявшихся в Центр донесений таких примеров был не один десяток, а тот же С. Малов всего за несколько дней до того в подобной же докладной записке писал, что «политическое настроение трудящихся Республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»⁴⁵.

Нарисованную С. Маловым картину положения дел в АССР немцев Поволжья после опубликования указа от 28 августа дополняет И. Серов донесениями в адрес Л. Берии. В частности, он отмечает, что после выхода местных газет с текстом указа «имели место заявления о разводе со стороны русских женщин, состоящих замужем за немцами, с целью избежать переселения. Мною дано указание включить их в списки на переселение»⁴⁶. За 29–30 августа было арестовано: по АССР НП – 23, по Саратовской области – 23 и по Сталинградской области – 35 человек, планировалось продолжение арестов «антисоветских» и «фашистских» элементов.

С 29 августа на местах участковыми оперативными группами началось спешное составление учетных карточек на выселявшиеся немецкие семьи. В тот же день войска НКВД, прибывшие в Немреспублику, завершили дислокацию в указанных населенных пунктах⁴⁷.

руг der Wolga-Region aufs Größte beleidigen. So erklärte z. B. „ein Arbeiter“: „Ja, jetzt singen die Deutschen nicht mehr so laut. Mögen sie dorthin auch so freundschaftlich fahren, wie sie hier versucht haben, uns ihre Deutschtümelei aufzudrängen! Jetzt kann ich in Ruhe an die Front gehen, da ich weiß, dass meine Familie sich außer Gefahr seitens des inneren Feindes befindet.“⁴⁰

Noch einen Monat vorher wurde, wer Derartiges von sich gegeben hatte, strafrechtlich belangt (siehe den Fall Beloussow). Jetzt galten solche Leute auf einmal als Patrioten.

„Ein bedeutender Teil der deutschen Bevölkerung“, fährt S. Malow fort, „reagierte feindselig auf die Veröffentlichung des Erlasses, eine Stimmung, die überall von konterrevolutionären und profaschistischen Elementen angeheizt wurde. Im Kern waren die Äußerungen der Deutschen der Versuch, abzustreiten, dass die deutsche Bevölkerung unter sich Feinde des sowjetischen Volkes und der Sowjetmacht verbirgt.“⁴¹

Ferner berichtete der erste Sekretär des deutschen Gebietspartei Komitees, dass nach Veröffentlichung des Erlasses vom 28. August eine „spürbare Aktivierung konterrevolutionärer Elemente und eine Verstärkung der antisowjetischen und profaschistischen Propaganda zu verzeichnen ist. Die Aktivierung der konterrevolutionären Elemente reicht von Äußerungen aufwieglerischen Charakters über Versuche, Panik und provokative Gerüchte zu verbreiten bis hin zu Aufrufen zur Diversion und zum Widerstand gegen die Umsiedlung.“⁴²

Aus der Vielzahl von Beispielen, die von S. Malow zur Untermauerung des Gesagten angeführt werden, wählen wir einige der typischsten aus. Der Angestellte Kober erklärte: „Das hätte man sich ja denken können, da Hitler die Russen fest in die Zange genommen hat. In kurzer Zeit werden die deutschen Streitkräfte bis Stalingrad kommen, und von Stalingrad ist es nicht mehr weit bis zur Stadt Engels. Deshalb werden wir, die Deutschen, auch umgesiedelt.“ Der Angestellte Beimler sagte Folgendes: „Ja, wovon hat denn der Zarismus geträumt? Von der Umsiedlung der Deutschen nach Sibirien. Nun wird das verwirklicht.“⁴³ Solche angeblich „auführerischen und antisowjetischen“ Äußerungen

Сцена из спектакля

«Сборы были скорбными. Собирали вещи, резали скот, выли собаки, коровы ходили с раздувшимся выменем, молоко выдаивали прямо на землю. В одночасье все стали бездомными и нищими – ни кола ни двора. Люди уходили с узлами в руках, уходили в никуда, расставались навсегда. Из воспоминаний Иоганна Эйснера: «Начали собирать вещи, а военный стоит над душой, торопит. Давай скорей! Не берите много, на станции выбросите». Стали выходить, я в отчаянье открыл в доме все двери и окна, поставил на подоконник патефон с пластинкой «Ах, Самара-городок», завел до отказа пружину, и покинули мы родной дом. Уходили под музыку, со слезами на глазах, под команды людей в форме. Вместе с матерью залелись плачем дети. Пошли, а издали все слышались затухающие слова песни: «Беспокойная я, успокой ты меня...» Людей сажали в пульмановские вагоны, в народе их называли «телячьи». Было тесно, сидячих не хватало мест. Грудных детей прижимали к себе, чтобы они не замерзли. Дважды в сутки давали кипяток. Везли в Казахстан. Казалось, что не в человеческих силах было перенести дорогу. Одна из женщин заплакала, тогда к ней подошел муж и сказал: «Не плачь, Тереза. Не показывай им нашу слабость. Пой, Тереза, пой»».

Отрывок из поэтической драмы «Гуссенбах – Кучугурки. Немецким трудармейцам колонии «Шахта № 46» посвящается», автор сценария Владимир Дель, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии «Признание» СТД РФ, руководитель Молодежного театра «Предел», г. Скопин Рязанской обл.

Изгнание немецкого населения из Поволжья

Операция по выселению немцев из Поволжья началась в день опубликования в местных газетах указа от 28 августа и проводилась очень жестко и энергично. Об этом можно судить из доносений на имя наркома внутренних дел Л. Берии, которые ежедневно направлялись в Москву оперативной группой НКВД, осуществлявшей выселение.

В особенно тяжелые условия были поставлены люди, отправлявшиеся в первых эшелонах. Им пришлось в страшной спешке сдавать имущество и собираться в путь буквально за одни сутки – 31 августа. Это были в основном жители Покровска, Красного Кута, Гмелинки, Палласовки и других населенных пунктов, где имелись железнодорожные станции, а также жители близлежащих сел.

Погрузка в эшелоны началась 1 сентября. В дальнейшем (так было спланировано) последовательность погрузки в эшелоны определялась расстоянием сел до станций погрузки. Жители более близких к станции сел вывозились в первую очередь. Передвижение к станциям погрузки осуществлялось, как правило, на автомобилях и гужевым транспортом. Очень часто из-за нехватки транспорта мужчинам приходилось идти пешком. В ряде случаев, когда расстояния до станций были большими, задействовался и водный транспорт. Например, жители ряда сел Добринского и Бальцерского кантонов доставлялись к пристаням Нижняя Добринка, Русская Шербаковка, Ахмат и оттуда на пароходах и баржах транспортировались на станцию Увек (пригород Саратова), где грузились в эшелоны. Аналогично доставлялись к станции Покровск (г. Энгельс) некоторые жители Маркштадта, Маркштадтского, Унтервальденского, Зельманского кантонов⁴⁸.

3 сентября с десяти станций были отправлены в соответствии с графиком первые десять эшелонов. При погрузке не делалось никаких исключений ни для кого. Бывшие партийно-советские

sind in Wirklichkeit eine völlig normale Reaktion auf den Erlass, sie illustrieren den Versuch, die entstandene Situation zu durchdenken.

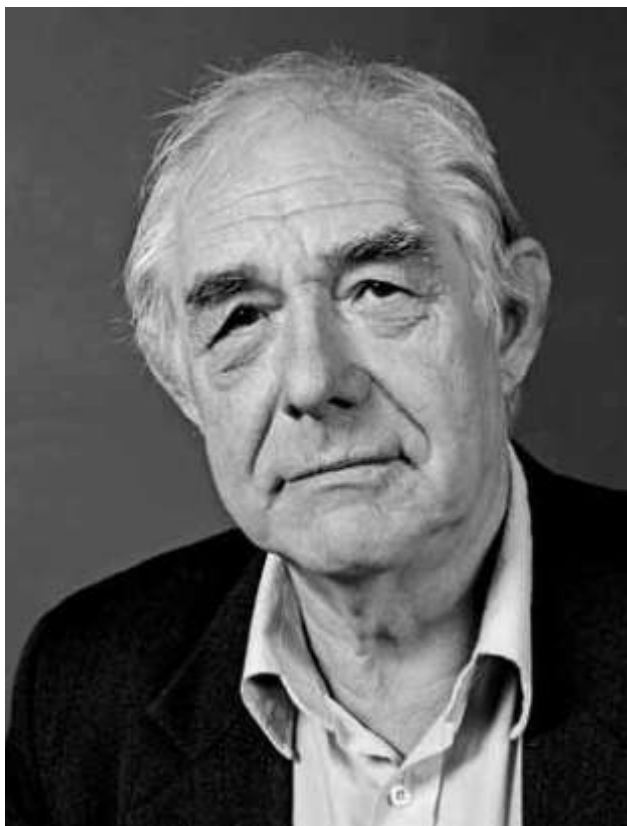
S. Malow führt auch deutlich schärfere Äußerungen an, die von der großen Verärgerung eines gewissen Teils der Bewohner der deutschen Republik in Bezug auf die Umsiedlung zeugen. So erklärte Anna Maria Fleher, Bewohnerin der Gemeinde Marienfeld, „in Anwesenheit einer großen Zahl von Bürgern des Dorfes in der Nähe des Dorfgeschäfts“ offenerzig: „Möge doch alles verbrennen, und mögen alle schnell verrecken, die Ereignisse an der Front entwickeln sich sehr langsam. Man müsste der Sowjetmacht schneller ein Ende bereiten. Es ist nötig, dass die Deutschen auch hierher geflogen kommen und Bomben abwerfen, damit hier alles abbrennt.“⁴⁴

Der Parteisekretär zitiert auch Meinungen, die der Roten Armee eine Niederlage und den schnellstmöglichen Vormarsch der deutschen Streitkräfte zur Wolga wünschten.

Der Bericht enthält kein einziges Beispiel für patriotische Stimmen der Wolgadeutschen zu Gunsten eines Sieges über die Faschisten, obwohl es bis zum 28. August in jedem dieser periodisch an die Zentrale gerichteten Berichte Dutzende derartige Beispiele gegeben hatte. So hatte derselbe S. Malow noch wenige Tage zuvor in einem vergleichbaren Bericht geschrieben, dass „die politische Stimmung der Werktätigen der Republik der Wolgadeutschen gesund ist. Die Arbeiter, Kolchosbauern und die Intelligenz haben ihre Arbeit auf die Kriegszeit umgestellt und bemühen sich, den Interessen der Front und den Aufgaben zur Zerschlagung des Feindes alles unterzuordnen.“⁴⁵

Das von S. Malow gezeichnete Bild der Situation in der ASSR der Wolgadeutschen nach Veröffentlichung des Erlasses vom 28. August ergänzt I. Serow durch seine Berichte an L. Beria. Darin stellt er u. a. fest, dass es nach der Veröffentlichung in den örtlichen Zeitungen „zu Erklärungen von russischen Frauen gekommen ist, die sich von ihren deutschen Ehemännern scheiden lassen und sich so der Umsiedlung entziehen wollten. Ich habe angewiesen, dass sie in die Liste der Umsiedlung aufzunehmen sind.“⁴⁶ Am 29. und 30. August wurden in der

Виктор Меллинг

Родился я в селе Гуссенбах Саратовской области. Там моя Родина. Очень хочу побывать там. Мне четырех еще не было, когда нас сюда привезли – мне только в октябре исполнилось четыре года. Как везли, помню смутно. Но когда родители что-то рассказывали, я вспоминал отдельные моменты. Привезли нас в деревню Демьянск Увацкого района, километров 30 отсюда (от Тобольска. – ред.). Разместили в «клоповнике», большущем доме на три хозяина, в середине общая прихожая, которую использовали как кухню. Вокруг дома двор был. Видимо, раньше это была чья-то усадьба, которую отняли во время раскулачивания и отдали колхозу. В прихожей в большом котле варили картошку для свиней. Нас поселили в две небольшие комнатки. С другой стороны дома провалилась крыша, там никто не жил. Позже родители мне рассказывали: «Ты ходишь по этой прихожей, руки в карманах, и твердишь: «Это не наш дом, я тут жить не буду». И плачешь». Я стал вспоминать, и действительно все это вспомнил. Припоминал и другие моменты. Например, в Гуссенбахе у нас была собака. А в доме жило много ребятшек. Семьи были большие. Все братья жили вместе в одном доме. И их дети были вместе. И все с этой собакой играли, как хотели. А когда нас высылали, ее на цепь посадили, нельзя ведь было с собой брать. И вот как-то, много лет спустя, я смотрел фильм «Мужики», где есть сцена с детьми и псом. И у меня тогда щелкнуло, и я вспомнил, как орал этот пес, и цвет его вспомнил. Как же он орал! Все это со временем забылось, а в сознании, оказывается, где-то пряталось.

Из воспоминаний Виктора Меллинга, 1937 г.р., записанных в Тобольске Натальей Паэгле.

руководящие работники немецкой национальности всех рангов ехали на общих основаниях в одних вагонах с рядовыми гражданами. К примеру, среди пассажиров первого эшелона, отправившегося со станции Гмелинская 3 сентября (эшелон № 822), находился бывший председатель Гмелинского кантисполкома Д. Унгефуг⁴⁹. Всего же из Гмелинского кантона немцы были вывезены в пяти эшелонах, причем последний эшелон из Гмелинки ушел 8 сентября⁵⁰. Казалось бы, кому как не председателю кантисполкома с его опытом работы и знанием обстановки организовывать и проводить все мероприятия по передаче имущества колхозов, передвижению и погрузке. Однако в его услугах уже не нуждались. Аналогичная ситуация складывалась по всей Немреспублике.

Все руководящие работники немецкой национальности практически на следующий день после опубликования указа о переселении в местных газетах, т. е. с 31 августа, были негласно отстранены от исполнения своих служебных обязанностей. Многие это сделали демонстративно добровольно. В частности, И. Серов в донесении от 30 августа проинформировал Л. Берия, что в тот же день, сразу после выхода газет с текстом указа, к первому секретарю обкома ВКП(б) Немреспублики С. Малову явился председатель Совнаркома АССР НП А. Гекман и «поставил вопрос о своем освобождении, так как его дальнейшие распоряжения не будут авторитетными». Просьба была удовлетворена⁵¹. Официально же в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. все должностные лица немецкой национальности были освобождены от исполнения своих обязанностей 5 сентября постановлением бюро обкома ВКП(б), среди них – тот же А. Гекман, а также К. Гофман, председатель Президиума Верховного Совета АССР НП, Г. Корбмахер, третий секретарь Немобкома и другие⁵².

Говоря о высших руководителях Немреспублики – немцах, следует отметить, что для них в нравственном плане пережить про-

gesamten ASSR WD 23 Personen verhaftet, im Verwaltungsgebiet Saratow 23 Personen und im Verwaltungsgebiet Stalingrad 35 Personen. Es war geplant, auch weiterhin „antisowjetische“ und „faschistische“ Elemente festzunehmen. Ab dem 29. August begann vor Ort die eilige Erstellung der Nachweiskarteien für die umzusiedelnden deutschen Familien durch die operativen Gruppen. Am selben Tag hatten die Streitkräfte des NKWD, die in der Wolga-Republik eingetroffen waren, ihre Stellungen in den betreffenden Siedlungen bezogen.⁴⁷

Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus dem Wolga-Gebiet

Die Operation zur Umsiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet begann am Tag der Veröffentlichung des Erlasses vom 28. August und wurde mit aller Härte und mit allem Nachdruck umgesetzt. Das geht aus den Berichten an den Volkskommissar für Innere Angelegenheiten L. Beria hervor, die ihm täglich von der operativen Gruppe des NKWD, die für die Umsiedlung verantwortlich war, nach Moskau gesandt wurden.

Besonders schwer hatten es Menschen, die mit den ersten Zügen verschickt wurden. Sie mussten in einer ungeheuren Eile ihren Besitz abgeben und innerhalb von 24 Stunden abfahrbereit sein, am 31. August. Es handelte sich dabei vor allem um Bewohner von Pokrowsk, Krasny Kut, Gmelinka, Pallassowka und anderer Gemeinden, die über einen Bahnanschluss verfügten, sowie über Bewohner nahe gelegener Dörfer.

Die Beladung der Züge begann am 1. September. Im Weiteren wurde die Reihenfolge, so der Plan, durch die Entfernung der Dörfer von der jeweiligen Bahnstation diktiert. Wer in der Nähe wohnte, wurde zuerst abtransportiert. Der Transport zu den Verladestationen erfolgte in der Regel mit Kraftfahrzeugen oder Gespannen. Sehr häufig mussten die Männer aufgrund mangelnder Transportkapazitäten zu Fuß gehen. Mancherorts, wenn die Entfernungen zu den Stationen sehr groß waren, kamen auch Schiffe zum Einsatz. So wurden zum Beispiel Dorfbe-

Woldemar Herdt

Jakow Weber.
Leerer Fluss. Leinwand, Öl.
53x88. 1920er Jahre.

« Heimweh

Sagt an, sagt an,
wann wird die Stunde schlagen,
wo ich die liebe Heimat
wiederseh'?

Schon wieder hör' ich
Kranichschwärme klagen,
die heimwärts ziehn,
in blauer Himmelshöh'.

Sie rufen mich,
des Schicksals freie Pilger,

aus diesem Ort
zu einem andern hin.
Sie locken mich
aus eisigkaltem Winter
in jenes Land,
wo jetzt die Tülpn blühen.
Oh, wüßten sie,
oh, könnten sie begreifen,
was sich in meiner
kranken Brust bewegt,
sie würden sicher
meinen Kummer teilen,
der qualvoll mich
von Lenz zu Lenze trägt.

Voll Heimweh höre ich
sie mit den Schwingen schlagen,
bis sie verschwinden
fern im Äthermeer.
Weit in die Welt
sie meine Sehnsucht tragen.
Ob sie mir bringen
einst die Wiederkehr?

Woldemar Herdt

Nordural, 1942

Russlanddeutscher Lyriker, geb. 1917 in Seelmann an der Wolga, gest. 1997 im Altai.

исшедшее падение с вершин власти вниз оказалось делом непростым. У некоторых, очевидно, наступило прозрение, а может быть их дальнейшие поступки определяла просто обида. Как бы там ни было, 16 сентября 1941 г. решением бюро Энгельсского горкома ВКП(б), теперь уже Саратовской области, были заочно (после выселения) исключены из рядов ВКП(б) А. Гекман и Г. Корбмахер за действия, «имеющие характер антисоветской демонстрации, направленные на дискредитацию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа...»⁵³.

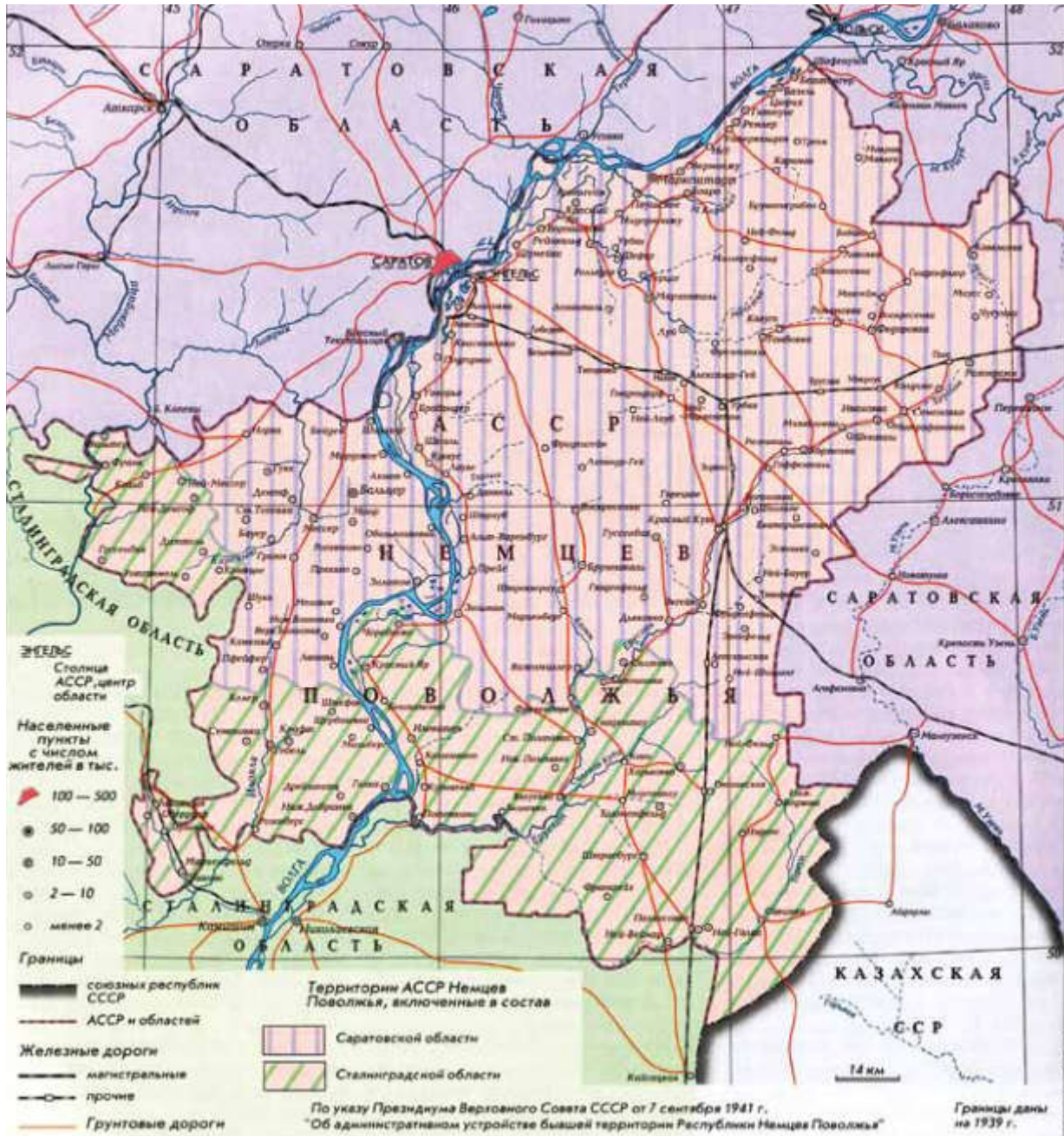
Что касается рядовых граждан немецкой национальности, то они, несмотря на обиду, возмущение, «антисоветские», «пораженческие» и «повстанческие» разговоры, в целом покорились судьбе. По данным органов НКВД, по всей Немреспублике не оказалось ни одной семьи, которая отказалась бы переселяться. В Сталинградской области «уклонялись» от переселения 2–3 семьи, в Саратовской области отказывались переселяться 3 семьи, да и то, как потом выяснилось, они лишь «ходатайствовали об оставлении»⁵⁴.

С каждым днем нарастало число эшелонов с переселенцами, отправлявшимися из Немреспублики, увеличивалось количество станций погрузки. Всего для погрузки немцев использовалась 31 станция, в том числе 16 – за пределами Немреспублики (Саратов, Увек, Камышин, Медведица, Неткачево и др.). Нагрузка на станции была распределена неравномерно. Наибольшее количество эшелонов – 46 (108,8 тыс. чел.) – было загружено и отправлено со станции Покровск. В отдельные дни (8, 16, 17 сентября и др.) со станции отправлялось по 5 и более эшелонов с переселенцами. Значительную нагрузку испытывала станция Увек. С нее был отправлен 21 эшелон (48,7 тыс. чел.). Особенно интенсивно погрузочные работы начали проводиться здесь с 14 сентября, когда стали подходить колонны переселенцев Бальцерского кантона, многим из них пришлось пройти пешком по 60–80 км. Из Саратова было отправлено 13 эшелонов, из Медведицы – 10.

wohner aus den Kantonen Dobrinka und Balzer zu den Häfen Nischnaja Dobrinka, Russkaja Tscherbakowka, Achmat u. a. geschafft, von wo aus es mit Dampfern oder Lastschiffen zum Bahnhof Uwek (einem Vorort von Saratow) weiter ging. Dort erfolgte der Umstieg in Züge.⁴⁸

Am 3. September fuhren entsprechend dem Zeitplan von zehn Bahnhöfen die ersten zehn Züge ab. Bei der Verladung wurden keinerlei Ausnahmen zugelassen. Ehemalige führende Partei- und Sowjetfunktionäre deutscher Volkszugehörigkeit teilten sich mit einfachen Bürgern dieselben Wagen. Von fünf Zügen, die zwischen dem 3. und 8. September⁵⁰ von der Station Gmelinskaja abfuhren, befand sich im ersten (Zugnummer 822) der ehemalige Vorsitzende des Kantonskomitees der Partei D. Ungefug aus Gmelinka.⁴⁹ Mit seiner Arbeitserfahrung und seinem Wissen um die Situation wäre er sicher in der Lage gewesen, die Übergabe des Eigentums der Kolchosen, den Transport und die Verladung zu organisieren. Doch seine Dienste wurden nicht mehr benötigt. Eine vergleichbare Situation entstand in der gesamten Wolga-Republik.

Alle leitenden Funktionäre deutscher Volksgruppenzugehörigkeit wurden bereits am 31. August, am Tag, der auf die Veröffentlichung des Erlasses über die Umsiedlung in den örtlichen Zeitungen folgte, inoffiziell von ihren Pflichten entbunden. Viele traten demonstrativ von selbst zurück. So ist etwa einem Bericht von I. Serow vom 30. August an Beria zu entnehmen, dass am selben Tag, unmittelbar nach Erscheinen des Textes der Vorsitzende des Rates der Volkskommissare der Autonomen Republik, A. Heckmann, beim ersten Sekretär des Gebietspartei Komitees der Republik, S. Malow, vorstellig geworden war und „die Frage seiner Entlassung stellte, da seine weiteren Verfügungen über keine Autorität mehr verfügen würden“. Dieser Bitte wurde entsprochen.⁵¹ Offiziell jedoch wurden alle Amtspersonen deutscher Volksgruppenzugehörigkeit unter Verweis auf den Erlass vom 28. August 1941 am 5. September durch einen Beschluss des Gebietspartei Komitees ihrer Ämter enthoben. Zu ihnen zählten der bereits erwähnte A. Heckmann sowie K. Hoffmann, der Vorsitzende des Präsidiums des Obersten Sowjets der Republik der Wolgadeutschen, G. Korbmacher, der dritte Sekretär des Partei Komitees und andere.⁵²

Административное устройство бывшей Республики немцев Поволжья

Со всех других станций было отправлено меньшее число количество – от 1 до 9⁵⁵.

В ходе операции по выселению имели место отдельные сбои. В частности, из-за прошедших дождей часть переселенцев прибыла на станции погрузки с опозданием, поэтому несколько эшелонов отправились в путь позже назначенного срока. Имели место срывы в своевременной подаче эшелонов под погрузку. Особенно грешило этим Управление Пензенской железной дороги (станции Медведица, Лапшинская и др.). Через 3–4 дня после начала операции по выселению на железных дорогах Саратовской области и АССР НП образовались пробки. Так, 8 сентября из 61 эшелона, отправленного с 3 сентября, 31 эшелон все еще находился недалеко от станций погрузки. Пробки были ликвидированы жесткими мерами органов НКВД⁵⁶.

6 сентября 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление, а 7 сентября Президиум Верховного Совета СССР – аналогичный Указ «Об административном устройстве территорий бывшей Республики немцев Поволжья»⁵⁷. В соответствии с этими документами территория Немреспублики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. В состав Саратовской области вошли г. Энгельс, пос. Красный Текстильщик и 15 кантонов (Терновский, Маркштадтский, Красноярский, Унтервальденский, Мариентальский, Гнаденфлюрский, Федоровский, Экгеймский, Красно-Кутский, Лизандергейский, Зельманский, Куккусский, Бальцерский, Золотовский, Каменский), в состав Сталинградской области – 7 кантонов (Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский).

После ликвидации республиканской администрации и перехода бывших кантонов, а теперь районов, в подчинение Саратовской и Сталинградской областей, после замены немцев в кантональных администрациях отношение к переселяемым немцам стало еще хуже, проведение самой операции – еще жестче. Ха-

Der tiefe Fall war vor allem in moralischer Hinsicht für die führenden deutschen Funktionäre der Republik der Deutschen ein schwerer Schlag. Bei einigen führte er offenbar zu einer neuen Sicht auf viele Dinge. Die Kränkung mag ihrem weiteren Verhalten zu Grunde gelegen haben. Wie dem auch sei, am 16. September 1941 wurden auf Beschluss des Büros der Stadtparteileitung von Engels, das nunmehr schon zum Verwaltungsgebiet Saratow gehörte, A. Hekmann und G. Korbmacher in Abwesenheit aus den Reihen der kommunistischen Partei ausgeschlossen. Zur Begründung hieß es, sie hätten sich Handlungen zuschulden kommen lassen, „die den Charakter antisowjetischer Demonstrationen tragen, die auf eine Diskreditierung des Erlasses des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR vom 28. August gerichtet sind ...“⁵³

Was dagegen die einfachen Bürger deutscher Volksgruppenzugehörigkeit anging, so ergaben sie sich ungeachtet aller Schmach, Erniedrigung, „antisowjetischer“, „auführerischer“ und „aufständischer“ Reden im Großen und Ganzen in ihr Schicksal. Nach Angaben der NKWD-Stellen gab es in der Republik der Deutschen keine einzige Familie, die sich gegen die Umsiedlung zur Wehr gesetzt hätte. Im Verwaltungsgebiet Stalingrad waren es demnach zwei bis drei Familien, die sich verweigerten, und im Verwaltungsgebiet Saratow drei Familien, wobei sie, wie sich später herausstellte, lediglich einen Antrag auf Verbleiben gestellt hatten.⁵⁴

Mit jedem Tag wuchs die Zahl der Umsiedlertransporte, die aus der Republik der Deutschen abgingen. Täglich erhöhte sich die Zahl der Verladestationen, auf bis zu 31 in der Spitze. 16 davon befanden sich außerhalb der Republik der Deutschen (Saratow, Uwek, Kamyschin, Medwediza, Netkatschewo u. a.). Die Auslastung der einzelnen Bahnstationen war dabei ungleichmäßig. Die größte Zahl an Zügen – insgesamt 46 mit 108.800 Menschen – wurde an der Station Pokrowsk abgefertigt. An einzelnen Tagen (so am 8., 16., 17. September u. a.) fuhren fünf und mehr Züge von dieser Station ab. Eine große Rolle im Rahmen der Operation spielte auch die Station Uwek. Dort wurden 21 Züge mit insgesamt 48.700 Personen abgefertigt, vor allem nach dem 14. September, als die Marschkolonnen der Umsiedler aus dem

Элла Бауэр

Карточка для отправки эшелона семьи Бауэр. Эта семья так же, как и семья Эллы Карловны, проживала на Волге, но была выселена в Кустанай.

« Родилась я в деревне Моргентау. 13 июня 1941 г. мне исполнилось 10 лет, а 22 июня началась война. 28 августа пришел приказ переселить немцев Поволжья. За сутки всю деревню загрузили в эшелон и повезли в Саратовскую область. В нашей семье было семеро детей. У нас в Моргентау остался большой дом, большие подворья, скотина разная: свиньи, коровы, утки, гуси, куры и козы. Когда нас загружали, кто-то горевал, кто-то наживался. Приказ вышел неожиданно, все собирались в спешке, мама забыла коробочку с лекарствами на буфете. Я была самая быстрая из всех детей, поэтому и вернулась домой, пока эшелон стоял прямо под окнами родного дома. Залезла я на этот сервант, смотрю, а дядя Фома, наш сосед, нашу пшеницу загружает, всю скотину забрал к себе. Я пошла обратно, иду и плачу. Так я попрощалась с родным домом, в который уже больше никогда не вернулась. В конце сентября мы были в Красноярске. С поезда всех выгрузили и загрузили в баржи и неделю везли по Енисею. Когда прибыли в пункт назначения, всех развезли по деревням. Нашу семью везли на лошадях еще 80 километров около 3 суток. Привезли нас в таежную деревню, где нас было больше, чем людей, живущих в деревне. Они приняли нас так, как будто мы были прямо из Германии. Но вот стали мы в школу ходить. У председателя сын был задиристый. Он на меня всегда кидался. Однажды я его хорошенько «отдубасила» за то, что он меня назвал фашистом. Нам же обидно было! Все эти обстоятельства повлияли на желание учиться, и я приняла решение больше не учиться в школе. Так – и осталась я без образования... »

Из воспоминаний Эллы Бауэр (1931 г.р.). Сегодня Элла Карловна живет в Рубцовске. У нее есть дети, внуки, правнуки и праправнуки. «Я уже богатая бабушка. Я не привыкла в маленькой семье жить», – говорит Элла Карловна.

рактерный пример: не успел Саратовский обком ВКП(б) получить под свою власть бывшие немецкие кантоны, как тут же отдал распоряжение снять весь рабочий скот (лошадей, волов) с перевозки к станциям погрузки и отправить его на сельхозработы. Особенно больно это решение ударило по Бальцерскому кантону, где, как уже отмечалось, выселяемым приходилось преодолевать большие расстояния до станций погрузки. После снятия скота с перевозок в этом кантоне на вывозе немецкого населения осталось лишь семь автомобилей. Потребовалось вмешательство органов НКВД с напоминанием о «необходимости выполнения решения правительства о переселении немцев в точно установленные сроки», чтобы Саратовский обком направил в кантон дополнительное количество машин⁵⁸. Однако и после этого транспорта не хватало, и значительной части переселенцев, включая женщин и детей, пришлось преодолевать десятки километров пешком.

13 сентября 1941 г. И. Серов доложил Л. Берии, что в связи с предстоящим окончанием операции им разработана директива для управлений НКВД Саратовской и Сталинградской областей «о порядке дальнейшего выявления и направления к местам расселения лиц немецкой национальности». Выявление немцев надлежало проводить путем проверки документов на железнодорожных станциях, водных пристанях, пунктах переселения беженцев, в паспортных столах при прописке и т. п. «Выявленным лицам немецкой национальности, – указывал И. Серов, – органы милиции объявляют, что они обязаны выехать в Казахскую ССР, и в паспорте записывают, что владелец паспорта имеет право на жительство только в областях, перечисленных приказом НКВД СССР. Таким образом, немцы будут вынуждены ехать в указанные места, так как с такой записью в паспорте его нигде в другом городе не пропишут»⁵⁹. Замечательное изобретение Серова! Как оно облегчало жизнь государственного и полицейского аппарата, сколько средств сэкономило! Советские немцы, точно волки,

Kanton Balzer eingetroffen waren. Viele Menschen hatten dabei 60 bis 80 Kilometer zu Fuß zurückgelegt. Von Saratow gingen 13 Züge ab, von Medwediza zehn. An allen anderen Stationen wurden weniger als zehn Züge abgefertigt.⁵⁵

Im Verlauf der Umsiedlung traten wiederholt Probleme auf. So konnte z. B. aufgrund erheblicher Regenfälle ein Teil der Übersiedler nicht rechtzeitig die Verladestationen erreichen, weshalb einige Züge erst nach der planmäßigen Abfahrtszeit die Stationen verließen. Auch die rechtzeitige Bereitstellung der Wagen verlief nicht reibungslos. Besonders betraf das den Eisenbahnbezirk Pensa, zu dem unter anderem die Stationen Medwediza und Lapschinsk gehörten. Drei bis vier Tage nach Beginn der Operation stauten sich die Züge auf den Hauptstrecken der Eisenbahn im Verwaltungsgebiet Saratow und in der ASSR WD. So hatten sich am 8. September von den seit dem 3. September abgefahrenen 61 Zügen insgesamt 31 nicht weit von ihren Ausgangsstationen entfernt. Diese Staus wurden durch Sanktionen seitens der NKWD-Stellen aufgelöst.⁵⁶

Am 6. September 1941 erging ein Beschluss des Rates der Volkskommissare der UdSSR und des ZK, am 7. Oktober erließ das Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR einen analogen Erlass „Über die administrative Gliederung der Territorien der ehemaligen Republik der Wolgadeutschen“.⁵⁷ Demnach wurde das Territorium der Republik der Deutschen zwischen den Verwaltungsgebieten Saratow und Stalingrad aufgeteilt.

Nach Auflösung der Verwaltung der Republik und dem Übergang der ehemaligen Kantone, die jetzt Rayons hießen, in die Zuständigkeit der Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad sowie der Entfernung der Deutschen aus allen Ämtern verschlechterte sich das Verhältnis zu den umzusiedelnden Deutschen weiter. Die Umsiedlung wurde mit immer größerer Härte betrieben. Ein typisches Beispiel: Als das Gebietskomitee der Partei von Saratow seine Macht nicht auf alle ehemaligen deutschen Kantone ausdehnen konnte, verfügte es, dass sämtliches Nutzvieh (Pferde und Ochsen als Zugtiere) nicht für den Transport zu den Verladestationen verwendet werden dürfe, sondern in der Landwirtschaft zu verbleiben habe. Besonders unter dieser Entschei-

Konstantin Schäfer

Über Traktoren kann er auch heute noch Stunden erzählen. Ganze Vorlesungen halten. Über Schauben und Ketten und Motoren. Über Stangen und Lenker. Dann lächelt er vor sich hin, die Augen leuchten. Die Erinnerungen sind stark. Konstantin Schäfer ist 86 Jahre alt. Die Traktoren sind in seinem Gedächtnis fest verankert. Wie auch die Zeit, in der er als Traktorist in der russischen Arbeitsarmee in Sibirien schuftete musste. Konstantin Schäfer erzählt leise. Seine Sätze sind mit deutschen Wörtern durchsetzt. Er nuschelt sie vor sich hin, manchmal sind sie kaum verständlich, dann wieder ganz klar. Wie auch die Episoden, über die er in einer Bibliothek in Krasnojarsk berichtet. Hier in Sibirien ist er geblieben. Hierher hat ihn sein Schicksal verschlagen. Ein Schicksal, das vom Krieg gemacht wurde, von Befehlen, Verordnungen, von nationalen Interessen verschiedener Mächte, denen er, wie Millionen anderer Menschen, ausgeliefert war. Als kleiner Junge bereits, später als junger Mann. Und auch heute noch als alter Herr, der Deutschland und Russland in sich trägt. Der beides auch vor sich liegen hat – in Form zweier roter Pässe, von der Bundesrepublik – die Enkelin hat die Dokumente für ihn ausgefüllt – und der Russischen Föderation, es ist ja so, er sei in Russland geboren.

Am 27. Januar 1925 erblickt Konstantin Schäfer das Licht der Welt. Die Eltern, Wladimir Schäfer, damals 27 Jahre alt, und Margarita Katharina Fritzier, damals 30 Jahre, freuen sich über den Sohn. Konstantin lebt. Er

überlebt. Drei weitere Kinder verlieren die Schäfers, als diese noch klein sind. Sie wohnen in Saratow, Wladimir Schäfer arbeitet im Kornwerk – solange, bis die Familie nach Kukkus zieht, ins Dorf Jablonowka. Wladimir Schäfer ist aufgestiegen, soll das Werk im Dorf leiten. Der kleine Konstantin findet schnell Freunde, kommt in die Schule. „Die Suppe war dort immer so lecker.“ Doch die Suppe geht langsam aus, 1932 erreicht der Große Hunger auch das Dorf Jablonowka. Eine Mühle rettet den Bewohnern das Leben. Die Schäfers, mit dem Familienoberhaupt auf dem Chefposten, kommen durch. Doch jemand denunziert Wladimir Schäfer. Für zwei Jahre kommt er in Haft. Wer und warum und wie – Fragen, auf die die Familie niemals eine Antwort gefunden hat. Margarita Schäfer zieht mit ihrem Sohn zurück nach Saratow, zu ihrem Bruder. Konstantin kommt in die deutsche Schule.

1934 wieder ein Umzug, nach Kamyschin-Balaschow nahe Wolgograd, damals Stalingrad. Wieder arbeitet Wladimir Schäfer in einem Kornwerk. Und wieder muss sich Konstantin Schäfer umstellen. Die Schule ist nun russisch, das Sprechen fällt ihm schwer. Dann geht es nach Hussenbach, ein weiteres Dorf, weitere Veränderungen. In die Schule nach Dobrinka reitet der Sohn auf einem Pferd.

Am 28. August 1941 ändert sich das Leben aller in der ehemaligen Sowjetunion lebenden Deutschstämmigen. Für die Wolgadeutschen beginnt die Vertreibung aus ihren Häusern, ihrem jahrhundertalten Zuhause.

Aus den Erinnerungen von Konstantin Schäfer. Er war in der Arbeitsarmee im Gebiet Kemerowo. 1947 heiratete er Nadeschda Kamyschewa, sie bekamen vier Kinder. 1984 zog er nach Krasnojarsk. Er ließ sich scheiden – und heiratete erneut. Schäfer engagiert sich im Veteranensowjet. Und wenn er Zeit finde, lese er Zeitungen. Am liebsten über Traktoren.

обложенные красными флажками, сами вынуждены были направляться туда, где бы их хотело видеть советское руководство.

Завершилась операция по выселению немцев 20 сентября. В этот день были загружены и отправлены из Покровска и Увэка последние три эшелона. Причем один из них (эшелон № 815) несколько задержался и отправился со станции Увек уже после 24.00 20 сентября. Однако в сводках, направленных в Центр, об этом не сообщалось⁶⁰.

В ходе проведения операции были потери. На станциях погрузки из-за антисанитарных условий заболели и умерли три ребенка, не смог дойти до станции и умер в пути больной туберкулезом. В это же время родилось трое детей. В целях «профилактики» органами НКВД по

АССР НП, Саратовской и Сталинградской областям были арестованы 349 человек, признанных «антисоветскими элементами»⁶¹.

Общее число погруженных в эшелоны и направленных в Сибирь и Казахстан немцев из АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей точно назвать невозможно, поскольку в

разных документах НКВД сведения о переселенцах имеют расхождения в пределах нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч людей. Этот разноречивый нашел свое отражение и в публикациях разных авторов⁶².

Проанализировав документы 4-го спецотдела НКВД, касающиеся депортации немцев из Поволжья, автор настоящей статьи подготовил списки всех 188 эшелонов, осуществлявших перевозку немцев из Поволжья, с указанием численности каждо-

дунг litt der Kanton Balzer, von wo aus, wie bereits an anderer Stelle erwähnt, besonders große Entfernungen bis zu den Verladestationen zurückzulegen waren. Nachdem man das Zugvieh von den Transporten der Umsiedelnden abgezogen hatte, standen dafür nur noch ganze sieben Kraftfahrzeuge zur Verfügung. Es bedurfte der Intervention der NKWD-Stellen mit dem Hinweis, dass „es notwendig ist, die Beschlüsse der Regierung zur Umsiedlung der Deutschen im Rahmen der festgelegten Fristen umzusetzen“, damit das Gebietskomitee Saratow eine zusätzliche Zahl an Kraftfahrzeugen entsandte.⁵⁸ Allerdings reichten auch danach die Transportkapazitäten nicht aus, und ein großer Teil der Übersiedler, einschließlich Frauen und Kinder, musste Dutzende Kilometer zu Fuß zurücklegen.

Am 13. September 1941 berichtete I. Serow an Beria, dass im Zusammenhang mit der bevorstehenden Beendigung der Operation von ihm eine Direktive an die Verwaltungen des NKWD der Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad „Über das Vorgehen zur weiteren Auffindung und Umsiedlung von Personen deutscher Volksgruppenzugehörigkeit in die Ansiedlungsorte“ ergangen sei. Das Auffinden von Deutschen sollte durch Dokumentenkontrolle an Eisenbahnstationen, Flusshäfen, Umschlagplätzen von Flüchtlingen, in den Meldeämtern etc. vor sich gehen. „Den festgestellten Personen deutscher Volksgruppenzugehörigkeit“, rapportierte I. Serow, „haben die Behörden der Miliz zu erläutern, dass sie verpflichtet sind, in die Kasachische SSR auszureisen, und ihnen wird im Pass ein Vermerk eingetragen, dass der Passinhaber ein Recht auf Wohnsitz ausschließlich in jenen Verwaltungsgebieten hat, die durch diesen Erlass des NKWD bezeichnet worden sind. Auf diese Art und Weise werden die Deutschen gezwungen, sich in die genannten Orte zu begeben, da sie mit einem solchen Eintrag im Pass nirgendwo anders angemeldet werden können.“⁵⁹ Das war eine bemerkenswerte Erfindung von Serow! Wie hat er doch dem Staat und dem Polizeiapparat das Leben erleichtert, wie viele Mittel hat er eingespart! Die Sowjetdeutschen wurden wie Wölfe mit roten Fähnchen markiert und gezwungen, sich selbst an die Orte aufzumachen, wo die sowjetische Führung sie haben wollte.

Общее количество погруженных в эшелоны и направленных в Сибирь и Казахстан немцев из АССР НП, Саратовской и Сталинградской области точно назвать невозможно.

А.Я. Герр

« Наш эшелон № 842 ушёл с товарной станции Саратова около трех часов ночи 11 сентября 1941 г... Когда эшелон отправлялся со станции, слёз не было. Но когда проехали Увек и въехали на мост, рыдал весь вагон: взрослые и дети, мужчины и женщины. Волга! Наша 11-летняя дочь, окончившая учебный год с похвальной грамотой, в своём дневнике записала:

Волга, Волга, мать родная!
Ты – любимая моя...
Я уеду поневоле,
В сердце увезу тебя!⁶⁵

Из воспоминаний А.Я. Герра

« Unser Zug Nr. 842 verließ den Güterbahnhof Saratow gegen 3 Uhr nachts am 11. September 1941 ... Als der Zug aus dem Bahnhof fuhr, gab es keine Tränen. Aber als wir Uwek durchfahren hatten und auf die Wolga-Brücke fuhren, erschütterte dies den ganzen Waggon. Erwachsene wie Kinder, Männer wie Frauen. Die Wolga! Unsere elfjährige Tochter, die gerade das Schuljahr mit einer Ehrenurkunde abgeschlossen hatte, vermerkte in ihrem Tagebuch:

Wolga, Wolga, Du unsere Heimat!
Du bist meine Liebste ...
Ich fahre nicht freiwillig,
ich nehme Dich im Herzen mit!⁶⁵

Aus den Erinnerungen von A.J. Gerr

го из эшелонов как в момент убытия из Поволжья, так и в момент прибытия в пункт назначения (Приложения 1 и 2). Согласно этим данным, всего из Поволжья в Сибирь и Казахстан было отправлено 451 986 человек, прибыло к месту назначения – 440 238 человек.

Среднее арифметическое этих чисел дает нам величину – 446 112 человек. Она практически совпадает с официальными данными НКВД о переселенных из Поволжья немцах, доложенными в Политбюро ЦК ВКП(б), – 446 480 человек. Разница – 368 человек. Если разделить ее на количество эшелонов – 188, величина погрешности составляет всего 1,9 человек на эшелон. Это мизер, если учесть, что эшелоны перевозили по несколько тысяч человек. Отмеченное совпадение позволяет предположить, каким образом в НКВД было получено общее число переселенных немцев. Согласно тем же официальным данным, из АССР немцев Поволжья переселили 373 529 человек, из Саратовской области – 46 706 человек, из Сталинградской области – 26 245 человек⁶³.

Как уже отмечалось, подавляющее большинство немецкого населения Поволжья было вывезено к местам назначения эшелонами по железной дороге. Однако часть его (немцы Сталинградской области и прилежащих к ней сел АССР НП), а прежде чем сесть в эшелон, значительное расстояние преодолели водным путем. Этим людей сначала собирали к волжским пристаням и водным транспортом отправляли до Астрахани, от туда по Каспийскому морю – на пароходах и баржах – до Гурьева и лишь затем железнодорожным транспортом к местам расселения.

У большинства переселенцев, никогда не видевших моря, оно вызывало страх. Начали распространяться слухи о том, что немцев вывозят в море для того, чтобы утопить. В связи с этим 7 сентября на барже № 063, стоявшей на астраханском причале в ожидании отправки, поднялась паника. Применяв суровые меры, охрана навела порядок⁶⁴. Отголоском этих событий спустя почти

Die Operation zur Umsiedlung der Deutschen wurde am 20. September abgeschlossen. An diesem Tag wurden von den Stationen Pokrowsk und Uwek die letzten drei Züge abgefertigt und abgesandt. Dabei kam es bei einem der Züge (Nr. 815) zu einer Verzögerung, so dass er die Station Uwek erst nach Mitternacht verließ. Allerdings wurde in allen Berichten, die diesbezüglich an die Zentrale ergingen, davon nichts mitgeteilt.⁶⁰

Bei der Umsiedlung der Deutschen gab es auch Tote. An den Verladestationen erkrankten und verstarben drei Kinder aufgrund der mangelnden hygienischen Bedingungen, ein Tuberkulosekranker überlebte den Weg zur Station nicht. Gleichzeitig wurden in dieser Zeit drei Kinder geboren. Zur „Vorbeugung“ wurden durch die NKWD-Behörden der ASSR WD und der Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad 349 Personen verhaftet, die man als „antisowjetische Elemente“ brandmarkte.⁶¹

Die Gesamtzahl der auf die Züge verteilten und nach Sibirien und Kasachstan verbrachten Deutschen aus der ASSR WD, den Verwaltungsgebiet Saratow und Stalingrad lässt sich nicht genau beziffern, da in unterschiedlichen Dokumenten des NKWD die Angaben dazu erheblich voneinander abweichen, wobei die Differenz einige Tausend, bisweilen sogar einige Zehntausend Personen betrifft. Diese Schwankungen haben ihren Niederschlag auch in Publikationen verschiedener Autoren gefunden.⁶²

Nach einer Analyse der Unterlagen der 4. Spezialabteilung des NKWD zur Deportationen der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet hat der Autor dieses Artikels eine Liste von insgesamt 188 Zügen erstellt, mit denen Deutsche aus den Wolga-Regionen abtransportiert wurden. Die Anzahl der in jedem Zug transportierten Menschen wurde dabei am Ausgangs- und am Bestimmungsort erfasst (s. Anlage 1 u. 2). Demzufolge wurden aus dem Wolga-Gebiet insgesamt 451.986 Personen nach Sibirien und Kasachstan verbracht, von denen 440.238 den Bestimmungsort erreichten. Das arithmetische Mittel dieser beiden Zahlen ergibt eine Größe von 446.112 Personen. Dies deckt sich praktisch mit den offiziellen Angaben des NKWD über die aus der Wolga-Region umgesiedelten Deutschen, wie sie an das Politbüro des ZK gemeldet wurden (446.480 Personen). Die Differenz beträgt lediglich 368 Personen. Auf die Zahl

Анна Гааг

Российским немцам

Из глубины веков далеких
Я предков слышу голоса...
И путь их горестный, нелегкий
Узреть пытаются глаза.
И крикнуть хочется: зачем же
Вы дом покинули родной?
Чтоб обрести иную землю,
Чтоб стать изгоями в чужой?
Как много разума и силы
Вложили вы в Святую Русь!
В науке и в культуре были
Вы не последними... И пусть
Россию искренне любили,
Душой болели за нее,
И честь, и славу с ней делили,
И погибали за нее...
Но не могли предвидеть все же
Вы путь истории большой,
Что ваши правнуки все тоже
Получат звание – изгой.
И от Поволжья до Урала,

Через Сибирь до Колымы
Вы путь проделали немалый,
В слезах, в трудах для той страны,
Где все народы равноправны
И только пасынкам надежды нет...
Скажите, люди, где же правда?
Где справедливость? Ее нет!
И горький ком застыл у горла,
Его не в силах проглотить...
Друзья уехали, а я упорно
В России продолжаю жить.
О предках память, радость, горе –
Все с ней по-прежнему делю,
Пою ей песни на просторе,
Как землю эту я люблю!
Здесь мои корни: бабки, деды,
Отец и мать в земле лежат,
Здесь мои радости и беды,
Здесь жизнь детей, родных внучат...
Пускай друзья судьбу пытаются
В стране богатой, но чужой.
Другой я родины не знаю!
Здесь родилась, здесь дом родной!

До 1941 г. родители Анны Андреевны Гааг проживали в селе Гельзель Зельманского кантона. Оттуда их депортировали в Красноярский край. Старших сестер Анны – Екатерину и Маргариту – мобилизовали в трудовую армию. Они попали в Башкирию, на нефтяное месторождение. В 1946 г. отец оформил перевод семьи из Красноярского края в башкирский Соцгородок. Спустя пару месяцев после переезда там родилась Анна Гааг.

50 лет стали некоторые публикации в советской немецкоязычной прессе о том, что якобы существовал план массового утопления немцев в Каспийском море.

Несмотря на официальные обвинения, выдвинутые против поволжских немцев, жесткое, а временами жестокое отношение местных властей к выселяемым, большинство жителей Поволжья сохраняли к согражданам немецкой национальности теплые чувства, человеческое отношение. Об этом до сих пор хорошо помнят многие ныне пожилые немцы-волжане. Чаще всего вспоминают они участливые слова соседей, слезы русских женщин, расстававшихся со своими немецкими подругами.

В фонде Саратовского обкома ВКП(б) сохранились уникальные документы, подтверждающие отмеченное выше. В частности, «спецсообщение» № 124сс от 13 сентября 1941 г. «О выражении сожаления и организации подарков для переселяемых немцев в столовой-ресторане № 7, в облпотребсоюзе, в дорпрофсоже РУЖД и 43 средней школе»⁶⁶. Как видим, даже в условиях угрозы репрессий находилось немало людей, в том числе ответственных работников, которые вопреки официальным установкам проявляли лучшие человеческие качества по отношению к коллегам и друзьям, столь неожиданно покидавшим их и уезжавшим навстречу неизвестности.

Порядок и условия перевозки немцев Поволжья на восток

В то время как Немреспублику покидали последние эшелоны, первые уже прибыли к месту назначения. Чтобы не загружать основные железнодорожные трассы, по которым шли к фронту воинские эшелоны, передвижение составов с поволжскими немцами в Сибирь и Казахстан осуществлялось, главным образом, круж-

der Züge hochgerechnet, macht das 1,9 Personen pro Zug. Das ist zu vernachlässigen, wenn man in Rechnung stellt, dass diese Züge jeweils mehrere Tausend Menschen beförderten. Die festgestellte Übereinstimmung erlaubt es, davon auszugehen, dass der NKWD die Gesamtzahl der umgesiedelten Deutschen wahrheitsgemäß festgehalten hat. Entsprechend diesen nunmehr offiziellen Angaben wurden aus der ASSR WD 373.529 Personen ausgesiedelt, aus dem Verwaltungsgebiet Saratow 46.706 und aus dem Verwaltungsgebiet Stalingrad 26.245 Personen.⁶³

Wie bereits erwähnt, wurde die Mehrzahl der deutschen Bevölkerung aus der Wolga-Region mit Zügen an den Bestimmungsort gebracht. Ein kleinerer Teil (Deutsche aus dem Verwaltungsgebiet Stalingrad und umliegenden Dörfern der ASSR WD) musste jedoch zuvor erhebliche Entfernungen auf dem Wasserweg zurücklegen. Diese Menschen wurden zunächst in Wolga-Häfen gesammelt und dann nach Astrachan verschifft, von wo aus sie Dampfer und Lastschiffe über das Kaspische Meer nach Gurjew brachten. Erst dort standen Züge zu den Bestimmungsorten bereit.

Bei einer Mehrzahl der Übersiedler, die nie zuvor ein Meer gesehen hatten, rief dies Ängste hervor. Es gab Gerüchte, wonach man die Deutschen aufs Meer hinaus bringe, um sie dort zu ertränken. Vor diesem Hintergrund brach am 7. Oktober auf dem Lastschiff Nr. 063, das sich im Hafen von Astrachan vor dem Auslaufen befand, eine Panik aus. Das Wachkommando stellte die Ordnung unter Einsatz der ihm zur Verfügung stehenden Mittel wieder her.⁶⁴ Einen Widerhall fanden solche Ereignisse fast 50 Jahre in der deutschsprachigen Sowjetpresse, wonach angeblich ein Plan zur massenhaften Ertränkung der Deutschen im Kaspischen Meer existiert habe.

Ungeachtet der offiziellen Anschuldigungen, die gegen die Wolga-deutschen vorgebracht worden waren, ungeachtet des harten und teilweise auch hartherzigen Umgangs der örtlichen Behörden mit den Auszusiedelnden, hatte doch die Mehrzahl der einfachen Bewohner des Wolga-Gebiets den Mitbürgern deutscher Volksgruppenzugehörigkeit gegenüber ihre warmen Gefühle und gutnachbarlichen Beziehungen bewahrt. Die Erinnerung daran haben sich bis heute viele ehe-

Елена Линк

Я помню лишь некоторые отрывки из рассказов своего дедушки, Готтлиба Линка. Они пропитаны горестью и бессилием. Жаль, что сохранить в памяти удалось совсем немного из поведанного дедушкой, ведь рассказывать о тех временах так тяжело, да и не принято в нашей семье было вспоминать о 1940-х гг., так как мамин отец, украинец по национальности, еще в детские годы был травмирован немецким солдатом – в такой ситуации просто нужно было уважать обе стороны...

Помню, как дедушка Готтлиб рассказывал о том, что уже в мирное время ему предлагали изменить имя и фамилию и отказаться от национальности «немец». Я горжусь им за то, что ему тогда хватило смелости и гордости остаться немцем, что он устоял под натиском чиновника, который подробно «расписал» ему ужасное будущее его детей с «такой» национальностью – от детского сада до первого рабочего дня. Я благодарна дедушке за то, что сегодня я – немка, что я научилась печь штолен и штрудель, свободно говорю на немецком, пожила среди коренных немцев и сейчас прекрасно чувствую себя и в Германии, и на Украине.

Обидно лишь одно – людей, переживших 1940-е гг., осталось так мало, что сейчас некому рассказать нам о нашей же истории, о прошлом нашего народа, а ведь хочется передать все своим детям, ведь без знания прошлого стыдно идти в будущее и строить там свою жизнь.

Сейчас, когда мне интересно было бы расспросить дедушку о том времени, его уже больше нет с нами... Поэтому я призываю всех, чьи бабушки и дедушки еще живы, запечатлеть их хотя бы на фото рядом с собой, расспросить и записать на видео их рассказы. Сейчас я тщетно пытаюсь вспомнить слова колыбельной, которую пела дедушке его мама, моя прабабушка, ведь когда дедушка Готтлиб учил меня ей, мне было всего 12 лет, и я знала на немецком лишь несколько фраз. Помню, что незадолго до этого я только начала учить немецкий и родители мне рассказали, что я – немка. Мне тогда хотелось похвастаться перед дедушкой Готтлибом своей тетрадкой и новеньким учебником по немецкому языку, хотелось «помериться силами» в знании немецкого языка, да куда мне было тогда. К тому же дедушка говорил на диалекте Plattdeutsch, который, как известно, очень отличается от литературного немецкого. Вспоминаю свое недоумение и разочарование, когда я не смогла понять ни единого слова из той колыбельной.

Еще раз призываю всех, кто в сердце немец, не терять времени и наверстывать упущенное.

Берите в руки всевозможную записывающую технику, жмите на «Aufnahme» и спрашивайте, интересуйтесь, узнавайте, добивайтесь, потому что мы – будущее нашей нации, в сердце которого должен сохраниться бесценный дар – память о прошлом.

ным путем: через Саратовское Заволжье в Казахстан (Уральск, Актюбинск и далее на юг до Алма-Аты), отсюда по Туркестано-Сибирской магистрали на север до Барнаула и Новосибирска, от Новосибирска на запад (в Омскую область и Северный Казахстан) и на восток (в Красноярский край). В зависимости от конкретных станций погрузки и пунктов назначения общее время нахождения эшелонов в пути колебалось от 9 до 16 суток. В то же время некоторые эшелоны (перевозившие немцев в ближайшие от Поволжья места депортации – Омскую и Кустанайскую области) следовали, очевидно, прямым путем, поскольку их время в пути составляло всего 5–6 дней.

Условия жизни переселенцев в пути были очень тяжелыми. Людей перевозили в крытых товарных вагонах. В каждый вагон набивали по 40 и более человек с имуществом. Спали на нарах, а то и просто на полу, подстелив солому. Из-за сбоев в графике движения горячее питание на станциях осуществлялось нерегулярно. Постоянные проблемы были с водой, особенно когда эшелоны шли по центральным и южным областям Казахстана. По воспоминаниям многих переселенцев, пожалуй, наиболее болезненным в физическом и нравственном плане в пути стал вопрос отправления естественных надобностей, который оказался совершенно не продуманным и потому для людей превращался, по существу, в массовую и постоянную пытку, особенно когда эшелоны по много часов шли не останавливаясь.

Из-за некачественной воды и антисанитарных условий во многих эшелонах имели место вспышки инфекционных желудочно-кишечных заболеваний, жертвами которых становились прежде всего дети. По имеющимся у нас данным, только в 44 эшелонах, перевозивших граждан бывшей Республики немцев Поволжья на восток, умерли 159 человек (Приложение 2). По остальным 144 эшелонам сведений об умерших обнаружить не удалось, однако, прибегнув к соответствующей математической интерполяции, можно предположить, что во время депортации умерли не менее

malige, nunmehr schon hochbetagte Wolgadeutsche bewahrt. Meist erinnern sie sich an die wohlmeinenden Worte der Nachbarn und die Tränen der russischen Frauen, die sich von ihren deutschen Freundinnen verabschiedeten.

Im Archiv des Parteigebietskomitees Saratow werden einmalige Dokumente aufbewahrt, die das eben Gesagte bestätigen. Konkret gibt es dort eine „Sondermeldung“ Nr. 124cc vom 13. September 1941 „Über Bekundungen des Bedauerns und die Organisation von Geschenken für umzusiedelnde Deutsche im Restaurant Nr. 7, in der Behörde für Konsumgüter des Verwaltungsgebiets, in der Eisenbahnerberufsschule und in der 43. Mittelschule“.⁶⁶ Daraus können wir ersehen, dass sich trotz Androhung von Repressalien nicht wenige Menschen fanden, darunter auch verantwortliche Leiter, die entgegen der offiziellen Linie ihre besten menschlichen Eigenschaften im Verhältnis zu Kollegen und Freunden, die sie so unerwartet verlassen und ins Unbekannte aufbrechen mussten, offenbarten.

Das Verfahren und die Umstände des Transports der Wolgadeutschen nach Osten

Während noch die letzten Züge von der Wolga-Republik abfahren, waren die ersten bereits an ihren Bestimmungsorten angekommen. Um die Haupteisenbahntrassen, auf denen Militärzüge zur Front rollten, nicht zu blockieren, erfolgte der Transport der Wolgadeutschen nach Sibirien und Kasachstan überwiegend auf Umwegen. In Abhängigkeit von den konkreten Verladestationen und Bestimmungsorten reichte die Gesamtfahrzeit der Züge von neun bis 16 Tagen. Bei einigen Zügen, die Wolgadeutsche in relativ nahe liegende Deportationsgebiete, etwa die Verwaltungsgebiete Omsk und Kustanai brachten, wurde der direkte Weg genommen, der nur fünf bis sechs Tage in Anspruch nahm.

Die Bedingungen während der Fahrt waren eine Qual. Die Menschen wurden in geschlossenen Güterwaggons zusammengepfercht – in jedem

Генрих Никкель

Отцовские награды

История российского немца, прошедшего дорогами войны от Сибири до Берлина

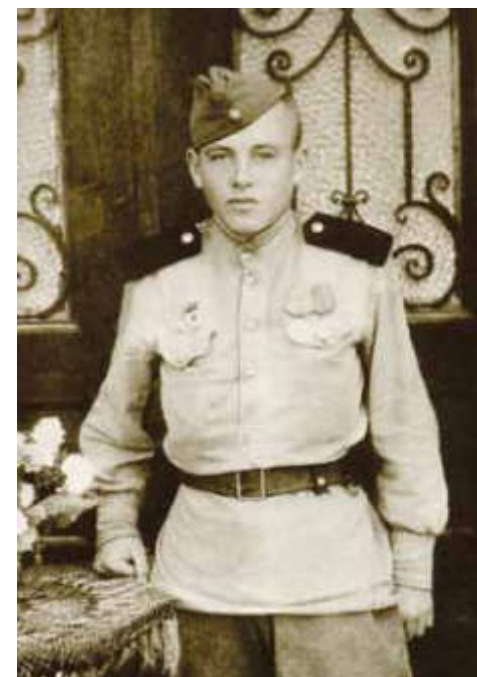
Я почти не помню отца. Помню только похороны. Та зима была снежной и очень холодной. Огромные отвалы снега по обе стороны проселочной дороги, ведущей к деревенскому погосту на дальнем холме, заиндевшая на ледяном ветру лошадь, понуро тянувшая на подъеме поскрипывающие сани... Мне было три с половиной года. Говорят, я не могу этого помнить, но я все помню. А прошло 55 лет... По сути — прошла вся моя жизнь, в которой я отца не знал. Может быть, потому и врезалась так в детскую память эта первая серьезная потеря. Их потом было много, но эта — самая горькая.

Послевоенное поколение мальчишек отличалось тем, что отцов у нас было очень мало. Среди них было много покалеченных. Инвалидами их не называли, уж не знаю почему, но слово это было почти ругательным, и его тщательно избегали. Из всего нашего класса отцы были только у пятерых, и мы им очень завидовали, несмотря на то, что один из них, вернувшийся из плена, жутко пил, а второй, бывший танкист с полусгоревшими ногами, кузнец дядя Гриша, даже летом едва ковылял по жаркой кузнице в валенках, а до колхозного двора добирался на старом, скрипучем велосипеде.

О своем отце я узнавал от других, по крупичкам впитывал все, что о нем говорили. Его помнили и любили в нашем селе. Часто я слышал вслед: «Вылитый Сашка». Это вызывало какое-то странное чувство саднящей гордости, от которой чувствовался холодок между лопатками и предательски пощипывало глаза.

Он попал в Казахстан после демобилизации из действующей армии. Все говорили, что у него были золотые руки, добрая душа и просто богатырская сила. Тогда я этого не понимал, когда мамин брат рассказывал, как отец носил на мельницу пшеницу, а оттуда так же, на плече, принес домой муку и отруби.

Деревенские бабы завистливо судачили, что маме с отцом очень повезло — одиноких после войны было много. Думаю, они были правы — она действительно была с ним счастлива. Но счастье ее было недолгим — война догнала его. Он умер в 1956 г. в военном госпитале, в день своего рождения. Умер сидя за столом над письмом домой — остановилось сердце. Нам потом переслали это письмо, которое он так и недописал, оно хранилось в доме до 1982 г. в незамысловатой картонной коробке. Там же хранились его ордена и медали, солдатская книжка, книжка парашютиста-

Генрих Никкель с первыми боевыми наградами

600–700 человек. Умирали в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и другими инфекционными болезнями. Взрослые умирали, в основном, по тем же причинам. Например, в эшелоне № 869 умерли от дизентерии 12 детей и один взрослый⁶⁷. Начальник Управления НКВД по Красноярскому краю Семенов докладывал своему руководству в Центр: «Личной проверкой выявлены: необорудованность санитарных вагонов и необеспеченность в должном количестве медикаментами. В пути следования было 8 родов, которые происходили на полу вагона в антисанитарных условиях»⁶⁸.

В дороге не обошлось без происшествий. Наиболее частым происшествием стало отставание людей от своих эшелонов. Это происходило из-за плохой информированности людей о времени стоянки эшелонов и несогласованности действий начальников станций и начальников эшелонов. Так, в Уральске начальник станции отправил эшелон № 868 в то время, когда 202 его пассажира принимал горячую пищу в буфете станции. Пришлось снаряжать дополнительный состав из четырех вагонов и отправлять его вдогонку за ушедшим эшелонном. Лишь на вторые сутки отставшие догнали свой эшелон, в котором за это время поднялась серьезная паника⁶⁹. В большинстве других случаев отставшим не удавалось догнать свои эшелоны, и их пристраивали в эшелоны, идущие следом, что в дальнейшем порождало серьезную проблему воссоединения семей: ведь эшелоны шли в разные места. Среди отставших от эшелона № 821 была молодая кормящая мать. Ее трехмесячного ребенка взяла себе другая женщина, также имевшая младенца. Только в 44 уже отмечавшихся нами эшелонах отстали и не смогли их догнать 287 человек⁷⁰. Всего же число отставших перевалило за тысячу.

На местах остановки эшелонов, и особенно на станциях разгрузки, имели место побегии. В основном пытались бежать молодые мужчины. Почти все бежавшие были пойманы и понесли суровое наказание.

Wagen 40 (und manchmal mehr) plus Gepäck. Sie schliefen auf Holzpritschen oder einfach auf dem mit Stroh bestreuten Wagenboden. Unregelmäßigkeiten im Fahrplan sorgten dafür, dass an den Stationen auch nur unregelmäßig warmes Essen ausgeteilt wurde. Laufend gab es Probleme mit dem Trinkwasser, vor allem bei Fahrten durch die zentralen und südlichen Verwaltungsgebiete Kasachstans. Am schwersten zu verkraften waren nach den Worten damaliger Übersiedler die Einschränkungen bei der Verrichtung der Notdurft, die praktisch nicht vorgesehen war und sich deshalb für die Menschen in eine massenhafte und ständige Folter verwandelte, besonders auf langen Fahrtabschnitten ohne Zwischenhalt.

Aufgrund der minderwertigen Wasserqualität und der beschriebenen sanitären Bedingungen brachen häufig Infektionskrankheiten des Magen- und Darmtraktes aus, deren Opfer vor allem Kinder wurden. Nach den uns zugänglichen Unterlagen für 44 Züge starben während der Fahrt 159 Personen (Anlage 2). Zu den übrigen 144 Zügen ließen sich keine Zahlen ermitteln, bei Anwendung einer entsprechenden mathematischen Interpolation kann man jedoch davon ausgehen, dass während des Transports in die Verbannung mindestens 600 bis 700 Personen ums Leben kamen. Betroffen waren überwiegend Kinder, die an der Ruhr oder anderen Infektionskrankheiten erkrankten. Die Todesursachen bei Erwachsenen waren ähnlich. So verstarben etwa im Zug Nr. 869 zwölf Kinder und ein Erwachsener an der Ruhr.⁶⁷ Der Leiter der NKWD-Verwaltung für die Region Krasnojarsk, Semjonow, berichtete seinen Vorgesetzten: „Durch eine persönliche Überprüfung habe ich festgestellt: Ein Sanitätswaggon wurde nicht eingerichtet. Medikamentöse Versorgung im erforderlichen Umfang fehlt. Während der Fahrt kam es zu acht Geburten, die auf dem Wagenboden unter äußerst schlechten sanitären Bedingungen verliefen.“⁶⁸

Auch andere Zwischenfälle blieben natürlich nicht aus. Die typischsten Vorkommnisse waren das Zurückbleiben von Personen an den Bahnstationen, während ihre Züge weiterfuhren. Dies geschah wegen der mangelhaften Information der Menschen über die Standzeit des Zuges und wegen der nicht abgestimmten Handlungen der Leiter der Bahnstationen und der Leiter der Züge. So ließ zum Beispiel in Uralsk der Chef der Bahnsta-

десантника и единственная, чудом сохранившаяся фронтовая фотография, сделанная где-то по случаю. Наверное, в самом начале войны, потому что в свои двадцать три он вернулся с нее совершенно седым... Незадолго до своей смерти мама, которая так и прожила оставшиеся годы одна, сожгла все бумаги, которые касались отца, и это письмо постигла та же участь. Я помнил почти наизусть эти полторы странички на листке из школьной тетради в клеточку, написанные химическим карандашом, в синих разводах от маминых слез. Помнил потому, что речь в нем шла обо мне. Наверное, он знал или чувствовал, что его дни сочтены, потому что прощался с нами, просил маму беречь меня, помочь встать на ноги, жалел, что оставляет нас в такое трудное время. И еще просил, когда я вырасту, рассказать мне правду о нем. Но я так от нее ничего и не услышал — она сгорела от рака очень быстро, за несколько месяцев, пока я был в отъезде, и когда вернулся, говорить уже не могла, только гладила меня по щеке исхудавшей рукой и тихо плакала...

Мой отец оказался... немцем

Только спустя несколько лет, уже имея за плечами стаж кадрового военного, я узнал правду об отце, которую от меня так тщательно скрывали родные и которая меня, можно сказать, потрясла. Старшая сестра мамы, заслуженный учитель Казахстана, моя любимая тетя Дуся, в один из моих приездов к ней, решившись, рассказала, наконец, историю моей семьи, которая расставила все по местам. Мой отец оказался... немцем. Вот тогда-то и встали на свои места те недосказанности и несоответствия в общей картине, которые все время ускользали. Тогда я понял, почему так неуловимо менялся в лице дед, когда речь заходила об

Анатолий Каплаух

отце, почему осуждающе поджимала губы бабушка — мамина мачеха, почему мама хмурилась и была очень недовольна, заставляя меня в доме соседней-немцев. Понял, почему в моем свидетельстве о рождении, в графе «Отец», сиротливо стоит только имя «Александр», почему в орденских книжках и на могильном обелиске отца под металлической красной звездой, с которыми тогда хоронили участников войны, стоит имя «Григорий» и чужая, незнакомая фамилия... Да, мой отец — российский немец, Генрих Александрович Никкель. Он родился в январе 1924 г. в Маркштадтском районе, в Поволжье. На момент депортации ему шел семнадцатый год. Были ли у него братья и сестры — не знаю, знаю только, что в нескончаемо долгой дороге в Сибирь из этой семьи выжил он один. Смерть не была редкостью в тех нечеловеческих условиях. Окоченевшего подростка, которого сочли мертвым, тоже выгрузили из телячьего вагона вместе с остальными покойниками на какой-то перегонной станции близ Новосибирска. Но еще дышавшего изможденного мальчишку подобрал сердобольный мужик из похоронной команды, призванный на работы из глухой сибирской деревушки, у которого незадолго до этого трагически погиб сын. Так судьба подарила отцу второе рождение. Он быстро поправился и... затосковал. Вырванный из привычной жизни, ничего не понимавший в происходящем, все потерявший по чьей-то злой воле, он тяготился собой, своей новой семьей и искал выход, который ему подсказала сама жизнь. По документам погибшего сына своих спасителей, которому как раз должно было бы исполниться восемнадцать, он уехал в районный военкомат и записался на фронт добровольцем. Он воевал на Ладого, радистом в разведвзводе десант-

На запрос начальника Омского УНКВД, какие меры репрессий применять к пойманным беглецам, заместитель наркома НКВД Чернышев наложил резолюцию: «... дела беглецов оформлять через Особое совещание НКВД»⁷¹. Сегодня хорошо известно, какие жесточайшие приговоры выносили эти совещания: как правило, 10 и более лет заключения в лагерях. Однако был, по крайней мере, один случай бегства, оставшийся безнаказанным. Из эшелона № 761 «совершила побег женщина с тремя детьми, которая, увидев на станции Алейск своего брата с семьей, разгрузившегося с другого эшелона, незаметно выгрузилась и осталась с братом». В сводке происшествий тот же Чернышев сделал пометку: «По-моему, нужно и оставить ее с братом»⁷².

В двух эшелонах произошли несчастные случаи. Попали под поезд и остались без ног взрослый мужчина и мальчик пяти лет. Они были оставлены на излечение в местных больницах. Еще несколько человек были сняты в пути с эшелонов по болезни. Имелись и арестованные, однако их оказалось немного, около десятка. Главным образом это были беглецы, оказавшие при задержании сопротивление, а также лица, совершившие уголовные преступления и хулиганские выходки.

В пути следования эшелонов НКВД не злоупотреблял арестами. С помощью тайных осведомителей, которые, как явствует из документов, имелись и среди переселяемых практически в каждом эшелоне, шел процесс накопления компрометирующего материала, выявление «антисоветского» и «профашистского» «элемента». Аресты были произведены позже, по прибытии к месту назначения. Кстати, как оказалось впоследствии, не все чекисты, сопровождавшие эшелоны, добросовестно выполняли свои обязанности. Как отмечал в донесении заместителям Л. Берии Меркулову и Чернышеву начальник отдела спецпереселений НКВД Иванов, «из личной беседы оперсостава с агентурой установлено, что в большинстве своем агентура с места отправки и в до-

tion den Zug Nr. 868 abfahren, als 202 Passagiere noch ein warmes Essen im Bahnhofsrestaurant zu sich nahmen. Es musste in aller Eile ein zusätzlicher Zug mit vier Waggons zusammengestellt werden, der den Hauptzug aber erst zwei Tage später einholte, weshalb es in diesem in der Zwischenzeit zu einer schweren Panik gekommen war.⁶⁹ In der Mehrzahl der Fälle schafften es die Zurückgebliebenen überhaupt nicht, ihre ursprünglichen Züge zu erreichen. Sie wurden den nächstfolgenden Zügen zugeteilt, was erhebliche Probleme bei der Familienzusammenführung mit sich brachte, denn diese Züge hatten andere Zielorte. So fuhr der Zug Nr. 821 ohne eine junge, noch stillende Mutter ab. Ihr drei Monate altes Kind nahm eine fremde Frau an sich, die ebenfalls einen Säugling hatte. Allein die 44 bereits untersuchten Züge „verloren“ unterwegs 287 Personen, die ihren Transport nicht wieder erreichten.⁷⁰ Somit kann davon ausgegangen werden, dass über 1.000 Menschen auf diese Weise den Anschluss verpassten.

An den Halteorten der Züge und besonders an den Verladestationen kam es immer wieder zu Fluchtversuchen. Nahezu alle Flüchtlinge – überwiegend junge Männer – wurden jedoch wieder aufgegriffen und drakonisch bestraft.

Auf Anfrage des Leiters der NKWD-Regionalverwaltung in Omsk, wie mit gestellten Flüchtlingen umzugehen sei, verfügte der Stellvertreter des Volkskommissars für Innere Angelegenheiten, Tschernyschew: „Die Vorgänge von Ausreißertum sind auf Sondersitzungen des NKWD zu klären.“ Heute ist hinreichend bekannt, welche harte Urteile diese Sondersitzungen fällten. In der Regel lag das Strafmaß bei zehn oder mehr Jahren Lagerhaft. Aber es hat zumindest einen Fall von Flucht gegeben, der keine Strafe nach sich zog. Aus dem Zug Nr. 761 „beging eine Frau mit drei Kindern eine Flucht, nachdem sie an der Station Alesk ihren Bruder mit seiner Familie gesehen hatte. Sie schlich sich daraufhin aus ihrem Zug in den ihres Bruders.“ Auf dem entsprechenden Bericht machte eben jener Tschernyschew folgende Anmerkung: „Meiner Meinung nach sollte man sie bei ihrem Bruder belassen.“⁷²

In zwei Zügen kam es zu Unglücksfällen. Ein erwachsener Mann und ein fünfjähriger Junge gerieten unter den Zug und büßten jeweils beide

ной роты, на печально знаменитой «дороге жизни», высланной, как и все дороги войны, человеческими судьбами, кровью и смертью. Был несколько раз ранен, но выжил. И воевал, наверное, неплохо, судя по внушительному набору орденов и медалей. На то они и гвардейцы-десантники, чтобы участвовать в самой гуще схваток, на первом рубеже, а то и в тылу. Мама однажды обронила, что он никогда не разделялся на людях, потому что весь был в шрамах: пулевых, осколочных, ножевых, — стеснялся ран и тагуировки — портрета Сталина, выколотого прямо над сердцем... Нетронутым осталось только лицо. Ему довелось участвовать в битве за Москву, штурмовать Берлин.

Воинская служба закончилась для него только спустя два года после Победы, в Венгрии, в маленьком городке Сегед, откуда он был демобилизован в 1947 г. Мне и сейчас больно думать, как нелегко ему было жить чужой жизнью.

Чужое имя, чужая фамилия, кровь и раны — свои, а награды — чужие, потому что их отняли бы вместе с фамилией, если бы правда открылась. Мой дед, мамин отец, из легендарных двадцатипятипятитысячников, приехавший в Казахстан по призыву партии проводить коллективизацию, оказался перед трудным выбором, когда узнал правду. Ему не хотелось ломать жизнь младшей дочери, которую он очень любил, а ее брак мог легко сломать жизнь всей большой семье. За укрывательство карали немилосердно, шутка ли — пригреть «врага народа», да еще где-то — в семье бывшего первого председателя колхоза... Потому-то и не разрешил дед

этот брак регистрировать законным порядком. И когда я родился, на семейном совете было принято решение: отца в свидетельстве не указывать — только имя, чтобы было отчество в документах. И он безропотно принял это, вписал имя своего деда, которое считал более красивым и безопасным, нежели свое собственное... Говорят, он очень меня любил. Я этого не помню, к сожалению. Не помню ни его сильных рук, ни голоса, ни небритых, колючих щек — ничего... Слишком мал был. И слишком рано ушел он от меня. Гнилые ладожские болота, через которые десанникам пришлось зимой выходить из окружения, вдобавок к медали «За отвагу» «наградили» его и крупозным воспалением легких. Недолеченное в прифронтовом госпитале, оно впоследствии перешло в туберкулез. Тогда это был смертный приговор, пеницилина еще не было. Когда диагноз подтвердился, отец, как мог, пытался уберечь нас с мамой от страшной заразы. Ему это, судя по всему, удалось. Но какая это, должно быть, была мука для любящего, умирающего отца, ведь он даже на руки меня взять боялся, когда началось обострение. После смерти отца каждый раз, когда в школе делали прививки Манту, мама со страхом вглядывалась в припухавшее красное пятнышко на моем запястье, боясь положительной реакции. Она всю жизнь за меня тряслась, этот страх въелся в нее навсегда.

Круг замкнулся

Да, моя семья не была репрессирована. Ни я, ни мама не знали лагерей, голода, спецкомен-

датур, непосильного труда и надзирателей. Но мой отец, родной человек, заплатил непомерно высокую цену за то, что родился немцем в стране, которую любил и защищал. Пожелтевшая фотография, потертые, исцарапанные боевые ордена и медали — вот и все, что от него осталось. Мне его очень не хватало всю жизнь. Думаю, она была бы совсем другой, будь он рядом. Но судьба распорядилась иначе. Признаюсь, когда узнал правду, пытался разыскать следы пребывания отца в Сибири. Попытки оказались безуспешными. Из единственного короткого письма, которое я получил в ответ на свои запросы от незнакомых людей, я узнал, что старики, подходящие под описание, давно умерли, а их сын то ли умер перед войной, то ли погиб на фронте, да и деревеньки той больше нет. Круг замкнулся...

По приезде из Казахстана в Россию, я пришел в общественное движение российских немцев, в котором работаю уже 17 лет. Пришел осознанно. Вся моя работа в нем — это не прихоть, не расчет, а насущная потребность, дань памяти дорогому для меня человеку, чья изломанная репрессиями судьба заставляет чувствовать свою причастность к коллективной судьбе своего народа. И у меня никогда не возникает сомнений, если требуется указать свою национальность в документах. Потому что мой отец был немцем, и по крови, по духу, по менталитету я — немец. Российский немец.

Анатолий Каплаух

Таблица 1
Распределение эшелонов и переселенцев из Поволжья по краям и областям⁷⁶

Tabelle 1
Verteilung der Züge und der Übersiedler aus dem Wolgagebiet auf die Regionen und Verwaltungsgebiete⁷⁶

Край, область Gebiet, Oblasti	Число прибывших Anzahl der Angekommenen		Количество станций разгрузки Anzahl der Bahnhöfe
	эшелонов Züge	переселенцев, тыс. Übersiedler, Tausend	
Красноярский / Gebiet Krasnojarsk	34	79,5	18
Алтайский / Altai	34	80,4	14
Омская / Gebiet Omsk	32	82,9	15
Новосибирская / Gebiet Nowosibirsk	37	88,7	28
Кустанайская / Gebiet Kustanai	7	16,2	6
Павлодарская / Gebiet Pawlodar	9	21,2	6
Акмолинская / Gebiet Akmolinsk	12	28,1	7
Северо-Казахстанская / Gebiet Nordkasachstan	10	23,2	5
Семипалатинская / Gebiet Semipalatinsk	9	20,1	5
Восточно-Казахстанская / Gebiet Ostkasachstan	4	8,9	3
Всего / Insgesamt	188	440,2	107

Цицилия Гельтман

Петр Дик.
Поезд.
Наждачная бумага,
пастель, уголь.
18x48. 1992.

« Моей бабушке, Цицилии Гельтман, сейчас 78 лет, но когда и как было переселение из их села в Ровенском районе, она прекрасно помнит. Я на всю жизнь запомню ее печальный рассказ о том, как они ехали в Сибирь. Бабушка была старшей из троих детей в семье, ей исполнилось 8 лет, когда родился четвертый ребенок – девочка Роза. Не прошло и двух недель с этого события, как увели отца, а потом всех сорвали с места, посадили в вагоны и покатали в неизвестность. Матери разрешили взять мешок картошки, так как был грудной ребенок. На стоянках женщинам разрешали выходить из вагона и тут же рядом разводить костерок, что-то сварить. Мать варила картошку. Но однажды поезд так неожиданно тронулся, что люди едва успели схватить свое варево и запрыгнуть в вагон. И мать метнулась от котелка, где только-только закипела вода, к поехавшему поезду с детьми, но и не успела. Дети ревели, люди кричали, а поезд набирал скорость. Тогда брат матери, схватив сумку с документами, выпрыгнул из вагона. Они прибежали на станцию, стали объяснять ситуацию, и случилось просто чудо, если судить

по тем временам, как говорит моя бабушка, им поверили и помогли – ехал грузовик в ту сторону, они смогли догнать свой поезд через сутки! Мать с самыми тревожными чувствами бросилась к младенцу, который не ел сутки, но девочка мирно спала на руках у старшей дочери. Та ей рассказала, что голодный ребенок плакал, и так как никого из родни в этом вагоне с ними не оказалось, дети остались один на один с этой бедой. Других кормящих женщин не было, младенец надрывался от крика, и какая-то женщина подсказала Цицилии дать ребенку язык. И моя бабушка, отвернувшись от всех, беззвучно плача от стеснения, от жалости к голодной сестричке, от страха за мать и неизвестность, коснулась своим языком рта ребеночка. Малышка потянулась губками, захватила ими язык сестры, зачмокала, заснула. И такое «кормление» продолжалось сутки. Услышав этот рассказ, мать крепко прижала к себе дочь и прошептала сквозь слезы: «Спасибо тебе, доченька!»

Екатерина Халимова, студентка КемТИПП (Кемерово)

роге проинструктирована не была»⁷³. Начальник Алтайского УНКВД Волошенко сообщил в Центр, что оперативный работник, сопровождавший эшелон № 836, «в пути следования агенты не принимал», а оперативник, ехавший в эшелоне № 869, на требование начальника районного отдела НКВД по месту расселения о передаче ему имеющихся компрометирующих материалов на переселенцев заявил, что «материалы передать не может, так как у него все перепутано»⁷⁴.

В оперативных сводках НКВД отмечен один факт предотвращения «диверсионного акта», который якобы пытались совершить немцы-переселенцы. 24 сентября на станции Джамбул в шпильке рельса одного из путей была обнаружена тормозная колодка, что могло привести к аварии. Подозрение сразу же пало на пассажиров стоявшего в это время на станции эшелона № 809

В целом перевозка депортированных в 188 эшелонах была проведена в установленные сроки и без каких-либо серьезных эксцессов.

каких-либо серьезных эксцессов. Поволжские немцы в основной своей массе оказались послушны, дисциплинированы, исполнительны и, несмотря на обиду, горечь и возмущение за надругательство над собою, без сопротивления переехали к новым местам жительства, где, как оказалось, их ожидали новые испытания.

Выше уже отмечалось, что по данным НКВД число людей, вывезенных из Поволжья, и число прибывших в места расселения су-

с немцами-переселенцами. Стрелочница показала, что видела «на месте происшествия» двух немцев. Однако поиски «диверсантов» успеха не принесли. Эшелон вскоре убыл⁷⁵.

В целом все же перевозка депортированных в 188 эшелонах была проведена в установленные сроки и без

Beine ein. Sie wurden zur Behandlung im örtlichen Krankenhaus zurückgelassen. Einige weitere Personen wurden unterwegs aus Gesundheitsgründen aus dem Zug geholt. Es gab auch Festnahmen, jedoch nur eine Handvoll, etwa zehn Personen. Meist handelte es sich dabei um Flüchtlinge, die bei ihrer Ergreifung Widerstand geleistet hatten, sowie um Personen, die Straftaten begangen hatten oder schwere Ordnungswidrigkeiten.

Während des Transports hielt sich der NKWD ansonsten mit Festnahmen zurück. Zwar hatte er seine verdeckten Informanten, die es, wie aus den Dokumenten hervorgeht, auch unter den umzusiedelnden Deutschen praktisch in jedem Zug gab, so dass selbst auf der Fahrt die Sammlung kompromittierender Materials, der Aufdeckung des „antisowjetischen“ und „profaschistischen Elements“ weiterging. Die Festnahmen erfolgten jedoch erst später, nach Eintreffen am Bestimmungsort. Im Übrigen zeigte sich, dass nicht alle NKWD-Mitarbeiter in den Zügen ihre Pflicht erfüllten. So vermerkte der Leiter der NKWD-Abteilung Sonderumsiedlung, Iwanow, in seinem Bericht an die Stellvertreter von Beria, Merkulow und Tschernyschew, dass „im persönlichen Gespräch zwischen den Führungsoffizieren und den Informanten festgestellt wurde, dass in der Mehrzahl der Fälle die Informanten seit der Abreise und während der Fahrt nicht von ihren Führungsoffizieren instruiert worden sind“⁷³. Der Leiter der NKWD-Regionalbehörde in der Altai-Region, Woloschenko, teilte der Zentrale mit, dass ein Geheimdienstmitarbeiter, der den Zug Nr. 836 begleitete, sich während der Fahrt geweigert habe, mit den Informanten zusammenzuarbeiten. Ein anderer Geheimdienstmitarbeiter, der im Zug Nr. 869 fuhr, sagte bei der Ankunft am Bestimmungsort, er könne die gesammelten Materialien dem Leiter der NKWD-Rayonverwaltung nicht übergeben, „da bei ihm alles durcheinandergeraten ist“⁷⁴.

In den operativen Meldungen des NKWD ist die Abwendung eines „Diversionsaktes“ verzeichnet, den angeblich deutsche Umsiedler zu begehen versucht hätten. Am 24. September wurde auf dem Bahnhof

« Никто не задумывается в суете дней, откуда знания и умения приготовить зельц, суп-лапшу или пирог с капустой. Когда я бывала в гостях у своей школьной подруги, мама которой выросла в детском доме, меня больше всего удивляла в их быту толстая поваренная книга, вся в закладках и пометках, постоянно лежавшая на кухонном столе, без которой ее мать не могла сварить ни одно блюдо. Теперь, став взрослой – я уже на четвертом курсе института, – понимаю, что все дело в семье, ведь мы готовим так же, как это делали наши матери, бабушки.

В нашей семье все гастрономические пристрастия, привычки и особенности от бабушки, Марии Даниловны Найверт, урожденной Гейзе, которая, в свою очередь, переняла от своей матери способы приготовления и рецепты многих блюд, свойственных поволжским немцам. Ко всему прочему моя бабуля еще и удивительная рассказчица. Так что к отдельным кушаньям прилагаются трогательные истории нашей семьи, иногда бередящие душу. Как все пожилые женщины, она знает толк в тесте и, естественно, встряпанье. Свои коронные булочки она называет «штанишками». На вопрос, почему такое название, она всегда смеется и показывает на выпечку – по форме булочка, действительно напоминает штанишки или букву «П». В рецепте булочек много яиц, они идут в само тесто, ими обильно мажется раскатанное тесто, из них делается глазурь, чтобы смазать поверхность булочки, и, может быть, поэтому на память бабушки всегда приходит эта история, пережитая восьмилетней Мари Гейзе со станции Урбах.

Девочка вместе с матерью и родственниками среди соседей по поселку в вагоне. Их куда-то везут уже очень долго, съедено все, что у матери было в ведре и корзине, в бабушкином узелке. Но Мари знает, что у матери еще припрятаны две буханки хлеба, но это только хлеб и больше ничего. И вдруг, когда мать отламывает всем по куску от тех буханок, внутри оказывается яйцо, настоящее, в скорлупе. Она запекла в хлеб по десятку яиц! И те в целости и сохранности. «Это было так чудесно, как подарок на праздник», – вспоминает бабушка.

Анастасия Борзина

Мария Найверт

Теодор Херцен.
Мама. Свежий хлеб.
Холст, масло. 54x64. 1982.

Вот рецепт булочек:

Потребуется сдобное тесто, для которого надо 2 яйца, 0,5 л молока, 2 ст.л. растительного масла, 2 ст.л. сметаны, 3 ст.л. сахара, 25 г. дрожжей, чуть соли. Тесто два раза поднимается и выкатывается, затем тесту придаем форму жгута, режем на несколько частей. После чего эти лепешки раскатываем скалкой. Взбиваем 2–3 яйца в отдельную емкость, полученную яичную массу намазываем на каждую раскатанную лепешку, сверху посыпаем сахаром. Сворачиваем пополам, с одного края режем до середины. Получаются две «штанишки». Неразрезанную часть сворачиваем трубочкой до разреза. Затем выпекаем 10–15 минут. И «штанишки» готовы!
Приятного аппетита!

щественно разнятся. Разница составляет примерно 11,7 тыс. человек, в среднем по 62 человека на эшелон. Она образовалась за счет умерших, оставших и т. п., но главным образом за счет погрешностей в счете при загрузке и выгрузке.

Из данных таблицы 1 следуют некоторые выводы: 73 % (т. е. почти три четверти) немецкого населения бывшей АССР НП было переселено в Сибирь (в два края и две области) и лишь 27 % (чуть больше четверти) – в Казахстан (в шесть областей).

Переселенцы, попавшие в Казахстан, были размещены в северной, восточной и юго-восточной частях республики, т. е. в районах, сравнительно благоприятных для жизни. В этом плане им относительно повезло в сравнении, к примеру, с немцами из Москвы и Московской области, которые в конце сентября были переселены в Кызыл-Ординскую область с ее крайне неблагоприятными для жизни человека условиями (пустынная местность, нехватка питьевой воды и т. п.). В дальнейшем Казахстан стал основной территорией для размещения советских немцев, переселявшихся из различных регионов европейской части СССР, а затем и для других народов, подвергшихся депортации.

В Красноярский край и Павлодарскую область последние эшелоны пришли в первых числах октября, в Алтайский край и другие области – раньше, еще до начала октября. Переселенцы из Поволжья начали жизнь в новых, незнакомых большинству из них раньше условиях.

Депортация немцев из других регионов европейской части СССР

Немцы Поволжья оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. К концу года подобная участь постигла практически всех немцев, проживавших в европейской части СССР.

Dschambul im Signalarm eines Bahnsignals eine Schraube festgestellt, die zu einer Havarie hätten führen können. Der Verdacht fiel sofort auf die Passagiere des zu jener Zeit auf dem Bahnhof befindlichen Zuges Nr. 809 mit deutschen Umsiedlern. Eine Mitarbeiterin des Stellwerks sagte aus, dass sie am Tatort zwei Deutsche gesehen habe. Allerdings verlief die Suche nach den „Diversanten“ ergebnislos. Der Zug fuhr kurz danach weiter.

Insgesamt wurde der Transport der Umsiedler in den 188 Zügen innerhalb der gestellten Frist und ohne größere Konflikte bewältigt. Die Wolgadeutschen erwiesen sich in ihrer absoluten Mehrheit als diszipliniert und gehorsam. Ungeachtet aller Kränkung, Bitternis und Erniedrigung durch die Grobheit des Umgangs mit ihnen fuhren sie ohne sonderlichen Widerstand zu ihren künftigen Wohnorten, wo, wie sich herausstellen sollte, neue Prüfungen auf sie warteten.⁷⁵

Wie bereits erwähnt, werden in den Unterlagen des NKWD zum Zeitpunkt der Abfahrt und der Ankunft der Deportierten Zahlen der Umsiedler genannt, die erheblich voneinander abweichen. Die Differenz in der Größenordnung betrug ungefähr 11.700 Menschen, im Schnitt also 62 pro Zug. Hinter dieser Zahl verbergen sich die Verstorbenen, die Zurückgebliebenen etc. Hauptsächlich entstand sie jedoch durch ungenaue Erfassung und Zählung sowohl bei der Be- als auch bei der Ausladung.

Die Angaben der Tabelle 1 lassen einige Schlussfolgerungen zu: 73 Prozent (das heißt fast drei Viertel) der deutschen Bevölkerung der ehemaligen ASSR WD wurde nach Sibirien verschickt (in zwei Regionen und zwei Verwaltungsgebiete), nur 27 Prozent (etwas mehr als ein Viertel) – nach Kasachstan (in sechs Verwaltungsgebiete).

In Kasachstan wurden die Deutschen von der Wolga im Norden, Osten und Südosten der Republik angesiedelt, also in Regionen, die relativ annehmbare Lebensumstände boten. Weniger Glück hatten etwa die Deutschen aus Moskau und dem Verwaltungsgebiet Moskau/Umland, die Ende September in Kyssyl-Orda eintrafen, einer äußerst unwirtlichen Region (Wüsten, Trinkwassermangel etc.). Im Folgenden wurde

Ich bin in der ehemaligen Kolonie Neu Samara am Tock in einer deutschen Familie geboren. Die Kolonie gehörte früher zum Gebiet Samara, später aber, genau wie auch bis zum heutigen Tag, zum Orenburger Gebiet. Die Bevölkerung aus dieser Kolonie wurde glücklicherweise nicht deportiert und das Schreckliche, was die Deutschen aus den anderen Kolonien in den vierziger Jahren erlebt hatten, hat meine Verwandtschaft nicht erlebt. Dafür doch was anderes, was mir von meinem Opa (Wilhelm Penner) gut bekannt ist.

Der Bruder (Peter Penner geb. 1927), die Schwester (Anna Spommer, geb. Penner) und der Opa (Wilhelm Sawadski) meines Opas (also mein Urgroßvater) von Mamas (Lidia Barg, geb. Penner) Seite wurden wegen der „religiösen Tätigkeit“ im Mai 1951 zu 25 Jahre KZ-Lager verurteilt. Aber glücklicherweise haben die alle, trotz der unmenschlichen Verhältnisse im Lager, die schwierigen Jahre überlebt und im Jahr 1956 wurden sie frei gelassen.

Natürlich hat all das, was in den vierziger Jahren, auch später passierte, seine Folgen. Das was die UdSSR-Regierung mit der deutschen Bevölkerung gemacht hat, was sie der ganzen Nation angetan hat und dadurch auch dem ganzen Land (zum Teil deswegen wurde die nationale Wirtschaft untergegraben) ist unverzeihlich! Viele der deutschen Kolonien existierten nicht mehr, es wurden immer mehr Mischehen eingegangen, und dadurch wurde mit der Zeit langsam auch die deutsche Sprache vergessen, was ich persönlich sehr traurig finde. Nur wenige von den deutschen geben heutzutage auf die Frage „was ist Ihre Muttersprache“ die Antwort „Deutsch“. Daran sind aber nicht die Eltern oder die Kinder schuld, obwohl auch der Fall sein könnte, wenn die das einfach nicht beibringen oder lernen wollen. Die Schuld und die Verantwortung können wir nur den Menschen geben, die damals an der Regierung waren.

Ich selbst merke, dass ich mich kaum mit einem Russlanddeutschen in meinem Alter auf meiner Muttersprache Plautdietsch unterhalten kann, wenn dann denn nur mit den älteren Leuten (meinen Eltern, Großeltern, Tanten und Onkels), die seine Muttersprache noch gut kennen und pflegen. Solange ich zu Hause bin und die Möglichkeit habe, Deutsch zu sprechen, tue ich das auch, ich finde man sollte seine eigene Muttersprache auf jeden Fall nicht vergessen und sie möglichst weiter pflegen, da das ist nur eins das wenige was wir noch behalten haben und was wir noch behalten können, während wir sie an unseren Kindern wiedergeben. Wir sollen stolz darauf sein, dass wir Deutschen sind und unsere Kultur, Traditionen, Sprache weiter pflegen, nur das Wenige können wir jetzt tun, um unsere Dankbarkeit unseren Vorfahren auszusprechen.

Die Deportation – ein schreckliches Wort an sich selbst. Noch schlimmer klingt es für den Menschen, die darunter gelitten haben. Für die Deutschen, die in den unmenschlichen Verhältnissen doch Menschen geblieben sind.

Meiner Meinung nach werden die Erinnerungen an diesen schmerzhaften Zeiten noch sehr lange im Bewusstsein der Menschen und besonders der Deutschen bleiben und von Generation zur Generation weitergegeben, die Kinder sollten wissen, was ihre Vorfahren durchgemacht haben, um ihnen das Leben zu schenken.

Nadja Barg (21 Jahre alt)

Nadja Barg

Meine Urgroßeltern,
die Eltern meines Opas
(Peter Penner und Maria Penner,
geb. Sawadski)

Первой значительной акцией подобного рода, проведенной еще до депортации поволжских немцев, стало выселение 60 тыс. немцев из Крыма. По постановлению Совета по эвакуации СЭ-75с от 15 августа 1941 г. немецкое население Крымской АССР эвакуировалось в Орджоникидзевский край с расселением в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах⁷⁷. Эвакуация проходила поспешно и непродуманно, в чем признавались сами работники НКВД, проводившие операцию. Как отмечал в письме в вышестоящий орган заместитель начальника 12-го отдела Орджоникидзевского краевого управления НКВД СССР Гусев, в «ряде районов Крыма (Алуштинском, Ялтинском и др.) допускалась совершенно ненужная спешка, эвакуированным, как правило, не говорилось, куда они вывозятся, сколько времени будут в пути, какой запас нужно взять с собой продуктами питания»⁷⁸. В результате через два-три дня большинство эвакуированных из городской местности остались без питания, что, естественно, вызывало недовольство. При отправлении эшелонов начальники эшелонов не назначались. Подчас в одном эшелоне находилось несколько человек, считавших себя старшими. Такое положение создавало обстановку хаоса и вносило сумятицу в работу дежурных по станциям, так как к ним одновременно обращались вместо одного начальника много старших и просто едущих в эшелоне граждан.

По сообщению УНКВД Орджоникидзевского края, из Крымской АССР прибыло 50 тыс. немцев. Кроме того, 3 тыс. крымских немцев эвакуировали в Ростовскую область⁷⁹. Оставшиеся в Крыму по той или иной причине немцы переселялись позднее, в мае-июне 1944 г., вместе с крымскими татарами, греками, армянами и болгарями. Крымские немцы, оказавшиеся в Ростовской области и Орджоникидзевском крае, пробыли там недолго. Уже в октябре вместе с местными немцами они были депортированы дальше на восток.

Касачстан zum Hauptaufnahmegebiet der Sowjetdeutschen, die man aus den verschiedenen Regionen des europäischen Teils der UdSSR umsiedelte, und später auch für andere deportierte Völker.

In der Region Krasnojarsk und im Verwaltungsgebiet Pawlodar kamen die letzten Züge in den ersten Oktobertagen an, in der Altai-Region und den anderen Verwaltungsgebieten früher, noch vor Anbruch des Oktobers. Die Umsiedler aus dem Wolga-Gebiet begannen ein Leben unter neuen, ihnen mehrheitlich unbekanntem Lebensbedingungen.

Die Deportation der Deutschen aus anderen Regionen des europäischen Teils der UdSSR

Die Deutschen aus der Wolga-Region waren bei Weitem nicht die einzigen, die deportiert wurden. Zum Jahresende erlitten praktisch alle Deutschen, die im europäischen Teil der UdSSR lebten, ein vergleichbares Schicksal.

Die erste Großaktion dieser Art erfolgte sogar noch vor der Deportation der Wolgadeutschen und betraf die Aussiedlung von 60.000 Deutschen von der Krim. Auf Beschluss des Rates für Evakuierung SE-75 vom 15. August 1941 wurde die deutsche Bevölkerung der ASSR der Krim in die Region Ordschonikidse mit Ansiedlung in den Landkreisen Diwen, Blagodarny und Budjonowsk verschickt.⁷⁷ Die Evakuierung verlief überstürzt und unüberlegt, was die mit der Operation betrauten NKWD-Mitarbeiter selbst einräumten. Wie der stellvertretende Leiter der 12. Abteilung der Regionalverwaltung des NKWD in Ordschonikidse, Gussjew, seinen Vorgesetzten in einem Schreiben mitteilte, wurde „in einer Reihe von Rayons der Krim (Alushta und Jalta) eine völlig unnötige Eile an den Tag gelegt, den Evakuierten wurde i. d. R. nicht gesagt, wohin man sie bringt, wie lange die Fahrt dauern wird und welche Vorräte sie an Lebensmitteln mitzuführen haben“.⁷⁸ Im Ergebnis hatten nach zwei bis drei Tagen die meisten aus Städten evakuierten Personen keine Lebensmittel mehr, was natürlich zu Unzufriedenheit führte.

Л и з а . Анька! Открой, это я. Я попрощаться... Все, Анька, прощай.

А н ь к а . Да ты что? Не реви, не реви, слышишь!

Л и з а . Все, Анька, прощай. Высылают нас всех. В Казахстан высылают. Только что объявили. По спискам. Прямо сейчас отправка. При себе – самое необходимое. За что, Анька, а?

А н ь к а . Не спрашивай, Лиза. Не спрашивай. Молчи. Ни с кем об этом не говори. Время такое. Ну не плачь, Лиза. Не плачь. Закончится война и встретимся.

Л и з а . Я уже не верю. Ну, кому мы мешали, кому? Папа погиб в первые дни войны. Значит, погибать за родину немцам можно, а на родине жить оставаться нельзя? (Плачет.)

Меня мама в паспорте русской записала, только вот фамилия ... Боснак немецкая. А немцы еще Петру Первому служили. А фашистов я больше всех ненавижу за папу. Я бы убежала на фронт, если б одна была, но кто знает, что с мамой будет? Она так сразу постарела. А тетки и того старше.

А н ь к а . Нет, Лиза, не дури. Куда ты их бросишь? Да и время такое, что без документов нельзя. Все равно выплывет. А сейчас за все расстрелять могут. Сразу напишешь, ладно?

Отрывок из спектакля «С надеждой в сердце», поставленный участниками молодежного проекта – театрально-лингвистического лагеря «Jugendbühne», который прошел в Одессе летом 2010 года. Организатор проекта – Донецкое областное национально-культурное общество немцев «Видергебурт».

После переселения поволжских немцев порядок депортации немцев из европейской части СССР несколько изменился. Решение о депортации принимал Государственный комитет обороны СССР и даже более низкие инстанции: руководство НКВД, военные советы фронтов.

Механизм депортации, как правило, был следующий. Предварительно органы НКВД проводили учет всего немецкого населения, проживающего в зоне предстоящего выселения, полученные результаты докладывались в наркомат. Далее на имя И. Сталина направлялась докладная записка за подписью наркома внутренних дел Л. Берии, в которой указывалось общее число немцев, проживающих в зоне выселения, численность «антисоветского элемента» и предложение об его аресте, порядок переселения немцев на новые места. К записке прилагался проект постановления Государственного комитета обороны с конкретными указаниями по проведению переселения. После подписания И. Сталиным постановление приобретало силу закона и подлежало немедленному исполнению. Исполнение постановления ГКО возлагалось на органы НКВД. Следом за постановлением Л. Берия издавал приказ по своему ведомству, в котором определялись конкретные мероприятия, обеспечивавшие претворение в жизнь решения ГКО (табл 2).

Без специального решения ГКО СССР депортация немцев проводилась из Одесской и Днепропетровской областей Украины, из Горьковской, Куйбышевской, Ленинградской, Калининской областей, города Ленинграда, Калмыцкой АССР. Как правило, она осуществлялась на основе распоряжения наркома внутренних дел.

Выселение немцев из Ленинграда и Ленинградской области проводилось на основе специального постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 г. За ним 28 августа последовало донесение на имя И. Сталина, подписанное В. Молотовым, Г. Маленковым и А. Косыгиным, в котором

Bei der Abfahrt der Züge waren keine Zugleiter benannt worden. Gelegentlich befanden sich in einem Zug mehrere Personen, die sich selbst in dieser Funktion sahen. Dadurch entstand Chaos, vor allem an den Bahnstationen, wo die Arbeiter gleich mehrere Personen vor sich hatten, die behaupteten, zuständig zu sein. Auch die Passagiere wussten nicht, an wen sie sich zu wenden hatten, und richteten ihre Fragen deshalb an das Bahnhofspersonal.

Nach Mitteilung der Regionalbehörde des NKWD in Ordschonikidse wurden 50.000 Deutsche aus der ASSR der Krim dorthin verbracht. Weitere 3.000 Deutsche von der Krim wurden in das Verwaltungsgebiet Rostow umgesiedelt.⁷⁹ Die aus dem einen oder anderen Grund auf der Krim verbliebenen Deutschen wurden später, im Mai/Juni 1944, zusammen mit den Krimtataren, Griechen, Armeniern und Bulgaren deportiert. Für die Krim-Deutschen, die in die Verwaltungsgebiete Rostow und Ordschonikidse gekommen waren, erwies sich das nur als Zwischenstation. Bereits im Oktober wurden sie zusammen mit den örtlichen Deutschen weiter nach Osten deportiert.

Nach der Umsiedlung der Wolgadeutschen wurde das Verfahren zur Deportation der Deutschen aus dem europäischen Teil der UdSSR geringfügig verändert. Den Beschluss über die Deportation fassten nun das Nationale Verteidigungskomitee der UdSSR oder sogar niedrigere Instanzen: die Führung des NKWD und Militärräte der Fronten.

Der Mechanismus der Deportation war in der Regel folgender: Vorab erfassten die Behörden des NKWD die gesamte deutsche Bevölkerung, die im Bereich der bevorstehenden Aussiedlung lebte, und erstattete dazu dem Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten Bericht. Daneben wurde direkt an Stalin ein Bericht mit der Unterschrift des Volkskommissars für Innere Angelegenheiten, Beria, gesandt, in dem die Gesamtzahl der in der Aussiedlungszone lebenden Deutschen, die Anzahl der „antisowjetischen Elemente“, sowie Vorschläge über deren Verhaftung und das Verfahren zur Umsiedlung der Deutschen an neue Orte dargelegt wurden. Dieser

Ида Айснер

« Предрождественское воскресенье, декабрь 1906 г. Бабушка (ей 19 лет) и дедушка (ему 24 года) идут венчаться в лютеранскую церковь: бабушка идет впереди, а дедушка с дружкой позади. На улице тепло, светит солнце, бабушка в подвенечном платье, на голове миртовый веночек. Но пока они венчались в церкви, повалил первый пушистый снег.

Из церкви дед с дружкой идет впереди, а бабушка позади. Почему не рядом? Вероятно, таков был обычай у российских немцев Поволжья. У бабушки были длинные, густые, пушистые, в мелкий кудряшек волосы. Пока они из церкви дошли до дома, ее голова покрылась толстым слоем снега, и бабушка превратилась в невесту-снегурочку.

Историю своего романтического венчания бабушка и дедушка часто вспоминали с мельчайшими подробностями длинными зимними вечерами в Сибири, куда мы были высланы в сентябре 1941 г. В моей детской памяти их рассказ запечатлелся как волшебная сказка, в которой главной феей была моя любимая бабушка. К сожалению, жизненный путь этой «феи» не был усеян розами, все больше шипами.

28 августа 1941 г. я представляю себе только по рассказам взрослых, как вавилонское столпотворение. В памяти всплывают лишь обрывочные картинки, и осталось одно «вещественное доказательство» – справка о реабилитации от 13 мая 1997 г.

Мои воспоминания переносят меня в Сибирь в 1942 г. Сама я в трудармии не была, недоросла, слава Богу! Зато моя мама и многочисленные родственники прошли ее в разных концах бывшего СССР. В памяти всплывает очередная детская картинка: морозный октябрьский день 1942 г., идет крупный снег. Мама повязала мне голову своим шерстяным платком, я выбегаю на улицу и радостно кричу соседской детворе: «У меня мама вернулась!» Дети в недоумении, почему их мамы не вернулись. Я им объясняю ситуацию: мою маму вместе с младшей сестрой Фридой и мамами других детей забрали в трудармию и отправили в районный центр. Но из-за отсутствия транспорта их долго не могли отправить дальше к месту назначения в Свердловскую область, в Ниж-

ний Тагил, где она прожила ровно 50 лет до 1992 г. Маме каким-то образом удалось отпроситься на пару дней домой в наш зерносовхоз Таежный, Сухобуземский район, Красноярский край. Пусть и два дня, но я ликовала на зависть моим репрессированным друзьям по двору. Радость моя была, однако, недолгой. Маму отправили в трудармию. Отец был где-то на севере Красноярского края в ГУЛАГе. Об этом я узнала лишь в 1990-е гг., а тогда у нас никаких вестей о нем не было. Мама на спецпоселении вышла замуж во второй раз, на свет появилась моя сестра Эрна. А я так и прожила с дедом и бабушкой всю войну в Красноярском крае.

Следующая картинка моего детства: 9 мая 1945 г.! Ясный, солнечный день, люди поют, обнимаются, играют на гармошке, пляшут на пыльных сельских улицах. Причем, народ многонациональный: тут эвакуированные с Кавказа, Украины, Прибалтики, Крыма, Ленинграда, Сталинграда – татары, поляки, евреи, латыши, эстонцы, украинцы, литовцы, немцы и, конечно, эвакуированные и местные сибирские русские. Все ликуют и радуются Победе. Мой дед, абсолютный трезвенник, решил тоже отметить Победу: купил бутылочку портвейна и за обедом налил себе и бабушке по рюмочке, хотел и мне налить немножко, но бабушка запротестовала, и он плеснул немного вина мне в горячий чай. Тут снова начались их воспоминания о «доме на Волге»: они вспомнили снова день венчания, наш роскошный фруктовый сад, дед – своих почтовых лошадей. Я побежала к подружке, но ее не оказалось дома. Я тут же развернулась, но почувствовала, что с трудом иду. Бабушка поняла, что со мной: она раздела меня и уложила в постель. Я сквозь дремоту еще долго слышала, как она ругала деда за то, что он напоил ребенка.

Из воспоминаний Иды Суховой (урожд. Айснер). Ида Арнольдовна родилась в 1938 г. в Палассовском кантоне, селе Франкрайх. Отсюда она была депортирована в Красноярский край.

Таблица 2

Депортация немцев из европейской части Советского Союза, осуществлявшаяся на основе постановлений ГКО СССР⁸⁰

Tabelle 2

Deportation der Deutschen aus dem europäischen Teil der Sowjetunion, Aussiedlungsgebiete, geregelt durch Beschlüsse des Staatlichen Verteidigungskomitees der UdSSR⁸⁰

Республики, края и области, откуда выселялись немцы Aussiedlungsgebiete	Номера постановлений ГКО СССР и даты их принятия Beschlüsse des Staatlichen Verteidigungskomitees der UdSSR, Daten
Москва, Московская и Ростовская области Moskau, Gebiet Moskau, Gebiet Rostow	№ 636 от 6 сентября 1941 г. Nr. 636 vom 6. September 1941
Тульская область, Краснодарский и Орджоникидзевский края, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР Gebiete: Tula, Krasnodar, Ordschonikidse; Republiken: Ossetien, Kabardino-Balkarien	№ 698 от 21 сентября 1941 г. Nr. 698 vom 21. September 1941
Запорожская, Ворошиловградская и Сталинская области Украинской ССР Gebiete der Ukrainischen SSR: Saporoshje, Woroschilowgrad, Stalino	№ 702 от 22 сентября 1941 г. Nr. 702 vom 22. September 1941
Воронежская область Gebiet Woronesh	№ 743 от 8 октября 1941 г. Nr. 743 vom 8. Oktober 1941
Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР Aserbaidshische SSR, Armenische SSR, Georgische SSR	№ 744 от 8 октября 1941 г. Nr. 744 vom 8. Oktober 1941
Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР Dagestanische ASSR, Tschetscheno-Inguschische ASSR	№ 827 от 22 октября 1941 г. Nr. 827 vom 22. Oktober 1941

они сообщали о том, что ими «принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек». Предлагалось направить их в Казахстан и Сибирь⁸¹.

Общее число переселенцев-немцев на 1 января 1942 г. составило 799,5 тыс. человек⁸².

Niederschrift wurde der Entwurf eines Beschlusses des Staatlichen Verteidigungskomitees mit konkreten Angaben zur Umsetzung der Umsiedlung beigefügt. Nach der Unterzeichnung durch Stalin gewann dieser Beschluss Gesetzeskraft und unterlag der unverzüglichen Umsetzung, die den Behörden des NKWD übertragen wurde. Beria fertigte sodann einen Befehl für seine Behörde aus, in dem die

Бревенчатый сруб на берегу реки Турья, который Генрих Монингер построил вместе со своим 11-летним сыном (на фото – посередине).

Гарри Монингер

В 2011 году Гарри Гейнриховичу исполнится 73 года. Монингер прошел путь от горного мастера до генерального директора Шерегешского рудоуправления. Награжден орденами Шахтерской Славы трех степеней, медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» 3-й степени, «За служение Кузбассу», «Изобретатель СССР».

Его родителей, переживших депортацию, трудовую армию, спецпоселения, нет в живых. Но сохранена память об истории рода.

До Великой Отечественной войны семья Монингер проживала в городе Франк на Волге. Мать Гарри, Ольга Ивановна работала учительницей, отец, Генрих Давыдович, директором школы. Жили хорошо: имели добротный дом, хозяйство, сад, в котором было много яблок. За год до начала войны отец молодой семьи Генрих Монингер был призван в ряды Красной Армии и направлен в школу политруков.

28 августа 1941 года вышел указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 3 сентября семью Монингер выселили в Омскую область, в село Чуртан. Гарри в ту пору было три года, его сестре Валерии – полтора. Бабушка мальчика Екатерина пути не выдержала, умерла. Место ее захоронения неизвестно до сих пор.

Вскоре мать, вместе с другими женщинами немецкой национальности, забрали в трудовую армию в Нижний Тагил. Через год ей дали отпуск, и она поехала навестить детей, которых оставила с дедом. И Гарри, и Валерия

были устроены в круглосуточный детский сад. При виде крох ее сердце, видимо, не выдержало. «Хоть стреляйте, не поеду обратно в Нижний Тагил, – заявила она, в комендатуре. – У меня дети маленькие». Ее не раз вызывали, пугали, но не тронули. Сила материнской любви оказалась сильнее строгих законов военного времени. При этом с 1941 по 1946 год она ничего не знала о муже, отце Гарри.

Когда началась война, школу политруков, в которой учился Генрих, преобразовали в дивизию и направили на фронт. Дивизия была сформирована из немцев Поволжья. В сентябре 1941 года всю дивизию с фронта сняли, посадили в поезд и повезли. В пути среди солдат кто-то распустил слух, что их везут во Владивосток, а там вместе с вагонами сбросят в океан. Психика некоторых бойцов не выдерживала, они поддавались панике и сходили с ума. Поезд прибыл в Джамбул, и всех направили в трудовую армию. Через несколько месяцев работы Генриха перевели в Краснотурьинск на строительство Богословского алюминиевого завода.

Разыскать семью Генриху Монингеру удалось в 1946 году. Он вывез их в Краснотурьинск, где в районе 42 квартала (место спецпоселения немцев), у него была крохотная комната в бараке...

Власть и депортированные немцы в новых местах поселения

Подготовку к приему переселенцев руководители соответствующих краев и областей начали после того, как в конце второй – начале третьей декады августа получили от наркома внутренних дел Л. Берии циркулярную телеграмму, в которой доводилось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о переселении немцев из Поволжья. В телеграмме указывалось, какое количество семей должны были принять каждый край и область, и ставилась задача подготовить для них жилье. Нарком внутренних дел потребовал не позднее утра 31 августа сообщить в НКВД СССР названия станций разгрузки эшелонов с указанием наименований железных дорог. Л. Берия информировал, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября⁸³.

В дальнейшем, с 1 сентября, т. е. с началом операции по выселению немцев Поволжья, управления НКВД краев и областей, куда должны были переселяться немцы, ежедневно докладывали о проделанной работе по подготовке к приему переселенцев. К моменту прибытия первых эшелонов из Поволжья все они доложили в центральный аппарат НКВД о том, что к приему переселенцев готовы, т. е. подготовили жилье, транспорт для перевозки от станций разгрузки к местам поселений.

Территория, на которой размещались переселенцы-немцы в Сибири и Казахстане, оказалась намного обширнее территории Немреспублики, а следовательно, и расстояние от станций выгрузки до мест заселения – протяженнее.

Значительная часть переселенцев, прибыв в конечную точку железнодорожного маршрута, перегружалась на пароходы и баржи и направлялась по Енисею, Оби и Иртышу на многие десятки и даже сотни километров на север и на юг от станций выгрузки. Затем им приходилось еще на повозках тащиться по таежным и степным дорогам в далекую глубинку.

конкретных Maßnahmen zur Umsetzung des Beschlusses des Staatlichen Verteidigungskomitees definiert wurden.

Ohne eine entsprechende Entscheidung des Staatlichen Verteidigungskomitees der UdSSR erfolgte die Deportation der Deutschen aus den Verwaltungsgebieten Odessa und Dnepropetrowsk (Ukraine), aus den Verwaltungsgebieten Gorki, Kujbischew, Leningrad (Umland), Kalinin, der Stadt Leningrad und der ASSR der Kalmücken. In der Regel lag ihnen eine Weisung des Volkskommissariats für Innere Angelegenheiten zu Grunde.

Die Übersiedlung der Deutschen aus Leningrad und dem Verwaltungsgebiet Leningrad (Umland) erfolgte aufgrund einer speziellen Weisung des Militärrates der Leningrader Front vom 26. August 1941 (Nr. 196). Darauf folgte ein Bericht an Stalin, der von Molotow, Malenkow und Kossygin unterzeichnet worden war, dass die Unterzeichner die „Entscheidung getroffen haben, die deutsche und finnische Bevölkerung aus den Vororten Leningrads unverzüglich auszusiedeln (Anzahl 96.000 Personen)“. Es wurde vorgeschlagen, diese nach Kasachstan und Sibirien zu verbringen.⁸¹

Die Gesamtzahl der deutschen Übersiedler betrug am 1. Januar 1942 799.500 Personen.⁸²

Die staatlichen Stellen und die deportierten Deutschen an den neuen Siedlungsorten

Die Vorbereitungen zur Aufnahme der Umsiedler begannen seitens der Führungen der jeweiligen Regionen und Verwaltungsgebiete unmittelbar nach Erhalt eines Rundschreibens des Volkskommissars für Innere Angelegenheiten, Beria, in der zweiten bzw. dritten Augustde-

**Die Gesamtzahl der
deutschen Übersiedler
betrug am 1. Januar
1942 799.500
Personen.**

Генафефа Думрауф родилась 22 августа 1928 г. в селе Прайс Зельманского района Саратовской области. В 1937 г. ее отца забрали по линии НКВД, больше он к семье не вернулся. Юную Феню с матерью и братом в 1941 г. выслали в Доволенский район Новосибирской области. Маму отправили почти сразу в трудовую армию. «Голод был страшный, – вспоминает Генафефа Александровна. – Как мы его перенесли? Я сейчас говорю, а самой не верится, что все это мы пережили. Нам и одеть-то было нечего, а в школу нужно было ходить в лютый мороз за 18 км. Я успела закончить пять классов, так как в феврале 1944 г. нас с братом тоже забрали в трудармию».

Никто не верил, что маленькой, худенькой девчужке уже исполнилось 15 лет. Первое время она работала на рабочих должностях – то дворником, то грузчиком в ЖКХ военного завода № 556 (ныне ЗАО «Сибтекстильмаш»). Но в декабре 1944 г., ее, уже 16-летнюю, забрали работать в цех на 8-часовой рабочий день по списку № 1 (вредное производство), а с 1945 г. уже на 12-часовой рабочий день. И каждый день Генафефа Александровна, тогда еще просто Феня, изготавливала для снарядов гильзы разного калибра, чтобы приблизить долгожданный день Победы. И он настал, правда, не принес всех ожидаемых перемен. Как и прежде, российские немцы ходили отмечаться в комендатуру, пока свои поправки в ход истории не внес 1956 г.

«Никакая депортация, никакая война не могут остановить движение жизни, – уверена сегодня Генафефа Александровна. – Люди продолжают любить, рожать детей и мечтать о счастье и мире на земле».

51 год и 3 месяца отдала Генафефа Александровна любимому заводу. Там же работал ее супруг, туда же пришли работать ее дети. И сегодня, несмотря на достойный возраст, Генафефа Александровна ведет активную общественную деятельность в Новосибирске. Ей не безразлична судьба российских немцев, пенсионеров, молодежи. Нередко только она может добиться справедливости, благополучного решения проблем, а ее упорством и сильным, честным характером остается только восхищаться.

Ирина Каплина

Генафефа Думрауф

Если в Немреспублике, имевшей общую площадь 28,2 тыс. кв. км, немцы проживали в 22 крошечных кантонах, то на новых местах они заселялись в 224 района, многие из которых по своей территории в несколько раз превышали площадь всей бывшей АССР НП. Часто эшелоны расселялись не в один, а в два и даже три района⁸⁴.

С самого начала депортации стало ясно, что заложенный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. принцип поколхозного расселения переселенных немцев реализовать невозможно, главным образом по причине материальных трудностей. Первыми об этом сообщили в ЦК ВКП(б) власти Казахстана. Поэтому уже 12 сентября 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». В нем Центральному комитету Коммунистической партии Казахстана давалось разрешение расселять немцев Поволжья не целыми колхозами, как предписывалось в постановлении от 26 августа, а группами семей⁸⁵. Вскоре явочным порядком это постанов-

ление было распространено и на немцев, депортировавшихся в Сибирь.

В последующем, когда осуществлялась депортация немцев из других районов СССР (Северного Кавказа, Закавказья, центра России и др.), в соответствующих постановлениях Государствен-

ного комитета обороны СССР имелся пункт 3, который всюду был одинаков и гласил: «Переселение и расселение немцев в Казахской ССР произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 12.VIII.41 г. – "О расселении немцев Поволжья в Казахстане"»⁸⁶.

каде. Darin wurden sie von der Entscheidung des ZK und des Rates der Volkskommissare über die Umsiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet in Kenntnis gesetzt. Das Telegramm konkretisierte die Zahl von Familien, die das jeweilige Verwaltungsgebiet bzw. die jeweilige Region aufzunehmen hatte und die mit Wohnraum zu versorgen waren. Das Volkskommissariat für Innere Angelegenheiten forderte, dass dem NKWD der UdSSR bis spätestens 31. August die Entladestationen der Züge unter Angabe der jeweiligen zuständigen Eisenbahndirektion mitgeteilt würden. Beria informierte darüber, dass die Züge ab dem 3. September abzufahren hätten.⁸³

Im Folgenden, beginnend ab dem 1. September, also mit Beginn der Operation zur Umsiedlung der Wolgadeutschen, rapportierten die Verwaltungen des NKWD der betroffenen Verwaltungsgebiete und Regionen täglich über die geleistete Arbeit zur Vorbereitung auf die Aufnahme der Umsiedler. Nach Eintreffen der ersten Züge aus dem Wolga-Gebiet berichteten sie an den zentralen Apparat des NKWD, dass sie zur Aufnahme der Umsiedler bereit seien, das heißt dass der entsprechende Wohnraum zur Verfügung stehe und es genügend Transportkapazitäten für die Überfahrt von den Entladestationen zu den Siedlungsorten gebe.

Ein nennenswerter Teil der Umsiedler wurde, nachdem er am Endpunkt der Eisenbahnbeförderung angekommen war, auf Dampfer und Lastschiffe verladen, und musste Dutzende, manchmal sogar Hunderte Kilometer auf den Flüssen Jenissej, Ob und Irtysh in nördlicher oder südlicher Richtung zurücklegen. Es schloss sich eine Fahrt auf gespannfahrzeugen über aufgetaute Wege und Steppenlandschaften an.

Während die Deutschen in ihrer Wolgarepublik mit deren Gesamtfläche von 28.200 Quadratkilometer in 22 kleinen Kantons gelebt hatten, wurden sie in den neuen Siedlungsgebieten auf 224 Rayone verteilt, von denen viele um ein Mehrfaches größer waren als die gesamte ehemalige ASSR WD. Häufig wurden die Passagiere eines einzigen Zuges nicht in ein und demselben, manchmal sogar in drei Rayonen untergebracht.⁸⁴

Часто эшелоны
расселялись не в один,
а в два и даже три
района.

Виктор Лерх

За фашиста побил бы!

Новокузнецкий священник прощает зло, но помнит несправедливость

В воскресенье 9 февраля 1947 г. в коридоре роддома № 5 города Сталинска (ныне Новокузнецка) сидела женщина с ящиком для бюллетеней в руках. Она терпеливо ждала, когда роженица разрешится от бремени, и врачи разрешат ей проглотосовать. В день появления на свет Виктора, первенца в семье Генриха и Эммы Лерх, в городе проходили первые после войны выборы. Спустя 64 года Виктор вспоминает, что привело Лерхов в Сталинск.

Жили тогда молодожены Лерх в спецпоселении, расположенном в Куйбышевском районе. По одну сторону реки Аба находился лагерь для военнопленных немцев, по другую – немцев, депортированных с Поволжья. Эмма (в девичестве Бинеманн) в возрасте 17 лет была направлена на работы в Сталинск из деревни Аткуль Убинского района Новосибирской области – места, куда депортировали семью Бинеманн из Маркса в сентябре 1941 г.

Семью выслали в Сибирь одной из последних, так как у отца Эммы Давида была бронь. Он работал модельщиком в литейном цехе машиностроительного завода и считался отличным мастером. На глазах пятнадцатилетней девочки разворачивались трагические события, охватившие жителей

небольшого города Маркс. Каждый день от берега реки Волги уходила в «неизвестность» наполненная людьми баржа. По улицам, отчаянно мыча, бродили брошенные коровы. Животные прибивались к воротам тех домов, где еще оставались люди...

«Мы выходили и доили их просто на землю, – вспоминала Эмма Давидовна, – молоко девать некуда было, а не подоишь – скотина погибнет». Наступил черед депортации и для семьи Бинеманн. В разрешенный к вывозу скарб (50 кг на человека) глава семьи в первую очередь включил инструменты мастера-модельщика. Все, что превышало обозначенный вес, сотрудники НКВД велели складывать в кучу. Весь берег был заставлен вещами. Пожитки, не прошедшие весовой контроль, Давид скинул прямо в Волгу. «Это – мое, что хочу, то и делаю», – заявил он.

По рассказам матери Виктора, ее отец был крепким хозяином, умел добиться своего там, где другие пасовали, и в отличие от многих соседей хорошо владел русским языком. По прибытии в деревню Аткуль ему удалось выбить для своей семьи новый недостроенный дом. Были лишь стены и фундамент.

Глава семьи быстро смекнул, что в привезен-

Слева направо: Андрей, Виктор, Николай

Итак, расселение депортированных немцев проводилось посемейно. В каждый район направлялось определенное количество семей, которое, в свою очередь, далее дробилось еще по селам и колхозам. В итоге в каждое село, колхоз, совхоз, МТС и т. д. попадало всего по несколько семей. К примеру, в Акмолинской области 28 тыс. переселенцев принял 371 колхоз⁸⁷. Произошло распыление немецкого населения Поволжья и, в частности, АССР НП (в прошлом одного из самых значительных мест компактного проживания немцев в России и СССР) на громадной территории в 2,5–3 млн. кв. км. Именно с того времени и начал развиваться особенно быстрыми темпами процесс ассимиляции немцев с окружающей русскоязычной средой.

Отдельное жилье немецким семьям в местах вселения, за редким исключением, не предоставлялось; «уплотняли» семьи местных жителей за счет вселения к ним под крышу. Такое сожительство, как правило, негативно отражалось на взаимоотношениях между приезжими и хозяевами, поскольку, во-первых, причиняло последним существенные неудобства, а во-вторых, незнание обычаев, традиций, уклада жизни друг друга нередко приводило к конфликтам. Особенно часто такие конфликты по недоразумению возникали при вселении в казахские аулы и семьи. Например, в колхозе «Оркень» Кокчетавского района Северо-Казахстанской области произошел случай, когда немка стала поджаривать сало в избе, а хозяйка-казашка, заметив это, тут же ушла к соседям и больше не возвращалась в свой дом. В том же колхозе казахи не разрешили хоронить на своем кладбище умершего ребенка-немца⁸⁸.

Вначале местные жители встретили переселенных немцев настороженно, но спокойно, в основном без каких-либо эксцессов, хотя и были отдельные исключения. Так, в Алтайском крае председатель Травиновского сельсовета Перепечаева в присутствии немцев, только что прибывших в село, заявила сопровод-

Schon zu Beginn der Deportation wurde offensichtlich, dass das in der Beschlussfassung vom 26. August 1941 enthaltene Prinzip, wonach die Deutschen im Bestand ihrer jeweiligen Kolchose angesiedelt werden sollten, nicht realisierbar war, vor allem aufgrund materieller Schwierigkeiten. Als Erste informierten darüber die Behörden Kasachstans das ZK. Deshalb wurde schon am 12. September 1941 auf einer Politbürositzung ein Beschluss des Rates der Volkskommissare und des ZK (Nr. 2060/935cc) „Über die getrennte Ansiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet in Kasachstan“ gebilligt. Er autorisierte das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Kasachstans, die Wolgadeutschen nicht nur im Bestand ganzer Kolchosen, sondern auch in Gruppen von Familien anzusiedeln.⁸⁵ Schnell wurde diese Beschlusslage im vorausseilenden Gehorsam auch auf die nach Sibirien deportierten Deutschen ausgedehnt.

Im Weiteren, als die Deportation der Deutschen aus anderen Regionen der UdSSR anließ (Nordkaukasus, Kaukasusvorland, Zentralrussland u. a.), lautete Punkt 3 in den entsprechenden Beschlüssen des Staatlichen Verteidigungskomitees der UdSSR einheitlich: „Die Umsiedlung und Ansiedlung der Deutschen in der Kasachischen SSR erfolgt in Übereinstimmung mit dem Beschluss des ZK und des Rates der Volkskommissare vom 12. September 1941 (Über die getrennte Ansiedlung der Deutschen aus dem Wolga-Gebiet in Kasachstan).“⁸⁶

Die deportierten Deutschen wurden also familienweise angesiedelt. Ausgewählte Rayone nahmen eine bestimmte Zahl von Familien auf, die ihrerseits weiter auf die einzelnen Dörfer und Kolchosen verteilt wurden. Somit gelangten in jedes Dorf, jeden Kolchos, jeden Sowchos, jede Maschinenausleihstation etc. jeweils eine Handvoll Deutsche. Die 371 Kolchosen im Verwaltungsgebiet Akmolinsk zum Beispiel nahmen insgesamt rund 28.000 Übersiedler auf.⁸⁷ Die Bevölkerung des kompakten deutschen Siedlungsgebiets an der Wolga wurde über ein riesiges Territorium von 2,5 bis 3 Millionen Quadratkilometer verstreut. Damit war auch der Anfang für einen beschleunigten Prozess der Assimilierung der Deutschen an das sie umgebende russischsprachige Umfeld gelegt.

ной обувке семья в Сибири не выживет, и первый в деревне освоил ремесло катания валенок, благо овечьей шерсти было предостаточно. При поддержке председателя колхоза он даже открыл пимокатный цех и наладил производство валенок для фронта. За это председатель был награжден медалью «Герой Социалистического труда». Про таких, как Давид, в народе всегда говорили «в рубашке родился». Написали на него как-то донос в НКВД, якобы в доме пушку держит, он и тут вывернулся. Выпытал у «особиста», что за доброжелатель письмоцо принес, рассмеялся и повел в дом «оружие» показывать. Им оказался диковинный для тех лет механизм с трубками – сепаратор, который показался заглянувшей соседке пушкой.

Беда пощадила семью Бинеманнов, но «разгулялась» в доме Лерхов. Родители Генриха Карл и София проживали в деревне Лиленфельд Мариентальского района и занимались выращиванием лошадей для царской армии. Работали много и жили богато. В 1932 г. у них было конфисковано все хозяйство. Старшее поколение семьи Лерх это событие не пережило. По словам родных, отец Генриха часто заходил в пустую конюшню, падал на пол и плакал. Однажды его нашли там мертвым. Видно, сердце не выдержало. А мать Генриха весной 1933 г. умерла от голода.

Генрих Лерх выжил, окончил школу механизаторов, стал передовиком производства. Как-то

утром сидя за рулем комбайна, увидел, что к нему приближается автомобиль. Сначала думал, что начальство едет поздравлять с очередной трудовой победой, а его скрутили и – в машину. Шел 1938 г. После нескольких дней тюремного заключения Генриху выдали документ, в котором значилось, что он осужден по статье № 58 как враг народа на пять лет без права переписки. Сидел Лерх в лагере уральского города Ивдель, работал на строительстве Пермской дороги. Раз в день давали чашку мутной жижи с нечищеными конскими кишками. В бараках держали голыми. У изможденных, истощенных людей плечи становились уже голов... Генрих выжил за счет крепкого здоровья. Летом 1940 г. его отпустили домой так же неожиданно, как и забрали. А осенью вызвали повесткой.

«Досиживать надо, парень», – объяснили в НКВД. По окончании срока в 1943 г. его привезли в Сталинск и определили на работу в шахту им. Орджоникидзе, где он и встретился с будущей женой Эммой. Девчонка на шахте грузила уголь в вагонетки. Поженившись, Лерхи до конца 1940-х гг. проживали в бараке спецпоселения. В военные годы оно было обнесено колючей проволокой, а на работу и обратно жителей водили под конвоем. С 1947 по 1951 г. в семье родилось трое сыновей: Виктор, Андрей, Николай.

Может, это прозвучит странно, но, находясь под надзором комендатуры, депортированные немцы

находились в более привилегированном положении, чем местное население. В голодное послевоенное время им выдавали продукты.

Школьные годы Виктор Лерх вспоминает неохотно. Отправившись в первый класс, он не знал русского языка. В семье говорили только по-немецки.

«Ой, господи, как меня лупили одноклассники, – вспоминает он, – особенно измывался один, у которого дед погиб на фронте, и он мне, «фашисту» мстил. Я был щупленький, а он покрупнее... Сегодня Виктору Лерху 64 года. В молодости он, как и дед Давид, работал модельщиком, потом мастером, начальником участка на разрезе «Байдаевский». Имеет несколько образований, в том числе высшее – закончил филиал Кемеровского института, факультет патентоведения и изобретательства. На протяжении многих лет возглавлял региональную общественную организацию российских немцев «Возрождение». Ныне Виктор Генрихович – священник в Новоапостольской церкви Новокузнецка.

«С верой не рождаются, к ней приходят», – любит говорить он. На провокационный вопрос «Вера учит любить и прощать, смог ли наш рассказчик простить школьного обидчика?» Виктор Лерх рассмеялся и то ли в шутку, то ли серьезно ответил:

«Нет, за фашиста, если б встретил, побил».

Марина Герман

ждавшим: «Зачем их прислали к нам сюда, они будут здесь шпионить и вредить». В том же крае, но в другом районе, в колхозе «Червона Домжа», украинские дети жестоко избили камнями немецких ребятишек, которые проезжали через село и остановились напоить лошадей. При этом дети-украинцы кричали, что «бьют немцев, наступающих на СССР»⁸⁹.

В дальнейшем отношение местных жителей к немцам менялось под воздействием поведения последних. Наиболее быстро адаптировались к новым условиям жизни сельские труженики: колхозники, механизаторы МТС. Многие из них уже буквально на второй – третий день после прибытия включились в работу по уборке урожая, показывая свое высокое профессиональное мастерство. Комбайнер Я. Шандрер, вселенный в колхоз «Советская Сибирь» Залесовского района Алтайского края, исправил не работавший весь сезон комбайн и за полдня скошил 15 гектаров хлеба. Тракторист Э. Вайс из того же колхоза за два часа исправил бездействовавший два месяца

трактор⁹⁰. После вселения немцев практически из всех районов пошла информация, что ход уборочной кампании существенно ускорился и большинство колхозников-немцев работают добросовестно и старательно.

После вселения немцев практически из всех районов пошла информация, что ход уборочной кампании существенно ускорился.

Имели место факты, когда прибывшие переселенцы активно включались в общественную жизнь колхозов, разоблачали махинации некоторых руководителей в отношении рядовых колхозников.

5 декабря 1941 г. в колхозе «Искра» Тяжинского района Новосибирской области был зверски убит И. Вендлер, член ревизион-

Eigener Wohnraum konnte den deutschen Familien an den Ansiedlungsorten, von wenigen Ausnahmen abgesehen, nicht zur Verfügung gestellt werden: Man „verdichtete“ die ortsansässigen Familien, in dem man ihnen „Untermieter“ zuwies. Ein derartiges Zusammenleben erwies sich in der Regel als problematisch, da es den Zugereisten unangenehm war, dass sie Schwierigkeiten bereiteten. Außerdem führte ihre Unkenntnis der örtlichen Sitten, Traditionen und Lebensweisen häufig zu Konflikten, besonders bei der Ansiedlung in kasachischen Aulen und Familien. In der Kolchose „Orken“ des Rayons Koktschetau im Verwaltungsgebiet Nordkasachstan ereignete sich ein Vorfall, bei dem eine Deutsche Schweinespeck im Haus zubereitete, woraufhin die kasachische Hausherrin, nachdem sie dies gesehen hatte, zu den Nachbarn flüchtete und sich weigerte, je wieder in ihr Haus zurückzukehren. Im selben Kolchos gestatteten die Kasachen nicht, ein verstorbene deutsches Kind auf ihrem Friedhof beizusetzen.⁸⁸

Anfangs wurden die umgesiedelten Deutschen von der einheimischen Bevölkerung zurückhaltend aufgenommen, wenn auch ohne große Unmutsbekundungen. Es gab jedoch Ausnahmen. So verkündete in der Altairegion ein Gemeindevorsitzender in Anwesenheit der eben eingetroffenen Deutschen: „Warum hat man sie hierher zu uns geschickt? Sie werden bloß rumspionieren und Schaden anrichten.“ In derselben Region, jedoch in einem anderen Rayon, bewarfen ukrainische Kinder Deutsche mit Steinen, als diese durch das Dorf fuhren und anhielten, um die Pferde zu tränken. Dabei riefen die ukrainischen Kinder, dass sie „die Deutschen schlagen, die die UdSSR angreifen“.⁸⁹

Das Verhältnis zwischen den Einheimischen und den Deutschen profitierte jedoch schnell von der Anpassungsfähigkeit der Letzteren. Am schnellsten gelang es den Bauern und den Mechanisatoren der Maschinen-Traktoren-Stationen, sich unter den neuen Umständen zurechtzufinden. Viele griffen bereits am ersten oder zweiten Tag nach Ankunft bei der Getreideernte mit zu und legten dabei einen hohen Grad an Sachverstand an den Tag. So reparierte der Mähdrescherfahrer Schandrer in einem Kolchos der Altairegion einen Mähdrescher, der in der gesamten Erntesai-

Александр Маркерт

« В 1912 г. 12 февраля на берегу Волги в селе Красный Яр Саратовской области в семье плотника Карла и домохозяйки Элизабет родился будущий учитель физики и астрономии средней школы № 1 Маркерт Александр Карлович. Скольким учащимся он передал свою любовь к физике! Сколько парней и девушек поступали в средние и высшие учебные заведения благодаря его прекрасным урокам! Он знакомил школьников со звездным небом, тайнами космоса. Очень часто летними ночами дедушка и его ученики забирались на гору Благодать, для того чтобы из телескопа увидеть своими глазами созвездия, плавные движения первых космических спутников. И что очень важно: среди его учеников не было двоечников и нерадивых. Ученики всегда отвечали своему учителю полным взаимопониманием. Со всех концов страны к праздникам летели поздравительные открытки в почтовый ящик семьи Маркерт от благодарных и любящих его учеников. Никогда он не жаловался на свою судьбу. Любил жизнь и этой любовью заражал окружающих его людей. А жизнь его совсем не баловала.

Детство, юность – все складывалось удачно. В 1940 г. он окончил физико-математический факультет немецкого педагогического института в городе Энгельсе и начал свою трудовую деятельность в качестве ассистента кафедры экспериментальной физики этого же института. Но проработал там только год.

Война! Она перевернула жизнь многих, в том числе и Александра Карловича. Целыми поселками, городами высылали российских немцев с их нажитых мест, не жалели ни старых, ни малых. Семью Маркерт выслали в Павлодар, чуть позже мужчин отправили в Тагиллаг. Думал, что кошмар закончится и он встретится с родными. И только после окончания войны он узнал, что его мать умерла голодной смертью (могилы ее он не нашел). А сестра нашлась только в 1970-х гг.

1946 г. Из письма в Министерство внутренних дел:

«Уважаемый министр! Я уже пятый год клею резиновые калоши и пятый год сохнут в моих мозгах математические формулы и физические законы... Я родился в России, получил в советской школе и вузе марксистско-ленинское мировоззрение, 10 лет был активным членом Ленинского комсомола, потерял семью... Обращаюсь к вам с просьбой определить меня на такую работу, где я имел бы возможность использовать свои знания».

Его просьбу удовлетворили только через два года.

1 сентября 1948 г. Александр Карлович начал свою педагогическую деятельность в средней школе № 1. Это был педагог и человек с большой буквы, полностью посвятивший себя любимому делу...

Из рассказа Элизабеты Маркерт о своем прадедушке (Кушва)

ной комиссии колхоза, разоблачивший попытку воровства хлеба колхозным руководством. Убийцами оказались председатель и его подручные⁹¹.

Пункт 4 постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. предусматривал дифференцированный подход к расселению жителей бывшей АССР НП («городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных»)⁹². Это положение на практике выполнено не было. Огульный подход к расселению прибывших привел к тому, что подавляющее большинство горожан, жителей кантональных центров, попали в колхозы. Если в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях, Казахской ССР они составляли в колхозах 10–15 %, то в Красноярском крае в ряде случаев – 60 %⁹³. Естественно, что эти люди, никогда не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, специалисты своего дела (учителя, врачи, ученые, служащие учреждений, железнодорожники и т. п.), не хотели ехать в колхозы, возражали, протестовали против такого решения, подчас в резкой форме. Попав в колхозы, энтузиазма не проявляли и делали все возможное, чтобы найти работу по специальности. Вот что сообщалось по этому поводу в оперативных сводках НКВД: «Со стороны значительной части переселенцев городского контингента наблюдается весьма плохое отношение к работе в колхозах. Особенно это относится к работникам, ранее работавшим в районных организациях, и лицам, не занимавшимся сельским хозяйством. Порой эта категория переселенцев вносит дезорганизацию и разложение... Многие переселенцы из городского контингента стремятся совершенно уйти из колхоза. Их можно видеть в районных, городских и областных центрах, занимающимися поисками для себя работы по специальности»⁹⁴.

Очень немногим удавалось найти работу и переехать в районный центр или какой-нибудь городок. Основная масса горожан-переселенцев так и осталась в колхозах. Естественно, что это не

son noch nicht einsatzfähig gewesen war und fuhr an einem halben Tag 15 Doppelzentner Brotgetreide ein.⁹⁰ Teilweise integrierten sich die eingetroffenen Umsiedler auch aktiv in das gesellschaftliche Leben der Kolchosen. Sogar Manipulationen bestimmter Funktionäre gegenüber einfachen Kolchosbauern wurden aufgedeckt, was I. Wendler, Mitglied der Revisionskommission in einer Kolchose des Verwaltungsgebiets Nowosibirsk, das Leben kostete Am 5. Dezember 1941 wurde er auf brutale Weise erschlagen. Wendler war dem Kolchосеворsitzenden auf die Schliche gekommen, der sich durch Unterschlagung bereichern wollte. Der Mord wurde schließlich dem Vorsitzenden und seinen Helfern nachgewiesen.⁹¹

Punkt 4 des Beschlusses vom 26. August 1941 sah ein differenziertes Herangehen bei der Ansiedlung der Bewohner der ehemaligen ASSR WD vor: „Stadtbewohner sind in Kreisstädten und anderen Städten anzusiedeln, jedoch nicht in den Gebietshauptstädten.“⁹² Diese Bestimmung wurde in der Praxis nicht umgesetzt. Die gleichmacherische Herangehensweise führte dazu, dass sich die Mehrzahl der städtischen Bewohner und der Bewohner der Kantonzentren in Kolchosen wiederfand. Während sie in der Altairegion und in den Verwaltungsgebieten Nowosibirsk sowie in der Kasachischen SSR in den Kolchosen etwa 10 bis 15 Prozent der Zugesiedelten ausmachten, betrug ihr Anteil in der Verwaltungsregion Krasnojarsk bis zu 60 Prozent.⁹³ Es versteht sich von selbst, dass diese Menschen, die nie zuvor landwirtschaftliche Arbeit geleistet hatten, dafür aber Fachleute auf anderen Gebieten waren (Lehrer, Ärzte, Wissenschaftler, Angestellte, Eisenbahner etc.), gegen ihre Verschickung in die Kolchosen protestierten, mitunter sogar in hitziger Form. Vor Ort in den Kolchosen zeigten sie keinen Enthusiasmus und versuchten alles, um eine Arbeit in ihrem erlernten Beruf zu finden. Und so klang das dann in einem operativen Bericht des NKWD: „Seitens eines beträchtlichen Teils der Umsiedler aus den Städten ist ein sehr schlechtes Verhältnis zur Arbeit in den Kolchosen zu beobachten. Dies bezieht sich vor allem auf solche Werkstätige, die früher in Rayonorganisationen tätig gewesen sind, sowie auf Personen, die sich nie zuvor mit Landwirtschaft befasst hatten. Diese Kategorie

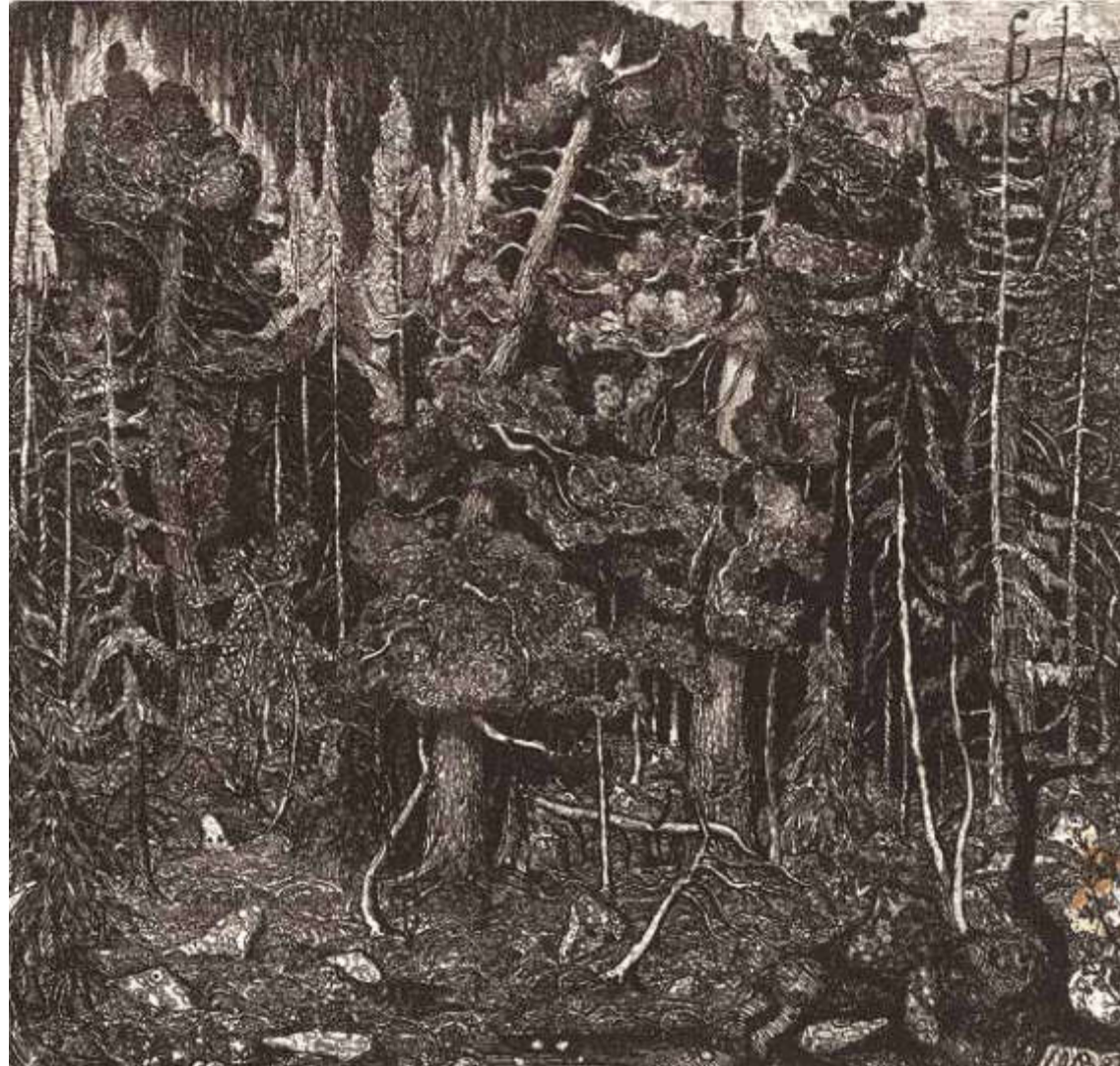
Theodor Gieß

« Den hohen Riesen sei's geschworen:
Ich kehr' zurück ins Wolgaland,
Wo meiner Väter Wiege stand,
Wo ich und dann mein Sohn geboren,
Sobald gelöscht der Höllenbrand,
den Hitler hat heraufbeschworen.
Mit jedem neuen Baumaufschlage
Zähl'n ab wir lauthals seine Tage...

1942

Theodor Gieß,
Russlanddeutscher Lyriker, geb. 1919
im Dorf Alt-Walter an der Wolga.

Lew Weibert.
Auf der Zedernkuppe
Radierung. 19,5x20,5. 1987.

могло не отражаться на их настроении и поведении. Вот лишь одно высказывание, зафиксированное органами НКВД. А. Кесслер заявил: «Мы там получали хорошую зарплату и имели хорошие квартиры, а сейчас нас загнали в колхозы. Задушусь в петле, но в ваших колхозах работать не буду»⁹⁵. Подобных высказываний в анналах НКВД зафиксировано немало. Конечно, это крайние точки зрения, однако в целом столь дружное нежелание горожан идти в сельское хозяйство говорит об истинном авторитете сталинских колхозов в те годы с их крепостническим укладом жизни.

Положение немцев-переселенцев усугублялось тем, что ввиду спешного выселения (график погрузки и перевозки был превыше всего) значительная часть из них при увольнении с работы не получила заработной платы и полного расчета и, следовательно, осталась без средств к существованию. В подавляющем большинстве колхозов, куда попали горожане бывшей АССР НП, даже при добросовестном труде какое-либо авансирование не производилось, а оплата труда должна была осуществляться в конце хозяйственного года, т. е. фактически приезжие обрекались на голодную смерть. Это был еще один существенный фактор, заставлявший бывших горожан бежать из колхозов. К примеру, из колхоза «Знамя Ленина» Ельцовского района Алтайского края сбежала целая группа немцев-переселенцев. Они обратились в совхоз № 176 Тогульского района с просьбой принять их на работу. При этом свое бегство из колхоза мотивировали следующей причиной: «Нам в колхозе работать нельзя, потому что там ничего не дают, а купить продуктов питания нам не представляется возможным»⁹⁶.

Казалось бы, по сравнению с горожанами, рабочими и служащими, колхозники бывшей АССР НП находились в более выгодном положении, поскольку привезли с собой документы: обменные квитанции, акты на сдачу как колхозного, так и

der Umsiedler bringt lauter Desorganisation und Probleme mit sich ... Viele Übersiedler aus den Städten wollen die Kolchose ganz verlassen. In den Rayonzentren, in Städten und auch im Gebietszentrum sind sie auf der Suche nach Arbeit in ihrem erlernten Beruf.⁹⁴

Nur den wenigsten war dabei Erfolg beschieden. Die meisten mussten in den Kolchosen bleiben, was sich entsprechend in ihrer Stimmung und in ihrem Verhalten niederschlug. Der NKWD zitiert einen solchen Umsiedler wie folgt: „Wir hatten dort ein gutes Gehalt und schöne Wohnungen. Aber jetzt hat man uns in die Kolchose getrieben. Ich möge in der Hölle schmoren, aber in euren Kolchosen werde ich nicht arbeiten.“⁹⁵ Ähnliche Äußerungen lassen sich in den Annalen des NKWD unzählige finden. Es sind Extremmeinungen, die aber auch vom schlechten Ruf der Stalinschen Kolchosen jener Zeit zeugen, welche eine der Leibeigenschaft nahe kommende Lebensweise praktizierten.

Die Lage der deutschen Umsiedler wurde auch dadurch erschwert, dass sie angesichts der übereilten Aussiedlung (Priorität hatte der Zugfahrplan) größtenteils bei ihrer Entlassung von der Arbeit keine Gehälter ausgezahlt bekommen hatten bzw. nur Teile davon und deshalb unter existenziellem Geldmangel litten. In der Mehrzahl der Kolchosen, in die Stadtbewohner aus der ASSR WD deportiert wurden, gab es auch bei ehrlicher Arbeit keinerlei Vorauszahlungen, die Gehälter wurden erst am Ende des Haushaltsjahres ausgezahlt. Damit waren die Zugezogenen praktisch von Hunger bedroht. Dies war einer der wesentlichen Faktoren, der ehemalige Städter zwang, aus den Kolchosen zu fliehen. So bat z. B. beim Sowchos Nr. 176 im Verwaltungsgebiet Togul eine ganze Gruppe von Umsiedlern aus einem Kolchos in der Altairegion um Anstellung. Ihre Flucht aus dem Kolchos begründeten die Menschen mit den Worten: „Wir können nicht im Kolchos arbeiten, weil man uns dort nichts gibt und Lebensmittel können wir uns nicht kaufen.“⁹⁶

Im Vergleich zu den Städtern schienen sich die Landbewohner aus der ASSR WD in einer vorteilhafteren Situation zu befinden, denn sie hatten ja Unterlagen dabei: Abgabequittungen für Eigentum der Kolcho-

Фридрих Арнольд

Бруно Диль.
Хозяин тайги.
Холст, масло, 1999.

Мой отец при любых застольях, какие случаются у нас дома, всегда произносит один и тот же тост. Он встает и говорит:

– А сейчас, прошу, выпьем за Макарыча!

Сначала я этого не замечал, был маленький. Заметил только, когда подрос. Подумал: все пьют, и никто не спросит, кто этот Макарыч, значит, знают. Получается, что я один не знаю. И я спросил у отца про Макарыча. Он мне сказал, что это история нашего деда, Фридриха Фридриховича Арнольда, уроженца села Фрайдорф Мариентальского района.

Осенью 1941 г. мой дед, 19-летний парень, оказался в трудармии в Кемеровской области. Привезли их на лесоповал, в 20 км от села Листвянка. Поселили в барак, который был только-только наспех построен «зэками». Когда топили две печки-барабанки, от стен шел пар – бревна были сырые. Валили кедряч, Фридрих был в паре с крепким немцем по фамилии Май, он помогал парнишке. Десятники очень лютовали: лес вывозили на лошадях, если заметят, что замахнулся кнутом, чтобы подгонять лошадь, или хомут натер шею, могли обвинить в порче имущества, во вредительстве, и тогда срок – 10 лет или больше.

Однажды в воскресенье, которое иногда было выходным днем, Фридрих попал в дом Алексея Макаровича Черданцева. Старик держал в тайге колхозную пасеку. Было ему за семьдесят, помощников не было, а работы было много, например, ремонтировать улья. Фридрих плотницкое дело знал и вызвался помогать. Макарыч устроил через правление колхоза официальное разрешение моему деду и его товарищу, Маю, плотничать на пасеке, а затем и в колхозе. Старик давал тайно им миску меда каждую неделю, этим медом они и выжили.

Позже Фридрих всегда вспоминал добрым словом старика и своим детям наказал, чтобы те вспоминали. А как вспоминать, когда? Вот дед и придумал произносить тост за Макарыча. «Не было бы Макарыча и его меда, не было бы меня, а вместе со мной и вас», – говорил дед своим детям.

Теперь это и моя история, и мой обычай тоже.

лично имущества. Партия и государство обещали им компенсировать потерю этого имущества (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г.). Но переселенцы были самым бессовестным образом обмануты. Официально никто не отменял положение постановления о компенсации, однако Центр никаких разъясняющих документов о том, из каких средств производить компенсацию, не посылал. Местные же партийные, советские, хозяйственные органы, не имея каких-либо полномочий да и материальной основы на выдачу переселенцам компенсации, естественно, принимать у немцев документы и выдавать взамен деньги и имущество отказывались. Единственное, что было сделано в некоторых местах, – это выдача переселенцам по имевшимся у них обменным квитанциям хлеба, да и то в небольшом количестве (не более 3 центнеров на семью). Однако 30 октября заготовительное ведомство «Востокзаготзерно» телеграфно распорядилось «выдачу зерна переселенцам-немцам впредь до особого распоряжения прекратить»⁹⁷. 11 ноября Наркомат заготовок СССР разрешил возобновить выдачу переселенцам-колхозникам хлеба в том же объеме, но только взамен на обменные квитанции «Заготзерно». Такие квитанции были далеко не у всех. В спешке выселения от многих колхозников-немцев хлеб на местах принимался не только хлебозаготовительными, но и хлебозакупочными организациями, а также по актам, составленным представителями Наркомата земледелия и органов НКВД. Такие документы в местах вселения в расчет не принимались⁹⁸.

Кроме того, как сообщали наверх органы НКВД, «совершенно не возмещаются по квитанциям картофель и другие овощи. Отсутствуют указания о порядке возвращения скота, сданного по квитанциям «Заготскот». Областные организации на свои запросы до сих пор от вышестоящих организаций разъяснений по этому вопросу не получили»⁹⁹. Приведенная инфор-

sen oder für persönliches Eigentum. Partei und Staat hatten versprochen, ihnen den Verlust dieses Vermögens zu kompensieren. Aber die Übersiedler wurden auf gewissenlose Art und Weise betrogen. Offiziell hob niemand die Bestimmung des entsprechenden Beschlusses über die Kompensation auf, allerdings machte Moskau keinerlei Angaben, aus welchen Mitteln diese Kompensation zu erfolgen habe. Die örtlichen Partei-, Sowjet- und Wirtschaftsbehörden, die keine Vollmachten besaßen und auch nicht die materielle Grundlage für die Ausgabe von Geld und Vermögen an die Übersiedler hatten, waren natürlich nicht bereit, die Dokumente der Deutschen entgegenzunehmen. Lediglich Brotgetreide wurde mancherorts an die Umsiedler auf Basis von Brotmarken ausgegeben, jedoch nur in geringer Menge (nicht mehr als drei Doppelzentner pro Familie). Hinzu kam noch der Erlass der Lebensmittelbehörde vom 10. September, wonach „die Ausgabe von Getreide an deutsche Umsiedler bis auf Weiteres einzustellen“ war.⁹⁷ Erst am 11. November hob das Volkskommissariat dieses Ausgabeverbot auf, legte jedoch fest, dass nur noch Brotmarken der jeweiligen Behörde anerkannt werden sollten. Derartige Brotkarten hatten bei Weitem nicht alle und die mitgeführten Brotkarten wurden von den örtlichen Behörden nicht akzeptiert.⁹⁰

NKWD-Stellen meldeten nach oben, dass „Quittungen für Kartoffeln und Gemüse überhaupt nicht erstattet werden. Es fehlen Weisungen über die Rückgabe von Vieh, die gegen Belege der staatlichen Aufkauf-firma übergeben worden sind. Die Organisationen des Verwaltungsgebiets haben auf ihre Anfragen bisher von den übergeordneten Stellen keinerlei Erläuterungen zu dieser Frage erhalten“.⁹⁹ Ein Bericht aus dem Verwaltungsgebiet Nowosibirsk vom Dezember 1941 zeigte ebenso wie andere Informationen, die schon vorher aus Kasachstan eingegangen waren, dass „die Ausgabe von Vieh und landwirtschaftlichen Erzeugnissen an die Umsiedler, die entsprechende Ablieferungsquittungen vorlegen können, bisher nicht erfolgt ist ... Ferner haben die Kolchosen und die Kolchosbauern Unterlagen über die Übergabe von landwirtschaftlichem Gerät und Haushaltsgegenständen. Ein derartig beträchtlicher

Изольда Шнайдер

Когда нас отправляли эшелонами, нам выдавали карточки. Мы должны были ехать в Кустанай без бабушки. Мы за папу с мамой схватились, мы же привыкли к ней: «Бабушка, бабушка!». А она должна была с другим эшелоном ехать – со своей племянницей. Бабушка говорит: «Я к своей племяннице не привыкла. Я привыкла к внукам». Мы плачем, она плачет... Потом папа говорит маме: «Элла, мы возьмем тетю Лизу как домработницу». А тогда был закон: домработницы могли быть у людей. И вот так мы остались вместе...

До отправки в трудовую армию маму знали как швею. К ней и кэгебэшники приезжали, просили галифе сшить. Ей привозили старые галифе и керосин. Одни, старые, она распарывала, выкройку делала на новой ткани, которую они приносили, шила новые галифе и снова сшивала старые. И возвращала их к утру. И весь район знал маму, в степном Кучуке все у мамы шили. Когда мы с Волги в Сибирь приехали, в деревнях косоворотки носили, и на живульках юбки бабки шили. В общем мы там как дикари жили, по рассказам мамы: в такой глубинке... бабушка с мережками ходила! А как узнали, что мама шьет, все к ней устремились. Эта молва быстро распространилась. И приходили тогда к председателю колхоза, Кондрик его фамилия, и говорили: «Эллу выручи из тюрьмы». Маму вызволили из трудовой армии через два года, да так вызволили, что, когда моя сестра уехала в Германию, не могли даже документов найти о том, что она была там.

Вплоть до отъезда из Кучука, когда мне исполнилось 14 лет, я слышала, как называли немцев: фашистами, гитлерами. Я их понимаю, ведь это было связано с войной. Но детей любили. Нас с сестрой они называли «девчоночки-кукляточки»: сестры-близняшки с черными кудряшками, одинаковой одеждой. Даже заплатки одинаковые были.

Из воспоминаний Изольды Исаковой (Шнайдер), г. Барнаул, Алтайский край. Изольда Адольфовна родилась в Мариентале Республики немцев Поволжья в 1937 г.

мация поступила в Центр из Новосибирской области в декабре 1941 г. А вот что сообщалось из Казахстана несколько раньше – в ноябре: «Выдача переселенцам скота и сельхозпродуктов по имеющимся у них на руках обменным квитанциям до сих пор не производится... У колхозов и колхозников имеются, кроме того, документы о сдаче сельхозинвентаря, домашнего имущества и пр. Столь значительный объем обменных операций, вследствие отсутствия в районах необходимых фондов, вызывает прямые опасения за их реальность и возможность удовлетворения гарантированных претензий переселенцев»¹⁰⁰. Сообщение из Омской области (ноябрь 1941 г.): «Значительная часть переселенцев выражает свое недовольство переселением по причинам хозяйственного неустройства. До сих пор не ясны вопросы, будут ли им возвращаться сданные при отъезде хлеб, скот, фураж...»¹⁰¹.

Аналогичные тревожные доклады поступали и из других краев и областей, где были расселены граждане бывшей Немецкой Республики. Однако ситуация не изменилась. Практически ни в одном месте, куда были переселены немцы, они так и не смогли получить по имевшимся у них документам компенсацию за оставленное имущество (дома и другие постройки, предметы домашнего обихода, инвентарь, скот, продовольствие, фураж и т. п.).

По мере приближения зимы 1941–1942 гг. положение немцев-переселенцев в Сибири и Казахстане становилось все хуже и хуже. Очень скоро какие-либо различия в продовольственном положении бывших горожан и колхозников исчезли. Над всеми навис голод. Подтвердим сказанное сообщениями, поступившими в центральный аппарат НКВД из Новосибирской области: «Начальник Чановского РО НКВД сообщил, что в их районе от плохого питания имеются случаи опухания детей немцев-переселенцев»; «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло

Умфог von Umtauschbelegen ruft angesichts der begrenzten Mittel im Rayon Befürchtungen ob deren Möglichkeiten hinsichtlich einer Befriedigung der garantierten Bedürfnisse der Umsiedler hervor.»¹⁰⁰ In einer Mitteilung aus dem Verwaltungsgebiet Omsk vom November 1941 heißt es: „Ein bedeutender Teil der Umsiedler bringt seine Unzufriedenheit mit der Umsiedlung aufgrund der wirtschaftlichen Mängel zum Ausdruck. Bisher ist immer noch die Frage offen, wie ihnen das bei der Abreise abgegebene Getreide, Vieh und Futtermittel erstattet werden soll.“¹⁰¹

Vergleichbare alarmierende Meldungen gingen aus anderen Regionen und Verwaltungsgebieten ein, in die ehemalige Bürger der Republik der Wolgadeutschen verbracht worden waren. An der Situation änderte das allerdings nichts. Die Deutschen konnten praktisch in keiner einzigen Region, in die sie umgesiedelt worden waren, anhand der von ihnen vorgelegten Dokumente einen Ausgleich für das zurückgelassene Vermögen erhalten.

Der nahende Winter 1941/42 verschärfte die Nöte der deutschen Umsiedler in Sibirien und Kasachstan. Bald verblassten auch die bis dato noch existierenden Unterschiede in der Lebensmittelversorgung zwischen den Stadtbewohnern und den Kolchosbauern. Alle hatten sie unter Hunger zu leiden. Ein Beleg dafür sind Informationen, die aus dem Verwaltungsgebiet Nowosibirsk an den Zentralapparat des NKWD gingen: „... In diesem Rayon gibt es aufgrund schlechter Lebensmittelversorgung Fälle von Mangelerscheinungen bei Kindern deutscher Umsiedler“, „... Einige Familien sind aufgrund des Mangels an Brot am Rande der Auszehrung angelangt“, „... Die deutschen Umsiedler, die an gemeinnützigen Arbeiten der Kolchose teilgenommen hatten, bekamen währenddessen Verpflegung durch die Kolchose gestellt. Nach Beendigung der meisten Landwirtschaftsarbeiten gibt es für diese Familien

Der nahende Winter verschärfte die Nöte der deutschen Umsiedler in Sibirien und Kasachstan.

Вилли Гебель

Вилли Гебель (слева),
Павел Паульс

« Наша семья уехала в ночь с 7 на 8 сентября. С собой нам разрешили взять багаж, который можно унести в руках. Везли нас в битком набитом «телячьем» вагоне, через Казахстан, с частыми остановками в пути, больше двух недель. Отцепили вагон на станции Евсино Новосибирской области. Затем везли ещё 40 километров на подводах в районный центр Легостаево и ближайшие сёла. Здесь нас поджидал голод, так как урожай был уже убран. Дети ходили по деревням и просили подаяние, многие умерли от голода и болезней. Я поступил на работу в районный участок связи. В мороз и пургу мы кочевали по заснеженным полям, снимали со столбов провода связи и тянули их к другому населённому пункту. Ночевали то в одной, то в другой деревне. Где-то нас кормили, а кто-то ограничивался лишь кипятком, кто-то угощал квашеной капустой, солёными огурцами или грибами. Мастер же каждый день давал мне пайку хлеба, от которой я не был сыт, но зато и с голоду не умер.

Через год, в ноябре 1942 года, Легостаевский военкомат мобилизовал меня в трудовую бригаду. На знакомой уже нам станции Евсино нас, 16–17-летних парней, снова погрузили в «телячьи» вагоны с нарами и повезли неведомо куда. По пути следования прицепили ещё несколько вагонов с немцами-новобранцами, в одном из них находились девушки и женщины. В Омске нас в первый и последний раз накормили горячей пищей. С этой станции мы ехали уже в сопровождении вооруженного конвоя. Рано утром 7 декабря наш эшелон оставили на запасном пути маленькой станции Баская. С этого дня в моей жизни начался новый отсчёт времени...

Из воспоминаний Вилли Гебеля, родившегося в 1925 году в селе Кеппенталь Автономной республики немцев в Поволжье. Был мобилизован в трудовую бригаду и попал на Гремячинское угольное месторождение. Сегодня Вилли Рихардович живет в России (в Пермском крае) и в Германии.

Я никогда не забуду ту высокую смертность среди трудармейцев в 1943 году и первой половине 1944 года. Каждое утро из бараков выносили одного–двух покойников. Выносили уже голыми. Одежду с них снимали в первую очередь соседи по нарам, особенно те, кто ходил на работу в лохмотьях. Трупы складывались у угольного сарая. Похоронная команда (из дистрофиков!) едва успевала вывозить покойников. Их клали на ручные сани, везли в ближайший лес, разгребали снег и старые листья и укладывали мертвых, засыпая откинутым снегом: копать мерзлую землю сил ни у кого не было. Особенно запомнился мне январь 1943 года. 15 января мороз достиг –53 градусов. Следующие два дня всем строителям разрешили остаться дома. К полудню 18 января чуть потеплело до –49, и тогда какой-то начальник приказал всех вывести из барака на очистку железнодорожного пути вблизи шахты № 62. Вышли более 300 человек. Многие, не выдержав пурги и мороза, сбежали часа через два. К утру пути снова замело. Зато каждый третий, вернувшийся со снегоуборки, обморозил руки или ноги. В медпункте бинтов и мази на всех не оказалось. Раны начали гноиться, от этого в бараке более месяца стояла ужасная вонь. Но самое печальное в этой истории – работники медсанчасти не имели права освободить от работы даже сильно обмороженных. А на работу они не в силах были ходить, и их немедленно лишали пайки хлеба и горячего питания. Это было для ослабленных людей равносильно смерти. В итоге чьего-то головотяпства из-за двух часов бесполезной работы на свирепом морозе мы потеряли навсегда более сорока товарищей.

до истощения»; «В Тогучинском районе немцы-переселенцы, участвовавшие на общественных колхозных работах, пользовались колхозным общественным питанием. В связи с окончанием основных сельскохозяйственных работ эти семьи не работают, правления колхозов, потребкооперация хлебом их не снабжают»¹⁰².

В других краях и областях, куда попали немцы, ситуация, за небольшим исключением, практически ничем не отличалась от той, что сложилась в Новосибирской области. Казалось бы, что хуже уже некуда, но были и более отчаянные случаи.

Настоящая катастрофа постигла семьи, не имевшие взрослых мужчин. Это были прежде всего семьи, главы которых находились в рядах Красной армии либо были арестованы. «Таких семей насчитывается значительное число в каждой области», – отмечалось в сводках НКВД. «Кроме того, – сообщали чекисты, – имеется большая прослойка семей, растерявших при переселении своих родственников, глав семей и т. д. Сейчас эта категория переселенцев, находясь в затруднительном материальном положении, разыскивает утерянных и пишет заявления в различные советские организации и органы НКВД»¹⁰³.

Следует отметить, что отношение местной власти к немцам не было дифференцированным. Даже для тех, кто выражал свою лояльность, много и добросовестно работал, как правило, не делалось никаких исключений. Характерный случай произошел в колхозе «Путь пятилетки» Больше-Муртинского района Красноярского края. Комбайнер Яков Крикау уже на второй день после прибытия в колхоз вышел на работу и стал показывать невиданные в этих местах результаты: скашивал по 9–11 гектаров хлеба в день, намного перекрывая все местные нормы. Тем не менее в один из дней к нему прямо на поле прибежала жена и, рыдая, стала говорить, что председатель не дает хлеба, детей кормить нечем. «Кончай работу, – потребовала она, – пошли искать хлеб!» Якову ничего не оставалось, как по-

keine Arbeit mehr, und die Leitung der Kolchosen sowie die Getreideverteilungsstellen versorgen diese Personen nicht mehr.»¹⁰²

In anderen Regionen unterschied sich die Situation, von wenigen Ausnahmen abgesehen, praktisch in keiner Weise von der aus dem Verwaltungsgebiet Nowosibirsk gemeldeten.

Eine wahre Katastrophe erlebten die Familien, in denen keine erwachsenen Männer vorhanden waren. Meist handelte es sich dabei um Familien, deren Oberhäupter sich in den Reihen der Roten Armee befanden oder verhaftet worden waren. In einem NKWD-Bericht heißt es: „Solche Familien gibt es in großer Zahl in jeder Region. Darüber hinaus gibt es eine relativ große Zahl von Familien, die bei der Umsiedlung ihre Verwandten, Familienoberhäupter etc. verloren haben. Diese Gruppe der Umsiedler befindet sich in schwierigen materiellen Verhältnissen, forscht nach den Verschollenen und schreibt endlose Briefe an Sowjetstellen und NKWD-Behörden.“¹⁰³

Es muss betont werden, dass das Verhältnis der örtlichen Behörden zu den Deutschen nicht sehr von Letzteren abhing. Selbst diejenigen Deutschen, die ihre Loyalität zum Ausdruck brachten, viel und ehrlich arbeiteten, wurden nicht besser behandelt. Charakteristisch war ein Vorfall in einer Kolchose der Region Krasnojarsk. Der Mähdrescherfahrer Jakow Krikau setzte sich bereits am zweiten Tag nach der Ankunft im Kolchos auf einen Mähdrescher und erreichte in der ersten Schicht bis dato ungeahnte Ernteergebnisse: Er erntete neun bis elf Hektar Brotgetreide am Tag ab, was um ein Mehrfaches die örtliche Norm übertraf. Gleichwohl kam eines Tages seine Frau direkt zu ihm aufs Feld gelaufen, um ihm ihr Leid zu klagen, dass der Kolchosevorsitzende kein Brot herausgebe und dass sie nicht mehr wisse, wie sie die Kinder ernähren solle. „Hör auf zu arbeiten, lass uns Brot auftreiben.“ Dem Mähdrescherfahrer blieb natürlich nichts anderes übrig, als auf seine Frau zu hören, und in der Folge arbeitete er nur noch ohne besonderen Eifer.¹⁰⁴

Teils wurden aber auch Fälle von offener Erniedrigung der Deutschen bekannt. So zwang zum Beispiel ein Kolchosevorsitzender in der Regi-

Владимир Герлах

Родители
Владимира Герлаха
Александр и Эмма

Просьба в органы
МВД г. Прокопьевска
разрешить
встретиться с сестрой,
проживающей в Томске

Автобиография В.А. Герлаха

Владимир Герлах, родившийся 10 марта 1921 г. в городе Саратове, не видел свою сестру Юлию 10 лет. С 1939 г., момента, когда он был призван на службу в ряды Красной армии, и по 1949 г. включительно. Его родителей, происходивших из бедной крестьянской семьи, Александра (1885 г.р.) и Эмму Герлах (1887 г.р.) в 1941 г. депортировали в Томск. Вместе с ними была выслана их младшая дочь Юлия. Старших сестер Владимира Ольгу, Марию и Лидию, вышедших замуж до начала войны и носивших русские фамилии Антохина, Тимякова и Бочкарева, власти не тронули. Они остались жить в Саратове.

Следуя данным официальной автобиографии, которую в конце 1940-х гг. Владимир Герлах предоставил в органы внутренних дел, он начинал службу в городе Сухуми. В 1940 г. Владимиру присвоили звание младшего сержанта и назначили на должность командира отделения. В октябре 1941 г. перевели в 706-й строительный батальон города Тбилиси, затем – в 4-ю строительную роту города Кирова. Его все дальше и дальше отодвигали от линии фронта на восток. В мае 1943 г. Владимира демобилизовали по болезни и отправили на проживание в один из районов Омской области, мобилизовав при этом на работу в артель, а в мае 1945 г. по направлению райвоенкомата – в трест Южжубасслес города Сталинска (ныне Новокузнецк), оттуда в поселок Абагур. В 1947 г. на основании разрешения, полученного в сталинском горотделе МВД, Владимир выехал в город Прокопьевск и поступил на второй курс Прокопьевского сельхозтехникума, который закончил в 1949 г.

В 1949 г. Владимир Герлах обращается с просьбой в органы МВД Прокопьевска дать разрешение поехать в Томск, чтобы встретиться с младшей сестрой Юлией. К тому времени родители уже умерли. Но Владимир Александрович получает отказ. Тогда он решает ехать самовольно, на свой страх и риск, отправившись на товарняках. Поскольку по тогдашним правилам спецпереселенцам нужно было отмечаться в милиции довольно часто (чуть ли не каждый день), он договорился со своим другом Бауэром, чтобы тот отмечался за него во время отсутствия. Подобная авантюра удалась – его поездка осталась незамеченной, он пробыл в Томске несколько дней и благополучно вернулся домой.

Подготовила Марина Герман. Используются воспоминания сына, Николая Владимировича Герлаха, и предоставленные им копии сохранных в семье документов.

слушаться жену. В дальнейшем он уже особого рвения к работе не проявлял¹⁰⁴.

Иногда дело доходило до прямого издевательства над немцами. Так, председатель колхоза «Советская Сибирь» Тюхтетского района Красноярского края заставил вязать на поле снопы безрукую Эмму Вернер. Он же на просьбу Марии Ноль выдать ей теплую одежду грубо отказал, сказав: «Где хочешь, там и бери»¹⁰⁵.

Вместе с тем было немало проявлений и порядочного, участливого отношения к переселенным немцам со стороны ряда местных руководителей. Однако сотрудники НКВД зорко следили

за ситуацией и, когда замечали подобные случаи, принимали меры к немедленному их пресечению.

В докладе начальника УНКВД по Алтайскому краю Волошенко приводились следующие факты: «В колхозе им. Калинина Ельцовского рай-

она ни одна женщина из переселенцев не работает, а их семьи продукты получают не из расчета заработанных трудодней, а по количеству членов семьи»;

«В Шипуновском районе... заместитель председателя райисполкома Шапошников укомплектовал райбольницу и медпункты старшим и средним медсоставом из числа немцев-переселенцев, вследствие чего всю медработу отдал на откуп немцам.

Председателем райисполкома Кошниковым был направлен на работу в качестве директора заготконторы райпотребсоюза беспартийный немец-переселенец Буссе, который при пуске овощесушильного завода укомплектовал аппарат последнего в своем

on Krasnojarsk eine Frau ohne Hände, Ähren aufzusammeln. Und auf Bitten einer anderen Frau, warme Kleidung auszugeben, antwortete er: „Sieh zu, was du findest. Hier gibt es nichts.“¹⁰⁵

Daneben gab es aber auch eine Vielzahl von menschlichen, anständigen, mitfühlenden Äußerungen und Handlungen den deutschen Umsiedlern gegenüber seitens örtlicher Funktionäre. Allerdings waren die NKWD-Mitarbeiter sofort zur Stelle, um solche Gesten zu unterbinden.

In einem Bericht des NKWD-Funktionärs der Altairegion, Woloschenko, hieß es: „In einem Kolchos unseres Rayons arbeitet nicht eine einzige Frau aus den Reihen der Umsiedler, aber deren Familien erhalten Lebensmittel nicht anhand der geleisteten Arbeitseinheiten, sondern anhand der Zahl der Familienmitglieder“; „... In einem Rayon hat der stellvertretene Vorsitzende des Exekutivkomitees, Schaposchnikow, das Krankenhaus und die medizinischen Versorgungsstützpunkte mit Ärzten und medizinischem Personal aus den Reihen der deutschen Umsiedler bestückt, wodurch jetzt die gesamte Arbeit im medizinischen Bereich in den Händen der Deutschen liegt.“ Ein Parteifunktionär hatte einem parteilosen deutschen Umsiedler die Leitung einer Gemüsewaschanlage übertragen. Dieser besetzte freie Stellen in der Mehrzahl mit Deutschen: „Innerhalb kurzer Zeit arbeiteten an den Schnitt- und Trockenmaschinen ausschließlich deutsche Übersiedler ..., wobei diese Arbeiten in vollem Umfang durch die inzwischen eingetroffenen, evakuierten Familienangehörigen von Wehrpflichtigen hätten übernommen werden können ...“¹⁰⁶

Im Ergebnis dessen schrieb der NKWD-Beamte Woloschenko mahnend an seine Vorgesetzten: „Diese politische Sorglosigkeit der Partei- und Sowjetführung führt zu einem falschen Verhältnis zur Beschäftigung der deutschen Umsiedler.“ Er berichtete ferner, dass man anhand der festgestellten Tatsachen „Maßnahmen ergriffen“ habe. So seien „alle Deutschen, die in Betrieben der Kreisstadt arbeiteten, in Kolchosen versetzt“ worden.¹⁰⁷

Im Verwaltungsgebiet Akmolinsk richtete die Verwaltung für Volksbildung in russischen Grundschulen Sonderklassen für Kinder von deutschen Umsiedlern, die kein Russisch konnten, ein. Dort kamen

Иногда дело доходило до издевательства над немцами. Но было и много проявлений участливого отношения к переселенцам.

Семья Буш

Моя фамилия досталась мне от папы. Он по происхождению немец. Наши предки приехали в Поволжье с немецких земель. Они жили и трудились на благо России. Но в годы Великой Отечественной войны все российские немцы были сосланы в Сибирь. Так, моя прабабушка, Мария Августовна Буш с пятью детьми (среди которых был мой дедушка, ему было всего один год) оказалась в наших сибирских краях без жилья, работы, посреди холодной и суровой зимы. По воспоминаниям прабабушки, было очень-очень тяжело, но об этом старались не говорить, рассказывая лишь только удивительные или смешные истории из жизни. Итак, история первая – «Знакомство»... Когда всё многочисленное семейство Буш было выгружено и оставлено посреди дороги в далёкой деревушке под названием Русиново, то посмотреть на них, на немцев, сбежались все жители селения. Долго и с любопытством рассматривали приезжих, а детишки всё не могли успокоиться и спрашивали своих родителей: где же у этих немцев хвосты, рога и копыта. А всё объяснялось очень просто: в агитационных листовках и карикатурах того времени немцы изображались именно так. Убедившись, что это не так, все разошлись, а мои родственники стали устраивать свой быт на новом месте. И добрые русские люди помогли им обустроиться, потому что мои предки тоже были добрыми и трудолюбивыми. А моего прадедушку, Генриха Генриховича Буша, в это время забрали на принудительные работы на север Свердловской области, в город Ивдель, где он и работал. Когда война закончилась, прадедушка вернулся. Итак, история вторая – «Возвращение»...

Случилось так, что в тревоге за свою жену и пятерых детей прадедушка самовольно покинул принудительные работы. Всё время он шел только пешком, реки пересекал вплавь, заходил в каждую деревеньку, поскольку точно не знал, где его семья. И вот однажды весь простуженный и больной мой прадедушка остановился у ворот дома, где играли ребята, и попросил воды. Он не смог ни в одном из детей признать своего. Ребята убежали за водой в дом, хозяйкой этого дома оказалась моя прабабушка. Только из любопытства она вышла в этот день из дома и, к счастью, узнала в исхудавшем и больном человеке своего мужа. Так семья вновь воссоединилась, и началась третья история под названием «Жизнь».

Позже семья Буш поселилась в селе Ингалы Большереченского района Омской области. Именно они, мои прабабушка и прадедушка, собственными руками создали там самый огромный и лучший ягодный сад в районе. Одни, без посторонней помощи, они высаживали плодовые и ягодные деревья и кустарники, строили охранную вышку, пололи и поливали, чтобы сад рос и давал богатый урожай. Всем сельчанам и жителям района разрешалось собирать плоды. Потом прабабушка и прадедушка передали сад колхозу безвозмездно. Мария Августовна и Генрих Генрихович имели семерых детей: Августа, Теодора, Элеонору, Лидию, Генриха, Марию, Александра. Все мои родственники – уважаемые люди. Мне есть кем гордиться! Все они внесли свою лепту в историю и жизнь нашего Большереченского района.

Дарья Буш (14 лет), р.п. Большеречье Омской области

большинстве немцами. В результате чего на резке и сушке картофеля для РККА работают немцы-переселенцы... [эти] должности вполне могли быть замещены прибывшими эвакуированными членами семей военнослужащих...»¹⁰⁶.

Деяния руководителей Шипуновского района чекист Волошенко назвал «политической беспечностью партийно-советского руководства и неправильным отношением к трудоустройству немцев-переселенцев». Далее он сообщил своему начальству, что по всем отмеченным фактам «приняты меры», в частности, «всех немцев, работающих на предприятиях райцентра (Шипуново. – А.Г.), направляют по колхозам»¹⁰⁷.

Акмолинский областной отдел народного образования в русских начальных школах организовал специальные классы для детей немцев-переселенцев, не владеющих русским языком, в которых проводили занятия учителя-немцы. По требованию органов НКВД эти классы были ликвидированы¹⁰⁸.

Естественно, что униженные, обманутые, обобранные и обреченные в большинстве своем на вымирание в чужих краях немцы из Поволжья и других регионов европейской части СССР не могли испытывать каких-либо теплых чувств к советской власти. Росло их отчаяние, а вместе с ним – озлобленность и ненависть к режиму. Приведем некоторые высказывания, зафиксированные агентурой:

К. Людвиг: «Советская власть нас обманула. Нам сказали, что мы все получим на месте, а сейчас и кормить не хотят. Мы же все оставили в Поволжье»;

А. Генрихс: «Нас сюда загнали с голоду заморить. Чем сюда ехать, лучше было бы в Волге утопиться»;

Н. Вейман: «Я хоть и партиец, но готов хоть сегодня бросить свой партбилет за ту обиду, которую нанесла нам советская власть»;

А. Энн: «Посмотрите, не прошло и трех месяцев войны, как наша власть уже вынуждена собирать людей со всех концов

deutsche Lehrer zum Einsatz. Auf Weisung der NKWD-Stellen wurden diese Klassen wieder aufgelöst.¹⁰⁸

Es verwundert nicht, dass diese in fremden Landen dem Untergang geweihten Deutschen aus dem Wolga-Gebiet, die erniedrigt, betrogen und ihrem Schicksal überlassen worden sind, gegenüber der Sowjetmacht keine warmherzigen Gefühle hegten. Es wuchs die Distanz und damit auch die Kritik bis hin zum Hass auf das Regime. Hier möchte ich einige Äußerungen wiedergeben, die von Informanten gesammelt wurden.

K. Ludwig: „Diese Sowjetmacht hat uns betrogen. Uns hat man gesagt, dass wir alles vor Ort bekommen, jetzt haben wir nichts zu essen. Wir haben ja alles im Wolga-Gebiet zurückgelassen.“

A. Heinrichs: „Man hat uns hierher gejagt um Hungers zu sterben. Anstatt hierher zu fahren, wäre es besser gewesen, in der Wolga zu ertrinken.“

N. Weimann: „Ich bin zwar Parteimitglied, aber ich bin bereit, noch heute mein Parteidokument wegen dieser Schande, die uns die Sowjetmacht bereitet hat, auf den Tisch zu legen.“

A. Enn.: „Schaut doch nur, es sind nicht einmal drei Monate seit Beginn des Krieges vergangen, und unsere Mächtigen sind gezwungen, Menschen aus allen Ecken Russlands zusammenzutreiben, nur damit sie gegen dieses kleine Deutschland standhalten können. Gleichzeitig jedoch macht diese Sowjetmacht die größten Dummheiten, wie etwa die Umsiedlung. Diese Umsiedlung ist nichts anderes als eine Beraubung der Deutschen und eine Bestrafung dafür, dass Deutschland gegen die UdSSR kämpft.“¹⁰⁹

Die o. g. Beispiele wurden in der offiziellen Sprachreglung des Regimes als Indizien für eine „ungesunde Stimmung“ unter den deutschen Umsiedlern gewertet. Die NKWD-Mitarbeiter stellten einen massenhaften Charakter derartiger Stimmungen fest. Aber was für eine „gesunde“ Stimmung hätte man von diesen verratenen Menschen auch erwarten können?

Das feindselige und kaltherzige Verhältnis gegenüber den deutschen Umsiedlern, die Ausweglosigkeit der Situation, in die sie geraten waren, ließ bei einigen die Hoffnung aufkeimen, durch eine Niederlage des sowjetischen Regimes im Krieg gerettet werden zu können. Deshalb wur-

Элла Михайловна Кляйн – долгожительница нашего села. Ей 95 лет, но она сохраняет ясный ум и желание жить. Родилась она в 1915 г. в селе Мариенталь Мариентальского района Саратовской области в семье Михеля и Марии Герман, где кроме нее росло еще четверо детей. Семья крепко стояла на ногах: имели собственный дом, сад, держали большое хозяйство. 15-летней девочкой Элла уже работала на ферме, доила коров. В 21 год Элла вышла замуж, построили с мужем новый дом, но они успели прожить всего один день в нововыстроенном доме, когда беда постучала в ворота всех российских немцев в августе 1941 г.

Эллу вместе с мужем Альвисом Бернгардом отправили в село Новороссийка Здвинского района Новосибирской области, а родителей и всех членов семьи в село Арисово Барабинского района. На новом месте Элла сразу же пошла работать дояркой. Из-за ослабленного голодом и холодом здоровья она потеряла двоих малышей. А маленький Алексей, родившийся в 1942 г., выжил, но в этом же году забрали мужа в трудовую армию, где он умер. До 1956 г. ей не разрешали видеться и общаться с родственниками. И только она одна знает, как тяжело ей было поднимать одного сына в чужом краю, без поддержки и опоры, доброго взгляда и ласкового слова. Благодаря мягкому характеру, умению сходить с людьми Элла Михайловна приобрела друзей, которые помогали в трудную минуту. В 1956 г., когда разрешили свободно передвигаться, родственники Эллы познакомили ее с Филиппом

Кляйном, вернувшимся из трудовой армии. Они создали семью, в которой появилась вскоре на свет девочка Мария. Тяжелая физическая работа сказалась на здоровье Эллы так, что она несколько лет не могла работать. Подорванное на лесоповале здоровье мужа ухудшалось с каждым годом, и скоро его не стало. Когда Элла немного поправилась, стала работать техничкой. За свой безупречный труд получила звание «Ветеран труда». В честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне награждена юбилейной медалью.

Элла Михайловна – настоящая мастерица. Она вязала кружева, сама шила, вышивала. До сих пор в ее доме хранятся вещи, сделанные ее руками, даже те, которые она привезла из Поволжья: расшитые наволочки, покрывала, детский уголок, скатерть. Свои умения в рукоделии передала Элла Михайловна по наследству и дочери Марии, и внучке Валентине. Элла Михайловна очень любит готовить. До 87 лет она стояла у домашней плиты и всегда готовила блюда немецкой национальной кухни, которым научила и свою дочь Марию. В этой семье хранят секреты выпечки ривелькухена, приготовления картофеля-пюре и вигельнудель (галушек).

Односельчане знают Эллу Михайловну как добрую женщину, которая никогда не ругалась, не скандалила. Она не сетовала на тяжелую судьбу, которая выпала на ее долю, хотя пришлось много страдать и пережить немало горя. Так и хочется верить, что доброта продлит жизнь.

Элла Клейн

Элла Михайловна и ее муж на своей свадьбе. Элла Михайловна вспоминает, что еще долго, до 1960-х гг., немцы передавали по наследству на свадьбы вышитые национальным орнаментом платье и фату невесты, букетик жениха с длинной лентой. Свидетельство этого сохранилось на ее фотографиях.

Из воспоминаний Эллы Михайловны Клейн. Записаны Аллой Новиковой, заведующей Центром немецкой культуры с. Новокозловское Барабинского района Новосибирской области.

России, чтобы только удержаться против маленькой Германии, а тут еще соввласть занимается глупостями вроде переселения. Это переселение – не что иное, как ограбление немцев и отомстить (так в тексте. – А.Г.) за то, что Германия воюет с СССР»¹⁰⁹.

Приведенные выше высказывания на официальном языке режима назывались фактами «нездорового настроения» немецких переселенцев. Чиновники НКВД отмечали массовый характер таких настроений. Однако было бы просто глупо ожидать от доведенных до отчаяния людей «здорового» настроения.

Враждебное, холодно-жестокое отношение к немцам-переселенцам, безысходность положения, в которое они попали, порождали у некоторых из них надежду на то, что спасти их может только поражение советского режима в войне. Поэтому органами НКВД фиксировались и «пораженческие», и «фашистские» настроения:

Матильда Керр: «Хоть бы Гитлер скорее занял Советский Союз, а то здесь день и ночь только мучают этими колхозами, работаешь, а получать на трудодни нечего»;

А. Гамм: «Все равно не сегодня, так завтра нам смерть. А тот из нас, кто переживет этот год, того спасет Гитлер»¹¹⁰.

Анализ поступавшей с мест в Центр оперативной информации НКВД, даже при существенной скидке на предвзятость, позволяет сделать вывод, что среди выселенных в Сибирь и Казахстан немцев к концу 1941 г. начал нарастать широкий стихийный протест против того насилия и бесчинств, которые над ними совершались, против бесчеловечных условий жизни, на которые они были обречены. Этот протест выражался в различных формах.

Буквально всеми краевыми и областными управлениями НКВД отмечался быстрый рост и расширение масштабов «антисоветских проявлений». Причем высказывания в адрес ре-

ден von den NKWD-Stellen auch „pro-feindliche“ und „faschistische“ Stimmungen ausgemacht.

Mathilda Kerr: „Soll doch der Hitler so schnell wie möglich die Sowjetunion einnehmen, sonst müssen wir uns hier noch Tag und Nacht mit diesen Kolchosen abschuffen. Man arbeitet und erhält für die Arbeitseinheit gar nichts.“

A. Hamm: „Es ist doch ganz egal, ob du heute oder morgen stirbst. Aber diejenigen von uns, die dieses Jahr überleben, wird Hitler retten.“¹¹⁰

Eine Analyse der in der Zentrale für operative Information des NKWD eingegangenen Meldungen erlaubt – selbst wenn man die große Voreingenommenheit der Verfasser in Rechnung stellt – den Schluss, dass sich unter den nach Sibirien und Kasachstan umgesiedelten Deutschen Ende 1941 ein breiter Protest zu entwickeln begann, der sich gegen die unmenschliche Bedingungen richtete, unter denen zu leben sie verurteilt waren. Dieser Protest äußerte sich in unterschiedlichen Formen.

Praktisch alle Regionalbehörden des NKWD verzeichneten ein schnelles Anwachsen der „anti-sowjetischen Erscheinungen“. Dabei wurde die Kritik am Regime immer vernichtender. Zunehmend wurden solche Stimmen auch von ehemals hohen Partei- und Sowjetfunktionären der ASSR WD laut. So ließ sich der frühere Abgeordnete des Obersten Sowjets der ASSR WD, Parteimitglied Hoppe, zu „aggressiven konterrevolutionären Auslassungen an die Adresse der Partei- und Staatsführung“ hinreißen. Der ehemalige NKWD-Mitarbeiter Merker und das ehemalige Mitglied des Obersten Gerichts Horn äußerten in einem Gespräch, in dem sie sich an die Geschichte der Wolga-Republik der Deutschen erinnerten, dass die „Aufständischen von

Praktisch alle Regionalbehörden des NKWD verzeichneten ein schnelles Anwachsen der „anti-sowjetischen Erscheinungen“.

Семья Гренц

Многочисленная семья
Теодора Андреевича
и Марии Кондратьевны Гренц:
8 детей, 24 внука, 21 правнук
и 2 праправнука

Наши предки попали на территорию России по приглашению русских царей, без принуждения вместе с многочисленными колонистами. Оказались они в селе Экгейм, который позже стал относиться к Комсомольскому району Саратовской области.

Удивительными людьми были мои бабушка и дедушка, Андрей Адамович и Амалия Фридриховна Гренц, великие труженики. Хорошее у них было хозяйство, большой сад! Отец часто вспоминал о нем. Бесконечная работа то в поле, то по хозяйству, и редкие праздники, которые проводили всей семьёй – все это только радовало их. Счастливые они были. От этого счастья родилось у них пятеро детей, одним из них был мой отец, Гренц Теодор Андреевич (1918 г.р.). В Экгейме окончил он начальную школу, затем семилетку. На этом учеба закончилась, нужно было помогать родителям. Со своей будущей женой, моей мамой, Марией Кондратьевной Бресталь (1918 г.р.), познакомился в 1938 году. В этом же году сыграли свадьбу. И зажили они в любви и согласии. В 1939 году у родителей родилась дочь Элла, моя старшая сестренка.

Отца призывают на срочную службу в Красную Армию. 22 июня 1941 года встретил на боевом посту. Храбро сражался, был дважды ранен. После второго ранения признан не пригодным для дальнейшей службы. В госпитале узнал, что опубликован Указ о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья. У отца от душевной боли защемило сердце. Как там жена и дочь? А маму с маленькой Эллой на руках в срочном порядке посадили на подводы и отправили до ближайшей железнодорож-

ной станции. Там погрузили в вагон, и поезд отправился в неизвестность. Позже узнали, что оказались в Сибири, в городе Омске...

До Большеречья добирались на пароходе, здесь маму с Эллой вместе с другими депортированными из Поволжья разместили в районном Доме культуры. Затем по разнарядке райисполкома из колхозов и совхозов приезжали ездовые и забирали с собой предписанное количество людей. Так наша семья попала в село Могильное. Нелегко пришлось на новом месте. Мама выполняла разные работы, на которые её определяли. Работой были обеспечены, а вот пропитанием не всегда. Недоедала мама, недосыпала, мерзла на пронизывающем ветру. Приходилось иногда менять немногочисленные вещи, привезённые с собой, на еду. Вечерами вязала тёплые вещи для бойцов и ждала весточку от папы...

Папу отправили в Омск, а оттуда, заезжая чуть ли не в каждую деревню, поехал искать маму с Эллой и всех родственников. Нашел их, живых и здоровых, а для счастья ничего больше и не нужно. Устроился на работу – и новое испытание. 28.10.1942 года мобилизован Большереченским РВК в трудовую армию и направлен в Воркуту Коми АССР. Работал на лесоповале. Что пришлось вынести в эти годы, папа не любил вспоминать.

В 1942 году мама родила вторую дочь, Лиду, мою вторую сестренку. В 1946 году папа прибыл на спецпоселение в Омскую область. Наконец, настал день, когда вся семья оказалась вместе...

Из воспоминаний Екатерины Теодоровны Гренц, записанных Евгенией Буш

жима становились злее и жестче. Все чаще фиксировались высказывания, сделанные бывшими видными партийными и советскими деятелями АССР НП. Например, бывший депутат Верховного Совета АССР немцев Поволжья, член партии Гоппе «допустил резкие контрреволюционные выпады по адресу руководителей партии и правительства». Бывший сотрудник

Серьезные опасения органов НКВД вызывали так называемые повстанческие разговоры.

НКВД К. Меркер и бывший член Главсуда Д. Горн в своем разговоре, вспоминая историю Немреспублики, пришли к выводу, что «повстанцы 1921 года были не бандиты, а национальные герои»¹¹¹. Как видим, у активных в прошлом сторонников Коммунистической партии и советской власти наступало прозрение. Для этого, правда, самим им пришлось сначала из вершителей судеб людей стать жертвами того самого режима, на страже которого они стояли многие годы.

Довольно типичной формой протеста стал отказ выходить на работу. Это явление получило распространение главным образом в колхозах. Приведем несколько типичных примеров:

«В колхозе им. Держинского (Омская область. – А.Г.), несмотря на распоряжение бригадира, немцы Миснер, Гольман и Троец на работу не вышли, невыход свой они мотивировали отсутствием теплой одежды, а позднее они же нецензурно выругали бригадира, при этом заявив: «У нас ничего нет – ни одежды, ни хлеба, все отобрали»;

«В колхозе «Свободный труд» (Алтайский край. – А.Г.) в ответ на обращение бригадира Игнатова ко всем переселенцам выйти на работу немец Шауфлер в присутствии других немцев сказал Игнатову: «Что ты пицишь! За что мы будем работать! Мы там

1921 keine Banditen gewesen sind, sondern nationale Helden».¹¹¹ Hieran kann man ersehen, dass sich auch bei aktiven Parteigängern der Kommunistischen Partei und der Sowjetmacht Ernüchterung breit zu machen begann. Dafür mussten sie allerdings selbst erst vom Olymp gestoßen und Opfer desselben Regimes werden, das sie lange Jahre mitgetragen hatten.

Eine verbreitete Form des Protests war die Arbeitsverweigerung, vor allem in den Kolchosen. Einige typische Beispiele:

„... Ungeachtet der Anweisung des Vorarbeiters traten die Deutschen Missner, Hohlmann und Trojetz nicht zur Arbeit an und begründeten ihr Fernbleiben mit dem Mangel an warmer Bekleidung. Sie beschimpften den Vorarbeiter mit unflätigen Worten, wobei sie erklärten: ‚Wir haben nichts – nichts zum Anziehen, nichts zum Essen. Alles hat man uns weggenommen.‘“

„... antwortete der Deutsche Schaufler auf die Aufforderung des Vorarbeiters Ignatow an alle Umsiedler, zur Arbeit zu kommen, in Anwesenheit anderer Deutscher: ‚Was quatschst Du da! Wofür sollen wir arbeiten? Wir haben dort gearbeitet, aber hier hat man uns nichts bezahlt, und wir werden hier für 800 Gramm Brot auch nicht arbeiten.‘“¹¹²

Ernsthafte Befürchtungen bei den NKWD-Stellen riefen so genannte „Gespräche unter Aufständischen“ hervor, deren Zahl immer größer wurde. Aus Kasachstan wurde berichtet, dass der Übersiedler Andrej Nepp im Kreise von Bekannten gesagt habe: „Wenn alle so drauf gewesen wären wie ich, dann wären wir nicht nach Sibirien gefahren. Man hätte eine Revolte entfachen und im äußersten Falle das ganze Vermögen verbrennen müssen, denn wir hätten ohnehin keine Luft zum Atmen gehabt. Aber ich werde noch etwas tun – ich werde 20 Russen zerstückeln und dann Selbstmord begehen.“¹¹³

Aus dem Verwaltungsgebiet Omsk berichtete der Informant „Sternchen“, aus dem Dorf Nikolaipol sei seine entfernte Verwandte German zu ihm gekommen und habe erzählt, dass „in ihrem Dorf 12 Übersiedlerfamilien untergebracht wurden, die alle hasserfüllt gegen die Sowjetmacht sind ... und erklären, dass die Sowjetmacht sie betrogen habe,

Фрида Гартман

Фрида Гартман первая
справа в третьем ряду.
Военный завод.
Новосибирск, 1945.

Проживает в нашем селе Новокозловское Фрида Давыдовна Гартман. Родилась она 9 августа 1926 г. в большой деревне Рейнвальд Энгельсского района Саратовской области. В семье было восемь детей. Глава семьи работал в колхозе «Ротфронт», выращивал овощи и фрукты. Мать работала в бригаде, которая занималась выращиванием табака. Тяжело пережили неурожай и голод 1933 г. Когда в 1941 г. родители узнали о выселении из Поволжья, горю их не было предела. Детям объяснили так: началась война и по приказу Сталина надо уезжать. Распустили скот, потому что его куда не принимали. Стали сушить сухари. Семья Гартман выезжала одной из последних. Взяли с собой только продукты питания. Уезжали в сентябре. Их привезли на подводах на станцию, погрузили в вагоны и повезли. Ехали полмесяца, по двое суток стояли на станциях, пропускали другие эшелоны. Проехали Урал, Казахстан. Долго ехали по ровной болотистой местности. Вагон разгрузили в Барабинске ночью. Мужчины остались на станции сторожить багаж, а женщин с детьми отвели в ближайшую школу. Потом всех стали распределять по колхозам Барабинского района Новосибирской области. Семью Гартман направили в Толчино, небольшую деревеньку с одной улицей, маленькими дере-

вянными домами, крыши которых были покрыты пластами земли. Люди в деревне были одеты плохо, вся одежда в заплатках, одежда приехавших была добротнее. Трудно было привыкать к новым условиям жизни. Поместили на квартире у бабушки, которая жила с дочерью. В избе была одна комната на 12 человек. Обстановка в доме была непривычной для немцев: лавки, русская печка, керосиновые лампы. В Поволжье они уже пользовались электричеством. То, что прихватили с собой немцы из еды, стало заканчиваться. Ходили по окрестным селам и меняли одежду на еду. Председатель колхоза отнесся к ним с пониманием – выдал продукты питания на первое время. Стали работать в колхозе сами. Мужчины убирали хлеб в поле, молотили его, женщины работали на животноводческих фермах. На трудодни получали немного муки. Сажали картошку, собирали грибы и ягоды, сушили их и использовали зимой. Поддерживали отношения в основном с местными жителями пожилого возраста, которые относились к ним с сочувствием, старались помочь чем могли. Некоторые встретили их с глубокой враждебностью, особенно те, кто уже получил извещения о гибели своих близких на фронте. Находясь в глубоком горе, они всех немцев считали фашистами и ненавидели их...

Из воспоминаний Фриды Гартман. Фрида Давыдовна – трудармейка, ветеран труда, мать пятерых детей. Воспоминания о депортации записаны Аллой Новиковой, заведующей Центром немецкой культуры с. Новокозловское Барабинского района Новосибирской области.

работали, а здесь нам ничего не заплатили, и здесь за 800 грамм хлеба мы работать не будем»¹¹².

Серьезные опасения органов НКВД вызывали так называемые повстанческие разговоры, которых также становилось все больше. Из Казахстана сообщали, что переселенец Андрей Непп в кругу знакомых говорил: «Если бы все так были настроены, как я, то мы бы в Сибирь не поехали. Надо было поднять бунт, а в крайнем случае – поджечь все имущество, так как нам все равно придется сдыхать (так в тексте. – А.Г.). Но я наделаю дел – пережду человек 20 русских, а потом покончу самоубийством»¹¹³.

Из Исиль-Кульского района Омской области агент «Звездочка» информировала, что к ней из поселка Николайполь Моргантауского сельсовета приезжала ее родственница Жерман, которая рассказала, что «в их поселке размещено 12 семей переселенцев, все они злобно настроены к советской власти... заявляют, что советская власть их обманула, обещала им предоставить все то, что ими оставлено, а теперь приходится голодать – нет хлеба. Если в скором времени правительство не поможет переселенцам, – говорит Жерман, – то можно ожидать восстания»¹¹⁴.

Представляется, что опасения органов НКВД о возможном восстании немцев были небезосновательными. Как видно из приведенных высказываний, отчаяние вполне могло толкнуть наиболее горячие головы на безрассудные действия.

Начальники краевых и областных управлений НКВД докладывали в Центр о том, что «среди немцев активно действует фашистская агентура, которая ведет профашистскую агитацию и распространяет пораженческие и провокационные слухи», что «за последнее время вскрыты контрреволюционные группировки, организующие вокруг себя антисоветскую часть немцев»¹¹⁵. Только в одной Новосибирской области в декабре 1941 г. велось следствие по делам пяти «контрреволю-

ihnen versprochen habe, all das wiederzugeben, was sie zurückgelassen hätten, und nunmehr müssten sie hungern, es gebe nicht einmal Brot. Wenn die Regierung nicht in nächster Zeit den Umsiedlern hilft“, so German, „dann muss man mit einem Aufstand rechnen.“¹¹⁴

Man kann sich leicht vorstellen, dass die Befürchtungen der NKWD-Stellen hinsichtlich eines möglichen Aufstands der Deutschen nicht ganz unbegründet waren. Wie man aus den genannten Äußerungen erkennen kann, hätte die Desillusionierung bei bestimmten Hitzköpfen zu unüberlegten Handlungen führen können.

Die Verantwortlichen des NKWD vor Ort berichteten an die Zentrale, dass „unter den Deutschen die faschistische Agentur aktiv tätig ist und pro-faschistische Agitation betreibt sowie feindliche und provokative Gerüchte verbreitet“, dass „in jüngster Zeit konterrevolutionäre Gruppierungen, die um einen antisowjetischen Teil der Deutschen herum organisiert worden waren, aufgedeckt worden sind“.¹¹⁵ Allein im Verwaltungsgebiet Nowosibirsk wurden im Dezember 1941 Ermittlungsverfahren gegen fünf „konterrevolutionäre Gruppierungen“ eingeleitet, die unter den Vorgangsnamen „Faschisten“, „Nazis“, „Helfershelfer“, „Zugereiste“, „Arische“ liefen. Schon diese Bezeichnungen vermitteln eine gewisse Vorstellung vom Charakter der Anschuldigungen gegen die jeweils Verhafteten.

Um sich das Wesen dieser Verfahren zu vergegenwärtigen und beurteilen zu können, inwieweit die Anschuldigungen begründet gewesen sind, geben wir hier die Einschätzung des operativen Vorgangs „Faschisten“ durch den örtlichen Leiter der NKWD-Verwaltung Nowosibirsk wieder: „Die Deutschen Iwan Merker und Iwan Bersch haben mit einer Gruppe von insgesamt vier Personen terroristische Absichten in Bezug auf den Genossen Stalin geäußert, haben verschiedene provokative Gerüchte in die Welt gesetzt und unter Deutschen und Russen verbreitet, haben Kontakte mit konterrevolutionären Elementen aus den in anderen Rayonen lebenden Deutschen aufgenommen. Auf diesen organisierten Treffen kamen feindliche Stimmungen und Äußerungen zu Gunsten einer Unterstützung des deutschen Faschismus im Krieg ge-

Тамара Виттенбург

Учительница Тамара Викторовна Ильиных-Виттенбург, которая много лет учила математике школьников Томска, родилась в 1924 г. в Саратове. В сентябре 1941 г. вместе с семьей была депортирована в Сибирь. Вскоре ее забрали в трудовую армию. После окончания войны Тамаре Викторовне удалось закончить Томский педагогический институт. Вышла замуж, родила двоих детей, сейчас на заслуженном отдыхе. В последние годы работает над воспоминаниями, которые оформила как дневник.

Когда забрали в трудовую армию, сразу изъяли паспорта. Привезли в Новосибирск на кирпичный завод. Работали по 12 часов в сутки и только ночью. Дневная смена доставалась «нормальным людям». Все очень уставали – как только случится какая-то заминка или авария, так мы вповалку спим прямо на глине. Жили в маленькой комнате шесть человек. Заедали вши: и головные, и платяные. Борьба с ними не приносила результатов, да и сил на это не было. Иногда удавалось помыться в бане на окраине города. Волокла меня туда одна из наших. Она работала бухгалтером и не так уставала.

Через год меня определили на строительство аэропорта. Там стало совсем невмоготу. Постоянный холод и голод довели до решения сбежать. Хитростью выбралась со стройки и залезла в тамбур поезда Новосибирск – Томск. Конечно же, меня, беспаспортную, сразу же задержали. Слава богу, не ссадили, а довезли до Томска! Там сначала отправили в КПЗ. Мне удалось передать весточку маме. Она принесла передачу, и я отдала ее главной в камере – Тосе, воровке-домушнице. Она рас-

пределила передачу всем поровну и взяла меня под свою опеку. Вместе с ней я была и в тюрьме. Тюрьма меня не испугала. Камера, нары, зеки, но очень чисто. И без эксцессов! В тюрьме я ожила: побрили наголо, вывели вшей, устраивали регулярные помывки. Было тепло и какая-никакая еда. Тося меня учила, как вести себя в лагере, если я туда попаду. Однако была надежда, что родители похлопочут, чтобы в лагерь не отправляли, ведь криминала за мной не было. Однажды открылось окошечко камеры, и стали называть фамилии тех, кто уходил на волю. Меня назвали последней. Вышла из тюрьмы, иду по дороге и вижу – мама идет с передачей навстречу. Обнялись, она плачет, а у меня слез нет. По пути было кладбище, сели на чью-то могилку, мама старается накормить меня, а я не хочу, безразличие охватило. Подошли к павильону, где работал папа (он к тому времени вернулся из трудармии), отец увидел меня, застыл, а потом потерял сознание. Господи, сколько же пришлось пережить моим родителям! На следующий день мы собрали посылку моей опекунше Тосе: табак и еду. Прошло столько лет, а я ее до сих пор помню.

ционных группировок», которые проходили под шифрами: «Фашисты», «Нацисты», «Пособники», «Приезжие», «Арийка». Лишь одно знакомство с шифрами дел дает некоторое представление о характере обвинений, предъявлявшихся арестованным.

Чтобы иметь хоть какое-то представление о сути этих дел и о том, насколько обоснованы были обвинения, приведем характеристику агентурного дела «Фашисты», данную начальником Новосибирского управления НКВД в одном из донесений: «В Здвинском районе немцы Меркер Иван Петрович, 1903 г. рождения, Берш Иван Варфоломеевич, 1903 г. рождения, Берш Рудольф Петрович и др. в количестве четырех человек высказывают террористические намерения в отношении т. Сталина, сочиняют и распространяют различные провокационные слухи среди немецкого и русского населения, устанавливают связи с контрреволюционными элементами из немцев, проживающих в других районах. На устраиваемых сборищах проявляют пораженческие настроения и высказывают намерения к оказанию поддержки германскому фашизму в войне с СССР»¹¹⁶. Из характеристики дела видно, что оно в основном сфабриковано, хотя, очевидно, некоторые высказывания и «сборища», давшие основание завести это дело, имели место. Остальные дела по своему содержанию очень схожи с только что рассмотренным.

На основании подобных дел производились аресты среди переселенных немцев. Так, тот же начальник Новосибирского УНКВД сообщал, что в декабре его ведомство арестовало по области 21 человека, «дополнительно намечено к аресту 37»¹¹⁷.

Начальник Алтайского УНКВД информировал свое руководство что по Алтайскому краю в октябре-ноябре арестовано 35 немцев, из коих 7 «проходят по двум профашистским группам»¹¹⁸. Примечательно, что в этом месте донесения на полях стоит пометка начальника отдела спецпереселений НКВД СССР Иванова: «Недо-

ген die UdSSR zum Ausdruck.»¹¹⁶ Aus dieser Charakteristik des Falls ist erkennbar, dass er im Wesentlichen auf einer konstruierten Anklage beruhte, obwohl es sicherlich einige Äußerungen und „Treffen“ gegeben haben mag, die den Vorwand dafür lieferten. Die anderen Verfahren waren dem hier geschilderten inhaltlich sehr ähnlich.

Die Verfahren führten zu Verhaftungen unter den deutschen Übersiedlern. Nach Angaben der NKWD-Dienststelle in Nowosibirsk wurden im Dezember 1941 im gesamten Verwaltungsgebiet 21 Personen festgenommen, „weitere 37 Personen sind zur Verhaftung vorge-merkt“¹¹⁷.

Der Leiter der NKWD-Verwaltung der Altairegion informierte seinen Vorgesetzten darüber, dass in seiner Region im Zeitraum Oktober bis November 35 Deutsche festgenommen worden seien, von denen sieben „zwei pro-faschistischen Gruppen“ angehört hätten. Bemerkenswert ist, dass ein Randvermerk auf diesem Bericht vom Leiter der Abteilung Sonderumsiedlungen des NKWD, Iwanow, lautete: „Ungenügend!“ Auf einem anderen Blatt desselben Berichts vermerkte Iwanow handschriftlich: „Offensichtlich setzen die NKWD-Behörden der Altairegion den deutschen Faschisten nicht mit ausreichender Entschlossenheit zu. Man muss schon bei den ersten Versuchen einer Aktivierung der Deutschen dazwischenhauen, so dass es gar nicht erst zu den Vorkommnissen kommt, von denen in diesem Bericht die Rede ist.“¹¹⁹

Insgesamt wurden nach einer Hochrechnung des Verfassers bis Ende 1941 in den Ansiedlungsgebieten der Wolgadeutschen aus politischen Gründen über 400 Übersiedler verhaftet.

Die Umsiedlung der Deutschen aus ihren traditionellen Siedlungsgebieten nach Sibirien und Kasachstan, die Wegnahme über Jahre er-

Die Deutschen
begannen sich
feindselig gegenüber
dem Regime zu
verhalten, in einer
Reihe von Fällen sogar
offen feindlich.

День 26 августа 1943 г. мне не забыть никогда. Тогда мне было всего 7 лет. Ее забрали позже, чем всех российских немцев, так как она была замужем за русским человеком. Я помню, как маму завели домой два милиционера и стали что-то искать. Все в доме было перерыто. Родные стояли рядом и плакали, а я сидела за столом и ничего не понимала. Потом маму увели и мы остались одни с бабушкой (папиной матерью). Бабушка была неграмотной, и, чтобы прокормиться, не получая пенсии, бабушка вязала травяные веники на продажу, на вырученные копейки она покупала кусочек хлеба и приносила мне в школу. Я была всегда голодная в детстве. Чувство унижения и стыда за нищенскую жизнь долгие годы сопровождало меня. Маму осудили на 10 лет, и она вначале находилась в тюрьме г. Камышина, затем по этапу ее отправили в Темники Мордовской АССР, где она отбывала оставшийся срок, как говорится, от звонка до звонка – вплоть до 26 августа 1953 г. В документах значится: «За контрреволюционную деятельность к 10 годам лишения свободы».

Маму я увидела за это время лишь однажды. Весной 1945 г. бабушка повезла меня в Сталинград, чтобы увидеться с мамой, которая вместе с другими заключенными закапывала многочисленные трупы в городе. Мы пришли на берег Волги к грузовой пристани. В мое детское сознание врезалась такая черно-серая картина – очень много людей за колючей проволокой и конвоиры с собаками. Я увидела маму, но меня не пустили к ней. Надсмотрщик раздавал заключенным кусочки сырого мяса. За проволокой политические заключенные находились вместе с уголовниками, которые тут же отобрали у всех эти маленькие кусочки мяса, а у мамы не тронули. «Пустите ребенка!» – послышался чей-то голос, и я на какое-то мгновение обняла маму.

Из воспоминаний Лидии Малышевой о ее матери Амалии Иоганновне Даммер. Сегодня Лидия Ивановна проживает в Волгограде.

Амалия Даммер

Амалия (в центре) в Темниках.
1947.

статочно!». На другой странице этого же донесения тот же Иванов приписал: «Очевидно, органы НКВД Алтайского края недостаточно решительно наносят немцам-фашистам удар. Надо этот удар наносить при первых же попытках активизации немцев, не допуская дело до таких, указанных в записке фактов»¹¹⁹.

Всего, по приблизительным подсчетам автора, до конца 1941 г. в местах расселения поволжских немцев было арестовано по политическим мотивам свыше 400 переселенцев.

Переселение немцев из мест традиционного проживания в Сибирь и Казахстан, лишение их годами нажитого имущества, пренебрежение к их элементарным нуждам, обращение с ними как с врагами имели вполне адекватную реакцию: немецкое население стало относиться к режиму неприязненно, а в ряде случаев – и откровенно враждебно. Ясно, что в целях безопасности и самосохранения подавляющее большинство немцев скрывало свои взгляды и чувства, однако они все же прорывались наружу в разговорах между собой. Чтобы держать под контролем и мысли и действия переселенцев, органы НКВД привлекли к себе на службу в качестве тайных осведомителей достаточно большое число людей из среды переселенцев. Именно поэтому всякие намерения переселенцев, представлявшие, с точки зрения НКВД, опасность для власти, пресекались в зародыше.

«Вторичная» депортация

После проведения массового переселения немцев из районов европейской части СССР с января 1942 г. последовал ряд акций по перераспределению этих «трудовых ресурсов» внутри областей и краев вселения. Так, по постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 19сс от 6 января 1942 г. на НКВД было возложено переселение 50 тыс. немцев для работы по лову

wirtschafteten Vermögens, die Gleichgültigkeit gegenüber elementaren Bedürfnissen sowie der Umgang mit ihnen als Feind führten bei der deutschen Bevölkerung zu einer durchaus adäquaten Reaktion: Sie begann sich feindselig gegenüber dem Regime zu verhalten, in einer Reihe von Fällen sogar offen feindlich. Es liegt nahe, dass aus Sicherheitsgründen und auch aus Gründen des Selbstschutzes die ganz überwiegende Mehrzahl der Deutschen ihre Ansichten und Gefühle für sich behielt, allerdings traten sie doch immer wieder in Gesprächen untereinander zu Tage. Um die Gedanken und Handlungen der Umsiedler unter Kontrolle zu halten, gewannen die NKWD-Behörden eine relativ große Zahl von Menschen aus dem Umfeld der Umsiedler als geheime Informanten. Auf diese Weise wurden sämtliche Versuche von Umsiedlern, die aus Sicht des NKWD eine Gefahr für die Mächtigen darstellten, bereits im Keim erstickt.

Die „zweite“ Deportation

Der Massenübersiedlung der Deutschen aus den europäischen Regionen der UdSSR folgte ab Januar 1942 eine ganze Reihe von Maßnahmen zur Umsiedlung dieser „Arbeitskräfteressourcen“ innerhalb der Verwaltungsgebiete und Regionen, in denen sie angesiedelt worden waren. So legte der Beschluss Nr. 19cc des Rates der Volkskommissare und des ZK vom 6. Januar 1942 die Umsiedlung von 50.000 Deutschen zum Fischfang und in die fischverarbeitende Industrie fest: 15.000 Menschen wurden aus den zentralen Regionen des Verwaltungsgebiets Nowosibirsk nach Norden verschickt, die restlichen 35.000 Fischverarbeitungsbetrieben in den Verwaltungsgebieten Omsk, Jakutien und Krasnojarsk zugeteilt. Im Oktober 1942 erging eine weitere Weisung des Rates der Volkskommissare und des ZK (Nr. 1732cc), wonach 1943 ca. 30.000 Menschen in den sibirischen Norden umzusiedeln waren.¹²⁰

Wie die erneut Umgesiedelten im Norden untergebracht werden sollten, damit befasste sich praktisch niemand. Nach Berichten der

Я принадлежу к детям первой послевоенной пятилетки. Уже возвратились из госпиталей и те, кто долечивал раны, и те, кто воевал на Дальнем Востоке и еще года 3–4 служил срочную. Как-то незаметно, без особой огласки, возвращались те, кто сполна хватил лиха в фашистских лагерях, а потом еще лет 10 в сталинских – бывшие пленные.

Но особо запомнились так называемые трудармейцы. Были среди них русские, украинцы, но в большинстве своем это были депортированные немцы. Из 72 человек, мобилизованных в трудармию, в село Каип Ключевского района Алтайского края вернулись 46. Кости остальных были разбросаны по бескрайним просторам Сибири, Колымы, Урала.

Питая надежды на возвращение в Поволжье, люди по-прежнему жили на квартирах, в амбарах и наспех сделанных землянках. Участки под огороды не давали, скот держать было негде, вот и приходилось перебиваться временными работами – вскопать огород, шить, вязать да полоть грядки. Это после основной работы. Так и жили, пока не грянул указ о закреплении всех немцев к местам их прописки.

Надо было обустроиваться. Так появилось наше первое жилье, на окраине села, площадью 9 кв.м. Живя в современном доме, я всегда диву даюсь – как могли на этих метрах жить отец, мать, бабушка, две сестры отца и сын одной из них. Она, кстати, за побег из трудовой армии на фронт получила 8,5 лет и все их отсидела на Куете, тюрьма, что в Барнауле, весь срок в цехе по обжигу кирпича. И это в 23 года, а итог – туберкулез.

Многие парни из числа немцев женились на местных девушках, обеспечив себя и кровом, и одеж-

дой, и работой, и помощью со стороны новых родственников. Отец влюбился в девушку из депортированных в 1940 г. эстонцев, так что пришлось все начинать с нуля. Родители всю жизнь благодарили продавца Елисея Андреевича Буглакова, подарившего им на свадьбу ящик из-под продуктов – это был их стол и стул, и все прочее.

Бабушка была искусной рукодельницей, особенно умела готовить немецкие национальные блюда. Ее с готовностью приглашали печь, варить на свадьбы, проводы в армию и другие торжества, за что рассчитывались продуктами. Для нас с Виткой это самые приятные воспоминания! Она приходила и делилась сначала с нами, детьми, потом и со взрослыми.

Дети есть дети. Наевшись, начинали играть. Конечно, в войну, конечно, с немцами. Ребят в 1950-е гг. было много, семьи большие, по 5–8 человек. Нам, естественно, доставалась роль немцев. Сражения шли нешуточные. Не знаю, что нами двигало, и хотя нас было меньше, мы зачастую оказывались удачнее своих немцев сверстников. Тогда в ход шло обидное «фрицы», «фашисты», и жестокая драка, заканчивающаяся вызовом наших отцов в сельсовет. Самое удивительное, что все те ребята, что больше всех обзывались, впоследствии женились на наших сестрах, немецких девушках, и никогда об этом не жалели. Порядок, чистота, уют, вкусная еда и уважение мужа, как хозяина, – это им было обеспечено.

В канун печальной даты 70-летия депортации нашего народа хотелось бы всем еще не уехавшим в Германию пожелать суметь сохранить и передать своим детям добрые традиции немецкого народа.

Владимир Вебер

Владимир Вебер,
почетный работник НПО РФ,
делегат IV съезда немцев России

рыбы и на предприятия рыбообработывающей промышленности. Из этого количества 15 тыс. человек переселялись из центральных районов Новосибирской области на север – в Нарымский округ. Остальные 35 тыс. направлялись в Омский, Якутский, Красноярский госрыбтресты. В октябре 1942 г. вышло еще одно постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1732сс, согласно которому в 1943 г. на Сибирский Север было переселено еще около 30 тыс. человек¹²⁰.

Вопросами обустройства отправленных на север людей в рыбных трестах фактически никто не занимался. По докладом органов НКВД, в рыболовецких хозяйствах Красноярского края на одного человека приходился всего 1 кв. м жилой площади, остро ощущался недостаток топлива, продуктов, особенно жира и овощей, отсутствовали медикаменты, прачечные, бани. В Омской области на Надымском рыбозаводе переселенцы спали на нарах, покрытых грязной соломой, по 50–60 человек в темных сырых землянках, которые не освещались и не отапливались. Следствием этого стало массовое заболевание людей различными болезнями. С июля 1942 г. по январь 1943 г. в Надымском районе умерли 34 человека из находившихся там 1621 немца. Больные в отдельные помещения не изолировались, а находились вместе со здоровыми.

Ужасные условия существования дополнялись ненавистью и бездушным отношением к переселенцам со стороны руководства трестов и бригадиров: «Бригадир Ананьев при отправке заболевшего на работе переселенца Якоба В. снял с него меховую обувь, передел в резиновую, в результате тот по дороге в больницу отморозил себе ноги, которые впоследствии пришлось ампутировать»¹²¹.

В Красноярском крае в Игарском районе на станции Агапитово дневной улов рыбы в местной бригаде составлял не более 20–30 килограммов. Сдаваемой рыбы не хватало на то, чтобы обеспечить себя хлебом. Бригада не получала его по 7–8

NKWD-Stellen in den Fischwirtschaften der Region Krasnojarsk entfiel auf eine Person im Schnitt 1 Quadratmeter Wohnfläche, es bestand erheblicher Mangel an Brennstoffen, Lebensmitteln, insbesondere Fett und Gemüse, es fehlten Medikamente, Waschgelegenheiten, Banjas. Im Verwaltungsgebiet Omsk schlieften die Umsiedler in der Nähe der Fischfabrik auf Holzbänken, die mit schmutzigem Stroh bestreut waren und zu 50 bis 60 Personen in dunklen Erdhütten, die nicht beleuchtet und nicht beheizt worden waren. Im Ergebnis dessen kam es zu Erkrankungen, die einen massenhaften Charakter annahmen. Zwischen Juli 1942 und Januar 1943 verstarben allein im Rayon Nadym 34 von 1.621 Deutschen. Kranke wurden nicht in getrennten Räumen isoliert, sondern waren zusammen mit den Gesunden untergebracht.

Neben den unmenschlichen Bedingungen setzten den Umsiedlern der Hass und der seelenlose Umgang mit ihnen seitens der Betriebsleiter und der Vorarbeiter zu: „Der Vorarbeiter Ananjew nahm dem erkrankten Umsiedler Jakob W. dessen Fellschuhe weg und gab ihm Gummischuhe, was dazu führte, dass dem Kranken auf dem Weg ins Krankenhaus beide Füße erfroren und kurze Zeit später amputiert werden mussten.“¹²¹

In einer Fischfangstation in der Region Krasnojarsk betrug die Tagesausbeute der dort eingesetzten Gruppe nur 20 bis 30 Kilogramm Fisch. Diese abzugebende Menge reichte nicht aus, um im Gegenzug dafür Brot zu bekommen. Die Gruppe erhielt sieben bis acht Tage kein Brot. Im Winter 1942/43 verstarben allein in dieser Station 150 Deutsche, darunter auch Kinder.¹²² Die ausgelaugten Menschen waren nicht in der Lage, mit voller Kraft zu arbeiten, was wiederum Bestrafung nach sich zog – Abzüge von der Norm bei der Lebensmittelzuteilung. Davon wurden sie noch schwächer und konnten die Arbeitsnormen noch weniger erfüllen. Dieser kaltherzige Umgang verurteilte viele Deutsche zum Hungertod.

Es kam zu Erkrankungen, die einen massenhaften Charakter annahmen.

Гуго Вормсбехер

Гуго Вормсбехер,
писатель, публицист, род. в 1938 г. в Маркштадте
Республики немцев Поволжья. В 1941 г. депортирован
в Сибирь. Сегодня проживает в Москве.

Письмо Первому секретарю ЦК КПСС,
Председателю Совета Министров СССР
тов. Хрущеву Н.С.

...Я – немец. Вот и все мое несчастье, –
Источник боли, гнева и пинков.
Поэтому как не поддаться страсти?
Как все ввести в поток спокойных слов?
Я знаю: трудный путь мне предстоит пройти.
И лавров не видеть там впереди...

... Кто позабыл весь ужас этих лет?
Рты, заткнутые грязной тряпкой
страха?
Отчизну, расprostертую на плахе,
И Конституцию сменивший пистолет?

Дошла и очередь до немцев... Что с тех пор
Они еще на свете не видали,
Чего еще они не испытали
С тех пор, как им прочли тот приговор?

С обжитых мест, всё отобрав, что было,
Насильно их согнали всех в Сибирь.
С клеймом предателей в трудармии водили
В колонне их с овчаркой конвоир...

16 января 1963 г.

дней. За зиму 1942–1943 гг. на станции умерли 150 немцев, в том числе дети¹²². Немоощные, истощенные люди не могли работать в полную силу, что влекло за собой наказание – уменьшение норм обеспечения продовольствием, отчего они слабели еще больше и еще меньше выполняли норму выработки. Этот изуверский метод хладнокровно обрекал немцев на голодную смерть.

О последствиях депортации

Депортация, ставшая в условиях войны грубой, неадекватной перестраховкой сталинского режима, привела к коренному изменению положения немецкого населения в СССР. Кардинально изменилась география расселения немцев. Если до войны подавляющее большинство немцев проживало компактно в ряде мест европейской части страны (Поволжье, Южная Украина, Крым и др.), то после депортации они в основном оказались в Западной Сибири и Казахстане. При этом в Алтайском крае и Омской области немцы стали второй по численности национальной группой после русских. Произошло распыление немцев по огромной территории (свыше 5 млн. кв. км), результатом чего стало быстрое развитие ассимиляционных процессов. В ходе депортации немцы лишились своего имущества, а зачастую и средств к существованию. Немалое число их погибло, не выдержав тяжелых условий переезда и жизни на новых местах. Между тем впереди их ждали новые суровые испытания – «трудова армия» и спецпоселение.

В результате депортации были ликвидированы и смешаны все региональные группы этнических немцев (поволжские, причерноморские, закавказские, волынские и др.). Началось формирование новой этнической общности – единого немецкого народа.

Zu den Folgen der Deportation

Die Deportation unter Kriegsbedingungen stellte eine jeden Rahmen sprengende Überversicherung des Stalinschen Regimes dar. Sie veränderte die Lage der deutschen Bevölkerung in der UdSSR von Grund auf. Das betraf zuvorderst die Geografie der von Deutschen bewohnten Regionen. Während bis zum Krieg die ganz überwiegende Mehrzahl der Deutschen kompakt in einer Reihe von Siedlungen des europäischen Teils des Landes lebte (Wolga-Gebiet, Südukraine, Krim u. a.), so fanden sie sich nach der Deportation in Westsibirien und Kasachstan wieder. Dabei wurden die Deutschen in der Altairegion und im Verwaltungsgebiet Omsk die zweitstärkste Volksgruppe nach den dort lebenden Russen. Die Ansiedlung der Deutschen erfolgte in einem riesigen Gebiet (über 5 Millionen Quadratkilometer), wodurch es zu einer Beschleunigung der Assimilierungsprozesse kam. Im Zuge der Deportation verloren die Deutschen ihr gesamtes Vermögen und zum Teil auch jegliche Mittel, um ihren Lebensunterhalt zu bestreiten. Viele starben, weil sie die primitiven Bedingungen des Transports und des Lebens in den neuen Siedlungsgebieten nicht verkrafteten. Darüber hinaus erwarteten sie weitere Tragödien – die Trudarmee, die Sondersiedlungen.

Im Ergebnis der Deportation gerieten alle bis dahin regionalen Gruppen der ethnischen Deutschen (der Wolgadeutschen, der Schwarzmeerdeutschen, der Deutschen aus dem Kaukasusvorland, der Deutschen aus der Region Wolhynien u.a.) durcheinander. Es begann sich eine neue ethnische Gemeinschaft herauszubilden, das einheitliche deutsche Volk.

Im Ergebnis der
Deportation
gerieten alle bis
dahin regionalen
Gruppen der
ethnischen
Deutschen
durcheinander.

Осень 1994 г. выдалась в Кемерово на удивление солнечной. Северные ветры не терзали наш край вплоть до ноября. Леса стояли в желтой поволоке и радовали глаз. Помню, как сейчас, тот день – жаркий октябрьский день. Я сижу на полу у ног бабушки. Она теплыми уставшими руками перебирает мои светлые волосы. От нее всегда пахнет молоком и медом. Ее светлая кожа похожа на пергаментную бумагу, иссушенную солнцем и ветром. Как сказку, она рассказывает историю своего детства: «Знаешь, маленькая, на Волге арбузы были сладкие и сочные. Они просто лопались от зрелости и оголяли свою красную сердцевину. Здесь я таких никогда не видела. Все не то...»
Мою бабушку зовут Ольга Адольфовна. Она научила меня говорить, писать и думать на «нашем» языке. Часто она поет мне эту песню на немецком, но на русский мотив:

Neunzehnhunderteinundvierzig
Kam das bitterböese Wort,
Und wir Deutschen von der Wolga
Mussten nach Sibirien fort...

Я слушаю с особым чувством. На глазах слезы. Вокруг стоят чемоданы. Бабушка решила уехать. Она всегда тосковала по Родине. Отказывалась назвать место ссылки «домом». Дети выросли, построен дом, добротное хозяйство. А душу терзает боль, ностальгия по Волге, по украденному детству:

Alles mussten wir verlassen:
Haus und Hof, und Vieh, und Land,
Felder, Wälder und die Kirchen,
Wo auch unsre Wiege stand...

Бабушка часто говорила, что чувствует себя ручейком, который мечтает преодолеть все препятствия и влиться в Волгу. «Я даже возвращалась в свое село в 80-е, но меня прогнали. Просто не пустили. Сказали, что нет мне там места. И я вернулась». Сил уже совсем не осталось. Вместо Волги пристанищем становится дельта Рейна.

Wenn ich nur ein Vogel werde
An die Wolga fliege hin,
Ob mein Nest ist eingennomen
Ich mich doch nicht ziehe hin.

Пятнадцать лет назад я не понимала, почему она, старая немка, хочет в Германию, почему радуется отъезду, как возвращению домой. Как можно все оставить? Как можно решиться? Но шли годы, и я сама начала ощущать себя одиноким ручейком, тоскующим по Волге... Устала... Ничего не изменилось за эти долгие годы. Только больнее стало.

Вчера я сдала языковой тест. Просто спела чиновнику из посольства песню своей бабушки, и он все понял. Скоро научусь любить тебя, милый Рейн...

Екатерина Оттовна Ласкер. Октябрь, 2010 г.

Яков Вебер.
Варка арбузного меда
(фрагмент).
Холст, масло. 1937.

Лишь в декабре 1955 г. для немцев наступили лучшие времена: был ликвидирован режим спецпоселения. Однако при этом в соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР специально оговаривалось, что «снятие с немцев

С 1941 г. началось формирование новой этнической общности – единого немецкого народа.

ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»¹²³.

Еще почти 9 лет понадобилось советскому руководству, чтобы снять с немцев надуман-

ные обвинения в измене родине, однако и тогда, в августе 1964 г., запрет на возвращение в места додепортационного проживания был сохранен¹²⁴. Снятие этого позорного и ничем не мотивированного ограничения произошло лишь в ноябре 1972 г., спустя почти 30 лет после депортации¹²⁵. К этому времени поры зрелости достигло новое поколение немцев, выросшее в местах высылки и спецпоселения и знавшее о своей малой родине лишь понаслышке.

Последствием депортации стали многочисленные послевоенные проблемы, связанные с борьбой немцев за восстановление справедливости, сохранение своей идентичности, что в конце концов вылилось в мощное эмиграционное движение в Германию.

70 лет – срок в истории достаточно большой. Однако он не смог ни стереть из народной памяти события депортации, ни приглушить эмоции, связанные с этим трагическим событием. А раз существует эмоционально окрашенная память, значит немецкий народ в России не исчез. Он вспоминает свое прошлое во имя будущего. И это вселяет оптимизм.

Erst im Dezember 1955 brachen für die Deutschen bessere Zeiten an: Es wurde das Regime der Sondersiedlungen aufgehoben. Gleichzeitig hielt jedoch ein entsprechender Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR eindeutig fest, dass die „Zurücknahme der Einschränkungen der Deutschen hinsichtlich der Sondersiedlungen keine Rückgabe von Vermögenswerten, die bei der Umsiedlung konfisziert worden waren, nach sich zieht, ferner haben sie nicht das Recht, an jene Orte zurückzukehren, aus denen sie umgesiedelt worden waren“.¹²³

Die sowjetische Führung brauchte neun weitere Jahre, um die Deutschen von der aus der Luft gegriffenen Anschuldigung des Landesverrats freizusprechen, wobei auch zu jenem Zeitpunkt, im August 1964, das Rückkehrverbot an jene Orte, an denen sie bis zur Deportation gelebt hatten, aufrecht erhalten wurde.¹²⁴ Diese Schande und die durch nichts motivierte Einschränkung der Bewegungsfreiheit wurde erst im November 1972 aufgehoben, fast 30 Jahre nach der Deportation.¹²⁵ Zu jener Zeit hatte bereits eine neue Generation von Deutschen das Erwachsenenalter erreicht. Sie war an den Umsiedlungsorten und in den Sondersiedlungen aufgewachsen und kannte ihre frühere Heimat nur noch vom Hörensagen.

Eine Folge der Deportation waren auch unzählige Probleme in der Nachkriegszeit, verbunden mit dem Kampf der Deutschen für Wiedergutmachung, die Bewahrung ihrer Identität, was schlussendlich in eine gewaltige Emigrationsbewegung nach Deutschland mündete.

70 Jahre sind, geschichtlich betrachtet, eine relativ lange Zeit. Dennoch sind die Ereignisse der Deportation bis heute im nationalen Gedächtnis der Deutschen präsent. Genauso wie die Gefühle, die von diesen tragischen Geschehnissen ausgelöst wurden. Und solange es diese emotional gefärbte Erinnerung gibt, solange ist das deutsche Volk in Russland nicht vom Erdboden verschwunden. Es erinnert sich seiner Vergangenheit im Namen der Zukunft. Das stimmt optimistisch.

Inessa Harward

Inessa Harward.
Karadag, Krim.
Öl auf Leinwand, 45x30, 2004

Inessa Harward wurde 1938 auf der Krim in der Familie einer Ukrainerin und eines Russlanddeutschen geboren. Als kleines Mädchen musste sie zusammen mit ihren Eltern die Deportation in die harte Steppe Kasachstans durchmachen.

В.Л. Мартыненко

ДЕПОРТАЦИИ НЕМЦЕВ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Политика репрессий и депортаций со стороны советской власти в отношении немецкого населения Украины в годы Второй мировой войны в современной украинской историографии по-прежнему практически не исследована и сводится зачастую лишь к общим цифрам.

Накануне войны с Германией этнические немцы являлись одним из самых многочисленных национальных меньшинств, что проживали в то время на территории УССР. По мнению украин-

ских исследователей М. Коваля и П. Медведка, с учетом новоприсоединенных западных областей в 1939 г. их общее число составило примерно 600 тыс. человек¹.

Политика сталинского руководства в отношении представителей различных этносов зависела от степени их лояльности. Критериями для определения последней выступал комплекс социальных, политиче-

ских и этнических факторов². Поэтому уже в первые месяцы войны с Германией под влиянием резкого ухудшения военно-стратегической обстановки на фронте сталинское руководство решило прибегнуть к более жестким и радикальным действиям в отношении немецкого населения, как к представителям титульной нации главного противника. 3 августа 1941 г. на имя Сталина поступило донесение № 28 от штаба Южного фронта, в котором говорилось: «1. Во-

В 1941 году, по мнению ряда исследователей, на территории Украины проживало ок. 600 тысяч немцев.

W.L. Martynenko

DIE DEPORTATIONEN DER DEUTSCHEN VOM TERRITORIUM DER UKRAINE

Die Politik der Repressionen und der Deportationen seitens der sowjetischen Macht in Bezug auf die deutsche Bevölkerung der Ukraine während des Zweiten Weltkriegs ist in der modernen ukrainischen Historiographie praktisch noch nicht erforscht. Oft werden nur die allgemeinen Zahlen genannt.

Kurz vor dem Krieg gegen Deutschland waren die ethnischen Deutschen eine der zahlreichsten nationalen Minderheiten, die damals auf dem Territorium der Ukrainischen SSR wohnhaft waren. Nach der Meinung der ukrainischen Forscher M. Kowal und P. Medwedka waren es insgesamt mit Berücksichtigung der neu angeschlossenen westlichen Gebiete 1939 ca. 600.000 Personen.¹

Die Politik der Stalin-Regierung in Bezug auf die Vertreter verschiedener Völker hing von ihrer Loyalität ab. Als Kriterien zur Bestimmung jener dienten verschiedene soziale, politische und ethnische Faktoren². Deshalb entschloss sich die Stalin-Regierung schon in den ersten Sommermonaten des Krieges gegen Deutschland wegen der heftigen Verschlechterung der strategischen Lage an der Front zu den härteren und radikalen Handlungen in Bezug auf die deutsche Bevölkerung, als Vertreter der Titularnation des Hauptgegners. Am 3. August 1941 bekam Stalin den Bericht Nr. 28 vom Südfrontstab, in dem Folgendes stand: „1. Kampfhandlungen am Dnjestr haben gezeigt, dass die deutsche Bevölkerung aus Fenstern und Gärten auf unsere abziehenden Streitkräfte schießt. Es konnte festgestellt werden, dass die vorrückenden deutschen faschistischen Truppen in einem deutschen Dorf am 1. August 1941 mit Brot und Salz begrüßt wurden. Im Einzugsbereich der Südfront gibt es eine Menge von Dörfern mit deutscher Bevölkerung.

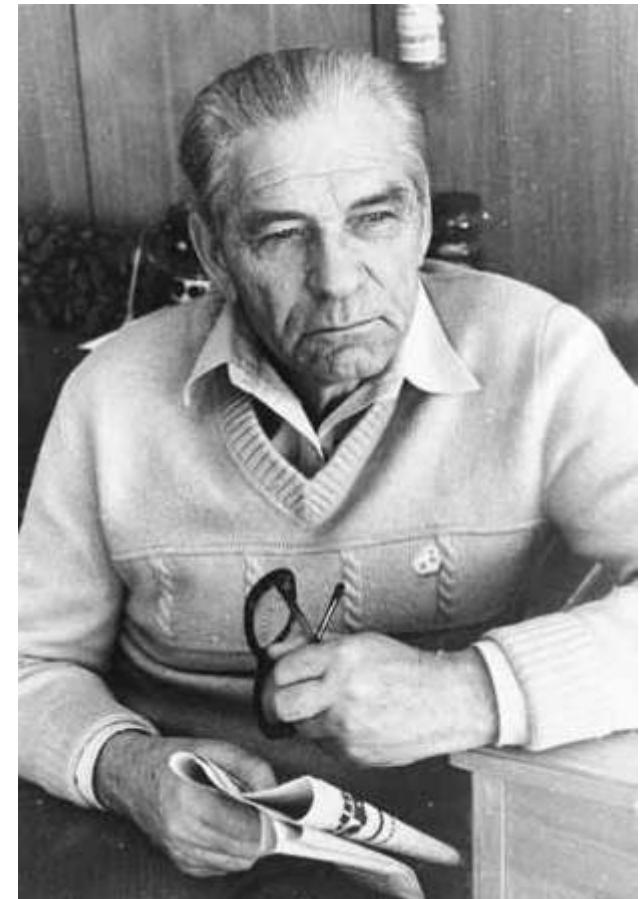
Начатый с российских немцев, ужасающий эксперимент по наказанию целого народа за несуществующую «коллективную вину» был перенесен впоследствии на 14 других народов и 40 национальных групп СССР общей численностью более 3,6 млн. человек. Более того, это советское по происхождению и большевистское по сути преступление было воспроизведено и в ходе «решения» германского вопроса. Тогда за «коллективную национальную вину», а фактически для удовлетворения территориальных претензий СССР и его союзников подверглись изгнанию 15 млн. немцев из Восточной Пруссии, Силезии, Судетской области, Югославии и других европейских территорий. Как и всей практике огульного обвинения и «наказания» целых народов, этому преступлению нет и не может быть оправдания.

Все это мы осознали многие годы спустя. А в 1941 г. и позднее происходящие большие и малые события были для нас всего лишь зловещим фоном, в соответствии с которым менялась жизнь, а с ней и личная судьба миллионов людей. К таким событиям несомненно относится кровавая четырехлетняя война, начавшаяся 22 июня 1941 г. С первого залпа расколола она людей на противостоящие друг другу страны, народы, вооруженные армады, молнией расщепила и мирное течение времени, и человеческие судьбы. События, о которых заходила речь, стали делиться с этого момента на прошлое, казавшееся светлым и безмятежным, и полное тревожных неожиданностей «теперь»...

Из книги Герхарда Вольтера (1923–1998) «Зона полного покоя». Уроженец Житомирской области, в конце сентября 1941 г. Вольтер был депортирован в Акмолинскую область. В январе 1942 г. был трудмобилизован и попал в Челябинскую область. Полухудожественная ткань «Зоны полного покоя» составлена из двух временных планов – периода депортации (событийная линия автобиографического главного героя, 18-летнего юноши-немца, оказавшегося за колючей проволокой) и среза сегодняшнего дня (воспоминания оставшихся в живых трудармейцев, перспективы жизни немцев в России и Казахстане).

Герхард Вольтер

енные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов»³. Однако вряд ли стоит серьезно воспринимать текст этого документа. Во-первых, кажется довольно странным, что военные, которые уже имели к тому времени полномочия самостоятельно издавать приказы о выселении «неблагонадежных» элементов, вдруг стали просить вышестоящее руководство дать на это разрешение. Во-вторых, в тексте не было упомянуто название населенного пункта, что является также нетипичным для военных документов. Также вызывает сомнение и та беспомощность военных перед немецкими колонистами, которые вдруг так дерзко осмелились открыть огонь по отступавшим красноармейцам. Вполне возможно, что данный документ появился не без прямой инициативы со стороны НКВД для формального обоснования целесообразности дальнейших репрессивных действий и массовых депортаций в отношении представителей немецкой национальности. Под текстом донесения № 28 И. Сталин поставил свою резолюцию: «Надо выселить с треском»⁴.

Первые массовые принудительные выселения немцев по этническому признаку начались на территории Крыма. Так, 15 августа 1941 г. вышла директива Ставки Верховного Главнокомандования № 00931 «О формировании и задачах 51-й Отдельной армии», где, в частности, говорилось, что следует «очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей-немцев и других антисоветских элементов»⁵. В результате с 15 августа 1941 по 11 сентября 1941 г. из Крыма было выселено свыше 60 тыс. представителей немецкой национальности⁶. Всех крымских выселенцев разместили на территории Орджоникидзевского края и Ростовской области.

2. Wir bitten darum, den örtlichen Behörden Weisung zu erteilen, die unzuverlässigen Elemente umgehend auszusiedeln.»³

Der Text dieses Dokumentes ist allerdings kaum ernst zu nehmen. Erstens erscheint es ziemlich seltsam, dass die Militärleute, die zu jener Zeit schon bevollmächtigt waren, Befehle über die Ausweisung „der unzuverlässigen“ Elemente selbst zu erlassen, die Vorgesetzten plötzlich um Erlaubnis dafür fragten. Zweitens wird im Text der Ortsname nicht genannt, was für Militärdokumente auch untypisch ist. Zweifelhaft scheint auch die Hilflosigkeit der Militärleute den deutschen Kolonisten gegenüber, die plötzlich so frech geworden sind, das Feuer nach den Rotarmisten zu eröffnen. Es ist gut möglich, dass das vorliegende Dokument direkt vom NKWD für die formale Begründung der Zweckmäßigkeit der weiteren repressiven Handlungen und Massendepортationen in Bezug auf die Vertreter der deutschen Nationalität initiiert wurde. Unter dem Text des Berichtes Nr. 28 schrieb J. Stalin seine Resolution: „Fortjagen muss man sie.“⁴

Die ersten massenhaften Zwangsaussiedlungen der Deutschen nach dem ethnischen Merkmal begannen auf der Krim. So erschien am 15. August 1941 die Direktive des Oberhauptkommandos Nr. 00931 „Über die Aufstellung und die Aufgaben der 51. Abgesonderten Armee“, in der unter anderem die Rede davon war, dass „das Territorium der Halbinsel von den Ortsbewohnern – Deutschen und anderen antisowjetischen Elementen – unverzüglich befreit werden soll“⁵. Daraufhin wurden in der Zeitperiode zwischen dem 15. August und dem 11. September 1941 über 60.000 Deutschstämmige von der Krim ausgesiedelt.⁶ Alle Aussiedler wurden in der Region Ordschonikidse und im Gebiet Rostow untergebracht.

Mitte August 1941 erfolgte auch die Deportation der Deutschen vom rechten Ufer des Dneprs. Leider ist es bis heute nicht bekannt, aufgrund welches normativen Dokuments dies geschah. Um die-

„Fortjagen muss man sie“, schrieb Joseph Stalin unter dem Text des Berichtes Nr. 28.

В 1941 г. Елене Гречман исполнилось 24 года, она была успешной спортсменкой, имела титул чемпионки Крыма в беге на дистанцию 100 м. На фото: Елена Калинина (урожд. Гречман) в 1948 г.

Елена Гречман

В августе 1941 г. Елена Людвиговна Гречман работала техником на Центральном телеграфе Симферополя, где в то время по телетайпам принимали все срочные правительственные сообщения. Передавали их, как правило, ночью.

По иронии судьбы именно она, немка по национальности, первой в Крыму узнала о предстоящем выселении с полуострова местных немцев. Директиву Ставки Верховного Главнокомандования с предписанием «очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей-немцев» она прочитала еще на телетайпе, во время своего ночного дежурства.

– Хотя я и немка, но я не думала, что это выселение может коснуться меня, – рассказывает Елена Людвиговна. Она искренне полагала, что наказывать могут только за содеянные преступления. А поскольку она ничего противозаконного не совершала, то, прочитав директиву, тут же и забыла о ней. Но вскоре ей об этом «напомнили». Это произошло 20 августа 1941 г. В 11 часов в калитку ее дома постучал мужчина.

– Это вы Гречман? – спросил он, посмотрев на женщину каким-то особым, цепким взглядом. Елена тут же вспомнила о правительственной телеграмме и только теперь поняла, что предписание о выселении касается и ее.

– Вам надлежит взять с собой необходимое и в два часа дня быть на товарной станции.

– Что я могла взять с собой? – говорит Елена Людвиговна. – У меня был двухлетний ребенок. Связала в узел его одежду и горшок, положила килограмм груш. Чтобы купить продукты на рынке, уже не оставалось времени. В тот день к железнодорожной станции устремились тысячи законопослушных симферопольских немцев. Они добирались со всех концов города: пешком, подводами, на велосипедах, на машинах.

– День был очень жаркий, – вспоминает Елена Люд-

виговна, – от зноя негде было укрыться, люди сидели под палящим солнцем. Плакали и дети, и старики. Что тогда там творилось – просто ужас! Народа было так много, что все время добавляли вагоны. До глубокой ночи формировали состав, и уже за полночь огромный эшелон отправился из Симферополя.

Во время стоянки на станции Биюк-Онлар (ныне пос. Октябрьское Красногвардейского района) Елена побежала к жившей неподалеку матери, чтобы сообщить о произошедшем. Но материнский дом был уже пуст. Поезд с жителями этого немецкого поселка отправили перед прибытием симферопольского эшелона. Судя по тому, что уехавшие ничего не сообщили своим родным, времени на сборы у них было мало.

Записала Валентина Комиссарова

В середине августа 1941 г. происходила также депортация немцев с Правобережья Днепра. К сожалению, сейчас пока неизвестно, какой именно нормативный документ послужил основанием для этого. Однако об этом выселении говорится во многих воспоминаниях меннонитов, которые являлись непосредственными свидетелями и участниками тех драматических событий. Так, например, 16 августа 1941 г. сотрудники НКВД приказали жителям хортицких колоний подготовиться к немедленной эвакуации. Некоторые из меннонитов предпочли временно скрыться, благодаря чему им удалось избежать выселения. Хортицким колонистам в количестве 1281 человека предстояло перейти на левый берег Днепра бок о бок с десятками тысяч беженцев, а также отступавшими советскими войсками⁷. Местами, на которых осуществлялась переправа, являлись плотина Днепрогэса, а также двухъярусный мост. 18 августа 1941 г. немецкие войска подошли к Запорожью. Если верить тем же воспоминаниям, то в этот момент многие из числа хортицких колонистов, опасаясь за свою судьбу, желали оказаться под немецкой оккупацией, а потому сознательно пытались двигаться как можно медленнее⁸. С целью осложнить дальнейшее наступление противника советскими подрывниками 18 августа сначала был взорван мост. Затем, вечером того же дня, по приказу НКВД без всякого оповещения населения была взорвана также плотина Днепрогэса, по которой все еще продолжалось движение колонн беженцев и военных. Это привело к масштабной трагедии, о которой очень мало говорят и не любят вспоминать. В образовавшуюся в плотине гигантскую брешь мгновенно хлынула вода. Огромная волна накрыла колонны беженцев и военных, а также мирных жителей в прибрежной зоне. Примерно 450 человек из оставшихся в живых меннонитов, воспользовавшись всеобщей паникой и неразберихой, смогли вернуться назад в свои колонии⁹.

Не менее драматично происходило и выселение меннонитов с правобережной части Днепропетровской области. 16 августа около 2500 жителей шести немецких колоний на своих обозах от-

се Aussiedlung geht es aber in vielen Erinnerungen der Mennoniten, der unmittelbaren Zeugen und Teilnehmer jener dramatischen Ereignisse. So befahlen zum Beispiel die NKWD-Mitarbeiter am 16. August 1941 den Bewohnern der Kolonie Chortitza, ihre Sachen sofort zu packen und sich auf die unverzügliche Evakuierung vorzubereiten. Einige von den Mennoniten bevorzugten es, sich zu verstecken, und so gelang es ihnen, der Aussiedlung zu entkommen. 1.281 Kolonisten sollten zusammen mit Zehntausenden Flüchtlingen sowie mit den sich zurückziehenden sowjetischen Truppen auf das linke Dnepr-Ufer übergehen.⁷ Der Flussübergang erfolgte über den Dneprostroy-Damm und über die zweigeschossige Brücke. Am 18. August 1941 kamen die deutschen Truppen an Saporoschje heran. Wenn jene Erinnerungen unverfälscht sind, wünschten sich viele von den Chortitza-Kolonisten aus Angst um ihre Leben, unter die deutsche Besatzung zu kommen, und bewegten sich deshalb bewusst so langsam wie möglich.⁸ Um weitere feindliche Angriffe zu erschweren, sprengten die sowjetischen Sprengpioniere am 18. August zuerst die Brücke. Ohne Flüchtlinge und Soldaten zu benachrichtigen, wurde noch am gleichen Tag am Abend nach Befehl des NKWD der Dneprostroy-Damm gesprengt. Das führte zu einer großen Tragödie, über die bis heute nur sehr wenig gesprochen und an die nur ungern erinnert wird. In die riesige Bresche im Damm strömte sofort Wasser. Die hohe Welle stürzte auf die Kolonnen der Flüchtlinge und der Militärleute sowie auch auf die Küstenlandbewohner. Ungefähr 450 von den am Leben gebliebenen Mennoniten nutzten die allgemeine Panik und das entstandene Durcheinander und konnten in ihre Kolonie zurückkommen.⁹

Weniger dramatisch gestaltete sich die Aussiedlung der Mennoniten vom rechten Ufer des Gebietes Dnepropetrowsk. Am 16. August begaben sich etwa 2.500 Bewohner aus sechs deutschen Kolonien auf den Wagenzügen mit Begleitmannschaft gen Osten. Aber in der Nacht vom 17. auf den 18. August stiegen die NKWD-Leute plötzlich in die LKWs ein und fuhren weg. Beim Abfahren soll einer von

Берта Венинг

Памятный знак жертвам депортации.
Установлен в Симферополе у лютеранской кирхи.

Семья Берты Венинг жила недалеко от Джанкоя, в деревне Сабанчи:
– На сборы нам дали два дня. Мы упаковали продукты и теплые вещи, скотину сдали в колхоз, заколотили досками окна и двери своего дома. Но в назначенный день за нами не приехали, и мы ночевали во дворе, в стогу сена. А утром из колхозного стада прибежала наша корова, уткнулась головой в мамино плечо, и из ее глаз хлынули слезы.

Потрясенные этим зрелищем, вслед за коровой зарыдали люди. Ревели все. Такой рев стоял... Отец не выдержал, отвернулся и ушел.

Записала Валентина Комиссарова

правились на восток в сопровождении вооруженной охраны. Но в ночь с 17 на 18 августа сотрудники НКВД неожиданно сели на грузовики и уехали. Напоследок кто-то из них будто бы пригрозил, что когда вернется, то перестреляет всех «фашистов». На следующий день одно из подразделений немецкой армии настигло колонну меннонитов. Им всем тут же было приказано вернуться назад. Таким образом, вследствие быстрого наступления войск противника, а также паники и дезорганизации органы НКВД не смогли успешно выполнить депортацию немецкого населения с Правобережья Днепра¹⁰.

На основании приказа Военного совета Южного фронта от 26 августа 1941 г. началась депортация немецкого населения с территории Крыма и Днепропетровской области¹¹. 3200 жителей Днепропетровщины отправили в Алтайский край¹². Немного позже сюда доставили и около 6000 немцев Одесской области¹³. В августе 1941 г. также вышел приказ Военного совета Юго-Западного фронта о выселении немцев из Харьковской области. К сожалению, конкретная дата и текст документа нам пока неизвестны, впрочем как и сами подробности его выполнения¹⁴. Но определенным подтверждением наличия данного приказа являются воспоминания одного из бывших жителей колонии Лачиново Барвенковского района Харьковской области К. Менцера, который писал, что его вместе с остальными немцами в августе 1941 г. отправили в Акмолинскую область Казахской ССР¹⁵.

В конце августа 1941 г. немецкие войска были вынуждены временно остановить свое наступление. На протяжении месяца вдоль линии Днепра шли бои.

А тем временем 31 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», в соответствии с которым предполагалось на территории Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской и Черниговской областей: «1. немцев, состоящих на учете как антисо-

и ihnen damit gedroht haben, dass, wenn er zurückkehrt, er alle „Faschisten“ erschießen würde. Am nächsten Tag holte eine Unterabteilung der deutschen Armee die Mennonitenkolonne ein. Ihnen wurde befohlen, sofort zurückzukehren. Wegen des schnellen Vormarschs der Feindtruppen, sowie der Panik und der Desorganisation, konnten also die NKWD-Organen die Deportation der deutschen Bevölkerung vom rechten Dneprufer nicht erfolgreich durchführen.¹⁰

Nach dem Befehl des Militärrats der Südfront vom 26. August 1941 wurde die deutsche Bevölkerung von der Krim und aus dem Gebiet Dnepropetrowsk deportiert.¹¹ 3.200 Einwohner des Gebiets Dnepropetrowsk wurden in die Altai-Region geschickt.¹² Kurze Zeit später wurden auch etwa 6.000 Deutsche aus dem Gebiet Odessa hierher gebracht.¹³ Im August 1941 wurde der Befehl des Militärrats der Südwestfront über die Aussiedlung der Deutschen aus dem Gebiet Charkow erlassen. Leider sind das genaue Datum und der Inhalt des Dokuments nicht bekannt, die Details der Befehlsausführung fehlen auch.¹⁴ Aber dass dieser Befehl wirklich existierte, bestätigen auf gewisse Weise die Erinnerungen von K. Menzer, einem der ehemaligen Bewohner der Kolonie Latschinowo, Landkreis Barwenkowo, Gebiet Charkow. Er schrieb, dass er zusammen mit den anderen Deutschen im August 1941 ins Gebiet Akmolinsk der Kasachischen SSR geschickt wurde.¹⁵

Ende August 1941 waren die deutschen Truppen gezwungen, ihre Offensive vorübergehend zu stoppen. Einen Monat lang wurde am Dnepr gekämpft.

In dieser Zeit, am 31. August 1941, verabschiedete das Politbüro des ZK WKP(B) die Verordnung „Über die Deutschen auf dem Territorium der Ukrainischen Sozialistischen Sowjetrepublik“. In den Gebieten Woroschilowgrad, Dnepropetrowsk, Saporoschje, Kiew, Poltawa, Stalino, Sumy, Charkow und Tschernigow sollte man: „1. Deutsche, die als antisowjetische Elemente gemeldet waren, verhaften; 2. die übriggebliebenen arbeitsfähigen männlichen Personen im Alter zwischen 16 und 60 Jahren zu Armierungsbataillonen mobilisieren und für den

Константин Лайер

Константин Лайер жил в деревне Аргинчик (ныне село Зыбино Белогорского района). Работал в колхозе. Процесс выселения отложился в его памяти досконально:

– 17 августа 1941 г. в колхозе провели собрание, и председатель объявил, что завтра, 18 августа, всех немцев будут выселять. Сказал, что много вещей брать нельзя – берите с собой только необходимое.

Отец Константина, немец по национальности, умер еще в 1920-е г. Мама, Александра Яковлевна, происходила из русской семьи Матвеевых. В этом же селе жили два ее брата, и Костя рос в русской среде.

– А я и не знал, что я – немец! – искренне удивился 17-летний деревенский парень. Но утром 18 августа Константина и его русскую маму стали выселять.

– Подогнали к дому колхозные телеги с лошадьми, велели грузиться. Говорят: «Вы – немцы. Есть приказ выселить всех немцев, идет война с немцами. Давайте собирайтесь». Мы взяли только два чемодана, одежду и постель. В 1940 г. мы построили новый дом, жаль было все оставить.

Записала Валентина Комиссарова

Константин Лайер на уборке хлопка в окрестностях города Ходжейли (Каракалпакия, Узбекистан). 1969.

ветский элемент, арестовать; 2. остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»¹⁶. Вероятно, что таким образом советское руководство, небезосновательно опасавшееся оккупации всей территории Украины, намеревалось лишить противника возможности использовать немцев-мужчин в качестве потенциальных союзников. Л. Берия в сообщении от 22 сентября 1941 г. отметил, что на территории Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей «в период с 2 по 5 сентября среди этих

Большинство мобилизованных в 1941 г. немцев из Украины доставили в несколько лагерей НКВД.

лиц арестовано антисоветского элемента в количестве 7091 человека. Кроме того, мужская часть немецкого населения этих областей в количестве 13 484 человек мобилизована и под конвоем направлена на стройки ГУЛАГа НКВД СССР»¹⁷. Сегодня относительно достоверно можно утверждать, что подавляющее большинство мобилизованных немцев из Украины доставили в несколько лагерей НКВД, а именно: Ивдельлаг, Соликамбумбуд, Богословлаг на Урале и Кимперсайлаг в Актюбинской области Казахстана¹⁸. Среди этого контингента попадались и представители других национальностей. Например, среди мобилизованных в одном из строительных батальонов оказался житель села Токмак Запорожской области В. Вакин, русский по национальности, лишь на том основании, что его женой была немка¹⁹.

Судьба многих арестованных в соответствии с упомянутым постановлением оказалась печальной. Известно, что 20 октября 1941 г. несколько сотен немцев, осужденных во внесудебном порядке за «контрреволюционную деятельность», прибыли из Во-

Еinsatz in den östlichen Regionen der UdSSR an das NKWD übergeben.¹⁶ Wahrscheinlich wollte die sowjetische Regierung, die nicht ohne Grund die Besetzung der ganzen Ukraine befürchtete, auf solche Weise dem Feind keine Chance lassen, die deutschen Männer als potentielle Verbündete zu gewinnen. L. Beria berichtete in seiner Mitteilung vom 22. September 1941, dass „7.091 Personen davon in der Zeit vom 2. bis zum 5. September in den Gebieten Saporoschje, Stalino und Woroschilowgrad als antisowjetische Elemente festgenommen wurden. Darüber hinaus wurde die männliche deutsche Bevölkerung in diesen Gebieten, insgesamt 13.484 Personen, mobilisiert und unter Bewachung zu Bauarbeiten des Gulag geschickt“¹⁷.

Heute kann man mehr oder weniger wahrheitsgemäß behaupten, dass die überwiegende Mehrheit der aus der Ukraine mobilisierten Deutschen in mehrere Lager des NKWD geschickt wurden, und zwar: Iwdellag, Solikambumbud, Bogoslowlag im Ural und Kimpersajlag in der Aqtöbe-Region in Kasachstan.¹⁸ Unter diesen Menschen waren auch Vertreter anderer Nationalitäten. So war zum Beispiel unter den Mobilisierten in einem Bau-Bataillon ein Russe namens W. Wakin aus dem Dorf Tokmak, Gebiet Saporoschje, nur weil seine Frau Deutsche war.¹⁹

Das Schicksal vieler nach der besagten Verordnung Verhafteten war traurig. Es ist bekannt, dass mehrere Hundert Deutsche, die außergerichtlich wegen „konterrevolutionärer Aktivitäten“ verurteilt wurden, kamen am 20. Oktober 1941 aus dem Gefängnis in Woroschilowgrad in Wjatlag an. Die überwiegende Mehrheit von ihnen waren einfache Bergleute und Bauern. Nachdem sie als „Untersuchungsgefangene“ erklärt wurden, warteten sie ein Jahr lang auf ihr Urteil. Aber mehr als die Hälfte dieser Menschen starb an Hunger, Kälte und Krankheiten im Winter 1941/1942.²⁰

Nach der Mobilisierung beschloss die Stalin-Regierung, die deutsche Bevölkerung aus der Linksufrigen Ukraine planmäßig zu deportieren. Am 22. September 1941 stellte L. Beria dem Staatlichen Verteidigungskomitee den Entwurf der Verordnung „Über die Aus-

Семья Канцлер

Семья Канцлер в 1953.

Моя бабушка Мария Ивановна Канцлер (в девичестве Шлее) была депортирована из Симферополя в августе 1941 г. Было ей в ту пору 45 лет. Всю свою оставшуюся жизнь она тосковала по симферопольскому дому. Этот дом – ее оплот, ее семья, вся ее жизнь. Многие годы она лелеяла надежду побывать в Симферополе и повидать родную обитель. Только через долгих 25 лет, уже в 70-летнем возрасте, она вновь ступила на Крымскую землю.

Приехав в Симферополь, она торопилась скорее увидеть отчий дом. Но – странное дело, приблизившись к нему, она вдруг резко повернулась и пошла обратно, не решаясь подойти к дому, к которому стремилась столько лет. Обошла круг, потом снова устремила к родной улице. Безмерно взволнованная, она прошла несколько кругов, прежде чем смогла войти во двор своей милой обители.

– Я думала, что сердце мое не выдержит и разорвется, – вспоминала потом Мария Ивановна.

Жизнь Марии Канцлер окончилась вдали от Крыма – на берегах Волги. Ее сестра Валентина Ивановна Арел скончалась в Узбекистане. В 1987 г. завершился жизненный путь отца. Через четыре года, в 1991 г., в РСФСР приняли Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», на основании которого он, Канцлер Виктор Иосифович, был реабилитирован. Ему не суждено было узнать и то, что его заветную мечту о возвращении в Симферополь смогли осуществить его дети.

А отчий дом стоит. Во дворике, когда-то зеленом и уютном, теперь не благоухают цветы и не слышны чудные звуки музыки.

рошиловградской тюрьмы в Вятлаг. Подавляющее большинство из них были простыми шахтерами и колхозниками. Получив статус «подследственных», они в течение года ждали своих приговоров. Но к тому времени более половины немцев этого контингента погибла от голода, холода и болезней зимой 1941–1942 гг.²⁰

Вслед за мобилизациями сталинское руководство решило осуществить уже планомерную депортацию немецкого населения с территории Левобережной Украины. 22 сентября 1941 г. Л. Берия предоставил в Государственный комитет обороны проект Постановления «О выселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей». В докладной записке, говоря о целесообразности запланированной операции, нарком подчеркнул: «В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих немцев в Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областях Украинской ССР НКВД СССР считает целесообразным их переселить в Казахскую ССР общей численностью 109 487 человек»²¹. В тот же день И. Сталин, как председатель комитета, утвердил постановление № 702сс, состоявшее из 11 пунктов, согласно которому планировалось осуществить переселение немцев Запорожской области в количестве 63 000 человек, Сталинской – 41 000 человек и Ворошиловградской – 5 487 человек на территорию Казахской ССР²².

23 сентября 1941 г. Л. Берия утвердил Приказ № 001354 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей», где говорилось об общих организационных моментах намеченной депортации для работников НКВД. В частности, было отмечено, что с целью обеспечения порядка необходимо отправить: в Запорожскую область – 300 сотрудников НКВД, 1500 работников милиции; в Сталинскую область – 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции; в Ворошиловградскую область – 50 сотрудников НКВД, 200 работников милиции. Кроме того, во время операции планировалось задействовать и контингент войск НКВД

siedlung der Deutschen aus den Gebieten Saporoschje, Stalin und Woroschilowgrad“ vor. In der Vorlage machte der Volkskommissar auf die Zweckmäßigkeit der geplanten Operation aufmerksam und schrieb: „Um den antisowjetischen Aktivitäten der Deutschen in den Gebieten Saporoschje, Stalino und Woroschilowgrad der Ukrainischen SSR vorzubeugen, hält das NKWD der UdSSR es für angemessen, diese 109.487 Personen in die Kasachische SSR auszusiedeln.“²¹

Am gleichen Tag genehmigte Stalin als Vorsitzender des Komitees die Verordnung Nr. 702сс mit 11 Punkten, nach der die geplante Aussiedlung der Deutschen aus den Gebieten Saporoschje (63.000 Personen), Stalino (41.000 Personen) und Woroschilowgrad (5.487 Personen) nach Kasachstan erfolgen sollte.²²

Am 23. September 1941 bestätigte L. Beria den Befehl Nr. 001354 „Über die Maßnahmen zur Durchführung der Aussiedlung der Deutschen aus den Gebieten Saporoschje, Stalin und Woroschilowgrad“, der die allgemeinen organisatorischen Momente der geplanten Deportation den NKWD-Mitarbeitern erläuterte. Im Besonderen wurde die erforderliche Anzahl der Sicherheitskräfte genannt: im Gebiet Saporoschje – 300 NKWD-Mitarbeiter, 1.500 Milizionäre; im Gebiet Stalino – 250 NKWD-Mitarbeiter, 1.000 Milizionäre; im Gebiet Woroschilowgrad – 50 NKWD-Mitarbeiter, 200 Milizionäre. Darüber hinaus wurde geplant, während der Operation die NKWD-Truppen in folgenden Mengen einzusetzen: im Gebiet Saporoschje – 2.500 Rotarmisten; im Gebiet Stalino – 2.000 Rotarmisten; im Gebiet Woroschilowgrad – 300 Rot-

Die Deportation der Deutschen aus den Gebieten Saporoschje, Stalin und Woroschilowgrad begann vor der Unterzeichnung der entsprechenden Verordnung des Staatlichen Verteidigungskomitees.

Herbert Henke

Das Gebetshaus in der Mennoniten-Kolonie Karasan (heute Rownoje), später zum Klub umgebaut. Die Kolonie Karasan war einst die größte Mennoniten-Siedlung auf der Krim. 1941 wurde die Bevölkerung der Kolonie zuerst in den Nordkaukasus umgesiedelt, von dort nach Kasachstan deportiert.

Herbert Henke

Russlanddeutscher Lyriker und Prosaschriftsteller, geb. 1913 im Dorf Annette in der Ukraine. Nach dem Krieg unterrichtete er viele Jahre deutsche Sprache in sibirischen Schulen.

« Die Kirche

Bist nur in meinem Herzen noch geborgen.
Vertrauter Heimatort,
wo bist du hin?
Am Sonntag lauschte ich der Kirchenorgel –
Sie klang wie ein Gebet in meinem Sinn.

Um Weihnachten entflamnten tausend Lichter,
wir sangen feierlich:
O Tannenbaum...
In Ehrfurcht strahlten Hunderte Gesichter –
Verweht ist alles
wie ein schöner Traum...

Die Glocke dröhnte laut vom Turmgehäuse,
weit über Felder, Wälder, Auen, Triften.
Zu Pfingsten schmückten wir
den Raum mit Reiserh, und Kalmusstengel hauchten zarte Düfte.

Die Kirche hielt uns an zu Liebe, Pflicht,
zu redlichem und arbeitssamem Walten.
In meinem Herzen lebt manch Angesicht.
Ich sehe längst verschollene Gestalten.

Ein furchtbares Geschick
brach jäh herein
und alles mußte schonungslos zerstieben.
Der Mensch schien
ohne Menschlichkeit zu sein –
von unsrer Kirche ist kein Stein geblieben.

в следующем количестве: в Запорожской области – 2500 красноармейцев, в Сталинской области – 2000 красноармейцев, в Ворошиловградской области – 300 красноармейцев. Начать операцию планировалось 25 сентября, а полностью завершить в Запорожской области следовало уже до 2 октября, в Сталинской и Ворошиловградской до 10 октября²³. Существуют отдельные свидетельства, которые указывают на то, что депортировать немцев из упомянутых областей УССР начали еще до подписания соответствующего постановления Государственного комитета обороны. Например, уроженец колонии Розовка Ясиноватского района Сталинской области В. Клаус позднее вспоминал, как уже 10 сентября семьи немцев отвезли на станцию Фенольная, где в течение нескольких дней они были вынуждены жить на привокзальной площади в ожидании своего эшелона²⁴. На выполнение этой масштабной операции руководство Государственного комитета обороны сначала предполагало выделить 15 млн. руб. из резервного фонда Совнаркома СССР²⁵. Но потом соответствующую сумму решили сократить почти на треть²⁶.

Особые проблемы для сотрудников НКВД при проведении депортации возникли на территории Запорожской области, прежде всего из-за ее географической близости к линии фронта. В этом регионе значительный процент немецкого населения проживал в молочанских колониях. 2 октября 1941 г. всем жителям указанной местности объявили об эвакуации. На сборы немецким семьям отвели всего лишь два часа. За это время некоторые из них даже пытались успеть продать часть своего имущества или же обменять его на теплую одежду. Затем представители войск НКВД заходили в опустевшие дома колонистов с целью их проверки на тот случай, чтобы никто не вздумал скрыться²⁷. Отpravку немцев на территории Запорожской области планировалось произвести с пяти железнодорожных станций: Молочанск, Лихтенау, Токмак, Стульнево и Нельговка. Так, в частности, на станцию Стульнево прибыло около 6–8 тыс. человек²⁸. Подавляющее большинство

армистен. Der Operationsstart war für den 25. September geplant; im Gebiet Saporoschje sollte die Operation zum 2. Oktober abgeschlossen werden, in den Gebieten Stalin und Woroschilowgrad – zum 10. Oktober.²³

Es gibt einige Hinweise darauf, dass die Deportation der Deutschen aus den genannten Gebieten der UdSSR schon vor der Unterzeichnung der entsprechenden Verordnung des Staatlichen Verteidigungskomitees begann. Der Bewohner der Kolonie Rosowka, Jasinowatskij Bezirk, Gebiet Stalin, W. Klaus erinnerte sich später, wie die deutschen Familien schon am 10. September zur Station Fenolnaja gebracht wurden und einige Tage auf dem Bahnhofplatz verbringen und auf ihren Transportzug warten sollten.²⁴ Zur Durchführung dieser groß angelegten Operationen wollte die Führung des Staatlichen Verteidigungskomitees ursprünglich 15 Millionen Rubel aus dem Reservefonds des Rats der Volkskommissare der UdSSR ausgeben.²⁵ Doch dann wurde diese Summe fast um ein Drittel reduziert.²⁶

Bei der Deportation hatten die NKWD-Mitarbeiter besondere Probleme in dem Gebiet Saporoschje, vor allem wegen seiner Nähe zur Front. In dieser Region lebte ein erheblicher Prozentsatz der deutschen Bevölkerung in den Kolonien Molotschansk. Am 2. Oktober 1941 wurden alle Bewohner dieser Gegend über die Evakuierung informiert. Die deutschen Familien hatten nur zwei Stunden zum Packen. In dieser Zeit versuchten manche sogar, einige ihre Sachen zu verkaufen oder gegen warme Kleidung zu tauschen. Die NKWD-Leute prüften die verlassenen Häuser der Kolonisten, so dass niemand sich verstecken oder fliehen konnte.²⁷ Für die Abtransportierung der Deutschen aus dem Gebiet Saporoschje waren fünf Ei-

Die deutschen Familien hatten nur zwei Stunden zum Packen. In dieser Zeit versuchten manche sogar, einige ihre Sachen zu verkaufen.

« В ночь на 5 сентября Эдвину опять принесли повестку. На сей раз его призывал соседний Куйбышевский райвоенкомат. В указанное время Эдвин явился и застал уже знакомую картину. Опять несколько сот немцев-мужчин собрались и ждали своей участи. В течение дня взрослых распределяли по командам и отправляли. Подростков пока не трогали.

К вечеру всех взрослых отправили. У военкомата осталось лишь около 60 ребят. Им в качестве старшего назначили учителя (Эдвин Александрович до сих пор помнит его фамилию – Тибелиус). Под командой старшего ребята отправились на ночевку. Местом для ночевки был выбран первый же попавшийся в поле стог соломы.

На следующий день ребят привели в село Андреевку (недалеко от станции Елизаветинской, вблизи Бердянска). Деревня оказалась совершенно безлюдной, но следов каких-то разрушений или иных причин, заставивших жителей уйти, не наблюдалось. Все было целым: сады, огороды, имущество в домах. В стойлах мычала оставшаяся без хозяев скотина.

В Андреевке ребята прожили шесть дней. 12 сентября их отвели на станцию Елизаветовскую, где к этому времени было собрано много других мужчин-немцев из окрестных сел. Всех загрузили в товарные вагоны, и в тот же день эшелон отправился на восток. Вскоре после отправления эшелон подвергся бомбежке с воздуха. Было сброшено и взорвалось пять бомб. К счастью, ни одна из них не попала в цель. Сидевшие в вагонах люди не могли видеть, что за самолеты про-

водили бомбометание. Слышен был лишь рев пикирующих стальных птиц и разрывы бомб. Эшелон проходил через родную для Эдвина и многих других невольных путешественников Розовку. Каким-то непостижимым образом об этом удалось узнать жителям станции и близлежащих немецких сел. На перроне собралась огромная толпа. Сотни людей в отчаянии выкрикивали фамилии и имена своих близких. В общем шуме и гомоне было трудно понять что-либо членораздельное, однако иногда Эдвину казалось, что он слышит свое имя и фамилию, произносимые голосом Юли, Кати, Эриха, Эдгара. И тогда сердце его вздрагивало. Но проверить себя Эдвин, как и многие другие люди, сидевшие в вагонах, не мог. Вагоны были закрыты, выглянуть, а тем более выйти было невозможно. Можно лишь догадываться, что испытали все эти люди, чувствовавшие боль разлуки, но еще до конца не осознававшие, что это их последние минуты и секунды контакта с родиной, с близкими и что вскоре они будут очень далеко отсюда в совершенно иной жизни.

Впрочем, близким Эдвина, оставшимся дома, судьба уже тоже готовила дальнюю дорогу...

Эдвин Гриб

Эдвин Александрович Гриб спустя почти 70 лет в родной Розовке, через которую эшелон шел на Урал

из них составляли женщины, дети и пожилые люди. Всем семьям сразу же сообщили, что им следует ожидать свой эшелон. Прошло несколько дней. Эшелон так и не появился. На четвертый день немецкие самолеты полностью разрушили станцию и серьезно повредили железнодорожное полотно. Затем начался артиллерий-

На территории Сталинской области предполагалось депортацию начать из тех регионов, которые были ближе расположены к линии фронта.

состоялась также и отправка эшелонов со станций Молочанск и Токмак. В итоге органы НКВД из взятых на учет 53 566 немцев Запорожской области смогли депортировать лишь 32 032 человека³⁰. Большинство из них отправили в Актюбинскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ордынскую, Кустанайскую и Семипалатинскую области Казахской ССР. 8357 человек из этого контингента вывезли в Новосибирскую область³¹. Около 600 немцев отправили на строительство шоссейной дороги в Астрахань³². Среди причин неудач при проведении операции следует назвать как быструю оккупацию территории Запорожской области войсками противника, так и нехватку эшелонов.

На проведение операции по выселению представителей немецкого населения из Сталинской и Ворошиловградской областей органы НКВД имели немного больше времени. В соответствии с составленным планом на территории Сталинской области предполагалось начать депортацию прежде всего из тех

артиллерийский обстрел. В условиях всеобщей паники сотрудники НКВД приняли решение покинуть станцию и срочно эвакуироваться вместе с частями Красной армии. В этой ситуации немцам, которые оказались в самом эпицентре боя, ничего другого не оставалось, как вернуться назад домой²⁹. Не

senbahnstationen bestimmt: Molotschansk, Lichtenau, Tokmak, Stulnewo und Nelgowka.

So kamen auf die Station Stulnevo ca. 6.000 bis 8.000 Menschen.²⁸ Die überwiegende Mehrheit von ihnen waren Frauen, Kinder und ältere Menschen. Alle Familien wurden sofort informiert, dass sie auf ihren Transportzug warten sollten. Einige Tage vergingen. Der Zug kam nicht. Am vierten Tag zerstörten die deutschen Flugzeuge die Station völlig und beschädigten stark die Gleise. Dann begann der Artilleriebeschuss. In der allgemeinen Panik beschlossen die NKWD-Mitglieder, die Station zusammen mit der Roten Armee dringend zu verlassen. In dieser Situation blieb es den Deutschen, die in die Hitze des Gefechts gerieten, nichts anderes übrig, als nach Hause zurück zu gehen.²⁹ Die Transportzüge von den Stationen Molotschansk und Tokmak fuhren auch nicht ab.

Am Ende konnten die NKWD-Leute nur 32.032 von 53.566 angemeldeten Deutschen des Gebiets Saporoschje deportieren.³⁰ Die meisten von ihnen wurden in die Gebiete Aqtöbe, Dschambul, Karaganda, Kyzyl-Orda, Kustanai und Semipalatinsk der Kasachischen SSR geschickt. 8.357 Menschen aus dieser Gruppe wurden ins Gebiet Nowosibirsk gebracht.³¹ Etwa 600 Deutsche wurden zum Straßenbau nach Astrachan geschickt.³²

Die Misserfolge bei der Durchführung der Operation sind auch mit der schnellen Besetzung des Gebiets Saporoschje durch die Feindtruppen und auch mit dem Mangel an Zügen zu erklären. Für die Durchführung der Deportation der Deutschen aus den Gebieten Stalin und Woroschilowgrad hatte das NKWD etwas mehr Zeit. Gemäß dem Plan sollte die Deportation aus dem Gebiet Stalino mit den Bezirken beginnen, die geografisch näher zur Front waren, und zwar: Wolodarskij, Budjonowskij, Staro-Kermentschinskij, Wolnowachskij, Oltschinskij und Manguschskij. Die Gesamtzahl der Deutschen in diesen Gebieten nach den Berechnungen des NKWD betrug 4.983 Personen. Sie sollten am 29. September 1941 mit zwei Zügen von den Stationen Mariupol und Wolnowacha abtransportiert werden.

Лина Шейфеле

Эмилия Шейфеле с детьми.
Сидят: Мать Эмилия,
Бердхольд, Рудольф
Стоят: Нина, Лина, Эмиль.
1933 г. или 1934 г.

22 июня 1941 г. началась война. Над селом пролетали самолеты, начались бомбежки, то и дело слышались взрывы, было очень страшно. В сентябре 1941 года, во время перемены, к школе привезли «мужиков и парней» села, чтобы попрощаться с братьями и сестрами: их призвали в трудармию. Среди них было два старших брата Лины – Рудольф и Эмиль (Лина Гейнриховна не знает, куда их отправили, но после войны они встретились).

4 октября 1941 г. в дом пришли люди в синей форме (Лине было почти 10 лет). Они приказали быстро собрать все необходимое, сказали, что их выселяют. Семья Шейфеле думала, что они сюда еще вернуться, они не знали, что их ждет. Собрали «котомочки». На следующий день почти все немецкое население загнали в клуб в конце села, закрыли там, никто не хотел уезжать, и родители подговорили детей плакать, тем самым надеялись, что всех их оставят дома. Но когда двери открыли, человек в синей форме приказал: «Всем на выход! Москва слезам не верит!» – это были первые русские слова, которые Лина услышала и запомнила на всю жизнь.

Когда выселенцы пошли уже за поселок, мать Лины вспомнила, что они забыли про скотину, и сказала Бердхольду и Лине сбегать домой – открыть калитки. Но когда они добежали до дома, скота уже не было, калитки были открыты. Ребята уже после видели, что всю скотину поселка куда-то гнали.

Впоследствии от семьи брата матери они узнали, что в их дом через пару дней после их ухода попала бомба. Семья брата матери не поместилась в эшелон

и осталась, а вскоре гитлеровцы оккупировали село, и их угнали в Германию. По воспоминаниям жены дяди, когда она пошла туда за вещами для своих детей, то увидела воронку на месте дома Шейфеле. В 12 км от села находилась станция, с которой 5 октября отъезжали эшелоны с выселенцами. Семью Лины погрузили в один из вагонов и целый месяц везли в Казахстан. Дорога была жуткой. Постоянно доносились звуки разрыва бомб, эшелон останавливался, и, когда кричали: «Тревога!» – они выскакивали из вагонов. Однажды на очередной остановке совсем рядом Лина услышала взрыв. Любопытство заставило ее залезть под вагон, она увидела ужасающую картину – бомба попала в эшелон с людьми, который стоял на соседних путях. Кругом лежали части тел – она видела двигающиеся туловища, оторванные головы... Мать ее ругала за такое любопытство. Затем им кричали: «По вагонам!» – и «путешествие» продолжалось. Иногда им казалось, что они приезжали на одно и то же место... Они пухли от голода (иногда их кормили, иногда нет), ближе к Казахстану они начали замерзать.

Из воспоминаний Лины Гейнриховны Шейфеле, записанных Марией Юркиной, Ириной Бидник и Кристиной Унгефуг. Лина Гейнриховна родилась в 1931 г. в селе Канкриновка Новониколаевского района Запорожской области. Была депортирована в Семипалатинскую область Казахстана. Сегодня проживает в поселке Еля-ты Республики Коми.

районов, которые географически были ближе расположены к линии фронта, а именно: Володарского, Буденновского, Старо-Керменчического, Волноваховского, Ольчинского и Мангушского. Общая численность немцев на указанных территориях, по подсчетам НКВД, составила 4983 человека. Их намеревались отправить 29 сентября 1941 г. двумя эшелонами со станций Мариуполь и Волноваха. Общий же план проведения операции предусматривал осуществление отправки всех «немецких» эшелонов в три очереди: первая очередь – 4 эшелона 30 сентября, вторая очередь – 5 эшелонов 1 октября, третья очередь – 5 эшелонов 2 октября³³. В конце концов из Сталинской области из взятых на учет 36 380 немцев было вывезено в Алма-Атинскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Павлодарскую и Семипалатинскую области 35 477 человек. В Ворошиловградской области органы НКВД из запланированных 13 000 немцев успели осуществить депортацию 9858 человек в Семипалатинскую и Северо-Казахстанскую области. Однако дальнейшее проведение этой операции все же пришлось остановить из-за наступления немецких войск³⁴.

Весной 1942 г. во время неудачных контр наступательных операций Красной армии органы НКВД на временно освобожденных территориях УССР проводили репрессии и массовые выселения лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями. Среди последних оказались и этнические немцы некоторых восточных областей Украины. Так, заместитель наркома внутренних дел УССР майор Г. Крутов в записке от 20 мая 1942 г. доложил вышестоящему руководству в Москву следующее: «Военные советы 6, 38, 57 Армий требуют выселения из фронтовых районов Харьковской области граждан немецкой национальности. Таких семей учтено: в Лозовском районе – 51, Близнацевском – 81, Шевченковском – 49, Двуречанском – 119, Купянском – 32, Барвенковском – 90. Всего 422 семьи с числом членов до 1550 человек, из них: женщин – 500 человек, детей до

тиert werden. In dem allgemeinen Plan der Operation wurde dreistufige Reihenfolge aller „deutschen“ Transportzüge vorgesehen: die erste Stufe – 4 Züge am 30. September, die zweite Stufe – 5 Züge am 1. Oktober, die dritte Stufe – 5 Züge am 2. Oktober. Im Endergebnis wurden aus dem Gebiet Stalino 35.477 von 36.380 angemeldeten Deutschen in die Gebiete Alma-Ata, Akmolinsk, Ostkasachstan, Pawlodar und Semipalatinsk ausgesiedelt. Aus dem Gebiet Woroschilowgrad konnten die NKWD-Leute 9.858 von den geplanten 13.000 Deutschen in die Gebiete Semipalatinsk und Nordkasachstan deportieren. Doch die weitere Durchführung dieser Operation musste wegen des Vormarsches der deutschen Truppen unterbrochen werden.³⁴

Im Frühjahr 1942, während der erfolglosen Gegenoffensive der Roten Armee, führten die NKWD-Organen massenweise die Bewohner der vorübergehend befreiten Gebiete der USSR, die für die deutschen Besatzungsbehörden gearbeitet hatten. Darunter waren auch die Volksdeutschen aus einigen östlichen Regionen der Ukraine. So berichtete der stellvertretende Volkskommissar für Innere Angelegenheiten der Ukraine, Major G. Krutow in einer Meldung vom 20. Mai 1942 an die Vorgesetzten in Moskau: „Die Militärräte der 6., 38. und 57. Armeen fordern die Staatsbürger deutscher Nationalität dazu auf, aus den frontnahen Regionen des Gebiets Charkow auszusiedeln. Solche Familien gibt es in: Losowskij Bezirk – 51, Blisnesowskij – 81, Schewtschenkowskij – 49, Dwuretschanskij – 119, Kupjanskij – 32, Barwenkowskij – 90, insgesamt 422 Familien bzw. 1.550 Personen, darunter Frauen – 500, Kinder un-

Mehrere Tausend Volksdeutsche konnten im Frühjahr und Sommer 1942 der Deportation entkommen, denn die Besatzungsbehörden hatten sie aus den frontnahen Bezirken evakuiert.

Ich, Wladimir Wilhelmowitsch Trinz wurde am 26. August 1936 in der Stadt Donezk, damals Stalino geboren. Mein Vater Wilhelm war Deutschlehrer in der Mittelschule Nummer 1 und im Medizinischen Institut. Er wurde im Jahre 1936 erschossen. Meine Mutter hat als Rechnungsführerin in der Fabrik „Mechowschik“ (Kürschner) gearbeitet. В 1941 г. я, мама и две ее сестры были выселены в Казахстан, в Акмолинскую область. На сборы нам было дано 24 часа. Уже Сталино по ночам бомбили, помню, как прятались во дворе в подвале. Везли нас в телячьих вагонах, по пути следования эшелон делал остановки, смелые люди разводили костры и пытались что-то приготовить или хотя чай согреть на костре. Помню случай в Харькове. Остановились мы напротив санитарного состава, который вез раненых в тыл, и раненый на костыле подал в окошко мне и еще такому же хлопчику по кусочку сахара. Das kann ich nie vergessen. Es scheint mir, das war und bleibt das süßeste Zuckerstückchen in meinem Leben.

*Wladimir
Trinz*

Ich, Adel Adolfowna Schmidt, wurde zusammen mit meinem Bruder ins Kinderheim geschickt. Das war nach dem Arrest meiner Mutter. Ich erinnere mich: Wir wurden mit dem LKW transportiert. Ich und mein Bruder waren im Wagenkasten und die uns begleitende Frau saß im Fahrerhaus. Unterwegs hat der Fahrer eine Kuh gefangen und neben uns angefesselt. Wir sind durch den Wald gefahren und hinter dem Wagen sind viele Wölfe gelaufen und haben schrecklich geheult. Der Fahrer wollte uns ins Fahrerhaus nehmen, aber die Frau hat gesagt, dass es kein großer Verlust ist, wenn wir von den Wölfen gefressen werden. Wegen der Angst habe ich eine Nervenstörung bekommen und konnte noch lange nicht sprechen. Ende August wurde mein Bruder ins Kinderheim nach Schachtala geschickt, ich wurde dorthin erst 2 Jahre später gebracht. Unsere Mutter ist bis zum 4. Oktober 1949 in den Entbehrungsorten und dann bis zum Ende 1954 in der Sonderkolonie im Magadaner Gebiet geblieben. Die Mutter wurde anhand des Gesetzes „Über die Rehabilitierung von den Opfern der politischen Repressalien“ rehabilitiert.

*Adel
Schmidt*

16 лет – 770, мужчин, главным образом стариков – 180»³⁵. Российский исследователь М. Бугай утверждает, что депортация этнических немцев из Харьковской области в количестве 1500 человек происходила на основе постановления Советов фронтов и приказа НКВД СССР № 010714 от 20 марта 1942 г. Их всех вывезли в Кустанайскую область Казахской ССР. Отдел спецпереселений НКВД СССР сообщал, что на проведение этой операции получил 205 тыс. руб.³⁶

24 июня 1942 г. Л. Корниец, который на тот момент времени возглавлял Совнарком УССР и по совместительству являлся членом Военного совета Южного фронта, сообщил непосредственно Л. Берии, что после депортации осенью 1941 г. на территории Ворошиловградской области осталось 1027 немецких семей в количестве 3701 человека и попросил дать указание об их выселении. На следующий день нарком поручил своим подчиненным срочно заняться этим делом, поскольку ситуация на фронте стремительно ухудшалась³⁷. Уже 3 июля 1942 г. в Кустанайскую область прибыло 2748 немцев из Ворошиловградской области³⁸. В этот раз НКВД также не успел в полном объеме выполнить свой план из-за стремительного контрнаступления войск противника. Однако следует отметить также, что несколько тысяч этнических немцев смогли избежать весной-летом 1942 г. депортации, так как были эвакуированы оккупационными властями с прифронтовой территории.

Бурные и трагические события Второй мировой войны привели к значительным изменениям в этнодемографической структуре населения Украины. Трагизм судьбы этнических немцев в СССР заключался прежде всего в том, что в глазах сталинского руководства они являлись «неблагонадежной нацией». Массовые депортации лета-осени 1941 г. и весны-лета 1942 г. явились первым этапом в общем процессе, результатом которого стало почти полное исчезновение одного из самых многочисленных национальных меньшинств с территории Украины.

ter 16 Jahre – 770, Männer, hauptsächlich ältere Menschen – 180.³⁵ Laut des russischen Forschers M. Bugaj erfolgte die Deportation von 1.500 ethnischen Deutschen aus dem Gebiet Charkow aufgrund der Resolution der Fronträte und des Befehls des NKWD der UdSSR Nr. 010714 vom 20. März 1942. Sie alle wurden ins Gebiet Kustanai der Kasachischen SSR ausgesiedelt. Die NKWD-Abteilung für Sonderaussiedlungen berichtete, dass sie für diese Operation 205.000 Rubel erhalten hatte.³⁶

L. Kornijez, der damalige Leiter des Rates der Volkskommissare der UdSSR und gleichzeitig Mitglied des Militärrates der Südfront, berichtete am 24. Juni 1942 L. Beria persönlich, dass nach der Deportation im Herbst 1941 im Gebiet Woroschilowgrad 1.027 deutsche Familien bzw. 3.701 Menschen geblieben waren, und fragte nach dem Befehl zur Aussiedlung. Am nächsten Tag wies der Volkskommissar seine Untergeordneten ein, sich dringend mit dieser Frage zu beschäftigen, da die Lage an der Front immer schlechter wurde.³⁷ Bereits am 3. Juli 1942 kamen 2.748 Deutsche aus dem Gebiet Woroschilowgrad im Gebiet Kustanai an.³⁸ Dieses Mal schafften es die NKWD-Leute wieder nicht, ihren Plan wegen des Vormarsches der deutschen Truppen vollständig umzusetzen. Es sollte jedoch auch bemerkt werden, dass mehrere Tausend Volksdeutsche im Frühjahr und Sommer 1942 der Deportation entkommen konnten, denn die Besatzungsbehörden hatten sie aus den frontnahen Bezirken evakuiert.

Stürmische und tragische Ereignisse des Zweiten Weltkrieges führten zu bedeutenden Veränderungen in der ethno-demographischen Struktur der Bevölkerung der Ukraine. Das tragische Schicksal der Volksdeutschen in der Sowjetunion bestand in erster Linie in der Tatsache, dass sie für die Stalin-Regierung als „unzuverlässige Nation“ galten. Die Massendeportationen im Sommer und Herbst 1941 und im Frühjahr und Sommer 1942 waren der erste Schritt im gesamten Prozess, der zu fast vollständigem Verschwinden einer der zahlreichsten Volksminderheiten der Ukraine führte.

Эдуард Горонович.
Память. Холст, масло.
55x40.2001.

Виктор Гринимаер

Родился Гарри Винс в Ставропольском крае, в немецком селе Шенфельд. Дома в селе были большие, саманные, с камышовыми крышами. За каждым домом располагались сад, виноградник, огород. Летом и осенью снимали обильные урожаи. Запомнились огромные горы арбузов. Сразу за садами и огородами простиралась степь с высокой травой и всевозможной дичью.

Его родители были учителями. Когда отца в 1938 году забрали, семье – маме и двум сыновьям – пришлось переехать сначала в осетинское селение, а потом в город Моздок. В школе учиться пришлось с русскими, осетинами, армянами, черкесами, чеченцами и ребятишками других национальностей. Гарри, как и многие его одноклассники, плохо знал русский язык. Но учились всему друг от друга, и никому в голову не приходило, что дети чем-то, кроме домашнего языка, различаются. Дружили, не взирая на национальности.

22 июня 1941 года народ вдруг устремился на главную улицу города к репродукторам, из которых звучало важное сообщение. Так узнали о начале войны. Сразу стало плохо с продуктами, за хлебом – большие очереди. Появилось много беженцев из Украины и Белоруссии. Люди эти были при деньгах. Цены резко выросли, трудно стало сводить концы с концами.

В конце лета распространились слухи, что на Волге фашисты сбросили десант, и поволжские немцы якобы их укрыли и что среди них, мол, много диверсантов и тому подобное. Как ни странно, даже наши немцы этому бреду поверили. Позже стало известно, что была провокация: действительно десант был, но это были наши, переодетые в германскую форму. Местные немцы их задержали и сдали властям. Тем не менее, официальная версия не опровергалась, ее просто как бы позабыли. А наших всех поголовно стали выселять. Людям строго наказали, ничего с собой не брать, кроме одежды и продуктов, сколько смогут нести на

Т.Н. Плохотнюк

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сущность и содержание политики российского и советского государства по отношению к немецкому населению Северного Кавказа, как и в других регионах страны, определялись с учетом того, что оно было связано общим этническим происхождением с мощной европейской державой. Отсутствие основательных и глубоких знаний об этнических особенностях этой категории населения стало причиной зависимости правового положения российских немцев от развития и состояния отношений с Германией.

В годы Первой мировой войны антинемецкая кампания развивалась довольно медленно в масштабах всей страны, а чтобы развернуть ее на Северном Кавказе пришлось приложить немало усилий. В тот период местные власти не просто подтверждали, а упорно настаивали на том, что немецкое население не изменило своего лояльного отношения к российскому государству. И только после настоятельного требования-рекомендации из Центра губернатор и войсковые атаманы вынуждены были искать примеры подтверждения враждебности этнических немцев ко всему русскому, а не найдя таковых, заниматься откровенной подтасовкой фактов¹.

Новая антинемецкая акция 1941 г., обусловленная началом войны Германии против СССР, имела определенное сходство с кампанией периода Первой мировой и все же выявила свои особенности – прежде всего, это беспрецедентность масштабности репрессивного мероприятия и стремительность, с которой оно было организовано и проведено. Выми из представителей национальных меньшинств Северного Кавказа подверглись депортации.

T.N. Plochotnjuk

DIE DEPORTATION VON DEUTSCHEN DES NORDKAUKASUS

Das Wesen und der Inhalt der Politik des russischen und Sowjestaates in Bezug auf die deutsche Bevölkerung des Nordkaukasus und anderen Regionen des Landes wurde unter Berücksichtigung ihrer gemeinsamen ethnischen Abstammung mit dem mächtigen europäischen Staat bestimmt. Das Fehlen von fundierten Kenntnissen über ethnische Besonderheiten dieser Bevölkerungskategorie führte zur Abhängigkeit der Rechtsposition der Russlanddeutschen von der Entwicklung und dem aktuellen Stand der Beziehungen mit Deutschland.

Die antideutsche Kampagne entwickelte sich während des Ersten Weltkrieges im ganzen Land ziemlich langsam und es forderte recht viel Mühe zu deren Entfaltung im Nordkaukasus. Zu diesem Zeitpunkt bestanden die örtlichen Behörden darauf, dass sich das loyale Verhältnis der deutschen Bevölkerung zum russischen Staat nicht geändert hat. Und nur nach einer dringlichen Empfehlung des Zentrums, waren der Gouverneur und die Armeeobersten gezwungen, die Bestätigung der Feindseligkeit von ethnischen Deutschen gegen alles Russische zu suchen, und wenn sie keine fanden, die gefälschte Tatsachen vorzuspiegeln.¹

Die neue antideutsche Aktion im Jahre 1941, die durch den Anfang des Krieges Deutschlands gegen die UdSSR verursacht wurde, hatte eine gewisse Ähnlichkeit mit der Kampagne der Periode des Ersten Weltkrieges und doch zeigte sie ihre Besonderheiten – vor allem die Präzedenzlosigkeit der Großzügigkeit der Repressivmaßnahme und die Schnelligkeit, mit der sie organisiert und durchgeführt wurde. Nach einem knappen Vierteljahrhundert bestimmte der nächste Krieg mit Deutschland als extremer Faktor heftiger Verschlechterung der rechtlichen Stellung

Яков Вебер.
На волжских просторах.
Холст, масло. 69,5x124. 1935.

себе. Остальное, потребное для жизни имущество, мол, выдадут по прибытии на место назначения.

«В нашей «диверсионной группе», вспоминал Гарри Петрович, старшим был дедушка, ему стукнуло 82 года, ну а главой была, конечно, мама. Мне было 14, брату – 11, к тому же брат неизлечимо болел. Они с дедушкой нуждались в постельном режиме, но в битком набитом «телятнике» это было невозможно. Мы с мамой, как могли, облегчали их страдания. Повезли нас на Сталинград, чтобы там переехать Волгу по мосту и дальше следовать в Северный Казахстан. Вскоре на станциях, полустанках и вынужденных стоянках на разъездах из вагонов стали выносить и хоронить в степи умерших. Это были в основном маленькие дети и старики. Из продуктов нам только изредка выдавали хлеб, зато охрана наша была постоянно навеселе.

До Сталинграда мы так и не доехали. На станции Сарепта, где все немецкие дома уже были пустыми, нас выгрузили из наших душных вагонов и отправили к Волге грузиться на баржи, говорили, что мост разбомбили. В баржах было ещё невыносимее, сидели в них, как селёдки в бочке. Особенно тяжело стало, когда из устья Волги вышли в Каспий, на море начался шторм. Кроме морской болезни началась паника из-за пробоины в одной из барж. Прошел слух, что одна баржа уже затонула, и мы тоже тонем. Но шторм, наконец, стих, и вскоре стало известно, что в Гурьев, куда

направлялись баржи, нам почему-то не пробиться, и нас перегрузили на корабль по названию «Жданов». Это был горючевоз, но для нас он сгодился. По пути в Красноводск пришлось скормить рыбам очередных умерших. Из Красноводска долго везли в товарняке через Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь. В Омске мы лишились дедушки. Его вынесли из вагона, а поезд тронулся. Похоронили его где-то в братской могиле без гроба, а дома, в Моздоке, остался на чердаке приготовленный им заранее гроб. Дедушка себе изготовил при жизни два гроба, но в первом пришлось похоронить бабушку, которая не дожила до таких преклонных лет. Тогда он сделал второй, но и этот ему не достался.

Наконец нас доставили до места назначения в Северном Казахстане – на станцию Чистовскую. Отсюда через год меня в возрасте 15 лет мобилизовали в трудовую армию. Я попал в город Карпинск Свердловской области. Было среди нас много фронтовиков, воевавших до глубокой осени 41-го. Некоторые в очень высоких чинах. Так они говорили, что на фронте лучше, нет этих мучений, унижений, а если ранят или идешь на верную смерть, так хоть знаешь, за что!».

Впереди у Гарри были долгие годы невзгод в трудовой армии. Спецпоселение, унижения...

Отрывок из повести Виктора Грининаера «Память»

В отличие от немцев Поволжья, выселение которых проводилось в соответствии со специально принятым Указом Президиума Верховного Совета СССР², северокавказские немцы были выселены на основе постановлений Государственного комитета обороны № ГКО–636сс от 6 сентября 1941 г. «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и Ростовской области», № ГКО–698сс от 21 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» и № ГКО – 827сс от 22 октября 1941 г. «О переселении немцев из Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР». Они уточняли численность немецкого населения Северного Кавказа и последовательность включения административных территорий этого региона в акцию выселения. В соответствии с этими постановлениями предполагалось выселить с территории Ростовской области 21 400 человек, Краснодарского края – 34 287 человек, Орджоникидзевского края – 95 489 человек, Кабардино-Балкарской АССР – 5327 человек, Северо-Осетинской АССР – 2929 человек. Акцию выселения предполагалось осуществить в Ростовской области – с 10 по 15 сентября 1941 года, с территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Краснодарского и Орджоникидзевского краев – с 25 сентября по 10 октября 1941 г., а с территории Дагестанской АССР и Чечено-Ингушской АССР – с 22 октября по 10 ноября 1941 г.³

Несомненно, чтобы осуществить такую масштабную акцию, необходимо было тщательно спланировать все ее этапы, продумать порядок реализации каждого из них. Анализ документов убеждает в том, что даже несмотря на мобилизацию всех имеющихся сил и средств такие условия, как четкость и своевременность выполнения всех мероприятий, не были обеспечены. Не были соблюдены сроки выселения. Оно не было завершено в октябре-ноябре 1941 г. и продолжалось в январе

von ethnischen Deutschen deren Schicksal. Sie waren die ersten deportierten Vertreter der nationalen Minderheit des Nordkaukasus.

Im Gegensatz zu den Wolgadeutschen, deren Aussiedlung gemäß der speziell verabschiedeten Verordnung des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR erfolgte², wurden die nordkaukasischen Deutschen aufgrund von Bestimmungen des Staatlichen Verteidigungskomitees: Nr.GKO-636ss vom 6. September 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus der Stadt Moskau, aus den Gebieten Moskau und Rostow“, Nr. GKO-698ss vom 21. September 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse, aus dem Gebiet Tula, aus den Kabardino-Balkarischen und Nordossetischen ASSR“ und Nr.GKO-827ss vom 22. Oktober 1941 „Über die Umsiedlung von Deutschen aus der Dagestanischen ASSR und Tschetscheno-Inguschischer ASSR“ ausgesiedelt. Sie präzisierten die Zahl der deutschen Bevölkerung des Nordkaukasus und die Reihenfolge der Eintragung von Verwaltungsterritorien dieser Region in die Aussiedlungsaktion. Gemäß diesen Bestimmungen war es beabsichtigt, aus dem Territorium des Rostow 21.400 Menschen, aus der Region Krasnodar 34.287 Menschen, aus der Region Ordschonikidse 95.489 Menschen, aus der Kabardino-Balkarischen ASSR 5.327 Menschen und aus der Nordossetischen ASSR 2.929 Menschen auszusiedeln. Die Aussiedlungsaktionen waren folgenderweise geplant: im Gebiet Rostow vom 10. bis 15. September 1941, aus dem Territorium der Kabardino-Balkarischen ASSR, aus dem Nordossetischen ASSR, aus den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse vom 25. September bis 10. Oktober 1941, und aus dem Territorium der Dagestanischen ASSR und Tschetscheno-Inguschischer ASSR vom 22. Oktober bis 10. November 1941.³

Um eine so großzügige Aktion durchzuführen, musste man offensichtlich alle Etappen gründlich planen und deren Realisierung durchdenken. Die Analyse von Dokumenten überzeugt, dass trotz Mobilisierung aller vorhandenen Kräfte und Mittel solche Bedingungen wie Genauigkeit und Rechtzeitigkeit aller Massnahmen nicht gesichert wurden. Die Aussiedlungsfristen wurden nicht eingehalten. Sie wurde von Oktober bis November 1941 nicht beendet und dauerte noch bis

Валентина Шнайдер

« Репрессии

Я судьбою не избалована,
Было всё: и печали, и радости,
И в косую линейку линованы
Родословной веточки сладости.

Где линейкой, а где-то клеткою
За отцовской фуфайкой зэковской,
Ни за что судьбоносной отметкою
Репрессированной, совдеповской.

Виражами судьбы или времени
После марта пятьдесят третьего,
Ни ползком, а галопом в стремени
Снова малая Родина встретила.

Опалила теплом полуденным,
Оживила нектаром сладостным.
И в кубанской ночи
Полной грудью мы
Усыпили обиду на радостях.

От того на пороге осени
Замутненной памятью стелятся
За колючим забором сосенным
Полутёмных барачников поленницы.

Валентина Шнайдер
с внуком

Валентина Андреевна Хохрякова–Шнайдер родилась в 1941 году на Кубани, откуда вместе с родителями депортирована в Семипалатинскую область. Проживает в Тобольске. Член городского поэтического объединения «Слово», дипломант городских, областных поэтических фестивалей.

1942 г., что еще больше ухудшало ситуацию, в которой оказались переселяемые⁴.

Несмотря на сжатые сроки организации и проведения этого мероприятия, организаторы не забыли о таком значимом моменте, как придание ему легитимного характера. То, как выполнялась эта процедура, является подтверждением существования общего «сценария». В соответствии с ним, как и в рамках кампании в годы Первой мировой войны, следовало подтвердить проявление нелояльности к государству со стороны немцев. На этот раз таковая должна была проявляться в контрреволюционной деятельности и пособничестве фашизму. Всего за один день до выхода постановления ГКО о выселении немцев 20 сентября 1941 г. секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М.А. Сулову была представлена докладная записка «О немецком населении Орджоникидзевского края», подписанная начальником территориального управления НКВД. В этой записке представлен краткий обзор завершённых следственных дел 1930-х – начала 1940-х гг., фигурантами которых были немцы и меннониты⁵.

Знакомство как с содержанием самой записки, так и протоколами допросов убеждает в том, что уже к середине 1930-х гг. НКВД имел солидный опыт в области «технологий обработки». Так как предполагалось, что враги советского режима были многочисленны, существовала модель фальсифицирования обвинения группы, а не индивида. В соответствии с ней, чтобы выстроить обвинение, при допросе от арестованного добивались максимально полной информации о круге его общения. Таким образом, составляли картину о его окружении – о родственниках, друзьях⁶. Так как немцы и меннониты чаще всего тесно общались предпочтительно с братьями по вере, таким образом фальсифицировалась информация о различных группах «вредителей» вроде «тракененской» или при концессии ДРУЗАГ⁷.

zum Januar 1942 an, was die Situation, in die die Umsiedler gerieten, noch weiter verschlechterte.⁴

Trotz der zeitlich begrenzten Fristen der Organisation und Durchführung dieser Massnahme vergassen die Organisatoren nicht, ihr einen legitimierten Charakter zu geben. Die Erfüllung dieses Verfahrens bestätigt das Vorhandensein eines allgemeinen „Szenarios“. Demgemäß musste man die Ausprägung der Illoyalität seitens der Deutschen gegen den Staat bestätigen, wie es auch der Fall im Rahmen der Kampagne des Ersten Weltkrieges war. Diesmal musste es sich in der konterrevolutionären Tätigkeit und Begünstigung des Faschismus zeigen. Erst einen Tag vor dem Erscheinen der Bestimmung des Staatlichen Verteidigungskomitees über die Umsiedlung von Deutschen, am 20. September 1941, wurde dem Sekretär des Regionskomitees Ordschonikidse der Kommunistischen Partei der Sowjetunion M.A. Suslow die Denkschrift „Über die deutsche Bevölkerung der Region Ordschonikidse“ vorgelegt, die durch den Leiter der Territorialverwaltung des NKWD unterzeichnet wurde. Diese Denkschrift enthielt eine kurze Übersicht von abgeschlossenen Untersuchungsakten in den 1930er und Anfang der 1940er Jahren, wo die Betroffenen Deutsche und Mennoniten waren.⁵

Die Bekanntschaft mit dem Inhalt der Denkschrift sowie mit den Verhörprotokollen überzeugt davon, dass der NKWD schon zur Mitte der 1930er Jahre eine solide Erfahrung im Bereich der „Bearbeitungstechnologie“ hatte. Da es vermutet wurde, dass die Feinde des sowjetischen Regimes zahlreich waren, gab es ein Modell der Verfälschung der Beschuldigung einer Gruppe und nicht eines einzelnen Menschen. Demgemäß wurde einem Verhafteten maximal die volle Information über seinen Verkehrskreis abgezwungen, um die Beschuldigung auszubauen. Somit stellte man das Bild über seine Umgebung – über Verwandten und Freunde –zusammen.⁶ Da die Deutschen und Mennoniten sogar unter nordkaukasischen Bedingungen meistens mit Glaubensbrüdern verkehrten, wurde die Information über verschiedene „Schädlinggruppen“ wie etwa die „Trakehnen-Gruppe“ oder die Gruppe bei der Deutsch-Russischen Saatbau-Aktiengesellschaft falsifiziert.

Роман Богер

Роман Богер (справа)
в трудармии

Фрейфельд, 1941 год, 25 сентября. Утром сообщение по телефону в сельсовет. В суточный срок всему немецкому населению собрать нужные вещи, продукты на 3–5 дней. Откуда-то появилась вооруженная милиция на лошадях, которая разъехалась по всему селу. На другой день рано утром, с других деревень прибыли подводы, брички, повозки, арбы. Их распределили по дворам, быстро погрузили вещи. Детей и стариков посадили на подводы, остальные пошли пешком в сопровождении охраны. Шли целый день, прошли 60 км, ночью прибыли на станцию Куцевская, где нас уже ждали составы с телячьими вагонами. Тут же началась погрузка.

Мы заняли нижние полки слева, так наша семья была большой, а Толя был еще маленьким. Нары были двухъярусные. Печки у нас не было, в некоторых вагонах были еще железные печки. Погрузка продолжалась до следующего дня. В Ростов мы прибыли к обеду. Из вагонов никого не выпускали, двери были полуоткрытыми. В Ростове прицепили несколько вагонов. Простояли там примерно четыре часа. Ехали из Ростова тихо. Слышны были взрывы. Наши эшелоны были последними, после нас немцы взорвали мост через Дон.

Ехали под охраной, которая открывала и закрывала ворота вагонов. Ехали целый месяц. За это время было много приключений. Первое – туалет. На остановках люди бегали в разные стороны, под вагоны, за вагоны и т.д. Туалетом в вагоне служило ведро. Вонь стояла! Были случаи, что умирали люди, хоронили на неизвестных разъездах, станциях, в тряпки завернутые, немного закрытые трупы оставляли рядом с железной дорогой. Кормили один раз в день. По одному из членов семьи собирались в группы и под конвоем шли на станцию за баландой в ведро и хлебом в сумку. Воду тоже давали, но не на всех станциях, потому что не везде была горячая вода.

Так и доехали до Юрги. Прибыли 25 октября. Выгрузились по команде. Вагоны ушли, люди остались. Уже выпал снег. Не каждый, да почти никто не имел теплых вещей, обогреться было негде. Мужики собирали дрова, развели костры. В этот же день подали подводы и нас стали развозить по деревням.

Из воспоминаний Романа Богера. Роману Матвеевичу уже за 90. В настоящий момент он проживает в Германии.

Арестованных обвиняли в создании контрреволюционной организации. В «сценарии», разрабатываемом НКВД, должно было быть действующее лицо, которое бы уровнем образования, опытом и авторитетом обеспечило обвинению необходимую масштабность. Таким лицом чаще всего выступал тот или иной религиозный деятель, например, весьма авторитетный представитель меннонитской конгрегации Яков Ремпель⁸, лютеранские пасторы Фрицлер (к. Каррас Мин-Водского района), Юргенс, Геросянц (г. Мин-Воды), Янц (к. Либенталь Спицевского района), проповедник адвентистов 7-го дня Эбельмайер и другие⁹. Им были предъявлены обвинения в антисоветской националистической пропаганде и вербовке агентов для германских спецслужб только лишь на основании их частых разъездов по немецким поселениям¹⁰.

В записке сообщалось, что по данным оперативного учета к сентябрю 1941 г. в крае «разрабатывается резко враждебно настроенных к СССР 1065 немцев»¹¹. При этом в документе не было упоминания ни одного факта свершившейся диверсии, а только лишь содержалась информация о готовившихся актах, полученная во время допросов арестованных немцев и меннонитов. И тем не менее был сделан вывод о том, что «в связи с военной обстановкой возрастает опасность... что вражеские элементы из числа немцев особенно много вреда могут принести в городах Кавмингруппы, где... сосредоточено большое количество госпиталей, а Мин-Воды имеют большое значение как крупный железнодорожный узел, ...аэропорт и аэродромы», а потому «в целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения в особенности в наиболее уязвимых местах (районы Кавмингруппы, Невинномысска, Георгиевска и др.) и нанесения ущерба государству в этот напряженный период Отечественной войны возникает необходимость разрешения вопроса о возможности переселения немецкого населения из

Die Verhafteten wurden der Gründung einer konterrevolutionären Organisation beschuldigt. Im durch den NKWD auszuarbeitenden „Szenario“ musste eine handelnde Person sein, die durch ihr Bildungsniveau, ihre Erfahrung und Autorität der Beschuldigung eine erforderliche Großzügigkeit sichern konnte. An eine solche Stelle traten am häufigsten Religionsmänner, wie zum Beispiel ein angesehener Vertreter der Mennonitskongregation Jakow Rempel⁸, die lutherischen Propste Frizler (Kol. Karras, Rayon Min-Wody), Jurgens, Gerosjanz (Stadt Min-Wody), Janz (Kol. Liebental, Rayon Spizewka), die Prediger der Siebenten-Tags-Adventisten Ebelmeier und andere.⁹ Sie wurden der antisowjetischen nationalistischen Propaganda und der Werbung von Agenten für deutsche Geheimdienste nur aufgrund ihrer häufigen Reisen in deutsche Siedlungen beschuldigt.¹⁰

Im Bericht teilte man mit, dass „1.065 der die UdSSR feindselig handelnden Deutschen“ nach Angaben der operativen Erfassung zum September 1941 in der Region „bearbeitet werden“.¹¹ Dabei enthielt das Dokument keine Tatsache der begangenen Sabotage, nur die Information über vorbereitete Akte, die während der Verhöre von verhafteten Deutschen und Mennoniten erhalten wurde. Dennoch kam man zum Schluss, dass „aufgrund der Kriegslage die Gefahr ... wächst, dass die Feindeselemente aus der Zahl der Deutschen besonders viel Schaden in den Städten der Kawmingruppe zufügen können, wo ... eine große Anzahl von Lazaretten konzentriert sind, und Min-Wody eine große Bedeutung als großer Eisenbahnknotenpunkt, ... Flughafen und Flugplätze hat“, und deshalb „ist es nötig, zwecks der Vorbeugung der Wühlätigkeit des konterrevolutionären Elementes aus der Zahl der deutschen Bevölkerung besonders in anfälligsten Plätzen (Rayons der Kawmingruppe, Newinnomyssk, Georgijewsk u.a.) und der Beeinträchtigung des Staates in diesem gespannten Zeitraum des Vaterländischen Krieges die Frage über die mögliche Umsiedlung der deutschen Bevölkerung aus den obengenannten Rayons in andere Orte der Region oder außerhalb der Region zu lösen“.¹² Somit lässt der Inhalt des Berichts keinen Zweifel darüber, dass ihre Zweckbestimmung war, der Deportation ei-

Елизавета Бургарт

«Приказ о выселении стал для нас громом посреди ясного дня. Нам дали несколько дней на сборы и разрешили взять с собой лишь немного вещей. Люди в суматохе бросились собирать в дорогу самое необходимое: одежду, продукты. Всё происходило как в страшном сне. В день отправки мы спешно погрузили вещи на повозку, собрали детей (их у нас было четверо), с нами ехал и престарелый отец мужа. Отправились на станцию. Позади была печальная картина: брошенные дома, скотина во дворах, собаки бежали вслед за нами и выли, люди плакали. Невыносимо было видеть всё это. Мы проехали уже приличный участок пути, как вдруг обнаружили, что нет нашей маленькой Розы, ей лишь несколько дней назад исполнилось шесть. Муж в тревоге побежал назад в село искать ребёнка. Когда он добежал до дома, то увидел, что дочка мирно спит под деревом во дворе. В суматохе мы забыли о ней. Он схватил Розу, быстро бросился догонять нас. Слава Богу, теперь мы были все вместе.

P.S. Когда бабушка и позже мама пересказывали мне эту историю, то часто говорили, что если бы тогда не спохватились вовремя, кто знает, как бы сложилась судьба мамы».

По воспоминаниям Елизаветы Бургарт (1897–1986), с. Ново-Николаевка Усть-Лабинского района Краснодарского края, выселенной в сентябре 1941 г. в Восточный Казахстан. Записала Людмила Бургарт.

На фоне храма жители немецкой католической колонии Ново-Николаевка Усть-Лабинского района Краснодарского края накануне войны (конец 30-х гг.). Слева с белокурой девочкой на руках – бабушка Людмила Бургарт Елизавета Адамовна Бургарт (Бинзак) (1897 г.р.) с мамой Людмилы Розой Иосифовной Бургарт (1935 г.р.). Первый в пятом ряду справа в кепке и с усами дед – Иосиф Антонович Бургарт (1894 г.р., был в трудармии в Кировской обл., «сактирован» в 1944 г., сел в поезд, но до дома не доехал, очевидно, умер в пути от истощения). Семья была выселена в Восточно-Казахстанскую область, Большенарымский район, село Солдатово, затем находилась на спецпоселении в селе Малонарымка, Большенарымского района ВКО.

указанных выше районов в другие места края или за его пределы»¹². Таким образом, содержание записки не оставляет сомнений в том, что ее назначением было придание депортации характера вынужденной меры и подтверждение легитимности этой акции.

Часть документов, детализирующих порядок интернирования, изначально носил общегосударственный характер. Так, например, инструкция о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников по специальному решению, утвержденная СНК СССР за № 2016-915сс от 30 августа 1941 г. без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР¹³. А вот инструкция по проведению переселения должна была носить региональный характер. Этот документ, на основании которого предполагалось осуществить само выселение, следовало составлять с учетом особенностей каждого региона. Но опять все было обусловлено фактором времени. Из-за его нехватки инструкция по проведению переселения была разработана только для Ростовской области, а депортация немцев из других административно-территориальных образований на Северном Кавказе осуществлялась на ее основе¹⁴.

Для проведения подготовительных мероприятий выселения комплектовались областные и краевые оперативные тройки, утверждаемые приказом НКВД СССР. В их составе были начальник местного отделения НКВД, начальник милиции и секретарь комитета партии. В их обязанности входило комплектование участковых оперативных троек, составление графиков подачи вагонов, организация приема и посадки переселенцев.

Для составления списков подлежащих переселению участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую семью, подлежащую выселению, с перечислением всех членов семьи. Семьи, где глава (муж) не являлся немцем, а жена была немкой, не выселя-

ли, так как они обладали легитимным характером. Им было дано право давать и подтверждать легитимность этой акции.

Ein Teil von Dokumenten, die das Verfahren der Internierung detaillierten, hatte von Anfang an einen gesamtstaatlichen Charakter. So, zum Beispiel, die Vorschrift über das Verfahren der Vermögensübernahme von umzusiedelnden Kolchosen und Kolchosbauern gemäß dem speziellen Beschluss, der durch den Rat der Volkskommissare der UdSSR unter Nr. 2016-915сс vom 30. August 1941 bestätigt wurde, galt ohne zusätzliche Präzisierungen auf dem ganzen Territorium der UdSSR.¹³ Die Vorschrift zur Durchführung der Umsiedlung musste jedoch einen regionalen Charakter haben. Dieses Dokument, das als Grundlage für die Durchführung der Aussiedlung beabsichtigt wurde, musste unter Berücksichtigung von Besonderheiten jeder Region angefertigt werden. Aber alles war mit dem Faktor Zeit bedingt. Wegen des Zeitmangels wurde die Vorschrift zur Durchführung der Umsiedlung nur für das Gebiet Rostow ausgearbeitet, und die Deportation von Deutschen aus anderen territorialen Verwaltungseinheiten im Nordkaukasus wurde auf deren Grundlage durchgeführt.¹⁴

Zur Durchführung von Vorbereitungsmaßnahmen der Aussiedlung wurden operative Rayons- und Regionaldreiergruppen komplettiert, die durch den Befehl des NKWD der UdSSR bestätigt wurden. Diese Gruppen bestanden aus dem Lokalabteilungsleiter des NKWD, dem Milizchef und dem Sekretär des Parteikomitees. Ihre Pflichten waren die Auffüllung von operativen Bereichsdreiergruppen und die Erstellung des Zeitplans der Bereitstellung von Wagen, Organisation der Aufnahme und der Beladung von Umsiedlern.

Die operativen Bereichsgruppen fuhren in Kolchosen, Siedlungen und Städte hinaus, um die Listen der Umzusiedelnden zusammenzustellen, und füllten Karteikarten für jede auszusiedelnde Familie mit der Aufzählung von allen Familienangehörigen aus. Die Familien, wo der Familienvorstand (Ehemann) kein Deutscher und die Ehefrau eine Deutsche war, wurden nicht ausgesiedelt. Im Falle der zeitlichen Abwesenheit von einzelnen Familienangehörigen wurden sie von den NKWD-Organen zwecks der nachfolgenden Einweisung zum neuen

В конце XIX века на Северном Кавказе возникло несколько немецких дочерних колоний. Основаны они были переселенцами из материнских колоний Причерноморья, Бессарабии и Поволжья. Так была основана и католическая колония Ново-Николаевка. Поселение располагалось в устье реки Лабы по течению Кубани и находилось, примерно, в 90 км к северо-востоку от Краснодара и 85 км к западу от Армавира. Ново-Николаевка входила в состав Пятигорского деканата Тираспольской епархии. Несмотря на трудности первых переселенческих лет, колонии удалось окрепнуть. К началу 20-х гг. XX в. у колонистов была развитая система хозяйствования. В колонии были широкие мощённые улицы, школа и построенная из красного кирпича церковь. Число жителей в 1926 году составляло 1061 человек, кроме немцев в колонии проживала незначительное число русских и украинцев. Когда начались массовые гонения церкви и верующих, храм в Ново-Николаевке был закрыт, имущество и ценности экспропрированы, в самом здании разместился сельский клуб. Оставшиеся в храме предметы были, очевидно, складированы на чердаке. В конце сентября 1941 года всех жителей Ново-Николаевки немецкой национальности депортировали в Восточный Казахстан. После депортации немцев один из жителей села, русский по национальности, нашёл на бывшем церковном дворе статуэтку Девы Марии и сохранил её у себя. В 60-е гг. представители одной немецкой семьи поехали в Ново-Николаевку, чтобы посмотреть, можно ли вернуться в это село и что стало с их домом. На родине

Людмила Бургарт,
прихожанка прихода Пресвятой девы Марии Святого Розария г. Усть-Каменогорска

их встретил русский односельчанин, рассказал о том, что нашёл статуэтку Богородицы, посчитал за грех оставить её на земле и сохранил у себя. Он передал статуэтку немцам-католикам. Само село в 70-е гг. было объявлено неперспективным, пришло в запустение, здание храма стало использоваться в качестве склада химикатов...

Статуэтка Девы Марии проделала долгий путь от Ново-Николаевки до села Малонарымка Большенарымского района Восточно-Казахстанской области и на последнем участке этого пути – от районного центра до Малонарымки, в тесном автобусе статуэтку, к сожалению, повредили: лицо оказалось разбитым. Местные мастера Иван Фрайбергер и Владимир Мицих осторожно восстановили скульптуру, но на лице по-прежнему остались слегка заметные шрамы.

С тех пор статуэтка хранится в семье Амалии Мицих (Легостаевой). В 60-е – 80-е гг. в селе Малонарымка верующие немцы-католики, преимущественно женщины старших возрастов (семьи Мицих, Гринвальд, Бургарт, Мильденбергер, Бусс, Фрайбергер, Гетте, Клостер и др.), собирались в тайную молитвенную группу: читали Святое Писание, пели религиозные песни и молились розарий, часто посреди их тесного молитвенного круга была эта маленькая статуэтка Матери Божьей. Казалось, Пресвятая Мать пережила со своими детьми все: жестокие репрессии, разрушение церкви, войну, депортацию, спецпоселение, существование в подполье. Их боли и страдания ложились шрамом на сердце Матери, которая никогда и нигде не оставляла своих детей.

лись. В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи¹⁵. При составлении учетной карточки главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи. В случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств, он будет наказан в уголовном порядке, а остальные члены семьи репрессированы¹⁶.

Располагая данными о количестве переселяемых, участковые оперативные тройки составляли план проведения операции. Оперативные тройки должны были составить графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава. В реальности это означало, что следовало предусмотреть резерв переселенцев, подлежащих перевозке. Таким образом, депортируемых заранее доставляли в район железнодорожных станций в Невинномысск, Мин-Воды, Ставрополь, и они проводили здесь по несколько дней перед отправкой¹⁷. Вполне уместно напомнить, что выселение проходило осенью, когда наблюдаются резкие перепады дневной и ночной температуры. Для ожидавших подачи состава немцев не было организовано горячее питание и невыделены помещения для ночлега.

В соответствии с инструкцией начальники оперативных участков должны были оповестить переселяемых о необходимости отправки и разъяснить им порядок переселения за несколько дней до выселения. Но, как правило, сроки, отводимые на подготовительные мероприятия, ограничивались несколькими днями, поэтому при составлении учетных карточек переселяемые получали первые инструкции. Им разрешалось брать с собой посуду, постельные принадлежности, одежду, деньги, запас продовольствия на один месяц¹⁸.

Помимо участковых оперативных троек НКВД, создавались комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев. В помощь им в каждом

Wohnort der Familie in den Nachweis aufgenommen.¹⁵ Bei der Zusammenstellung einer Karteikarte wurde dem Familienvorstand mitgeteilt, dass er für alle umzusiedelnden Mitglieder seiner Familie verantwortlich ist. Im Falle des Übergangs von einzelnen Familienangehörigen auf Illegalität wird er auf dem strafrechtlichen Wege bestraft und die anderen Familienangehörigen werden repressiert.¹⁶

Wenn die operativen Bereichsdreiergruppen die Angaben über die Zahl der Umzusiedelnden hatten, erstellten sie den Operationsplan. Operative Dreiergruppen mussten die Zeitpläne der Bereitstellung von Wagen so erstellen, dass ein Stillstand des rollenden Materials auszuschließen war. In Wirklichkeit bedeutete es, dass eine Reserve von zu transportierenden Umsiedlern vorgesehen werden musste. Auf solche Weise wurden die Deportierten frühzeitig im Bereich der Bahnhöfe in Newinnomyssk, Min-Wody, Stawropol gebracht, wo sie einige Tage vor der Abfahrt verbrachten.¹⁷ In diesem Zusammenhang sei daran erinnert, dass die Umsiedlung im Herbst bei krassen Unterschieden der Tages- und Nachttemperatur stattfand. Für die auf die Bereitstellung des Zuges wartenden Deutschen war keine warme Kost organisiert und keine Räume zur Übernachtung bereitgestellt.

Entsprechend der Vorschrift mussten die Leiter der operativen Bereiche die Umsiedler von der Notwendigkeit der Abfahrt benachrichtigen und das Umsiedlungsverfahren einige Tage vor Aussiedlung erklären. Jedoch waren die Fristen für die Vorbereitungsmaßnahmen in der Regel auf einige Tagen beschränkt und so erhielten die Umsiedler bei der Zusammenstellung von Karteikarten die ersten Anweisungen. Sie durften Geschirr, Bettzeug, Kleidung, Geld, Speisevorrat für einen Monat mitnehmen.

Außer der operativen Dreiergruppen des NKWD wurden die Kommissionen zur Übernahme des Vermögens von umzusiedelnden Kolchosen und zur Bewertung des persönlichen Vermögens von Deutschen gebildet. Zur Hilfe der lokalen Kommissionen waren in jedem Rayon nicht weniger als 50 Zählerarbeiter in Form der Arbeitspflicht gegen entsprechende Bezahlung mobilisiert. Man bildete Gruppen von Arbeitern aus sowjetischen Partei- und dem Komsomolaktiv zur Hilfe

Я, Кристина Ивановна Бишель, родилась 18 августа 1927 года в селе Марьино Успенского района Краснодарского края, в семье служащего. Мой отец, Иван Иванович Бишель, работал бухгалтером, мама, Анна Андреевна, была домохозяйкой, воспитывала пятерых детей. Дом у нас был большой, рядом – фруктовый сад. Жили мы на берегу реки Кубань, затем переехали к бабушке, в станицу Покровская. В 1934 году я пошла в школу, а еще через 7 лет началась война. Старший брат Ваня был в это время в армии. Отца и всех мужчин-немцев мобилизовали в трудовую армию, а мы – мама, бабушка и еще трое детей, все младше меня, остались в станице. Было голодно и страшно, возле домов рыли окопы для укрытий. Почти каждый день прибывали беженцы, их расселяли по домам. А потом наступил страшное время, когда после Указа Сталина И.В. всех нас, немцев, решено было выслать. Куда – этого никто не знал. На сборы дали 24 часа, с собой можно было взять смену белья и питания на три дня. Погрузили нас в телячьи вагоны, в которых не было даже нар, так сидя и ехали. Доехали до ст. Куцевская, и здесь нас настигла беда – немецкие бомбардировщики принялись бомбить наш поезд. Кто смог – бросился бежать в лес, и наши сопровождающие – военные – тоже, но разрывы бомб настигали людей повсюду. Наконец все затихло. Конвоиры собрали оставшихся людей, приказали сесть в уцелевшие вагоны. Откуда-то подогнали другой паровоз, и нас повезли в обратную сторону – в Сталинград. А еще через три дня нас привезли в Казахстан, на станцию Щербакты. Выгрузили в страшный мороз и окочневших, голодных повезли по деревням.

Попали мы (вся семья) в деревню Александровка. Встретил нас председатель сельсовета Сологуб В.И. и взял к себе домой. У него было двое детей, и уже была назначена свадьба дочери, но он отложил свадьбу. Он вообще был очень добрым человеком. Никогда не садился за стол без нас. Он старался дать нам какие-нибудь вещи, ведь мы были почти раздетыми. И люди в деревне относились к нам по-доброму.

Но беда вновь подстерегала нас – от кори умерли младшие братишка и сестренка. Остались мы вчетвером. Узнали том, что старший брат Ваня из армии был отозван и мобилизован в Копейск, в трудовую армию. Отец в это время находился в трудармии в Свердловске. Известий от него не было. Впоследствии мы узнали, что он тяжело заболел там и умер. Об этом рассказал после войны муж маминной сестры. Умер отец в больнице. Умирали тогда многие трудармейцы. Их складывали за сарай, а когда трупов накапливалось много, их сбрасывали в заранее подготовленную яму и бульдозером засыпали.

Вскоре после нашего приезда в Казахстан мобилизовали в трудовую армию и брата Давыда, 1926 года рождения, а следом и маму. Узнав о том, что предыдущий эшелон с мобилизованными еще не ушел, мама упростила военкома отправить ее вместе с сыном. Так они попали в Бутуруслан. Остались мы с бабушкой вдвоем. Но в августе 1942 года, как только мне исполнилось 15 лет, пришла повестка и мне. На станцию меня провожала бабушка. Из всей нашей большой семьи оставалась она одна.

Из воспоминаний Кристины Ивановны Бишель

Кристина Бишель

районе мобилизовали в порядке трудовой повинности за соответствующую оплату не менее 50 счетных работников. Для усиления охраны имущества колхозов на время проведения операции в помощь оперативным группам создавали группы работников из партийно-советского и комсомольского актива. К проведению операции привлекли колхозников из русских колхозов¹⁹.

Несмотря на ликвидацию колхозов (в действительности выселение было равнозначно ликвидации), государство предполагало получить все обязательные поставки от данных хозяйств²⁰.

При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3 % из оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом выработанных трудодней²¹. На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живого веса. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот²². На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчикам обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам. Оценка личного имущества переселяемых немцев должна была производиться оценочной комиссией в составе уполномоченного НКЗ СССР, председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие получали в подтверждение этого акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку²³.

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие – всего весом до одной тонны на семью²⁴.

der operativen Gruppen, um den Schutz von Kolchosen während der Operationsdurchführung zu verstärken. Zur Operationsdurchführung wurden Kolchosbauern aus russischen Kolchosen herangezogen.¹⁹

Trotz der Liquidierung von Kolchosen (die Aussiedlung hieß Liquidierung) hatte der Staat vor, alle verbindlichen Lieferungen von diesen Wirtschaften zu erhalten.²⁰

Dabei wurde den umzusiedelnden Kolchosbauern versprochen, in neuen Siedlungsorten 3 Prozent von der nach Erfüllung der Verbindlichkeiten gebliebenen landwirtschaftlichen Produktion unter Berücksichtigung der durchgearbeiteten Arbeitseinheiten auszugeben.²¹ Über die Erfüllung von ihren Verbindlichkeiten gegenüber dem Staat hinaus wurde für das vom Kolchos übernommenen Vieh ein Protokoll in drei Exemplaren mit Angabe der Viehanzahl und dessen Lebendgewichts ausgefertigt. Gegen Vorlage der Protokolle an Einsiedlungsorten konnten die umzusiedelnden Kolchosen angeblich das Vieh erhalten.²² Für jeden von individuellen Abgebenden übernommenen Kopf des Arbeitsviehs wurde eine Quittung ausgestellt und die Bezahlung geleistet. Gegen Vorlage der Quittung am neuen Ort wurde den abgebenden Kolchosbauern der Erwerb des Arbeitsviehs zu gleichwertigen Preisen versprochen. Die Bewertung des persönlichen Vermögens von Umsiedlern musste durch den Bewertungsausschuss bestehend aus einem Bevollmächtigten des Volkskommissariats der Erfassungen der UdSSR, einem Vorsitzenden des Kolchos und einem Bankvertreter unter Teilnahme des umzusiedelnden Kolchosbauers ausgeführt werden. Die Kolchosbauern, die das persönliche Vermögen abgegeben hatten, erhielten als Bestätigung eine Akte mit der Angabe der Summe. Diese Summe musste am Ort der neuen Siedlung durch Bauten oder Materialien für Bauten entschädigt werden.²³

Die umzusiedelnden Deutschen konnten ihr persönliches Vermögen, ein kleines Landwirtschafts- und Haushaltsinventar sowie Lebensmittel mitnehmen – insgesamt bis zu einer Tonne pro Familie. Laut Aussagen von deutschen Bewohnern der Kolonien Kanowo, Karlsfeld (Einzelgehöft Selenaja Roschtscha), Kolchosa Leninfeld, Rote-Fahne, Rot-front (Dorf Kotschubeewskoje), Stadt Stawropol trug das Abnahmeprotokoll

Одиллия и Иван Симон

29 сентября 1941 года всем семьям немецкой национальности в течение часа было приказано прибыть на вокзал. За такое короткое время родители смогли собрать детей и выпустить на улицу скотину. С собой разрешили взять сменное бельё и узелок с продуктами, якобы мы через неделю–две вернемся, но оказалось, что нас отправили в чужие края навсегда. На вокзале, переписав всех поименно, энкэвэдешники отобрали документы, растолкали всех по вагонам и повезли из Нальчика в Павлодарский край Казахской ССР.

В Казахстане нас никто не ждал, и жильё для нас специально не готовили. Вначале мы жили в землянках, потом нас, истощенных от голода, стали поселять в казахские семьи. Вскоре умер отец. После его смерти бесследно пропала мама. Мы, трое детей, полностью осиротели, просили милостыню в ауле. Кто даст кусочек хлеба, а кто 2–3 ложки каши».

«Когда пришло время получать паспорта, – говорит Иван Иванович, то из архива Нальчика пришёл ответ: "Все архивные документы во время войны сгорели". Пришлось заполнять паспорта по карточкам депортации, в которых напротив каждого члена семьи записан только год рождения».

Из воспоминаний Одиллии Ивановны (1940 г.р.) и Ивана Ивановича (1932 г.р.) Симон. Сегодня супруги Симон проживают в Кушве Свердловской области.

По свидетельству немцев – жителей колоний Каново, Карлсфельд (х. Зеленая Роща), колхозов Ленинфельд, Роте-фане, Рот-фронт (с. Кочубеевское), г. Ставрополя – акт приемки личного имущества носил формальный характер²⁵. Выполнение его часто откладывалось по организационным причинам. Так, например, в Ипатовском районе Орджоникидзевского края 27 сентября 1941 г. немцам объявили о том, что выселение состоится 7 октября. Но до 2 октября приемка колхозного и личного имущества в районе не велась. Затем она была осуществлена ускоренными темпами в течение пяти оставшихся до отправки дней со значительными нарушениями²⁶. Выселение лишило немцев обустроенных мест жительства, имущества, нанесло большой моральный ущерб.

Сведения о числе переселяемых немцев то и дело уточнялись и пополнялись. Материалы Отдела спецпоселений НКВД СССР дают разноречивые сведения. Сравним данные трех таблиц 1–3, отражающих ход проведения операции по выселению немцев Северного Кавказа.

Таблица 1

Итоги проведения операции по выселению немцев Северного Кавказа на 28 октября 1941 г.²⁷

Области выселения	Подлежит выселению	Сроки завершения операции
Ростовская область	38 288 чел.	18 сентября 1941г.
Краснодарский край	40 636 чел.	К 15 октября выселено 38 136 чел.
Орджоникидзевский край	95 489 чел.	К 15 октября выселено 74 570 чел.
КБ АССР	5327 чел.	5 октября 1941г.
СО АССР	2415 чел.	4 октября 1941г.
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	Сведения не были поданы	

des persönlichen Vermögens einen formalen Charakter.²⁵ Dessen Erfüllung wurde oft wegen der Organisationsursachen verschoben. So, zum Beispiel, im Rayon Ipatowo der Region Ordschonikidse sagte man am 27. September 1941 den Deutschen, dass die Aussiedlung am 7. Oktober stattfindet. Jedoch wurde keine Übernahme des Kolchos- und Personalvermögens bis zum 2. Oktober in der Region durchgeführt. Dann wurde sie in beschleunigtem Tempo im Laufe von fünf Tagen, die bis zur Abfahrt blieben, mit beachtlichen Verletzungen erfüllt.²⁶ Die Aussiedlung entzog den Deutschen die eingewöhnten Wohnsitze, das Vermögen und fügte moralischen Schaden zu.

Die Angaben über die Anzahl von deutschen Umsiedlern wurden ständig präzisiert und ergänzt. Materialien der Abteilung von Sonder-siedlungen des NKWD der UdSSR geben widersprechende Angaben. In drei Tabellen sind Angaben zum Vergleich angeführt, die den Verlauf der Operationsdurchführung über die Aussiedlung von Deutschen des Nordkaukasus widerspiegeln.

Таблица 1

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 28. Oktober 1941²⁷

Aussiedlungsbereiche	Unterliegen der Aussiedlung	Fristen des Operationsabschlusses
Gebiet Rostow	38.288	18. September 1941
Region Krasnodar	40.636	zum 15. Oktober wurden 38.136 Menschen ausgesiedelt
Region Ordschonikidse	95.489	zum 15. Oktober wurden 74.570 Menschen ausgesiedelt
Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5. Oktober 1941
Nordossetische ASSR	2.415	4. Oktober 1941
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	Angaben wurden nicht vorgelegt	

Помню, что в середине реки Кубань был остров, и в летние воскресные дни туда ездили взрослые и дети собирать грибы, ожину, хмель. У нас была лодка, и брат Сальман целый день перевозил туда девочек и женщин, назад они ехали с полными корзинами ежевики. Целый день раздавались там веселые песни молодежи.

Нас у матери было 9 детей: Александр, Сальман, Айгина, Паулина, Иоганн, Адам, Роза, Мария, Филипп. Все с раннего детства приобщались к труду. Братья работали с отцом, а девочки с матерью. Я была еще совсем маленькой, а мать меня заставляла рвать смородину (я и мой брат были ниже кустов смородины). Однажды отец что-то поручил братишке сделать, а он присел ко мне, и мы начали вместе рвать смородину. Вдруг прибежал отец с розгами и отпорол его за непослушание, а я принялась его защищать. Мать услышала это, отломала ветку смородины и крепко наказала. Я часто вспоминаю отца Иоганна Клостера – сильного, выразительного, с высоким лбом, рыжеватыми бакенбардами, тонкими усами, загнутыми кончиками вверх. Тяжелые мешки под глазами, полными жизни, прямой нос, широкая грудь, высокий рост. Рыбак, повар, кузнец, плотник, сыровар, хлебопашец... Мастер на все руки. Он никогда не сидел на месте без дела.

Осенью, помню, как резал отец кабана или телку, разделяли туши, делали колбасы, сальтисоны, солили в бочках окорока. Колбасы варил сам отец, на кухне стояли большие котлы. Когда было готово, отец отрезал всем по куску попробовать...

Знаю, что бабушка и дедушка и прадедушка родились в той же немецкой колонии Семеновка...

Помню, как шли мы по пыльной дороге. Моя мама с самым маленьким Филиппом на руках, а мы 8 детей с узелками в

руках покидали свой дом, свою вторую Родину, где было так хорошо и на которую возлагались такие надежды... И вот мы в Средней Азии, в совхозе Як-Один. Отец вырыл землянку. Помню, у отца тогда было бело-желтое обрюзглое лицо, отечный большой живот и опухшие ноги. Я взяла на руки маленькую Розу и поехала к брату в соседний совхоз. Ехала ночью, без билета, с ребенком (мне было тогда лет 13) на «кукушке», меня два раза сгоняли. Я слезу, а через 1–2 вагона опять заберусь. Так и доехала. У Розы оказалась дизентерия. Фельдшер выписал какую-то микстуру и кроме нее ничего не разрешал давать ни пить, ни есть. Язык у сестренки сухой, губы потрескались, живот втянут. «Пить, пить», – просит Розочка, а мне сказали ничего не давать. Вскоре она умерла. И я, будучи уже врачом, вспоминаю, как неправильно тогда лечили, что надо давать есть и пить. Потом я услышала, что умерли и родители, а перед этим похоронили своих детей. Отец делал гробики и закапывал прямо возле землянки. Я сильно затосковала, ходила угрюмая, ни с кем не разговаривала, по ночам стала вставать и блуждала вокруг барака, где мы с братом жили. Ночью я переходила по досточке через канал с водой и не падала, и никто мне не мог помочь. Я стала лунатиком. Никто меня не ругал, все понимали и следили за мной. Старый фельдшер дал мне пузырек с лекарством. Я пила его и немного успокоилась, но однажды, услышав «Бедная сиротка», я забила в угол и долго рыдала, там же и уснула... Мы остались втроем: я, Сальман и сестра Айгина. Вся жизнь на сердце тяжесть лежит, что не знаю, где покоятся наши родители. Никогда мы не сможем прийти к их надгробью и излить им свою душу.

Паулина Клостер

По записям из дневников Паулины Клостер, родившейся в 1918 году в колонии Семеновка (Ротлинг) Краснодарского края. Оформлены дочерью Ольгой Панкретьевой-Клостер.

Таблица 2

Итоги проведения операции по выселению немцев
Северного Кавказа на 25 декабря 1941 г.²⁸

Области выселения	Учтено на 09.1941 г.	Отправлено на 12.1941	Сроки завершения операции
Ростовская область	27 000	38 288	18 сентября 1941г.
Краснодарский край	40 636	34 706	Операция не завершена, предполагается отправка еще 2594 чел.
Орджоникидзевский край	95 489	88 903	Операция не завершена, предполагается отправка еще 500 чел.
КБ АССР	5327	5803	5 октября 1941г.
СО АССР	2929	2415	4 октября 1941г.
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	4012	7306	10 октября 1941г.

Таблица 3

Итоги проведения операции по выселению немцев
Северного Кавказа на 13 июля 1942 г.²⁹

Области выселения	Кол-во немцев, проживавших на 1939 г.	Кол-во немцев, выселенных на 1.01.1942	Кол-во эшелонов
Ростовская область	Не установлено	38 742	17
Краснодарский край	34 287	37 739	15
Орджоникидзевский край	45 689	99 990	38
КБ АССР	5327	5803	3
СО АССР	2929	2415	1
Дагестанская АССР и ЧИ АССР	5048	7306	3

Tabelle 2

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 25. Dezember 1941²⁸

Aussiedlungsbereiche	Berechnet zum 09.1941	Abgesandt zum 12.1941	Fristen des Operationsabschlusses
Gebiet Rostow	27.000	38.288	18 September 1941
Region Krasnodar	40.636	34.706	Operation ist nicht abgeschlossen, man beabsichtigt den Abtransport von noch 2594 Menschen
Region Ordschonikidse	95.489	88.903	Operation ist nicht abgeschlossen, man beabsichtigt den Abtransport von noch 500 Menschen
Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5.803	5. Oktober 1941
Nordossetische ASSR	2.929	2.415	4. Oktober 1941
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	4.012	7.306	10. Oktober 1941

Tabelle 3

Ergebnisse der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus vom 13. Juli 1942²⁹

Aussiedlungsbereiche	Anzahl von Deutschen, die im Jahre 1939 wohnhaft waren	Anzahl von Deutschen, die zum 1.01.1942 ausgesiedelt wurden	Anzahl von Zügen
Gebiet Rostow	Nicht festgestellt	38.742	17
Region Krasnodar	34.287 Mensch.	37.739	15
Region Ordschonikidse	45.689 Mensch.	99.990	38

Петр Дик.
Задумавшийся мальчик.
Наждачная бумага, пастель,
уголь. 30x30,5. 1993.

Жизнерадостный, улыбчивый человек, любящий и понимающий добрую шутку и сердечное отношение – таким мы знаем Николая Адамовича Функнера, ветерана труда.

Когда началась война с Германией, Коле было девять лет и в их городе Георгиевске, что в Ставропольском крае и, тем более, в их пригородном селе ему, казалось бы, ничто не грозило. Тем более что жили они на самой окраине в собственном доме, куда отзвуки далеких событий доходили медленно.

Родители работали в колхозе «Маяк коммуны»: отец, Адам Филиппович, трактористом, а мама, Мария Кристиановна, звеньевой в полеводческой бригаде. Отец пахал землю, засеивал поля, выполнял другие полеводческие работы, перемещал прицепы с разными грузами. Мать выращивала с подругами помидоры, морковь, свёклу, капусту и другие овощи.

Жили дружной семьёй, в своём подворье держали корову, свиней, домашнюю птицу. На огороде выращивали полный комплект потребляемых овощей, не хуже, не лучше, чем другие соседи. За детьми и хозяйством присматривала бабушка. Семья пополнялась регулярно, каждые два-три года. К началу войны у родителей было уже четверо наследников, среди которых Николай – старший. Не семеро по лавкам, но всё же семья. Вместе с бабушкой как раз семь душ.

Отец в военкомат не спешил, призыву он пока не подлежал. Если призовут – никуда не денешься, пойдёшь воевать, покинешь на хрупкие женские плечи весь свой выводок. При-

тихли и ждали, чем там всё закончится.

И всё же дотянулась костлявая рука войны до их курортного захолустья и бросила их в объятия невзгодам. Но совсем не так, как ожидалось. Вскоре после известного теперь всем указа по поволжским немцам, объявившим их неблагонадёжными, вышло постановление советского правительства, касающееся немцев, проживающих и на северном Кавказе. Подписано оно было председателем ГКО 21 сентября всё того же злополучного 1941 года. И началось выселение. В учет не брались ни заслуги, ни возраст, ни социальное происхождение, ни убеждения. Определяющим «вину» была национальность. Не важно, что уже двести лет ни ты, ни твои предки не общались с прародиной, не имеешь там ни родных, ни знакомых, даже язык твой далёк от того языка, на котором говорит агрессор.

До железнодорожной станции всех везли на подводах, запряженных быками. Посадили там в «телячьи» вагоны с двухъярусными нарами. Уплотнили до предела и повезли. В пути больше стояли, чем ехали – пропускали воинские эшелоны, товарняк, порожняк. Иногда подолгу просто так стояли, ждали зелёный семафор. Ночами уже было холодно.

«Путешествие» по железной дороге прервалось под Астраханью. Вскоре испытали морскую болезнь – плыли на барже по Каспию. В Кисловодске опять погрузили в эшелон, и железнодорожная эпопея продолжилась. К месту назначения, в Южно-Казахстанскую

Итак, как свидетельствуют данные таблицы 1, к середине октября, т. е. к тому моменту, когда в соответствии с приказом Берии, предполагалось завершение выселения, было отправлено 157 321 человек³⁰. Сведения таблицы 2, составленной на основе секретной справки, поданной 25 декабря 1941 г. на имя наркома госбезопасности «О переселении немцев из ряда областей, краев и республик СССР» помогают выяснить, что к этому времени были высланы 177 421 человек³¹. Если учесть еще 3094 человека, готовых к отправке в Краснодарском и Орджоникидзевском краях, то общее число выселенных к концу 1941 г. составляло 180 515 человек. Итоговые данные на июль 1942 г. называют цифру 191 995 человек³². И это число не окончательное, так как исследователь Н.Ф. Бугай считает, что с территории Северного Кавказа в восточные районы страны было выселено 198 097 немцев³³.

Расхождения в количестве немцев на 1939 г., учтенных на сентябрь 1941 г. и депортированных в 1941–начале 1942 гг. можно объяснить резким увеличением численности немецкого населения Северного Кавказа за счет эвакуированных немцев Крыма. Судя по всему, точной статистикой этого переселения ни советские органы, ни органы НКВД не располагали. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации за № с.7-75к от 15 августа 1941 г. в Орджоникидзевский край было эвакуировано около 60 000 немцев с расселением их в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах³⁴.

Согласно сообщению УНКВД Орджоникидзевского края, из Крымской АССР прибыло 50 000 немцев. Известно, что 3000 крымских немцев разместились в Ростовской области³⁵. Около 6000 человек были отправлены в район города Орджоникидзе (Владикавказ). Прибывшие расселялись преимущественно в сельской местности, где они помогали в уборке урожая.

Можно предположить, что на территории Краснодарского и Орджоникидзевского краев оказались немцы, депортирован-

Kabardino-Balkarische ASSR	5.327	5.803	3
Nordossetische ASSR	2.929	2.415	1
Dagestanische ASSR und Tschetscheno-Inguschische ASSR	5.048	7.306	3

Laut den Angaben in der Tabelle 1, Mitte Oktober, also zum Zeitpunkt, wo auf Befehl von Beria die Vertreibung enden sollte, waren 157.321 Menschen abtransportiert.³⁰ Die Angaben der Tabelle 2, zusammengestellt auf der Grundlage der Geheimauskunft auf den Namen des Volkskommissaren der Staatssicherheit „Über die Umsiedlung der Deutschen aus einer Reihe von Gebieten, Regionen und Republiken von UDSSR“, klären, dass zu diesem Zeitpunkt 177.421 Menschen abtransportiert worden waren.³¹ Wenn man noch 3.094 Menschen berücksichtigt, die in den Regionen Krasnodar und Ordschonikidse bereit zum Abtransport waren, betrug die Gesamtzahl von Ausgesiedelten zum Ende 1941 180.515 Menschen. Die Sammelangaben vom Juli 1942 zeigen die Zahl von 191.995 Menschen.³² Dabei ist dies nicht die endgültige Zahl. Der Forscher N.F. Bugaj meint, dass vom Nordkaukasus in die östlichen Regionen des Landes 198.097 Deutsche ausgesiedelt wurden.³³

Die Abweichungen in der Anzahl von Deutschen im Jahr 1939, von Berücksichtigten im September 1941 und Deportierten im Jahr 1941 – Anfang 1942 kann man durch den hohen Anstieg in der Anzahl der deutschen Bevölkerung des Nordkaukasus aufgrund der evakuierten Krimdeutschen erklären. Dem Anschein nach verfügten weder sowjetische, noch NKWD-Organen über die genaue Statistik dieser Umsiedlung. Laut dem Beschluss des Evakuierungsrates Nr. с.7-75к vom 15. August 1941 wurden in die Region Ordschonikidse ca. 60.000 Deutsche evakuiert, und in den Landkreisen Diwenskij, Blagodarny und Budennowsk.³⁴

Gemäß der Mitteilung der NKWD-Verwaltung der Region Ordschonikidse sind aus der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik Krim fünftausend Deutsche gekommen. Es ist bekannt, dass dreitausend der Krimdeutschen sich im Gebiet Rostow niederließen.³⁵ Ca. sechstau-

Виктор Гринимаер

область прибыли уже в промозглом декабре. Хоть и юг, но зима давала о себе знать. Поселили у местных жителей, казахов, в маленькую комнату совместно с такой же большой семьей. Теснота была жуткая. Спали по очереди. Всё остальное – тоже.

Отец сразу определился на работу в МТС, хорошие специалисты и здесь были нахват. Но уже в феврале началась мобилизация. Куда, зачем – не знали. Думали – на войну, все-таки через военкомат призвали, а привезли в концлагерь, в «рабочую колонну». Со временем эти «колонны» стали именоваться трудармией. Отец всегда имел отменное здоровье, но попал в один из самых печально известных своей жестокостью лагерей – Бакалстрой, переименованный позже в Челябинметаллургстрой...

Голодно жилось и семье на поселении. Мать из сил выбивалась, чтобы заработать полноценный кусок хлеба на всю свою ораву. Ей пыталась помогать её сестра, но ту вскоре осудили за сбор колосков с убранного поля и направили по этапу в исправительно-трудовую колонию на три года.

Николаю исполнилось одиннадцать лет, он главный мамин помощник. Взяв себе в компаньоны второго по возрасту брата, восьмилетнего Владимира, он отправился в райцентр побираться. Другого варианта добыть пропитания придумать было просто сложно. Но райцентр, село Каратайское, не ахти какой большой населённый пункт, там быстро побирушек «вычислили», забрали в милицию, а потом сдали в детский приют как беспризорников. Пока суд да дело, им из приюта удалось сбежать. Ударились в бродяжничество, побираясь и подбирая, – что плохо лежало.

Но сколько веревочке не виться – приходит ей когда-нибудь конец. Завершились и их с братом скитания поимкой и направлением под конвоем двенадцатилетнего и девятилетнего преступников в детский дом для таких, как они «рецидивистов», в городок Ачисай. Там их, грязных, обовшивевших, оборванных, определили в недельный карантин. За это время сняли и сожгли их лохмотья, обработали их самих керосином, остригли, отмыли, смазали йодом ссадины и выдали новую одежду.

В детдоме были ребятишки разных националь-

ностей. Всем было несладко, но над немцами помимо всего прочего ещё и издевались, как над «пособниками» фашистов, устраивали им «темную», обзывались. Старались и взрослые, и ровесники.

Как живётся младшему братишке, Коля теперь не знал – их сразу после «карантина» развели по разным детдомам.

В 1948 году его, шестнадцатилетнего, направили в городок Ленгер в трехмесячное ФЗУ (фабрично-заводское училище), учили на плотника. Но так как вместо учёбы больше работали, учеба оказалась малорезультативной. После такой учебы плотник из него не получился и пришлось работать разнорабочим несколько лет.

Маму, младших братьев и сестру он нашел только в 1952 году, когда ему исполнилось уже двадцать лет. Жизнь стала налаживаться. Ещё через четыре года в городе Магнитогорске отыскался дядя, к которому Николай и перебрался. Здесь он уже окончательно встал на ноги.

Отрывок из повести Виктора Гринимаера «Память»

ные из Ростовской области, Украины. Такие сбои в организации выселения в условиях военного времени вполне вероятны, но документально они не доказаны. Пока что не представляется возможным аргументированно объяснить расхождения в численности немцев и невыполнение сроков выселения. Возможно, что столь сбивчивая статистика – это результат использования несовершенной методики учета и спешки из-за сжатых сроков проведения выселения.

В проведении операции принимали участие сотрудники и войска НКВД, работники милиции (табл. 4).

Таблица 4
Распределение сил служб безопасности при проведении операции по выселению немцев Северного Кавказа³⁶

Регионы выселения	Сотрудники НКВД	Красноармейцы	Милиция
Орджоникидзевский край	250	2300	1000
Краснодарский край	100	2000	259
Кабардино-Балкарская АССР	50	300	200
Северо-Осетинская АССР	25	100	100

Перед началом операции оперативно-чеккистский состав получал установку действовать в соответствии с приказом Берии «...без шума и паники. В случае возникновения волюнок, антисоветских выступлений или столкновений принимать решительные меры к их ликвидации»³⁷. На перекрестках дорог выставлялись милицейские заслоны, вокруг селений – оцепление с целью воспрепятствовать выходу за пределы села и для задержания лиц, укрывающихся от переселения. Немцы-коммунисты предупреждали о снятии с партийного учета.

send Menschen waren in den Rayon der Stadt Ordschonikidse (Wladikawkas) geschickt worden. Die Ankommenden ließen sich vorzüglich auf dem Land nieder, wo sie bei der Ernte geholfen hatten.

Es lässt sich vermuten, dass in die Regionen Krasnodar und Ordschonikidse die aus dem Gebiet Rostow und der Ukraine deportierten Deutschen geraten waren. Solche Fehler bei der Organisation der Aussiedlung unter den Umständen der Kriegszeit sind durchaus möglich, aber dokumentarisch sind sie nicht bewiesen. Zurzeit ist es nicht möglich, die Abweichungen in der Anzahl der Deutschen und die Nichterfüllung von Aussiedlungsfristen argumentativ zu erklären. Vielleicht ist so eine verworrene Statistik das Ergebnis der Verwendung von einem nicht vollkommenen Erfassungsverfahren und der Eile wegen den kurzen Aussiedlungsfristen.

In der Operationsdurchführung haben die Mitarbeiter und Truppen des NKWD sowie die Milizarbeiter teilgenommen (siehe Tabelle Nr. 4).

Tabelle 4
Verteilung der Kräfte von Sicherheitsdiensten bei der Durchführung der Aussiedlungsoperation von Deutschen des Nordkaukasus³⁶

Aussiedlungsregionen	Mitarbeiter des NKWD	Rotarmisten	Miliz
Region Ordschonikidse	250	2300	1000
Region Krasnodar	100	2000	259
Die Kabardino-Balkarische ASSR	50	300	200
Die Nordossetische ASSR	25	100	100

Vor dem Operationsanfang hat die operative Tschekistentruppe die Ausrichtung erhalten, in Übereinstimmung mit dem Beschluss von Beria „... ohne Lärm und Panik. Im Falle von antisowjetischen Aktionen oder Auseinandersetzungen scharfe Maßnahmen zu deren Liquidierung treffen“ zu wirken.³⁷ Auf den Wegkreuzungen standen Miliz-Sperren, rund um die Siedlungen Absperrlinien, um den freien Ausgang außerhalb der Dörfer zu verhindern und um Personen

Die ethnische Identität ist keine intellektuelle Konstruktion, sondern ein aktuelles Erlebnis der historischen Erfahrung, Interpretation jener Ereignissen und Fakten, die das einmalige Schicksal des Volkes geprägt haben. Die junge Generation auf der Suche nach den eigenen Wurzeln kann nur dann mutig in die Zukunft blicken, wenn sie das Erbe, das sie von den Vorfahren bekommt, gedanklich verarbeitet. Um einen Russlanddeutschen zu sein, reicht nicht allein, sich den vom Außen bestimmten Stereotypen anzupassen – deutscher Herkunft zu sein, die deutsche Sprache zu beherrschen, evangelisch oder katholisch zu sein. Nötig ist sich des einmaligen Schicksals der Russlanddeutschen bewußt zu werden und es nicht als rudimentäre Tradition zu erleben, sondern als einen Faden, der Generationen verbindet.

Was hat unser Volk verbindet und gebildet? Meiner Meinung nach ist die Antwort eindeutig: Deportation des Jahres 1941. Sie hat Petersburger Deutsche, Wolgadeutsche, Kaukasusdeutsche und Sibiriendeutsche gemischt und ein neues Volk geschmiedet wurde – die Russlanddeutschen. Verrat beider Heimaten, Schock, Gruppentrauma, das sich in den Millionen einzelnen Fällen reproduziert wird, in jeder deutschen Familie. Können diese Schmerzen eine Grundlage für die positive Selbstidentifizierung der Jugendlichen dienen? Ich behaupte, dass ja, sie können und müssen! Zum Beispiel, ist das für das Tschetschenische oder Krimtatarische Volk genau ein Stiel für das Zusammenwirken der Generationen und Gruppenidentität.

Können wir die Schmerzen unserer Eltern vergessen, das, was unsere Vorfahren zum Opfer brachten? Wenn wir das vergessen, verlieren wir uns selbst. Unsere Kinder, die ihre Wurzeln nicht kennen, die die Standarte des Verhaltens in den Rahmen der heutigen BRD-Kultur suchen, die traurige Lieder, so wie „Karaganda – Frankfurt“, nicht mitsingen können – sie werden unsere Gedanken nicht verstehen, unsere Sehnsucht nach der verlorenen Heimat an der Wolga. Sie werden uns nicht verstehen. Bleiben sie dann Russlanddeutsche? Ich glaube nein. Um diese Gefahr zu vermeiden, muss man einfach den Eltern und Großeltern nach ihrem Leben fragen und sich an dieses einzigartige Erbe anschließen. Ein Russlanddeutsche zu sein bedeutet nicht das Europatum oder Deutschtum auf den russischen Boden zu bringen. Nein, man muss einfach sein Volk lieben, seine Geschichte hochachten und seine Tragödie miterleben. Der Russlanddeutsche ohne das innere Erlebnis der Spaltung zwischen Russland und Deutschland, ohne Gefühl, ein Teil dieses dramatischen Zusammenwirkens zu sein, ist kein Russlanddeutscher.

Vladislaw Kurske

Vladislaw Kurske (27 Jahre alt)

Им объявили, что они едут, чтобы обеспечить порядок выселения и расселения³⁸.

Оперативные группы, проводящие переселение, выступали из колхоза и района так, чтобы двигаться общей колонной оперативного участка. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава передавал один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, который отвечал за погрузку людей и имущества и отправление эшелонов по установленному графику. Начальники эшелонов принимали переселенцев от представителей НКВД по именному списку и проверяли их личные документы. Вещи принимались по описи³⁹.

После приема переселенцев начальник эшелона полностью отвечал за состояние эшелона и доставку всех принятых переселенцев к месту назначения. На должность начальника назначался командир конвойных войск НКВД. В помощь начальнику эшелона в каждом вагоне из числа переселенцев назначался старший вагона, на каждые 8–10 вагонов – старшина, и закреплялась группа военнослужащих войскового резерва⁴⁰.

Без разрешения начальника эшелона никто из вагонов из числа переселенцев выходить не мог. Нарушителей переводили в вагон-карцер на некоторое время или на весь путь. Проверка наличия переселенцев по вагонам производилась ежедневно. Об отставших от эшелона старшие вагона немедленно докладывали наблюдающему за группой вагонов военнослужащему, а тот – начальнику эшелона. Начальник эшелона сообщал данные о личности отставшего транспортным органам НКВД на первой же остановке для принятия соответствующих мер⁴¹.

Условия существования переселяемых немцев в пути не были тщательно продуманы. Крытые товарные вагоны, выделенные для перевозки людей, не были приспособлены для этого и не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. Скученность, антисанитарные условия, дефицит воды или ее плохое качество, нервное напряжение вызвали вспышку

zu fangen, die sich von der Umsiedlung verborgen hatten. Die Deutschen, die der kommunistischen Partei angehörten, wurden gewarnt, dass sie aus dem parteiamtlichen Register abgemeldet werden. Es wurde ihnen gesagt, dass sie mitfahren, um die Ordnung bei der Aussiedlung und Siedlung zu gewährleisten.³⁸

Operative Gruppen, die die Umsiedlung durchführten, traten aus den Kolchosen und Rayonen in einer Kolonne aus. Auf den Ladestationen übergab der Kolonnenobmann aus der Operativtruppe ein Exemplar der Listen dem Leiter der Ladestation, der für die Ladung von Menschen und Vermögen und für den fahrplanmäßigen Abgang von Militärzügen verantwortlich war. Die Leiter der Militärzüge übernahmen die Umsiedler von den Vertretern des NKWD laut den Namenslisten und prüften deren Personalpapiere. Die persönlichen Gegenstände nahm man gemäß dem Inhaltsverzeichnis auf.³⁹

Nach der Übernahme von Umsiedlern trug der Militärzugleiter die volle Verantwortung für den Zustand des Militärzuges und für die Anlieferung von allen übernommenen Umsiedlern zum Bestimmungsort. In die Dienststellung eines Leiters wurden Kommandeure der Begleittruppen des NKWD eingesetzt. Als Gehilfe des Militärzugleiters setzte man in jedem Wagen den Wagenältesten ein, für jede acht bis zehn Wagen war ein Obmann zuständig und man stellte eine Soldatengruppe aus der Armeereserve auf.⁴⁰

Ohne Erlaubnis des Militärzugleiters durfte keiner von den Umsiedlern aus den Wagen herausgehen. Die Verletzten wurden in die Arrestwagen für eine gewisse Zeit oder für den ganzen Weg überführt. Eine Anwesenheitsprüfung der Umsiedler fand täglich statt. Von den Nachzüglern teilten die Wagenältesten unverzüglich dem auf eine Gruppe der Wagen aufpassenden Militär mit, und er gab die Information weiter an den Militärzugleiter. Der Militärzugleiter teilte die Angaben des Nachzüglers den Transportorganen des NKWD beim nächsten Halt mit, zwecks der Ergreifung von entsprechenden Maßnahmen.⁴¹

Die Bedingungen der deutschen Umsiedler auf dem Weg waren nicht sorgfältig durchdacht. Die zugeordneten gedeckten Güterwagen waren für

Альфред Анзельм

Родился в 1933 г. в немецком селе Розенберг, Грузия. В октябре 1941 г. вместе с семьей депортирован в Казахстан, Павлодарскую область. После окончания десятилетки с отличием в 1954 г., поступил в Ташкентский Государственный педагогический институт иностранных языков на факультет немецкого языка, который окончил в 1959 г. с отличием. Свою преподавательскую деятельность начал в одной из сельских школ в качестве учителя немецкого языка, а потом и завуча. С 1968 года перешел на работу в Павлодарский Государственный педагогический институт, где и проработал, до выезда в Германию в 1994 г., старшим преподавателем на кафедре немецкого языка. Его первые литературные произведения впервые появились в газете „Deutsche Allgemeine“, позже в газете „Freundschaft“. Плодотворная литературная деятельность началась у Альфреда Анзельма уже в Германии, где он публикуется в различных органах печати.

«Ах, Воложка!», посвящается трудармейцам. (2002 г.)

... Ты помнишь ли, речка, как мы хоронили
От голода павших в работе подруг,
А ночью – бессонные – Бога молили,
Чтоб сил нам прибавил и бодрости дух.
.....
Как падали люди в пути до ночлега,
Как многим подняться уж не было сил...
Застывшие трупы под шапками снега,
Холмы неухоженных общих могил!

Из стихотворения «Вечная память» (Аморбах, 1998 г.)

С трудом оторвавшись от теплого тельца,
Охрипших от плача кровинок родных,
Они уходили с надорванным сердцем
Навстречу судьбе в темень лет роковых.
.....

И долгие годы им грезилась звуки
Отчаянья брошенных деток-сирот.
Беспомощно к небу простертые руки,
В нетопленных стенах голодные муки,
Отлаженной жизни развал и разброд.
Они умирали у бабушек хворых,
В тех семьях, где было до дюжины ртов,
В землянках нетопленных, в вырытых норах –
Без ропота. В тихом смиреньи. Без слов.

Отрывки из книги «На ветке времени. Путь к Кресту» (2004)

.... А матери где-то в снегах умирали
Со стоном прощальным любви на устах
И часто лишь волею к жизни вставали....
За кругом Полярным – в цинготных местах.
И стали для Эммы, Марии да Иды
Привычными шахты и лесоповал...
Шел лес на костях этих женщин для сплава,
И домны кормились их трудной рудой!
Но их обходили награды и слава,
А сколько же их не вернулось домой?
Простите им, дети! Простите им, внуки,
Что петь колыбельную вам не могли,
Что ветры им пели о вечной разлуке,
Когда вы с котомками по миру шли!
У памяти – вечность! У памяти – нити,
Ведущие к старым могильным холмам.
К ним в мыслях своих на свиданье спешите,
В их память пред ними колени склоните:
Молитесь за всех невернувшихся мам!

* * *

O Rosenberg! O meiner Väter Wiege!
Verwaist und leer sind heute deine Gassen,
In denen die Erinnerungen liegen,
In die die Trauer meines Herzens passen.
Du bist mir näher in den deutschen Bergen,
Wo ich die Heimat wieder hab gefunden.
Da muss ich meine Wurzeln nicht verbergen –
Mit ihnen bin ich wieder eng verbunden.

желудочно-кишечных, простудных и других инфекционных заболеваний. Официальная статистика случаев летальных исходов не обнаружена, но по свидетельствам самих выселяемых таковые имели место.

В результате несогласованности действий начальников станций и эшелонов, организационных просчетов наиболее типичным происшествием было отставание людей от своих эшелонов. При этом отставшие не всегда присоединялись к своим эшелонам, где находились их родственники. Их могли отправить другим эшелонам в иной пункт следования, и только после войны семьи получали возможность соединиться⁴².

Часть немцев Северного Кавказа выселялась в Новосибирскую область (9 450 немцев из Ростовской области и Краснодарского края), но основная масса была расселена в Казахской ССР: Алма-Атинской (немцы КБ АССР и СО АССР), Акмолинской, Карагандинской, Кустанайской, Семипалатинской, Северо-Казахстанской, Джамбульской, Южно-Казахстанской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Кызыл-Ординской областях. Немцы Орджоникидзевского края, Дагестанской, Чечено-Ингушской АССР и подавляющее большинство немцев Краснодарского края и Ростовской области оказались в местах, неблагоприятных для жизни. Здесь их ожидали новые тяжелые испытания⁴³.

Переселение проводилось вопреки здравому смыслу, так как само государство понесло огромные экономические потери. Примитивная организация акций по выселению потребовала огромных средств, кроме того, опустошенные колонии на территории Северного Кавказа не были вовсе заселены или же долгое время оставались незаселенными. В течение нескольких месяцев во многих районах колхозное и личное имущество было брошено без присмотра. Здесь шло откровенное мародерство. Так, в Орджоникидзевском крае, который до депортации занимал первое место по численности немецко-

die Transportierung von Menschen nicht geeignet und entsprachen nicht den Sanitäreanforderungen. Überbelegung, sanitärwidrige Bedingungen, Wassermangel oder schlechte Wasserqualität, durch nervliche Anspannung bedingte Darmerkrankungen, Erkältungserkrankungen und andere Infektionskrankheiten waren die Folge. Die offizielle Statistik nennt keine Todesfälle, doch nach Zeugnissen der Umsiedler kamen solche Fälle vor.

Infolge der Missstimmung der Aktionen von Leitern der Ladestationen und Militärzüge und infolge von Organisationsfehlern kam am häufigsten das Zurückbleiben der Menschen von seinen Militärzügen. Dabei schlossen sich die Nachzügler nicht immer an ihre Züge, wo ihre Verwandten waren, an. Sie konnten mit anderen Militärzügen zu einem anderen Bestimmungsort geschickt werden und nur nach dem Kriegsende bekamen sie die Möglichkeit, sich zusammenzuführen.⁴²

Ein Teil der Deutschen aus dem Nordkaukasus siedelte ins Gebiet Nowosibirsk (9.450 Deutschen aus dem Gebiet Rostow und der Region Krasnodar) über. Doch die meisten waren in der Kasachischen SSR verteilt: die Gebiete Alma-Ata (Deutsche aus der Kabardino-Balkarischen ASSR und Nordossetischen ASSR), Akmolinsk, Karaganda, Kustanai, Semipalatinsk, Nordkasachstan, Schambyl, Südkasachstan, Pawlodar, Ostkasachstan und Qysylorda. Die Deutschen der Region Ordschonikidse, der Dagestanischen ASSR, der Tschetscheno-Inguschischer ASSR und die überwiegende Mehrheit der Deutschen aus der Region Krasnodar und des Gebiets Rostow gerieten sich in lebensungünstige Orte. Hier erwarteten sie neue schwere Prüfungen.

Die Umsiedlung wurde dem gesunden Menschenverstand zuwider durchgeführt, da der Staat selbst große wirtschaftliche Verluste erlitt. Die primitive Organisation von Aussiedlungsaktionen forderte die Aufwendung von kolossalen Mitteln, außerdem wurden die verwüsteten Kolonien auf dem Territorium des Nordkaukasus gar nicht besiedelt oder blieben lange Zeit unbesiedelt. Das Kolchos- und Privatvermögen wurde während einiger Monate in vielen Rayons ohne Aufsicht verlassen. Hier herrschte offene Plünderung. So in der Region Ordschonikidse, die vor der Deportation den ersten Platz bezüglich

Аделина Лоренц

За две недели до выселения немцев из села Грюнфельд, узнали мои родители от младшего брата моего отца, Герберта Венкелера, что поволжских немцев всех выселили. Узнал он об этом во время командировки в Баку от коллеги, служащего банка: Венкелер и сам работал в районном банке главным бухгалтером. Официальных источников по этому поводу нигде не было. Стало очевидно, что такая же участь ждет всех немцев. И действительно, 17 октября 1941 года районные партийные органы объявили о поголовном выселении всех. Куда? Почему? Эти вопросы оставались без ответа. Три дня на подготовку и 25 кг багажа на чело- века – таков приказ властей. К тому же сдать нужно было коров, дом, собранный урожай. Взамен выдавали квитанцию, якобы для возмещения убытков по прибытию на новое место жительства. Эта квитанция до сих пор хранится у меня в семейном архиве и является оче- редным доказательством обмана властей. Пока папа бегал в сельский совет оформлять доку- менты, мама взяла на себя все хлопоты по приготовлению провианта в дорогу. Закололи свинью, перерубили кур, мама напекла хлеба и засушила сухарей. Прожаренное мясо укла- дывалось в ведра и заливалось жиром. Родители задавались вопросом: куда девать нажи- тое имущество. Продать? Покупатели не находились. Раздарить? Нашлись такие, которые захотели взять. Причем, кто первый приходил, имел возможность выбрать. Спросом поль- зовались посудные сервизы, оконные шторы, мебель, одежда и постельное белье. Мне, как ребёнку, запомнился последний совместный ужин в большом новом доме дедушки. Собрались семьями – семьи двух братьев и сестра отца. Запомнился горячий, душистый чай с молоком. Запах этого вкусного чая преследовал меня потом все голодные годы моего детства. Ночью въехали во двор пустые телеги, по одной на семью. Посадили меня и брата на одну, а остав- шееся место загрузили нашими пожитками. Из-за нехватки места пришлось кое-какие узлы оставить. Хотелось взять мне с собой и моего любимого котенка. Но было нельзя. Долгие годы он приходил ко мне во снах. Путь наш лежал до железнодорожной станции Акстафа. Выяс- нилось, что в колонне не досчитались одной семьи. Пришлось отцу вернуться и узнать в чем дело. То, что он увидел, потрясло его. Родное ухоженное село было оцеплено вооруженными солдатами. Гробовая тишина на пустынных, темных улицах, темные окна без штор, в некото- рых горел еще свет. На улицах бродили собаки в поисках своих хозяев. Переночевали на пер- роне вокзала. Утром подали вагоны. Путь лежал в Баку, к Каспийскому морю.

Из воспоминаний Аделины Лоренц и ее родителей Эгона и Софии Венкелер, жителей села Грюнфельд Азербайджанской ССР. Аделине было 4 годика, когда ей пришлось покинуть родное село.

го населения на Северном Кавказе, до конца января 1942 г. не был проведен учет оставленного имущества, не были уточнены выполнения обязательств ликвидированных колхозов перед государством, счета по полученным банковским ссудам, налоговым и другим платежам.

24 января 1942 г. секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М.А. Суслов издал особое распоряжение в адрес крайисполкома, в котором потребовал обеспечить должную сохранность всего оставленного имущества и разработать проект заселения земель и использования имущества бывших немецких колонистов. Это подтверждало формальность приемки имущества при выселении. Определив предельно сжатые сроки проведения повторной инвентаризации оставленного имущества, Суслов требовал выявления фактов расхищения или разбазаривания имущества и привлечения виновных к ответственности⁴⁴.

Сохранность имущества была обеспечена только в случаях близкого расположения оставленной немецкой колонии от русского поселения или же в случаях вхождения немецкого хутора как отдельной бригады в состав колхоза, а также при создании подсобных хозяйств советских учреждений городов Ворошиловска (Ставрополя), Кавминвод и других на базе ликвидированных немецких.

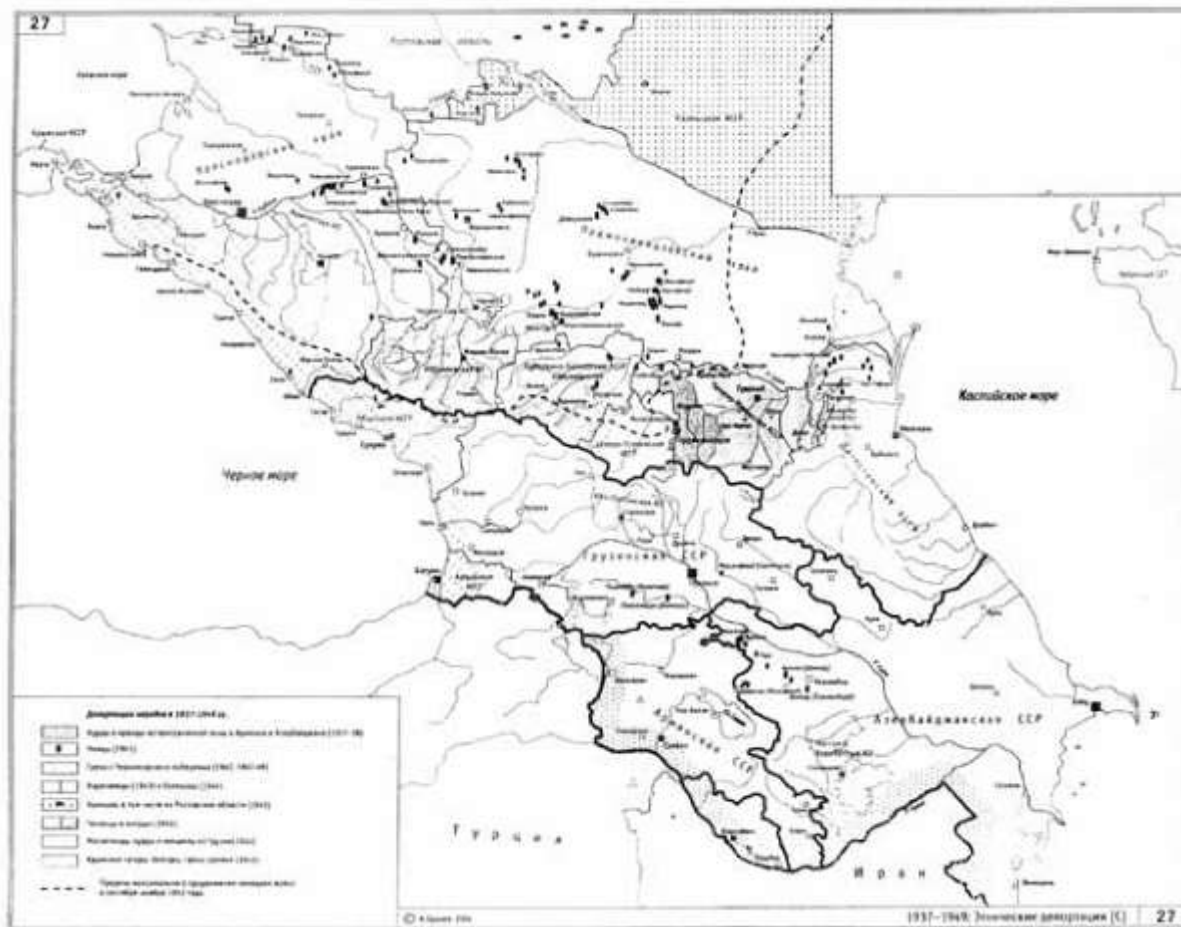
Переселение использовалось как превентивная мера за возможное предательство, а по сути – за принадлежность к немецкой национальности, этническое родство с Германией. Депортация существенно подорвала экономический потенциал северокавказского региона. Выдвинутые против этнических немцев необоснованные обвинения в сотрудничестве с нацистами явились причиной оформления негативной эмоциональной окраски стереотипа российских немцев. Мифологема «немец – значит фашист» не исчезла окончательно из общественного сознания до нынешнего времени.

der Zahl der deutschen Bevölkerung im Nordkaukasus belegte, wurde bis Ende 1942 das verlassene Vermögen nicht inventarisiert, die Erfüllung von Verbindlichkeiten der liquidierten Kolchose vor dem Staat, Konten gemäß den erhaltenen Bankdarlehen, als auch Steuerzahlungen und andere Zahlungen nicht präzisiert.

Am 24. Januar 1942 erließ der Sekretär des Regionskomitees Ordschonikidse der Kommunistischen Partei der Sowjetunion M.A. Suslow eine Sonderanordnung ans Rayonexekutivkomitee. Er verlangte eine gehörige Sicherheit von allen zurückgelassenen Vermögen zu gewährleisten und den Entwurf der Besiedelung des Landes und der Verwendung des Vermögens von ehemaligen deutschen Ansiedlern zu erstellen. Das bestätigte die Formalität der Vermögensübernahme bei der Aussiedlung. Nachdem die zulässig kurzen Fristen der Durchführung der wiederholten Inventur des zurückgelassenen Vermögens festgestellt wurden, verlangte Suslow, die Tatsachen der Vermögensveruntreuung oder -vergeudung zu enthüllen und schuldige Personen zur Verantwortung zu ziehen.

Die Sicherheit des Vermögens wurde nur dann gewährleistet, wenn die verlassene deutsche Kolonie nah bei der russischen Siedlung lag oder wenn das deutsche Einzelgehöft als einzelne Brigade zum Kolchos gehörte sowie bei Bildung von Hauswirtschaften der sowjetischen Institutionen der Städte Woroschilowsk (Stawropol), Kawminwody und anderen Städten auf Grundlage der liquidierten deutschen Wirtschaften.

Die Umsiedlung wurde als Präventivmaßnahme für möglichen Verrat und im Grunde genommen für Angehörigkeit zur deutschen Nationalität, für die ethnische Verwandtschaft mit Deutschland verwendet. Die Deportation ruinierte im Wesentlichen das ökonomische Potential der nordkaukasischen Region. Die gegen ethnische Deutsche unbegründet erhobenen Anklagen wegen der Zusammenarbeit mit Nazis verursachten die Gestaltung der negativen emotionalen Stereotypsfärbung von Russlanddeutschen. Das Vorurteil „Der Deutsche ist ein Faschist“ verschwindet bis auf den heutigen Tag nicht endgültig aus dem gesellschaftlichen Bewusstsein.

Deportation
der Kaukasiendeutschen 1941.
Karte Quelle: Zuziew A.A. Atlas
der ethnopolitischen Geschichte
Kaukasus (1774–2004).
Moskau, 2006

„Das bestrafte Volk“ – die Deutschen sollten der erste Stein einer Lawine der Repressionen aufgrund von Herkunftsmerkmalen werden. Ihr Schicksal und das der anderen „Völker aus den Zügen“, die während des II. Weltkrieges aus dem Kaukasus ins Landesinnere übersiedelt wurden, ähnelten sich. Typisch für die deutschen Schwaben war ihr Gepäck: Zusammengerollte persische Teppiche, Bettwäsche, Decken und Matratzen, Sommer- und Winterkleidung, Geschirr, Werkzeuge, Lebensmittelvorräte, bei einigen wenigen auch deutsche Nähmaschinen „Singer“ – für viele entpuppten sie sich als eine wahre Überlebenshilfe – gehörten für die meisten mit auf die Reise. Bereitgestellte Autos und Pferdewagen für die Fahrt zu den Bahnhöfen erleichterten den Transport deutlich. In Baku war die Verladung der schweren Gepäckstücke auf die Schiffe organisiert. Die Abmessungen des Gepäcks überschritten oft die vom NKWD erlaubten. Am 22. Oktober wurde an das NKWD Tbilisi von Baku aus ein Telegramm gesendet mit der Bitte, Mitnahme von Sperrgut zu verbieten (neben üblichen Haushaltsgegenständen befanden sich im Gepäck Betten, Sofas, Stühle und Weinfässer). Ein weiteres Telegramm verließ Baku am 23. Oktober, darin teilte man mit, die Gepäckstücke seien teilweise immer noch zu groß, man erwarte konsequente Durchsetzung der verabschiedeten Richtlinie für Gepäckmitnahme (500 kg pro Person, kein Sperrgut).

Т. Чернова-Дёке

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Согласно постановлению Государственного комитета обороны за № 698сс от 21 сентября 1941 г., сроки депортации немцев с Северного Кавказа были определены с 25 сентября по 10 октября. В НКВД закавказских республик также были направлены директивные указания: районные отделы НКВД были ориентированы в сентябре на выявление проживавших немцев, усиленное наблюдение за ними и составление списков. По переписи 17 января 1939 г., в Азербайджане числилось 23 133 человека, в Грузии – 20 527 человек, в Армении 433 гражданина немецкой национальности. (Всего в СССР – 1 427 232 немца, т. е. в Закавказье их проживало немногим более 3%.) Однако имеются расхождения в статистике о численности проживавших и подлежащих выселению немцев. Интересный документ «Сличительная ведомость о наличии граждан немецкой национальности в областях, краях, республиках» (составлен не ранее октября 1941 г.) проливает свет на этот вопрос. Сведения НКВД-УНКВД совпадают с приведенными выше данными ЦСУ Госплана (перепись) по Азербайджану, но дают разрыв в 4465 человек по Грузии (24 989 чел.) и в 180 человек по Армении (253 чел.)¹.

Данные переписи населения и количество планируемых к выселению и реально выявленных и отправленных немцев закономерно отличаются, поскольку сказались влияние арестов в 1940–1941 гг.; оставляли на местах женщин с детьми, бывших замужем не за немцами; затрудняло исчисление временное проживание немцев в городах – студентов и лиц без прописки, либо отсутствие в момент отправки. В некоторых районах немцы проживали вразброс.

Т. Tschernowa-Döke

DIE DEPORTATION DER KAUKASIENDEUTSCHEN

Am 21. September 1941 legte das staatliche Verteidigungskomitee der UdSSR per Beschluss Nr. 698ss Fristen zur Deportation der deutschstämmigen Bevölkerung aus dem Nordkaukasus fest, diese sollte vom 25. September bis 10. Oktober erfolgen. Auch in den Transkaukasischen Sowjetrepubliken bekam das NKWD die Anweisung, ab September alle innerhalb der Republiken lebenden Deutschen aufzulisten und eine verschärfte Beobachtung dieser zu gewährleisten. Nach der Volkszählung vom 17. Januar 1939 lebten in Aserbaidschan 23.133 Personen deutscher Herkunft, in Georgien waren es 20.527 und in Armenien 433. So machte die deutsche Bevölkerung in Transkaukasien knapp über 3% der Gesamtzahl der Deutschen in Sowjetunion (1.427.232 Menschen) aus. Diese Zahlen stimmen jedoch nicht mit den Zahlen der zu deportierenden Deutschen vom September 1941 überein. Genaue Angaben darüber finden sich in den „Vergleichslisten der deutschstämmigen Bevölkerung in Gebieten, Kreisen und Republiken“ (erstellt frühestens im Oktober 1941). Diese Vergleichslisten stellen eine Gegenüberstellung der im Zuge der Volkszählung von 1939 vom zentralen Amt für Statistik und der im September 1941 vom NKWD bzw. UNKWD ermittelten Bevölkerungszahlen dar. Ausgehend von diesem Dokument mussten aus Georgien 4.465 Deutsche mehr deportiert werden als dort laut der Volkszählung von 1939 lebten, in Armenien dagegen waren für die Deportation 180 Bürger deutscher Nationalität weniger vorgemerkt als die genannte Volkszählung ergab. Lediglich in Aserbaidschan stimmten die Zahlen der zu deportierenden Deutschen mit den Ergebnissen der Volkszählung überein.

Diese Zahlendiskrepanzen sind jedoch nachvollziehbar. Sie kamen zu Stande durch Verhaftungen aus den Jahren 1940 und 1941, durch

« Meine Heimat

Meine Heimat:
Die glyzinienumrankte Veranda,
die süße Birne,
Der tote Spatz,
Den wir im Garten begruben...

Frühling.
An jeder Straßenecke
Bieten Dorfbuben
Schneeglöckchen und Schlüsselblumen feil.
Die Kura – ein reißender Strom...

Die Wassermühlen klappern.
Wir stehen auf der Eselsbrücke.
Abreißen will man sie.
Wir trauen
Ums alte Tbilissi... »

*Nora
Pfeffer*

Nora Pfeffer

Russlanddeutsche Lyrikerin, geb. 1919 in Tbilissi. 1943 wurde sie in Tbilissi verhaftet. 10 Jahre war sie im Straflager in Dudinka, anschließend wurde sie nach Nordkasachstan verbannt. Heute lebt sie in Köln.

В докладной записке наркома Союза ССР Берии Сталину (от 8 октября за № 2716/б) названа цифра 48 375 немцев, проживавших в трех закавказских республиках, в том числе 29 609 сельских жителей: членов и кандидатов ВКП(б) – 372 человека, членов ВЛКСМ – 1077 человек. На оперативном учете НКВД

Уже 11 октября последовал приказ о мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР.

«как антисоветский и сомнительный элемент» состояли 1842 человека. «В целях предотвращения антисоветской работы» со стороны немцев в этих республиках НКВД считал «целесообразным» состо-

ящих на оперативном учете арестовать, а остальную часть немецкого населения в числе 46 533 человек переселить в Казахскую ССР. Представляя при этом соответствующий проект постановления ГКО, Берия запросил Сталина о решении². Оно последовало явно незамедлительно. Соответственно названной выше цели была намечена превентивная мера в отношении немецкого населения Южного Кавказа.

8 октября 1941 г. (постановление № 744сс) ГКО постановил: переселить из Грузинской ССР – 23 580 человек, из Азербайджанской ССР – 22 741 человек и из Армянской ССР – 212 человек немецкой национальности в Казахскую ССР. Расселение провести в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) за № 2060-935сс от 12 сентября 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и с инструкцией о порядке приема имущества переселенцев, утвержденной СНК СССР 30 августа 1941 г. Руководство переселением в сроки с 15 по 30 октября возложить на НКВД СССР. Пункты 4–8, 11 постановления предусматривали условия переселения (перевозка, пита-

die Nichtumsiedlung von deutschen Frauen mit Kindern, die keinen Deutschen zum Ehemann hatten, durch den vorübergehenden Aufenthalt der Deutschen in den Städten, wo sie nicht gemeldet waren, wie es zum Beispiel bei Studenten und bei den nicht an einem bestimmten Wohnort gemeldeten Personen der Fall war. Darüber hinaus waren einzelne „zerstreut lebende“ Deutsche sowie solche, die zum Zeitpunkt der Zählung verreist waren, nur schwer zu erfassen.

In einem Kurzbericht des Narkom Beria an Stalin (Nr. 2716/b vom 8. Oktober 1941) wurde die deutsche Bevölkerung aller drei Republiken Transkaukasiens auf 48.375 Menschen beziffert. 29.609 davon lebten auf dem Land, 372 waren Mitglieder oder Kandidaten für eine Mitgliedschaft in der WKP(B) und 1.077 – Mitglieder des WLKSM. 1.842 Personen wurden in den Akten des NKWD als „antisowjetische, verdächtige Risikogruppe“ geführt. Im Zuge „der Bekämpfung der antisowjetischen Arbeit“ in Transkaukasien seitens der deutschstämmigen Bevölkerung hielt es NKWD für angemessen, die als „antisowjetisch und verdächtig“ eingestufte Bevölkerungsgruppe zu inhaftieren und die verbleibenden 46.533 Personen in die Kasachische SSR auszusiedeln. Unter Vorlage eines entsprechenden Konzeptes des staatlichen Verteidigungskomitees bat Beria Stalin um Bewilligung des Vorhabens. Diese folgte unverzüglich. Dieselben Maßnahmen wurden unter gleicher Zielsetzung auch für Südkaukasus geplant.

So legte der Beschluss des staatlichen Verteidigungskomitees (Nr. 744ss vom 8. Oktober 1941) Folgendes fest: Aus der Georgischen SSR sollten 23.580, aus der Aserbaidshanischen SSR – 22.741 und aus der Armenischen SSR – 212 Bürger deutscher Abstammung in die kasachische SSR umgesiedelt werden. Bereits am 12. September 1941 verabschiedeten der Rat der Volkskommissare der UdSSR und das Zentralkomitee der WKP(B) gemeinsam den Beschluss „Über die Umsiedlung der Wolgadeutschen nach Kasachstan“ (Nr. 2060-935ss). Auch die Umsiedlung der Deutschen Transkaukasiens sollte nach Maßgaben dieses Beschlusses sowie unter der Einhaltung der vom Rat der Volkskommissare am 30. August 1941 verabschiede-

Нора Пфедфер

Ванька-встанька

Я с детства к тебе
 прилепилась душой,
 и время, пожалуй,
 не властно над нами,
 поныне с тобою остались
 друзьями,
 мой верный дружище,
 мой братец меньшей!

Со временем твой разгадала
 секрет:
 Тебя ванькой-встанькой
 недаром прозвали,
 и в жизни пример я брала
 не с тебя ли,
 чтоб выстоять, выжить
 под натиском бед?

Все кажется,
 снова из давних времен
 доносится тихий и радостный
 звон.

Перевод Л. Степановой

Леонид Брюммер.
 Сирень.
 Холст, масло.
 77х63. 1958.

Хайку

Шепот сирени
 в детские годы мои
 баюкал меня.

 Белые мухи
 летят и летят с неба:
 все еще зима.

Перевод Б. Дубровина

Поэтесса Нора Пфедфер родилась в Тбилиси в 1919 г. Училась в немецкой школе, директором которой был в течение 20 лет ее отец Густав Яковлевич, пока в одну зловещую ночь в 1935 г. не арестовали его и мать Нору Эмилию Михайловну. Перед войной она вышла замуж и родила сына. Когда грянула война, мужа призвали в армию и отправили на фронт. Мать Нору к этому времени уже вернулась из заключения. 19 октября 1941 г. всех тбилисских немцев за 24 часа депортировали под конвоем. Норе, как жене грузина, разрешили остаться. И дедушку оставили: лежачий нетранспортабельный старик... Ела ботву, а сдавала кровь, чтобы получить какие-то сладости и жиры. В 1943 г. получила известие, что муж тяжело ранен. Она уже держала в руках билет, чтобы поехать за мужем в госпиталь, но тут умер дедушка, а в ночь после похорон Нору арестовали. Ребенок остался на руках у прислужницы прадедушки – Каталикоса Грузии. Эту прислужницу он прислал на помощь во время похорон. Осудили Нору Пфедфер по статье 58–10 и 58–11 к 10 годам заключения и к 5 годам ссылки и лишения прав.

ние в пути, медицинское обслуживание, возможность кредита). На прием и расселение следовало отпустить СНК КазССР из резервного фонда СНК СССР 3 млн. руб.; организация приема и расселения возлагалась (пп. 9–10) на председателя СНК КазССР (Ундасынов) и секретаря КП(б)К (Скворцов)³. Заметим, в документах не употребляется дефиниция «депортация».

Уже 11 октября последовал приказ № 00144877 за подписью Берии о мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР во исполнение решения ГКО. Из Москвы для оказания практической помощи были направлены в НКВД Грузии – заместитель начальника 3-го Управления НКВД СССР капитан ГБ Дроздецкий, а в НКВД Азербайджана – начальник отдела ЭКУ майор ГБ Ткаченко. Руководство по проведению акции в республиках возлагалось на наркомов внутренних дел: комиссара ГБ третьего ранга Рапава (ГрССР), старшего майора ГБ Якубова (АзССР) и майора ГБ Мартиросова (АрмССР). Руководством к действию служила прилагаемая к приказу инструкция. Для проведения операции на местах следовало создать участковые оперативные тройки. Для обеспечения акции переселения выделялись войска НКВД – потребное количество по заявкам наркомов внутренних дел. Состоящий на оперативном учете «антисоветский элемент» следовало арестовать, но семьи этих немцев переселить в общем порядке. В случае отказа выехать к месту расселения таких лиц надлежало переселить в принудительном порядке. Совместно с советско-партийным активом следовало на местах провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств ответственность за них будет нести глава семьи». Для обеспечения погрузки переселяемых на пароходы в Баку и следования их до Красноводска предписывалось выделить наркому Якубову группу оперативных работников НКВД. О ходе операции наркомам следовало оперативно докладывать в Москву⁴.

ten Richtlinie über die Übergabe der Güter und Vermögen der Umsiedler erfolgen. Mit der Durchführung innerhalb von nur 15 Tagen vom 15. bis 30. Oktober wurde NKWD betraut. Dabei wurden auch Transport, Verpflegung und medizinische Versorgung während der Reise und eine mögliche Darlehensvergabe an die Betroffenen per o.g. Beschluss geregelt (Punkte 4–8, 11). Die Umsiedlung sollte mit 3 Mio. Rubel zu Buche schlagen, die vom Rat der Volkskommissare der UdSSR aus einem Reservefonds dem Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR zur Verfügung gestellt wurden und vom Vorsitzenden des Rates Undasynow sowie vom Sekretär der KP(B) K Skworzow bei der Aufnahme der Umsiedler und bei der Wohnraumverteilung verwaltet werden mussten (entsprechende Regelung in Punkten 9 und 10 des Beschlusses). Auffällig dabei ist, wie konsequent der Ausdruck „Deportation“ in sämtlichen Begleitdokumenten vermieden wurde.

Am 11. Oktober 1941 erging vom Narkom Beria der Befehl (Nr. 00144877) zur sofortigen Umsiedlung der Deutschen aus der Georgischen, der Aserbaidshanischen und der Armenischen Republiken gemäß dem Beschluss des staatlichen Verteidigungskomitees. Zur Unterstützung vor Ort bei diesem Vorhaben wurden in Moskau stellvertretender Vorsitzender der 3. NKWD-Direktion der UdSSR, Kapitän der KGB Drosdezkij und Vorsitzender der Wirtschaftsabteilung des NKWD, Major der KGB Tkatschenko jeweils dem NKWD Georgiens und dem NKWD Aserbaidshans zugeteilt. Die gesamte Durchführung der Umsiedlungsmaßnahmen oblag in der Georgischen SSR dem Volkskommissar des Inneren, Kommissar 3. Ranges der KGB Rapawa, in der Aserbaidshanischen SSR dem Obermajor der KGB Jakubow und in der Armenischen SSR dem Major der KGB Martirosow. Für die praktische Umsetzung der Umsiedlungen gab es genaue Dienstweisungen, die einzelne Vorbereitungs- und Durchführungsschritte festlegten. So hatten die einzelnen NKWD-Direktionen in ihren Wirkungsgebieten jeweils eine sog. Trojka zu bilden und bekamen die Möglichkeit, nach Bedarf zusätzlich Unterstützungstrup-

Георгий Гросс

Слева направо: Гросс Георгий, Гросс Лео, Гросс Наталья, Гросс Милена (дочь Георгия), Ина (жена Павлика – сына Георгия), Милена (жена Георгия)

Я работал инспектором движения поездов. Дорогу строили до Гагр. Очень часто приходилось быть в командировках. Я был в командировке в Гаграх, сидел в сквере, когда услышал речь Молотова о нападении Германии на СССР. Срочно вернулся в Сухуми. Обстановка нервозная. Стали рыть дурацкие траншеи, которые заливались частыми сухумскими дождями. В командировке в Ростове я впервые увидел крестообразно заклеенные окна домов и затемнение всего города. Через два месяца все немцы были извещены о выселении. Куда? Никто не знал. Получили увольнение, расчет. Был произведен обыск квартиры. Оперативник спросил Павлика (двухлетний сын. – ред.): «Где пулемет?» Павлик показал под кровать, и тот извлек оттуда его игрушки. Назначили день отъезда. Был октябрь 1941 г. Я пошел в КГБ просить, чтобы разрешили оставить Павлика у бабушки в Тбилиси. Не разрешили. Вещи собрали самые необходимые: теплую одежду, постель, матрасы, одеяла и даже старую металлическую раскладушку. Подошел грузовик с сотрудниками КГБ. Погрузили вещи, мест 5–6. Всю обстановку, мебель бросили, оставили семье старушки, которая смотрела за Павликом. На станции Келасури, где я прежде работал, подали состав с товарными вагонами, в них нас погрузили, как скот. В вагонах были нары – второй этаж. Поезд отправился. Прощай, родина – Кавказ! Остановка в Тбилиси. Узнал, что будем стоять около

двух часов. Выбежал на привокзальную площадь, взял машину с условием обратной доставки и поехал на Татьянинскую улицу, 5 к Милене Николаевне. Обнялись, наскоро переговорили. Она сказала, что наших – отца, Эвальда и Валю – жену Лео, уже отправили. Благословила меня, и я быстро вернулся к поезду, слава Богу, вовремя. Через несколько минут поезд пришел в Баку. В Баку нас высадили на морской пристани, к вечеру началась погрузка на пароход. Мест в каютах не было, расположились на палубе. Прибыли в Красноводск, нас выгрузили на пустырь, в поле. Сутки ждали вагонов. Наконец, погрузили опять в товарные вагоны и повезли вкруговую, чуть ли не через все среднеазиатские республики – через Мары, Чарджоу и другие пункты. На определенных пунктах выдавали хлеб и похлебу с кашей. Меня выбрали старостой вагона: я разливал похлебку и резал хлеб. На юге было еще тепло, а ближе к Казахстану становилось холоднее. Отопления не было, кутались во что могли. Больше всего боялись за двухлетнего Павлика. Но обошлось без болезней, а многие, особенно старики и дети, не выдерживали. Умерших выгружали на полустанках и оставляли там без всякого оформления и погребения. В конце октября прибыли на станцию Кокчетав (Казахстан).

Из воспоминаний Георгия Гросса

Одновременно наркомам внутренних дел республик были направлены директивы с грифом «совершенно секретно» (сс). Так, Якубову сообщалось в Баку, что из республики подлежит переселению немецкое население в количестве 22 741 человека, что операцию следует проводить в указанные сроки, на основании инструкции НКВД СССР, имеющейся у Ткаченко, что расходы на проведение выселения переводятся. Подобный инструктаж от заместителя наркома внутренних дел Союза ССР комиссара ГБ третьего ранга Кобулова был послан в Ереван – Мартиросову. Переселению подлежали 212 немцев, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ. В случае отсутствия в момент отправки (нахождения в больнице, командировке и т. п.) эти лица берутся на учет для последующего отправления. Срок операции здесь был сокращен: с 15 по 22 октября (что объяснимо небольшим числом депортированных. – Т.Ч.) Определялся маршрут следования: «до Баку жел. дор. и далее морем до Красноводска». На расходы по проведению операции и оплату их в пути следования «из расчета 6 руб. на человека в сутки Вам 10/Х ФО НКВД СССР переводит 25 тыс. руб.». Переселяемым разрешалось брать до 500 килограммов багажа (запрет на громоздкие вещи).

13 октября заместитель начальника Отдела спецпереселений НКВД СССР капитан ГБ Конрадов передает Якубову и Рапова записки о порядке обеспечения переселяемых в пути следования (указано восемь направлений) горячим питанием – два раза в сутки, стоимость 3 руб. на человека, оплата наличными в ж.д. буфетах начальником эшелона⁵. Казалось бы, хотя и наспех, организация была продумана, но она давала сбои. В условиях продвижения фашистских орд и одновременной эвакуации населения, раненых, предприятий и работников на восток в тыл эти поспешные решения потребовали корректуры или часть их просто осталась на бумаге.

Одновременно к акции переселения с Южного Кавказа готовились органы власти в Казахстане. 10 октября из Алма-Аты, из

пен zu ordern. Die Inhaftierung aller „antisowjetisch eingestellten, verdächtigen“ Personen sollte noch vor der Umsiedlung erfolgt sein. Familien der Inhaftierten fielen ganz regulär in die zu deportierende Bevölkerungsgruppe. Verweigerten die Betroffenen ihre Mitwirkung, so galt für sie die Regelung zur Zwangsumsiedlung. Um solchen Fällen vorzubeugen, führte das NKWD zusammen mit den Aktivisten der Partei Aufklärungsarbeiten durch: Den Menschen wurde auf diesem Wege bekannt gegeben, sollte einer oder mehrere Angehörige einer Familie illegal an ihrem Wohnort bleiben und der Zwangsumsiedlung entkommen, würde das Familienoberhaupt für diese Tat zur Verantwortung gezogen. Bei der regulären Umsiedlung wurden die Betroffenen zu den Schiffen nach Baku gebracht, ab dort erfolgte die Verschiffung nach Krasnowodsk. Um einen reibungslosen Ablauf der Aktion zu gewährleisten, stellte das NKWD dem Obermajor der KGB Jakubow zusätzlich eine operative Einsatzgruppe zur Verfügung. In regelmäßigen Berichten der verantwortlichen Volkskommissare wurde Moskau über den Fortschritt und Verlauf der Operation auf dem Laufenden gehalten.

Zeitgleich bekamen die Volkskommissare der Republiken schriftliche Mitteilungen mit dem Vermerk „streng geheim“. Der Volkskommissar Jakubow (Aserbaidsschische SSR) bekam darin die Anweisung, 22.741 Deutsche aus der Republik auszusiedeln und die per NKWD-Beschluss, der dem Genossen Tkatschenko vorlag, festgesetzten Fristen unbedingt einzuhalten. Die zur Durchführung der Operation benötigten Gelder seien bereits angewiesen, versicherte man im Geheimschreiben. Eine ähnliche Mitteilung richtete stellvertretender Volkskommissar des Inneren, Kommissar 3. Ranges der KGB Kobulow an Martirosow in Jerewan (Armenische SSR). Hier waren 212 Menschen zu deportieren, einschließlich der Mitglieder der WKP(б) und des WLKSM. Sollten einzelne Personen zum Zeitpunkt des Abtransports auf Grund eines Krankenhausaufenthaltes, einer Geschäftsreise, o. ä. nicht anwesend sein, so seien diese für den Nachtransport genauestens zu erfassen. In Armenien wurden die

Ich hätte auch weiterhin Elena oder Jelena heißen können, aber wie es der Zufall so wollte, wurde mein Name bei der Einbürgerung komplett eingedeutscht. Deutschland bekam mit mir eine neue Staatsangehörige namens Helene. Erst etliche Jahre später ist mir richtig bewusst geworden, welche Verbindung mein neuer Name für meine Großmutter Else (geb. Strasser) aufbaute. Der Name war mit Erinnerungen an die schöne Kindheit verbunden: warme Schokolade zum Frühstück, gemütliches Zuhause, saubere Straßen. Es sind Erinnerungen an Helenendorf, zu Beginn des 20. Jahrhunderts eine der größten deutschen Kolonien im Kaukasus. Wenn die Großmutter Else über die glückliche Zeit in Helenendorf erzählte, hatte sie ein Leuchten in den Augen. Aber solche Augenblicke waren immer nur von kurzer Dauer, denn mit Helenendorf waren auch andere Erinnerungen verbunden, die meiner Großmutter sichtlich Schmerz bereiteten. Das Jahr 1941. Plötzliche Erkenntnis über die eigene „Unzuverlässigkeit“ dem Staat gegenüber, den man als Heimat empfand. Verwirrung und Verzweiflung, die für viele der Betroffenen all die Jahre als schwarze Großbuchstaben im Kopf geblieben sind – DEPORTATION. Ich kann nur ungefähr ahnen, wie es damals für meine Großmutter als 14-jähriges Mädchen war, ihren Heimatort innerhalb von Stunden verlassen zu müssen. Später, bedingt durch die Einberufung in die Trudarmee, ihre Familie auseinanderfallen zu sehen. Als 16-jähriges Mädchen in den kalten Wäldern der ASSR Komi Bäume fällen zu müssen. Ich kann es nur ahnen, wissen tue ich es nicht. Meine Großmutter danach fragen kann ich seit zehn Jahren auch nicht mehr. Leider fällt es uns oft viel zu spät ein, dass man noch so viel fragen müsste – Großeltern, die nicht mehr am Leben sind. Ich wüsste zu gerne, wie es in dem Haus der Familie Strasser in Helenendorf aussah...

Helene Steinmetz

Else Strasser

Else Strasser (oben, in d. Mitte) (1927–2001), unten rechts – ihre Mutter Marta Strasser, geb. Lock (1891–1972). An Elses 13. Geburtstag

НКВД КазССР (нарком Бабкин), заместителю наркома внутренних дел СССР Чернышову была сообщена по «ВЧ» разнарядка о расселении немцев из закавказских республик: по 5 тыс. человек в 9 областей (Акмолинская, Алма-Атинская, Джамбульская, Кустанайская, Карагандинская, Павлодарская, Семипалатинская, Северо- и Южно-Казахстанская) и, как исключение, 2 тыс. человек в Восточно-Казахстанскую. По запросу на следующий же день в дополнение к этой разнарядке № 1040 от заместителя наркома КазССР Богданова последовало сообщение Чернышову о станциях назначения эшелонов с этими переселенцами (от Чернышова сведения поступали Конрадову)⁶. 13 октября Совнарком КазССР и ЦК КП(б)К принимают постановление (за подписью председателя СНК Ундасынова и секретаря ЦК Шаяхметова): «О мероприятиях по реализации постановления ГКО от 8 октября 1941 г. за № 744сс "О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР"»⁷. В нем были указаны 10 областей, куда их планировалось доставить; предусматривалось обеспечение питанием и медицинское обслуживание в местах разгрузки на ж.д. станциях и в пути следования к местам расселения. Закончить переселение следовало к 30 октября на основе постановления о расселении немцев Поволжья от 12 сентября и инструкции о порядке приема их имущества от 30 августа, а также соответствующего постановления СНК КазССР и ЦК КП(б)К от 1 сентября. Руководство возлагалось на НКВД, с привлечением к работе Наркомзема, Наркомсовхозов и других организаций республики Казахстан. Было предписано обязать председателей исполкомов облсоветов депутатов трудящихся и секретарей обкомов КП(б)К «в двухдневный срок разработать практические мероприятия по хозяйственному устройству переселенцев в точном соответствии с указанными постановлениями». Контроль за выполнением данного постановления возлагался на НКВД республики. (Решением СНК КазССР от 30 сентября 1941 г. предусматривалось распределение выделенных

Фристен um acht Tage gekürzt und auf den Zeitraum vom 15. bis 22. Oktober festgelegt. (was sich mit der geringen Anzahl der Betroffenen begründen lässt – Anm. d. Verf.). Von ihrem Wohnort aus sollten die wenigen Deutschen mit der Eisenbahn nach Baku gebracht werden, um von dort mit dem Schiff die Weiterreise nach Krasnowodsk anzutreten. Auch hier bestätigte man die Vergütung des Vorhabens: „aus der Berechnung sechs Rubel pro Reisetag und Person werden Ihnen am 10. Oktober von der Finanzabteilung des NKWD 25.000 Rubel überwiesen“. Mitnehmen durften die Deportierten bis zu 500 kg Gepäck, Mitnahme von Sperrgut war verboten.

Am 13. Oktober übergab stellvertretender Vorsitzender der Abteilung des NKWD für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Kapitän der KGB Konradow den Volkskommissaren Jakobow und Rapawa einen Versorgungsplan der Deportierten für die Reisedauer. Für die Reisenden, die in acht verschiedene Richtungen fuhren, waren zwei warme Mahlzeiten im Wert von drei Rubel täglich vorgesehen. Die Bezahlung erledigte in Bahnhofskantinen der Kommandant der Staffel. Auf den ersten Blick in kürzester Zeit gut durchorganisiert, wies die Planung der Übersiedlung doch einige Lücken auf. Die deutsche Armee drängte sich immer weiter ins Landesinnere vor, gleichzeitig mussten ganze Ortschaften, Verwundete, Betriebe und Arbeiter Richtung Osten, ins Hinterland, evakuiert werden. Um unter diesen Umständen korrekte Durchführung der Übersiedlung zu ermöglichen, bedurfte es mehrerer Korrekturen, so dass viele Punkte der Organisation für immer auf dem Papier bleiben sollten.

Zur selben Zeit bereitete man sich in der Kasachischen SSR auf die Aufnahme der kaukasischen Übersiedler vor. Am 10. Oktober teilte der Volkskommissar Babkin vom NKWD der kasachischen Stadt Alma-Ata dem stellvertretenden Volkskommissar der UdSSR Tschernyschow über eine den Regierungszwecken vorbehaltene Hochfrequenzleitung die Bestimmung (Nr. 1040) zur Verteilung der Deutschen auf dem Gebiet der Kasachischen SSR mit. Die Neuankömmlinge sollten auf neun Regionen verteilt werden, jeweils 5.000 Menschen pro Re-

Рис. 1
Прибытие высленцев на станцию Педгорное Восточно-Казахстанской области. Ноябрь 1941.

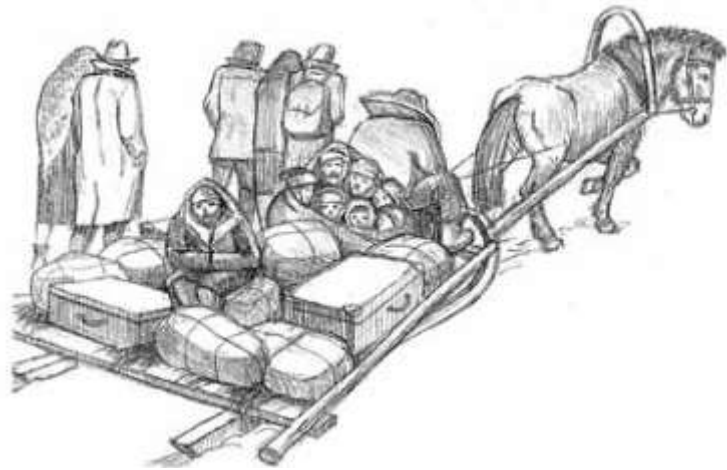

Рис. 2
Дорога до местопребывания, Восточно-Казахстанская область. Ноябрь, 1941.

Рисунки Гюнтера Гуммеля, российского немца, уроженца немецкого села Еленендорф в Азербайджане. Гуммель – искусствовед, скульптор, художник. Сегодня живет в Германии.

Гюнтер Гуммель

Рис. 3
О работе в колхозе «Веселый труд» вспоминает Ида Баумейстер. с. Антошенка, Павлодарская обл. 1942–1944.

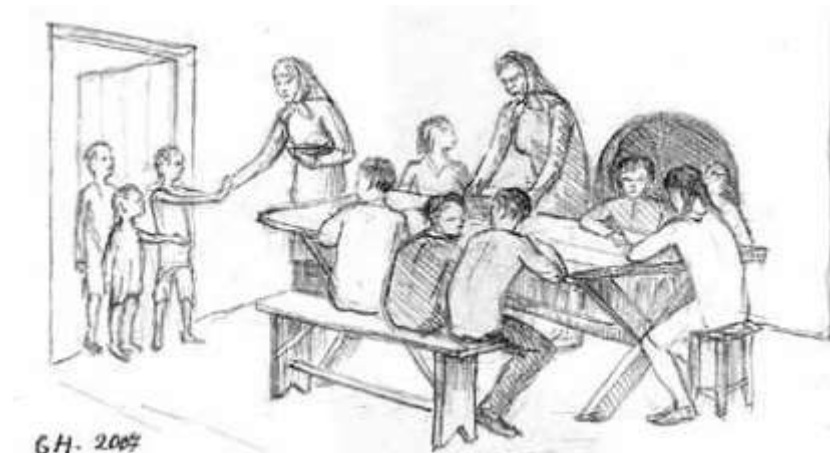

Рис. 4
Осиротевшие, голодные дети, просящие кусочек хлеба. Колхоз «Нацмен», Павлодарская обл. 1942–1943.

СНК СССР 17 млн. руб. на операционные расходы по приему и расселению немцев-переселенцев⁸.) Как видно из датирования всех документов, подготовка шла спешно.

К началу операции в Закавказье у местных органов власти явно отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах и приходилось параллельно вести работу по их выявлению. Так, в Азербайджане к началу выселения числилось 15 521 человека (в районах, по сельским зонам – 10 298 человек, в Баку и пригородах – 5223 чел.). Нарком внутренних

К началу операции у местных органов власти отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах.

дел Якубов докладывал в НКВД СССР, что на 16 октября была учтена 4861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6040 семей, 20 907 человек. Для реализации операции в Баку был создан оперативный штаб НКВД и 17 районных оперативных участков по организации переселения, задействованы городские и районные аппараты милиции и привлечены пограничные войска НКВД Азербайджанского округа, согласно плану «войскового обеспечения операции», 1240 офицеров и красноармейцев⁹. (По всей вероятности, операция в Грузии проводилась по подобному сценарию.) Был разработан план «перевозки переселяемых к пункту погрузки», т. е. в порт Баку.

Отсюда прибывающих немцев (и их багаж) переправляли по Каспийскому морю в Красноводск (Туркменская ССР); большие корабли «Туркестан», «Дагестан», «Казахстан» вмещали по два эшелона. Маршрут доставки поездом: Тбилиси – Сандар – Акстафа – Кировобад – Баку и затем из Красноводска по восьми направлениям ж.д. линий. До Баку (также из Армении) всех от-

дел Якубов докладывал в НКВД СССР, что на 16 октября была учтена 4861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6040 семей, 20 907 человек. Для реализации операции в Баку был создан оперативный штаб НКВД

гion. Dies betraf Gebiete um Akmola, Alma-Ata, Dschambul, Kustanaj, Karaganda, Pawlodar, Semipalatinsk, Nord- und Südkasachstan und – als Ausnahme – sollten 2.000 Menschen im Osten der Republik untergebracht werden. Am nächsten Tag bekam Tschernyschow vom stellvertretenden Volkskommissar der Kasachischen SSR Bogdanow die von ihm angeforderte Liste der Zielbahnhöfe. Tschernyschow leitete alle Informationen an Konradow weiter, der die Deportiertenstaffel begleitete. Zwei Tage später am 13. Oktober unterschrieben der Vorsitzende des Rates der Volkskommissare der Kasachischen SSR Undasynow und der Sekretär des Zentralkomitees KP(B)K Schajachmetow einen gemeinsamen Beschluss des Rates der Volkskommissare der Kasachischen SSR und des Zentralkomitees der KP(B)K „Über die Maßnahmen zur Umsetzung des Beschlusses des staatlichen Verteidigungskomitees Nr. 744ss vom 8. Oktober 1941 „Über die Umsiedlung der Deutschen aus Georgischer, Aserbaidshanischer und Armenischer SSR““. In diesem Beschluss wurden zehn Gebiete für die Unterbringung der Deutschen bestimmt. Laut dieses Beschlusses musste für die gesamte Reisedauer sowie an den Ankunftsbahnhöfen Verpflegung bereitgestellt und medizinische Versorgung gewährleistet werden. Die Übersiedlung sollte zum 30. Oktober vollständig abgeschlossen werden. Die gesamte Durchführung hatte gemäß dem Beschluss vom 12. September 1941 „Über die Umsiedlung der Wolgadeutschen“, gemäß der Richtlinie „Über die Übergabe der Güter und Vermögen der Deutschen“ vom 30. August 1941 sowie unter Einhaltung des entsprechenden Beschlusses vom Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR und vom Zentralkomitee der KP(B)K vom 1. September zu erfolgen. Die Leitung des Vorhabens oblag NKWD unter Einbeziehung des Volkskommissariats für Landwirtschaft, des Volkskommissariats für sowjetische Haushaltsplanung und anderer Organe der Kasachischen SSR. Die Vorsitzenden des Vollzugskomitees der Gebietsräte der Beauftragten des Arbeitervolkes und Sekretäre der Gebietskomitees wurden dazu verpflichtet, binnen zwei Tagen einen Plan zur Eingliederung der Deutschen zu erstellen, auch hier

Каштаны у селения Чинарлы.
Азербайджан

Городок Анненфельд стоял на возвышенности правого берега Шамхора, там, где река, выбравшись из горных оков, петляла по дну каньона. В разные годы его называли по-разному. Свое первое название он получил в честь сестры Александра I, великой княгини Анны Павловны. В последующем его назвали Аннино, а после революции переименовали в Ленинкенд. Однако в народе прижилось название ЛЭМС, сложенное из первых букв вождей мировой революции. То было время, когда эйфория переименования населенных пунктов охватила всю страну. Последним его названием после депортации коренного армянского населения стало Чинарлы. На улицах городка было много этих огромных платанов, которые спасали дома от нещадно палящего южного солнца... Григорий знал историю своего родного городка как хорошо выученный урок. Ему много раз приходилось слышать ее от бабушки, отца и других взрослых, которым довелось жить при немцах. Это была красивая сказка с трагическим концом. Со свойственным им усердием немцы построили в пустыне цветущий городок, утопающий в зелени. Видимо, они решили возвести настоящий рай на земле еще до того, как такая воз-

можность представится им после жизни. Дома в городке были большие, с черепичными крышами, выстроившиеся друг другу в затылок на широких улицах. Вперемежку с чинарами росли груши, и когда весной они цвели, то вся улица была охвачена белоснежным фейерверком. Прекраснее ничего нельзя было вообразить... Это была красивая сказка, разрушенная войной. И местные немцы, как это бывает, стали ее заложниками. В послевоенные годы по этим аллеям гуляли уже другие люди, а из громкоговорителей, висевших на электрических столбах, раздавались песни Утесова и Бернеса. То были одни из самых ранних воспоминаний Григория, которые крепко засели в памяти. Во время войны мирное немецкое население по приказу Сталина было выслано на Алтай. Ссылных подняли ночью, ошеломленных и растерянных, разрешили взять с собой только одежду и еду, погрузили в товарные составы и погнали на восток. С той же станции Далляр, откуда вывозили их вина. Много лет спустя, уже после карабахской войны, когда из Лэмса были изгнаны и армяне, Григорий подумал, что трагично складываются не только судьбы людей.

Отрывок из романа Симона Цатуряна «Лэмс» (2009). В нем переплетаются три сюжетные линии: история общины немецких евангелистов, изгнанных из Лэмса во время Великой Отечественной войны, история армянских семей, ставших беженцами во время конфликта в Нагорном Карабахе, и история возвращения к истокам двух героев.

правляли в переполненных пассажирских поездах, длинными эшелонами; из Красноводска – лишь в товарных поездах, по 60–70 человек в вагонах-теплушках (по инструкции – до 40 человек).

Депортация не затрагивала немногие семьи. Подробности горькой одиссеи освещены в опубликованных 3-х томах воспоминаний очевидцев¹⁰.

Немцы из Азербайджана попали в основном в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Северо- и Восточно-Казахстанскую области; из Грузии в большинстве своем в Джамбульскую, Алма-Атинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую области; из Армении все были направлены в Павлодарскую область.

Типичной была картина отъезда: плач, рев недоенных коров, лай собак, порой до изнеможения бежавших за отъезжавшими хозяевами.

Можно отметить общие черты и особенности в сравнении с депортацией немцев с Волги или Северного Кавказа, Украины и других регионов. Как и везде, появление военных и объявление о переселении было для немцев в Закавказье однозначно неожиданным. Люди не подозревали, что уезжают навсегда, им давали три дня на сборы. Условия переселения, согласно инструкции НКВД Союза, были одинаковы: следовало сдать опечатанные дома, хозяйство, скот. Хорошо, если за бесценок продавали корову (по весу получали до 500 руб., в то время как рыночная цена доходила до 2 тыс. руб.); если забивали часть свиней и птицу, жарили мясо в дорогу. Типичны были психологическое состояние людей и картина отъезда: плач, рев недоенных коров и оставленной скотины, лай собак, порой до изнеможения бежавших за отъезжавшими хозяевами.

Можно отметить общие черты и особенности в сравнении с депортацией немцев с Волги или Северного Кавказа, Украины и других регионов. Как и везде, появление военных и объявление о переселении было для немцев в Закавказье однозначно неожиданным. Люди не подозревали, что уезжают навсегда, им давали три дня на

unter Einhaltung aller oben erwähnten Richtlinien und Beschlüsse. Das NKWD sollte die regelgemäße Umsetzung des Beschlusses sicherstellen. Es gab einen weiteren Beschluss betreffend die deutschen Umsiedler, verabschiedet vom Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR am 30. September 1941. Dieser legte die Summe von insgesamt 17 Mio. Rubel fest, die in die Eingliederungsmaßnahmen fließen sollte. Den Datierungen der Dokumente nach zu urteilen, legten die Verantwortlichen großen Wert darauf, die Übersiedlung in möglichst kurzer Zeit vorzubereiten, durchzuführen und abzuschließen.

Zu Beginn der Deportationen aus Transkaukasien waren den zuständigen Behörden die genauen Zahlen der dort lebenden Deutschen nicht bekannt. So mussten parallel zur Planung der Übersiedlungsaktion Zusatzmaßnahmen ergriffen werden, die eine genaue Auflistung der Deutschen in jenen Regionen ermöglichen sollten. In Aserbaidschan beispielsweise lebten zu Beginn der Deportationen nach offiziellen Angaben 15.521 Deutsche, davon 10.298 auf dem Land und 5.223 in Baku und seinen Vorstädten. In seinem Bericht vom 16. Oktober an das NKWD der UdSSR teilte aber der Volkskommissar Jakubow mit, in Aserbaidschan seien 15.835 Deutsche in 4.861 Familien wohnhaft. Bereits am 22. Oktober stieg diese Zahl auf 20.907 Deutsche verteilt auf 6.040 Familien. Um die Deportation aus Baku realisieren zu können, wurden ein Operationsstab vom NKWD ins Leben gerufen, siebzehn Operationsgruppen zur Organisation und Durchführung der Umsiedlungen gebildet, Stadt und Bezirksmiliz hinzugezogen und Grenztruppen des NKWD der Aserbaidschanischen SSR mit 1.240 Offizieren und Angehörigen der Roten Armee mobilisiert, so wie es der Plan „der militärischen Unterstützung der Operation“ vorschrieb. Mit großer Wahrscheinlichkeit verlief die Operation in Georgien nach demselben Muster. Es gab einen detaillierten Plan zum „Transport der Übersiedler zur Verlade-stelle“; dem Hafen von Baku.

Zum Hafen kamen die Menschen mit überfüllten Passagierzügen. Ihre Reise dorthin führte über Tbilisi, Sandar, Akstafa und Kirowo-

Школа первой ступени
в колонии Анненфельд

Im Oktober haben wir unsere Häuser, Hab und Gut für immer verlassen müssen. „Wie die Zugfahrt verlaufen ist und ob es unterwegs Opfer gab, weiß ich nicht, spüre jedoch immer noch die Kälte am Schluss dieser mehrwöchigen Zugfahrt. In den Waggons mit über 60 Personen war es sehr eng, man konnte sich kaum bewegen, alles war voll mit Leuten und Gepäck, liegen auf den Pritschen konnte man nur auf einer Seite“, - weiß jetzt noch die damals 15jährige.

Am 22. Oktober fing die Reise ins Ungewisse an. Von der Station Doljar wurden die Annenfelder mit dem Zug nach Baku gefahren, direkt zum Seehafen. Am nächsten Tag verließen ca. 1000 Annenfelder auf dem Schiff „Dagestan“ den aserbajdschanischen Boden und kamen in der Frühe des 24. Oktober in Krasnowodsk an. Am gleichen Tag erfolgte die Verladung der Kaukasusdeutschen in die zu einem langen Zug formierten Viehwaggons. In diese kamen nur Annenfelder hinein.

Am Tag der Großen Oktoberrevolution kamen die aus Annenfeld Vertriebenen im Dorf Kamyschenka im Gebiet Ost-Kasachstan an. Von der Gebietshauptstadt Ustj-Kamenogorsk gingen an diesem 7. November 1941 zwei Fähren mit Annenfeldern ab, eine nach Ustj-Kamennoje, die andere nach Samarskoje. „Wir waren auf der ersten Fähre und mussten noch 300 km weiter kommen... nach Slawjanka,“ so hat Frau Müller diese Zeit in Erinnerung. Von dort wurden deutsche Mädchen und Frauen, zu einer Erzgrube abtransportiert. Dort mussten wir die ganzen schiffbaren Monate arbeiten, etwa vom 20. April, als das erste Schiff vom Hafen Semipalatinsk zum Oberirtysch startete, bis Ende der ersten November-Hälfte, als die Schifffahrt wegen Frost wieder eingestellt werden musste. Wir mussten Schiffe, Last- und Schub-Kähne entladen. Es kamen dort Güter wie Lebensmittel (Mehl, Reis u.a. Getreide, Zucker etc.), Motoren- und Maschinenöl in Fässern, Kohle u.a.m. an. Die schweren Güter mussten wir, alles junge Mädchen und Frauen, dazu noch hungrig und barfüßig auf unseren Schultern und unter Bewachung schleppen.

Erinnerung von Klara Müller, geb. Quadrizius, geb. 1926, an Annenfeld (heute Schamkir) (aus dem Buch: Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1. Duisburg, 2004).

«Наказанный народ» – немцы оказались первыми в череде репрессий по национальному признаку, но в целом схожи судьбы их и других «народов в эшелонах», отправленных в годы войны с Кавказа в глубь страны. Особенностью можно назвать факт, что швабы брали много вещей: плотно свернутые дорогие персидские ковры, постельное белье, одеяла и матрацы, летнюю и зимнюю одежду, посуду и утварь, хозяйственные инструменты, запасы еды. Некоторые везли швейные машинки «Зингер» (многим они помогли выжить). Ход акции выселения облегчало предоставление автомашин и телег до ж.д. станций и пассажирских поездов в Баку, организация в порту погрузки тяжелых тюков на корабли. Поскольку прибывающие из Грузии немцы брали багаж, значительно превышавший масштабы разрешенного инструкцией НКВД, из Баку в НКВД Тбилиси была отправлена 22 октября телефограмма с просьбой «запретить погрузку громоздких вещей» (везли кровати, кушетки, стулья, бочки вина). 23-го – новая телеграмма: «Багажа по-прежнему много»; требовали организовать переселение в соответствии с инструкцией¹¹.

29 октября нарком Якубов сообщил из Баку в Москву (заместителю наркома Кобулову), что переселение из южнокавказских республик было закончено 28 октября. Это напоминает традицию выполнения плана по привычке «досрочно»! Однако за этим рвением и деянием стояли свыше 40 тыс. поломанных судеб... По обеим справкам НКВД о переселении граждан немецкой национальности, от 28 октября и 13 декабря 1941 г. (за подписью заместителя начальника Отдела спецпереселений капитана ГБ Конрадова), из Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик были депортированы соответственно 23 580, 22 841 и 212 человек (25 эшелонов). Интересно, что в справках от 13 и 14 декабря «о наличии проживающих (оставшихся) немцев в республиках, краях и областях» закавказские республики не фигурируют (по данным НКВД-УНКВД)¹².

bad. Auch von Armenien aus reiste man nach Baku mit der Eisenbahn. Von Baku aus ging es mit großen Schiffen „Turkestan“, „Dagestan“, „Kasachstan“ samt Gepäck weiter über das Kaspische Meer nach Krasnowodsk (Turkmenische SSR). Jedes dieser Schiffe verfügte über großes Fassungsvermögen und konnte Menschen aus zwei vollen Zügen aufnehmen. In Krasnowodsk wurden die Reisenden in acht Gruppen aufgeteilt, die in acht verschiedene Richtungen mit der Eisenbahn weiterreisten. Statt Passagierzügen wurden hier lediglich Güterzüge und Viehwagen bereit gestellt. Trotz eines Fassungsvermögens von nur 40 Personen wurden die Wagen mit 60-70 Personen besetzt.

Nur sehr wenige Familien waren von der Deportation nicht betroffen. Die meisten mussten diese ungewollte, bittere Odyssee auf sich nehmen. Ihre Erlebnisse aus jener Zeit wurden zusammengetragen und als eine dreibändige Sammlung der Erinnerungen der Augenzeugen veröffentlicht. Deutsche aus Aserbaidschan kamen zum größten Teil in die Gebiete um Akmola, Karaganda, Kustanaj und in den Nord-Osten der Kasachischen Republik. Fast alle georgischen Deutschen wurden in die Gebiete um Dschambul, Alma-Ata, Pawlodar, Semipalatinsk und in den Süden der Kasachischen Republik umgesiedelt. Alle aus der Armenischen SSR kommenden Deutschen wurden in der Region um Pawlodar untergebracht.

Bereits am 29. Oktober teilte der Volkskommissar Jakobow aus Baku dem stellvertretenden Volkskommissar Kobulow in Moskau mit, dass die Übersiedlung der Deutschen von Transkaukasien am 28. Oktober abgeschlossen wurde. Das erinnert stark an die damals verbreitete Tradition, einen Plan unbedingt vorfristig zu erfüllen! Nur zu leicht übersah man hinter dieser Hektik und Eile, dass hinter der Aktion 40.000 zerbrochene Schicksale standen... In seinen Berichten vom 28. Oktober und vom 13. Dezember informierte der stellvertretende Vorsitzende der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Kapitän der KGB Konradow über die erfolgte Umsiedlung von 23.580 Deutsche aus der Georgischen, 22.841 Deutsche aus

Ecke der Erinnerungen
an die ehemaligen Kolonisten
auf dem lokalen Friedhof
(Katharinenfeld, heute Bolnisi).
Foto T. Tschernowa-Döke

15. Oktober 1941. Ich war gerade in der 6. Klasse. Zur vierten Stunde kam der Lehrer für Georgisch nicht zum Unterricht. Wir Schüler rannten in den Hof... doch bald kam eine Lehrerin und sagte: „Geht alle nach Hause, ihr werdet mit euren Eltern nach Kasachstan verschickt.“ Diese Nachricht bedeutete für uns unerfahrene Kinder nichts Ernstes. Wir freuten uns und schrieten: „Hurra, wir fahren nach Kasachstan, wo es heiß ist und wo es Äpfel gibt!“ Als ich nach Hause kam, sah ich, dass die Mutter weinte und der Vater ganz nervös war. Es wurde uns befohlen, in drei Tagen zur Abfahrt bereit zu sein. Nach einer guten Ernte in diesem Jahr war unser Keller besonders voll mit Obst, Äpfeln, Trauben und Kartoffeln in großer Menge...

Am 18. Oktober fuhren wir mit Ochsenwagen zur Station Sandar ab. Unser treuer Hund „Bobik“ lief dem Wagen hinterher, solange er konnte, dann wurde sein trauriges Geheul immer leiser... und schließlich sahen wir ihn nicht mehr.

Endlich kam ein Personenzug... in jeden Waggon wurden viele Leute hineingepfercht... Nun saß in unserem Waggon auch ein älteres Ehepaar... Beim wiederholten Bremsen und Stoß... fragte die alte Frau: „Warum fahren sie uns so schlecht nach Deutschland?“ Darauf erwiderte ihr Sohn „Mutter, du fährst nicht nach Deutschland, sondern nach Kasachstan!“

Am Mittag trafen wir in Baku ein. Am nächsten Nachmittag kamen wir am anderen Ufer des Kaspischen Meeres in der turkmenischen Hafenstadt Krasnowodsk Am Mittag des 22.10.41 fuhr der Elendszug aus Krasnowodsk ab. Am 31. Oktober kamen wir in Semipalatinsk an... Weiter war das Dorf Belokamenka.

Die Erinnerungen an Katharinenfeld und Belokamenka von Ida Ordubajew, geborene Kies (geb. 8.2.1928) (aus dem Buch: Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1. Duisburg, 2004).

Обращает на себя внимание, что в отчетах были даны неизменно одинаковые сведения и цифры соответствуют заданным в постановлении ГКО от 8 октября. Свет на факт первоначально явно формального учета НКВД проливает документ – запрос от 28 ноября начальника Отдела спецпереселений майора ГБ Иванова (г. Чкалов) Конрадову в г. Куйбышев – пункт 3: «Одновременно сообщите последние цифровые данные о фактическом переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР...» Он упрекает Конрадова в том, что его справка заместителю наркома внутренних дел Меркулову составлена «не из фактических данных отправленных эшелонов, т. е. данных Транспортного управления... а из предположительных». Лишь после запроса сведения были уточнены. Так, уже по справке Конрадова начальнику отдела Иванову от 25 декабря, из Грузии было отправлено, согласно сообщению НКВД ГрССР, 20 423 немца (т. е. меньше, без объяснения причин). Не остались без изменений и данные по Азербайджану. В справке НКВД на 1 января 1942 г. даны следующие показатели: были переселены из Грузии – 20 423 человека, из Азербайджана – 23 593 человека, из Армении – 212 человек.¹³ Получается всего 44 228 немцев, что можно взять за основу. Как видим, план Берии переселить 46 533 человека остался невыполненным. Оказалось, «недобор» по плану составил 2305 человек! В срок с 25 по 30 октября шло переселение немцев из Дагестанской АССР – 4000 человек и из Чечено-Ингушской АССР – 574 человека (согласно постановлению ГКО № 827сс от 22 октября). Одновременная акция – прибытие пароходов по Каспию из порта Махачкала в Баку и подача вагонов – могла затруднять отчетность, но главное было в сугубо формальном подходе к ней. (По докладу Конрадова, на 25 декабря в стране уже было отправлено 856 168 немцев. Из них, считаем, закавказские немцы составили 5,15 %).

Но и после рапорта Якубова от 29 октября продолжалась депортация «вновь выявленных». В донесении в Москву уточ-

der Aserbaidshanischen und 212 Deutsche aus der Armenischen Republiken. Dies entsprach 25 überfüllten Langzügen. Nach den Angaben des NKWD wurde Transkaukasien in den Mitteilungsdokumenten vom 13. und 14. Dezember „über die noch an ihrem ursprünglichen Wohnort verbleibenden Deutschen“ nicht erwähnt.

Es fällt auf, dass in den sämtlichen Berichten über die Aussiedlungen die Anzahl der Deportierten stets mit den vom staatlichen Sicherheitskomitee ermittelten und am 8. Oktober festgehaltenen Zahlen übereinstimmt. Dies wurde auch vom Vorsitzenden der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“, Major der KGB Iwanow aus der Stadt Tschkalow aufgegriffen. Am 28. Oktober forderte er Konradow in Kujbyschew in einem Schreiben auf, „bei Gelegenheit die tatsächlichen Zahlen der Umgesiedelten aus der Georgischen, Aserbaidshanischen und Armenischen Republiken mitzuteilen“ (Punkt 3 im Schriftstück). In diesem Schreiben wirft er Konradow vor, seinen Bericht an den stellvertretenden Volkskommissar des Inneren Merkulow „nicht von den tatsächlichen Zahlen der abgefertigten Züge ausgehend erstellt zu haben, sondern sich auf Vermutungen und Spekulationen gestützt zu haben“. Erst als Reaktion auf dieses Schreiben wurden die Zahlen der Deportierten in einem weiteren Bericht vom Konradow korrigiert. Am 25. Dezember teilte er dem Vorsitzenden der Abteilung für „besondere Übersiedlungsangelegenheiten“ Iwanow die Korrekturen mit. Demnach wurden aus der Georgischen SSR insgesamt 20.423 Deutsche ausgesiedelt (also weniger als geplant, ohne Angaben von Gründen). Auch die Zahlen der Deportierten aus der Aserbaidshanischen SSR mussten berichtigt werden. In einer Mitteilung des NKWD vom 1. Januar 1942 wurde die Zahl der Deportierten auf 23.593 erhöht. Die Angabe von 212 Menschen in der Armenischen Republik war dagegen korrekt. Diesen Zahlen zufolge wurden tatsächlich 44.228 Deutsche aus Transkaukasien deportiert. Wie dies deutlich macht, konnte Beria seinen Plan, 46.533 Deutsche aus Transkaukasien zu deportieren, nicht verwirklichen: Es „fehlten“ ganze 2.305 Menschen! Es war auch nur bedingt mög-

Eine der vielen Folgen der Deportationen waren neue Änderungen innerhalb der deutschen Toponomastik. Ein erstes Mal tauchten die Namen der deutschen Ortschaften der russischen Schreibweise und Toponomastik angepasst im Jahre 1915 im damaligen Zarenrußland auf. So wurde aus dem Helenendorf „Jelenino“, aus dem Annenfeld „Annino“, aus dem Elisabeththal „Asureti“ usw. Mit dem Machtantritt der Sowjets 1921 wurden die Namen ein weiteres Mal geändert: Katharinenfeld in „Ljuksemburg“, Alexanderdorf in „Liebknechtdorf“, Aleksandergilf in „Rosenberg“, Waldheim in „Kirowisi“, Georgsfeld in „Georgijewsk“, Elisawetinka in „Marksowka“ u. a. 1938 wurde aus Jelenino „Chanlar“, im Juni 1941 taufte man Annino in „Schamchor“ um (ähnlich einem früheren Namen der Region), Georgijewsk (früher Georgsfeld) bekam den Namen „Leninfeld“, Eigenfeld wurde zu „Engelsfeld“ usw. Auffällig waren auf Ideologie basierte Namensgebungen (wie z.B. Marksowka nach Karl Marx benannt, oder Leninfeld benannt nach Wladimir Lenin. – Anm. d. Übers.). Seit dem Jahr 1941 gibt es in Kaukasus so gut wie keine deutsch klingenden Ortsnamen mehr. Nach der Aussiedlung der Deutschen bekamen viele Ortschaften einen neuen Namen: Ljuksemburg nannte man unverzüglich in „Bolnisi“ um, Traubenberg wurde zu „Tamaris“, Grüntal zu „Ruisbolo“, Leninfeld zu „Tschinarli“, Traubefeld wurde mit Towus zusammengelegt usw. Und diese Entwicklung hält bis heute an! Im Jahr 2009 wurde z.B. die Stadt Chanlar (ehem. Helenendorf) nach einem nahe gelegenen See in „Gjok Gjöl“ umbenannt.

Die ehemaligen
Kolonisten-Häuser
in der georgischen Stadt Bolnisi
(ursprünglich Katharinenfeld)

нялось: «Оставшиеся по различным причинам одиночки и демобилизуемые из Красной армии будут направляться группами в сопровождении оперработников». В ходе операции также продолжались аресты проходивших «по оперативным материалам» (только в Азербайджане, по отчетам республиканского НКВД, на 25 октября – 105 человек)¹⁴. Они были месяцами позже этапированы в распоряжение НКВД КазССР.

Судя по изученным на сегодня докладным запискам в НКВД СССР, внутренней переписке между сотрудниками НКВД Азербайджана и Грузии, их рапортам, в ходе осуществления операции проявилось много упущений в ее организации (от-

части жизнь внесла коррективы в планы). По приему эшелонов в Баку: неразбериха в документации, «повагонные списки составлены небрежно», сопровождающим оперработникам и начальникам эшелонов не

всегда было известно количество едущих в поезде. К примеру, на прибывших из Сандара эшеломом № 233/611 отсутствовали учетные карточки. Выявлялись случаи, что наркомы здравоохранения обеих республик не обеспечили отправляемых с эшелонами врачей деньгами и медикаментами, некоторые ехали «на время» в легкой одежде. В рапортах оперработников в оперативный штаб Баку отмечалось, что порой не было точного адреса конечных остановок эшелонов, в дороге могли изменить направление движения или место выгрузки пассажиров (что могло быть и в силу объективных причин, сложности процесса эвакуации населения и промышленности). Не останавливаясь подробно на условиях переезда, отметим, что в об-

лич, die Einhaltung des Plans nur anhand der Zahlen zu verfolgen. Im selben Zeitraum vom 25. bis 30. Oktober stiegen in Baku weitere 4.574 Deportierten aus den Autonomen Sowjetrepubliken Dagestan und Tschetscheno-Inguschetien (vorgeschrieben per Beschluss Nr: 827ss des staatlichen Sicherheitskomitees vom 22. Oktober 1941) über das Kaspische Meer aus Machatschkala kommend auf die Schiffe Richtung Krasnowodsk um. Es ist nicht ausgeschlossen, dass dies zu einigen Verwirrungen bei den Zählungen führte. Doch das größte Unterfangen lag hier in der rein formellen, oberflächlichen Herangehensweise der Verantwortlichen. Abschließend lassen sich die Deportiertenzahlen wie folgt zusammenfassen: Insgesamt wurden im ganzen Land 856.168 Deutsche deportiert, Kaukasiendeutsche machten davon 5,15% aus. Dieselben Zahlen gab Konradow in seinem Bericht vom 25. Oktober bekannt.

Nachdem die Hauptdeportationen beendet waren, begann man am 29. Oktober mit der Deportation der „Neuermittelten“. In einem Rapport an die Moskauer Behörden hieß es: „die aus verschiedenen Gründen noch nicht umgesiedelten Einzelpersonen sowie die demobilisierten Soldaten der Roten Armee werden in Gruppen und in Begleitung der Operationsgruppen zu ihrem neuen Wohnort gebracht“. Auch die Inhaftierungen der „antisowjetisch eingestellten und verdächtigen Personen“ dauerten noch an. Alleine In Aserbajdschan wurden laut Angaben des NKWD vom 25. Oktober weitere 105 Menschen verhaftet. Monate später wurden sie den Behörden der Kasachischen SSR übergeben.

Wie man heute aus den Berichten der Verantwortlichen, Beschlüssen und vielen Briefwechseln zwischen NKWD-Abteilungen von Aserbajdschan und Georgien schlussfolgern kann, gab es in der Organisation der Deportationen viele nicht unerhebliche Lücken, die letztendlich auf irgendeine Art sich selbst füllten. Vieles wurde versäumt, nachlässig organisiert und anschließend nicht sorgfältig genug umgesetzt. Der Ablauf erfolgte teilweise chaotisch und ungeordnet. So zum Beispiel waren die Namenslisten und andere Be-

В ходе осуществления операции проявилось много упущений в ее организации. Отчасти жизнь внесла коррективы в планы.

...Я родился в Челябинске в 1949 г. Отец – шваб, уроженец Катариненфельда в Грузии, мать – волжанка, уроженка Базеля Поволжья, семья которой была раскулачена в 1930 году и выслана в Коми.

Родители между собой говорили на немецком, говорил на немецком и я, но когда во время тяжелой болезни попал на три месяца в больницу, то вышел из нее русскоязычным.

В 1955 г., когда немцам дали относительную свободу передвижения, отец взял меня с собой и мы поехали на его родину к семье его старшей сестры. Это было мое первое путешествие, чем я страшно гордился. Вместе с тетей и отцом мы пошли на кладбище на могилы моих дедушки и бабушки. Дедушка умер в 1936 г., бабушка – в 1948. До этого я никогда не был на кладбище и не знал его назначения. Была пустыня: камни, пыль и редкие кусты прошлогодней травы. В 20 м от телеграфного столба были два холмика, обложенные овалом камнями. Взрослые стояли на коленях и плакали...

После нашей поездки тяга отца на родину была неудержимой, хотя мать, будучи дочерью Севера, всячески противилась ехать в неведомые ей места.

В 1956 г. семья переехала на родину отца – тогдашний Болниси Грузинской ССР. Нас там не прописали, несмотря на то что сохранился дедовский дом, так как две сестры отца были замужем за лицами ненемецкой национальности, отца призвали в Красную армию в 1940 г., и из их семьи никто не был выслан.

Наша семья разделила судьбу всех высланных в 1941 г. немцев. Мы имели право жить везде, где разрешалось свободно проживать, кроме местности, находящейся ближе 50 км от места жительства до войны. Первый класс школы я кончил в Болниси, живя у тети, со второго по десятый – в селе Ламбало (Дебедашен, Баграташен) Ноемберянского района Армении, куда наша семья вынуждена была переселиться...

Из воспоминаний Виктора Генриховича Вухрера

Виктор Вухрер

Многие немцы сохранили духовную связь с Родиной – Кавказом. Первые ехали туда из Казахстана «посмотреть» уже в 1960-е гг., группами или семьями, в одиночку. Теперь едут из Германии посетить родные места, периодически организуются турпоездки в Баку, Еленендорф и другие селения.

щем он длился до месяца, 2–3 недели – в вагонах-теплушках по 60 и более человек. Отсутствие туалетов, трудности с маленькими детьми и стариками, нехватка продовольствия и воды и т. п. вызывали болезни и смерти в пути. Хотя, по воспоминаниям очевидцев, носили кипяток, ближе к ночи получали горячую пищу из ж.д. буфетов (расплачивались ответственные начальники эшелонов).

Мало исследованным остается вопрос о политике и практике заселения принудительно оставленных немцами жилищ. Переселение местных и эвакуированных жителей в районы и колхозы после насильственного выдворения немецкого населения наблюдалось повсеместно (в Поволжье, на Кавказе и др.)¹⁵. В покинутые дома депортированных немцев, которые сдали колхозу скот и все хозяйство, получив жалкие расписки о принятом, спешно вселяли по решению местных советско-партийных органов. Так, в Азербайджане уже 19 октября в ходе акции выселения было утверждено постановление Совнаркома и ЦК АКП(б) «О вселении в колхозы, освобождаемые от немецкого населения». Указано было вселить в пятидневный срок 4360 человек трудоспособного колхозного населения, со всеми членами семей и хозяйствами¹⁶. Эта политика и практика и правомерность решений властей требуют, наконец, правовой оценки.

Одним из последствий депортации на местах стало очередное изменение немецкой топонимики. Впервые новые названия населенных пунктов как элемент русификации появились в 1915 г.: Еленендорф стал Еленино, Анненфельд – Аннино, Елизаветталь – Асурети и т.д. Затем с 1921 г., с приходом советской власти, селения были переименованы: Катариненфельд – в Люксембург, Александерсдорф – в Либкнехтдорф, Александергильф – в Розенберг, Вальдхайм – в Кировиси, Георгсфельд – в Георгиевск, Елизаветинка – в Марксовку и др. В 1938 г. Еленино было названо Ханлар, в июне 1941 г. Анни-

gleitunterlagen nicht korrekt verfasst, was im Hafen von Baku zu großen Verwirrungen führte. Den Operationsgruppen und Staffelleitern waren die genauen Zahlen der Passagiere in den Zügen nicht bekannt. Bei dem Zug Nr. 233/611 aus Sandar wurden vorab keine Registrierkarten für Ankömmlinge angelegt. Viele der begleitenden Ärzte waren durch Versäumnisse der Volkskommissare in den Republiken weder mit dem nötigen Reisegeld noch mit Medikamenten ausgestattet. Manche von ihnen kamen in leichter Bekleidung in der Annahme, nur für eine kurze Zeit zu verreisen. Oft wussten weder die Passagiere noch die Begleitpersonen, welcher Ankunfts-ort für ihre Zugstaffel vorgesehen war. Die Fahrtrichtung oder gar der Zielort der Züge konnte jederzeit geändert werden: Die Fahrpläne waren auf Grund vieler gleichzeitig laufender Evakuierungsmaßnahmen nur schwer einzuhalten. Insgesamt dauerte die Reise etwa einen Monat, zwei bis drei Wochen davon war man in Güterzügen unterwegs, die Wagen wurden statt mit 40 mit über 60 Mann vollgemacht. Toiletten gab es in den Güterzügen nicht. Es war nicht genug Essen und Trinkwasser da, für kleine Kinder und ältere Menschen wurde die Reise so besonders beschwerlich. Einige starben an Krankheiten wegen fehlender Versorgung mit Medikamenten, Wasser und Proviant. Einige der Augenzeugen erinnern sich, dass es von Zeit zu Zeit heißes Wasser und abends warme Mahlzeiten aus den Bahnhofskantinen gab.

Bis heute bleibt zum größten Teil ungeklärt, unter welchen Bedingungen und nach welchen Vorgaben die von den Deutschen unfreiwillig verlassenen Häuser wiederbezogen wurden. Bekannt ist, dass dieser Wohnraum samt zurückgelassener Haushaltsgegenstände, persönlicher Sachen, Vieh den Einheimischen in den jeweiligen Gebieten sowie der aus anderen Ortschaften evakuierten Bevölkerung durch die Behörden überlassen wurde. Diese Praxis wurde in allen Regionen angewandt, aus denen die Deutschen deportiert wurden. Was mit ihren Häusern und ihrem zurückgelassenem Hab und Gut geschehen würde, wussten sie nicht. Bei der Abreise händigte man

Ежегодная встреча
еленендорфцев в Фульде
(Германия).
Фото Т.Н. Черновой-Дёке

Большинство немцев-переселенцев (кавказских) переехали из Казахстана в Германию. Они регулярно проводят здесь встречи односельчан, родственников и близких, друзей, одноклассников. И что интересно, собираются жители не только бывших колоний, но и немецких селений в Казахстане, например, деревень Белокаменка или Мариновка, где была прожита часть жизни, где родились и выросли их дети. Некоторые пишут семейные истории, хроники, историю колоний, просто о пережитом. Их объединяет общность судеб. Хотя в деталях судьбы людей были разные, они имеют так много схожего, поскольку все они – российские немцы.

но – Шамхор (как звучит древнее название местности), Георгиевск – Ленинфельд, Эйгенфельд – Энгельсфельд и др. Налицо были идеологизированные названия. В 1941 г. немецкие топонимы фактически окончательно исчезают с карты Кавказа. Так, с выселением немцев село Люксембург было сразу переимено-

вано в Болниси, Траубенберг – в Тамарис; Грюнталь – в Руисболо, Ленинфельд – в Чинарли; Траубенфельд объединен с Товуз и т.д. И по сей день(!) этот процесс продолжается: в 2009 г. Ханлар (б. Еленендорф) был назван Гёк Гель (по названию близлежащего озера).

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа.

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа. Произошла непоправимая утрата трудолюбивого, успешного сельского и городского населения. Мало немцев оставалось или вернулось сюда. На сегодня в суверенных Азербайджане и Грузии имеются небольшие евангелическо-лютеранские общины. В Баку немцам-евангелистам удалось вернуть себе здание Кирхи. В Тбилиси при поддержке германской стороны и благодаря усилиям епископа Гердта Гумеля была построена и в 2005 г. освящена церковь Примирения. Как символ единения здесь была создана общественная организация немцев «Айнунг». И сегодня, 70 лет спустя после депортации, эта трагедия остается в сердцах людей, взывает к исторической памяти, в частности, о кавказских немцах (потомках колонистов). Она напоминает об ответственности тоталитарной власти за содеянное.

ihnen eine – im Grunde genommen nutzlose – Bescheinigung aus, in der die zurückgelassenen Gegenstände aufgelistet waren. Kaum war der letzte Wagen mit den Deportierten abgefahren, begannen die Parteiorgane und die Sowjetbehörden in großer Eile mit der Wiederbesiedlung der leer gewordenen Ortschaften. Es gibt ein Dokument, das hier etwas Licht ins Dunkel bringt. Am 19. Oktober erging ein Beschluss des Zentralkomitees der Aserbajdschanischen Kommunistischen Partei der Bolschewiken „Über die Wiederbesiedlung der von der deutschen Bevölkerung geräumten Ortschaften“. Dieser Beschluss schrieb vor, binnen fünf Tagen 4.360 „arbeitsfähiger, in der Landwirtschaft tätiger“ Menschen mit all ihren Familienmitgliedern und dem gesamten Hausrat in den frei gewordenen Häusern unterzubringen. Nun sollte es langsam an der Zeit sein, die Rechtmäßigkeit jener Taten und Praktiken eingehend zu prüfen.

Die Deportationen der Deutschen (aber auch der Urbevölkerung des Kaukasusgebirges) versetzten einen herben Schlag der Wirtschaft und der Kultur Kaukasus. Die Region musste auf unzählige fleißige, arbeitliebende, erfolgreiche Städter und Landwirte verzichten. Denn nur wenige blieben in Kaukasus oder kehrten später zurück. Heute gibt es in Aserbajdschan und Georgien einige kleine evangelisch-protestantische Gemeinden. In Baku holten sich deutsche Evangelisten ihre Kirche zurück, in Tbilisi wurde die Versöhnungskirche erbaut und im Jahr 2005 eingeweiht, dies ist zu einem großen Teil der Unterstützung aus Deutschland und den Bemühungen des Bischofs Gert Hummel zu verdanken. Als ein Symbol der Einigkeit wurde hier eine öffentliche deutsche Organisation namens „Einung“ ins Leben gerufen. Bis heute, 70 Jahre nach den Deportationen, tragen die Menschen jene unermessliche Tragödie in ihren Herzen. Sie darf nicht in Vergessenheit geraten und unbeachtet auf den Seiten der historischen Bücher verschwinden. Man soll ihrer und der Tausenden kaukasischer Deutschen, der Nachkommen der Kolonisten, gedenken. Jene Geschehnisse werden stets an die Untaten der totalitären Macht erinnern.

Андрей Кноблок

Андрей Кноблок.
Аллея в Суханово.
Холст, масло. 50x80. 2001.

« О Москве можно говорить и вспоминать бесконечно. В нашей семье все были москвичами, и жили мы в самом центре города, близ Трубной площади, у Петровских ворот.

Мое первое путешествие по московским улицам еще в самом раннем возрасте состояло в переезде с Арбата, из роддома им. Грауэрмана, домой – в Большой Каретный переулок, где затем и протекала первая и, наверное, лучшая часть моей жизни. Так что вместе с В. Высоцким я мог бы с полным основанием спеть:

Где мои семнадцать лет?

На Большом Каретном...

Звуки той Москвы, запомнившиеся с детства, – это скрип колес на поворотах рельс и перезвон трамваев, гудки автомобилей, стук футбольного мяча и патефонные мелодии, доносившиеся со двора. Запахи – это кофе на керосинке и вкусный аромат масляных красок с палитры отца. »

Из воспоминаний Андрея Кноблока, родившегося в 1938 г. в Москве в семье театрального художника.

А.А. Герман

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

После 1914 г. немецкое население Москвы существенно сократилось. Если до начала Первой мировой войны немцев в Москве насчитывалось около 20 тыс. человек¹, они были вторым по численности этносом в городе, играя важную роль в хозяйственной и культурной жизни, то по переписи 1926 г. в городе насчитывалось всего 8,6 тыс. человек².

Как пишет В. Деннингхаус, такое существенное уменьшение численности немцев было связано с огромными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, двумя революциями, Гражданской войной³. Решающее воздействие на снижение численности немецкой колонии Москвы оказала эмиграция 1918–1920 гг., затронувшая прежде всего те слои населения, которым грозили репрессии за их «непролетарское» происхождение или которые не могли принять новую власть по своим убеждениям (дворяне, бывшие чиновники, военные, предприниматели, научная и культурная интеллигенция). Большую долю московских немецких эмигрантов составили выходцы из Прибалтики, получившие возможность официально выехать в провозглашенные независимыми государствами Латвию и Эстонию⁴.

В. Деннингхаус отмечает, что дополнительными факторами снижения численности немцев-москвичей послужили разруха, массовая безработица, голод, волна эпидемий, заставившие часть немцев перебраться в сельскую местность, а также организованное выселение «бывших господ»⁵.

Все эти факторы способствовали коренному изменению социального облика немецкой диаспоры, основную ее часть стали составлять рабочие.

A.A. German

DIE DEPORTATION DER DEUTSCHEN AUS MOSKAU UND AUS DEM GEBIET MOSKAU

Nach 1914 lebten in Moskau wesentlich weniger Deutsche. Vor dem ersten Weltkrieg zählte man etwa 20 Tausend Deutsche in Moskau, sie bildeten die zweitgrößte Volksgruppe in der Stadt und spielten eine wichtige Rolle in dem wirtschaftlichen und kulturellen Leben Moskaus. Nach der Volkszählung von 1926 lebten in Moskau allerdings nur noch 8,6 Tausend Deutsche.

Laut V. Dönninghaus war diese Verringerung der deutschen Bevölkerung mit den Erschütterungen des Ersten Weltkriegs, der beiden Revolutionen und des Bürgerkriegs verbunden. Zur Verringerung der deutschen Kolonie in Moskau hatte entscheidend die Emigrationswelle 1918–1920 beigetragen. Es handelte sich dabei vor allem um die Bevölkerungsschichten, denen wegen ihrer „nicht proletarischen“ Herkunft Repressionen drohten, oder um diejenigen, die die neue Macht aufgrund ihrer Überzeugungen nicht annehmen konnten (Adel, ehemalige Beamte, Offiziere, Unternehmer, Wissenschaftler und Künstler). Den größten Teil der deutschen Emigranten aus Moskau bildeten die Auswanderer aus dem Baltikum, die die offizielle Erlaubnis erhielten, in die für unabhängig erklärten Lettland und Estland auszuwandern.

Als zusätzliche Faktoren der Verringerung der deutschen Bevölkerung Moskaus nennt V. Dönninghaus die wirtschaftliche Zerrüttung, massenhafte Arbeitslosigkeit, Hunger, Epidemien, weswegen ein Teil der Deutschen aufs Land übersiedelte, sowie auch die organisierte Exmission der „ehemaligen Herren“.

Alle diese Faktoren trugen zur wesentlichen Veränderung der sozialen Struktur in der deutschen Diaspora bei, von da an bildete die Arbeitergruppe ihren größten Teil.

« Уже несколько дней назад говорили о поголовном переселении всей Республики немцев Поволжья от мала до велика (до 1 млн. человек) в Среднюю Азию или за Алтай. И вдруг это коснулось московских немцев, вплоть до Риты Вильмонт, например. Именно в эту страшную дождливую ночь узнали об этом в Переделкино Кайзеры и Эльснеры (живущие у Павленки). Они завтра должны выселяться в Казахстан, за Ташкент. Всю ночь это меня давило...

... Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга перекрывающих, прячет за пазуху человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущем на их обоюдостороннее погашение.

Из письма Бориса Пастернака своей жене Зинаиде Николаевне Нейгауз-Пастернак от 12 сентября 1941 г.

Петр Дик.
Ночной город.
Наждачная бумага, пастель,
уголь. 30x30.1992.

В 1930-х гг. московские немцы стали одним из объектов общей репрессивной политики режима. Только в ходе «немецкой операции» НКВД в 1937 – 1938 гг. были арестованы 2368 человек, примерно две трети из которых являлись немцами⁶. Из этого числа были осуждены 1220 человек, в том числе к высшей мере наказания – 863⁷.

По переписи 1939 г. в Москве проживало 8,3 тыс., в Московской области – 6,6 тыс. немцев⁸. Однако хорошо известно, что показатели этой переписи были сфальсифицированы в большую сторону, поэтому реальная численность немцев в Москве и Московской области представляется меньшей.

После того как в августе 1941 г. советским руководством было принято принципиальное решение о высылке немецкого населения из европейской части СССР, депортация немцев из такого стратегически важного региона, как Москва и Московская область, оставалась лишь делом времени, тем более что именно на Москву нацеливался главный удар германских войск.

Решение о переселении немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 сентября 1941 г. и оформлено в виде постановления Государственного комитета обороны (ГКО) СССР № 636сс от 6 сентября 1941 г.⁹ На основании постановления ГКО был издан приказ наркома внутренних дел, разработана и утверждена Л. Берией инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в Москве и Московской области¹⁰. Эти документы, за небольшим исключением (определенной конкретики, связанной с численностью, размещением немцев, возможностями органов НКВД и т. п.), повторяют основные положения, изложенные в аналогичных приказе и инструкции по переселению немцев из Поволжья.

Накануне депортации органы НКВД провели учет немецкого населения в Москве и Московской области и получили данные, которыми в дальнейшем и оперировали организаторы переселения, – 11 567 человек¹¹. Из этого числа немцев было намечено к аресту, а затем и арестовано 1142 человека «антисоветского эле-

1930 fielen die Moskauer Deutschen der allgemeinen Depressionspolitik des Staates zum Opfer. Allein während der „Deutschen Operation“ des NKWD (Volkskommissariat für innere Angelegenheiten) 1937–1938 wurden 2.368 Menschen verhaftet, zwei Drittel davon waren Deutsche. 1.220 von diesen Verhafteten wurden verurteilt, darunter 863 zur Höchststrafe.

Nach der Volkszählung von 1939 lebten in Moskau 8,3 Tausend Deutsche, im Gebiet Moskau – 6,6 Tausend. Insgesamt 14,9 Tausend Deutsche. Allerdings ist es bekannt, dass die Ergebnisse dieser Volkszählung nach oben gefälscht wurden. Die wirkliche Anzahl der Deutschen in Moskau und im Gebiet Moskau war also geringer.

Nachdem die sowjetische Regierung im August 1941 die prinzipielle Entscheidung getroffen hatte, die Deutschen aus dem europäischen Teil der UdSSR auszuweisen, war die Deportation der Deutschen aus einer strategisch so wichtigen Region wie Stadt und Gebiet Moskau nur eine Frage der Zeit, zumal der Hauptangriff der deutschen Truppen gerade auf Moskau gerichtet war.

Der Beschluss über die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus den Gebieten Moskau und Rostow wurde im Rahmen der Sitzung des Politbüros des ZK WKP(b) am 5. September 1941 gefasst und als Erlass des Staatlichen Verteidigungskomitees (GKO) der UdSSR Nr. 636 vom 6. September 1941 verfasst. Aufgrund des Erlasses wurde der Befehl des Volkskommissars für innere Angelegenheiten formuliert; die Anweisungen zur Durchführung der Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau wurden von L. Beria ausgearbeitet und bestätigt. Diese Dokumente wiederholen mit wenigen Ausnahmen (bestimmte Daten über die Anzahl, Unterbringung der Deutschen, Berechtigungen des NKWD u.ä.) die Grundsätze der ähnlichen früheren Befehle und Anweisungen zur Deportation der Deutschen aus der Wolgaregion.

Vor der Deportation hatten die NKWD-Behörden die deutsche Bevölkerung in Moskau und im Gebiet Moskau registriert. Somit hatten die Organisatoren der Übersiedlung konkrete Angaben zur Weiternutzung: 11.567 Personen. Ein Zehntel davon – 1.142 „antisowjetische Ele-

Борис Раушенбах

« Я слышал о том, что нас выслают, и взял у себя на работе командировку в ЦАГИ. Для командировки туда нужен был пропуск, и я получил его, но ни в какой ЦАГИ не поехал. На кой черт мне туда ехать, тем более что он уже был в Новосибирске?! Но формально командировочное удостоверение у меня было. Когда меня хотели отправить, повели в милицию и спрашивают: «Вы немец?» Я говорю: «Да, немец. Вот моя справка». Справка о том, что я имею допуск к совершенно секретной работе. Они обалдели. Что делать? Выслать? А может, я очень важный человек и от меня зависит оборона Москвы? Побежали к начальнику, он сказал: «Отпустите, но зарегистрируйте!» Меня зарегистрировали и отпустили. И немцы, которых в тот момент выслали, смотрели на меня с завистью. Говорят, потом опять пытались меня найти, но я уже был в эвакуации. Таким образом, я спокойненько дожил до эвакуации. И там было все нормально – до отправки в лагерь. »

Из воспоминаний академика Бориса Викторовича Раушенбаха (1915–2001), одного из основоположников российской космонавтики. В октябре 1941 г. Раушенбах, как и другие сотрудники института, где он работал, был эвакуирован в Свердловск. Там до марта 1942 г. работал на одном из оборонных заводов. Затем был мобилизован в трудовой лагерь в Нижнем Тагиле.

мента», т. е. почти десятая часть¹². Это очень высокий показатель. Например, при переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей было арестовано всего 349 человек, 0,08 % от числа выселенных¹³. Очевидно, массовость арестов обуславливалась статусом столицы и столичного региона, а также близостью фронта.

Интересна социальная характеристика оставшейся после ареста части немецкого населения. Она приводится в подготовительных к депортации документах НКВД и содержится в таблице 1.

К последней социальной группе, выделенной НКВД весьма условно, видимо, относятся не только люди, промышлявшие «подпольным»

менте“ – stand auf der Verhaftungsliste und wurde später festgenommen. Das ist eine sehr hohe Zahl. Zum Vergleich: Bei der Zwangsübersiedlung der Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen, aus den Gebieten Saratow und Stalingrad wurden nur 349 Menschen verhaftet – also 0,08% aller Deportierten. Die massenhafte Verhaftung in Moskau war offensichtlich durch den Hauptstadtstatus sowie auch durch die Nähe zur Kriegsfront bedingt.

Aufschlussreich ist die soziale Charakteristik der nach der Verhaftung zurückgebliebenen deutschen Bevölkerung. Sie war in den die Deportation vorbereitenden Dokumenten des NKWD angeführt und wird in der Tabelle 1 dargeboten.

Таблица 1

Социальная характеристика населения Москвы и Московской области, намеченного к переселению¹⁴

Tabelle 1

Soziale Charakteristik der zur Übersiedlung bestimmten Bevölkerung Moskaus und des Gebiets Moskau¹

Социальный состав населения (по классификации НКВД) Soziale Bevölkerungsstruktur (nach der NKWD-Klassifikation)	Москва Moskau	Московская область Moskauer Gebiet	Всего insgesamt
Рабочие Arbeiter	1749	2475	4224
Служащие Beamte	2833	862	3695
Лица, не участвующие в общественной жизни и не имеющие определенных занятий Gesellschaftlich nicht engagierte und keine bestimmte Tätigkeit ausübende Personen	918	609	1527
Всего Insgesamt	5500	4925	10425

Иван Лаут

Я горжусь своим отцом, российским немцем, я горжусь тем, что ношу его фамилию и понимаю, почему юношей, окончившим 9 классов, папа в июле 1941 г. по призыву ЦК ВЛКСМ добровольцем отправился на строительство оборонительных рубежей под Смоленском и Вязьмой. Возвращался вместе с отступающими частями Красной армии...

Августовским солнечным днем у раскрытого окна сидела молодая женщина, она была занята любимым делом – вышиванием. Ловкие пальцы привычно делали цветные стежки, а мысли были далеко: там, где ее младший 16-летний сын Иван должен был преградить путь разрушительной силе германского фашизма. Это была моя бабушка Ольга Александровна Лаут. Будучи домохозяйкой, она жила только заботами о семье, была далека от политики и не понимала идеологии фашизма, чем он страшен для народов России и ее любимых сыновей и мужа (о себе она вообще думать не умела). Вдруг под окном раздался шорох. Взглянув, бабушка обомлела – это был ее Иван, грязный, изможденный, напуганный и повзрослевший. От него она узнала

(а потом рассказала и мне) о жестоких бомбежках, разрушениях, страшных картинах крушения поездов и гибели людей. Папа больше никогда и никому не рассказывал о том, что по ночам ему снились кровь, человеческие страдания и ужасные душераздирающие крики.

Осенью дедушка, видимо, что-то тревожное предчувствуя и желая защитить сына, эвакуировал папу со своей сестрой Марковой Ирмой Ивановной и ее сыновьями из Москвы в Казахстан, в Талды-Курганскую область, село Кзыл-Агач Канопольского района. Ранее туда был выслан брат дедушки Лаут Александр Иванович. Когда в 1960-е гг. мы приезжали отдохнуть к родственникам, я помню улицы этого села с белыми аккуратными немецкими домами, чистыми двориками и ухоженными садами. Но это будет потом. А тогда город Михайлов Рязанской области, где остались дедушка с бабушкой, был действительно вскоре оккупирован фашистами, а после победы в битве под Москвой мой дедушка Лаут Иван Иванович был выслан туда же, в Казахстан, а бабушку осудили на 10 лет по 58-й статье.

Из воспоминаний Татьяны Лаут об отце Иване Ивановиче Лауте (1924–1988), родившемся в г. Бальцер Республики немцев Поволжья и проживавшем на момент начала Великой Отечественной войны в г. Михайлове Рязанской области. Осенью 1941 г. он вместе с тетей Ирмой Ивановной и двоюродными братьями из Москвы был эвакуирован в Казахстан. Уже оттуда он был трудмобилизован и попал в Челябинметаллургстрой.

индивидуальным трудом, торговлей, священники и т. п., но и, например, люди некоторых творческих профессий, пенсионеры, инвалиды.

В ходе подготовки к депортации органами НКВД по согласованию с ГКО было принято решение оставить в Москве 1620 немцев, в их числе:

- лиц из смешанных семей, в которых глава семьи не являлся немцем – 912;
- лиц престарелого возраста со слабым здоровьем – 264;
- членов семей красноармейцев – 100;
- лиц, оставляемых по оперативным соображениям – 97;
- высококвалифицированных специалистов – 147¹⁵.

Если из 10 425 немцев, оставшихся после ареста, вычтуть оставленных 1620 человек, то получается число 8805 человек. Однако в постановлении ГКО от 6 сентября 1941 г. фигурирует число – 8617 немцев. Видимо, в дальнейшем, перед депортацией, было произведено дополнительное уточнение числа выселяемых.

Постановление предписывало проведение депортации из Москвы и Московской области в период с 10 по 15 сентября, т. е. на подготовку к депортации органам НКВД отводилось всего 3 дня, следовательно, еще меньше времени оставалось у депортируемых, многие из которых даже не подозревали о том, какое испытание готовит им судьба.

В отличие от других регионов в Москве после доведения до немцев постановления о депортации были зафиксированы далеко не единичные случаи самоубийства, носившие как индивидуальный, так и групповой характер. В частности, в одном из донесений отмечается групповое самоубийство пожилой семейной пары дворянского происхождения¹⁶. В. Ямпольский приводит факт самоубийства по причине депортации 12 сентября 1941 г. 48-летнего москвича Адольфа Иосифовича Эрдмана¹⁷.

Выселение началось 14 сентября (ушли первые 2 эшелона) и завершилось 18 сентября (ушел последний 4-й эшелон). Общее представление о процессе депортации московских немцев дает таблица 2.

Die letzte Gruppe ist nur konventionell: Nach der Logik des NKWD gehörten dazu nicht nur illegale Privatunternehmer, Händler, Priester o.ä., sondern auch zum Beispiel einige Künstler, Rentner, Behinderte.

Während der Deportationsvorbereitung beschloss das NKWD in Einverständnis mit dem GKO, 1.620 Deutsche in Moskau zu lassen. Es waren:

- Personen aus gemischten Familien, in denen das Familienoberhaupt kein Deutscher war – 912;
- bejahrte Personen von schwacher Gesundheit – 264;
- Familienangehörige von Rotarmisten – 100;
- Personen, die aus operativen Gründen bleiben mussten – 97;
- hochqualifizierte Fachleute – 147.

Wenn man von 10.425 nach der Verhaftung gebliebenen Deutschen die Zahl der Zurückgelassenen – 1.620 – abzieht, dann bleiben 8.805. In dem GKO-Erlass vom 6. September 1941 wird allerdings die Zahl 8.617 genannt. Wahrscheinlich wurde die Zahl der Auszuweisenden später, vor der Deportation, noch einmal berechnet.

Der Erlass schrieb vor, die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau vom 10. bis zum 15. September durchzuführen. Demzufolge hatte das NKWD nur 3 Tage für die Vorbereitung der Deportation. Noch weniger Zeit blieb den Deportierten, viele von ihnen ahnten nicht einmal, was für ein Leidensweg ihnen bevorsteht. Das alles wirkte sich natürlich später auf den moralischen und psychologischen Zustand der Moskauer Deutschen aus.

Nachdem die Deutschen über den Erlass informiert worden waren, wurden in Moskau, im Unterschied zu den anderen Regionen, mehrere Selbstmorde registriert, sogar Gruppenselbstmorde. In einem der Berichte ist zum Beispiel von einem Doppelselbstmord eines älteren Ehepaars adliger Herkunft die Rede. W. Jampolskij berichtet in seinem Artikel von einem Suizid, den 48-jähriger Moskauer Adolf Erdmann am 12. September 1941 wegen Deportation begangen hatte.

Die Ausweisung begann am 14. September (die ersten zwei Transporte wurden losgeschickt) und endete am 18. September (mit dem letzten

Альберт Штульберг

Леонид Брюмер.
Джамбульский базар.
Картон, масло. 27х36. 1962.

Да, в прошлые времена жили мы ни шатко ни валко, но не голодали, этого не было. Худо стало, как в колхоз начали крестьянство сгонять, казахов, силком принудили оседать... А как война началась, по первому же году вашего брата – немцев привезли. Эшелонами их гнали, раскидали по степи широкой – живи как знаешь. Когда мужиков ихних призвали да увезли невесть куда, а потом и девок с бабами загребли, всех, без разбору, остались старые да малые без куска хоть какого. Снова гибель пошла. Погляди-ка, когда заходишь в город со стороны железной дороги, кладбище большое имеется – одни бугорки... Под теми бугорками сплошь немцы. Может, там и отец твой с матерью?! А?

По последнему году войны чеченов и ингушей пригнали, как скот какой – в забитых вагонах. В зиму на сорок пятый на дорогах мертвецы-покойники лежали, как в том тридцать третьем...

Теперь одна тысяча девятьсот пятьдесят второй к концу подходит, вроде бы полегчало – почти каждый день в кооперативе хлеб дают. Корейцы, те уже обжились, приноровились, к делу пристроились. Кто в учителях, кто в конторе какой. В колхозах рисом занимаются, огородничают – они мастаки на это. Немцам куда как хуже, на них НКВД злее пса цепного зубы щербит. Кто из них в живых остался, понял: жить тихо – не лихо, на люди лишний раз глаз не кажет. Не кучкуются они, как корейцы или, скажем, чеченцы, каждый сам по себе живет. Языка своего чураются. Больше они по колхозам обретаются, но я слыхом не слыхивал, чтобы в каком ауле человека стали обижать лишь за то, что он немцем на свет божий прибыл...

Случается бывать в дальнем колхозе, «Октябрь» называется. Там всякий раз захожу на огонек к учителю тамошнему, Владимиру Адамычу, из московских немцев он. На трудовом фронте не был, не взяли, старый он для них уже был. Жену схоронил в сорок втором, не вынесла она солнышка нашего, для северных людей губительно оно. Вот и живет Адамыч бобылем, казахских ребятшек русскому и немецкому обучает. Его в ауле за своего почитают, «наш аксакал» говорят. А он в старые времена в Москве на адвоката обучался. Его в городскую школу звали – не пошел. «Не желаю, – говорит, – тут я у своих».

Отрывок из романа «Бескунак» Альберта Штульберга (1921 г.р.), высленного в 1941 г. из Москвы с родителями и депортированного в Казалинск.

Таблица 2

Депортация немцев из Москвы и Московской области в Казахстан¹⁸

Tabelle 2

Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Moskauer Gebiet nach Kasachstan²

Номер эшелона Transportnummer	Убытие из Москвы Abfahrt aus Moskau	Станция назначения Bestimmungsbahnhof	Численность эшелона при отправке (чел.) Personenzahl im Transport bei Abfahrt	Дата прибытия Ankunftsdatum	Станция прибытия Ankunftsbahnhof	Численность эшелона по прибытию (чел.) Personenzahl im Transport bei Ankunft	Районы и области размещения депортированных в Казахстане Unterbringungsbezirke und -gebiete in Kasachstan für Deportierte
1070	14.09.1941	Казалинск Kasalinsk	2363	26.09.1941	Нуринская Карагандинской ж.д. Nurinskaja, Bahnstrecke Karaganda	2366	Тельманский и Ворошиловский районы Карагандинской области Казахской ССР Landkreise: Thälmann und Woroschilow, Gebiet Karaganda, Kasach. SSR
1072	14.09.1941	Казалинск Kasalinsk	2631	27.09.1941	Сыр-Дарьинская Ташкентской ж.д. Syr-Darjinskaja, Bahnstrecke Taschkent	2769	Кировский район Ташкентской области Узбекской ССР Landkreis Kirow, Gebiet Taschkent, Usbek. SSR
1073	15.09.1941	Нуринская Nurinskaja	2196	28.09.1941	Разъезд 96 км Оренбургской ж.д. Ausweichstelle 96.Km, Bahnstrecke Orenburg	2205	Казалинский район Кызыл-Ординской области Казахской ССР Landkreis Kasalinsk, Gebiet Kysyl-Orda, Kasach. SSR
1071	18.09.1941	Нуринская Nurinskaja	1094	30.09.1941	Казалинск Оренбургской ж.д. Kasalinsk, Bahnstrecke Orenburg	2199	Казалинский район Кызыл-Ординской области Landkreis Kasalinsk, Gebiet Kysyl-Orda
4 эшелона 4 Transporte	14–18.09.1941		8284	26–3009.1941		9539	

В 1941 г. мы рано, еще в мае, уехали на дачу к маминей двоюродной сестре Эрне Фердинандовне в Лобню. В июне началась война, а 2 сентября нашего отца забрали в армию. Мы остались в Лобне, в Москву вернуться не могли, так как у мамы нас было трое: Рудику – 11 лет, мне – 5 лет, Волику – не было 3-х лет. Дядя Стива (Стефан Фадеевич) Триденский, муж тети Эрны, с соседями выкопал во дворе бомбоубежище, и во время бомбежек мы всей семьей (у Триденских тоже были дети Игорь и Эрнушка) прятались там. Однажды мы не выходили из бомбоубежища 9 дней, в нашем доме жили чужие люди в маскхалатах. Перед домом было замерзшее болото. Нам нечего было есть, тогда моя мама и Рудик с санками рано утром ушли через болото в соседнюю деревню за картошкой. На обратном пути их заметили (кто, не знаю, фронт был близко, в 3-х км) и стали по ним стрелять, мне было очень страшно. В феврале к нам в окно ночью постучали, мама утром сказала, что пришел с фронта папа, побрился (за время пути он зарос бородой), помылся, переоделся и уехал в Москву на прежнюю работу, т. е. на фабрику-кухню. Взрослые между собой говорили, что отец вместе с другими такими же шли пешком с самого финского фронта по болотам – спали днем, а ночью шли цепочкой шаг в шаг, и если кто-нибудь оступался, руки подавать нельзя было, чтобы остальным не утонуть. Мы оставались на даче. Ближе к весне, возможно в апреле, родители увезли нас в Москву и сказали, что надо собираться, так как папу забирает военкомат и маму тоже могут забрать, а нас в детский дом отправят. Семью тети Эрны тоже в Лобне не оставят. Отцу разрешили отвезти семью в Казахстан, Акмолинская область, 11-й поселок. На остановках отец бегал и просил оставить семью в Свердловске, просился во Фрунзе или в Алма-Ату, но нас нигде не принимали, только 11-й поселок, Кокчетавский район, Акмолинская область. Отец сдал нас председателю колхоза (по-моему, фамилия его была Кнут) и через четыре часа уже был в военкомате. К этому времени никого из наших в Москве уже не было, мамин брат с семьей был в Осакаровке, тетя Эрна в трудармии на тульских шахтах, дядя Стива с детьми в Казахстане, тетя Нина (младшая сестра мамы) в Новосибирске. Наш папа попал в трудармию на ремзавод под Казанью.

Из воспоминаний Ирины Эдуардовны Редекон, руководителя Пермского регионального общества немцев «Видергебурт». Ирина Эдуардовна родилась в 1936 г. в Москве.

Ирина Редекон

Анализ данных, приведенных в таблице 2, позволяет сделать несколько интересных заключений. Всего немцев Москвы и Московской области вывезли четырьмя эшелонами. В силу каких-то обстоятельств, которые пока выяснить не удалось, ни один эшелон не попал на станцию своего первоначального назначения.

Первым из Москвы отправился эшелон № 1070. Станцией назначения ему определялся Казалинск (в устье Сыр-Дарьи, недалеко от восточного побережья Аральского моря), однако реально он прибыл на станцию Нурина (чуть севернее Караганды). А его пассажиры были расселены в восточной части Карагандинской области.

Вторым из Москвы в тот же день, 14 сентября, вышел эшелон № 1072. Ему также предназначалось прибыть в Казалинск. Однако он проследовал через эту станцию, проехав на юг в Узбекистан до Ташкента и дальше, и выгрузил своих пассажиров на станции Сыр-Дарьинской – в 80 км к юго-западу от Ташкента. Немецкие семьи из этого эшелона были расселены на севере Ташкентской области около границы с Казахстаном.

Третий эшелон – № 1073 – вышел из Москвы на следующий день – 15 сентября и должен был следовать до станции Нурина, однако был разгружен на разъезде 96-й км (несколько километров южнее Казалинска). Немцы были расселены в Казалинском районе Сыр-Дарьинской области.

Четвертый (последний) эшелон вышел лишь 18 сентября, на два дня позже определенного постановлением ГКО СССР срока. Невыполнение постановления в те тревожные дни и недели было чревато серьезными последствиями для нарушителей и скорее всего было вызвано объективными обстоятельствами, например, возникшими сложностями в поиске и сборе лиц, подлежащих депортации. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что численность этого эшелона оказалась намного (в два раза и более) меньше численности предыдущих эшелонов. Всего в четырех эшелонах было вывезено 8284 человека¹⁹, т. е. на

вию четвертого эшелона). Den Gesamtüberblick über den Deportationsverlauf bietet die Tabelle 2.

Bei der Analyse der in der Tabelle angeführten Daten lassen sich einige interessante Schlussfolgerungen ziehen. Insgesamt vier Transporte brachten die Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau weg. Aus irgendwelchen Gründen, die noch unklar sind, erreichte keiner der Transporte den ursprünglich bestimmten Zielortbahnhof.

Als erster verließ Moskau der Transport Nr. 1070. Als Zielort war Kasalinsk (an der Syr-Darja-Mündung, unweit der östlichen Aralseeküste) angegeben, aber in Wirklichkeit kam der Transport an der Station Nurinskaja (etwas nördlicher von Karaganda) an. Die Passagiere wurden im östlichen Teil des Gebiets Karaganda untergebracht.

Der zweite Transport Nr. 1072, der am selben Tag, den 14. September, losgeschickt wurde, sollte auch in Kasalinsk ankommen. Diese Station wurde für den Transport aber nicht zum Endpunkt. Der Zug fuhr weiter in den Süden nach Usbekistan bis Taschkent und noch weiter: Die Passagiere stiegen an der Station Syr-Darjinskaja aus – 80 Kilometer südwestlich von Taschkent. Die deutschen Familien aus diesem Transport wurden im nördlichen Teil des Gebiets Taschkent an der Grenze zu Kasachstan untergebracht.

Der dritte Transport Nr. 1073 verließ Moskau am nächsten Tag, den 15. September, und sollte die Station Nurinskaja erreichen. Die Passagiere mussten aber an der Ausweichstelle 96. Kilometer (einige Kilometer südlicher von Kasalinsk) aussteigen und wurden in dem Kasalinskij Bezirk des Gebiets Syr-Darja untergebracht.

Der letzte vierte Transportzug fuhr erst am 18. September ab, zwei Tage später, als das GKO der UdSSR vorgeschrieben hatte. Die Nichtbefolgung des Erlasses konnte in jener unruhigen Zeit schwere Folgen nach sich ziehen. Die verspätete Abfahrt des Transports kann nur mit objektiven Umständen erklärt werden, zum Beispiel mit Schwierigkeiten, die beim Suchen und Holen der zu deportierenden Personen entstanden. Für diese Annahme spricht die Tatsache, dass die Zahl der Transportpassagiere doppelt so wenig war, als in den früheren Trans-

Алексей Штраус

Отрывок из романа Алексея Штрауса «Живые тени». Сам автор, сын «врага народа», расстрелянного на Колыме в 1938 г., трижды в начале войны про- сился на фронт. В 1942 г., он, как и герой его романа москвич Константин Риль, получил повестку военкомата о мобилизации в трудовую колонну НКВД. Роман «Живые тени» был написан в 1993 г.

- С какого года? – первым задал вопрос военком.
- С двадцать четвертого.
- Так, – подтвердил военный с тремя шпалами. – Комсомолец.
- Нет.
- Сам не вступил или не приняли?
- Не приняли.
- Так, образование какое? Чем занимаешься?
- Учился в училище. Его временно закрыли.
- Так. В каком училище? Отвечай подробней.
- В художественном, имени Горького. В Палехе.
- Получилось, что все вопросы задавал только он, этот пожилой военный с лысиной. Остальные только крутили головами, глядя то на него, то на Костю, стоящего перед столом.
- Так. Так чем же ты занимаешься?
- Работаю помощником машиниста на узкоколейке.
- Так. Значит на брони, – почему-то

на этот раз он обратился к военкому. Тот не задержался с ответом.

– Что вы? Какая бронь? У него еще непризывной возраст. Просто так работает, на рабочую карточку. Всякая бронь через нас проходит. Тут с лимитом строго.

Ответ военного и весь этот разговор Косте очень не нравился. Он ожидал другого. А тут все как-то не о том, не о его заявлении на фронт.

Тучный лысый военный продолжал «такать».

– Так, – сказал он в очередной раз. – А отец у тебя по какой статье осужден?

– Я не знаю. Он нам не писал. Он без права переписки. И вообще при чем тут отец? – не удержался Костя, почувствовав какой-то подвох. – Сын за отца не отвечает!

– Так. Ну это мы знаем. Мы ознакомлены с письмом товарища Сталина в газету «Правда», – отразил лысый и что-то стал нашептывать на ухо военному. Потом обратился к сидящим за столом.

– Так. У вас, товарищи, есть вопросы к Рилью?

Не отвечая, все отрицательно покачали головами.

– Тогда все, Риль. Идите. Вы свободны, – за всех заключил военком.

– А как же мое заявление?

– Решение комиссии вам сообщат.

«Все не то. Все не так. И военком на «вы», и этот лысый с отцом. Как с чужим разговаривают», – думал Костя, уходя из военкомата.

Предчувствие оправдалось скоро. Ему было отказано без объяснения причин. Какая-то не высказанная никем, тайная для Кости причина сыграла свою роль...

Страшная догадка испугала его, когда он узнал из газет о переселении немцев из Немповолжья. Но Костя даже в мыслях гнал ее прочь. Какое он имеет к этому отношение? Он русский. Это четко записано в его паспорте, полученном совсем недавно...

333 человека меньше, чем требовалось в постановлении ГКО СССР от 6 сентября.

Очевидно исполнители операции по переселению московских немцев получили за невыполнение постановления ГКО серьезный нагоняй, поскольку были приняты дополнительные меры по поиску лиц, подлежащих депортации, удалось собрать 356 человек. Этим людей отправили 22 сентября поездом до Тулы²⁰, где их посадили на эшелон, вывозивший немцев Тульской области.

Тульский эшелон убыл 3 октября 1941 г. В его вагонах перевозили 3058 человек (включая 356 московских немцев). Пассажиры эшелона были выгружены и расселены в Карагандинской области²¹.

Таким образом, из Москвы и Московской области было вывезено всего 8640 немцев, т. е. установленное ГКО СССР количество подлежащих депортации (8617 чел.) было превышено на 23 человека. Вместе с тем, как отмечается в документах, 10 человек, подлежащим депортации, удалось скрыться. Их так и не удалось обнаружить²².

Интересен еще один факт. Практически все эшелоны, вывозившие немцев из Москвы и Московской области, за время пути увеличили численность своих пассажиров: первый – на 3; второй – на 138; третий – на 9; а четвертый – на 1105 человек, т. е. увеличил численность пассажиров более чем в два раза. Очевидно, что такое значительное увеличение численности 4-го эшелона может быть объяснено лишь специально организованной посадкой пассажиров. Остальные три эшелона, скорее всего, подбирали отставших, снятых с предыдущих эшелонов по болезни и т.п. Такое предположение вполне обосновано, поскольку в Казахстане эшелоны с московскими немцами в основном шли по тем же маршрутам, что и эшелоны с немцами из Поволжья и Ростовской области.

К сожалению, в дальнейшем следы московских немцев теряются, в Казахстане они смешиваются с другими группами немцев-переселенцев. В дальнейшем в документах, связанных с поло-

портен. Insgesamt wurden in vier Transporten 8.284 Personen deportiert, d.h. 333 Personen weniger, als im GKO-Erlass vom 16. September angegeben.

Die für die Deportation zuständigen Personen wurden wegen der nicht strikten Befolgung des GKO-Erlasses offensichtlich zurechtgewiesen, denn es wurden die zusätzlichen Maßnahmen zur Fahndung der zu deportierenden Personen ergriffen. Es gelang, noch 356 Personen zu finden. Diese Menschen wurden am 22. September mit dem Zug nach Tula geschickt, von dort wurden sie mit einem weiteren Transport deportiert.

Der Transportzug fuhr am 3. Oktober 1941 aus Tula ab: In seinen Waggons befanden sich 3.058 Personen (inklusive 356 Moskauer Deutsche). Die Passagiere dieses Zuges wurden im Gebiet Karaganda untergebracht.

Insgesamt wurden 8.640 Deutsche aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau ausgewiesen – die vom GKO der UdSSR bestimmte Zahl der zu deportierenden Personen wurde um 23 Personen überschritten. Gleichzeitig ist den Dokumenten zu entnehmen, dass zehn Personen es schafften, der Deportation zu entkommen. Es gelang nicht, sie zu finden.

Noch eine Tatsache scheint interessant zu sein. Fast alle Transportzüge mit Deutschen aus Moskau und aus dem Gebiet Moskau bekamen unterwegs mehr Passagiere: der erste – 3; der zweite – 138; der dritte – 9; der vierte – 1105, d.h. doppelt so viel. Diese wesentliche Vermehrung der Passagiere in dem vierten Transport lässt sich nur dadurch erklären, dass die Passagiere unterwegs organisiert hinzugefügt wurden. Die ersten drei Transporte nahmen wahrscheinlich nur diejenigen auf, die unterwegs ihren Zug verpasst hatten bzw. wegen Krankheit vom Transport abgesetzt wurden o.ä. Diese Annahme ist durchaus begründet, denn die Transporte mit den Moskauer Deutschen fuhren in Kasachstan fast dieselben Strecken, wie die Transporte mit den Deutschen aus der Wolgaregion und aus dem Gebiet Rostow.

Leider gehen die weiteren Spuren der Moskauer Deutschen verloren, in Kasachstan vermischen sie sich mit den anderen Gruppen der

« Russlanddeutsche Fabel

Einmal wühlte ein Windsturm
 die friedliche Wolga auf,
 riß einen silbernen Schwarm Fische
 aus dem brodelnden Wasser,
 trieb sie in schwarzen Wolkenfetzen
 über den brennenden Himmel
 und ließ sie bald hier, bald dort
 auf die bittere Erde fallen –
 so kamen sie außer Atem –
 in fremde Pfützen und Sümpfe,
 Bäche, Teiche und Seen...
 Nun träumen sie von den Heimatwellen
 und hören die Winde
 das alte lästige Märchen erzählen –
 von den künftigen rettenden
 Nordflüssen,
 die irgendwann südwärts umgeleitet
 werden...
 „Aber leere Worte retten nicht!“
 flüstern die Heimatlosen müde.
 „Sieht die Mutter Natur nicht,
 dass wir aus unserem Schwarm
 und aus unserem Element
 vertrieben worden sind?
 Bald wird uns ein neuer Windsturm
 auf dem ausländischen Fischmarkt
 suchen und finden –
 vielleicht gedörrt und eingesalzen,
 vielleicht auch silbern und frisch...“

Robert Weber

Robert Weber

Russlanddeutscher Lyriker, Novellist, geb. 1938
 in Pawlow-Posad, Gebiet Moskau, gest. 2009
 in Augsburg. Seine Kindheit verbrachte im Altaigebiet.

жением депортированных немцев в Казахстане, лишь косвенно можно определить присутствие московских немцев, поскольку разделение депортированных по месту их исхода практически не проводилось.

Московские немцы составили основную часть категории депортированных «городских жителей», о них, в частности из переписки сотрудников НКВД Казахстана известно следующее: «Среди этого контингента многие имеют высокие квалификации: инженеры, доценты кафедр, капитаны пароходов, профессора, бухгалтеры, машинисты паровозов, рабочие различных заводов и т.д.

Естественно, что в условиях района применить свои квалификации они не могут, физическую же работу многие из них выполнять не хотят, в связи с чем буквально осаждают органы НКВД, партийные и советские организации, посылают много заявлений и делегаций в областные центры, самостоятельно направляются на промышленные предприятия, пытаясь договориться о работе и т.п.

В связи с невозможностью удовлетворить многочисленные обращения и ходатайства специалистов о предоставлении им работы, создается обстановка, при которой возможны массовые попытки к бегству, эксцессы и активные контрреволюционные выступления.

Положение городских переселенцев усугубляется еще и тем, что значительная часть из них при увольнении с работы не получила зарплату и полного расчета. Многие переселенцы, размещенные в колхозах, остро нуждаются в средствах и повседневном продовольственном снабжении, но сколько-нибудь достаточно их запросы колхозами и торгующими организациями не удовлетворяются. Авансирование их колхозами не налажено, откладывается до конца хозяйственного года.

Этот вопрос приобретает серьезное значение и определяет настроение переселенцев»²³.

Дальнейшая судьба депортированных московских немцев – предмет отдельного исследования.

ausgewiesenen Sowjetdeutschen. In den Dokumenten, die die Lage der deportierten Deutschen in Kasachstan beschreiben, kann man die Anwesenheit der Moskauer Deutschen nur indirekt verfolgen, denn nach dem Ursprungswohnort wurden die Deportierten nicht eingeteilt.

Die Moskauer Deutschen machten den größten Teil der Kategorie „Stadtbewohner“ aus. Aus dem Briefwechsel der NKWD-Beamten in Kasachstan lassen sich folgende Informationen gewinnen:

„Von diesem Kontingent sind mehrere Personen hochqualifiziert: Ingenieure, Hochschuldozenten, Schiffskapitäne, Professoren, Buchhalter, Lokomotivführer, Arbeiter von verschiedenen Werken usw.

Selbstverständlich können sie in dem Bezirk hier ihre Qualifikationen nicht anwenden, körperliche Arbeit wollen viele von ihnen nicht machen und belagern geradezu die NKWD-Behörden und sowjetische Organisationen mit Delegationen und Gesuchen, begeben sich selbständig in die Gebietsstädte und versuchen, dort in Betrieben Arbeit zu finden.

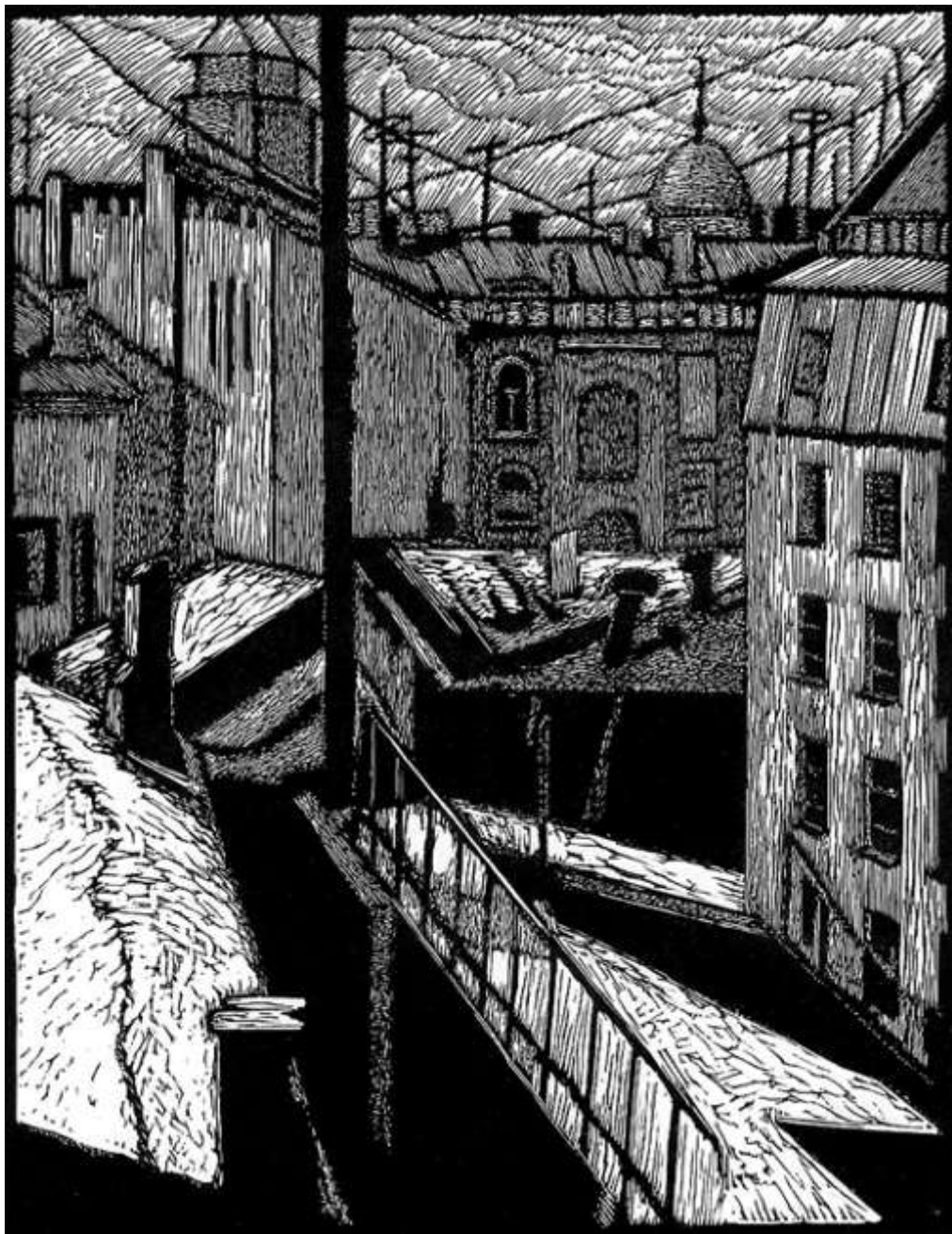
Da es unmöglich ist, zahlreichen Gesuchen und Anträgen der Fachleute stattzugeben, macht sich eine negative Stimmung breit, die zu massenhaften Fluchtversuchen, Exzessen und konterrevolutionären Aktionen führen kann.

Die hochqualifizierten Fachleute geben ihrer Unzufriedenheit besonders starken Ausdruck, weil sie ihren Beruf nicht ausüben können...

Die Lage der Stadtaussiedler ist noch dadurch schlechter, dass viele von ihnen nach der Kündigung keinen Arbeitslohn und keine volle Abrechnung erhalten hatten. Viele Aussiedler, die in den Kolchosen untergebracht wurden, waren Werkarbeiter und lebten in den Städten, sie brauchen Geld und Lebensmittelversorgung, die Kolchose und die Handelsorganisationen können aber diese Bedürfnisse nicht genug befriedigen. Die Kolchosen leisten keine Vorschüsse, das wird bis zum Ende des Wirtschaftsjahres verschoben.

Diese Frage gewinnt sehr an Bedeutung und beeinflusst stark den Gemütszustand der Aussiedler.“

Das spätere Schicksal der aus Moskau deportierten Deutschen bedarf noch weiterer Erforschungen.

Ольга-Мария Классен относится к художникам нового поколения. Она родилась в Соликамске в семье, депортированной из Украины на Урал и поселившейся на берегу реки Камы. В начале XXI столетия Ольга-Мария стажировалась в Академии художеств им. Репина в Санкт-Петербурге, ранее была ученицей художника Михаила Дистергефта, который в предвоенные годы тоже учился в Академии художеств в Ленинграде. После, весной 1941 г., он по спецнабору был призван в ряды РККА на действительную службу.

Ольга-Мария Классен.
Петербургские крыши.
Линогравюра. 27,7х35,5. 2001.

И.В. Черказьянова

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

На протяжении всего времени существования немецкой диаспоры в Петербурге (Ленинграде) и компактных поселений близ него судьба немцев самым непосредственным образом зависела от внешнеполитических факторов. Гонения на немцев в годы Первой мировой войны привели к резкому сокращению численности немецкого населения в Петрограде и окрестностях: с 46 931 человека в 1910 г. до 11 167 человек в 1920 г.¹

Вторая мировая война положила конец существованию немецких поселений в Ленинградской области, которая в тот период охватывала территорию современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

По имеющимся сведениям на январь 1927 г., немецкое население Ленинградской губернии составляло 7384 человек². Крупнейшими сельсоветами с немецким и смешанным населением были: Гражданский (252 немца, 19,6 % от общего числа жителей сельсовета), Заводский (537 чел., 59,3 %), Кипенский (265 чел., 15,6 %), Колпинский (976 чел., 99,5 %), Новосаратовский (1547 чел., 89,3 %), Овцынский (529 чел., 49,3 %), Парголово-1 (336 чел., 18,7 %), Порховский (276 чел., 67,8 %), Среднерогатский (1021 чел., 89,6%), Стрельнинский (199 чел., 35,2 %), Янинский (289 чел., 95,6 %)³.

На новгородской земле крупнейшими немецкими поселениями были Новониколаевская и Александровская. В Пскове еще с дореволюционного времени существовала многочисленная этническая группа немцев.

I.W. Tscherkasjanowa

DIE DEPORTATION DER DEUTSCHEN AUS LENINGRAD UND DEM GEBIET LENINGRAD

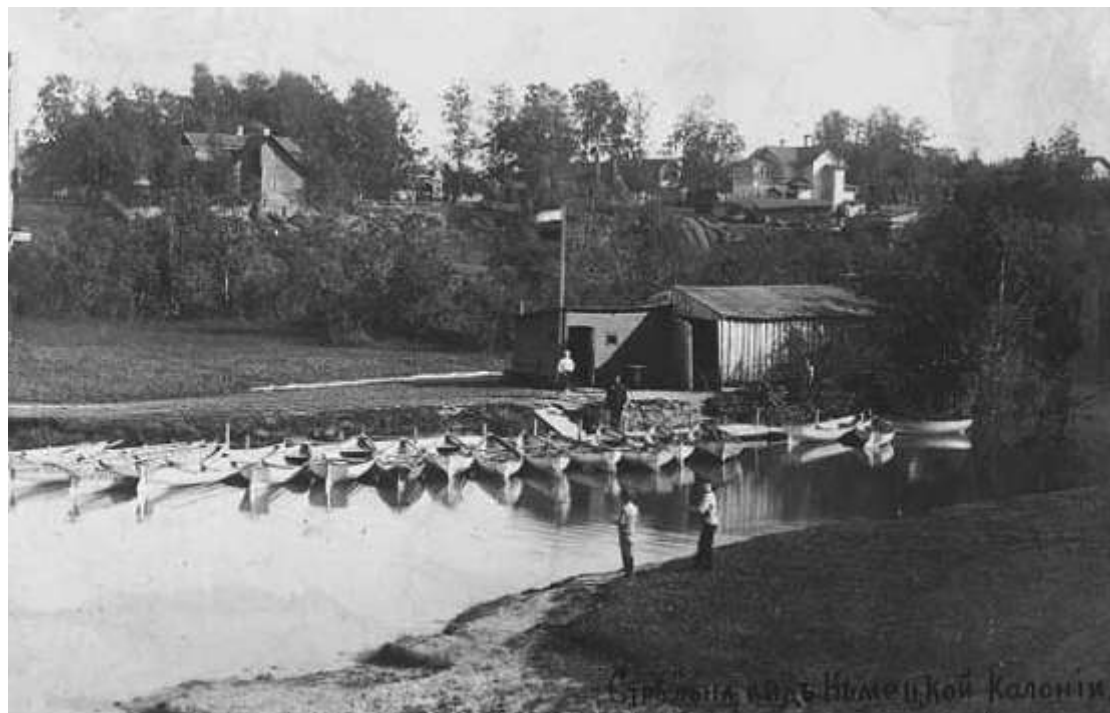
Während des gesamten Bestehens der deutschen Diaspora in St. Petersburg (Leningrad) und der Kompaktansiedlungen in seiner Nähe war das Schicksal der Deutschen direkt von außenpolitischen Gegebenheiten abhängig. Die Verfolgungen gegen Deutsche in den Jahren des Ersten Weltkrieges bewirkten einen drastischen Rückgang bei der Zahl der deutschstämmigen Bevölkerung in Petrograd und seiner Umgebung von 46.931 Personen im Jahre 1910 auf 11.167 Personen 1920.¹

Der Zweite Weltkrieg setzte ein Ende dem Bestehen deutscher Siedlungen im Gebiet Leningrad, das zu damaliger Zeit die Territorien des heutigen Gebiets Leningrad und der Gebiete Nowgorod und Pskow umfasste.

Nach vorhandenen Angaben vom Januar 1927 zählte die deutschstämmige Bevölkerung des Gebiets Leningrad 7.384 Personen². Die größten Dorfsowjets mit deutscher und gemischter Bevölkerung waren damals Grasdanskij (252 Deutsche, 19,6% der gesamten Einwohnerzahl), Sawodskij (537 Deutsche, 59,3%), Kipenskij (265 Deutsche, 15,6%), Kolpinskij (976 Deutsche, 99,5%), Nowosaratowskij (1.547 Deutsche, 89,3%), Owzynskij (529 Deutsche, 49,3%), Pargolowskij-1 (336 Deutsche, 18,7%), Porchowskij (276 Deutsche, 67,8%), Srednerogatskij (1.021 Deutsche, 89,6%), Strelna (199 Deutsche, 35,2%), Janinskij (289 Deutsche, 95,6%).³

Im Gebiet Nowgorod waren Nowonikolajewskaja und Alexandrowskaja die größten deutschen Siedlungen. Bereits seit der vorrevolutionären Zeit bestand eine zahlreiche deutsche Volksgruppe bei Pskow.

Елизавета Лялина (Краубнер)

Лодочная станция
в Стрельнинской немецкой
колонии. Начало XX в.
Почтовая открытка.
Из архива Е.Н. Кулагиной

Мои родители были двоюродные брат Филипп Иванович Краубнер и сестра Ольга Филипповна Штро. Их дома были рядом, где-то в середине Верхней колонии. Всего у нас было 7 десятин земли. В хозяйстве держали две лошади, две коровы, свиней, овец, кур; сено для скота сушили на дальних лугах.

В 1929 г. начались обыски, а в 1930-м нас раскулачили, отобрали всю скотину и поселили к нам в дом подселенцев из русских. Я уже тогда работала в конторе служащей и хотела учиться на бухгалтера, но меня не взяли как дочь кулака.

В 1931 г. в июне в числе других тысяч изгнанников нашу семью выслали в город Кировск Кольского полуострова. Там нас расселили по баракам по три семьи на комнату. В 1935 г. я вышла замуж за вольнонаемного русского Петра Лялина, и мы в 1938 г. переехали в Мончегорск. В этом же году нашего отца Филиппа Ивановича осудили и расстреляли, обвинив в участии в немецко-финском заговоре. Реабилитировали его только в 1965 г. В ноябре 1947 г. мы были официально освобождены из-под надзора.

Из воспоминаний Елизаветы Филипповны Лялиной (Краубнер), родившейся в 1912 году в Стрельнинской немецкой колонии. Сегодня Елизаветы Филипповны уже нет в живых (из сб.: Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). Выпуск 5. СПб., 2009).

По итогам переписи 17 января 1939 г., в Ленинградской области (без Ленинграда) проживало 12 766 немцев⁴.

Немецкое население в Мурманской области появилось в 1930-е гг. (С 1927 по 1938 г. Мурманский округ входил в состав Ленинградской области.) В ходе массовой коллективизации и организации колхозов значительная часть зажиточных крестьян была раскулачена и направлена в северные районы. Так, из Стрельнинской колонии были выселены 9 домохозяев. Для жителей ленинградских колоний таким местом был Кольский полуостров, малозаселенный край, где в то время плотность населения составляла менее одного человека на квадратный километр. Бывшие кулаки участвовали в строительстве новых городов – Хибиногорска (с 1934 г. – Кировск) и Мончегорска.

В 1940 г. в ходе зачистки погранзоны на крайнем северо-западе страны часть «нежелательных» народов была перемещена в Карело-Финскую ССР, а другая, в том числе немцы, была отправлена в Алтайский край. Среди депортированных были раскулаченные немецкие семьи.

Выселение проходило согласно Приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской обл. граждан инациональностей» от 23 июня 1940 г.⁵ В тот же день появилась инструкция наркома НКВД Л.П. Берии «О порядке переселения граждан иностранных национальностей из гор. Мурманска и Мурманской области». Выселению подлежали 3215 хозяйств или 8617 человек. Немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев (675 семей, 1743 чел.) направляли в Алтайский край, представителей прибалтийских народов, а также шведов и финнов поселяли в Карело-Финской ССР.

Операцию начали 5 июля 1940 г. Предполагалось завершить ее в течение шести дней, к 10 июля. Для переселения немцев предназначались Локтевский, Змеиногорский и Курчинский районы на Алтае. Среди высланных был Браун Карл Михайлович (1892–1943), раскулаченный в 1930 г. житель Стрельнинской колонии.

Nach Angaben der Volkszählung vom 17. Januar 1939 lebten im Gebiet Leningrad (die Stadt Leningrad selbst nicht mitgerechnet) 12.766 Deutsche⁴.

Die deutschstämmige Bevölkerung ließ sich im Gebiet Murmansk in den 1930er Jahren nieder (1927–1938 gehörte der Bezirk Murmansk zum Gebiet Leningrad). Im Laufe der Massenkollektivierung und Kolchoswirtschaft wurde ein beträchtlicher Teil wohlhabender Großbauern entkulakisiert und in nördliche Regionen verschickt. So wurden aus der Strelna-Kolonie neun Haushalte deportiert. Für die Bewohner der Leningrader Kolonien ging es auf die Kola-Halbinsel, eine spärlich besiedelte Gegend mit einer Bevölkerungsdichte unter einer Person pro Quadratkilometer. Frühere Großbauern wurden von nun an bei der Errichtung neuer Städte wie Chibinogorsk (seit 1934 – Kirowsk) und Montschegorsk eingesetzt.

Im Jahre 1940 wurde im Laufe von Säuberungsaktionen im äußersten Nordwesten des Landes ein Teil „unerwünschter“ Völkerschaften in Karelo-Finnische SSR und ein anderer Teil einschließlich der Deutschen in die Region Altai umgesiedelt. Unter den Deportierten befanden sich auch entkulakisierte deutsche Familien.

Die Deportation erfolgte aufgrund des Erlasses des Volkskommissars des Innern der UdSSR Nr. 00761 „Über die Übersiedlung der Bürger ausländischer Nationalität aus der Stadt und dem Gebiet Murmansk“ vom 23. Juni 1940.⁵ Am gleichen Tag erschien die Anweisung des Volkskommissars des NKWD L.P. Beria „Über das Verfahren der Übersiedlung der Bürger ausländischer Nationalität aus der Stadt und dem Gebiet Murmansk“. Es sollten 3.215 Haushalte bzw. 8.617 Personen deportiert werden. Deutsche, Polen, Chinesen, Griechen, Koreaner (insgesamt 675 Familien, 1.743 Personen) wurden in die Region Altai deportiert, die Vertreter baltischer Völker sowie Schweden und Finnen wurden in die Karelo-Finnische SSR geschickt.

Die Aktion begann am 5. Juli 1940. Sie sollte binnen sechs Tagen bis zum 10. Juli abgeschlossen werden. Als Zielorte bei der Übersiedlung der Deutschen wurden in der Region Altai die Bezirke Loktewskij,

Адам Шмидт родился 19 января 1921 г. в семье немцев-лютеран в Новосаратовской немецкой колонии под Петроградом. Отец художника Абрам Егорович (Георг) Шмидт и мать Екатерина Федоровна Годфрид происходили из крестьянских семей. С детских лет Адам увлекался рисованием. Позже, во время учебы в немецкой семилетней школе, его рисунки публиковались в немецких газетах *Die Trompete* и *Rote Zeitung*. В 1930-х гг. Шмидт получает образование в художественной школе и продолжает профессиональную учебу в художественной мастерской при Клубе моряков в студии профессора П.Ф. Порфиорова, одного из учеников И.Е. Репина. С 1939 г. до начала Великой Отечественной войны художник продолжает серьезно заниматься живописью. С начала войны Адам Шмидт участвует в оборонных работах в блокадном Ленинграде. Зимой 1941–1942 гг. он переживает голод и другие суровые тяготы войны, работает на лесозаготовке. В марте 1942 г. семью Адама Шмидта, как и других жителей колонии, принудительно выселяют. На долю художника выпадает участь изнурительного этапа по льду Ладоги и далее в телячьих вагонах до Красноярска, а затем на баржах до Енисейска.

Адам Шмидт

Новосаратовская колония (довоенный вид).
Рисунок Адама Адамовича Шмидта, уроженца колонии

Он жил и работал в г. Кировске агентом по снабжению на комбинате «Апатиты», в 1934 г. вызвал к себе жену и сына. Впоследствии его семья оказалась на Алтае.

Таким образом, первыми в северо-западном регионе подверглись депортации немцы из Мурманской области.

Начавшаяся война и положение на советско-германском фронте предопределили судьбу немецкого населения Ленинградской области (в границах того времени). В результате стремительного наступ-

пления фашистских войск 8 июля 1941 г. был оккупирован Псков (освобожден 23 июля 1944 г.), 19 августа – Новгород (освобожден 20 января 1944 г.). 8 сентября началась блокада Ленинграда (полное снятие блокады произошло 27 января

1944 г.). Часть немецкого населения оказалась на захваченной территории, другая – в блокадном кольце, одни были в руках представителей вермахта, другие – в руках НКВД.

С 29 июня началась эвакуация из Ленинграда. Вывозили людей, предприятия, институты, художественные ценности. 10 августа, после ожесточенных боев под Лугой, фашисты прорвали оборону и стали стремительно приближаться к городу. После оккупации противником Пскова и выхода к реке Луге, 11 июля 1941 г. ГКО принял решение о массовой эвакуации предприятий и населения из Ленинграда. Однако 29 августа была захвачена станция Мга – последняя железнодорожная магистраль, связывающая Ленинград со страной, оказалась парализованной.

Одновременно с эвакуацией по линии НКВД шла работа, направленная на выявление и выдворение неблагонадеж-

Smeinogorskij und Kurtschinskij gewählt. Unter den Deportierten war auch Karl Michajlowitsch Braun (1892–1943), ein 1930 entkulakisierter Bewohner der Kolonie Strelna. Er lebte in Kirowsk und war als Beschaffungsagent im Kombinat „Apatity“ tätig; 1934 ließ er seine Frau und seinen Sohn zu sich kommen. Anschließend wurde die ganze Familie Richtung Altai geschickt.

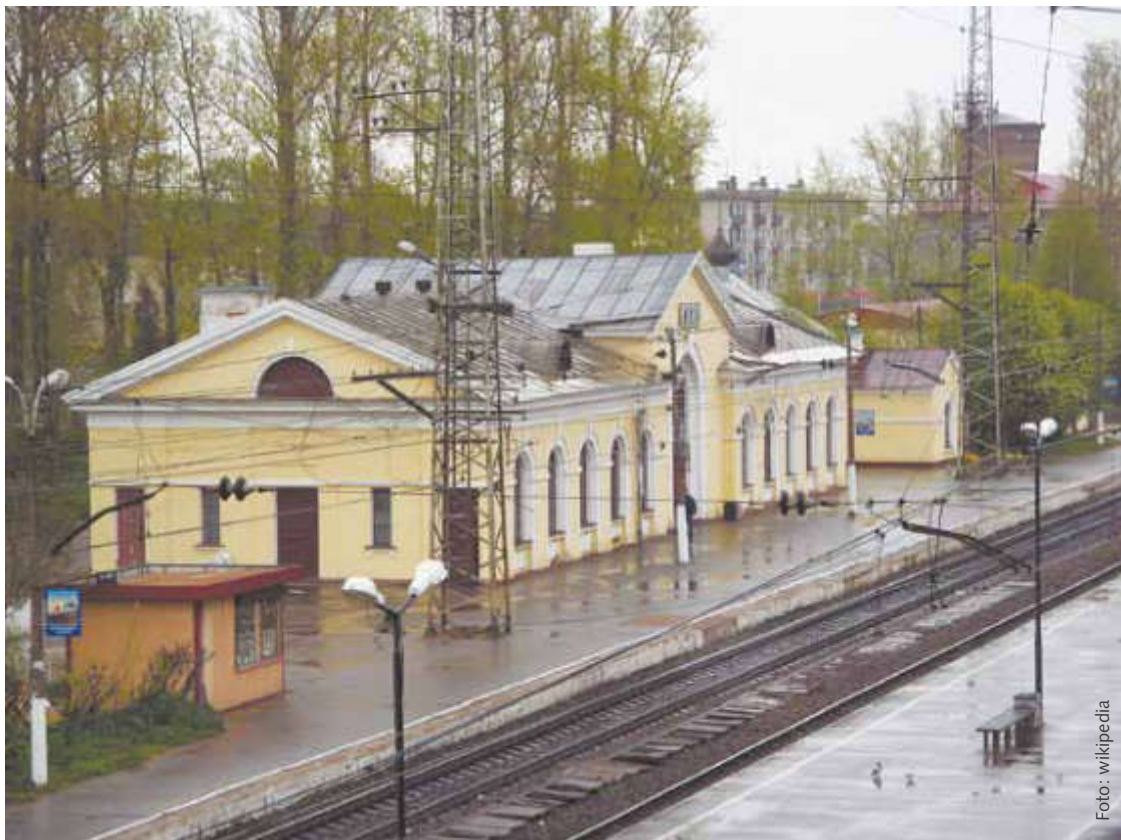
Somit steht fest, dass Deutsche aus dem Gebiet Murmansk im Nordwesten des Landes als erste deportiert wurden.

Das Schicksal der Deutschen des Gebiets Leningrad (in seinen damaligen Grenzen) wurde durch den Kriegsbeginn und die Situation an sowjetisch-deutscher Front bestimmt. Infolge einer stürmischen Offensive wurde am 8. Juli 1941 die Stadt Pskow von faschistischen Truppen besetzt (wieder befreit am 23. Juli 1944), am 19. August war es Nowgorod (befreit am 20. Januar 1944). Am 8. September begann die Blockade Leningrads (die bis zum 27. Januar 1944 dauerte). Ein Teil der deutschstämmigen Bevölkerung befand sich auf besetzten Territorien, ein anderer Teil im Blockadekreis, so dass ein Teil von ihnen in der Hand der Wehrmacht und ein anderer Teil in der Hand des NKWD waren.

Am 29. Juni begann die Evakuierung von Menschen, Produktionsbetriebe, Hochschulen und Künswerken aus Leningrad. Am 10. August durchbrachen die Faschisten die Verteidigungsfront und drangen schnell bis zur Stadt vor. Als Pskow besetzt wurde, und der Feind den Fluss Luga erreichte, fasste das Staatliche Verteidigungskomitee am 11. Juli 1941 einen Beschluss über die massenhafte Mobilisierung der Produktionsbetriebe und der Bevölkerung aus Leningrad. Jedoch nahm der Feind am 29. August die Eisenbahnstation Mga ein, wodurch die letzte Eisenbahnstrecke, die Leningrad mit dem restlichen Land verband, unterbrochen wurde.

Gleichzeitig mit der Evakuierung durch das NKWD begann in Leningrad die Arbeit zur Ermittlung und weiterführenden Ausweisung verdächtiger Personen, sogenannter „antisowjetischer Elemente“. In der Verordnung des NKWD der UdSSR Nr. 152 vom 28. Juni 1941 wurden die Volkskommissare der autonomen und Unionsrepubliken

Первыми в северо-западном регионе подверглись депортации немцы Мурманской области – еще летом 1940 г.

Станция Мга сегодня

По воспоминаниям жителя Новосаратовки Адама Шмидта (1921–2011), в конце июля–начале августа 1941 г. был отдан приказ об эвакуации скота и техники из Всеволожского района. Из-за потока беженцев, отступающих отрядов красноармейцев и приближающегося противника технику и скот пришлось бросить, и они достались неприятелю.

Эвакуация скота началась через Неву по мосту в районе п. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище. Не успели еще полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: «Куда гоните? Там уже немцы!» Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обратно мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – суцая неразбериха!

(Из книги: Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. – СПб., 2008)

ных лиц – «антисоветских элементов» из Ленинграда. Директивой НКВД СССР № 152 от 28 июня 1941 г. наркомом союзных и автономных республик, а также начальникам УНКВД краев и областей предписывалось пресекать распространение провокационных слухов, которые могли посеять панику среди населения. В связи с этим органам предлагалось, выявлять и привлекать к ответственности «злостных распространителей слухов» и объявлять об этом в печати. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области № 0055/20262 «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу «социально опасных лиц» были отнесены в первую очередь немцы и финны.

Большая операция по депортации десятков тысяч людей немецкой и финской национальностей готовилась на основании секретного постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196 «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда» от 26 августа 1941 г. Полномочия военных были закреплены еще 22 июня 1941 г. в соответствии с пунктом 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении».

Это решение военных властей было «усилено» 28 августа. За подписью уполномоченных ГКО В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданова была составлена телеграмма на имя Сталина о выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей, переданная в Москву 29 августа в 10 часов утра. Сталину сообщалось: «<...> нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек. Предлагаем переселение произвести в Казахстан – 15 000 человек, в Красноярский край – 24 000, в Новосибирскую область –

und die Leiter von NKWD-Verwaltungen der Regionen und Gebiete angewiesen, die Verbreitung provokativer Gerüchte zu unterbinden, die in der Bevölkerung Panik hervorrufen könnten. In diesem Zusammenhang sollten die Organe des sowjetischen Innenministeriums die „Hetzer“ ermitteln, worüber anschließend in der Presse berichtet werden sollte. Am 21. August 1941 erschien die Anordnung des Befehlshabers der Nordfront und des Leiters der NKWD-Verwaltung des Gebiets Leningrad unter der Nummer 0055/20262 „Über die Ausweisung gemeingefährlicher Personen aus Leningrad und dem Gebiet Leningrad“. Als „gemeingefährliche Personen“ galten dabei in erster Linie Deutsche und Finnen.

Die große Deportation von hunderttausenden Vertretern der deutschen und finnischen Volksgruppen wurde aufgrund der Geheimverfügung des Kriegsrates der Leningrader Front Nr. 196 „Über die unbedingte Evakuierung der deutschen und finnischen Bevölkerung aus den Vorortbezirken der Stadt Leningrad“ vom 26. August 1941 vorbereitet. Die Befugnisse der Militärs wurden bereits am 22. Juni 1941 unter Punkt 3. des Erlasses des Präsidiums des Obersten Sowjets der UdSSR „Über Kriegszustand“ festgehalten.

Dieser Beschluss der Militärdienststellen wurde am 28. August verschärft. Am 29. August um 10:00 Uhr wurde nach Moskau, adressiert an Stalin, ein Telegramm über die Deportation der deutschen und finnischen Bevölkerung aus den Vororten Leningrads gesandt, unterzeichnet von Bevollmächtigten des Staatlichen Verteidigungskomitees W.M. Molotow, G.K. Malenkow und A.N. Kossygin und vom Sekretär des Gebietskomitees Leningrad der WKP(b) A.A. Schdanow. Darin hieß es: „[...] von uns wurde die unverzügliche Übersiedlung der deutschen und finnischen Bevölkerung von insgesamt 96.000 Personen aus den Vororten Leningrads angeordnet. Es wird vorgeschlagen, 15.000 Personen nach Kasachstan umzusiedeln, 24.000 Personen – in die Region Krasnojarsk, 24.000 Personen – ins Gebiet Nowosibirsk, 12.000 Personen – in die Region Altai und 21.000 Personen – ins Gebiet Omsk. Die Organisation der Über-

Виктор Шеффер

Средняя Рогатка – бывшая немецкая колония, основанная в 1765 г. выходцами из Бранденбурга и Вюртемберга. Возникла на пересечении дорог из Петербурга в Москву и из Петербурга в Саарскую мызу, ныне Московское шоссе. Свое название получила оттого, что тут находился шлагбаум, или, как тогда говорили, рогатка, и сторожевая будка с караульными.

Установка противотанковых железобетонных препятствий на Московском шоссе у Средней Рогатки. Ленинград, октябрь 1941 г. Фотограф В.Г. Федосеев. Из фондов ЦГАКФД СПб.

« В первые месяцы войны родители неделями отсутствовали – были мобилизованы на оборонные земляные работы. Отец, чтобы облегчить положение семьи, решил записаться добровольцем на фронт, но ему было отказано – немец! Тогда он устраивает Рихарда (сына. – ред.) рабочим на фабрику «Скороход», чтобы получить дополнительную рабочую карточку. Настали холода, центральное отопление в нашем доме не работало, отключили электричество, замерзла вода в трубах. Мы приобрели «буржуйку», топили ее в основном книгами. В один из декабрьских дней 1941 г. Рихард не дошел до фабрики, упал, его подобрала и отвезли в больницу им. Коняшина, где он умер 25 февраля 1942 г. »

Из воспоминаний Виктора Федоровича Шеффера, 1929 г.р. (из сб.: Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). Выпуск 5. СПб., 2009).

24 000, в Алтайский край – 12 000 и в Омскую область – 21 000. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это решение»⁶.

В Москве, возможно, и понимали всю опасность блокирования Ленинграда, тем не менее, было принято решение о депортации населения. 30 августа издается секретный приказ наркома внутренних дел СССР № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР».

В соответствии с приказом руководство операцией возлагалось на заместителя наркома внутренних дел СССР Меркулова и начальника УНКВД по Ленинградской области Кубаткина. Планировалось вывезти переселяемых: по железной дороге – 96 тыс. человек; водным путем от Ленинграда до Череповца – 36 тыс. человек. Для обеспечения пересадки с водного транспорта на железнодорожный в Череповце начальник УНКВД по Вологодской области Галкин должен был командировать в Череповец оперативную группу во главе с заместителем начальника УНКВД капитаном госбезопасности Свиридовым. В Череповец направлялся начальник 3-го отдела Транспортного управления НКВД СССР Белов, который бы занимался руководством перегрузкой и организацией отправки переселяемых по железной дороге. На каждый эшелон с депортируемыми планировалось выделить начальника эшелона из числа начсостава конвойных войск НКВД и необходимое число красноармейцев, а также по одному оперативному работнику. Нарком внутренних дел Казахской ССР Бабкин обязан был обеспечить организацию в Карагандинской, Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и Джамбульской областях прием и расселение людей в тех местах, которые определит СНК Казахской ССР. На заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова, начальника КРУ Федотова и начальника Транспортного управления Синегубова возлагалось обеспечение своевременной пода-

сiedlung soll dem NKWD aufgetragen werden. Wir bitten um Bestätigung dieses Beschlusses.“

Möglicherweise sah man in Moskau die gesamte Gefahr der Einkreisung Leningrads ein, nichtsdestotrotz wurde die Deportation der Bevölkerung beschlossen. Am 30. August wurde der Geheimbefehl des Volkskommissars des Innern der UdSSR Nr. 001175 „Über die Maßnahmen bei der Durchführung der Übersiedlung von Deutschen und Finnen aus dem Vorort Leningrads in die Kasachische SSR“ verabschiedet.

Laut dieses Befehls sollte die Aktion von dem stellvertretenden Volkskommissar des Innern der UdSSR Merkulow und dem Leiter der NKWD-Verwaltung des Gebiets Leningrad Kubatkin geleitet werden. Laut Plan sollten 96.000 zu deportierende Personen mit der Eisenbahn und 36.000 Personen auf dem Wasserwege aus Leningrad bis Tscherepowetz abtransportiert werden. Für die Umladung der Wassertransporte auf die Eisenbahn sollte der Leiter der NKWD-Verwaltung des Gebiets Wologda Galkin nach Tscherepowetz eine Einsatzgruppe, angeführt von dem stellvertretenden Leiter der NKWD-Verwaltung, Kapitän des Sicherheitsdienstes Swiridow, entsenden. Ferner wurde nach Tscherepowetz der Leiter der Abteilung 3 der Verkehrsverwaltung des NKWD Below entsandt, der die Leitung bei der Umladung sowie weiterer Organisation der Abfertigung des Eisenbahntransports mit Deportierten übernehmen sollte. Für jeden Zug mit Deportierten wurde ein Zugleiter aus dem Vorsteherbestand der Geleittruppen des NKWD sowie eine erforderliche Anzahl an Rotarmisten und je ein operativer Mitarbeiter vorgesehen. Im Zielland sollte der Volkskommissar des Innern der Kasachischen SSR Babkin die weitere Organisation in den Gebieten Karaganda, Kysyl-Orda, Südkasachstan und Dschambul übernehmen: Er war für die Aufnahme und die Unterbringung der Menschen in den genannten Gebieten zuständig, aufgrund der vom Rat der Volkskommissare der Kasachischen SSR festgelegten Bestimmungen. Der stellvertretende Volkskommissar des Innern der UdSSR Tschernyschow, der Leiter der Kontroll- und Revisionsverwaltung Fedotow

Семья Кристины Николаевны Шмидт (дев. Людвиг).
Петродворец, 1931 г.
Вся семья погибла во время блокады Ленинграда.
Из архива А.Я. Тихомировой

О блокаде написано много, но всего ужаса тех дней представить не пережившему ее невозможно. Мне было всего 13 лет, а у меня уже были мысли о самоубийстве.

Мы, теперь уже четверо (брат Рихард, с декабря 1941 г. был в больнице, умер от истощения в больнице 25 февраля 1942 г. – ред.), мама, папа, Франциска и я, спали поперек двух составленных кроватей, укрываясь ворохом всяких теплых вещей. Все были страшно завшивлены. Температура воздуха в комнате опускалась до –17 градусов.

20 января отец в очередной раз просит перевернуть его на другой бок, а на следующий день мы просыпаемся в постели с его трупом.

17 февраля. Мы с сестрой просыпаемся с трупом матери. Перебираемся к маминой сестре тете Соне и у нее живем до 24 марта. В этот день ее как немку выселяют из Ленинграда в Салехард, а по пути она умирает от истощения. Нас каким-то чудом она успевает устроить в детский дом, который позднее эвакуировался на Кавказ. Хорошо помню, что мы переезжали по льду Ладожского озера 13 апреля, это был мой день рождения.

Из воспоминаний Виктора Федоровича Шеффера, 1929 г.р. (из сб.: Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). Выпуск 5. СПб., 2009).

чи эшелонов, их продвижение в пути следования и наблюдение за расселением в Казахской ССР.

В дополнение к приказу Берии был разработан план эвакуации немцев и финнов из пригородов Ленинграда и восьми районов Ленинградской области. 30 августа заместитель наркома НКВД В.Н. Меркулов направил Берии сообщение с кратким изложением плана мероприятий. Для придания большей убедительности предлагаемым планам в документе специально указывалось, что в связи с близостью фронта финское и немецкое население области частично уходило в леса, ожидая прихода немцев, в то время как русское население стекалось в Ленинград.

Согласно приказу НКВД от 30 августа, операцию по депортации следовало начать 31 августа и завершить 7 сентября. Однако уже 29 августа противник захватил станцию Мга, и с 14 часов полностью прервалась железнодорожная связь города со страной, а 8 сентября, после захвата Шлиссельбурга, город оказался в полной блокаде. Единственной возможностью для связи с «большой землей» оставался путь через Ладогу. 30 августа ГКО принимает решение «О транспортировке грузов для Ленинграда», поэтому начиная с 31 августа грузовые потоки должны были направляться через Ладогу из Лодейного Поля.

Депортацию немцев из Ленинградской области планировалось провести примерно в те же сроки. Из восьми районов области, в том числе и Красногвардейского (современного Гатчинского), подлежали принудительной эвакуации в Архангельскую область и Коми АССР 88 764 финна и 6699 немцев. Но полностью осуществить этот план не удалось. К 8 сентября в Вологодскую область было эвакуировано около 28 тыс. финнов и немцев⁷. Немцев – жителей Новгорода и немецких поселений Новониколаевская и Александровская – депортировали осенью 1941 г. Например, Анна Паль выехала из Новгорода 21 ноября 1941 г.

sowie der Leiter der Verkehrsverwaltung Sinegubow wurden mit der Sicherstellung der pünktlichen Anlieferung der Züge, ihres Vorrückens auf den Eisenbahnstrecken und der Überwachung bei der Verteilung in der Kasachischen SSR beauftragt.

Als Ergänzung zu Berias Befehl wurde ein Plan über die Übersiedlung der Deutschen und Finnen aus den Vororten Leningrads und aus acht Bezirken des Gebiets Leningrad ausgearbeitet. Am 30. August sandte der stellvertretende Volkskommissar des NKWD W.N. Merkulow eine Kurzfassung des Maßnahmenplans an Beria. Um in dem Plan vorgeschlagene Punkte überzeugender zu machen, hieß es im Dokument explizit, dass die finnische und deutsche Bevölkerung sich beim Vorrücken der Front in Erwartung des Einmarsches deutscher Truppen zum Teil in die Wälder zurückzog, während die russische Bevölkerung nach Leningrad strömte.

Laut des Befehls des NKWD vom 30. August sollte die Deportationsaktion am 31. August begonnen und am 7. September abgeschlossen werden, jedoch wurde bereits am 29. August die Eisenbahnstation Mga vom Feind besetzt und die Eisenbahnverbindung der Stadt mit dem restlichen Land wurde ab 14:00 Uhr komplett unterbrochen, am 8. September wurde die Stadt nach der Einnahme von Schlüsselburg voll eingekreist. Als einzige Verbindung mit dem „großen Land“ blieb der Weg über den Ladogasee. Am 30. August fasste das Staatliche Verteidigungskomitee den Beschluss „Über den Transport der Güter für Leningrad“, nach dem die Güter seit dem 31. August aus Lodejnoje Pole über den Ladogasee gebracht werden sollten.

Es war geplant, ungefähr zeitgleich die Deportation der Deutschen aus dem Gebiet Leningrad durchzuführen. Aus acht Bezirken des Gebiets, einschließlich des Bezirks Krasnogwardejskij (früher Gatschinskij), sollten 88.764 Finnen und 6.699 Deutsche ins Gebiet Archangelsk und in die Autonome Republik Komi zwangsevakuieren werden. Jedoch konnte dieser Plan nicht vollständig realisiert werden. Zum 8. September wurden ca. 28 Tausend Finnen und Deutsche ins Gebiet Wologda evakuiert⁶. Deutschstämmige Bewohner von Nowgorod und der deutschen Siedlungen Nowonikolajewskaja und Alexandrowskaja wurden

В блокадном Ленинграде, кроме коренных немцев, оказались и некоторые жители из немецких колоний, например из Стрельнинской и Среднерогатской. Одни уже жили и работали в городе до войны, другие, спасаясь от наступающей армии противника, оказались у родственников. Поэтому некоторые семьи оказались разорванными – часть родных оказалась в оккупации, другая в городе. В их числе были, например, семьи стрельнинцев Екатерины Федоровны Лефлер, Августы Петровны Аман.

Особенностью депортации немцев из города был «индивидуальный подход» – людей выявляли в разное время, им вручали индивидуальные повестки, поэтому и высылка проходила «индивидуально». По документам и воспоминаниям людей, сроки высылки варьировались от марта до глубокой осени 1942 г. Софье Аман объявили 15 июня 1942 г. о необходимости покинуть город в течение 72 часов, прописку из паспорта вычеркнули. Целый месяц тянулась ее дорога до Омска, а потом по Иртышу дальше на север. Роберт Робертович Шейде (1926 г.р.) вспоминает, что его с матерью выслали из Ленинграда осенью 1942 г. в Красноярский край, они жили в с. Моторск Каратузского района, затем перебрались в районный центр Каратуз. Эрна Александровна Лазаренко (Бон, 1931 г.р.), ее родители,

обе бабушки и тетка были высланы в июле 1942 г. Отец работал инженером-конструктором на заводе «Вулкан». На сборы было отпущено 24 часа. Семья добралась до Кокорева по Ладого, на катере выехала в Кобону. Им посчастливилось добраться живыми, а катера, шедшие впереди и сзади, потонули при бомбежке. Добросердечные местные жители встречали эвакуированных ленинградцев с горячей едой и даже колотым шоколадом. Испытание едой для истощенных блокадников было самым тяжелым – люди умирали сытыми. 23 июля обе бабушки оказались в госпитале в Вологде, через день скончалась одна, а через 15 дней другая. Погибших ленинградцев на территории Вологодской области было так много, что в Вологде установлен мемориал в память о жертвах блокады во время эвакуации.

«Дорога жизни» стала и дорогой на спецпоселение для сотен и тысяч ленинградских немцев и финнов.

Выселение немцев из блокадного Ленинграда и пригородов, не захваченных противником, возобновилось в марте 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта 9 марта 1942 г. издал постановление № 00713 «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента». Таким «элементом» опять-таки

оказались люди, принадлежащие к национальным меньшинствам: немцам, финнам, полякам.

20 марта 1942 г. вышло повторное постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00714а «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда».

В новом постановлении названы те районы проживания немцев и финнов, которые оставались к тому времени в советской зоне. Это Ленинград, Всеволжский, Парголовский, Слуцкий и Ораниенбаумский районы. Эвакуация была возложена на исполком областного Совета депутатов трудящихся – тов. Семина, обком ВКП(б) – товарища Никитина и Управление НКВД – товарища Иванова. В районах ответственность за подготовку населения к эвакуации ложилась на первых секретарей райкомов ВКП(б), председателей исполкомов районных советов депутатов трудящихся и начальников районных отделений НКВД. Были намечены конкретные сроки депортации населения пригородных районов: в течение 26 и 27 марта 1942 г. по 7,5 тыс. ежедневно.

Путь был намечен по железной дороге до станции Борисова Грива и далее по Ладоге на автомашинах до Кобоны, Жихарево и Лаврово. Всю подготовительную работу к эвакуации финского и немецкого населения следовало закончить к 25 марта. Начальник Ленинградского фронта генерал-майор Лагунов

im Herbst 1941 deportiert. So musste beispielsweise Anna Pal am 21. November 1941 Nowgorod verlassen.

Die Fortsetzung der Übersiedlung der Deutschen aus dem eingeschlossenen Leningrad und aus seinen vom Feind nicht eingenommenen Vororten folgte im März 1942. Der Kriegsrat der Leningrader Front verabschiedete am 9. März 1942 die Verordnung Nr. 00713 „Über die administrative Ausweisung gemeingefährlicher Elemente aus Leningrad“. Als solche Elemente galten wieder solche zu nationalen Minderheiten gehörende Personen wie Deutsche, Finnen und Polen.

Am 20. März 1942 erschien die wiederholte Anordnung des Kriegsrates der Leningrader Front Nr. 00714a „Über die unbedingte Evakuierung der finnischen und deutschen Bevölkerung aus den Vorortbezirken des Gebiets und der Stadt Leningrad“.

In dieser neuen Anordnung wurden diejenigen Siedlungsbezirke der Deutschen und Finnen genannt, die bis dahin immer noch im sowjetischen Besatzungsgebiet blieben, nämlich Leningrad sowie die Bezirke Wsewolschskij, Pargolowskij, Sluzkij und Oranienbaumschskij. Mit der Evakuierung wurden das Exekutivkomitee des Gebietssowjets der Volksdeputierten, das Gebietskomitee der WKP(b) und die NKWD-Verwaltung, jeweils angeführt von Sjomин, Nikitin und Iwanow, beauftragt. Die Vorbereitung der Bevölkerung auf die Evakuierung in den Bezirken wurde den jeweiligen ersten Sekretären von Bezirkskomitees der WKP (b), den Vorsitzenden der Exekutivkomitees der Bezirkssovjets der Volksdeputierten und den Leitern der NKWD-Bezirksabteilungen aufgetragen. Es wurden konkrete Termine für die Deportation der Bevölkerung der Vorortbezirke abgesteckt – 26. und 27. März 1942, mit 7,5 Tausend Personen täglich.

Der Weg sollte mit der Eisenbahn bis zur Station Borissowa Griwa und danach über den Ladogasee mit LKWs bis nach Kobona, Schicharewo und Lawrowo führen. Die gesamten Vorbereitungen auf die Evakuierung der finnischen und deutschen Bevölkerung sollten bis zum 25. März abgeschlossen werden. Der Leiter der Leningrader Front, Generalmajor Lagunow war für die Sicherstellung des Transports der zu

Ольга Берггольц

« Блокадная ласточка

*Весной сорок второго года
множество ленинградцев
носило на груди жетон –
ласточку с письмом в клюве.*

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна –
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
это означало: «Жду письма».

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам, до Ленинграда,
с милой-милой родины дойдет.

...Сколько писем с той поры мне было.
Отчего же кажется самой,
что доньше я не получила
самое желанное письмо?!

Чтобы к жизни, вставшей за словами,
к правде, влитой в каждую строку,
совестью припасть бы, как устами
в раскаленный полдень – к роднику.

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит
то письмо, желанное, как свет?
Ищет адрес мой и не находит
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день, и непременно
в час большой душевной тишины
я приму неслыханной, нетленной
весть, идущую еще с войны...

О, найди меня, гори со мною,
ты, давно обещанная мне
всем, что было, – даже той смешною
ласточкой, в осаде, на войне...

Ольга Берггольц
1945

Отец Ольги Берггольц, Федор Христофорович (1885–1948), латыш, уроженец Риги, военный врач-хирург, был причислен органами НКВД к немцам. Первое предписание о немедленном выезде из города он получил 2 сентября 1941 г., на сборы давали 6 часов, но кольцо блокады сжималось, поэтому выселить его не удалось. В паспорте была поставлена отметка о статье 39 «Положения о паспортах», которая означала негласный запрет на проживание в больших городах. В течение зимы его неоднократно вызывали в НКВД. Принудительное выселение на основании 39-й статьи состоялось 17 марта 1942 г. Путь лежал через Вологду в Красноярский край. Телеграмма из Вологды в Ленинград была отправлена им 26 марта. 3 апреля он пишет дочери из Глазова: «Родные мои, обратитесь к кому угодно (к Берия и т.д.), но освободите меня отсюда». Сообщается о том, что их кормят один раз в день, да и то не каждый день. В вагоне уже умерло шесть человек и еще несколько на очереди. В середине апреля они прибыли в Минусинск, и Федор Христофорович сразу попал в больницу. После выписки выехал в с. Идра, где устроился работать сельским врачом. Оскорбленного несправедливостью отца одолевала навязчивая идея об оставленном имуществе. Ольга Федоровна с горечью пишет: «<...> у тебя нет бывшего угла, нет обстановки и всего лишь кое-что из белья и одежды!..»

(Подробнее см.: Ольга. Запретный дневник: Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 45–253).

должен был обеспечить перевозку автотранспортом эвакуируемого населения через Ладожское озеро, а из Ораниенбаумского района – через Финский залив до станции Лисий Нос. Для эвакуации выделялось в распоряжение облисполкома 25 автомашин. Городская эвакуационная комиссия по заявке УНКВД Ленинградской области обязана была представлять необходимое количество питательных талонов для эвакуируемых немцев и финнов. В документе установлены нормы питания: хлеба – 150 граммов, мяса – 30 (в обед из одного блюда на человека), крупы – 35, подболточной муки – 20. Кроме того, на эвакуопунктах выдавать каждому эвакуируемому одновременно на двое суток вперед 800 граммов хлеба.

Эвакуация после установления блокады Ленинграда возобновилась в сентябре через Ладогу («дорога жизни»), сначала водным путем, а с ноября – по льду. В первую блокадную зиму переправа действовала с 22 ноября 1941 г. по 24 апреля 1942 г., вторая навигация началась в конце мая 1942 г. Перевозки по Ладожскому озеру весной-осенью 1942 г. осуществлялись по двум трассам – короткой и длинной. Малая трасса, протяженностью 29 км, проходила от Кобоны до мыса Осиновец; большая, длиной 150 км, шла из Новой Ладоги до Осиновца. Перевозки осуществлялись обычно в вечернее и ночное время, чтобы избежать вражеских бомбардировок.

«Дорога жизни» стала и дорогой на спецпоселение для сотен и тысяч ленинградских немцев и финнов. После высадки в Кобано-Кареджском порту эвакуируемых перевозили железнодорожным транспортом в Вологду, Ярославль и Иваново, откуда они уже следовали в пункты назначения. Для обслуживания ленинградцев в пути на Финляндском вокзале, в Борисовой Гриве, Кобоне, Лаврове, Волховстрое работали эвакуопункты. Кроме того, за пределами Ленинградского фронта эвакуопункты были созданы на станциях Тихвин, Вологда, Череповец, Бабаево.

deportierenden Bevölkerung mit LKWs über den Ladogasee und aus dem Bezirk Oranienbaumschij über Finnischen Meerbusen bis zur Station Lissij Nos verantwortlich. Für die Evakuierung bekam das Gebiets-Exekutivkomitee 25 LKWs zur Verfügung gestellt. Von der Städtischen Evakuierungskommission sollte auf Antrag der NKWD-Verwaltung des Gebiets Leningrad die erforderliche Menge an Essensmarken für zu deportierende Finnn und Deutsche bereitgestellt werden. Im Dokument wurden die Verpflegungsnormen festgelegt: 150 Gramm Brot, 30 Gramm Fleisch (als ein aus einem Gericht bestehendes Mittagessen pro Person), 35 Gramm Gries, 20 Gramm Einrührmehl. Darüber hinaus sollten die Evakuierten an Evakuierungsstationen einmalig für 2 Tage im Voraus 800 Gramm Brot pro Person bekommen.

Nach der Einkreisung Leningrads wurde die Evakuierung über den Ladogasee („Straße des Lebens“) fortgesetzt – zuerst auf dem Wasserweg und seit November dann auf dem Eis des zugefrorenen Sees. Im ersten Blockadewinter funktionierte diese Transportmöglichkeit vom 22. November 1941 bis zum 24. April 1942, dann konnte Ende Mai der Schiffsverkehr wieder aufgenommen werden. Der Transport über den Ladogasee erfolgte im Frühjahr-Herbst 1942 auf zwei Routen – kurz und lang. Die kürzere Route mit 29 km Länge führte von Kobona bis Kap Ossinowez, die längere Route mit 150 km Länge – von Nowaja Ladoga bis nach Ossinowetz. Die Transporte liefen in der Regel in der Abend- und Nachtzeit, um feindlichen Bombenangriffen zu entgehen.

Die „Straße des Lebens“ wurde für Hunderte und gar Tausende Leningrader Deutsche und Finnen zur Straße, die in die Sonderansiedlungen führte. Im Hafen Kobona-Koredschskij ausgestiegen, wurden die Evakuierten mit der Eisenbahn nach Wologda, Jaroslawl und Iwanowo weitertransportiert, wo sie dann je nach Zielort verteilt wurden. Für die Versorgung der Leningrader unterwegs wurden die Evakuierungsstationen am Finnischen Bahnhof, in Borissowa Griwa, Kobona, Wolchowstroj eingerichtet. Darüber hinaus gab es weitere Evakuierungsstationen außerhalb der Leningrader Front in Tichwin, Wologda, Tscherepowez, Babajewo.

Адам Шмидт

« Условия жизни в Новосаратовке были не намного лучше блокированного города, люди также страдали от голода и бомбежек, немецкая молодежь участвовала в санитарной очистке домов – вывозили трупы, заготовливали дрова в Невском лесопарке для крематория, действовавшего на кирпичном заводе «Красная заря». На трудодни колхозники ничего получить не могли, картошку с приусадебного участка сдали в фонд фронта, вскоре туда же была передана и вся живность. Истощенные от голода, находясь на грани смерти, люди радовались депортации. В тот момент она для них означала лишь избавление от мук блокады. Восприятие смерти притупилось – вокруг были сотни тысяч умерших, поэтому у новосаратовцев, готовых к эвакуации, не возникло чувства протеста, когда было приказано свалить в скотный сарай все незахороненные трупы, временно хранившиеся в скотном дворе и на кладбище. Живых отправляли в Сибирь, а покойников сожгли вместе с постройками. Шмидт вспоминает: «За день и в день эвакуации “похоронили,» – отвезли на скотный двор колхоза сестру отца и свекровь старшей сестры. »

По воспоминаниям жителя Новосаратовки Адама Шмидта (1921–2011), опубликованных в книге: *Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков.* СПб., 2008.

Депортация немцев с территории блокадного кольца

Жители колоний Новосаратовки, Средней Рогатки, Ижоры (Колпино), Овцыно остались в блокадном кольце, Кронштадтская колония и Мартышкино – на Ораниенбаумском пятачке. Колпинская и Среднерогатская колонии были полностью уничтожены в ходе боев, значительно пострадали и другие поселения. Через Среднюю Рогатку проходил передний край обороны Ленинграда. В 1943 г. у места, где сейчас расположена площадь Победы, близ колонии был создан мощный узел сопротивления с дотами, железнодорожными надолбами, противотанковым рвом и минными полями. Это была третья полоса внешней обороны города, начинавшаяся у Финского залива и тянувшаяся через Среднюю Рогатку до села Рыбацкого.

Депортация жителей этих поселений началась после появления постановления Военного совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 г.

По воспоминаниям А.А. Шмидта, из Новосаратовки депортация прошла 18 марта 1942 г.⁸ Однако данные о репрессированных, которые опубликованы на сайте «Жертвы политического террора в СССР»⁹, свидетельствуют о другом дне – 24 марта 1942 г. По крайней мере, 24 марта выслали А.А. Ульриха, С.П. Эйдмиллер, А.А. Роо, Р.А. Роо, Т.А. Роо.

Сайт позволяет определить даты высылки некоторых жителей из других немецких поселений. К сожалению, конкретные даты встречаются редко, чаще указан лишь год, иногда еще месяц. Сразу следует отметить, что даты высылки отличаются от срока, установленного постановлением от 20 марта 1942 г. Там речь шла о 26–27 марта. В реальности было иначе. 20 марта выслали жительниц Колпино: Екатерину Егоровну Гевейлер (1905 г.р.), Елену Ивановну Гевейлер (1930 г.р.), Софью Ивановну Гевейлер (1937 г.р.). Из этого же поселения Аман Нину Николаевну вывезли 28 июня 1942 г. 25 марта была выслана жительница Янино

Deportation der Deutschen aus dem Raum des Blockadekreises

Die Bewohner der Kolonien Nowosaratowka, Srednjaja Rogatka, Ischora (Kolpino), Owzyno blieben im Blockadekreis, die Kronstädter Kolonie und Martyschkino – im Brückenkopf Oranienbaum. Die Kolonien Kolpino und Srednjaja Rogatka wurden während der Kämpfe total zerstört, auch andere Siedlungen waren schwer betroffen. Durch Srednjaja Rogatka verlief die vordere Verteidigungslinie Leningrads. 1943 wurde in der Nähe von der Kolonie – dort, wo sich heute der Platz des Sieges befindet, ein starker Abwehrknoten mit Feldbunkern, Betonhöckern, Panzergräben und Minenfeldern eingerichtet. Dies war der dritte äußere Verteidigungsstreifen, der am Finnischen Meerbusen begann und durch Srednjaja Rogatka bis zum Dorf Rybazkoje verlief.

Die Deportation der Bewohner dieser Siedlungen begann nach der Bekanntgabe der Anordnung des Kriegsrates der Leningrader Front vom 20. März 1942.

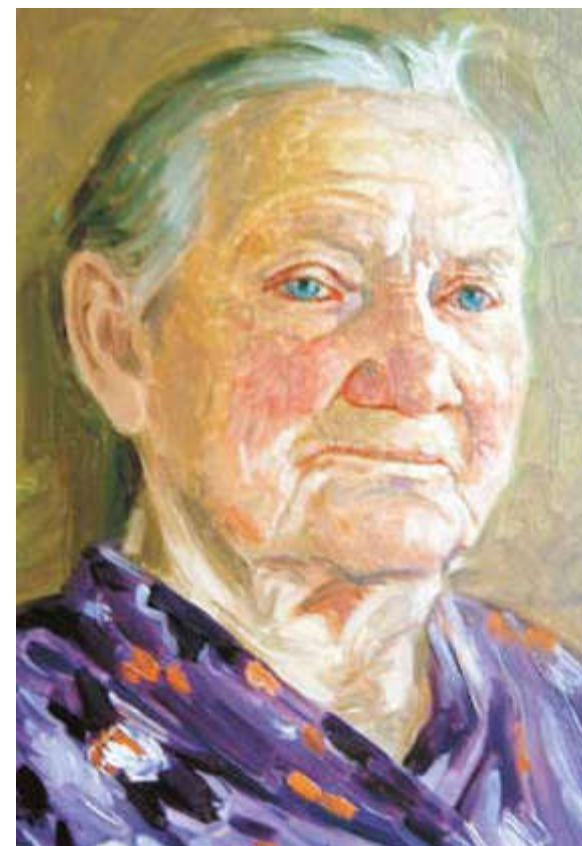
Den Erinnerungen von A.A. Schmidt zufolge wurden die Bewohner von Nowosaratowka am 18. März 1942 deportiert. Aus den auf der Webseite „Opfer politischer Terrorherrschaft in der UdSSR“ veröffentlichten Zeugnissen geht jedoch ein anderes Datum hervor, nämlich 24. März 1942. Jedenfalls wurden gerade am 24. März A.A. Ulrich, S.P. Eidemüller, A.A. Roo, R.A. Roo, T.A. Roo deportiert.

Mithilfe der genannten Webseite können auch andere Daten der Deportation von Bewohnern anderer deutscher Siedlungen ermittelt werden. Leider sind genaue Angaben selten, üblicherweise wird nur das Jahr, manchmal auch der Monat, angegeben. Generell sei anzumerken, dass tatsächliche Termine der Deportation von der in der Anordnung vom 20. März 1942 festgelegten Terminierung abweichen, in der von 26. und 27. März die Rede ist. In Wirklichkeit war es ganz anders. Am 20. März wurden die Bewohnerinnen von Kolpino Jekaterina Jegorowna Geweiler (geb. 1905), Elena Iwanowna Geweiler (geb. 1930), Sophia Iwanowna Geweiler (geb. 1937) deportiert. Die Bewohnerin der gleichen Siedlung Nina Nikolajewna Amann

Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На дворе стояли наготове подводы, которые доставили людей на станцию Нева (Веселый поселок). Затем в вагонах повезли к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидт высылке подлежали 10 человек, в том числе сестры с детьми, Эрн с трехлетним сыном и Тереза с дочерью 5-ти лет и грудным ребенком. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям поселка, которые не были немцами и которые не подлежали эвакуации. При посадке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было – ребенка закопали в снег, отметив место еловой веткой. Рядом уже высились два таких же сугроба – похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку. В эшелоне, в котором следовали новосара-

товцы, ехали и жители из Овцына и Подженново. В пути находились 27 дней. О следовании до пункта назначения А. Шмидт пишет: «Мы на колесах. Нет ни мыла, ни условий для стирки. Вши стали нашими главными врагами. Самой большой радостью в пути были дни санобработки и бани. <...> Иногда нас кормили в ресторанах ж.д. станций – галушками, щами и т.д. Дорожные заботы по выживанию семьи не оставляли времени для скуки. Мы распределяли обязанности – кому готовить, кому уголь воровать с составов с углем, кому доставать кипяток, кому идти на базар около станции, кому что продать или обменять на съестное <...> На базаре можно было купить мед, квашеную капусту, курятину, яйца и еще незнакомую, целительную черемшу». В Канске людей высадили и ненадолго разместили в общежитии лесозавода, затем начались работы по заготовке леса. Семья Шмидт попала в Енисейск.

По воспоминаниям жителя Новосаратовки Адама Шмидта (1921–2011), опубликованных в книге: Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. СПб., 2008.

Адам Шмидт. Мама.
Картон, масло. 25х40. 1959.

Эйдемиллер Доротея Адамовна (1925 г.р.). Жителей Средней Рогатки Александра Федоровича Амана (1898 г.р.), Екатерину Адамовну Аман (1898 г.р.) и Екатерину Александровну Аман (1926 г.р.) депортировали 19 апреля 1942 г. Уроженцы Средней Рогатки, проживавшие в Ленинграде, Петр Петрович Аман и Софья Петровна Аман были вывезены из города 28 июля 1942 г.

Такой разброс в датах депортации отдельных семей позволяет высказать предположение, что на сроки могла влиять обстановка на «дороге жизни» (зимняя дорога в конце марта стала весьма опасной из-за таяния льда). Другое наше предположение связано с судьбой разбитых в ходе боев поселений Колпино и Средняя Рогатка, которые находились практически в черте города. Население могло оставить уничтоженные дома и найти жилье в пустующих домах Ленинграда. Хотя жители и проходили регистрацию по месту жительства, но на их выявление в городе требовалось время. В любом случае факты свидетельствуют о том, что реализация постановления о депортации шла неоднозначно.

Судьба немецкого населения в оккупации

16 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу между Стрельней и Урицком, что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма. Линия фронта на востоке проходила между Старым и Новым Петергофом, на западе – по берегу реки Воронка. Кингисеп был оккупирован 16 августа 1941 г., Новый Петергоф – 22 сентября. В зоне оккупации остались немецкие поселения: Стрельна, Кипень, Порховская, Ямбург (Кингисеп). В ходе боев 14–15 сентября была захвачена Стрельнинская колония, пережившая тяжелую трагедию.

С приближением фронта со стороны Красного Села жители стали рыть укрытия. Вскоре начался артобстрел, на поселок

wurde am 28. Juni 1942 deportiert. Am 28. März musste Dorothea Adamowna Eidemiller (geb. 1925) ihre Siedlung Janino verlassen. Die Bewohner von Srednjaja Rogatka Alexander Fjodorowitsch Amann (geb. 1898), Jekaterina Adamowna Amann (geb. 1898) und Jekaterina Alexandrowna Amann (geb. 1926) wurden am 19. April 1942 deportiert. Die in Srednjaja Rogatka gebürtigen Bewohner Leningrads Pjotr Petrowitsch Amann und Sophia Petrowna wurden am 28. Juli 1942 aus der Stadt abtransportiert.

Angesichts solcher Verteilung der Deportationstermine einzelner Familien könnte man mutmaßen, dass die Termine durch die Situation auf der „Straße des Lebens“ bestimmt wurden (die Winterstraße war gegen Ende März wegen der Eisschmelze recht gefährlich). Eine weitere Vermutung hängt mit dem Schicksal der Siedlungen Kolpino und Srednjaja Rogatka zusammen, die innerhalb der Stadtgrenzen lagen und bei Kampfhandlungen zerstört wurden. Die Bevölkerung konnte ihre zerstörten Häuser verlassen und sich in den leer stehenden Häusern Leningrads niedergelassen haben. Obwohl die Bewohner am Wohnort registriert wurden, brauchte man Zeit, um sie in der Stadt ausfindig zu machen. Jedenfalls zeugen diese Fakten davon, dass die Umsetzung der Deportationsanordnung nicht so eindeutig vor sich ging.

Schicksal der deutschstämmigen Bevölkerung im besetzten Raum

Am 16. September drangen die Faschisten bis zum Finnischen Meerbusen zwischen Strelna und Urizk vor, was zur Entstehung des Brückenkopfes Oranienbaum führte. Im Osten verlief die Frontlinie zwischen Altem und Neuem Peterhof und im Westen entlang des Ufers des Flusses Woronka. Am 16. August 1942 wurde Kingisepp eingenommen, am 22. September – Neuer Peterhof. Deutsche Siedlungen Strelna, Kipen, Porchowskaja, Jamburg (Kingisepp) waren von da an in dem besetzten Raum. Während der Kämpfe am 14.–15. September wurde die Kolonie Strelna eingenommen, deren Bewohner eine schwere Tragödie durchmachen mussten.

Семья Гевейлер

Семья Ф.Ф. Гевейлера в лагере Германии. 1943 г. Филипп Филиппович с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом насильно вывезены из Стрельнинской колонии в Германию 12 февраля 1942 г.

Жители рядом расположенных поселений Ленинградской области оказались в Германии в разном статусе. Немцы из Стрельнинской колонии были выселены как фольксдойче, а жители Новополя – как остарбайтеры. При этом некоторые семьи русских и немцев были связаны родственными узами. О жизни остарбайтера вспоминает В.П. Фролова, у которой брат был женат на Маргарите Эйдемиллер из Стрельны. Обе стороны общались, находясь в Германии (подробнее см.: Фролова В.П. Ищи меня в России: Роман. Дневники остарбайтера. 1942–1945 гг. СПб., 2005). Филипп Филиппович Гевейлер с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом прошли через лагерь Кониц (Konitz), Штаргарт (Stargart), Шенлаге (Schönlage), Бергенриген (Bergenrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg). Мария и Елизавета Ульрих в 1945 г. умерли от туберкулеза в лагере в Австрии.

обрушился минометный огонь, летели артиллерийские снаряды. Фашисты заняли Нижнюю колонию – правый берег Стрелки, а красноармейцы стояли на левом. На какое-то время окопы Советской армии и укрытия местного населения оказались рядом. В ходе боев сторели все дома вдоль левого берега, не всем мирным жителям удалось выжить. Разоренная колония представляла страшное зрелище. Оказавшись без жилья, без огородов и без скотины (забрали оккупанты), люди начали голодать. Ели все, что только можно было найти, – кочерыжки, капустные листья, замерзшие в поле овощи, олифу. Дети осмеливались попрошайничать у оккупантов, разместившихся в здании бывшей богадельни «Вифезда».

Жители Стрельнинской колонии участвовали в партизанском движении. Связь с партизанами осуществляли комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Однако вскоре молодые люди были схвачены и повешены в селе. Под Володаркой героически погиб Яков Аман, воевавший в партизанском отряде, под Тулой погиб и его сын, находившийся в действующей армии¹⁰.

7 января 1942 г. на Волховском фронте с целью деблокаживания Ленинграда началась Любанская операция, повлиявшая на судьбу ленинградских немцев. По приказу командующего 18-й Германской армией 25 января 1942 г. началось выселение немцев из окрестностей Ленинграда, поскольку к этому времени считался возможным прорыв блокады и последующее наступление Советской армии. Семья Филиппа Филипповича Гевейлера из Стрельны точно помнит дату отправки в Германию – 12 февраля 1942 г. В феврале же началась эвакуация этнических немцев из Шлиссельбурга и Ингерманландии. Жителей Стрельны вначале собрали в Красном Селе, а затем по железной дороге отправили на запад. До лагеря Конитц ехали месяц, в дороге людей сносно кормили, на границе с Латвией провели санобработку.

Германский штаб по размещению вывезенного населения распорядился, чтобы немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга

Beim Vorrücken der Front von Krasnoje Selo aus begannen die Bewohner, Schutzkeller einzurichten. Kurz darauf begann ein Artilleriebeschuss, die Siedlung wurde mit Granaten und Artilleriegeschossen beworfen. Die Faschisten nahmen die Nischnjaja Kolonie mit dem rechten Ufer des Flusses Strelka ein, die Rotarmisten behaupteten sich am linken Ufer. Für eine gewisse Zeit lagen die Schützengräben der sowjetischen Armee und die Schutzkeller der lokalen Bevölkerung nebeneinander. Im Laufe der Kämpfe brannten alle Häuser entlang des linken Flussufers aus, nicht alle Bewohner konnten überleben. Die niedergebrannte Kolonie sah schrecklich aus. Ohne Wohnraum, ohne Gemüsegärten und Vieh (es wurde von den Okkupanten beschlagnahmt) begannen die Menschen, zu hungern. Gegessen wurde alles, was man nur finden konnte: Strunk, Kohlblätter, gefrorenes Obst von den Feldern, Ölfirnis. Die Kinder scheuten sich nicht, bei Okkupanten zu betteln, die sich im Gebäude der ehemaligen Versorgungsanstalt „Wifesda“ niedergelassen hatten.

Die Bewohner von Strelna schlossen sich der Partisanenbewegung an. Der Komsomol-Aktivist Andrej Steinmiller und Rumjantzew übernahmen die Verbindung mit Partisanen. Jedoch wurden die jungen Männer bald festgenommen und im Dorf erhängt. Bei Wolodarka fand Jakow Amann, der im Partisanentrupp mitkämpfte, einen heldenhaften Tod, bei Tula ist sein Sohn gefallen, der in der Armee kämpfte.⁷

Am 7. Januar 1942 begann an der Wolchower Front eine auf die Befreiung Leningrads ausgerichtete Ljubaner Operation (Wolchow-Schlacht), die das Schicksal der Leningrader Deutschen mit beeinflussen sollte. Laut der Anordnung des Befehlshabers der 18. deutschen Armee begann am 25. Januar 1942 die Übersiedlung der Deutschen aus der Umgebung Leningrads, weil es um diese Zeit mit Blockadedurchbruch und anschließender Offensive der Sowjettruppen zu rechnen war. Die Familie von Philipp Philippowitsch Geweiler aus Strelna erinnert sich genau an das Datum des Abtransports nach Deutschland, nämlich den 12. Februar 1942. Im Februar begann auch die Evakuierung der Deutschen aus Schlüsselburg und Ingermanland. Zuerst wurden die Bewohner von Strelna in Krasnoje Selo versammelt und dann mit der Eisenbahn gen Westen

...Незадолго до начала войны я снова оказался студентом университета. Но это продолжалось недолго: началась блокада, которую я чудом пережил, летом участвуя в оборонных работах под Ленинградом, а осенью и зимой 1941 г. – в дежурствах университетской команды МПВО (местной противовоздушной обороны). Практически все мои родные – 11 человек – погибли в блокаду с голоду. Очевидно, в декабре 1941 или январе 1942 г. «добрались» и до немцев, финнов и других «нерусских» национальностей, проживавших в Ленинграде. Их предполагалось выслать из города (как выслали в конце августа того же 1941 г. немцев из их республики в Поволжье), прикрывшись названием «эвакуация» – через знаменитую «дорогу жизни». На сей раз очередь дошла и до нашей семьи. Но повестки «Покинуть город...» получили лишь трупы моих родителей и брата. 14-летняя сестренка, оставшаяся в живых, видела эти повестки своими глазами. Осталось непонятным, почему «прозевали» моих тетушек, у которых я жил: одна умерла раньше, другая – в той же больнице, где спасли меня. Поскольку именно с декабря 1941 г. я находился в больнице для дистрофиков, то первая волна высылки меня не коснулась. Но в июле 1942 г. проходила очередная проверка-перерегистрация живых. И тут мне в милиции в моем паспорте мигмом перечеркнули прописку и любезно сказали: – Вам придется эвакуироваться из Ленинграда. Идите оформляйте документы на эвакуопункт.

Из автобиографии поэта Роберта Лейнонена, эвакуированного в 1942 г. из Ленинграда в Алтайский край. Чуть позже он был мобилизован в трудармию.

Больше никаких пояснений и разъяснений я не получил. Это был по сути приказ. В милиции еще сверху дописали: «Эвакуируется в Омскую область». И я отправился на эвакуопункт. Это положило начало моей ссылки.

Только через 50 лет мне официально признались, что меня эвакуировали из блокадного Ленинграда по национальному признаку. Официально я не был сослан как немец – меня «просто эвакуировали» среди детей, беременных женщин, больных, инвалидов и стариков.

Когда я предъявил в эвакуопункте паспорт с перечеркнутой пропиской и припиской милиции, меня даже спросили:

– Куда Вы думаете эвакуироваться?

Видимо, все это было согласовано и сомнений не вызывало.

– Не знаю. Никого у меня нигде нет.

– Ну как же так? Ну назовите хоть край, область (хотя приписка милиции была!).

– Хорошо, я посоветуюсь.

Я вышел в общий зал, наполненный всяким людом. Тут были и женщины с детьми, и старики, и инвалиды. Я подошел к кому-то, посоветовался с людьми, сидящими в углу, и мне категорически заявили:

– Если ехать – то на Алтай, там хлебные места.

Все думы-то были в то время о еде. Так я поехал на Алтай. Выдали мне удостоверение и карточки на питание. День выезда назначили вроде бы на 2 августа 1942 г. в 107 эшелоне.

Роберт Лейнонен

и Луги были размещены «концентрированно», и определил для этого Конитц. До конца марта 1942 г. 3441 человек прибыли в сборный лагерь Конитц (Западная Пруссия), в котором к этому времени еще находились немцы, переселенные на основании советско-германских договоров 1939–1940 гг. из Волыни, Буковины и Бессарабии, и 335 человек – в лагерь Нойштадт (под Данцигом)¹¹. Новые жители лагеря страдали от плохого состояния здоровья. Штаб сообщал, что обычный вес взрослых женщин составлял от 80 до 90 фунтов (40–45 кг)¹². Причиной этого были катастрофические условия питания на родине. Из числа ленинградских немцев к октябрю 1942 г. около 500 семей (2104 чел.) были временно расселены в районе Люблина, остальные к весне 1943 г. переведены на территорию Польши, включенную в состав Германского рейха (Reichsgau Wartheland, имперский край Вартегау).

Судьба псковских немцев, также оказавшихся в оккупации, требует более детального изучения. Известны лишь отдельные факты. Так, по воспоминаниям евангелического священника Вильгельма Штритара, служившего в качестве сапера в Пскове в 1941 г., 30 ноября, в первый Адвент во время службы в специально сооруженном молитвенном доме присутствовали и «русские немцы»¹³. Первая волна отправки гражданского населения из города в Германию началась в октябре 1943 г., а с 17 февраля 1944 г. начался массовый угон псковичей на запад. Можно предположить, что среди них были и жители немецкой национальности. О судьбе монаха Мирожского монастыря Иоанна рассказала газета «Благовест»¹⁴. Малолетним ребенком он вместе с матерью Галиной Рудольфовной Лединой, которая была фольксдойче из Пскова, оказался на территории Польши в лагере Грудзенц. Его отец находился на фронте. По окончании войны женщина с восьмилетним сыном вернулась в Псков. А.Н. Семенова (урожд. Ваншейд), жившая в оккупированном Пскове, опу-

абтранспортиert. Der Weg bis zum Lager Konitz (Westpreußen) dauerte einen Monat, unterwegs wurden die Menschen recht gut gepflegt und an der lettischen Grenze einer Sanitärbehandlung unterzogen.

Vom deutschen Stab für Unterbringung der deportierten Bevölkerung kam der Befehl, Deutsche aus dem Raum Leningrad, Schlüsselburg und Luga „geballt“ unterzubringen. Zu diesem Zweck wurde Konitz reserviert. Bis Ende März 1942 kamen 3.441 Personen im Sammellager Konitz an, wo sich zu jener Zeit auch Deutsche aus Wolynien, Bukowina und Bessarabien – infolge der deutsch-sowjetischen Verhandlungen von 1939–1940 – befanden; 355 Personen wurden ins Lager Neustadt (bei Danzig)⁸ eingewiesen. Neue Lagerbewohner litten unter schlechtem Gesundheitszustand. Der Stab meldete, dass das durchschnittliche Körpergewicht bei Frauen 80-90 Pfund (40–45 kg) betrug.⁹ Dies wurde durch katastrophal schlechte Ernährung in der Heimat verursacht. Von Leningrader Deutschen wurden bis Oktober 1942 ca. 500 Familien (2.104 Personen) vorübergehend im Raum von Lublin untergebracht, der Rest wurde im Frühjahr 1943 in den polnischen Raum verlegt, der als Reichsgau Wartheland in Deutsches Reich integriert wurde.

Das Schicksal der Deutschen aus Pskow, die ebenfalls in besetzten Raum gerieten, bedarf genauerer Untersuchung. Es liegen lediglich vereinzelte Fakten vor. Laut Erinnerungen des evangelischen Pfarrers Wilhelm Stritar, der 1941 in Pskow in Pioniertruppen diente, seien beim ersten Advent am 30. November beim Gottesdienst in einem extra eingerichteten Gebethaus auch „Russlanddeutsche“ dabei gewesen¹⁰. Die erste Welle der Deportation der Zivilbevölkerung begann im Oktober 1943, am 17. Februar 1944 begann die massenhafte Deportation der Bewohner von Pskow Richtung Westen. Vermutlich waren auch Deutschstämmige dabei. Die Zeitung „Blagowest“ berichtete über das Schicksal des Mönchs Johann des Miroschskij-Klosters¹¹. Als kleines Kind war er zusammen mit seiner Mutter Galina Rudolfowna Ledina, einer Volksdeutschen aus Pskow, im Lager Grundsens im polnischen Raum. Sein Vater war an der Front. Nach Kriegsende kehrte die Frau mit dem achtjährigen Sohn nach Pskow zurück. A.N. Semjonowa (geb.

Мария Штерн

Во время блокады брат работал на заводе. Норма выдачи хлеба рабочим сократилась к зиме до 200 граммов, всем остальным – до 125 граммов...

То, что раньше давалось животным, теперь ели люди. Жарили пшеницу и из нее делали суррогат кофе. Свекольные очистки, жмы – все становилось едой.

На улицах Ленинграда можно было нередко встретить людей, которые настолько обессилели от голода, что уже не могли ходить на ногах, а передвигались на четвереньках. Таких называли «ползунками». Одну такую женщину не пустили в трамвай, который, отъехав недалеко от остановки, был разбомблен: в него попал снаряд...

В 1939 г., когда Марии Штерн исполнилось 17 лет, она пошла работать продавцом в большой универмаг, который назывался «Дом Ленинградской торговли».

22 июня 1941 г. Мария была в отпуске, но начавшаяся война все изменила. Ее срочно отозвали на работу и поручили принять склад электронных товаров. В мирной жизни девушек к этой технике не допускали, там работали только мужчины. Вскоре Ленинград оказался в кольце окружения. Началась блокада.

Вместе с матерью, братом и отчимом Мария жила в пригороде. У них было небольшое хозяйство, огород, корова, лошадь. Это и помогло пережить самую страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. 6 марта 1942 г., когда была открыта дорога через Ладогу, Мария Федоровна была уволена с занимаемой должности в связи с выселением из Ленинграда. Ей предстояла долгая дорога «на большую землю». Семье разрешили взять только 30 килограммов вещей,

а отправляли эвакуированных в вагонах для перевозки скота. Но перед этим была дорога через Ладожское озеро. Измученный водитель (ведь шоферы там работали почти без отдыха, вывозя людей) заснул за рулем, машина попала в промоину, и пассажиры оказались в ледяной воде. От бессилия плакали не только женщины, но и мужчины. Добирались до станции они три дня, причем, все это время измученных ленинградцев не кормили... И вот, наконец, они в вагоне. Поезд шел медленно, останавливаясь на каждой станции, подбирая людей, стремящихся на восток. Вагоны были переполнены. Частенько состав загоняли в тупик, где он мог стоять часами, сутками. Бирилюский район Красноярского края. Там Мария Федоровна начала работать в рыбацкой артели. Поначалу было очень трудно, ведь она ничего не умела. Постепенно училась плавать на лодке, ставить невод, выбирать улов. В 1943 г. была мобилизована в трудовую армию и отправлена

в Бурят-Монгольскую АССР, где работала счетоводом операционного учета на лесоповале. Когда закончилась война в июле 1945 г., Мария Штерн вернулась в Красноярский край. Через полгода, в феврале 1946, брат, живущий в Колывани, прислал ей вызов. Так Мария Федоровна оказалась в этом селе, где живет и по сей день. Всю свою жизнь она мечтала вернуться в родной Ленинград, но сделать это было невозможно. Ведь уезжая в эвакуацию, Штерн подписали бумагу о том, что никогда не будут претендовать на свою жилую площадь и имущество.

Из воспоминаний Марии Федоровны Штерн, родившейся 4 июня 1922 года в Парголовском районе Ленинградской области, записанных Ольгой Мурзаевой, заведующей Центром немецкой культуры Новосибирского областного Российско-немецкого дома п. Колывань.

бликовала короткие воспоминания о школьной учебе в лагере для немцев-переселенцев¹⁵.

К 12 июля 1944 г. в Вартегау находились около 240 тыс. этнических немцев (фольксдойче) из СССР. Из них 180 тыс. выполняли различные работы. На территории Вартегау располагалась сеть пропускных пунктов и лагерей для временного размещения. Лагеря были обнесены колючей проволокой и охранялись войсками СС. В лагерях иммиграционного ведомства этнические немцы проходили проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры лица, включенные в категорию 1-ю и 2-ю, получали германское гражданство, включенные в 3-ю категорию получали германское гражданство временно сроком на 10 лет. После предоставления гражданства мужское население становилось военнообязанным и призывалось в вермахт, полицию и другие военные формирования. Из числа переселенцев создавали также охранные и строительные отряды. В результате широкомасштабного наступления Советской армии, начавшегося 12 января 1945 г., около 200 тыс. административных переселенцев из СССР не смогли покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советскими войсками¹⁶. В течение 1945–1948 гг. подавляющее большинство советских немцев были репатрированы в СССР.

Возвращение немцев в родные места из восточных районов страны было непростым, оно затянулось на долгие годы. Имелся ряд документов, регулировавших возвращение людей в Ленинград и область. 19 сентября 1945 г. Совнарком разрешил возвращение лишь отдельным категориям населения, например, некоторые жены военнослужащих оказались в Ленинграде вскоре после войны. Самовольное возвращение пресекалось. На этот счет действовали письмо заместителя председателя Ленсовета М. Сафонова от 19 марта 1946 г. «Об участвовавших случаях самовольного возвращения жителей Ленинградской области финской и немецкой национальности к месту прежнего жительства»

Wanscheid), die im besetzten Pskow lebte, veröffentlichte ihre Erinnerungen über die Schulzeit im Lager für deutsche Umsiedler¹².

Zum 12. Juni 1944 befanden sich in Warthegau ca. 240 Tausend Deutschstämmige (Volksdeutsche) aus der UdSSR. 180 Tausend von ihnen wurden für verschiedene Arbeiten eingesetzt. Auf dem Gelände von Warthegau befand sich ein Netz von Übergangsstellen und Durchgangslagern. Die Lager waren mit Stacheldraht umgeben und von SS-Trupps bewacht. In den Lagern der Einwandererzentralstelle wurden die Deutschen auf Deutschstämmigkeit geprüft. Aufgrund dieser Prüfung wurden die Personen entweder als Kategorie 1 und 2 eingestuft, was sie zur deutschen Staatsangehörigkeit führte, oder als Kategorie 3, was eine befristete Staatsangehörigkeit für 10 Jahre bedeutete. Nach Erwerb der Staatsangehörigkeit wurde die männliche Bevölkerung wehrpflichtig und konnte somit zur Wehrmacht, Polizei und sonstigen Militärtrupps eingezogen. Aus den Umsiedlern wurden ferner Schutzstaffel- und Bautrupps gebildet. Infolge einer breit angelegten Offensive der Sowjettruppen, die am 12. Januar 1945 begann, konnten 200 Tausend administrative Umsiedler aus der UdSSR Warthegau nicht verlassen und gerieten somit in den von der Sowjetarmee besetzten Raum¹³. In der Zeitperiode zwischen 1945 und 1948 wurde die überwiegende Mehrheit der Sowjetdeutschen in die UdSSR repatriiert.

Die Rückkehr der Deutschen aus den Ostregionen des Landes in ihre Heimatorte war nicht einfach, sie erstreckte sich über viele Jahre hindurch. Es gab eine Reihe von Dokumenten, die die Rückkehr nach Leningrad und ins Gebiet Leningrad regelten. Am 19. September 1945 ordnete der Rat der Volkskommissare an, die Rückkehr nur für bestimmte Bevölkerungsgruppen freizugeben, so durften zum Beispiel gleich nach Kriegsende einige Ehefrauen von Militärangehörigen nach Leningrad zurückkommen. Eigenmächtige Rückkehr war untersagt. Dafür gab es ein Schreiben des stellvertretenden Vorsitzenden des Leningrader Sowjets M. Safonow vom 19. März 1946 „Über die sich häufenden Fälle der eigenmächtigen Rückkehr der Bewohner des Gebiets Leningrad deutscher und finnischer Abstammung in die früheren Wohnorte“ sowie ein

Георгий Флейшман

« Родился в Ленинграде, в немецкой колонии Гражданка. Детство было интересным. Но началась война, и это было страшно. Я помню день, когда объявили о нападении Германии. Мы были с мамой на кухне. И вдруг «Внимание, говорит Москва!». Звучал голос Левитана. «Передаем важное правительственное сообщение...». И опять пауза. Далее объявляли о начале войны. Помню по минутам тот день.

Началась война, а с ней и наши беды, как у всех в нашей стране. Мы, ребяташки, многого тогда не понимали. Хотели увидеть сбитых немцев, не понимая, что мы – тоже немцы. Для нас они были фашистами, гитлеровцами.

18 марта 1942 года неожиданно нас, немцев, подняли. Предупредили за 24 часа, что мы должны собрать свои вещи, предложили продать что-то. Но кому было продавать? Люди голодали. Единственное, что мы продали, – это патефон с пластинками и мои санки. Нас повезли до Финляндского вокзала, посадили в битком набитый поезд. Довезли до переезда, после которого начиналась «Дорога жизни». Нас пересадили на маленькие автобусы, забитые вещами, людьми. Ехали по льду. Видел ямы от бомбежек, зенитки, стоявшие вдоль «Дороги». Как только наш эшелон пересек озеро, началась бомбежка. Нам потом говорили, что следующий эшелон разбомбили. Люди, которые ехали по этой дороге, погибли. Затем нас посадили в телятники. Был среди нас один человек. О нем говорили: «Профессор, профессор». Через несколько остановок его вынесли на белой скатерти: он умер от голода. На другой остановке одна женщина вышла из вагона, тряся бельем, и говорит: «Мой муж воюет с фашистами на войне, а я тут со вшами». Кормили нас галушками. Мы стояли все в очереди в передвижной кухне. Нужду могли справлять только под вагонами и только на остановках. Женщины делали заграждения вокруг себя. Это была картина, достойная того, чтобы ее написать.

Нас привезли по железной дороге в Голышманово. Тогда еще этот поселок относился к Омской области. Оттуда нас отправили по деревням. Нашу семью сослали в совхоз «Журавли». Когда мы приехали на место, то местное население очень удивилось: «Нам говорили, что немцы с рогами, а вы такие, как и мы». Вот такая была пропаганда немецкого народа России. Уже позже, в Тобольске я ходил в школу, окончил ее хорошо, но немецкий сдал на «три». Я не хотел учить этот язык, не хотел его знать».

Из воспоминаний Георгия Флейшмана (1931 г.р.). Георгий Георгиевич – основатель движения российских немцев в Тобольске.

и письмо Переселенческого управления при Совете министров РСФСР от 18 июля 1946 г. № 39 «Эвакуированным из Ленобласти гражданам немецкой и финской национальности в порядке паспортного режима не разрешается возвращаться в Ленобласть, хотя они не проживали на спецпоселении».

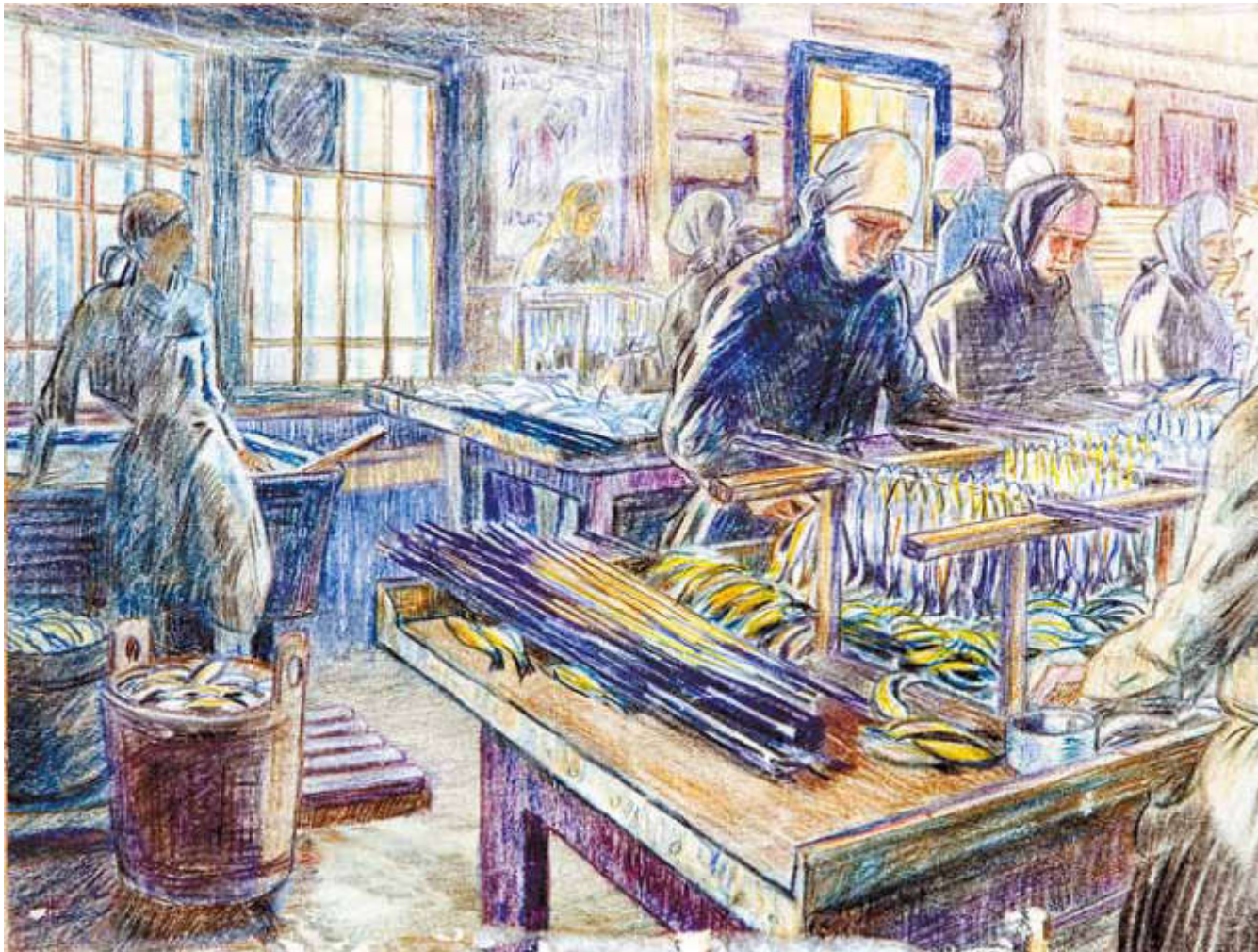
Подводя итоги, следует отметить особенности депортации ленинградских немцев. Они были вызваны тем, что область была фронтовой, значительная ее часть была оккупирована фашистами, а Ленинград 900 дней находился в блокаде. Развитие военных событий определило ход депортации. Выселение растянулось на два года, первый этап прошел в августе 1941 г., до установления блокады Ленинграда, второй начался в марте 1942 г. Решающее слово в деле выселения немцев принадлежало военным. Депортация проводилась в соответствии с приказом НКВД СССР № 001175 от 30 августа 1941 г. и постановлениями Военного совета Ленинградского фронта № 196сс от 26 августа 1941 г., № 00713 от 9 марта 1942 г. и № 00714а от 20 марта 1942 г. По подсчетам В.Н. Земскова, во время войны из города и области всего было выселено 11 тыс. немцев¹⁷.

Вывоз людей с территории блокадного города проходил в тяжелейших условиях: путь лежал через водное пространство, открытое или покрытое льдом, караваны шли под охраной военных катеров, трасса подвергалась артобстрелам и бомбардировке. Люди были крайне истощены голодом, некоторые гибли в пути, даже не добравшись до «большой земли». Еще одной особенностью является то, что часть населения была депортирована на восток, а другая угнана на принудительные работы на запад. Разорванными оказались семьи. Принудительную репатриацию советских граждан после окончания войны следует рассматривать тоже как очередную депортацию. Одним из последствий депортации немцев из-под Ленинграда стало исчезновение не только самих немецких поселений, но и памяти о них.

weiteres Schreiben von der Verwaltung für Umsiedlungsprozesse beim Ministerrat der RSFSR vom 18. Juni 1946 Nr. 39 „Die Rückkehr der im Rahmen der Passordnung evakuierten Bewohner deutscher und finnischer Abstammung ins Gebiet Leningrad ist verboten, auch wenn sie in keinen Sonderansiedlungen gelebt haben.“

Abschließend sind die Besonderheiten der Deportation der Leningrader Deutschen hervorzuheben. Sie wurden dadurch bedingt, dass es sich dabei um ein frontnahes Gebiet handelte, dessen beträchtlicher Teil von Faschisten besetzt war, und dass Leningrad eine 900-Tage-Blockade durchmachen musste. Das Kriegsgeschehen bestimmte den Verlauf der Deportation. Sie erstreckte sich über ganze zwei Jahre hindurch. Die erste Phase begann im August 1941 vor der Einkreisung Leningrads, die zweite – im März 1942. Das entscheidende Wort bei der Deportation hatte das Militär. Die Deportation erfolgte aufgrund des Befehls des NKWD der UdSSR Nr. 001175 vom 30. August 1941 und der Verordnungen des Kriegsrates der Leningrader Front Nr. 196cc vom 26. August 1941, Nr. 00713 vom 9. März 1942 und Nr. 00714a vom 20. März 1942. Nach Berechnungen von W.N. Semschow wurden während des Krieges aus der Stadt und dem Gebiet Leningrad insgesamt 11 Tausend Deutsche deportiert.

Die Evakuierung der Menschen aus dem Raum der Blockadestadt verlief unter schwierigsten Bedingungen. Der Weg führte über das Wasser oder über die Eisfläche des Sees, die Transporte wurden von Kriegsbooten begleitet, die Route lag unter Beschuss und Bombardements. Die Menschen waren ausgehungert, manche starben unterwegs, ohne das „Großland“ zu erreichen. Eine weitere Besonderheit besteht darin, dass ein Teil der Bevölkerung in den Osten deportiert und ein anderer Teil zu Zwangsarbeiten gen Westen vertrieben wurde. Die Familien wurden auseinander gerissen. Auch die Zwangsreпатриierung der Sowjetbürger nach Kriegsende kann als eine wiederholte Deportation betrachtet werden. Eine der Folgen der Deportation der Deutschen aus dem Raum Leningrad bestand darin, dass aus dem Raum um Leningrad nicht nur deutsche Siedlungen selbst, sondern auch die Erinnerungen daran verschwunden sind.

Heinrich Vogeler

Heinrich Vogeler
Räucherei in der Fischfabrik.
Papier, Aquarelle, Buntstift.
23,8x31.
1933–1934.

Der Maler Heinrich Vogeler zog 1931 aus Deutschland in die Sowjetunion. Er befasste sich mit antifaschistischer Publizistik, wirkte bei verschiedenen Zeitschriften als Kunstkritiker mit. Nach Kriegsbeginn nahm Vogeler aktiven Anteil an der propagandistischen Arbeit der politischen Abteilung der Roten Armee. Im September 1941 wurde er wegen seiner deutschen Abstammung aus Moskau ins Dorf Kornejewka, Gebiet Karaganda, deportiert. Er litt an Hunger und starb im Juni 1942 an Folgerkrankheiten in der Kolchose „Budjonnyj“ des Ortes.

Л.П. Белковец

L.P. Belkowez

НАРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1941–1945 ГГ.

Новосибирская область, включавшая в свой состав в 1941 г. также территории нынешних Кемеровской и Томской областей, приняла с 20 сентября по 20 ноября 1941 г. свыше 120 тыс. немцев, выселенных из Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья¹.

Около 45 % переселенцев составляли дети, 27 % – женщины, 22 % – мужчины, 5,8 % – старики. «Спецконтингент» был размещен в 45 районах области, по 1–2 эшелона (от 2200 до 5000 чел.) на район. Расселение производилось главным образом по колхозам и совхозам области, независимо от того, из какой местности, городской или сельской, происходили переселенцы (по 4–5 семей на село). Лишь незначительная часть их была размещена в советских учреждениях г. Томска².

Однако вскоре немцев ожидали мобилизации в трудармию, рабочие колонны при лагерях НКВД, на оборонные предприятия сибирских городов, лесоразработки, шахты Тулы и Кузбасса, строительство оборонных объектов и дорог, рыбные промыслы. Повторные переселения, обусловленные острой потребностью в рабочей силе, происходили в течение всей войны, и они коснулись не только немцев, но и других депортированных из европейской части СССР народов. Отдельную страницу истории российских немцев представляет повторная депортация их в 1942 г. на рыбные промыслы Нарымского округа.

6 января 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», в соответствии с которым десятки тысяч

DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN VON NARYM 1941–1945

Das Jahr 1941. In nur einem Monat vom 20. September bis 20. November wurden in der Region von Nowosibirsk, die sich damals auch auf das Territorium der heutigen Gebiete um Kemerowo und Tomsk erstreckte, 120.000 zwangsumgesiedelte Deutsche aus dem Wolgagebiet, Nordkaukasus und Transkaukasien aufgenommen¹.

Fast die Hälfte davon – 45% waren Kinder, 27% - Frauen, 22% - Männer und 5,8% - ältere Menschen. In 45 Kreisen des Gebiets wurde ein Teil dieses sog. „Sonderkontingents“ untergebracht – 1 bis 2 volle Züge pro Bezirk, das entsprach etwa 2.000 bis 5.000 Menschen. Die Neuankömmlinge wurden hauptsächlich in den ländlichen Regionen untergebracht, dabei nahm man keine Rücksicht darauf, ob die jeweiligen Familien aus einer Stadt kamen und früher nicht in der Landwirtschaft tätig waren. Es wurden höchstens 4 bis 5 deutsche Familien in einem Dorf untergebracht, und nur ein verschwindend geringer Teil der Umgesiedelten bekam seinen neuen Wohnsitz in der Gebietshauptstadt Tomsk².

Schon kurze Zeit später erwartete die Deutschen die Mobilisierung in die Arbeitsarmee³, in Zwangsarbeitslager des NKWD⁴, in die Betriebe der Kriegsindustrie Sibiriens, zu Holzfällarbeiten, zum Bergbau von Tula und Kusbass⁵, zum Bau kriegsrelevanter Objekte und zum Straßenbau und in Fischereibetriebe. Diese wiederholten Umsiedlungen auf Grund der fehlenden Arbeitskraft dauerten während des gesamten Krieges an und betrafen außer den Deutschen auch andere aus dem europäischen Teil der UdSSR deportierte Völker. Die Deportation zum Einsatz in den Fischereibetrieben stellt ein besonderes Kapitel in der Geschichte der Russlanddeutschen dar.

« От его малой родины ничего почти не осталось. Вместо домов – полуразрушенный фундамент, вместо улиц – пыль и бурьян, вместо счастливых безмятежных картин детства – отрывочные и обжигающие душу воспоминания.

Спустя почти семьдесят лет мой отец – Эрик Эдуардович Дорн – все-таки вернулся в родное село Вальтер, которое после войны стало именоваться Гречихино. О прежних временах здесь напоминала только каким-то чудом уцелевшая кирха. Поблекшие облупившиеся купола бесстрастно взирали в небо.

Он и не мог помнить родину: когда советских немцев вывезли отсюда, отцу было всего лишь три года. Позже родные рассказывали, что весть о выселении для них была, как гром среди ясного неба. Сентябрь для земледельцев – это то время, когда день год кормит. Еще не собрали весь урожай, не намолотили муки.

Накануне отъезда в страшной суматохе женщины старались напечь побольше хлеба в дорогу, а мужчины забивали свиней. Коровы, бычки, козы, куры – вся эта живность осталась на произвол судьбы. Во дворах страшно выли собаки. С собой много не возьмешь, но мама отца – Лидия Ивановна ни за что не захотела оставлять швейную машинку «Зингер». Позже эта машинка помогла им выжить на Севере: поскольку не было обуви, из старой одежды тетушка шила толстые «бурки». Иногда принимала заказы, за которые платили едой. Но это было уже потом, когда их привезли в поселок Горки Ямало-Ненецкого автономного округа, где помимо коренных жите-

лей – хантов – жили, а точнее выживали, только всякие ссыльные.

До этого вся семья – мама Лидия, отец Эдуард и двое сыновей Эрик и Володя – целый год прожили в селе Паново, на постое у русской семьи. Потом отца забрали в трудовую бригаду, на лесозаготовку где-то под Омском, а мать с сыновьями посадили на теплоход, который плыл по Оби около десяти дней. Маленький Эрик убежал на палубу, лег на живот и смотрел, как нос судна «разрезает» волны. Он мог так лежать долго, пока не поднималась суматоха из-за его исчезновения.

Когда они прибыли на место, их разместили в местном клубе. Сдвинули скамьи сиденьями вместе, спинками врозь, чтобы на них можно было лежать. Одно из самых ярких воспоминаний детства: женщины, а вместе с ними и мама, ушли на работу, а в клубе остались дети под присмотром пожилой немки. Неожиданно началась гроза. Гром гремел и молнии сверкали так, как будто наступил конец света. Испуганная ребятня забилась под скамейки, некоторые громко плакали. Конец света не наступил: просто это был конец их относительно спокойной и размеренной жизни. Им предстояло пережить самую страшную и суровую зиму в их жизни и не умереть от голода.

Валентина Дорн

Семья Дорн в Горках в конце 40-х годов
Лидия Ивановна и Эдуард Христианович Горн

немцев подлежали переселению в низовья рек Оби, Енисея, Лены и других, к местам добычи рыбы³. К концу 1942 г. 22 939 человек из Красноярского края и 15 043 человека из Омской области были переселены в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, 9080 человек – в Якутскую СССР. Из Новосибирской области распоряжением СНК СССР № 13227 от 20 июля 1942 г. в Нарымский округ были переселены 20 482 человека⁴.

По получении правительственного постановления на местах уже зимой 1942 г. развернулась подготовительная работа. Так, бюро Новосибирского ОК ВКП(б) и облисполком 3 февраля секретным постановлением обязали предприятия Новосибирского рыбтреста, получившего повышенное плановое задание – довести добычу рыбы в предстоящем году до 350 тыс. центнеров, сформировать 500 рыболовецких бригад в сельхозартелях, расположенных в радиусе 50 км от водоемов в среднем течении Оби, Томи и на озерах Барабы, а в Нарымском округе (районы Александровский, Каргасокский, Молчановский, Парабельский, Колпашевский, Кривошеинский и Чаинский) – и свыше 50 км. Каждая бригада включала в свой состав не менее восьми рыбаков и одного охотника «из физически здоровых колхозников и колхозниц» с обязательным присутствием среди них двух-трех комсомольцев, которые должны были «развернуть политико-массовую работу среди рыбацкой молодежи за образцовое выполнение и перевыполнение заданий по добыче и обработке»⁵. Кроме того, нарымским властям (окружному и ОкрИКу) было поручено организовать бригады сверх установленного плана из проживающих в сельской местности и райцентрах работников потребсоюзов, торгов, столовых, подсобных хозяйств, предприятий местной промышленности, которые могли использоваться для ловли рыбы в водоемах, не закрепленных за предприятиями рыбтреста.

Постановлением предполагалась также организация краткосрочных курсов бригаиров рыболовецких бригад и «массовых

Am 6. Januar 1942 verabschiedeten der Rat der Volkskommissare der UdSSR und das Zentralkomitee der WKP(B)⁶ den Beschluss „Über die Weiterentwicklung des Fischfangs in den Einzugsgebieten der Flüsse Sibiriens und des Fernen Ostens“. Dieser Beschluss verpflichtete zigitau-send Deutsche zu einem Wohnortwechsel an die Mündungsgebiete der Flüsse Ob, Jenissei, Lena u.a.³. So wurden zum Ende des Jahres 1942 22.939 Menschen aus der Region um Krasnojarsk und 15.043 aus dem Omsker Gebiet in Chanty-Mansijskij und der Jamalo-Nenenzkij Bezirke sowie in die Jakutische SSR (9.080 Menschen) zwangsumgesiedelt. Aus dem Nowosibirsker Gebiet wurden kraft der Anordnung des Rates der Volkskommissare Nr. 13227 vom 20. Juli 1942 20.482 Deutsche in den Narymskij Bezirk deportiert.⁴

Entsprechende Regierungsanweisungen gaben den Startschuss für die Vorbereitungsarbeiten an den Einsatzorten bereits im Winter 1942. In einer geheimen Sitzung am 3. Februar verfassten das Nowosibirsker Bezirkskomitee der WKP(B) und das Gebietsvollzugskomitee einen Beschluss über die Hauptzielsetzungen zum Zwecke der Weiterentwicklung des Fischfanges. Dem regionalen Fischereibetriebsverband wurde somit eine erhöhte Plannorm auferlegt, im laufenden Jahr den Ertrag aus dem Fischfang auf 350.000 Zentner zu steigern. Darüber hinaus musste der Verband in einem Radius von 50 km um die Mittelläufe der Flüsse Ob und Tom und in einem noch größeren Radius um den Narymskij Bezirk (im Einzelnen in den Kreisen Aleksandrowskij, Kargasokskij, Moltschanowskij, Parabel'skij, Kolpaschewskij, Kriwoscheinskij und Tschainskij) sowie nahe der Seen von Baraba 500 neue Arbeitsbrigaden von Fischern innerhalb landwirtschaftlicher Genossenschaften zu bilden. Jede dieser Arbeitsbrigaden hatte aus mindestens acht Fischern und einem Jäger, „ausgewählt aus den Genossenschaftsmitgliedern von guter körperlicher Fitness“, zu bestehen. Zwei bis drei Mitglieder jeder Brigade mussten Komsomolzen sein, „deren Aufgabe hauptsächlich in politisch-propagandistischer Motivationsarbeit zum Zwecke einer vorbildlichen Normerfüllung gar einer Normüberbietung beim Fischfang und bei der Fischverarbeitung“⁵ bestand. Zusätzlich wurden das Be-

Из клуба нужно было куда-то расселяться, и женщины на склоне холма начали рыть землянки. В наспех обустроенной «норе» жили по пять–шесть человек, спали на чем придется.

Немецкие семьи привезли сюда на рыбный промысел. Женщины сами гребли, вытаскивали сети. После двух лет работы на весах заболела ревматизмом тетка, слегла, а вскоре и умерла. Матери повезло больше: ее поставили поваром в детский сад. Но вечером она вместе с другими шла грузить рыбу. Один раз по шатким мосткам она не удержала тачку, которая резко потянула ее в сторону, и упала прямо в холодную воду. Будучи в теплой одежде, мать все-таки сумела доплыть до берега. Вернулась домой мокрая, озябшая. «Ничего страшного», – успокаивала она мальчишек, едва шевеля посиневшими губами.

Рыбы ловили и грузили много, но ее под страхом смерти брать было нельзя. Только иногда тайком рыбу приносили русские ссыльные, да из столовой матери разрешали взять рыбки головы и кости, из которых она варила холодец. Иногда кто-нибудь полулегально приносил из зверосовхоза замерзшие тушки лис. Вообще-то в лучшие времена лис не ели, от них брали только мех. Теперь и они считались делика-

тесом. Если уж совсем ничего не было, ели картофельные очистки. Особенно тяжело пришлось, когда мать потеряла продуктовые карточки, которые выдавали переселенцам. Это мучительное чувство голода, которое не покидает даже во сне. Лучше не думать о еде, но в воображении рисуется тарелка с галушками, ломоть ароматного хлеба с вареньем...

В Горки с большой земли пароход с провизией прибывал только один раз в год повесне. Это был настоящий праздник: взрослые и дети таскали мешки и коробки. Иногда, уже после войны, в коробках оказывались помидоры и огурцы. После распределения витаминное лакомство съедалось очень быстро. Самая распространенная болезнь, от которой страдали все переселенцы, – цинга. Многие умирали, не выдержав столь суровых испытаний голодом и холодом. В этом отношении детям было проще. Их запаса жизненной энергии и устремленности в будущее вполне хватало для того чтобы не падать духом. В Горках семья прожила до 1956 года. К тому времени они уже построили свой дом, о котором стали задумываться, когда приехал отец...

Валентина Дорн

квалификаций по лову и обработке рыбы», для чего подлежали перепрофилированию три школы ФЗО и два ремесленных училища, получившие задание подготовить в 1942 г. 1000 квалифицированных рабочих рыбной промышленности. Особое внимание было уделено мероприятиям организационного характера. Создавались два союзных рыбных треста: в Колпашево (с программой рыбодобычи в 25 тыс. тонн) и в Барабинске (с планом в 10 тыс. тонн), а также управление рыбной промышленности при облисполкоме, отдел и должность секретаря по рыбной промышленности в Нарымском окружкоме и парторги ОК ВКП(б) при пяти моторо-рыболовных станциях⁶.

Все заинтересованные областные и окружные организации получили этим постановлением конкретные задания по подготовке жилья для рыбаков, рыболовецких снастей и плавсредств, развертыванию торговли «товарами повседневного спроса», в том числе теплой одеждой и обувью (фуфайки, ватные брюки, полушубки, валенки и т. п.). Переселенцы могли получать для индивидуального жилищного строительства и приобретения домашнего скота долгосрочный кредит (до 10 тыс. руб. на семью).

Главную рабочую силу, на которую возлагалось поначалу выполнение столь грандиозного плана, должны были составить трудпоселенцы (бывшие кулаки). На 1 июня 1941 г. в Новосибирской области их числилось 170 862 человека (46 962 семьи). В Нарымском округе они составляли 75 % всего населения, а в некоторых районах – Бакчарском, Чаинском, Каргасокском и Пудинском – от 80 до 96 % жителей⁷. На рыбные промыслы намечено было отправить и ссыльнопоселенцев, сосланных в 1941 г. из Прибалтийских республик и западных областей Украины и Белоруссии⁸ в различные места, в том числе в города Кузбасса. Кроме того, подлежали переселению в северные районы области работники стройконтор Кузбассшахтстроя, из-за своей национальной принадлежности лишившиеся с началом войны права прожива-

zirkskomitee und das Bezirksvollzugskomitee von Narym mit der Aufgabe betraut, weitere Arbeitsbrigaden aus den in ländlichen Gegenden und in Bezirkszentren lebenden Arbeitern der Konsumverbände, Handelsleuten, Kantinenmitarbeitern, Landwirte und Arbeitern der regionalen Industrie zu bilden und bei dem Fischfang in den nicht von dem Fischereibetriebsverband abgedeckten Gewässern einzusetzen.

Der selbe geheime Beschluss vom 3. Februar schrieb darüber hinaus vor, durch Schnellkurse Brigadenleiter auszubilden und „bei den Massen eine ausreichende Qualifikation im Fischen und in der Fischverarbeitung zu erreichen“. Um eine solche Schnellausbildung gewährleisten zu können, sollten 3 Schuleinrichtungen für Fabrik- und Werksarbeiter und 2 Lehranstalten für Handwerk umstrukturiert werden und im Laufe des Jahres 1942 1.000 qualifizierte Arbeiter der Fischindustrie ausbilden. Besonderes Augenmerk wurde auf den Ausbau der Verwaltungsstrukturen gerichtet. Es entstanden 2 zusätzliche Fischereibetriebsverbände in Kolpaschewo und in Barabinsk mit der Aufgabe jeweils 25.000 und 10.000 Tonnen Ertrag zu realisieren. Des Weiteren wurden eine Verwaltungsbehörde der Fischindustrie beim Gebietsvollzugskomitee eingerichtet, eine Abteilung für Fischindustrie innerhalb des Zentralkomitees von Narym gebildet und die dazugehörige Sekretärstelle ausgeschrieben und besetzt, sowie mehrere Stellen für Parteiaufsichtsbeauftragte des Zentralkomitees der WKP(B) an 5 Standorten für motorisierten Fischfang geschaffen.⁶

Der genannte Beschluss sah Zielsetzungen und Aufgaben für alle unter seinen Geltungsbereich fallenden Gebiete und Kreise vor. In allererster Linie ging es dabei um Vermittlung von Unterkünften für Fischer, um die Schaffung von Unterstellmöglichkeiten für Angelgerät, Boote und andere Fischereiausrüstung und um den Aufbau zusätzlicher Handelsstrukturen für Waren des täglichen Bedarfs, darunter auch warme Bekleidung, Schuhe, Fufajka, Wattehosen, kurze Pelze, Filzstiefel usw. Für den Hausbau und Kauf von Nutztieren wurden langfristige Kredite bis 10.000 Rubel pro Familie gewährt.

Michail Distergeft.
Requiem.
Silberstift auf Papier.
38x46,5.

Von 1932 bis 1944 war die Stadt Kolpaschewo Verwaltungszentrum des Kreises Narym (Narymski okrug), in dem sich eine Reihe von Gulag-Lagern befand. In Kolpaschewo sowie in Barabinsk entstanden zwei zusätzliche Fischereibetriebsverbände mit der Aufgabe jeweils 25.000 und 10.000 Tonnen Ertrag zu realisieren. Allein im Landkreis Kolpaschewo wurden ca. 3000 Wolgadeutschen angesiedelt.

« Schuldlos schuld

Nichts Böses hatten wir verschuldet
und doch so manches Leid erduldet.
Wir mußten unser Deutsch vermeiden,
um keine Willkür zu erleiden.
Auch unsre unschuldigen Kinder
ließ fühlen man den Haß nicht minder.
Wie oft, sobald die Schulde aus,
kam schluchzend unser Sohn nach Haus.
„Oh, Mutti, was hab ich gemacht?
Ich wird verhöhnt, ich wird verlacht.
Die Schüler hänseln mich: Faschist,
die Lehrer wehren ihnen nicht,
ich will nicht mehr zur Schule gehn,
um nicht das Hackenkreuz zu sehn,
das man mir malt mit weißer Kreide
auf meinen Ranzen, meine Kleider!“
Ich tröstete mein weinend Kind:
„Nicht alle Menschen böse sind.
Oh, glaub es mir, es kommt die Zeit,
wo uns das Leben wieder freut.
Hab nur ein wenig noch Geduld,
dann wäscht man ab von uns die Schuld,
die man uns in die Schule schiebt,
weil es noch böse Leute gibt“.

Frieda Kirsch

ния в данных городах, в частности немцы, например, 640 человек трудоспособных немцев из Прокопьевска, живших в нем еще со времени раскулачивания в начале 1930-х гг. В апреле-мае 1942 г. из городов Кузбасса были отправлены в Нарымский округ немцы, а также ссыльные латыши, эстонцы и молдаване, общей численностью 3111 человек, кроме занятых на подземных работах в шахтах и на погрузочных операциях по углю⁹.

Переброска этого контингента и стала единственным выполненным к середине 1942 г. мероприятием намеченного плана. Но это была лишь часть требуемой рабочей силы. Поскольку все остальные пункты по организации работ не были выполнены, оказался провален план добычи рыбы за первое полугодие.

План добычи рыбы за первое полугодие 1942 г. был провален. Было принято решение отправить на рыбные промыслы немцев.

К тому же реальной стала угроза срыва плана второго полугодия. Такие неутешительные итоги подвело 1 июля бюро ОК ВКП(б), принявшее новое постановление «О дополнительных мерах по обеспечению рабочей силой

рыбных промыслов Нарымского округа». Главным его пунктом стало решение о переселении в округ расселенных в районах области в 1941 г. немцев Поволжья. Выполнение задачи возлагалось на отдел трудпоселений Управления НКВД и Переселенческий отдел ОИКа. Для руководства операцией создавалась тройка в составе заместителя председателя ОИКа Беляева, заместителя начальника УНКВД Шехмана и начальника отдела трудпоселений Бурлака. В районах выселения отбор семей и доставку их в Новосибирск поручалось возглавить районной тройке в составе председателя РИКа, начальника РО НКВД и секретаря РК ВКП(б). Все расходы, связанные с переселением, брал на себя

Die Masse der Arbeitskräfte, der die Erfüllung des Arbeitsplans auferlegt wurde, bildeten Zwangsarbeiter – ehemalige Kulaken¹³. Nach dem Stand vom 1. Juni 1941 lebten im Nowosibirsker Gebiet 46.962 Zwangsarbeiterfamilien mit insgesamt 170.862 Mitgliedern. Im Narymskij Bezirk machten sie 75% und in den Kreisen Baktcharskij, Tschainskij, Kargasokskij und Pudinskij sogar zwischen 80 und 96% der Bevölkerung aus⁷. Zudem war angedacht, die bereits 1941 aus den Baltischen Republiken und aus den westlichen Regionen der Ukraine und Weißrusslands⁸ in verschiedene Regionen des Landes darunter auch in die Städte von Kusbass Deportierten, ein weiteres Mal umzusiedeln und beim Fischfang einzusetzen. Darüber hinaus waren die Arbeiter der Baubehörden des Bergbaus von Kusbass in die nördlichen Regionen des Gebietes überzusiedeln, da ihnen zu Beginn des Krieges das Wohnrecht in den Städten von Kusbass auf Grund ihrer Nationalität aberkannt wurde. Darunter befanden sich auch einige Deutsche wie zum Beispiel 640 arbeitsfähige deutschstämmige Einwohner von Prokopjewsk, die dort seit der Entkulakisierung⁹ der 30-er Jahre lebten. Insgesamt wurden von April bis Mai 1942 3.111 Menschen aus den Städten von Kusbass in den Narymskij Bezirk ausgewiesen. Darunter waren Deutsche, Letten, Esten und Moldauer. Von ihnen blieben lediglich die Arbeiter der unterirdischen Kohlegruben und die an den Kohleverladeplätzen Tätigen von einer erneuten Zwangsumsiedlung verschont¹⁰.

Diese Zwangsumsiedlungen waren die einzigen Maßnahmen zur Planerfüllung, die bis zur Mitte des Jahres 1942 abgeschlossen wurden. Da viele Punkte des Plans zu dem Zeitpunkt nicht bewältigt werden konnten, und die Arbeitskräfte nicht ausreichten, konnte das vorgekommene Ertragsvolumen aus dem Fischfang in der ersten Jahreshälfte nicht erreicht werden. Durch diese Umstände sah das Zentralkomitee der WKP(B) auch die Planerfüllung für die zweite Jahreshälfte bedroht. Diesen ernüchternden Erkenntnissen begegnete das Komitee mit dem am 1. Juli verabschiedeten Beschluss „Über die Zusatzmaßnahmen zur Versorgung der Fischereibetriebe vom Narymskij Bezirk mit Arbeitskräften“. Seine Grundidee bestand darin, auf die 1941 ins Nowo-

Андрей Крамер

« Я, Крамер Андрей Андреевич, родился в 1937 году в поселке Альт-Варенбург Кукуйского района Саратовской области. Я помню, что в 1941 году нас посадили на пароход в Новосибирске. Находились мы в забитом народом трюме. Сидели одни старики, старушки, женщины и дети, остальные стояли. Чем кормили, я, конечно, не помню. Под охраной комендатуры везли нас всех в Александровский район Томской области. Людей снимали с парохода почти на каждой пристани Александровского района. Наша партия была последней. Ее выгрузили на пристани в Колтогорске. Это было в начале октября 1941 года. Это был последний пароход. На следующий день на лодках (неводниках) развозили людей по ближайшим поселкам. Наша семья – мама Анна Генриховна, ее мама Адольф Мария Яковлевна, я и моя сестра Эльвира Генриховна 1941 г.р., много наших родственников, все из села Альт-Варенбург – попала в деревню Волково Александровского района. По приезду начали

рыть ямы под землянки. Они были разного размера. Конечно, там кроватей не было, а были постелены полаты (верстаки), на которых размещались все, кто попал в землянку. Привезли сено, постелили на полаты и закрыли сетями. На это и ложились. Дополнительно стелили кто что с собой привез. Так началась умеренная спецпоселенческая жизнь. Молодых женщин, ребят 14–15 лет отправили на лесозаготовки государственной важности, а дети оставались с бабушками, у кого они были. Иногда наши бабушки сидели с чужими детьми, мамы которых отправились в тайгу на заготовку леса. Конечно, везде была охрана. Каково было нам, подросткам, которым нельзя было ни в лес сходить по ягоды, ни на речку рыбу половить. Постоянно оскорбляли, называли фашистами. Воспоминания об этих унижениях сохранилась на всю жизнь. В те времена мы могли только верить, что кончится война, приедут домой наши отцы, вернутся матери из тайги...

Из воспоминаний Андрея Крамера. Сегодня Андрей Андреевич проживает в селе Александровском Томской области, является председателем центра встреч российских немцев.

Главрыбпром, а поставку вагонов и плавсредств – Томская ж.д. и управление Речпароходства. Переселение предполагалось завершить к 25 июля¹⁰.

Районные власти обязывались отбирать для переселения небольшие семьи с малым количеством детей и наличием трудоспособных взрослых, «имея в виду, что трудоспособные немедленно должны были приступить к работе на рыбных промыслах». В первую очередь предполагалось пересмотреть списки осевших в районных центрах и рабочих поселках, не затрагивая колхозы. Переселению не подлежали также представители дефицитных профессий, комбайнеры, трактористы, слесари, кузнецы, токари и их семьи.

Если учесть, что к этому времени значительная часть мужчин была мобилизована в рабочие колонны при лагерях НКВД, можно утверждать, что основной контингент нарымчан составили женщины и дети.

Переселяемым семьям разрешалось взять с собой личное имущество и денежный расчет по заработанным в колхозах на момент выезда трудодням в соответствии с их плановой стоимостью. Скот, если им удалось обзавестись, вновь подлежал сдаче в отделение Заготскота в обмен на квитанции, по которым предполагалось его возмещение на новом месте жительства.

Помимо 12 районов области (Приложение 3), которые должны были поставить переселенцев, постановление содержало соответствующее указание начальнику УНКВД Малинину об изъятии немцев из городов «по политическим мотивам» и об отправке их в Нарым. Областные организации и РИКи должны были мобилизовать необходимое количество транспорта для подвозки переселяемых к станциям железной дороги и к пристаням, обеспечить их хлебом на время пути из расчета 400 граммов на человека в сутки и медицинским обслуживанием, а нарымские власти — подготовиться к приему, расселению и трудоустройству переселенцев. Каждый район обя-

сibirsker Gebiet deportierten Wolga-Deutschen¹¹ zurückzugreifen. Die Organisation des Vorhabens oblag der Abteilung „für besondere Arbeitersiedlungen“ der Verwaltung des NKWD und der Abteilung „für Übersiedlungsangelegenheiten“ des Kreisvollzugskomitees. Die Leitung der Organisation übernahm eine sog. Trojka¹², die der stellvertretende Vorsitzende des Bezirksvollzugskomitees Beljaew, der stellvertretende Vorsitzende der Verwaltung des NKWD Schechman und der Leiter der Abteilung „für besondere Arbeitersiedlungen“ Burlak bildeten. Eine weitere Trojka gebildet von dem Vorsitzenden des Kreisvollzugskomitees, dem Vorsitzenden der Kreisdirektion des NKWD und dem Sekretär des Kreiskomitees der WKP(B) sollte das Auswahlverfahren der Arbeiterfamilien und ihren Transport nach Nowosibirsk übernehmen. Die Kosten der Versorgung und Verpflegung der Umsiedler während der Reise übernahm die Hauptverwaltung der Fischindustrie. Züge und Schiffe stellten die Tomsker Eisenbahnbehörde und die Verwaltung der Flussschiffahrtsbehörde bereit. Bis zum 25. Juli sollte die Umsiedlung vollständig abgeschlossen werden¹³.

Für ihre Vorhaben wählten die Kreisbehörden hauptsächlich kleinere Familien mit wenig Kindern, aber dafür mehreren leistungsfähigen Erwachsenen, „um sofortige Arbeitsaufnahme in den Fischereien zu gewährleisten“. Man beabsichtigte, hauptsächlich die Arbeitskraftressourcen aus den Kreisstädten und Arbeitersiedlungen zu mobilisieren, damit Kolchosen¹⁴ auf möglichst wenige der dringend benötigten Arbeiter verzichten müssten. Angehörige gefragter Berufe wie Mähdscherfahrer, Traktorfahrer, Schlosser, Schmiede, Dreher und ihre Familien fielen nicht unter diese Mobilisierungsmaßnahme.

Zum Zeitpunkt der Umsiedlungen waren die meisten Männer aus den deutschen Familien bereits in die Zwangsarbeitslager des NKWD mobilisiert. Daher bestand die Bevölkerung des Narymskij Bezirks zum größten Teil aus Frauen und Kindern.

Mitnehmen durften die ausgewählten Familien lediglich einige persönliche Gegenstände und das Geld für die aufgelaufenen Arbeitseinheiten bei ihrer Tätigkeit in den Kolchosen entsprechend dem gelten-

Фото из личного архива А.А. Крамера: опытное поле, с. Александровское, 1950 г. Семья Крамер, украинцы – семьи Дубницких, Тереганюк, эстонцы, латыши. Все они находятся под комендатурой

« Люди старались выживать. Наши бабушки верили в Бога и молились. По вечерам они пели немецкие песни о том, как переселили людей в необжитые места, в глубинку. Они так задумчиво пели и плакали, что и мы, ребятня, не выдерживали и тоже плакали навзрыд со взрослыми, забывая на короткое время про голод, холод, унижения и оскорбления, которые пришлось испытать немецкому народу. Но немцы работали, не жаловались, да и жаловаться-то некому было. Нужно помогать стране выполнять все поставленные задачи. »

Андрей Андреевич Крамер, родился 8 июля 1937 года в поселке Аль-Варенбург Саратовской области. Депортирован в Александровский район Томской области

зывался выделить из состава райпартактива политруков (по одному на 100 немцев), которые должны были сопровождать их до места вселения.

«Пунктом концентрации переотправки» поселенцев в Нарым был определен город Новосибирск, а в помощь районам выселения назначены 12 уполномоченных из аппарата ОИКа, Главрыбы и других областных организаций. В помощь районам вселения из Нарымского окружкома и окрисполкома также выделялись специальные уполномоченные, которые должны были провести «обследование местности по размещению переселенцев». 2 июля присутствовавшие на заседании бюро обкома и организованной тройки председатель Нарымского ОИКа Крылов и управляющий Новосибирским госрыбтрестом Котельников представили чрезвычайной тройке план распределения переселяемых немцев по семи районам округа: Александровскому (3000), Каргасокскому (2500), Парабельскому (2000), Колпашевскому (3000), Молчановскому (2000), Кривошеинскому (2000) и Чаинскому (500). Были определены и конкретные пункты вселения – всего 33 (Приложение 4).

Согласно графику отправки эшелонов из районов выселения, операция по доставке переселенцев в Новосибирск должна была начаться 21 июля со станции Тогучин и завершиться 11 августа последним эшелоном со станции Ижморка. Однако процесс подготовки операции заставил внести в четко разработанные планы некоторые коррективы. Это касалось графика отправки эшелонов, начало которой пришлось сместить на конец июля, перемены мест вселения, а главное, определения численного состава переселенцев.

В ходе проверки списков на местах комиссии пришлось исключить из него людей по причине болезни, беременности и брака немцев с русскими. Но исключенные из списка заменялись другими семьями. В среднем почти треть всех переселяемых были дети¹¹.

den Vergütungsplan (als eine Arbeitseinheit sog. „Trudoden“ wurde ein voller Arbeitstag angesehen). Das Klein- und Rindvieh musste wie bei der ersten Deportation im Tausch gegen Bescheinigungen den staatlichen Schlachtereien überlassen werden. An ihrem neuen Wohnort hofften die Besitzer, den Wert des Viehs ersetzt zu bekommen.

Neben der Auflistung der 12 Kreise des Gebiets (Anlage 1), aus denen die benötigten Arbeitskräfte bezogen werden sollten, enthielt der Beschluss vom 1. Juli noch weitere Punkte. Die Umsiedlung der Deutschen aus den Städten in den Narymskij Bezirk unter der Leitung des Vorsitzenden der Verwaltung des NKWD Malinin war als „politisch bedingt“ zu begründen. Die Gebietsbehörden und die Kreisvollzugskomitees wurden beauftragt, Fahrzeuge zur Beförderung der Arbeiterfamilien zu den Zugbahnhöfen und an die Anlegestellen zur Verfügung zu stellen, die Reisenden für die Dauer der Überbringung mit Brot - 400 g pro Tag und Person – zu versorgen, sowie medizinische Versorgung während der Reise zu ermöglichen. Die Behörden des Narymskij Bezirks dagegen verantworteten die Organisation der Aufnahme der Neuankömmlinge, ihre Unterbringung am neuen Wohnort und schnelle Arbeitsaufnahme durch die arbeitsfähigen Personen unter ihnen. Während des gesamten Übersiedlungsaktes wurden die deutschen Familien durch die von den Kreisbehörden aus den Kreisen der Parteiaktivisten gestellten politischen Leiter überwacht. Jedem der politischen Leiter wurden 100 Deutsche zur Aufsicht zugewiesen.

Nowosibirsk wurde zum „Hauptverteilungspunkt“ des Bezirks: dort wurden die Umgesiedelten aus 12 verschiedenen Kreisen „gesammelt“ und an die jeweiligen Bestimmungsorte weitergeleitet. Bei den Aussiedlungen waren 12 Beauftragte des Gebietsvollzugskomitees, der Verwaltungsbehörden der Fischindustrie und anderer Gebietsbehörden in allen 12 Kreisen vor Ort behilflich. An den endgültigen Unterbringungsorten gab es ebenso Unterstützung durch Sonderbeauftragte des Narymskij Bezirkskomitees und des Bezirksvollzugskomitees. Die Beauftragten wurden mit der „Untersuchung der Region auf ihre Aufnahmekapazitäten hin unter dem Aspekt eines Bevölkerungszuwachses“ betraut. In

Клара Райсвих

« Моя прабабушка, Клара Ивановна Райсвих, родилась 18 июня 1922 года в селе Нижняя Водянка Гмелинского района Саратовской области, в семье Кристины Райсвих и русского человека с немецкими корнями по имени Иван. Многое пришлось ей пережить на жизненном пути. В 1941 году, когда еще не началась война, она вышла замуж и стала жить отдельно от родителей. В этом же году у нее родился сын Саша, а на следующий год – дочь Эмма. Дети были еще совсем маленькими, когда их отца забрали в трудармию. Больше ни мужа, ни отца, которого постигла та же участь, моя прабабушка не видела. Их последующая судьба неизвестна. Это был первый удар судьбы.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Во время войны маленькие Эмма и Саша умерли от кори. Вскоре Клара Ивановна была репрессирована и отправлена на Север, где жила до 1956 года в посёлке Красноселькупск Красноселькупского района Тюменской области. Условия были очень суровые. Как вспоминала сама прабабушка «бывало, что даже спать приходилось на голом промёрзшем полу, на брошенной соломе и фуфайке. Ели почти одну рыбу, больше не было ничего». Работала на рыбзаводе. 16 июня 1948 года у нее родилась дочь, моя родная бабушка, Райсвих Надежда Петровна, в честь которой меня и назвали. После ее рождения Клара Ивановна поменяла место работы, чтобы быть ближе к маленькой дочке – работала в детском саду поваром. Своего отца моя бабушка даже не помнит, а отчество Петровна она получила от своего отчима – Петра Гордеева, второго мужа прабабушки. У Клары Ивановны и Петра родились двое совместных детей – Николай и Михаил. Оба они умерли в детском возрасте от инфекции и отсутствия

медицинской помощи. Последующая судьба Петра Гордеева неизвестна. Моя прабабушка осталась одна с маленькой дочкой на руках.

Тяжёлые послевоенные времена давали о себе знать. Очень трудно было Кларе Ивановне одной. Помогали соседи, подружки. Но по-настоящему родных людей рядом не было. Тогда она решилась забрать дочь и уехать в Сибирь к маме, к братьям и сестрам. Произошло это в 1956 году. Путь был долгим и трудным. Через реку переправлялись на пароходе, которым управляли русские. Когда они узнали, что на судне немцы, они подумали, что это те самые, которые недавно воевали против них, поэтому хотели потопить пароход вместе со всеми пассажирами. Пришлось моей прабабушке долго объяснять, что они немцы, но всю свою жизнь прожили в СССР и не воевали против них! Чудом удалось убедить в этом русских и благополучно добраться до места.

Вскоре Клара Ивановна с дочкой добрались до с. Кортуз Краснотуранского района Красноярского края, где жила Кристина Егоровна, моя прапрабабушка с сыном, невесткой и младшей дочерью. Пережив столько горя, наконец, мои родственники зажили спокойнее...

Ближе к старости Клара Ивановна обрела долгожданную большую семью с внуками и правнуками, которых сама нянчила, хорошие условия проживания, мир и душевный покой. Очень жаль, но в этом мире нет ничего вечного. Прабабушки не стало три года назад – в конце 2008-го. Но мы всегда ее будем помнить и любить. На память нам остались многочисленные фотографии, книги на старо-немецком языке, медали, почетные грамоты.

Надежда Сорокина (село Тубинск Краснотуранского района)

В это время в Колпашево, административном центре Нарымского округа, кипела подготовительная работа к приему переселенцев. Обследовались поселки трудпоселенцев и районных центров на предмет размещения в них нового контингента.

В Кривошеинском районе такую работу проводил уполномоченный Сонин. 30 июля в докладной записке в ОИК он, захлебываясь от восторга оказанным ему теплым приемом, сообщал, что предполагаемые 2000 переселенцев могут быть расселены в шести сельсоветах, а остальные пять в состоянии принять еще столько же. По его словам, и «в самом райцентре народ живет на широкую ногу в смысле площади», весьма свободно размещены здесь районные организации. «Так что, – резюмировал уполномоченный, – данная Вами цифра по Кривошеинскому району для размещения завозимых людей более чем недостаточна. Безболезненно можно разместить в районе дополнительно 6–7 тысяч человек»¹².

Эта и подобные ей реялиции одуревших от пьянки командированных функционеров способствовали принятию решения о дополнительной мобилизации в области пяти с половиной тысяч немцев, которое ОИК принял 3 августа 1942 г. Соответствующие распоряжения были отправлены руководителям еще пяти райкомов и РИКов: Чулымского (на 500 чел.), Яшкинского (на 1500), Юргинского (на 2000), Анжеро-Судженского (на 1000) и Колыванского (на 500 чел.)¹³.

В конце июля на железнодорожных станциях и пристанях 12 районов области началась погрузка спецпереселенцев в эшелоны и на пароходы. При этом график подачи транспортных средств почти во всех местах, несмотря на столь тщательную подготовку операции, оказался сорван. Во всех пунктах отправки эшелонов задержки в подаче вагонов составили от нескольких дней до недели и более. Так, из Коченево эшелон (40 вагонов) был отправлен 29 июля (вместо 23 июля), из Топков – 6 августа (вместо 1 августа), из Каргата – 13 августа (вместо 2 августа), из Та-

einer Sitzung des Gebietskomitees am 2. Juli 1942 legten Vorsitzende des Narymskij Bezirksvollzugskomitees Krylow und der Vorsitzende des Nowosibirsker Fischereibetriebsverbandes Kolesnikow einer Aufsichtstrotjka den endgültigen Verteilungsplan der deutschen Arbeiter vor. Der Plan sah 33 Ortschaften in insgesamt 7 Kreisen für die Unterbringung der Neuankömmlinge vor. Im Einzelnen wurde die Verteilung auf die 7 Kreise wie folgt beschlossen: Aleksandrowskij Kreis – 3.000, Kargasokskij Kreis – 2.500, Parabel'skij Kreis – 2.000, Kolpaschewskij Kreis – 3.000, Moltschanowskij Kreis – 2.000, Kriwoscheinskij Kreis – 2.000 und Tschainskij Kreis – 500 Menschen (Anlage 2).

Angefangen mit der ersten Abfahrt am 21. Juli vom Bahnhof von Torgutschin, endete der speziell für die Übersiedlungsaktion erstellte Zugfahrplan mit der letzten Abfahrt am 11. August vom Bahnhof von Ischmor. Diese Pläne wurden jedoch nicht eingehalten. Schon in der Vorbereitungsphase mussten einige erhebliche Änderungen vorgenommen werden. Die Zugfahrten mussten auf Ende Juli verlegt, die Zielorte neu bestimmt und – vor allem – die Zahlen der Umgesiedelten umgeändert werden.

Bei der Überprüfung durch die Ausführungskommission mussten viele Deutsche auf Grund von Krankheiten, Schwangerschaften oder Eheschließungen zwischen deutschen Frauen und russischen Männern von den Listen gestrichen werden. Sie wurden durch andere Familien ersetzt. Fast ein Drittel der so erfassten und umgesiedelten Deutschen waren Kinder¹⁵.

Zur selben Zeit herrschte im Narymskij Bezirkszentrum Kolpaschewo großer Aufruhr: Vorbereitungen auf die Ankunft der deutschen Arbeiter gingen in vollen Zügen voran. Sämtliche Arbeitersiedlungen und Kreisstädte wurden als möglicher zukünftiger Wohnort für umgesiedelte Deutsche in Betracht gezogen und auf ihre Aufnahmekapazitäten hin geprüft.

Der Beauftragte Sonin sollte sich vor Ort von den Möglichkeiten einer Bevölkerungsaufstockung in den Ortschaften des Kriwoscheinskij Kreises überzeugen. Hellauf begeistert von dem barmherzigen Empfang,

« Wind, o Wind

Endlos kreisen die Gedanken,
um die weite Wolgasteppe,
wo die Tulpen reichlich blühen
und in jungen Birkenhainen
schüchtern singen die Pirole.

Durchsichtige Jugendjahre,
Morgenrot vom Tau besprenkelt.
Wohlgeneigte Untergasse,
Haus mit blauen Fensterläden.
Hinter grünbelaubter Hecke

Glimmte rosarot der Kirschbaum,
und der Weiher lockte ständig
in die sonnenwarmen Wasser.
Alle Wege standen offen
durch die heimatlichen Fluren.

Endlos kreisen die Gedanken
um das Haus mit blauen Läden
und die roten Stepentulpen.
Wind, o Wind, weh still und stiller,
dass die Träume nicht verwehn.

Rosa Pflug

Rosa Pflug,

Russlanddeutsche Lyrikerin, Übersetzerin, Prosaschriftstellerin, geb. 1919 im Dorf Antonowka, Gebiet Saratow. Während des Krieges kam sie in die Trudarmee im Gebiet Archangelsk. Seit 1950 lebte in Kasachstan. Heute lebt in Berlin.

тарки – 7 августа (вместо 3-го) и т. п. Столь же неорганизованно осуществлялась и погрузка на пароходы¹⁴.

Только к 13 августа семь пароходов («Шевченко», «Дзержинский», «Пролетарий», «Киров», «Александр Невский», «Тихонов» и «Ким») отошли наконец от новосибирских пристаней.

Отправка дополнительной партии переселенцев из районов Чулымского (254 чел.), Анжеро-Судженского (958 чел.) и Колыванского (1530 чел.) состоялась уже в конце августа – начале октября. Всего с конца июля по начало октября в Нарымский округ было вывезено 13 818 немцев¹⁵.

В ходе погрузки последней партии выяснилось, что списки переселенцев составлены РИКом небрежно: часть семей записана дважды, допущена масса ошибок в нумерации фамилий. В результате фактически размещенных на пароходе людей оказалось меньше, чем значилось в списках. Кроме того, в списках обнаружили большие старики, которых потом, при выгрузке, пришлось выносить на руках, беременные женщины (двоих пришлось оставить на пристани Колывань, так как у них начались роды). Некоторые семьи сплошь состояли из одних немощных стариков и детей, заранее обреченных на вымирание.

В пути следования шесть политруков, переводчик-немец Бахман и начальник эшелона Храмцов организовали горячее питание из буфета пароходства: один раз в день суп и не каждый день каша или затируха. Хлеб и рыба выдавались сухим пайком, детям варили манную кашу. Кроме того, детям до 10 лет и больным старикам было роздано по 10 граммов сахара. Качество приготовленной пищи, однако, оставляло желать лучшего, и переселенцы высказывали неоднократные нарекания и просьбы о выдаче всего причитающегося пайка им на руки в сухом виде.

По уточнении списков погрузка была оформлена актом 9 октября с маршрутом следования до пристаней Колпашево (800 чел.), Парабель (200 чел.) и Каргасок (530 чел.). Однако в тот же день

den man ihm zu Teil werden lies, schilderte er in einem Bericht an das Kreisvollzugskomitee vom 30. Juli seine Beobachtungen. Er empfiehlt die erwarteten 2.000 Übersiedler auf 6 von insgesamt 11 Selsowjets¹⁶ zu verteilen, wobei die restlichen 5 seiner Meinung nach ebenso über große Kapazitäten verfügten und problemlos in der Lage wären, weitere 2.000 Menschen aufzunehmen. Selbst in der Kreishauptstadt lebe man auf großem Fuße, was den Wohnraum anbelangte – so der Beauftragte – so könne man die Gesamtzahl der Umgesiedelten im Kriwoscheinskij Kreis ohne Bedenken mit weiteren 6.000 bis 7.000 Menschen aufstocken¹⁷.

Ähnliche euphorische Rückmeldungen kamen auch von den Beauftragten aus den anderen Kreisen. Beflügelt durch Unmengen von Alkohol „zur Begrüßung“ ließen sie die Zahlen in ihren Einschätzungen in die Höhe steigen. Solche Berichte führten letzten Endes am 3. August 1941 zu der Entscheidung, die Zahl der Mobilisierten um weitere 5.500 Menschen zu erhöhen. Entsprechende Anweisungen, diese auszuwählen und für die Aussiedlung vorzubereiten gingen an die Vorsitzenden der 5 Kreiskomitees und Kreisvollzugskomitees, zu denen der Tschulymskij Kreis mit 500, der Jaschkinskij Kreis mit 1.500, der Jurginskij Kreis mit 2.000, der Anschero-Sudschenskij Kreis mit 1.000 und der Kolywanskij Kreis mit 500 zusätzlich zu mobilisierenden Deutschen zählten¹⁸.

Ende Juli begann in 12 Kreisen des Gebiets der Abtransport der Zwangsumsiedler mit Zügen und Schiffen. Doch trotz der gründlichen Vorbereitung des Transports, konnte der erstellte Fahrplan sogut wie an allen Standorten nicht eingehalten werden. Es kam zu tagelangen Verspätungen – mancherorts sogar bis zu 7 Tage und länger. So fuhr beispielsweise in Kotschenewo ein Langzug mit insgesamt 40 Wagen statt am 23. Juli am 29. ab, in Topki wurde es der 6. August statt dem 1., in Kargat der 13. August statt dem 2., in Tatarka der 7. August statt dem 3. Genauso chaotisch gestalteten sich auch die Abfahrten der Schiffe¹⁹.

Erst am 13. August konnten die 7 Schiffe „Schewtschenko“, „Derschinskij“, „Proletarij“, „Kirow“, „Aleksandr Newskij“, „Tichonow“ und

Im frostigen Monat Januar 1942 war`s, da hielt ein Güterzug mit mobilisierten, nach den Regeln, deutschen Männern an der kleinen Station Moroschko Gebiet Swerdljowskaja. Beim Eingang in die Zone (wo vorher Häftlinge lebten), machten die Behörden im Wachthaus vorerst von allen Fingern der Männer Abdrücke. Alle waren wie geschockt. In diesem Zustand wurden die Männer in Baracken geführt. Die Schlafbänke waren zerkratzt und beschrieben: man konnte Namen, Fluche... Schimpfwörter lesen. Wie lange die Männer so still, in Gedanken versunken, saßen... Uhren gab es keine, es schien, es wäre die Zeit stehen geblieben. Endlich stand der junge Mann auf und sagte: «Was lasst denn ihr die Köpfe hängen? Wollt mal uns zum Rauchen drehen und mal sehen, wie es draußen um unsere Baracke herum aussieht, wo es eine Toilette gibt. Ich muss nämlich mal. Er stand auf und holte seinen ausgenähten Tabakbeutel hervor und drehte sich eine Zigarette. «Na, wer kommt mit?» - und ging hinaus. Andere folgten ihm. Erst als sie auf den Hof kamen, sahen sie richtig den hohen Zahn mit Stacheldraht überm Zaun. An jeder Ecke stand ein Wachturm, auf dem Soldaten mit Gewehren standen. Hin und wieder hörte man Hunde bellen. «Da sind wir hier so wie Gefangen». «Was sagst du dazu, Gustav Petrowitsch, du bist doch ein Parteimann?» - scherzte der junge Mann, aber bereute es auch schon: die Angst von 1937 mahnt noch immer- «pass auf; sei vorsichtig!». Gustav Petrowitsch, der ehemalige Direktor der Schule in Schöntal, schwieg erst mal. Vielleicht suchte er nach Worten, so was wie eine goldene Mitte. Dann sagte er halblaut: «Ich glaub`, wir sind alle gleich...» Holz fällen mit Beil Säge ist eine sehr schwere Männerarbeit. Aber ohne Erfahrung ist sie doppelt so schwer. Doch bald erfuhren die «Trudarmisten-Männer», wie die Bäume gefällt werden, wie sie bewacht und behandelt werden. Nur wenige konnten die Norm ausarbeiten. Obwohl sie bis zur Erschöpfung arbeiten. Die Kälte und der Hunger drückten die Männer nieder. Viele erlebten nicht mal den ersten Frühling im Urwald. Und ein Ende dieser Qual war nicht zu erhoffen. Tag ein, Tag aus, immer die Angst vor «was bringt mir der Morgen». Früh morgens, ob Schnee oder Regen, wurden alle, die noch gehen konnten, in den Wald geführt – von Soldaten mit Gewehren. Dann machten ein Beamter und ein Notarzt einen Rundgang, um die in den Baracken zurückgebliebenen vorerst zu besichtigen. Die noch lebenden Kranken und geschwächten wurden im Krankenzimmer vom Arzt untersucht und behandelt. Die nicht krank waren, d.h. sich «verstellt» hatten, wurden ins Arrestlokal, den Karzer, eingesperrt... Und die Toten wurden fast nackt, im besten Fall mit alten Unterhose, auf einen großen Schlitten geworfen, hinaus in den Wald auf einen so genannten «Friedhof» gebracht und mit Schnee verscharrt. Es gab Gerüchte dass vor der Erstarrung durch die Kälte im Winter einmal einige Worte von einem Sterbenden gehört worden seien: «Ich lebe ja noch, warum...» Der Fuhrmann, nicht wenig erschrocken hier im Wald so ganz allein mit den Zeichen, stotterte nur so etwas vor sich hin: «Der Chef und der Arzt wissen es doch besser, ob du noch lebst, oder...? Du sollst ihnen dankbar sein, dass du jetzt immer von der Arbeit befreit ist...»

Johannes Scheyermann, den 10.06.2002

Johannes Scheyermann

Johannes Scheyermann (1922–2009) wird in Schöntal, Kanton Krasnyj Kut geboren. Anfang der Zwanziger erlebt die junge Wolgarepublik starke Hungersnöte. Seine vaterlose Familie leidet Armut. Trotz aller Widrigkeiten, strebt der Junge nach Bildung. Nach der Schule besucht Scheyermann die pädagogische Hochschule und absolviert sie 1941, kurz vor der Deportation als Deutschlehrer. Im September wird die Familie deportiert. Erst landet sie in Uspenka, dann werden sie getrennt und der 19-jährige Johannes muss im Januar 1942 alleine in die Trudarmee. Er arbeitet in Taborinsk – eine Abteilung des Seurallag.

ОИК получил телеграмму от руководства Нарымского округа о невозможности ввиду перенаселения указанных пунктов принять новых переселенцев. «Категорически настаиваем, – говорилось в телеграмме, – выполнить новую разнарядку», согласно которой маршрут следования продлевался до самого северного Александровского района. Переселенцев следовало высадить на пристанях

Свободного жилья
подготовлено не было.
Людям приходилось
глубокой осенью
самим рыть землянки.

Прохоркино (150 чел.), Новоникольск (100 чел.), Верхне-Вартовск (300 чел.), Кривоуцк (200 чел.), Лукашино (200 чел.), Александрово (350 чел.), Колмогора (100 чел.) и Медведево (200 чел.).

Поскольку, вопреки намеченным планам, свободного жилья и здесь подготовлено не было, приемщики заверяли уполномоченную, что все переселенцы будут расселены по сельсоветам и колхозам «в порядке уплотнения», чтобы сразу же приступить к рытью землянок. Александровский пункт вообще отказался от приема людей «из-за отсутствия возможности расселения», и часть направляемого туда спецконтингента была высажена в Ларино, где их тоже никто не ждал.

Обещания незамедлительного устройства переселенцев, хотя бы на условиях «уплотнения» местного населения, были выполнены не везде. В Кривоуцком (Н.-Аскымовский засольный пункт) и Лукашкином Яру, где все наличные помещения были уже полностью заняты, переселенцы вместе с детьми и вещами оставались на покрытом снегом берегу при 13-градусном морозе еще 17 октября¹⁶.

Не лучше обстояло дело и с приемом августовской партии переселенцев.

Из-за отсутствия нормального жилья спецпереселенцы были расселены в пустующих полуразрушенных домах, клубах, крас-

„Kim“ nach erfolgtem Umsteigen der Passagiere endlich aus dem Hafen von Nowosibirsk auslaufen²⁰.

Die Mobilisierung der zusätzlichen Zwangsarbeiter aus den nachträglich mit in den Plan aufgenommenen Kreisen wurde in der Zeit vom Ende August bis Anfang Oktober durchgeführt. In ihrem Rahmen wurden 254 Deutsche aus dem Tschalymskij, 958 aus dem Anschero-Sudschenskij und 1530 aus dem Kolywanskij Kreis umgesiedelt. Und so ergab sich eine Zahl von insgesamt 13.818 in der Zeit²¹ von Ende Juli bis Anfang Oktober 1942 in den Narymskij Kreis umgesiedelten Deutschen.

Wegen fehlender Unterkünfte, mussten viele Zwangsumgesiedelten in halbzerstörten Gebäuden, in Kulturhäusern, in Schulen, in Internaten und in „Krasnye Ugolki (sing.)“²² oder bei fremden Familien einquartiert werden. Manche Zwangsarbeiter hatten einen ganzen Monat lang kein Dach über dem Kopf. Zwar war in ihren neuen Wohnorten bereits im Winter die Errichtung neuer „einfachster“ Unterkünfte („Semljanki“) geplant, doch auch nach den Umsiedlungen wurde mit der Umsetzung dieses Vorhabens noch nicht einmal begonnen. Ein weiteres großes Versäumnis waren die fehlenden Handelsstrukturen in den Einsiedlungsorten. Das mit dem Ausbau der Handelsstrukturen betraute Konsumbündnis der Fischer versäumte es auch, sich um die Lieferung benötigter Lebensmittel und Industriewaren zu kümmern. So gab es bereits kurz nach der Aufnahme der deutschen Arbeiter Unregelmäßigkeiten in der Versorgung mit diesen Gütern. So deckten die angeschafften Vorräte an Mehl Ende August - nur einige Wochen vor der winterlichen Unterbrechung der Schifffahrt - nur 20% des Jahresbedarfs und Mitte September – lediglich 27%²³.

Wie sich später herausstellte, wurden in der Region bedauerlicher Weise gar nicht so viele zusätzliche Arbeitskräfte gebraucht. So gab es für einen beträchtlichen Teil der deportierten Deutschen keine Arbeit beim staatlichen Fischereibetriebsverband. Außerdem erkannte man nach und nach, dass die Menschen wieder einmal vom Staat ausgeraubt wurden. Vor der Umsiedlung waren sie gezwungen, ihr Vieh, ihre Kartoffelernte und das Brot, das sie für die geleisteten „Trudodni“ (Arbeits-

Элла Бауэр

« Когда началась депортация, мне 12 лет было. Мы жили в селе Розенфельд Мариентальского района Саратовской области. 28 августа пришел приказ выселить немцев. За двое суток собрали всех с трех сел – Розенфельд, Вайценфельд и Кнаттендорф – на станции Наххой. Погрузили в эшелон и увезли в Казахстан. Мы попали в Кустанайскую область, Владимирский район, с. Воробьевка. Хозяин наш работал в сельсовете. Я, папа, мачеха, ее дочь с дочкой жили в одной комнате, а в другой жила семья хозяина. Когда мы туда приехали, нас сразу заставили работать: уборка ведь еще не закончилась. Всем серпы выдали, и мы в поле жали пшеницу, вязали снопы, пока снег не выпал. Затем молотили, а по ночам на сортировках работали. Сортировали вручную, а если надо было, то нас 70 км на эlevator в Кустанай на быках отправляли. В январе 1942 г. отца в трудармию забрали, в декабре 1943-го – меня с мачехой. Осталась там одна только ее дочь с дочкой, ей было месяцев 11. Нас увезли в Караганду, п. Новый, в открытые шахты, а в конце марта – на Дальний Восток. 15 апреля мы перешли

Амур. В августе снова по этапу – по непроходимой местности через лес. Перед этим у нас забрали все. Сказали: «Положим в камеру хранения, когда дойдете, привезем». А выдали кирки, лопаты, топоры, пилы, лом – все на себе несли. Мы спрашивали: «Товарищ начальник, скоро будет наша колонна?», – а он: «Скоро, скоро». А когда мы на месте остановились, дерево обтесанное стоит, колышек, и на нем написано «1-я колонна». Ничего не было. И вот мы три месяца под открытым небом. Есть нечего, врач нас крапивой поддерживал. Только иногда на вьюках сухой паек привезут, дадут. Мы тогда шалаши из хвой делали. А в конце сентября палатки уже сбросили. Установили их, из жердей сделали нары. Старались побольше ветвей собрать, постелей же не было: мы, как свиньи, в солому зароемся и лежим. А потом печки сбросили. Мы их топили днем и ночью. И работали день и ночь. Мы молодые были, по 15–16 лет. Норма на одного рабочего была 20 кв. м. Я должна была с этих 20 кв. м. снять растительный слой, выкорчевать дерево, если оно попало, распилить его, сложить, сделать дорогу и откос.

Несколько раз было так, что нас не кормили по 3–4 дня, правда, сделали пекарню. Начальник был, как сейчас помню, Решетков Василий Васильевич, пожилой уже, как он над нами издевался! Мы ему говорим: «Василь Васильевич, но люди ведь уже не могут, как мы будем работать?» – А он: «Саботажники, фашисты...»

Мы стихотворение такое рассказывали:

Ah, wie dunkel sind die Mauer
Und die Ketten sind so schwer
Ah, wie lange wird's noch Trauer
Gibt's bei uns keine Retten mehr.

К концу войны от 300 человек осталось нас 120. Понадобилась дорога для войны с японцами, и нас спасали черемшой, стали лучше кормить, относиться лучше, и мы запели:

Здесь живем мы в тайге золотистой,
Строим путь для страны молодой.
Как закончим мы эту работу,
Мы приедем, родные, домой.

А после окончания войны нам объявили, что мы теперь не трудармейцы, а спецпереселенцы.

Из воспоминаний Эллы Петровны Ягодки (Бауэр), г. Барнаул, Алтайский край.

ных уголках, школах, интернатах, в домах местных жителей. Часть их вообще оставалась без крова в течение целого месяца. Как выяснилось, ни в одном из районов округа до их приезда не было начато запланированное еще зимой строительство «простейших» жилищ (землянок). Но самое главное, что Рыболов-потребсоюз не выполнил поручения и «не приблизил торговую сеть к местам расселения спецпереселенцев», не завез необходимого продовольствия и промтоваров, перебои в снабжении которыми начались с первых дней их пребывания на нарымской земле. На конец августа, в преддверии окончания навигации, оказалось завезено 20 % годовой потребности муки, на 17 сентября – всего 27 %¹⁷.

Печальным было и то, что округ, как выяснилось, вовсе не нуждался в таком количестве рабочей силы, и значительная часть прибывших не могла найти применения своим рабочим рукам на предприятиях госрыбтреста. Оказалось также, что власть в очередной раз ограбила людей, ибо в ряде районов, где не оказалось такого сердобольного уполномоченного, как в Черепанове, немцы сдали полученный на трудодни хлеб, скот и посев картофеля заготовительным организациям, не получив за это не только никакого вознаграждения, но и квитанции и справок о сдаче, которые были обещаны им на месте вселения. На это жаловались, к примеру, прибывшие в Молчановский район из Коченевского района переселенцы¹⁸.

Результаты проверки оказались столь плачевными, что для преодоления возникших сложностей потребовалось вмешательство Москвы. 23 августа 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С. Круглое, изложив обстоятельства дела в письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) Андреева, попросил его дать указания секретарю Новосибирского ОК о принятии срочных мер, обеспечивающих быстрее бытовое устройство и трудовое использование спецпереселенцев¹⁹. В течение следующего месяца августовская партия немцев была наконец размещена, глав-

единицы в der Länge eines vollen Arbeitstages) bekamen, den örtlichen Weiterverarbeitungsbetrieben und Schlachtereien zu überlassen. Die dafür versprochenen Bescheinigungen, die eine Entschädigung am neuen Wohnort ermöglichen sollten, bekamen viele nicht. Darüber haben sich beispielsweise die aus dem Kotschenewskij in den Moltschanowskij Kreis ausgesiedelten Menschen beklagt²⁴, die nicht das Glück hatten von einem so großherzigen Beauftragten betreut zu werden, wie es zum Beispiel in Tscherepanowo der Fall war.²⁵

Diese Umstände waren so beklagenswert, dass am 23. August 1942 schließlich die Moskauer Verwaltungsbehörden einschreiten mussten. In einem Schreiben an den Sekretär des Zentralkomitees der WKP(B) Andreew berichtete der stellvertretende Volkskommissar des Inneren der UdSSR S. Kruglow über die bedauernswerte Lage im Narymskij Bezirk und bat, dem Sekretär des Nowosibirsker Bezirkskomitees die Anweisung zu erteilen, Sofortmaßnahmen zur vertretbaren Unterbringung und Arbeitseingliederung der Zwangsdeportierten einzuleiten²⁶. Im Laufe des nächsten Monats wurden alle im August umgesiedelten Familien mit Unterkünften versorgt. Manche wurden bei den Einheimischen einquartiert, andere zogen in Arbeiterwohnheime der Fischfabriken, in leer stehende Häuser in Kolchosen und in Wohnbaracken der Forst- und Holzwirtschaftsbetriebe. Nur ein kleiner Teil der Menschen blieb „vorübergehend“ in den Gemeinschaftsräumen der Kulturhäuser und in „Krasnye Ugolki (sing.)“, wo einige von ihnen ihren ersten Winter im Narymskij Bezirk verbracht hatten.

Erst nachdem das Zentralkomitee durchgegriffen hat, begannen der Bau der neuen Häuser und das Graben der „Semljanki“. Alle Arbeiten erledigten die Deportierten selbst. Zur Mitte September wurden 945 durch den Fischereibetriebsverband vorgefertigte Holzmauern zu 2/3 bereits bei dem Bau von etwa 100 kleinen Häusern verarbeitet und zu 1/3 für den Bau neuer Siedlungen ausgeliefert. Um bei dem Bevölkerungszuwachs ausreichende medizinische Versorgung zu gewährleisten, wurden 4 neue Sanitätsstellen eingerichtet, jeweils eine davon im Aleksandrowskij und im Werchne-Ketskij und 2 im Kargasokskij Kreis²⁷.

Эрна Вирт

« В ноябре 1942 года девушки и женщины 15–50 лет мобилизовывались в так называемую трудармию. Мы прошли комиссию в военкомате, и нас погрузили в поезд. На каждой станции подсаживались новые люди. Ехали в товарняках, в страшной тесноте, буквально друг на друге. Наконец прибыли в Уфу. Тут нас распределили – без всяких списков, просто распихали по вагонам с надписями мелом «Стерлитамак», «Ишимбай», «бугуруслан» и другие. На нашем вагоне была надпись «Соцгородок».

Высадили на маленькой станции Уруссу, в сильный мороз, прямо на снег. Там и дожидались утра, когда из Соцгородка прислали сани. На них мы погрузили свои чемоданчики и узлы, а сами следом пошли пешком. Было нас, первых, 360 человек. Пока дошли, многие обморозились. А тут еще проблема – негде было размещаться. Городка как такового не было. Стояло несколько бараков. (ныне это район бани № 1), где жили бакинские нефтяники с семьями.

Спешно стали освобождать помещение бывшего треста: еще папки вытаскивали, а девушки уже вселялись. Кое-кого устроили в столярную мастерскую и даже в мечеть поселка Муллино. Рыли большие землянки.

Воспоминания Эрны Цветковой-Вирт, депортирована в 1941 году из Энгельса в Красноярский край.

180 человек стали нефтяниками, трудились в бурении, на первом промысле, в тракторной конторе, на глинокарьерере и так далее. Это было жутко голодное время. Сначала нефтяники получали по 700 г хлеба. Люди быстро слабели. Потом пайку повысили до 1 кг в день, позже – до 1200 г. Работали по 10–12 часов, без выходных, отпусков. Мы быстро обносились, многие начали ходить в лаптях. Тогда нам выдали спецодежду (до этого работали голыми руками). Весной копали мертвую картошку, ели липовые почки, пили березовый сок. Выжили мы благодаря местному населению...

Помню, как 8 августа пробурили сотую скважину. Взмыл мощнейший фонтан. К нам прилетел министр нефтяной промышленности Кузыккин. В старой столовой устроили вечер. Бурмастеру Трипольскому в награду дали американскую шубу и 80 тысяч деньгами. Деньги он сдал в фонд обороны. Премиями и отрезами ситца награждены были все, кто работал на «сотой». В их числе и наши трудармейцы. К сожалению, назвать всех не могу. Твердо помню одно: все работали самоотверженно верили, что война скоро кончится и делали во имя победы все, порой невозможное.

ным образом по домам местных жителей, часть в общежитиях рыбозаводов, в свободных жилых помещениях колхозов, бараках леспромхозов. Лишь небольшая часть переселенцев оставалась «временно» в общих зданиях (клубах, красных уголках), которые стали для многих местом постоянного проживания на всю первую нарымскую зиму.

Только после вмешательства ЦК началось и строительство домов, и рытье землянок, осуществляемое силами самих переселенцев. К середине сентября из 945 срубов, заготовленных рыбтрестом, третья часть была развезена к местам строительства поселков, а около сотни домиков построены и заселены. Для медицинского обслуживания спецпереселенцев в это же время были организованы четыре дополнительных медпункта: по одному в Александровском и Верхне-Кетском и два в Каргасокском районах²⁰.

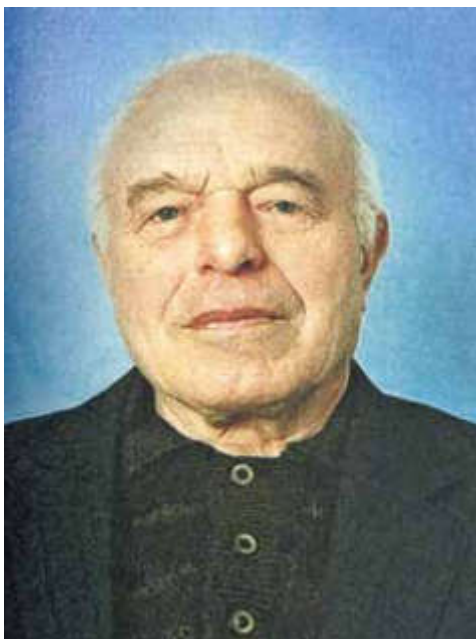
Но это было, пожалуй, все, что удалось сделать до зимы усилиями местных организаций. Требовалась настоятельная помощь областных властей, которые, осуществив переселение, казалось, совершенно забыли о подопечных. В письме от 17 сентября на имя первого секретаря ОК ВКП(б) секретарь Нарымского окружкома Михайлов просил срочно, до ледостава, отправить в округ оконное стекло (его требовалось 13 400 кв. м) и хотя бы 50 тонн гвоздей, ибо строить жилье без них нельзя, тем более что и все выстроенные дома сооружены почти без гвоздей и заселены с незастекленными окнами.

Необходимо было обязать правление госпароходства срочно послать 10 барж для перевозки к местам расселения готовых срубов и в целях экономии времени и рабочей силы на ручную распиловку леса выделить наряд на пиломатериалы (5000 куб. м) с местных заводов. В преддверии зимы требовалось также выделить хотя бы небольшой запас рабочей обуви (ботинок, пимов) или кожаных головок для бахил и брезента для голенищ, чтобы изготовить обувь на месте. Секретарь

Dies waren jedoch die einzelnen Schritte, die die örtlichen Behörden vor dem Wintereinbruch mit vereinten Kräften bewerkstelligt hatten. Die Notwendigkeit einer tatkräftigen Unterstützung seitens der Gebietsbehörden zeichnete sich immer mehr ab. Doch diese schienen ihre Nachbarn aus dem Narymskij Bezirk nach den Umsiedlungen gänzlich vergessen zu haben. In einem Brief vom 17. September bat der Sekretär des Narymskij Bezirkskomitees Michajlow den 1. Sekretär des Bezirkskomitees der WKP(B), auf schnellstem Wege, bevor die Flüsse zufrieren würden, 13.400 m² Fensterglas und mindestens 50 Tonnen Nägel in die Region zu liefern, da viele Häuser – fast ohne Nägel gebaut – zum größten Teil zusammengesteckt werden mussten und bezogen wurden, obwohl noch keine Fensterscheiben eingebaut waren.

Die Schifffahrtsbehörde sollte zur Bereitstellung von 10 Lastkähnen für die Verfrachtung der vorgefertigten Holzmauern zu den Bauorten verpflichtet werden – schlug Michajlow vor. Den regionalen Sägewerken war ein Herstellungsauftrag für 5.000 m³ Sägeholz zu erteilen, damit so Zeit und Arbeitskraft gespart würden. Für den bevorstehenden Winter sollte wenigstens ein kleiner Vorrat an Arbeitsschuhen organisiert werden. Es wurden dringend Winterschuhe und Filzstiefel, oder Leder für Schuhkappen und Planenstoff für Stiefelschäfte zur Fertigung vor Ort gebraucht. So bat Michajlow um eine Lieferung von 3.000 Paar Arbeitsschuhen, 2.000 Paar Männerfilzstiefel, 5.000 Ledersätzen für Schuhkappen und 10.000 m Planenstoff. In seinem Brief klagte Michajlow auch über „nicht ausreichende Gemüsevorräte. Der Gemüseanbau der Region war auf einen so großen Bevölkerungszuwachs nicht ausgerichtet und bringt nun nicht genügend Ernte ein, um den Bedarf der Einwohner an Gemüse zu decken.“ So begründete Michajlow seine Bitte um eine Lieferung von 1.000 Tonnen Kartoffeln, 100 Tonnen Kohl und 5 Tonnen Zwiebeln und Knoblauch. Die Versorgung der Region mit Mehl sollte um 200 Tonnen pro Monat gesteigert werden, um auch den Teil der deportierten Bevölkerung mit Brot versorgen zu können, der nicht bei dem Fischfang eingesetzt wurde. Und dieser Teil war alles andere als gering. Dies war nicht nur mit dem Alter der betroffenen Personen, mit Krankheiten oder mit zu vielen Kindern in

Семья Сак

Мои родители – отец и мать, бабушка, братья, сестры и я, Сак Эммануил Яковлевич, родились на Волге и жили постоянно в Саратовской области, Бальцерском районе, в селе Хук. Напротив нашего дома, через площадь, стояли немецкая церковь и школа. Наш дом был пятистенным, крыша покрыта железом. Под домом, в подвале, выложенным из камней, были перегородки для овощей, а на потолке – подвесные крючки и палки, на которых круглый год висели копченые колбасы и окорока. В этом доме жили две семьи: мой отец Яков с матерью Анной-Маргаритой и нами, детьми, и семья его родного брата Георгия с женой (родной сестрой моей матери и детьми. Две семьи вместе вели большое хозяйство: пахали свою землю, сеяли рожь, пшеницу, овес, заготавливали сено для скота. У нас в хозяйстве были лошади, быки, овцы, коровы, свиньи, куры. Кроме дома, были постройки: амбар, конюшня, навес для сельскохозяйственного инвентаря. Там хранились косилки, плуги, телеги, сани и многое другое. Была также летняя кухня, где летом пекли хлеб и готовили пищу. В дом же ходили летом только ночевать...

В конце августа 1941-го в село пришло горе. Под присмотром солдат и офицеров людей сажали в грузовики, телеги, тракторные прицепы. Много вещей брать не разрешалось. Отовсюду раздавались плач и крики. Те, кто не хотел ехать, с помощью солдат выталкивали из домов. Всех увозили на пристань г. Бальцер и грузили на баржи. Буксиром эти баржи отправляли вверх по Волге в город Саратов. В Саратове, снова под конвоем, пересадка в товарные вагоны. Мы были отправлены в Казахстан, в г. Кокчетав. Поезд останавливался прямо в поле. Высадили и стали распределять по колхозам. Так вместе с дядей Егором Крейком (мужем двоюродной сестры) я попал в колхоз «Заря» Арык-Балыкского района. Расселили нас по баракам. В этом колхозе уже жили поляки, которые были выселены в 1936 году. В бараке мы жили с польской семьей. Работали в колхозе: на комбайнах молотили пшеницу со скирд, делали зимние сани, ремонтировали конюшни, ферму. Зимой мы на санях возили пшеницу на элеватор на станцию Кокчетав. Немцы все могли делать. Председатель колхоза «Заря» был очень доволен нашей работой. Он очень жалел нас, помогал нам, чем мог, чтобы мы не голодали...

Из воспоминаний Эмманила Сака. В 1942 году Эммануил Яковлевич был трудмобилизован и попал в Челябинский металлургстрой. После 1956 года переехал с семьей в Краснокамск. Сегодня у Эмманила Яковлевича пять внуков, восемь внуков и 1 правнук.

просил 3 тыс. пар рабочих ботинок, 2 тыс. пар мужских пимов, 5 тыс. пар головок и 10 тыс. м брезента. В письме содержалась также настоятельная просьба – «ввиду позднего прибывания в округ большей части спецпереселенцев и необеспеченности их овощами в районах расселения из-за неразвитости овощеводства» дать наряд на 1000 тонн картофеля, 100 тонн капусты и 5 тонн лука и чеснока. Необходимо было увеличить лимиты муки как минимум на 200 тонн ежемесячно для снабжения хлебом тех спецпереселенцев, которые не использовались на рыбодобыче. Таких, кто не использовался на рыбодобыче, было немало, и не только по причине возраста, состоянию здоровья и многосемейности (женщины, имевшие 3–4 нетрудоспособных детей), но и в силу «отсутствия сетематериалов», т. е. орудий лова²¹.

В результате прибывшие на заготовку рыбы, в которой так нуждалась страна, работники были устроены в колхозах и артелях «со слабо развитым сельским хозяйством», где главным занятием были лесохимия, кустарные промыслы (пошив тех же бахил, изготовление лыж, ружейной болванки и пр.). Для местных колхозников-трудпоселенцев немцы превратились в тяжелый довесок, ибо с ними пришлось делиться хлебом, которым они снабжались по линии потребкооперации и без того по минимальным нормам – 300–550 граммов на едока. Скученность и перенаселенность небогатых жилищ создавали благоприятную среду для инфекционных заболеваний.

Между тем округ и без спецпереселенцев испытывал в 1942 г. серьезные экономические трудности. Большинство его районов в 1941 г. пострадало от сильного наводнения. Посевная в колхозах в связи с этим началась поздно, хлеб не успел вызреть, а ранние осенние заморозки довершили дело. Во всех колхозах вследствие неурожая не были полностью засыпаны семенные фонды, стал остро ощущаться и недостаток продуктового хлеба. Столь же плачевная картина наблюдалась и в животноводстве. Зимой

den Familien (teilweise 3-4 Kleinkinder in einer Familie) zu begründen. Zusätzliche Arbeiter konnten die Fischereibetriebe auf Grund fehlender Netze und anderer Fischereiausrüstung nicht beschäftigen²⁸.

So wurden die – vom Staat so dringend in den Fischereien benötigten – deportierten Arbeiter statt beim Fischfang zu einem großen Teil bei den Arbeiten in Kolchosen mit schwacher Landwirtschaft eingesetzt. Ob chemische Holzverarbeitung oder kleine Handwerkstätigkeiten wie Vernähen von Schafstiefeln, Fertigen von Skiern und von Kolben für Gewehre – hier gab es genug Arbeit für sie. Doch für die einheimischen Einwohner in den Arbeitersiedlungen wurden die Deutschen zu einem zusätzlichen Ballast. Alleine schon deswegen, weil man ohnehin so knappes Brot mit ihnen teilen musste. Die von der Konsumgenossenschaft ausgeteilten 300–350 g pro Tag reichten schon kaum aus. Erschwerend dazu begünstigten überfüllte Wohnhäuser und ärmliche Lebensumstände die Verbreitung von Infektionskrankheiten.

Dabei litt die Region 1942 ohnehin an großen wirtschaftlichen Schwierigkeiten, die nicht auf die fremden Ankömmlinge zurückzuführen waren. 1941 wurden viele Teile der Region überschwemmt, und die Aussaat in den Kolchosen begann deswegen viel später als sonst, das Getreide wurde nicht reif und ein früher Herbstfrost vollendete das Übel. Eine Missernte war die Folge, die Getreidespeicher wurden nicht voll, und dies bekamen die Menschen sehr schnell zu spüren, als das Brot nicht mehr ausreichte. Genauso beklagenswert sah es mit der Viehhaltung aus. Im Winter brach eine Viehseuche aus, und die Bauern mussten ihr Vieh schnellstmöglich an Schlachtereien veräußern, um eine Ausbreitung der Seuche und noch mehr Verluste zu vermeiden.

Wirtschaftliche Schwierigkeiten lösten bei der Bevölkerung eine „bedrückte Stimmung“ aus. Immer häufiger ließen sich ein „Massenfehlen an den Arbeitsstätten und nicht erfüllte Arbeitsnormen beobachten“. Die Waldrodung für neues Ackerland wurde unterbrochen, die Herbstfurche vernachlässigt.

Es wurden viele administrative Maßnahmen versucht, um diese Zustände zu verbessern, doch ein wichtiger Punkt fehlte dabei in den sämt-

« Моя мама родилась в 1913 году в Марксе. Отец ее служил на должности инструктора потребительской кооперации Немреспублики, мать была домохозяйкой. Еще в семье была младшая сестра Элла Генриховна. До 1931 года мама жила с родителями, окончила немецкую школу в Марксе (у них был свой дом). В 1931 году поступила в Институт Потребкооперации Саратова. Институт переводили сначала в Воронеж, затем в Харьков, где в 1936 году она его и закончила. В том же году она вышла замуж за Митрофана Еремина, но оставила свою девичью фамилию – Альтергот.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Отец ушел на фронт в июле, а в октябре 1941 года родилась я. Мама рожала меня под бомбежкой и убегала от немцев с грудным ребенком на руках пешком вместе с родственниками отца. «Это был такой ужас, – рассказывала мне мама. Когда бомбили, я ложилась на тебя и думала, что если убьют, то уже вместе с тобой». А в это время и маму ее, и сестру как немцев выселили из их собственного дома и депортировали в Сибирь, даже не дали собрать вещи. Дедушка мой умер к тому времени от воспаления легких. Вскоре моя бабушка и тетя Элла оказались в трудармии в Красноярском крае. Тетя после рассказывала, что это была ужасная жизнь, как они выжили, не знаю. Мама не могла работать, она серьезно болела. Тетя работала на торфоразработках и подорвала свое здоровье. Жили в тяжелейших условиях.

Маме моей с маленьким ребенком на руках тоже пришлось нелегко. Но, ей везло на хороших людей, как она говорила. С 1942-го по 1946 год она работала в Марксовском отделении Сороблторга. В 1943 году она получила документы, в которых говорилось, что мой отец пропал без вести. Она очень тяжело перенесла это известие. Много писала, искала его, но ничего не получала в ответ. Она думала, что он погиб. Во время войны ей запретили писать и общаться с мамой и сестрой. Она долгое время о них ничего не знала.

В 1946 году вернулся с фронта мой отец. Он тоже очень много пережил. Ему запретили жить в областных центрах и направили в город Ефремов Тульской области на химзавод. Уже из Ефремова они стали писать письма в Красноярский край.

Мы их нашли, мама стала ездить к ним. Один раз поехала и я, и бабушка меня впервые увидела. В последние годы жизни бабушка очень болела. Мой папа предлагал им переехать к нам в Ефремов и жить вместе, но они сказали, что они там привыкли (там было много немцев-поселенцев). Потом, уже после смерти бабушки, тетя Элла к нам часто приезжала. Моя мама умерла год назад в возрасте 97 лет.

Елена Альтергот

Мама Эрна и тетя Элла

начался падёж скота, для предупреждения которого большинство колхозов сдало его на мясопоставки.

Экономические трудности вызвали в свою очередь «упаднические настроения» у населения, стали наблюдаться «массовые случаи невыхода на работу и невыполнения норм выработки», прекратилась раскорчевка леса под пашни и вспашка зяби.

Принимались административные меры, однако все постановления партийных органов не имели одного главного пункта – заботы о людях. В них ничего не говорилось о том, как обеспечить рыбаков всем необходимым – жильем, одеждой, обувью, продуктами питания, как продуктивнее организовать их труд. Ставка, как всегда, делалась на выполнение плана лю-

бой ценой, даже если эту цену приходилось платить человеческими жизнями. В условиях войны все издержки такой политики можно было списать на чрезвычайные обстоятельства. Проведение экстраординарных мер непосредственно затронуло спецпереселенцев уже в ноябре 1942 г. На нем-

цев, латышей, эстонцев, молдаван, на выходцев из Западной Белоруссии и Западной Украины, переселенных в районы Нарымского округа в 1941–1942 гг., распространили режим, существовавший для трудпоселенцев-кулаков. Решение об этом было принято на бюро обкома ВКП(б) 18 ноября – «О закреплении спецпереселенцев в районах Нарымского округа на постоянное местожительство». Поскольку, говорилось в нем, спецпереселенцы никакими правилами режима при передвижении не ограничены, они, пользуясь безрежимностью,

lichen Beschlüssen und Anordnungen – die Fürsorge für die Menschen. Mit keinem einzigen Wort wurden darin eventuelle Pläne zur Versorgung der Fischer mit Unterkünften, Kleidung, Schuhen und Lebensmitteln erwähnt. Keine Vorschläge zur Optimierung der Arbeitsabläufe waren darin enthalten. Im Mittelpunkt stand wie immer die Erfüllung des Plans um jeden Preis. Auch wenn dieser Preis Menschenleben waren. Im Krieg konnten die Unzuträglichkeiten einer solchen Politik nur zu leicht mit außerordentlichen Umständen gerechtfertigt werden. In aller ersten Linie waren von den Schattenseiten der politischen „Sondermaßnahmen“ die Zwangsumsiedler von 1941–1942 betroffen, darunter Deutsche, Esten, Moldauer, sowie die aus dem Westen Weißrusslands und aus der Westukraine in den Narymskij Bezirk deportierten Völker. All diese Menschen sollten per Beschluss des Gebietskomitees der WKP(B) vom 18. November 1942 „Über den dauerhaften Verbleib der Umgesiedelten mit ihrem festen Wohnsitz im Narymskij Bezirk“ unter das ursprünglich für die Kulaken errichtete Regime fallen. Diese Entscheidung begründete der WKP(B) wie folgt: da die Umgesiedelten bis jetzt an keinen Ort durch einen festen Wohnsitz gebunden waren, zogen sie oft um und bauten sich so keine eigene Existenz auf, sie besaßen weder Häuser noch Höfe, noch landwirtschaftliche Kleinbetriebe. Dieses Verhalten – so der WKP(B) – diente einem einzigen Ziel, keiner dauerhaften Tätigkeit innerhalb einer Bedarfsgemeinschaft nachgehen zu müssen, was nun durch den Beschluss geändert werden sollte.

Ein großer Teil dieser Menschen lebe von „Spekulationen“ und sei eine „große Bürde für die einheimische Bevölkerung des Narymskij Bezirks“. Daher sollten sie nun mehr keine Bewegungsfreiheit innerhalb des Bezirks mehr haben. Streng verboten waren vor allem Umzüge in die Kreise des Gebiets, die nur über knappe Lebensmittelvorräte verfügten. Diese Entscheidung setzte ein deutliches Zeichen für die strikten Regelungen des Regimes, das nun alle Betroffenen endgültig als ein „Sonderkontingent“ abstempelte²⁹.

Überraschenderweise stellten die örtlichen Behörden die größte Hürde bei der Umsetzung des Beschlusses dar. Ohne Rücksicht auf die Inte-

Решение о закреплении спецпереселенцев в районах Нарымского округа положило начало режиму спецпоселений для всех депортированных немцев.

Нина Альтмаер

« Как только раздался набат над рекой,
в скитаниях вечных рождалась та боль
тиранов, диктат неизбежных тревог,
дороги, вагоны, всё дальше – восток...

Покинуть селенья поволжской земли,
где кирхи старинные Волги-реки,
насильно забросить домов очаги,
где души летают, но звуки тихи...

Так предкам назначен судьбы страшный ход:
отобран у деда весь нажитый кров,
там истины нет, там тиран пролил кровь,
народ заклеимил, сочинил приговор.

Не высохли слёзы на наших глазах,
но жизнь всех мёртвых всё дальше в веках
живые продолжают – ведь память с тех пор
эпоха уносит в поволжский простор:
Wolgadeutsch...

Wolgadeutsch...

Wolgadeutsch...

Дедушки и бабушки Нины были выселены в 1941 году из Республики немцев Поволжья в Акмолинскую область, только те, что по материнской линии из села Зельман, а по отцовской – из села Гуссарен Каменского кантона. Сама Нина родилась уже в Казахстане, сегодня живет в Москве. Увлекается составлением генеалогического древа своего рода. «Чем больше я узнаю о своих предках, тем больше их пример жизненной позиции и невероятной силы воли служит мне поддерживающим фундаментом в разных жизненных ситуациях», – признается Нина Михайловна Горпинченко (урожд. Альтмаер).

в местах вселения не закрепляются, никаким хозяйством не обзаводятся, жилья не строят, а многие не хотят заниматься «общественно полезным трудом».

Часть их живет за счет «спекуляции» и является «тяжким бременем для основного населения Нарыма». Отныне свободное передвижение спецпереселенцев по округу запрещалось, в особенности переезд их в районы с ограниченным запасом продовольствия. Это решение положило начало распространению на выселенных из Поволжья немцев режима спецпоселений²².

Однако закреплению спецпереселенцев в местах нового жительства мешали прежде всего действия местных властей, которые, не считаясь с интересами контингента, в течение всего военного времени перебрасывали их из одного района в другой, из одной райкомендатуры в другую, из одного поселка в другой, исходя из «производственных соображений рыбтреста». Именно непрерывные переброски и неотведение усадебной земли под постройки отбивали у поселенцев всякую инициативу к самостоятельному строительству. К тому же выстроенные самостоятельно дома нередко отбирались руководством заводов под служебные и другие надобности.

Именно жилищная проблема оставалась главной для немцев-спецпереселенцев в течение всей первой северной зимы. К 10 декабря 1942 г. из 1381 запланированного к строительству домика было сооружено всего 218 и начато строительство еще 182. Кроме того, силами самих переселенцев удалось соорудить 167 землянок, утеплить и отремонтировать значительную часть общественных зданий, занятых под жилье. Но все новостройки и ремонты считались «неполноценными», ибо сооружались, как правило, без стекла, гвоздей, дверных петель и других металлических изделий, которых катастрофически не хватало, а применявшиеся заменители не отвечали необходимым требованиям. В зимние месяцы

рессен der Deportierten siedelte man sie innerhalb des Bezirks je nach „betrieblichen Anforderungen“ des Fischereibetriebsverbandes mehrmals um: aus einem Kreis in einen anderen, aus einem Selsowjet in einen anderen, aus einer Kolchose in eine andere. Genau diese ständigen Umsiedlungen und fehlenden Möglichkeiten eigenes Land zu bekommen, trieben den Menschen jede Initiative aus, sich Häuser zu bauen. Dagegen sprach auch das Risiko, jederzeit durch die Verwaltungen von Fabriken oder Werken gezwungen zu werden, ihnen das erbaute Eigenheim für betriebliche Zwecke zu überlassen.

In ihrem ersten Winter im Narymskij Bezirk gehörte das Wohnproblem zu den größten Sorgen der Deutschen. Von den geplanten 1.381 Häusern wurden zum 10. Dezember 1942 lediglich 218 fertiggestellt und der Bau von weiteren 182 begonnen. Fertig waren auch 167 „Semljanki“, die die Menschen aus eigener Kraft errichteten. Sie isolierten und renovierten außerdem einen großen Teil der öffentlichen Gebäude, in denen sie zu der Zeit untergebracht waren. Doch alle Renovierungen und neu erbauten Unterkünfte wurden als „nicht vollwertig“ betrachtet, denn sie wurden in der Regel ohne Nägel, ohne Fensterglas, ohne Türangeln und ohne sämtliches anderes Baumaterial aus Metall, das an jeder Ecke fehlte, fertiggestellt. Und der verwendete Ersatz entsprach nicht den Anforderungen. Doch – ganz abgesehen vom fehlenden Baumaterial – gab es eine weitere Hürde bei den Bauarbeiten – die Wintermonate, denn für diese Zeit wurden alle arbeitsfähigen Männer zum Eisfischen in den entlegenen Regionen Sibiriens geschickt.

So nahm die Bevölkerungsdichte in allen Regionen, in die die Deutschen deportiert wurden, enorme Ausmaße an. Häuser und Gebäude waren hoffnungslos überfüllt. In den Räumen von einer Fläche von 15 x 18 m² wurden bis zu 17 Menschen untergebracht. Hier waren Dreck, Gestank, Flöhe, und Krankheitserreger treue Begleiter der Bewohner. Bereits in jenem ersten Winter gab es Massenerkrankungen an Flecktyphus (Aleksandrowskij Kreis), Masern, Dysenterie und anderen Infektionskrankheiten (Parabelskij Kreis). Zur Bekämpfung vom Fleckty-

Семья Вагнер

« В селе Бочкарево Черепановского района Новосибирской области, по улице Садовой, на большом участке стоит маленький дом, в котором некогда жила большая дружная семья российских немцев, переселенцев из Поволжья, Ивана и Амалии Вагнер. Поселились семья в этом доме в военное лихолетье. До войны Иван и Амалия с шестью детьми жили в Саратовской области в селе Крабенхайм. Был у них свой дом, огород и живность. Супруги добросовестно трудились в колхозе и детей приучали к труду. Жила семья в мире, согласии и достатке. Но война в одночасье все перечеркнула. Как и сотням российских немцев им пришлось покинуть малую Родину – Рассею, как ласково они называли ее в своих воспоминаниях, и отправиться в далекую Сибирь, которая встретила их тяжкими испытаниями, выпавшими на долю всех народов России: голод, холод, непосильный труд, мор и болезни. Однако немцам пришлось вдвойне тяжелее: непонимание, неприязнь, презрение, иногда и враждебность со стороны местного населения, репрессии. Но, обладая огромным трудолюбием, неистощимым терпением, они начали обустриваться на чужбине: рыли землянки, нанимались к местным жителям на работу за кусок хлеба, перекапывали огороды в поисках оставшегося картофеля. Иван пошел работать трактористом. Амалия и старшие дети тоже стали работать в колхозе. Семья, как и весь народ, несла тяжкое бремя военных лишений. Немцы с трудом, но обвыкались, устраивались на новом месте. Вот и Иван с Амалией смогли перебраться из землянки в настоящую рубленую избу, хоть и маленькую и ветхую, но с окнами, печью, большим участком. Да вот беда, не успел Иван привести свой дом в порядок, как по анонимному допросу его арестовали и осудили на десять лет лишения свободы. У Амалии на руках осталось восемь детей (в Сибири родилось еще два сына) и восемь долгих лет семья боролась за выживание. Днем работали в колхозе, ночью на своем подворье: лопатами вскапывали огород в 30 соток, выращивали овощи, собирали ягоды и коренья, носили вязанками хворост из леса, солому с полей. Как могли, латали свой дом. Во всем чувствовалась твердая рука Амалии. По селу о ней шла молва как о женщине суровой и волевой. Но материнский инстинкт подсказывал: ослабь она хоть на минуту волю,пусти в свое сердце жалость и она может потерять кого-то из своих детей. Амалии удалось уберечь всех. Продрогшие, промокшие, уставшие за день, собирались они в холодные зимние вечера у печки, и, тесно прижавшись друг к другу, слушали сказки бабушки Елизаветы на немецком языке. Дома они могли говорить на родном языке, стены его, хоть и ветхие, защищали не только от холода, но и помогали хранить свою самобытность. А бывало и радость заглядывала в старый домик, когда приходила весточка от Ивана, вселявшая надежду в сердца его обывателей, помогавшая жить дальше. Настоящая радость постучалась в двери дома июньской ночью 53-го – вернулся Иван! Казалось, окна домика сияли так же, как у счастливых домочадцев.

Иван и Амалия Вагнер с детьми. Сравнительно небольшой дом, но с крепкими своими устоями, традициями, взрастил огромное дерево, с большими, сильными корнями, состоящее из 8 детей, 15 внуков, 21 правнука и 8 праправнуков. Каждое лето, все кто может, собираются в родительском доме, хотя родителей давно уже нет в живых.

строительство домов прекратилось совсем, ибо все наличные трудоспособные переселенцы были брошены на лов и обработку рыбы.

В результате переуплотненность всей имеющейся в местах вселения немцев жилищной площади достигала чудовищных размеров. Как правило, в комнатах площадью 15–18 кв. м помещалось до 17 человек. В таких комнатах естественными спутниками жизни становились грязь и вонь, массовая завшивленность и другие источники инфекционных заболеваний. Уже в ту зиму наблюдались вспышки сыпного тифа (в Александровской комендатуре), кори, дизентерии и других заболеваний (Парабельская комендатура). Для борьбы с сыпняком на север зимой выезжала спецбригада окрздравотдела.

Но в еще более катастрофическом положении находились бригады рыбаков, осуществлявшие подледный лов рыбы на участках, отдаленных от населенных пунктов на десятки километров. На подавляющем большинстве таких участков для членов бригад в 12–17 человек вообще отсутствовали какие-либо помещения для отдыха и просушки одежды. Временные землянки, сооруженные самими рыбаками, не имели не только специальных сушилок для мокрой одежды, но и никаких отопительных приборов. В таких примитивных землянках, необорудованных и маломестительных, рыбаки, совершенно оторванные от внешнего мира, пребывали месяцами²³.

Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев оставались тяжелыми и в последующие годы. Строгие предписания рыбтресту о принятии «немедленных мер» по их улучшению, периодически исходившие по инициативе УНКВД из ОК ВКП(б), хронически не выполнялись.

В отношении продовольственного снабжения спецпереселенцы, устроенные на работу, приравнивались к правовому населению и должны были получать товары наравне с ним через соответствующие магазины потребительской кооперации и ОРСы

plus wurden in den Norden des Gebiets mitten im sibirischen Winter Mitarbeiter der Bezirksabteilung für Gesundheitswesen kommandiert.

Doch mit viel katastrophaleren Umständen mussten die Fischerbrigaden zu Recht kommen. Sie wurden zum Eisfischen - teilweise zig Kilometer weit weg von der nächsten Ortschaft - zu 12 bis 17 Mann gebracht. Vor Ort fehlte jede Art von Unterbringungsmöglichkeiten, sie hatten nicht mal die Möglichkeit, ihre durchnässten Sachen zu trocknen, geschweige denn sich zu erholen. Ihre notgedrungen errichteten „Semljanki“ verfügten weder über eine Trocknungsgelegenheit noch über irgendwelche Beheizungsgeräte. In diesen primitiven – und dazu engen – Unterkünften mussten die Fischer – abgeschottet von der restlichen Welt - oft Monate lang überwintern³⁰.

Die Wohn- und Lebensverhältnisse der Zwangsumsiedler blieben auch in den darauffolgenden Jahren sehr beschwerlich. Regelmäßige strenge Anweisungen des Bezirkskomitees – angestoßen durch die Verwaltung des NKWD - an den Fischereibetriebsverband, „Sofortmaßnahmen“ zur Verbesserung der Wohn- und Lebenssituation der umgesiedelten Bevölkerung“ zu ergreifen, wurden chronisch nicht beachtet.

Arbeitstätige Übersiedler wurden im Bezug auf Versorgung mit Lebensmitteln der übrigen Bevölkerung gleichgestellt und konnten die ihnen zustehende Ration genauso in den dafür vorgesehenen Läden der jeweiligen Konsumgenossenschaft und der Abteilung für Arbeiterversorgung ausgeteilt bekommen. In den Betrieben, deren Leiter vernünftig wirtschafteten, gab es eine ziemlich zufriedenstellende Versorgung mit Brot: der Arbeiter selbst bekam 800 g und jeder seiner nicht erwerbstätigen Familienmitglieder - 400 g. Fischer bekamen Mehl, Zucker, Pflanzenöl und andere Lebensmittel ausgeteilt. Nicht ganz so gut sah es bei der Versorgung mit Salz und Industriewaren aus. Salz wurde mit großen Unregelmäßigkeiten geliefert, und Industriewaren bekamen die Deutschen überhaupt nicht. Zu dieser Zeit hatten die meisten von ihnen ihre Kleider gänzlich aufgetragen, und da sie keine andere Bekleidung, Unterwäsche oder Schuhe besaßen, konnten sie nur in geschlossenen Räumen arbeiten.

предприятий. На тех предприятиях, где действовало рачительное начальство, было налажено довольно сносное снабжение хлебом (до 800 граммов на работающего и 400 граммов на иждивенца). Рыбакам выдавались мука, сахар, растительное масло, другие продукты. Хуже обстояло дело со снабжением солью, промышленными товарами. Соль поступала с большими перебоями, а промышленных товаров немцы не получали вообще. К тому времени большинство переселенцев совершенно обносились, не имели ни одежды, ни обуви, нательного белья и не могли работать вне помещения.

Невозможность для трудоспособных выходить на работу вне помещения лишала семьи последней надежды на кусок хлеба и обрекала их немощных членов на нищенство и голодную смерть. Положение усугублялось постоянными задержками заработной платы, к которым прибегали рыбозаводы, задерживая денежные выплаты рыбакам на 2–3 месяца, а в глубинных пунктах и более. В условиях полного отсутствия денежной массы широкое распространение получили заменители денег – металлические пуговицы. Особенно тяжелым был 1943 г., когда в ряде мест невыплаты зарплаты достигли 5 и даже 8 месяцев. Смерть от голода стариков, больных, нетрудоспособных женщин и детей стала в конце 1943 – начале 1944 г. нормой жизни.

Условия, в которых жили и трудились спецпереселенцы, не способствовали росту производительности труда, которая, по подсчетам Главрыбпрома, составила в 1943 г. только 59,8 %. Невыполнение норм выработки, в свою очередь, вело к снижению заработной платы и норм обеспечения хлебом. У большинства она составляла всего от 50 до 140 руб. в месяц, а хлебный паек сократился до 200–400 граммов на работающего и 200 граммов (в лучшем случае) на иждивенца²⁴.

В апреле 1943 г. Управление НКВД по Новосибирской области, реагируя на очередной запрос начальника ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР Жилова о том, изменились ли жилищно-бытовые

Die Tatsache, dass arbeitsfähige Familienmitglieder auf Grund fehlender Kleidung nicht zur Arbeit gehen konnten raubte den Familien jede Hoffnung auf ein Stück Brot und verurteilte ihre erschöpften Mitglieder zur Armut und zum Hungertod. Erschwert wurde diese Situation auch durch ständige Verspätungen bei den Lohnauszahlungen. Fischverarbeitungsfabriken hielten teilweise 2-3 Monate lang die Löhne der Fischer zurück. In etwas entlegeneren Orten – auch länger. Da das Geld an jeder Ecke fehlte, wurde bald ein Ersatz dafür gefunden: Kleidungsknöpfe aus Metall. Besonders hart war das Jahr 1943, als Lohnverspätungen mancherorts 5-8 Monate andauerten. An Hungersnot sterbende Alte, Kranke, nicht erwerbsfähige Frauen und Kinder gehörten in den Jahren 1943 – 1944 zum Alltag.

Die Wohn- und Arbeitsbedingungen der Deutschen trugen eindeutig nicht zur Leistungssteigerung bei. Im Jahre 1943 lag die Arbeitsleistung bei lediglich 59,8% - rechnete die Hauptverwaltung der Fischindustrie aus. Dadurch wurden die festgesetzten Normen nicht erfüllt, dies wiederum führte zu Lohnkürzungen und zu erheblichen Kürzungen bei der Versorgung mit Brot. Während die Löhne bei den meisten nur noch 50 – 140 Rubel pro Monat betragen, wurde auch die Brotration auf 200-400 g für Erwerbstätige und auf – bestenfalls – 200 g für ihre nicht erwerbstätigen Angehörigen³¹.

Im April 1943 erkundigte sich veningest Leiter der Abteilung „für Arbeiter- und Sondersiedlungen“ der Verwaltung der GULAG³² des NKWD Schilow erneut, ob sich an den Wohn- und Lebensverhältnissen sowie an der Lebensmittelversorgung der in der Fischindustrie tätigen deutschen Arbeiter etwas geändert habe. Aus der Verwaltung des NKWD des Nowosibirsker Gebiets berichtete man daraufhin, die Umstände seien unverändert geblieben. Kurz danach wurde des Vorsitzender des Fischereibetriebsverbandes Kotelnikow durch die Verwaltung des NKWD vor möglichen Sanktionen gewarnt, die aus diesem Briefwechsel resultieren könnten. Zum Beispiel eine Zwangsversetzung aller deutschen Arbeiter in die Betriebe der Kriegsindustrie³³. Ohne diese Sanktionen abzuwarten, begannen die Fischereibetriebe mit betriebsbedingten Massentlas-

условия и продовольственное снабжение работающих в рыбной промышленности спецпереселенцев, констатировало отсутствие улучшений и предупредило управляющего рыбтрестом Котельникова о возможных санкциях – снятии их с рыбных промыслов и передаче оборонным предприятиям²⁵. Не дожидаясь этих санкций, предприятия рыбтреста, ссылаясь на резкое сокращение лимитов на продовольствие для спецпереселенцев со стороны Главзапсибпрома, начали массовое увольнение спецконтингента. В ноябре 1943 г. Молчановский рыбозавод уволил с работы и снял со снабжения 778 рабочих и их иждивенцев, Кривошеинский завод уволил 200 человек, Колпашевский – 224. Увольнения продолжались и в декабре-январе. Эти меры резко ухудшили ситуацию, ибо только незначительной, наиболее здоровой части уволенных удалось трудоустроиться в разных организациях. Подавляющее же большинство женщин, обремененных малолетними детьми и не имеющих одежды и обуви, остались без всяких средств к существованию.

Летом 1944 г. управление НКВД исполнило свою угрозу. Часть спецконтингента, вконец обнищавшего, была вывезена из районов Нарымского округа (теперь уже бывшего) и передана оборонным заводам города Новосибирска. 295 семей (765 чел.) поступили на комбинат № 179 в июне, а в ноябре вместе с зоной, где их разместили, переданы заводу № 65. Как явствует из справки, составленной на имя секретаря ОК ВКП(б) комиссией из представителей УНКВД, облсанинспекции и отдела промышленности ОК, большинство прибывших страдало тяжкими болезнями (открытой формой туберкулеза, послетифозным параличом ног, дистрофией и т.п.). Только в течение трех месяцев, с декабря по конец февраля, от болезней в непригодных для жилья бараках умерло 56 человек²⁶.

Таковы были печальные итоги повторных депортаций людей, виновных лишь в принадлежности к «не той» национальности.

сungen der Deutschen. Begründet hatte man die Aktion mit angeblichen unerwarteten, drastischen Kürzungen der Verpflegung für die deutschen Arbeiter seitens der Hauptverwaltung der Ostsibirischen Industrie. Im November 1943 fanden auf diese Weise auch in der Fischverarbeitungs-fabrik von Moltschanowo Massenentlassungen statt. So konnten weitere 778 deutsche Arbeiter und ihre Angehörigen von den Versorgungslisten gestrichen werden. In der Fischfabrik von Kriwoscheino gab es 200 Entlassungen, in der Fabrik von Kolpaschewo – 224. Weitere Entlassungen folgten auch im Dezember und im Januar. Diese Maßnahmen verschlechterten die Lage der Menschen erheblich. Nur wenige konnten danach eine neue Arbeit finden, die meisten jedoch, wie Frauen, die kleine Kinder beaufsichtigen mussten und keine Schuhe und Kleidung hatten, wurden jeglicher Existenzgrundlage beraubt.

Im Sommer 1944 machte die Verwaltung des NKWD ihre Drohungen wahr. Ein Teil der mittlerweile völlig verarmten Zwangsumsiedler wurde aus der Region des – zu der Zeit schon ehemaligen - Narymskij Bezirks nach Nowosibirsk gebracht, wo auf die Menschen ein Einsatz in den Betrieben der Kriegsindustrie wartete. 295 Familien mit insgesamt 765 Menschen kamen im Juni 1944 im Kombinat Nr.179 unter, und bereits im November wurden sie samt der Baracken, in denen sie untergebracht waren, dem Werk Nr. 65 übergeben. Die aus den Vertretern der Verwaltung des NKWD, der Gesundheitsaufsichtsbehörde des Gebiets, und der Abteilung „für Industriewesen“ des Bezirkskomitees einberufene Kommission beschrieb in einem Zwischenbericht an den Sekretär des Bezirkskomitees der WKP(B) den gesundheitlichen Zustand der Menschen als äußerst besorgniserregend: die meisten litten an solch schweren Krankheiten wie offener Tuberkulose, Beinlähmungen als Folge von Typhus, Dystrophie u.ä. Alleine in den 3 Monaten von Dezember bis Ende Februar starben in den zum Wohnen im Grunde ungeeigneten Baracken 56 Menschen³⁴.

So gestalteten sich die traurigen Schicksale der wiederholt deportierten Menschen, deren einziges Vergehen in ihrer Zugehörigkeit der „falschen“ Nationalität bestand.

Стахановка-дойрка
Е.Н. Эйдемиллер с фермы
колхоза «Роте Фане»
Пригородного района.
Март 1936 г.
Из фондов ЦГАКФФД СПб.

Семья Эйдемиллер

Бывший стахановец из колхоза «Роте Фане» (Стрельнинская колония), коммунист Петр Адамович Эйдемиллер, как и многие другие односельчане, в годы войны оказался в Германии, работал у фермера. Он решительно отказался от предложения местного немца остаться в Германии, получить землю, жилье. Война закончилась, и он рвался домой, на родину. Однако родина сурово встречала тех, кто по разным причинам оказался в Германии. Семья Эйдемиллера была направлена на спецпоселение и с 1945 по 1981 г. проживала на ст. Юрга в Кемеровской области, там же Петр Адамович и похоронен.

Фрагмент мемориального комплекса
«Жертвам войны».

На металлической пластине
выгравированы имена членов семьи
Эйдемиллер, репатриированной в 1945 г.
и отправленной на спецпоселение
на станцию Юрга Кемеровской области.
В конце 1940-х гг. немцев в городке
было так много, что начальные классы
в школе № 4 Юрги на 90 % состояли из
немецких детей. В 2000 г. на месте бывшего
немецкого кладбища по инициативе Йозефа
Церра был открыт мемориал.

А.А. Герман

РЕПАТРИАЦИЯ ГРАЖДАН СССР НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Как известно, в общепринятом понимании репатриация – это возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства. В СССР в годы правления И. Сталина искажениям подвергалось многое, даже семантика. По меткому замечанию П. Поляна, в послевоенное время понятия «репатриация» и «репатриант» сами по себе утратили свой нейтральный смысл и окрасились в «цвет» прилагательного, с которым они по справедливости сочетались: термины «репатриация» и «насильственная репатриация» стали как бы синонимами¹. То есть вся репатриация советских граждан в СССР в последние месяцы Второй мировой войны и после нее носила обязательный характер и осуществлялась, главным образом, принудительными насильственными методами. Во многом это было обусловлено Ялтинскими соглашениями 1945 г. союзников по антигитлеровской коалиции.

Масштабы перемещения советских граждан в годы войны в Германию и другие страны Европы были поистине грандиозны. По оценке все того же П. Поляна, суммарное число лиц, проживавших на территории СССР до 22 июня 1941 г. и вывезенных с его территории, достигает примерно 8,5–8,7 млн. человек². Это были военнопленные (ок. 3,3 млн.), завербованные на территории СССР и вывезенные оттуда насильно оstarбайтеры (ок. 3,8 млн.), беженцы и эвакуированные (1 млн.) и др. Среди них были и советские граждане немецкой национальности (их называли в Германии – «фольксдойче». Не путать с фольксдойче – «встарбайтерами» в СССР!)³.

A. A. German

DIE REPATRIERUNG VON STAATSBÜRGERN DEUTSCHER VOLKSZUGEHÖRIGKEIT DER UDSSR

Bekanntermaßen bedeutet Repatriierung im allgemein üblichen Verständnis die Rückführung in die Heimat von Kriegsgefangenen und Zivilpersonen, die durch den Krieg ins Ausland gelangt sind, sowie von Emigranten, verbunden mit der Wiederherstellung ihrer staatsbürgerlichen Rechte. In der UdSSR, besonders in den Jahren der von Stalin geführten Regierung, wurde Vieles, ja sogar die Semantik, verfälscht. Wie Pawel Poljan zutreffend bemerkte, verloren in der Nachkriegszeit die Begriffe Repatriierung und Repatriant ihren an sich neutralen Sinn und wurden mit Hilfe eines Zusatzes „eingefärbt“, mit dem sie nach Recht und Billigkeit kombiniert wurden: die Termini „Repatriierung“ und „Zwangsrepatriierung“ wurden gleichsam zu Synonymen. Das heißt, dass die gesamte Repatriierung von sowjetischen Staatsbürgern in die UdSSR in den letzten Kriegsmonaten des Zweiten Weltkriegs und danach obligatorischen Charakter trug und hauptsächlich mittels gewaltsamer Zwangsmaßnahmen erfolgte.

Das Ausmaß der Verschleppung von Sowjetbürgern in den Kriegsjahren nach Deutschland und in andere Länder Europas war grandios. Nach Schätzungen Pawel Poljans erreicht die Gesamtzahl der vor dem 22. Juni 1941 auf dem Staatsgebiet der UdSSR ansässigen und von dort verschleppten Personen etwa 8,5 – 8,7 Mio. Menschen. Dies waren Kriegsgefangene (etwa 3,3 Mio.), in der UdSSR angeworbene und von dort gewaltsam verschleppte Ostarbeiter (an die 3,8 Mio.), Flüchtlinge und Evakuierte (1 Mio.) und sonstige. Unter ihnen waren auch Sowjetbürger deutscher Volkszugehörigkeit (in Deutschland nannte man sie „Volksdeutsche“).

« Когда отца отправляли в сентябре 1941 г. в трудовую армию, мама оставалась с двумя детьми на руках и ждала третьего. Вскоре территорию Токмакского района Запорожской области на Украине захватили немцы, и два года мы жили в оккупации. Затем нас заставили уйти с родной территории, пришлось на лошади везти лежачую бабушку. В лесу нас встретили немцы, забрали телегу, лошадь, бабушку застрелили, мы пешком шли до сборного пункта. Везли нас в телячьих вагонах до Польши. Около четырех месяцев в Германии провели возле Редихау в лагере за колючей проволокой. В концлагере были двухъярусные нары, узкий проход. У детей брали кровь, мать на хозяина работала, по трое суток мы мать не видели. Другие родители были заняты на сельхозработах. В качестве пайка давали хлеб, масло, иногда суп. Это продолжалось до декабря 1945 г.

А когда в Сибирь привезли, в Новосибирске на вокзале высадили и распределили. Мы попали в деревню – совхоз № 7 Томской железной дороги рядом с городом Болотное. Нас определили в телятники. Хлеб выдавали по талонам (в очереди в амбар по ночам стояли). В деревне школы не было. Печки были на улице. К зиме построили дом. Выдавали по одной булке, мы собирали шелуху, посадили картофель, потом начали скотину заводить, но все отдавали на налоги: шкуру, мясо. Жили мы только на нарах. В доме было 3 комнаты, 2 печки. 5 семей в одной комнате, 6 семей – в большой, в третьей комнате – 4 семьи, у каждого по 6–7 детей.

В совхозе мать работала свиаркой. Затем приехала тетя из Архангельска, начала работать дояркой. Это было до 1959 г. Затем я одна уехала на Алтай, работала в городе Рубцовске на Алтайском тракторном заводе до пенсии.

Екатерина Франц

Из воспоминаний Екатерины Абрамовны Франц, г. Рубцовск, Алтайский край

До настоящего времени представляется достаточно трудным установить точное число советских немцев, оказавшихся в Европе, однако мы попытались произвести приблизительные подсчеты. На территории европейской части СССР (не считая Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и областей, откуда не проводилась депортация немцев по нашим подсчетам, основанным на данных НКВД, на начало 1941 г. проживали 1103,3 тыс. граждан немецкой национальности. В августе-декабре 1941 г. была проведена депортация всех немцев, за исключением тех, кого не успели вывезти в связи с оккупацией мест их проживания германскими войсками. С указанной нами территории к 1 января 1942 г. вывезли в восточные районы страны 799,5 тыс. человек. Следовательно, на означенных нами территориях осталось проживать примерно 303,8 тыс. человек. Отдельные расчеты мы произвели по Украине. Там накануне войны проживали 392,5 тыс. человек, советскими властями было депортировано осенью 1941 г. 111,8 тыс. человек, осталось 280,7 тыс. человек⁴. Таким образом, подавляющее большинство советских граждан немецкой национальности, оказавшихся под оккупацией вермахта, проживали на Украине, остальные – на Северном Кавказе, в районе Таганрога, в Белоруссии, в западных областях РСФСР.

Мы не ставили своей целью рассматривать жизнь этих людей в условиях германской оккупационной власти, их отношение к этой власти и ее мероприятиям. Об этом уже достаточно много написано⁵. Хотим лишь отметить, что оккупационные власти были заинтересованы в привлечении фольксдойче к сотрудничеству. Поэтому все местные немцы брались на учет. Они получали ряд преимуществ и привилегий при поступлении на работу, в обеспечении жильем, продовольствием и т. п. Им оказывалась материальная помощь. Их привлекали к работе в органах местного самоуправления, германских оккупационных учреждениях, полицейских формированиях. Своей политикой германские

Es ist bis heute ziemlich schwer, die genaue Anzahl der Sowjetdeutschen festzustellen, die nach Europa gelangt waren. Wir haben jedoch versucht Näherungswerte zu ermitteln. Im europäischen Teil der UdSSR (ohne das Baltikum, Westweißrussland, die Westukraine, Bessarabien und die Gebiete, aus denen keine Deutschen deportiert wurden) lebten nach unseren auf Daten des NKWD beruhenden Berechnungen zum Jahresbeginn 1941 1.103.300 Staatsbürger deutscher Volkszugehörigkeit. In den Monaten August bis Dezember 1941 wurden alle Deutschen deportiert, außer jenen, die man im Zuge der Besetzung ihrer Wohnorte durch deutsche Truppen nicht geschafft hatte wegzubringen. Aus dem von uns benannten Territorium waren zum 1. Januar 1942 799.500 Personen in die östlichen Bezirke des Landes verbracht worden. Folglich verblieben dort etwa 303.800 Personen. In der Ukraine lebten vor Kriegsausbruch 392.500 Deutsche, im Herbst 1941 ließ die Sowjetmacht 111.800 Deutsche deportieren, verblieben also 280.700 Deutsche. So befand sich die überwiegende Mehrheit der sowjetischen Staatsbürger deutscher Volkszugehörigkeit, die unter Wehrmachtbesatzung geraten waren, in der Ukraine, die restlichen waren im Nordkaukasus, in Weißrussland und in den westlichen Gebieten der RSFSR.

Unser Ziel war es nicht, das Leben dieser Menschen unter den Bedingungen der deutschen Besatzungsmacht, ihre Beziehungen zu dieser Macht und deren Maßnahmen zu untersuchen. Darüber ist schon recht viel geschrieben worden. Wir möchten nur anmerken, dass die Besatzungsbehörden daran interessiert waren, „Volksdeutsche“ zur Zusammenarbeit zur gewinnen. Deshalb wurden alle ortsansässigen Deutschen registriert. Sie erhielten eine Reihe von Vergünstigungen und Privilegien bei der Arbeitsaufnahme sowie bei der Versorgung mit Wohnraum und Lebensmitteln usw. Ihnen wurde materielle Unterstützung gewährt. Sie wurden zur Arbeit in örtlichen Selbstverwaltungsbehörden, deutschen Besetzungseinrichtungen und Polizeiformationen herangezogen. Mit ihrer Politik bauten die deutschen Besatzungsbehörden einen Gegensatz zwischen den ethnischen Deutschen und den anderen ortsansässigen Völkern, deren Nachbarvölkern, auf, was die Lage,

Фрида Плецнер

Фрида Яковлевна Плецнер (урожд. Эрисман) родилась в 1936 г. в селе Мариново Березовского района Одесской области. Ребенком Фриду вывезли с оккупированной Украины в Германию. После окончания войны она была репатриирована на «родину»: новым домом стал для Фриды далекий кузбасский городок Юрга. С тех пор, вот уже 65 лет, она бережно хранит адрес людей, у которых жила в Германии, с благодарностью вспоминает о них. Когда Юргу в середине мая 2011 г. с инспекционной поездкой посетил уполномоченный Федерального правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств Кристоф Бергнер, Фрида Яковлевна, протянув ему пожелтевший от времени листок, обратилась к высокому гостю на диалекте: «Найдите, пожалуйста, тех людей, скорее, их потомков, расскажите о том, что я о них помню».

оккупационные власти противопоставляли этнических немцев другим местным народам, что существенно усложнило ситуацию, в которой оказались потомки немецких колонистов. Именно это стало главной причиной того, что по мере продвижения Красной армии вперед и освобождения оккупированных Германией территорий местные этнические немцы, боясь мести советских властей, снимались и уходили вместе с германскими войсками и учреждениями на Запад.

Как показало наше изучение фонда Отдела спецпереселений НКВД СССР, на освобождавшихся от германской оккупации советских территориях местных жителей-немцев практически не оказывалось. Исключения были крайне редки. Например, в конце

1944 г. органы НКВД обнаружили в бывшей немецкой колонии Осипово Бышевского района Киевской области 18 немецких семей (61 чел.), не пожелавших уйти с остальными 500 односельчанами на Запад. Об этом было доложено самому Л. Берии, и, по его указанию, в январе 1945 г. они были депортированы в Коми АССР. На территории Молдавской ССР после ее освобождения были обнаружены 170 немцев –

граждан СССР. В марте 1945 г. их тоже переселили на Север. После освобождения Прибалтики органами НКВД там были выявлены около 2 тыс. немцев – граждан СССР (в Эстонии около 300, в Латвии около 700, в Литве около 1 тыс.). В марте-апреле 1945 г. их депортировали в Коми АССР (из Эстонии и Латвии) и Таджикистан, в Сталинабад (из Литвы)⁶. Эти и другие выселения «обнаруженных» советских немцев на освобожденных от германской оккупации территориях СССР осуществлялись на основе

in der sich die Nachkommen der deutschen Kolonisten wieder fanden, wesentlich erschwerte. Gerade dies wurde zum Hauptgrund dafür, dass im Zuge des Vormarschs der Roten Armee und der Befreiung der von Deutschland besetzten Gebiete die ortsansässigen ethnischen Deutschen sich, weil sie die Rache der Sowjetbehörden fürchteten, auf den Weg machten und zusammen mit den deutschen Truppen und Einrichtungen gen Westen zogen.

Als wir den Aktenbestand der Abteilung Sondersiedlung des NKWD der UdSSR untersuchten, stellten wir fest, dass in den von der deutschen Besatzung befreiten sowjetischen Gebieten praktisch keine ortsansässigen deutschen Einwohner mehr vorhanden waren. Es gab nur höchst seltene Ausnahmen. Ende 1944 entdeckten die Behörden des NKWD z.B. in der deutschen Kolonie Ossipowo, Byschewsker Bezirk, Verwaltungsgebiet Kiew, 18 deutsche Familien (61 Personen), die mit ihren anderen 500 Dorfnachbarn nicht gen Westen hatten ziehen wollen. Dies wurde Lawrenti Beria persönlich gemeldet, worauf man sie auf seine Weisung hin im Januar 1945 in die Komi ASSR deportierte. In der Moldawischen SSR entdeckte man nach deren Befreiung 170 Deutsche, die Staatsbürger der UdSSR waren. Im März 1945 wurden auch sie in den Norden umgesiedelt. Nach der Befreiung des Baltikums spürten die Organe des NKWD an die 2.000 Deutsche auf, die Staatsbürger der UdSSR waren (in Estland etwa 300, in Lettland etwa 700, in Litauen etwa 1.000). Im März und April 1945 wurden sie in die Komi ASSR deportiert (aus Estland und Lettland) und nach Tadschikistan, nach Stalinabad (aus Litauen) . Diese und andere Umsiedlungen „entlarvter“ Sowjetdeutscher aus den von der deutschen Besatzung befreiten Gebieten erfolgten auf Grund persönlicher Anweisungen Stalins. Schon am 28. Dezember 1943 hatte sich Beria mit dem Vorschlag an Stalin gewandt, die ethnischen Deutschen, d.h. die „Volksdeutschen“, aus ihren Wohnorten in der Ukraine umzusiedeln, jene Personen, gegen die genug Belastungsmaterial vorliegt, dem Gericht des Militärtribunals zu übergeben und alle anderen zusammen mit ihren Familien in die Region Altai zu deportieren. Auf Berias Brief gibt es folgenden Vermerk

На освобождавшихся от германской оккупации советских территориях местных жителей-немцев практически не оказывалось.

Семья Гоффарт и Шнайдер

До 1944 г. семьи Гоффарт и Шнайдер жили в селе Маннгейм Одесской области. Там в крестьянской семье в 1924 году родилась моя бабушка Ида Гоффарт. В годы войны село оказалось в оккупации. Когда в 1944 г. немцы стали отступать, вместе с ними в принудительном порядке должны были уехать и украинские немцы, которые оказались под оккупацией. Их называли тогда беженцами. Уехать пришлось моей прабабушке Франциске, ее детям Иде и Отто, а также семье Шнайдер. 10 ноября 1944 г. в польском городке Шмигель, относившемся тогда к территории Германии, родился мой папа, Шнайдер Андрей, сын Гоффарт Иды и Шнайдера Андрея. Вскоре после его рождения немцы увели беженцев в Германию. Так папа и его родные оказались в Берлине, где жили до 1946 г. В 1946 г. Ида со своим маленьким двухлетним сыном Андреем и матерью были депортированы в Среднюю Азию – в Красноводск (Туркменистан). Здесь они прожили до 1951 г. В 1951 г. их перевезли на эшелонах в Узбекистан, в Фергану, поселили в бараках. Вскоре после этого начали строить поселок городского типа, которому дали название Киргули (в переводе с узбекского языка – цветок на камне). Территория поселка находилась на возвышенном месте, именно поэтому он и получил такое название. До сих пор он считается немецким поселком.

Шнайдер Андрей, мой дедушка, остался на Украине. Его судьба вплоть до 1955 г. была неизвестна бабушке. Позже мы узнали, что в марте 1944 г. он был эвакуирован в Польшу, где до 11 декабря 1944 г. работал механиком на заводе «Hecker». В 1945 г. Андрей был эвакуирован в СССР, в Новосибирск, в 1947 г. переехал в Таджикскую ССР, Колхозобадский район, где работал в МТС электриком вплоть до 24 июня 1950 г. В этот день он был арестован и позже отправлен на лесоповал в Сибирь. 1 декабря 1955 г. он был досрочно амнистирован и направлен в Таджикскую ССР. В 1955 г. мой дедушка смог отыскать бабушку в Узбекистане. Моему отцу было 11 лет, когда он впервые увидел своего папу. Андрей увез семью в Колхозобадский район. Там родились еще две девочки. В 1985 г. Ида и Андрей переехали в Киреевск (Тульская область), в ноябре 1990 г. – в Германию.

Семья Шнайдер все годы старалась сохранять свою самобытность. Дети и взрослые всегда находили время для того, чтобы собраться вместе, поговорить, вспомнить о том, сколько им пришлось пережить за время войны и депортации, спеть. Они плакали, вспоминая, как часто посещали их мысли о том, что они больше не встретятся со своими любимыми и близкими. И всегда рассказывали о годах лишений и депортации даже самым маленьким. Они рассказывали об этом не только потому, что это была их великая боль, но еще и потому, что они стали сильнее из-за этого, хотя и пережили много горестей. Они стали дружнее и сплоченнее. И это было самой большой наградой им за их лишения.

Екатерина Шнайдер (Фергана)

личных указаний И. Сталина. Еще 28 декабря 1943 г. Берия обратился к Сталину с предложением выселить из мест проживания на Украине этнических немцев – фольксдойче, предать суду Военного трибунала тех лиц, в отношении которых имеется достаточно оснований для доказательства их вины, а всех остальных сослать в Алтайский край, равно как и их семьи. На письме Берии имеется резолюция Сталина: «Всех арестовать, посадить в спец. концлагеря под особый надзор и использовать для работы»⁷. Позднее все эти люди были включены в категорию «репатрианты», хотя территорию СССР они не покидали.

Проведенный нами анализ, о котором говорилось выше, позволяет достаточно уверенно предположить, что к моменту окончания войны за рубежом СССР оказались приблизительно 300 тыс. немцев – граждан СССР. Наши расчеты подтверждаются и данными П. Поляна. Он называет общее число фольксдойче и «фольксфиннов», оказавшихся за пределами СССР, 350–400 тыс. человек. Из них, как следует из его рассуждений, примерно 42 тыс. составляли финны-ингерманландцы⁸. Таким образом, если их вычесть из общего числа, получается 308–358 тыс. советских этнических немцев. Эта величина, особенно ее нижний предел, достаточно близка к величине, рассчитанной нами. Разница могла образоваться за счет включения П. Поляном немцев Прибалтики и некоторых других территорий, не учтенных нами.

В материалах Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий приводится число советских немцев, оказавшихся за рубежом, 205 тыс.⁹ Но оно даже меньше числа репатриированных немцев, состоявших на спецучете в НКВД–МВД СССР, и это дает серьезный повод сомневаться в его правильности. Скорее всего, в обоих случаях речь идет об одном и том же – о числе советских немцев, которых удалось репатриировать в СССР.

С вступлением Советской армии на территорию сопредельных государств вопрос репатриации советских граждан приобрел для советского руководства практическое значение. 18 ав-

Stalins: „Alle verhaften, in Sonderkonzentrationslager unter besonderer Aufsicht einsperren und arbeiten lassen“. Später wurden all diese Menschen der Kategorie „Repatrianten“ zugerechnet, obgleich sie nie das Staatsgebiet der UdSSR verlassen hatten.

Die oben genannte von uns durchgeführte Analyse lässt mit zureichender Sicherheit annehmen, dass sich zum Augenblick des Kriegsendes etwa 300.000 Deutsche, die Staatsbürger der UdSSR waren, außerhalb der Grenzen der UdSSR befanden. Unsere Berechnungen werden auch durch die Daten von Pawel Poljan bestätigt. Er benennt die Gesamtzahl der Volksdeutschen und „Volksfinnen“ außerhalb der Grenzen der UdSSR mit 350.000 bis 400.000. Wie aus seinen Überlegungen folgt, waren hierunter etwa 42.000 Finnen bzw. Ingermanländer. Wenn man diese von der Gesamtzahl abzieht, kommt man also auf 308.000 bis 350.000 ethnische Deutsche mit sowjetischer Staatsangehörigkeit. Dieser Wert liegt besonders in seinem unteren Bereich nahe bei dem von uns errechneten Wert. Der Unterschied könnte sich daraus ergeben, dass Poljan in seine Zahl die von uns nicht berücksichtigten Deutschen des Baltikums und einiger anderer Gebiete einbezieht.

In den Materialien der Kommission zur Rehabilitierung von Opfern politischer Repressionen wird die Zahl der im Ausland verbliebenen Sowjetdeutschen mit 205.000 angegeben. Aber dies unterschreitet sogar die Anzahl der repatriierten Deutschen, die im Sonderregister des NKWD-MWD der UdSSR erfasst waren, was allen Grund dazu gibt, an ihrer Richtigkeit zu zweifeln. Es wird in beiden Fällen wohl am ehesten um dasselbe gehen, nämlich um die Anzahl der Deutschen, die in die UdSSR repatriiert werden konnten.

Mit dem Einmarsch der Sowjetarmee in Gebiete der angrenzenden Staaten hatte die Frage der Repatriierung von Sowjetbürgern für die Sowjetführung praktische Bedeutung gewonnen. Am 18. August 1944 verabschiedete das Staatskomitee für Verteidigung der UdSSR den Erlass „Über die Organisation der Aufnahme von in die Heimat zurückkehrenden Sowjetbürgern, die von den Deutschen zwangsverschleppt wurden, und Sowjetbürgern, die aus anderen Gründen hinter die Grenzlinie zwi-

Эрна Кункель

« Война, репрессии, плен... Эти слова продолжают обжигать, пронизывать людей старшего поколения. А что они значат для нас, 20-летних? До последнего времени и к этим словам, и к событиям, которые стоят за ними, я, как и многие сверстники, относилась несколько отстраненно. Так продолжалось до тех пор, пока не услышала исповедь своей бабушки Эрны Готлибовны Кункель. И тогда во мне все перевернулось.

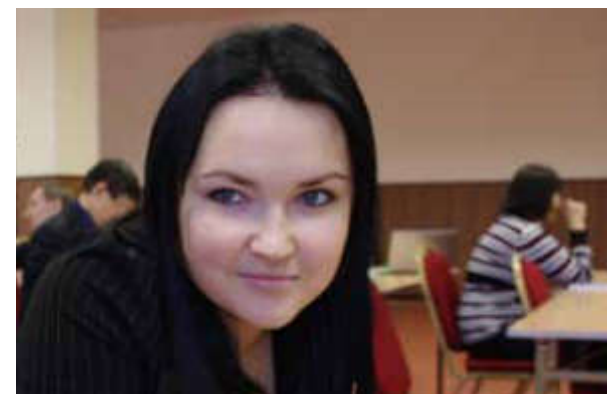
Эрна Кункель родилась в 1929 году в Ягодинке Житомирской области на Украине. В первые же месяцы войны в деревню нагрянули немцы, собрали попавшую на глаза молодежь, погрузили на машины, увезли. Сказали, что в Германию, работать. Спустя какое-то время объявили о том, что и остальным жителям деревни предстоит выехать в Германию и работать на рейх. С собой разрешили взять живность, чтобы в дороге было чем питаться.

Путь лежал в сторону Польши. Ехали, кто, как мог: на лошадях, различных тележках и повозках. Ночи коротали обычно в хлевах, рядом со своей живностью. В Польше подогнали составы, дальше ехали поездом. Дорога далась Эрне тяжело. За 20 дней ни разу не удалось выспаться и нормально поесть. Спасала мама, которая ободряла и утешала ее.

В Германии людей распределили в разные районы. Эрна сначала попала на сельхозработы. Осенью 1943 года ее направили в местечко Крайшлайц. Здесь был лагерь на 280 человек. Молодых девушек, таких как Эрна, определили домработницами в соседний городок. Она попала в дом врача Анны. Хозяйка отнеслась к своей помощнице на редкость внимательно, с сочувствием. Справившись с хлопотами в доме, к восьми часам вечера Эрна возвращалась в лагерь.

Жизнь начала налаживаться, как вдруг в лагерь нагрянула беда – брюш-

Внучка Эрны Кункель
Людмила Куликова

ной тиф. Людей увозили в больницы, но бороться за жизнь подневольных рабочих никто не собирался. Многие умерли. В изоляторе без сознания очутилась и Эрна. Но ей помогли: врач Анна, у которой она работала, не отходила от ее кровати, делала все возможное, чтобы спасти ее. Ей удалось. 16-летняя Эрна в Германии испытала и первую любовь. Его звали Николай. В Германию он попал как пленный, потом остался служить. Молодые строили планы на будущее. Николай уговаривал Эрну бежать в Америку. Она боялась неизвестности и от всех предложений наотрез отказывалась. Не согласилась даже тогда, когда узнала, что у нее будет ребенок. После Победы связь с Николаем прервалась

Три года подневольного труда в Германии закончились для моей бабушки после 9 мая 1945 года. И вот она снова на родной Украине. Конец неволи и возвращение домой ознаменовались рождением дочери. Но все это перечеркнуло постановление о высылке на спецпоселение на Север. Молодой женщине с ребенком на руках предстояло еще одно, едва ли не самое страшное путешествие – на спецпоселение. С 1946-го по 1954 г. она носила клеймо «враг народа». За что? За то, что была угнана в рабство и выжила в неволе? Или, может быть, за то, что в логове врага встретила людей, которым обязана и жизнью, и счастливыми мгновениями?

После 1954 года Эрна Готлибовна Кункель приняла решение остаться на Коми-земле, вопреки возможности уехать из глухой деревни в Германию. Место ссылки для нее стало вторым домом. Здесь она вышла замуж за Василия Петрищева, родились еще пятеро детей. Пошли внуки...

Людмила Куликова

густа 1944 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»¹⁰. В основе его лежал принцип обязательного возвращения всех попавших за рубеж граждан СССР на родину, тщательной их проверки и применения мер репрессий к «предателям».

В развитие этого документа на республиканском уровне были приняты совместные постановления совнаркомов и ЦК компартий. 4 октября были назначены высшие должностные лица: уполномоченным СНК (позднее Совмина) СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран стал генерал-полковник Ф.И. Голиков, его заместителями – генерал-полковник И.В. Смородинов и генерал-лейтенант К.Д. Голубев, помощниками – генерал-майор В.М. Драгун и А.А. Смирнов.

6 октября 1944 г. было принято постановление о деятельности уполномоченного СНК по делам репатриации. 23 октября Ф.И. Голиков возглавил Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран¹¹. Достаточно быстро это ведомство с помощью НКВД создало мощную инфраструктурную сеть – от репатриационных миссий, рыщущих по всему свету в поисках «подлежащих репатриации лиц», до районных представителей или служб, отвечавших за прием советских граждан на местах. Составным элементом этой сети стали проверочно-фильтрационные пункты и проверочно-фильтрационные лагеря, которых было развернуто около 200 только за пределами СССР.

11 ноября 1944 г. газета «Правда» опубликовала интервью Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС, в котором была изложена позиция руководства СССР по вопросу репатриации советских граждан. В интервью, в частности, говорилось: «... Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обма-

schen der UdSSR und Polen gelangt sind“ . Ihm zugrunde lag das Prinzip der unbedingten Rückkehr aller ins Ausland gelangten Staatsbürger der UdSSR in ihre Heimat, deren sorgfältiger Überprüfung und der Anwendung von Repressionsmaßnahmen gegen die „Verräter“.

Um diesen Erlass auf Republikebene umzusetzen, wurden gemeinsame Beschlüsse der Räte der Volkskommissare und der Zentralkomitees der kommunistischen Partei verabschiedet. Am 04. Oktober setzte man die höchsten Amtsträger ein: Bevollmächtigter des Rats der Volkskommissare (später des Ministerrats) der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung von Staatsbürgern der UdSSR aus Deutschland und den von ihm besetzten Ländern wurde Generaloberst F.I. Golikow, seine Vertreter wurden Generaloberst I.W. Smorodinow und Generalleutnant K.D. Golubew. Gehilfen wurden Generalmajor W.M. Dragun und A.A. Smirnow.

Am 06. Oktober 1944 wurde der Erlass zur Tätigkeit des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare für Angelegenheiten der Repatriierung verabschiedet. Am 23. Oktober trat F.I. Golikow an die Spitze der Verwaltung des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung von Staatsbürgern der UdSSR aus Deutschland und den von ihm besetzten Ländern . Mit Hilfe des NKWD schuf sich diese Behörde sehr schnell ein effektives Infrastrukturnetz, angefangen von Repatriierungsmissionen, die alle Welt nach „der Repatriierung unterliegenden Personen“ durchkämmten, bis hin zu Bezirksvertretern oder -dienststellen, die für die Aufnahme der Sowjetbürger vor Ort zuständig waren. Ein Bestandteil dieses Netzes wurden die Überprüfungs- und Filtrationspunkte sowie die Überprüfungs- und Filtrationslager, von denen außerhalb der UdSSR etwa 200 eingerichtet wurden.

Am 11. November 1944 veröffentlichte die Prawda das Interview eines TASS-Korrespondenten mit F.I. Golikow, in dem dieser die Position der Führung der UdSSR zur Frage der Repatriierung von Sowjetbürgern darlegte. In diesem Interview heißt es unter anderem: „Menschen..., die dem Sowjetstaat gegenüber feindlich eingestellt sind, versuchen durch Betrug, Provokation u.Ä. das Bewusstsein unserer Bürger zu vergiften und sie zu zwingen, der ungeheuerlichen Lüge Glauben zu schenken,

...Продвижение германских войск было настолько стремительным, что в августе 1941 г. они уже были в районе Днепра. Из села Любомировка Николаевской области были мобилизованы мужчины на оборонительные работы в районе Днепра. В числе этих ребят оказался и Яков Гальфингер. Брат Якова, Эдмунд Дель был бригадиром тракторной бригады, и ему с бригадой надлежало эвакуировать всю технику за Днепр. Это задание выполнить не удалось, так как приближающиеся германские войска разбомбили переправу. Поскольку мост уже был взорван, технику пришлось утопить в Днепре, а люди вернулись домой. В селе Любомировка тем временем установилась уже новая власть...

В 1943 г., когда наметился перелом в войне и советские войска стали приближаться к Украине, населению было объявлено, что всех немцев будут вывозить в Германию. Украинцы, узнав об этом, стали дежурить за огородами, чтобы успеть занять крепкие немецкие подворья. Было приказано каждой семье соорудить телегу с кибиткой, погрузить в нее вещи, за телегой привязать корову. Всех собрали в один обоз и двинулись в сторону польской границы. Одиноких женщин с детьми командование отправило отдельно до станции. В их числе была старшая дочь деда Якова Эрна с двумя детьми. Обоз в сопровождении полицаев шел в сторону Винницы медленно. Молодежь и дети, которые ранее никогда не покидали родного села, были воз-

буждены новыми впечатлениями. Они шутили, дурачились. А родителям было не до смеха. В Виннице семья Гальфингер соединилась и в Брест отправилась в одном эшелоне. Там прошли карантин, получили другую одежду. Фрида Гальфингер (13 лет) вспоминает, что в первый раз в жизни получила красивое пальто с капюшоном в большую клетку. Из Бреста поезд прибыл в польский Врешен, где 15 сентября 1944 г. Яков получил немецкое гражданство. Всем нашли работу. Во Врешене семья Гальфингеров прожила около года. Когда русские были уже недалеко, всем было приказано двигаться на запад Германии. Из Врешена вся семья поехала к бабушке Анне в Галле, оттуда двинулись на север. Однажды населенный пункт, в котором они остановились на ночевку, заняли русские. Всех стали выгонять из домов и выстраивать для расстрела. Тогда Яков вышел вперед, заговорил по-русски, объяснил, что их угнали с Украины и они сами не знают куда им идти. Русские отпустили их. После многочисленных злоключений они оказались около городка Ратенау. Там через несколько месяцев они встретились с русскими. Однажды те сообщили им, что всех отправят домой. Посадили в грузовик и в сопровождении конвоя повезли в Польшу, до Варшавы. Оттуда по железной дороге в Россию. Людям обещали, что их отправят домой, но когда ветка полотна повернула на север, все поняли, что домой они больше не вернуться...

Семья Гальфингер

Семья Гальфингер.
Слева направо стоят:
Фрида (позднее Вебер),
Ольга (позднее Саблина),
Берта Пффеффер (позднее
Гальфингер), сидят: Эрна
Лорер (ур. Дель) с дочерью
Лилей, отец Гальфингер Яков
с внучкой Алицей (позднее
Кариус), мать Шарлотта
(ур. Дель).
Германия. 1944.

Семья Гальфингер была репатрирована в СССР и оказалась в поселке Ваенга (сегодня – в Мурманской области). В январе 1947 г. они были вызваны родственниками в Барнаул. Сегодня Гальфингеры проживают в Германии.

ном, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности. Если они станут честно выполнять свой долг по возвращению на Родину»¹². Вся дальнейшая пропагандистская работа официальных представителей СССР, сотрудников управления Ф.И. Голикова строилась на основе положений этого интервью. Буквально через несколько дней это интервью было распространено среди граждан СССР, находившихся в специальных лагерях на территориях, освобожденных Красной армией и войсками союзников. Затем оно было издано отдельной листовкой тиражом свыше 2 млн. экземпляров. Параллельно распространялись и другие агитационные материалы за возвращение на родину. Для репатриантов издавались даже специальные газеты «Родина зовет» и «Вести с Родины».

Но советские власти прекрасно понимали, что далеко не все окажутся доверчивыми и клюнут на эту агитацию. Поэтому с самого начала предусматривались и жестко принудительные меры к возврату советских граждан домой. Именно с этой целью при подготовке и в ходе Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции советское руководство оказало беспрецедентный нажим на своих союзников и в буквальном смысле слова вырвало у них обязательство передать всех без исключения советских граждан – перемещенных лиц советским властям.

dass die Sowjetheimat sie gleichsam vergessen, sich von ihnen losgesagt hätte und sie nicht mehr als Sowjetbürger betrachten würde. Diese Menschen machen unseren Landsleuten damit Angst, dass sie im Falle der Rückkehr in ihre Heimat Repressionen unterworfen würden. Es ist überflüssig, solchen Unsinn zurückzuweisen... Das Sowjetland denkt an seine in deutsche Sklaverei geratenen Staatsbürger und kümmert sich um sie. Sie werden zu Hause wie Söhne des Vaterlandes empfangen werden. In sowjetischen Kreisen ist man der Meinung, dass sogar jene Sowjetbürger, die unter deutschem Zwang und Terror Taten begingen, welche den Interessen der UdSSR zuwider waren, nicht zur Verantwortung gezogen werden sollen, wenn sie ihrer Pflicht in die Heimat zurückzukehren ehrlich nachkommen werden“ . Die gesamte weitere Propagandarbeit der offiziellen Vertreter der UdSSR, der Mitarbeiter der Verwaltung von F.I. Golikow, basierte auf den Leitsätzen dieses Interviews. Buchstäblich innerhalb von ein paar Tagen wurde dieses Interview unter den UdSSR-Bürgern, die sich in den Sonderlagern der von der Roten Armee und den Alliierten befreiten Gebiete befanden, verbreitet. Danach wurde es auf einem einzelnen Flugblatt mit einer Auflage von über 2 Mio. Exemplaren gedruckt. Parallel hierzu ließ man auch sonstige Materialien verbreiten, in denen für die Rückkehr in die Heimat agitiert wurde. Speziell für Repatrianten wurden sogar die Zeitungen „Die Heimat ruft“ und „Nachrichten aus der Heimat“ herausgegeben.

Aber die Sowjetbehörden verstanden nur zu gut, dass bei weitem nicht alle so vertrauensselig sein würden, auf diese Agitation hin anzubeißen. Deshalb wurden von Anfang an für die Rückführung von Sowjetbürgern nach Hause auch harte Zwangsmaßnahmen vorgesehen. Eben zu diesem Zweck hatte die Sowjetführung während der Vorbereitung und im Laufe der Konferenz der Staatsoberhäupter der Anti-Hitler-Koalition in Jalta einen beispiellosen Druck auf ihre Verbündeten ausgeübt und ihnen im buchstäblichen Wortsinn die Verpflichtung entzogen, ausnahmslos alle umgesiedelten Sowjetbürger den sowjetischen Behörden zu übergeben.

Семья Гуф

Мой дед Рудольф Гуф,
его сестры Эльза и Грета
и брат Роберт

Депортация российских немцев в Сибирь и Казахстан – страшная страница нашей истории. Судьбу своего народа сполна разделила и наша семья Гуф. К началу войны семья моего дедушки Рудольфа Андреевича Гуф состояла из шести человек: отец – Гуф Андрей Емельянович, мать – Гуф Ида Ивановна, мой дед – старший сын в семье, сестры Эльза и Грета и брат Роберт. Роберт родился за четыре дня до начала войны – 18 июня. Дедушке же тогда было всего 8 лет. Жили они в деревне Черемошно Житомирского района Житомирской области. Хозяйство у них было крепкое. Деревню окружали леса, и поэтому все в деревне занимались плотницким и столярным делом. Держали скотину. Но с началом войны все изменилось. Так как территория Украины быстро оказалась оккупирована. После расправы гитлеровцев с активистами из числа советских немцев остальные были объявлены фольксдойче (этническими немцами, формально гражданами рейха). В школах началось преподавание по специальным учебникам, привезенным из Германии. Люди противились, самых ярых убивали. Когда фашисты стали отступать, они забирали с собой жителей немецких деревень на так называемую историческую родину. Осенью 1942 (?) г. семья моего деда вместе со всеми жителями их деревни была вывезена фашистами в Германию. Несколько дней они пробыли в Польше, на границе с Германией. Потом их привезли в местечко Klein Mocha под Лейпцигом. Вся семья жила у немецкого фермера. Так как мой дед был самым старшим из детей, его отправили работать на молочный завод. Территория их проживания в 1945 г. оказалась под командованием советских войск, поэтому в 1947 (?) г. их всех погрузили ночью в вагоны для скота и отправили на спецпоселение в Сибирь. Наша семья попала в Омск. Все многодетные семьи отправляли в деревню. Но прадеду удалось с кем-то договориться, и семья осталась в городе. Первые два года после прибытия в Омск вся семья вместе с малолетними детьми еженедельно ходила отмечаться в органы НКВД. Потом стали отмечаться только взрослые, но все равно каждую неделю. Расселили их в бараках на улицах Северных. Так они все здесь и жили. Прадед погиб в 1971 г. А после смерти прабабушки в 1988 г. вся семья постепенно уехала в Германию. Остался в Омске только мой дед...

Уже нет с нами наших прадедов и дедов. Но и теперь в нашей маленькой семье мы сохраняем и соблюдаем немецкие традиции. Благо, нам ни нужно не от кого прятаться. Я должна беречь свой язык и свои традиции, заботливо передавать их другим поколениям. Я надеюсь, что мои дети и внуки будут так же, как и я, сохранять традиции и знать свой язык.

Алина Григорьева (16 лет)

На основе этих соглашений были заключены конкретные двусторонние соглашения между СССР и Великобританией, США, Францией, Бельгией и некоторыми другими странами – союзниками по антигитлеровской коалиции. При всей несхожести этих соглашений между собой общим в них было то, что «... советские Ди Пи (перемещенные лица. – А.Г.) после их идентификации советскими репатриационными представителями будут репатрированы независимо от их личного желания»¹³. Не так просто ответить на вопрос: что заставило западных союзников СССР пойти

Почти все немцы сознательно ушли на Запад, понимая неизбежность репрессий, ждавших их в случае попадания в руки советских властей.

на такую уступку? Ведь они прекрасно понимали, чем это могло грозить многим советским гражданам, особенно тем, кто хотел остаться на Западе по политическим соображениям. Скорее всего, здесь сыграли свою роль опасения в том, что если союзники будут препятствовать Советскому Союзу возвращать всех своих граждан, то он может

сделать то же самое: задержать или вообще отказаться передать им их граждан, оказавшихся в зоне советской оккупации.

Как бы там ни было, но именно уступка союзников стала роковой для судьбы советских немцев – перемещенных лиц. Уже отмечалось, что почти все они сознательно ушли на Запад, понимая неизбежность репрессий, ждавших их в случае попадания в руки советских властей. Теперь они были бессильны что-либо изменить в своей судьбе.

Вместе с тем нельзя не учитывать того, что бывшие советские граждане немецкой национальности составляли лишь незначительный процент от общего числа перемещенных лиц, и, мо-

Auf der Grundlage dieser Vereinbarungen wurden zwischen der UdSSR und Großbritannien, den USA, Frankreich, Belgien sowie einigen anderen verbündeten Ländern der Anti-Hitler-Koalition konkrete bilaterale Abkommen geschlossen. Bei all den Ungereimtheiten, die zwischen diesen Abkommen bestehen, ist ihnen doch eines gemeinsam, nämlich dass „... sowjetische Displaced Persons nach ihrer Identifikation durch die sowjetischen Repatriierungsvertreter ungeachtet ihres persönlichen Wunsches zu repatriieren sind“. Die Frage, was denn nun die Westalliierten der UdSSR dazu bewogen haben mag, sich auf dieses Zugeständnis einzulassen, lässt sich nicht ganz so einfach beantworten. Denn schließlich muss ihnen doch klar gewesen sein, welchen Bedrohungen sich dadurch viele ausgesetzt sehen würden, insbesondere jene, die aus politischen Überlegungen im Westen bleiben wollten. Am ehesten haben hier wohl Befürchtungen dahingehend eine Rolle gespielt, dass, wenn die Alliierten die Sowjetunion an der Rückführung all ihrer Staatsbürger hindern würden, diese das Gleiche tun könnte, nämlich deren in der sowjetischen Besatzungszone verbliebenen Staatsbürger zurückzuhalten oder deren Übergabe überhaupt zu verweigern.

Was dort auch immer geschehen sein mag, jedenfalls wurde eben dieses Zugeständnis der Alliierten für die sowjetdeutschen Displaced Persons zum Verhängnis. Wie bereits angemerkt, waren diese fast alle bewusst in den Westen gegangen, weil ihnen klar war, dass sie - falls sie den Sowjetbehörden in die Hände fielen - unausweichlich Repressionen ausgesetzt würden. Jetzt waren sie jedoch machtlos geworden und konnten an ihrem Schicksal nichts mehr ändern.

Gleichzeitig darf man nicht außer Acht lassen, dass die ehemaligen Sowjetbürger deutscher Volkszugehörigkeit lediglich einen unbedeutenden Prozentsatz der Displaced Persons ausmachten, und vielleicht ist es gerade diese Tatsache, die ihnen in der ersten Zeit ihre Lage bis zu einem gewissen Maß erleichterte. Einfacher formuliert heißt dies, dass die Sowjetführung vorläufig noch andere Sorgen hatte, als sich um sie kümmern. Am 18. Januar 1945 wurden zwei gemeinsame Direktiven des Befehlshabers im Hinterland der Roten Armee, des Armeegenerals

Зинаида Клат

Зинаида Клат со своими
детьми. Слева – отец Алии

Когда я была маленькой, мне казалось, что бабушка всегда была бабушкой. Я не очень интересовалась ее прошлым, просто любила свою бабулю. Но теперь я знаю: она была и маленькой, и юной. Какой она была? Желание понять это пришло ко мне давно. Живем мы с ней в разных государствах, но благодаря современным технологиям диалог с ней я веду постоянно. В моем воображении, как из мозаики, складывается картина ее детства и юности. То яркими мазками, то акварельной дымкой я рисую образ моей бабушки. Сквозь дымку июньской листвы темнеют силуэты домов. Асфальт стал мягким от жары, повисшей над Украиной. Воскресение, 22 июня 1941 г., подруги собираются идти гулять. Будут качели, карусели и мороженое! В приподнятом настроении Зинаида наводит последние штрихи. И тут по радио объявляют: началась война. Моей бабушке было 15 лет.

– Бабушка, как ты оказалось в Польше?

– В июне 1941 г. немецкие войска захватили Украину, и нас увезли в Польшу, где мы работали на строительстве дорог и укладывали камни. Нам платили за это копейки, еду привозили на машинах, спали мы на соломе....

– Было трудно?

– Трудно, не трудно, нас никто не спрашивал. Нас гоняли туда-сюда, туда-сюда... Это была не физическая боль, это была боль из-за того, что, возможно, ты никогда не увидишь своих родных...

– После победы вас повезли обратно на Украину?

– В мае 45-го нас уже русские войска заставили вернуться обратно. Погрузили в поезд и обещали отправить на Украину, а отправили в Казахстан.

Мне было уже 19 лет. Ехали четыре месяца, спали на соломе, на остановках искали воду, пили из любых источников, даже из луж, смешанных с кровью погибших людей. Нас привезли на станцию Колутон. За нами приехали на быках и повезли в Акимовку. Никто не хотел брать на квартиру. Потом меня взяла семья – дед и бабка, кушать было нечего... Спали опять же на соломе. Пошла работать дояркой, стала получать хотя бы продукты. Потом мы, три семьи (11 человек) собрались и купили одну землянку за 3,5 тыс. рублей. В 1951 г. я вышла замуж за казаха – Вакасова Кабдоша Ахмадиевича (после замужества бабушка сохранила свою девичью фамилию – Клат). В 1952 г. я родила сына (моего папу). Работала разнорабочей: техничкой в школе, сторожем и кочегаром в детском саду. Так как я была сиротой, я не могла учиться и получить профессию.

– А что случилось с твоими братьями и сестрами?

– Друг друга мы искали целых 20 лет. В 1958 г. я нашла старшую сестру Эмму в поселке Кировский Талды-Курганской области. Потом через Красный крест нашли братьев Германа и Августа. Август был вывезен в Сибирь и работал на лесоповале. Герман после войны тоже попал в Россию, в Костромскую область Кологривского района село Варзинга. В Сибирь попала и вторая сестра Эльза. Но, к сожалению, братья и сестры умерли... 22 марта этого года моей бабушке Зинаиде Клат исполнилось 85 лет. Я очень люблю ее, тем более что она у меня одна, и желаю ей долгой жизни!

Алия Вакасова (16 лет). Алия сегодня живет в Астане (Казахстан).

жет быть, именно это факт в какой-то мере облегчил на первых порах их положение. Если сказать проще, то пока советскому руководству было не до них. 18 января 1945 г. были изданы две совместные директивы начальника тыла Красной армии генерала армии Т. Хрулева и уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова № 1/1240645с и № 1/1240646с, согласно которым предусматривалось следующее деление всех репатриантов:

- бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав): направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты (СПП), а после проверки органами СМЕРШ – в армейские и фронтовые запасные части;
- бывшие военнопленные офицеры: направлялись в спецлагерь НКВД;
- военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные: направлялись в спецлагерь НКВД;
- интернированное гражданское население (под ним понимались оstarбайтеры и другое гражданское население СССР, оказавшееся за пределами СССР): проходило проверку во фронтовых СПП и погранично-фильтрационных пунктах НКВД (ПФП), после чего мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов, остальные – к месту постоянного жительства (но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве);
- жители пограничных областей: проверялись в ПФП и отпускались домой;
- дети-сироты: направлялись в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик¹⁴.

Как видим, какой-либо отдельной категории для советских немцев или для других репрессированных советских народов не предусматривалось. Это позволяет утверждать, что и какого-то специального поиска советских немцев на территории евро-

T. Chruljow, und des Bevollmächtigten des Rats der Volkskommissare der UdSSR für Angelegenheiten der Repatriierung, F. Golikow, mit den Nummern 1/1240645с und 1/1240646с herausgegeben, denen zufolge folgende Unterteilung der Repatrianten vorgesehen wurde:

- ehemalige Kriegsgefangene (Mannschafts- und Unteroffiziersbestand); sie sollten den Sammel- und Verschickungsstellen der Armee zugewiesen und nach ihrer Überprüfung durch die Organe des SMERSCH zu Armee- und Frontreservetruppenteilen verbracht werden;
- ehemalige kriegsgefangene Offiziere wurden in NKWD-Sonderlager verbracht;
- Kriegsgefangene und Zivilpersonen, die in Spezialeinheiten der deutschen Truppe gedient hatten, Angehörige der Wlassow-Armee, Polizeiangehörige und sonstige Verdächtige wurden ebenso in NKWD-Sonderlager verbracht;
- die internierte Zivilbevölkerung (darunter waren die Ostarbeiter und sonstige Bevölkerungsteile der UdSSR zu verstehen, die außerhalb der Grenzen der UdSSR verblieben waren); sie durchliefen die Überprüfung in den frontnahen Sammel- und Verschickungsstellen und den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten des NKWD, wonach die Männer im wehrfähigen Alter in die Reservetruppenteile an den Fronten oder bei den Wehrkreiskommandos entsandt wurden, die übrigen zu ihren ständigen Wohnsitzen (allerdings mit dem Verbot, sich in Moskau, Leningrad und Kiew niederzulassen);
- die Einwohner der grenznahen Gebiete wurden in den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten des NKWD überprüft und nach Hause entlassen;
- die Waisenkinder wurden auf die Kinderheime und Waisenhäuser der Volkskommissariate für Bildung und der Volkskommissariate für Gesundheit der Unionsrepubliken verteilt .

Wie wir sehen, war für die Sowjetdeutschen oder für andere verfolgte Sowjetvölker keine eigene Kategorie vorgesehen. Das erlaubt die Feststellung, dass in den europäischen Ländern auch nicht eigens nach Sowjetdeutschen gesucht wurde. Sie wurden innerhalb des allgemeinen

Галина Чихляева

Строки, написанные сердцем

Всему виной она –
Проклятая война.
Я в Украине родилась,
И жизнь моя там началась...

Бомбежки, стекло звон,
Немыслимый перегон.
У фашистов отступление,
У нас угон, переселение.

До того так мирно жили,
Виноград, детей растили.
И кордон – не мания,
А привезли в Германию.

Время все перевернуло
И на Родину вернуло.
Выдержали испытание,
А дома – разочарование.

Ночные налеты НКВД
И мамин шепот: «Дэ цэ мы, дэ?»
Проверки, обыски, облава:
НКВДэшникам все мало.

Допросы ночами. Пугали.
Все, что имели, забрали.
Уж нечего было брать –
Решили тряпичного зайца отнять.

Пинком выбивали рамы.
Слышится голос мамы:
«Дэ доня? Доня дэ?»
А дочь уже в НКВД.

Пережили все потрясение –
Русских немцев шло выселение!
Путь лежал на Урал,
Где никто никогда не бывал.

Переполненный пульман. Голод.
Ночь в декабре. Холод.
Люди жмутся к «буржуйке»,
Не заметив затлевшей тужурки.

Прощайте, родные, акации, море...
Что ждет впереди? Может, черное горе?
Прощайте, Одесса, каштаны, мимозы,
Готовит судьба степи, шахты, морозы.

Опять наступила лихая пора:
Опять произвол, и режим, и пометки...
Чужая, чужая вокруг сторона
О том, что ты здесь, каждый месяц
отметки.

Так долго жили и стар и мал,
И каждый свое дело знал.
Терпели молча униженье,
Жить не утратили стремленья!

Все постепенно утряслось,
На новом месте обжилось.
Вторую Родину обрели,
К ней навеки приросли.

В Одессе сегодня российские немцы.
В Германии русские есть поселенцы.
Так где же их корни и кто их потомки?
Война превратила все судьбы

в обломки...

Галина Вильгельмовна Чихляева (Беккер), Алейск
Алтайского края. 2010

пейских стран не проводилось. Их выявляли общим порядком. Основная часть немцев-репатриантов проходила, главным образом, по четвертому пункту из шести, приведенных выше. Хотя были и те, кто прошел и по первым трем (советские немцы-военнопленные и те, чья служба в германских оккупационных структурах была установлена)¹⁵. Такая система деления репатриантов стала основной причиной того, что некоторые из немцев-репатриантов сумели после прохождения фильтрации вернуться на свою малую родину, но, к сожалению, не надолго. Органы НКВД быстро спохватились и стали направлять их в места спецпоселения.

О том, что органы НКВД заранее не продумали, что они будут делать с возвращающимися немцами-репатриантами, свидетельствует письмо начальника 1-го спецотдела НКВД Украинской ССР подполковника ГБ Смирнова от 5 июля 1945 г. начальнику 1-го спецотдела НКВД СССР полковнику ГБ Кузнецову с просьбой дать указания, что делать с немцами-репатриантами, возвращающимися после фильтрации на Украину в места своего прежнего проживания. Тут же ставился и еще один любопытный вопрос: «... подлежат ли прописке лица немецкой национальности, возвращающиеся на постоянное место жительства в г. Киев... какие документы необходимы для прописки. В случае отказа от прописки этим лицам, куда они подлежат переселению и каким порядком производить переселение»¹⁶. Характер задававшихся вопросов свидетельствует и о том, что, в частности, Смирнову не были известны даже директивы по репатриантам от 18 января, о которых мы говорили выше.

На письмо Смирнова ответ дал лично заместитель наркома внутренних дел В. Чернышов. Он приказал направить всех прибывших на Украину немцев в Новосибирскую область на спецпоселение, одновременно сообщив, что «лица немецкой национальности прописке на жительство в г. Киеве не подлежат»¹⁷. Интересно, что с подобными обращениями в централь-

Verfahrens ermittelt. Das Hauptkontingent der deutschen Repatrianten wurde im Wesentlichen Punkt 4 aus den o.g. sechs Punkten zugeordnet, obgleich es auch Fälle gab, die unter die Punkte 1 bis 3 fielen (sowjetdeutsche Kriegsgefangene und jene, die in den deutschen Besatzungsstrukturen Dienst geleistet hatten). Dieses Unterteilungssystem wurde zum Hauptgrund dafür, dass einige von den deutschen Repatrianten nach der Filtration in ihre Heimatorte zurückkehren konnten, leider jedoch nicht für lange Zeit. Die HKWD-Organen besannen sich sehr schnell und begannen sie auf Sondersiedlungen zu verteilen.

Dass sich die NKWD-Organen vorher nicht überlegt hatten, was sie mit den zurückkehrenden deutschen Repatrianten machen würden, verdeutlicht ein Schreiben des Leiters der 1. Sonderabteilung des NKWD der Ukrainischen SSR, des Oberstleutnants der Staatssicherheit Smirnow, vom 05. Juli 1945 an den Leiter der 1. Sonderabteilung des NKWD der UdSSR, den Obersten der Staatssicherheit Kusnezow, in dem er um Weisung bittet, was er mit den deutschen Repatrianten machen solle, die nach der Filtration in ihre alten Wohnorte in der Ukraine zurückkehren. In demselben Schreiben wurde eine weitere interessante Frage gestellt: „... ob Personen deutscher Volkszugehörigkeit, die an ihren ständigen Wohnsitz nach Kiew zurückkehren, der amtlichen Meldepflicht unterliegen..., welche Unterlagen für die Anmeldung erforderlich sind. Falls diesen Personen die Anmeldung verweigert wird, wohin sind sie dann umzusiedeln haben und nach welchem Verfahren die Umsiedlung zu erfolgen hat“. Die Art der gestellten Fragen zeugt auch davon, dass insbesondere Smirnow noch nicht einmal die Direktiven vom 18. Januar kannte, die wir oben bereits erwähnten.

Smirnows Schreiben wurde vom Stellvertreter des Volkskommissars für innere Angelegenheiten, W. Tschernyschow, beantwortet. Er gab den Befehl, alle in der Ukraine eingetroffenen Deutschen in die Sondersiedlungen des Gebiets Nowosibirsk verbringen zu lassen und teilte gleichzeitig mit, dass „Personen deutscher Volkszugehörigkeit in Kiew nicht mit amtlichem Wohnsitz gemeldet werden dürfen“. Interessant ist, dass sich dieselben ukrainischen Tschekisten mehrmals mit solchen Gesuchen an

Вильгельм Горх

Мой прадед Вильгельм Яковлевич Горх был родом из села Большая Аккаржа (Grossliebental, Большая Долина) Овидиопольского района Одесской области. Родился он в 1908 г. в бедной, многодетной семье. В положенное время женился на девушке Эмме, чьи родители позже были расстреляны. Они жили богато, и часть наследства досталась прадеду с женой. Прадед завел хозяйство, вступил в колхоз. И тут, наверное, наступил самый переломный момент в его жизни: он отказался помочь своим бедным родственникам, которые надеялись на помощь Вилли. В 1934 г. родился мой дед Иоган. Когда началась война, все родные прадеда были депортированы в Казахстан в Акмолинск. Лишь прадед остался на оккупированной территории со своей семьей. В конце 1941 г. поступил на службу в немецкую полицию. В 1942 г. родился еще один сын, назвали его Эрнст. Приближалась развязка войны, и прадед был эвакуирован с семьей в Вартегау, на границу Польши и Германии. В Польше родилась у них дочь Эмма. После войны моих родных, как граждан СССР, посадили в вагоны и отправили на север России, в Коми АССР, поселок Рыбница Кожвинского района. Прадед сбежал со спецпоселения в августе 1946 г., принятыми розыскными мерами 16 января 1947 г. был задержан. Военным трибуналом войск МВД Казахского округа от 24 января 1948 г. приговорен на основании ст.16-82 УК РСФСР к трем годам лишения свободы без поражения в правах с отбыванием наказания в ИТЛ, а также по статье 58-1а (измена Родине в форме перехода на сторону врага). Отбывал наказание в Долинке, т. е. в Карлаге. Прабабушка Эмма и ее дочь от голода и холода умерли в лагере в 1947 г. Мой дед был рабочим

в леспромхозе, а дядя Эрнст определен в детдом. Дедушка посещал брата, помогал.

Вскоре дед стал встречаться с девушкой в лагере. Она тоже была на спецпоселении из западной Украины. Родители ее были против их встреч и тем более женитьбы, но у них родился мальчик. Как назвали его, не знаем (предположительно Виктор). Дед списался с прадедом, который звал его переехать в Казахстан. Дед поехал на разведку, а вернувшись, не обнаружил своей жены и сына. Ему сказали, что она куда-то уехала с родителями и ребенком. К тому времени комендатуру сняли, и можно было уехать в любое место, кроме места прежнего проживания. Дед был неграмотный, так как на его детство выпала война и спецпоселение, поэтому он не мог ничего толком ни написать, ни искать, тем более ему на переезд было дано две недели, так как он уже устроился на работу в Казахстане. А за опоздание можно было попасть в тюрьму. И тогда дед возвращается в Казахстан, город Сарань. Здесь он встретил мою бабушку. Они поженились. Звали ее Анна Шефер. Всю ее семью в 1941 г. депортировали из Краснодарского края на Урал, в Копейск. Бабушка была в трудармии, строила завод. На Кубани осталось у них все – сады, домашнее хозяйство, пасека, дом. Бабушкин отец Конрад так и сгинул в трудармии. Мои бабушка и дедушка болели туберкулезом. Бабушка Анна заболела, находясь в трудармии. Именно эта болезнь сократила их земной путь. Бабушка умерла в 37 лет, несмотря на то что лечилась на курортах, дедушка умер в 50. У них родились сын Василий в 1958 г. (мой отец) и дочь Ирина в 1962 г....

Николай Горх (26 лет)

ный аппарат НКВД те же украинские чекисты обращались неоднократно, и каждый раз пункты и районы отправки немцев-репатриантов на спецпоселение были разными. То же можно сказать и о чекистах других территорий, где появлялись немцы-репатрианты, прошедшие проверку, например Прибалтики. Из этого можно сделать заключение, что в течение определенного периода времени (по всей видимости, до 14 августа 1945 г.) у центрального руководства НКВД не было четкого плана размещения немцев-репатриантов, и оно, направляя последних в те или иные места на спецпоселение, часто даже не согласовывало эти решения с местными органами власти и НКВД. Об этом свидетельствует и тот колоссальный наплыв немцев-репатриантов в Казахскую ССР, который вызвал настоящую панику у местного руководства.

В первых числах августа 1945 г. в адрес В. Чернышова поступила срочная телеграмма от руководства Казахского НКВД, в которой, в частности, говорилось, что в последнее время в Казахскую ССР поступают целыми эшелонами, к тому же без всякого предупреждения, лица немецкой национальности, прошедшие фильтрационную обработку в основном в Брестском погранично-фильтрационном пункте НКВД. Например, 24 июля на станцию Актюбинск прибыло 528 семей (1134 чел.), 28 июля – 750 семей (1079 чел.), 29 июля – 347 семей (750 чел.). В Акмолинскую область уже прибыло 3900 человек, в Карагандинскую область – 7908 и т. д. Такой наплыв репатриантов ведет к катастрофическим последствиям, так как люди оказываются без жилья и средств к существованию¹⁸.

Приведенная телеграмма свидетельствует также о том, что отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД и, в частности, его начальник генерал-майор Шитиков не выполнил (к сожалению, неизвестно, по какой причине) указания генерал-полковника В. Чернышова, поступившего еще 1 июля 1945 г. о том, что всех немцев – граждан СССР надлежало направлять:

die NKWD-Zentrale wandten und dass sich die Ortschaften und Bezirke, in welche die deutschen Repatrianten in eine Sondersiedlung verbracht werden sollten, jedes Mal änderten. Dasselbe lässt sich zu den Tschekisten aus anderen Gebieten berichten, in denen deutsche Repatrianten nach ihrer Überprüfung eintrafen, z.B. aus dem Baltikum. Hieraus lässt sich schließen, dass während eines bestimmten Zeitraums (allem Anschein nach bis 14. August 1945) die Führung der NKWD-Zentrale über keinen präzisen Plan für die Verteilung und Unterbringung der deutschen Repatrianten verfügte und dass sie die Zuweisung dieser Repatrianten zu den einen oder anderen Sondersiedlungen oft noch nicht einmal mit den lokalen NKWD-Organen abstimmt. Hiervon zeugt auch jener kolossale Ansturm deutscher Repatrianten auf die Kasachische SSR, der bei der lokalen Führung eine wahre Panik hervorrief.

In den ersten Augusttagen 1945 ging bei W. Tschernyschow ein Eiltelegramm der Führung des kasachischen NKWD ein, in dem unter anderem davon die Rede war, dass in letzter Zeit in der Kasachischen SSR in ganzen Güterzügen Personen deutscher Volkszugehörigkeit und zudem noch ohne jede Vorankündigung eintrüfen, welche hauptsächlich in dem grenznahen NKWD-Filtrationspunkt bei Brest das Filtrationsverfahren durchlaufen hätten. So seien z.B. an der Bahnstation Aktjubinsk am 24. Juli 528 Familien (1.134 Personen), am 28. Juli 750 Familien (1.079 Personen), am 29. Juli 347 Familien (750 Personen) angekommen. Im Gebiet Akmola seien schon 3.900 Personen und im Gebiet Karaganda 7.908 Personen usw. eingetroffen. Ein solcher Ansturm von Repatrianten bringe katastrophale Folgen mit sich, da die Menschen ohne Wohnraum und Existenzgrundlage seien .

Das zitierte Telegramm belegt ebenfalls, dass die Überprüfungs- und Filtrationslager des NKWD und insbesondere deren Leiter Generalmajor Schitikow die schon am 01. Juli 1945 eingegangenen Weisungen von Generaloberst W. Tschernyschow nicht befolgt hatten (leider ist der Grund hierfür nicht bekannt), dass mit allen Staatsbürgern der UdSSR deutscher Volkszugehörigkeit folgendermaßen umzugehen sei: „arbeitsfähige Alleinstehende und Personen aus Kleinfamilien, deren

Иван Штейнбек, Елена Дерингер

Дедушка и бабушка Сергея Гриценко Каспер Дерингер и Евгения (урожд. Штейнбек) со своими детьми

Тем, кто родился после войны, многое уже не понять, и того, что пережило то поколение, нам не пережить. Можно только слушать рассказы дедушек и бабушек, читать воспоминания тех, кто выжил, и стараться осознать, попытаться почувствовать, что они пережили, и сохранить это в памяти.

Очень многие депортированные немцы уже ушли, и вместе с ними уходит история. От нас и только от нас зависит, чтобы она не ушла навсегда. Мы, внуки и правнуки, знаем не так уж и много о своих родных, которые в 1940-х гг. были насильно депортированы. У меня в семье эта трагедия коснулась как прабабушку с ее семьей, так и прадедушку.

Мой прадедушка Штейнбек Иван Иосифович 1900 г. р. и вся его семья: жена – Штейнбек (Фукс) Александра Петровна; дочь – Евгения (моя бабушка) и сын Адольф, уроженцы города Краматорска, Сталинской области, были подвергнуты в административном порядке направлению на спецпоселение в Алтайский край, Троицкий район. По рассказам моей бабушки, я знаю только то, что в один день к ним пришли домой люди в

форме, велели быстро собраться (с собой им разрешили взять только одни документы, многие даже не успели захватить теплых вещей) и, погрузив их в машину, увезли на вокзал. Там их поместили в товарный вагон для скота, полно набитый людьми, среди которых в большом количестве были дети и старики. Никто не знал, какая судьба ожидает их. Очень долго добирались до места назначения, пережили голод, холод и унижение, люди болели, умирали, у них не было с собой ни лекарств, ни еды.

Еще тяжелее пришлось моей прабабушке Дерингер Елене Викентьевне, 1903 г. р., троим ее сыновьям и ее матери Дешле Магдалине, уроженцам села Кляйнлибельталь Овидиопольского района Одесской области, с октября 1941 г. по март 1944 г. проживавшим на

временно оккупированной противником территории. Работали они в собственном хозяйстве. В апреле 1944 г. Елена Викентьевна с двумя младшими сыновьями Иосифом и Пиусом были угнаны в Польшу, в город Вартебриг, где находились по 1945 г., а старший сын Каспер в августе 1944 г. был вывезен в Германию в село Гогенфольфин, где работал у хозяина по январь 1945 г. В мае 1945 г. был вновь выслан из Германии в Польшу, где воссоединился со своей семьей. В августе 1945 г. семью в полном составе из Польши по национальному признаку в административном порядке направили на спецпоселение в Вологодскую область, Вожегодский район, деревню Либник, где они находились по май 1948 г. После чего были перенаправлены в Алтайский край, Троицкий район.

«трудоспособных одиночек и малосемейных, в числе которых большинство трудоспособных» – в Богословлаг НКВД СССР (в Свердловской области) и Ухтинский комбинат НКВД (Коми АССР), а «многосемейных» – в Таджикскую ССР на станцию Сталинабад «в распоряжение НКВД Таджикской ССР»¹⁹. Видимо, поэтому 14 августа во все проверочно-фильтрационные пункты НКВД из Москвы ушла еще одна очень грозная по содержанию телеграмма, требовавшая «дальнейшую отправку немцев – граждан СССР во все области Казахской ССР прекратить» и направлять их туда, куда указывалось в телеграмме от 1 июля, т. е. в Богословлаг, в Ухтинский комбинат и Таджикскую ССР с теми же критериями сортировки²⁰.

Следует отметить, что, как показывают исследования, первые немцы-репатрианты небольшими группами начали прибывать на территорию СССР приблизительно с января 1945 г. Именно им еще удалось, хоть и не надолго, побывать в родных местах. Однако поток репатриантов быстро нарастал и принял характер настоящего половодья в июле-августе 1945 г. Документы свидетельствуют, что в это время в пограничных проверочно-фильтрационных пунктах и лагерях скопилось большое число советских немец-репатриантов и условия их пребывания там были весьма нелегкими. В подтверждение приведем телеграмму начальника Брестского пограничного проверочно-фильтрационного пункта подполковника Смурова в адрес наркома внутренних дел Л. Берии от 19 августа 1945 г. Уже сам факт того, что чиновник среднего ранга, минуя все промежуточные инстанции и тем самым нарушая ведомственный устав, напрямую обращался к своему главному руководителю – наркому, да еще такому человеку, как Берия, свидетельствует о том, что обстановка в этом лагере приняла катастрофический характер.

Смуров сообщал Берии: «На Брестском проверочно-фильтрационном пункте НКВД сосредоточилось до 7000 человек русских немцев. Из них мужчин 797, женщин 2420, детей 3037. Все они

Mitglieder in ihrer Mehrheit arbeitsfähig sind,“ in das BogoslowLag des NKWD der UdSSR (im Gebiet Swerdlowsk) und in das Kombinat Uchta des NKWD (Komi ASSR), und „Kinderreiche“ in die Tadschikische SSR zur Bahnstation Stalinabad „zur Verfügung des NKWD der Tadschikischen SSR“. Offensichtlich war dies der Grund dafür, dass am 14. August an alle Überprüfungs- und Filtrationspunkte des NKWD aus Moskau ein weiteres Telegramm mit sehr drohendem Unterton ging, in dem gefordert wurde, „die weitere Verbringung von Staatsbürgern der UdSSR deutscher Volkszugehörigkeit in alle Gebiete der Kasachischen SSR einzustellen“ und sie an die Orte zu schicken, die im Telegramm vom 01. Juli genannt seien, das heißt, in das BogoslowLag, das Kombinat Uchta und die Tadschikische SSR nach denselben Aufteilungskriterien .

Hier ist anzumerken, dass – wie aus den Untersuchungen hervorgeht – die ersten deutschen Repatrianten etwa ab Januar 1945 in kleinen Gruppen in der UdSSR eintrafen. Eben sie waren es, denen es, wenn auch nicht für lange Zeit, gelang, in ihren Heimatorten zu bleiben. Der Strom der Repatrianten wuchs jedoch schnell an und nahm in den Monaten Juli und August 1945 die Formen einer wahren Flutwelle an. Die Dokumente belegen, dass sich in dieser Zeit in den grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkten und Lagern eine große Anzahl sowjetdeutscher Repatrianten angesammelt hatte und deren Existenzbedingungen dort alles andere als leicht waren. Als Beweis führen wir ein Telegramm des Leiters des grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunktes bei Brest, des Oberstleutnants Smurow, an den Volkskommissar für innere Angelegenheiten, L. Beria, vom 19. August 1945 an. Schon allein die Tatsache, dass sich ein mittlerer Beamter unter Umgehung des gesamten Dienstweges und unter Verstoß gegen die Dienstvorschrift direkt an seinen obersten Chef, den Volkskommissar, wandte, und dann auch noch an einen solchen Menschen wie Beria, belegt, dass die Umstände in diesem Lager katastrophale Ausmaße annahmen.

Smurow teilte Beria Folgendes mit: „Im grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest sind 7.000 Russlanddeutsche kon-

Супруги Менг и Гевейлер

Супруги Менг и Гевейлер.
Соликамск, 1965 г.
Из архива В.Ф. Гевейлера.
Слева направо: Мина
Менг с внучкой, Амалия
Гевейлер, Адольф Менг,
Филипп Гевейлер. В 1942 г.
семья Менг вывезена
из Стрельнинской колонии
в Германию, после
репатриации находилась
на спецпоселении
в Соликамске.

находились на сборно-пересылочных и фронтовых лагерях. На руках имеются документы в разные районы Союза. На подходе к Бресту русских немцев до 30 эшелонов. Вагонов для отправки железная дорога не предоставляет. Прошу вашей помощи в предоставлении пункту 50 вагонов ежедневно».²¹

У приведенной выше телеграммы есть еще один интересный аспект. Она говорит о том, что люди, попавшие на Брестский ПФП НКВД, уже до этого прошли проверку на фронтовых и армей-

ских ПФП, где их проверяли специальные комиссии с участием сотрудников СМЕРШ. Более того, у них уже были конкретные направления на поселения. Значит ли это, что в Бресте они проходили по-

вторную проверку органами НКВД? Думается, что нет. Скорее всего, Брестский ПФП использовался как перевалочная база для перегрузки, поскольку в Европе, как известно, железнодорожная колея уже, чем в СССР. Об этом косвенно свидетельствует и письмо В. Чернышова от 21 августа 1945 г. начальникам отделов ПФЛ и спецпоселений НКВД СССР, в котором он требует от них принять меры к экстренной разгрузке отнемцев-репатриантов проверочно-фильтрационного пункта в г. Волковыске Гродненской области Белорусской ССР, где их также скопилось несколько тысяч. Приказывая отправить немцев-репатриантов на спецпоселение, В. Чернышов тут же дает указание прибывших в тот же ПФЛ бывших эсэсовцев в числе 1100 человек подвергнуть проверке.²²

На июль-август 1945 г. приходился пик в числе немцев-репатриантов, поступавших ежемесячно в СССР. В дальнейшем их поток стал постепенно уменьшаться, но не иссякал еще многие месяцы, в том числе он имел место и в 1946 г. Например, в январе 1946 г. 310 репатриантов из Латвии были направлены в Тюмен-

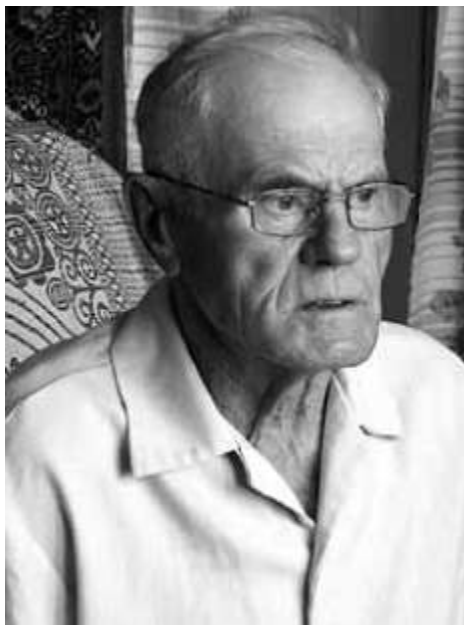
центриert. Hiervon sind 797 Männer, 2.420 Frauen und 3.037 Kinder. Alle haben sie sich in Sammel- und Verschickungsstellen sowie Frontlagern befunden. Sie haben Dokumente für verschiedene Bezirke der Union in der Hand. In Richtung Brest sind bis zu 30 Züge mit Russlanddeutschen unterwegs. Die Eisenbahn stellt keine Waggons für den Weitertransport zur Verfügung. Ich ersuche um Ihre Unterstützung mit 50 Waggons täglich.”

Das o.g. Telegramm enthält einen weiteren interessanten Aspekt. Es ist die Rede davon, dass Menschen, die im grenznahen Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest eingetroffen sind, schon vorher in den Überprüfungs- und Filtrationspunkten der Armee und an der Front Überprüfungen durchlaufen haben, welche durch Sonderkommissionen unter Hinzuziehung von Mitarbeitern des SMERSCH erfolgt sind. Darüber hinaus hatten sie schon konkrete Zuweisungen zu Siedlungen. Heißt dies, dass sie in Brest durch die NKWD-Organе noch einmal überprüft wurden? Das ist wohl kaum anzunehmen. Es ist eher so, dass der grenznahe Überprüfungs- und Filtrationspunkt des NKWD bei Brest als Umschlagsbasis für die Umladung genutzt wurde, denn in Europa ist bekanntermaßen die Eisenbahnspurweite enger als in der UdSSR. Hiervon zeugt indirekt auch ein Schreiben W. Tschernyschows vom 21. August 1945 an die Leiter der Abteilung Überprüfungs- und Filtrationslager und der Abteilung Sondersiedlung des NKWD der UdSSR, in dem er sie dazu auffordert, Maßnahmen zur Soforträumung des Überprüfungs- und Filtrationspunktes der Stadt Wolkowysk, Gebiet Grodno, Weißrussische SSR, von deutschen Repatrianten zu ergreifen, die sich auch dort bereits zu einigen Tausenden angesammelt hatten. Der Befehl W. Tschernyschows, die deutschen Repatrianten in Sondersiedlungen zu verbringen, enthält zudem die Weisung, die in diesem Überprüfungs- und Filtrationspunkt eingetroffenen ehemaligen 1.100 SS-Mitglieder einer Überprüfung zu unterziehen.

Im Juli und August 1945 erreichte die Anzahl der monatlich in der UdSSR eintreffenden deutschen Repatrianten ihre Höchstmenge. In der Folgezeit begann der Strom allmählich abzunehmen, kam jedoch noch lange Monate nicht zum Versiegen und hielt auch 1946 noch an. Im Ja-

В СССР было возвращено свыше 200 тысяч немцев-репатриантов.

Франц Тайхриб

« В окрестностях Францсталя, где мы жили до войны было много немецких поселков. Все поселки располагались в ряд, до города Токмак. По преданию, при Екатерине Великой мои предки переселились из Голландии, они были меннонитами. В семье у нас было четверо детей: Иван (1927 г.р.), Петр (1928 г.р.), Дмитрий (1930 г.р.), Франц (1932 г.р.). Все родились на Украине. Когда началась война, мобилизации в нашем селе не было. Немцы заняли село в 1941 году. Колхозы ликвидировали, скот раздали населению, разделили и землю. Каждый стал жить своим хозяйством. Работали много. Но и оставалось время на танцы под гармошку и пение. Мы хорошо понимали немецкий язык, на котором говорили солдаты. Этот литературный язык выучили в школе. Диалект Plattdietsch, на котором мы говорили между собой, солдаты понимали плохо. До сих пор я говорю на этом диалекте. До 1943-го никого в Германию не забирали, даже молодежь. В 1943 году, когда фронт стал приближаться, всех насильно вывезли. Нашу семью это коснулось тоже. Уходили всем селом, колонной. Впереди на грузовике-полупортке ехал бывший председатель колхоза. Он готовил места для ночлега. За машиной – все остальные семьи на лошадях. У нас была большая телега, в которую были запряжены две лошади. Перевались через Днепр. Там сделали большую остановку. Потом добрались до железной дороги, где всех погрузили в эшелон и повезли в Польшу. Там мы пробыли год. Недалеко от города Шлаков нам дали квартиру. Работали мы на хозяина-помещика, у которого было большое хозяйство. Кормили очень хорошо. Кормил хозяин три раза в день, а еще на поле приносили кофе, хлеб с маслом и колбасой. Кроме этого, давали талоны на продукты. Наемных рабочих было много. В основном это были поляки. Их кормили так же, как и немцев, и еще платили.

В 1944 году немцев вывезли в Германию, в какой-то городок в 30 километрах от Эльбы. Поселили у помещика, у которого был свой спиртовой завод. Мы и работали у него, но недолго – война закончилась. Все члены семьи имели документы и паспорта, но в армию отца и старших братьев не брали.

В 1945 году, после окончания войны, всех погрузили в эшелоны и повезли, как сказали, на родину. Но привезли в Коми. Выгрузили на станции в Княжпогосте. Затем на лошадях привезли в Визингу, а от ту-да – в поселок Ниашор. Ниашор был большим поселком. Он был основан раскулаченными поселенцами. К тому времени, когда привезли немцев, поселок уже был благоустроенным, застроенным большими рубленными домами на четыре квартиры каждый (квартира – одна комната и кухня). Поселенцы были уже вольными людьми, по крайней мере, большинство из них, уже на учете не состояли. В поселке был не лесопункт, а колхоз «Сталинец» (но были лесозаготовительные бригады из колхозников, которые отправляли на лесозаготовки на зиму в леспромхозы). Колхоз был передовым. Поля были огромные, выращивали рожь, овес, ячмень и даже пшеницу. Урожаи были хорошие. Когда я стал механизатором и работал в колхозе, получал на трудодень 3 килограмма зерна, не знал, куда его деть. В поселке был большой детский дом на 500 человек. В Ниашоре мы купили квартиру в стандартном бревенчатом 4-квартирном доме. Немцы отмечались у коменданта. Но мне разрешили уехать на учебу. Помог директор Визингской МТС (зимой колхозные механизаторы работали в Визинге в МТС, ремонтировали технику, я работал с ними). В 1956 году я женился. В 1957 семья переехала в Бортом, так как из Ниашора все разъехались, детдом закрыли. В Бортоме работал на лесозаготовках.

Воспоминания Тайхриба Франца Ивановича

скую область, в феврале – 800 человек из ПФП Закарпатья последовали туда же. В марте 681 немец из Владимир-Волынского ПФП Украинской ССР был направлен в Сталинабад. В апреле 1250 репатриантов, скопившихся на ПФП во Франкфуртена-Одере, отправили на станцию Котлас Архангельской области²³. Точно определить процесс завершения репатриации советских немцев пока представляется невозможным. Для этого нужны еще более глубокие и тщательные исследования документов Управления Ф. Голикова, отделов ПФЛ и спецпоселений НКВД, а также документов армейских и фронтовых СПП Министерства обороны СССР.

В целом, по опубликованным данным, в СССР были возвращены свыше 200 тыс. немцев-репатриантов. Точное их число назвать невозможно, так как приводимые данные хоть и близки друг к другу, но все же несколько разнятся. Кроме того, некоторые из этих данных показывают численность репатриантов уже через несколько лет после войны. Тем не менее, даже приблизительное число репатриированных позволяет заключить, что не всех немцев, покинувших в годы войны СССР, советским репатриационным органам удалось вернуть. Примерно третья их часть осталась на Западе.

Те же, кто был возвращен в СССР, оказались расселены буквально по всей территории Советского Союза. В 1991 г. российский исследователь В. Земсков опубликовал в журнале «История СССР» интереснейшие материалы, посвященные заключенным, спецпоселенцам, ссыльнопоселенцам, ссыльным и высланным в СССР (такова была градация репрессированных в НКВД–МВД СССР. – А.Г.) по состоянию на 1 января 1953 г. Среди широко многообразия различных категорий репрессированных можно вычленилть и немцев-репатриантов.

Из приведенной В. Земсковым статистики явствует, что, по данным МВД СССР, в январе 1953 г.²⁴ в СССР на спецпоселения находились 208 388 немцев-репатриантов. Из них в наличии

нвар 1946 wurden z.B. 310 Repatrianten aus Lettland in das Gebiet Tjumen verbracht, im Februar 800 Personen aus dem Überprüfungs- und Filtrationspunkt der Karpato-Ukraine ebenfalls dorthin. Im Mai wurden 681 Deutsche aus dem Überprüfungs- und Filtrationspunkt Wladimir-Wolynski in der Ukrainischen SSR nach Stalinabad verschickt. Im April transportierte man die 1.250 Repatrianten, die sich im Überprüfungs- und Filtrationspunkt in Frankfurt an der Oder angesammelt hatten, zur Bahnstation Kotlas im Gebiet Archangelsk. Den abschließenden Prozess der Repatriierung der Sowjetdeutschen genau zu verfolgen, ist bis jetzt immer noch nicht möglich. Hierfür wäre eine intensivere und genauere Untersuchung der Dokumente der Verwaltung von F. Golikow, der Abteilung Überprüfungs- und Filtrationslager und der Abteilung Sondersiedlung des NKWD sowie der Dokumente aus den Sammel- und Verschickungsstellen bei der Armee und an der Front des Verteidigungsministeriums der UdSSR nötig.

Insgesamt wurden den veröffentlichten Daten zufolge über 200.000 deutsche Repatrianten in die UdSSR zurückgeführt. Eine genaue Zahl zu nennen ist unmöglich, denn die angeführten Daten ähneln sich zwar, weisen aber trotzdem Unterschiede auf. Zudem ist in diesen Daten die Anzahl der Repatrianten erst für einige Jahre nach dem Krieg angegeben. Nichtsdestoweniger lässt sogar der für die Anzahl der Repatriierten erhaltene Näherungswert den Schluss zu, dass es den sowjetischen Repatriierungsbehörden nicht gelang, alle Deutschen, die in den Kriegsjahren die UdSSR verlassen hatten, zurückzuführen. Etwa ein Drittel von ihnen blieb im Westen.

Die in die UdSSR Zurückgeführten wurden jedoch buchstäblich über das gesamte Staatsgebiet der UdSSR verteilt. 1991 publizierte der russische Wissenschaftler W. Semskow in der Zeitschrift „Geschichte der UdSSR“ hochinteressante Materialien, die sich mit Stand zum 01. Januar 1953 auf Gefangene, Sondersiedler, Zwangssiedler, Verbannte und Ausgewiesene in der UdSSR (dies war die Abstufung der Repräsentierten im NKWD-MWD der UdSSR. – A.G.) beziehen. Aus der breiten Kategorienvielfalt der Repräsentierten lassen sich auch die deutschen Repatrianten ausgliedern.

Имя Грунвальд я получил от дедушки: он участвовал в Грунвальдской битве, в честь нее меня и назвали. Дед Готлиб Реер дослужился до звания старшины. Был участником Русско-японской и Первой мировой войн. В каждой войне получил по Георгиевскому кресту, в японскую за то, что благодаря его хитрости смогли взять амбразуру. Во время Великой Отечественной войны оба креста отобрали немцы. Кстати, прадед по материнской линии, Густав Лянге, уехал работать в Америку на литейном заводе. Хорошо зарабатывал, но обратно его не пустили. Имел двухэтажный дом. На производстве получил травму глаза, что вызвало частичную потерю зрения. От него пришло только одно письмо. В нем он написал, что если бы мы к нему приехали, то он смог бы нас всех обеспечить.

Мы жили в большом селе Круглик, недалеко от немецких колоний Антоновка и Дерманка. В 1939 году наша семья переехала в новый дом, половина крыши которого была покрыта черепицей, а другая половина – соломенной. У всех остальных домов были только соломенные крыши. Дом был из бруса, дылено-вый, состоял из четырех комнат – кухни, зала, детской и столовой. На кухне была русская печь. Возле дома был сарай и огород. Всего было шесть соток земли. Сад у них был одним из самых лучших. Там были груши, райские яблони, антоновка, но любимым лакомством были цыганки (перезревшие яблоки). Помню, что в 1932 году были сильные морозы. У всех погибли сады. А мой дедушка для того, чтобы сад не замерз, разводил костры, и благодаря дымовой завесе, смог спасти сад.

Однажды ночью (уже шла война) к дому прискакал комендант Гарлиш с плеткой и пистолетом и велел немедленно собраться, потому что немцы проводят эвакуа-

цию. Наша семья, как и многие другие семьи, пошла пешком в Шепетовку. Там вагоны стали бомбить советские войска. Из-за бомбежки началась неразбериха, и брат Алексей смог убежать. Как потом стало известно, его приютила одна женщина.

Наша семья попала в город Лисманнштадт. Работали мы у господина фон Шауберта. Бабушка и дедушка были на тот момент были определены в дом престарелых. Я работал у владельца хозяйственного магазина господина Зандерса, жена которого часто болела и была бесплодна. Хозяин относился ко мне, как к сыну. Приходилось делать всякую работу и по дому, и в магазине. В лагере кормили плохо (завтрак и ужин – чашка кофе, булочка; обед – ложка шпината, две картошки). Мой младший брат ввиду маленького возраста получал на одну булочку больше, но делился со мной половинкой.

Когда стали подходить советские войска в 1943 году, нас перевезли в Чехословакию – в Эгер. Мать из-за беременности осталась в Оберлике и родила мертвого сына. После войны ее увезли в Вологду. Бабушка и дедушка были сосланы в Иваново, там они позднее и встретились с внуком Алексеем, который обучался в этом же городе. Полгода наша семья пробыла в Эгере, откуда нас никуда не выпускали. Освободили город американцы. Приехали послы различных наций. Русский посол записал наши фамилии и чуть позже нас забрали и через сборный пункт на Эльбе отправили домой. Домой отправляли всех, кроме лиц немецкой национальности. Подруга сестры посоветовала изменить свои имена и фамилии на русские, а дома уже сказать, что документы были утеряны. Так мы и поступили. Когда мы вернулись домой, дом был занят. В марте 1949 года мы приехали к отцу в село Мырты-Ю. В 1954-м к нам присоединился Алексей.

Грунвальд Реер

Из воспоминаний Грунвальда Реера. Грунвальд Григорьевич родился в 1930 году в селе Круглик Берездовского района Хмельницкой области. Сегодня проживает, в селе Исанево Сысольского района Республики Коми.

числились 203 796 человек, в розыске находились 147, были арестованы 4445. В исправительно-трудовых лагерях и на стройках МВД трудились 540 репатриантов.

Среди находившихся на спецпоселении больше всего – 145 858 человек (70 %) – проживало в РСФСР, 42 850 человек (20 %) – в Казахской ССР и 18 023 человека (8,7 %) – в Таджикской ССР. В других союзных республиках (Узбекской, Киргизской, Туркменской) проживали остальные 2,3 % немцев-репатриантов. В РСФСР немцы-репатрианты проживали в 9 автономных республиках, 4 краях и 29 областях. Ареал проживания этой категории немцев включал в себя обширную территорию от Московской и Тульской областей на западе до Приморского края, Сахалина и Дальнего Севера (т. е. Колымы, Камчатки и Чукотки) на востоке, от Крайнего Севера до южной границы СССР с Монголией. Наибольшее число репатриированных немцев проживали: на Урале (в Молотовской обл. – 17 831, Свердловской обл. – 12 076, Удмуртской АССР – 7 580, Челябинской обл. – 4264 и др.); на Европейском Севере РСФСР (в Архангельской обл. – 10 976, в Коми АССР – 10 131, в Вологодской обл. – 9462 и др.); в Западной Сибири (в Алтайском крае – 13 841, в Новосибирской обл. – 13 262, в Томской обл. – 5830, в Кемеровской обл. – 4888 и др.).

Неожиданно много немцев-репатриантов оказалось расселено в центральных областях и Волго-Вятском регионе (Костромская обл. – 6342, Кировская обл. – 5735, Марийская АССР – 2594, Ивановская обл. – 1779, Горьковская обл. – 1174 и др.) Достаточно большие группы репатриированных немцев имелись в республиках, краях и областях Восточной Сибири (в Иркутской обл. – 4418, в Красноярском крае – 3200, в Якутской АССР – 977, в Бурят-Монгольской АССР – 867 и др.).

В целом ряде республик, краев и областей репатрианты оказались в совершенно незначительных количествах (например, на Сахалине – 1, во Владимирской обл. – 2, в Рязанской обл. – 8 и т. п.). Скорее всего, в отмеченные места эти люди попали уже по

Die von W. Semschow angeführte Statistik zeigt, dass sich laut Daten des MWD der UdSSR im Januar 1953 208.388 deutsche Repatrianten in Sondersiedlungen befanden. 203.796 waren erfasst, nach 147 wurde gefahndet und 4.445 waren in Haft. In Besserungsarbeitslagern und auf Baustellen des MWD waren 540 Repatrianten eingesetzt.

Von den in Sondersiedlungen Befindlichen, lebten die meisten, nämlich 145.858 Personen (70%) in der RSFSR, 42.850 Personen (20 %) in der Kasachischen SSR und 18.023 Personen (8,7 %) in der Tadschikischen SSR. In anderen Unionsrepubliken (der usbekischen, kirgisischen und turkmenischen) lebten die restlichen 2,3 % der deutschen Repatrianten. Innerhalb der RSFSR lebten die deutschen Repatrianten in 9 autonomen Republiken, 4 Regionen und 29 Gebieten. Das Verbreitungsgebiet dieser Kategorie von Deutschen umfasste ein riesiges Territorium von den Gebieten Moskau und Tula im Westen bis zur Region Primorje, bis Sachalin und bis zum „Fernen Norden“ (d.h. bis Kolyma, bis zur Kamtschatka und Tschukotka) im Osten, vom „Hohen Norden“ bis zur Südgrenze der UdSSR mit der Mongolei. Die überwiegende Anzahl der repatriierten Deutschen lebte in folgenden Gebieten: im Ural (im Gebiet Molotow 17.831, im Gebiet Swerdlowsk 12.076, in der Udmurtischen ASSR 7.580, im Gebiet Tscheljabinsk 4.264 u.a.); im europäischen Norden der RSFSR (im Gebiet Archangelsk 10.976, in der Komi ASSR 10.131, im Gebiet Wologda 9.462 u.a.); in Westsibirien (in der Region Altai 13.841, im Gebiet Nowosibirsk 13.262, im Gebiet Tomsk 5.830, im Gebiet Kemerowo 4.888 u.a.).

Unerwartet viele deutsche Repatrianten wurden in den zentralen Gebieten und im Flussbecken von Wolga und Wjatka angesiedelt (Gebiet Kostroma 6.342, Gebiet Kirow 5.735, Marische ASSR 2.594, Gebiet Iwanowo 1.779, Gebiet Gorki 1.174 u.a.). Recht große Gruppen repatriierter Deutscher gab es auch in den Republiken, Regionen und Gebieten Ostsibiriens.

In einer ganzen Reihe von Republiken, Regionen und Gebieten waren die Repatrianten nur mit einer ganz kleinen Minderheit vertreten (z.B. auf Sachalin 1, im Gebiet Wladimir 2, im Gebiet Rjasan 8 u.Ä.). Es wird

Елена Герасимова

Елена Герасимова (с газетой)
на нижнем складе
Кужбинского лесопункта Усть-
Куломского р-на Коми АССР.
1956.

« Моя бабушка, Елена Александровна Герасимова, немка. Родилась она в 1933 г. в Житомирской области. Когда началась война, ее семья не успела эвакуироваться и до ноября 1943 г. находилась в оккупации. А когда советские войска начали наступать, то немецкая армия отправила на Запад многих мирных жителей, в том числе и мою прабабушку Иду Вильгельмовну Лангнер с детьми. Она попала в лагерь для иностранных рабочих в Линце. Весной 1945 г. войска союзников освободили военнопленных и восточных рабочих, которых затем вывезли в Грац. Там был сборный пункт по отправке угнанных людей на Родину. Всем освобожденным выдали солдатские пайки, погрузили в товарные вагоны. Ехали через Венгрию, Чехословакию, Польшу. В каждом из этих государств задерживали в «фильтрационных» лагерях. В этих лагерях мою прабабушку допрашивали: кто она, откуда, как попала в Германию? Имела ли связи с немцами? У нее не было документов, и на первом же допросе она назвала себя Зинаидой Васильевной, скрыв свое настоящее имя, так как боялась, что расстреляют вместе с детьми. В августе 1945 г. прибыли на родную станцию Белокоровичи. Родовались, что вернулись живыми на Родину. Но Родина не прощает ошибок, а ошибка была в том, что они немцы.

Согласно директиве НКВД СССР №181 от 11.10.1945 г. советских немцев, вывезенных в годы войны в Германию, Австрию, Польшу, Чехословакию, переселяли в восточные районы страны. Эта участь постигла и семью бабушки. В ноябре 1945 г. в суточный срок им приказали собраться. Районный НКВД выделил милиционера, который сопровождал семью от станции Белокоровичи до пункта назначения. Вместе с ними в поезде ехали семьи с Украины, Молдавии, Белоруссии, Чехословакии. Никто не знал, куда их везут. Конечной остановкой была станция Княжпогост. Отсюда многих отправили по этапу в Усть-Вымлаг. Семейку бабушки направили на станцию Вёздино – «105 км». Там уже жили спецпоселенцы. Поселили в бараки. Было тяжело: непривычно холодная и продолжительная зима, постоянная нехватка еды забирали последние силы. Жили в бараках, спали на двухъярусных нарах, вместо матрасов и подушек стелили еловые ветки. Каждые три дня Ида Вильгельмовна должна была отмечаться в спецкомендатуре. В декабре 1946 ей стало так плохо, что она вся опухла от голода, ее увезли в больницу. А ее детей определили в Усть-Вымский детский дом. Но и здесь сытыми они не были. Весной детдомовцы налегали на хвощ, у многих болели животы. Безднажно больных детей относили в соседнюю часовенку,

своей воле с разрешения органов МВД в целях воссоединения семей. Такая практика в первые послевоенные годы, как известно, имела место (Приложение 5).

В документах Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР, в которых речь шла о репатриированных немцах, в графе «На какой срок выселены» было зафиксировано: «Без указания сроков», т. е., точно так же, как и у всех остальных немцев СССР, ставших спецпоселенцами. В местах спецпоселения немцы-репатрианты попадали под действие тех же законодательных актов, что и все остальные немцы (в том числе и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.), они находились в сфере ответственности Отдела спецпоселений. Однако во всех учетных документах проходили отдельной графой.

В дальнейшем судьба немцев-репатриантов неразрывно связана с судьбой остальных советских немцев. Имеются отдельные свидетельства того, что в ряде регионов страны некоторым репатриантам пытались отказать в распространении на них Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении...», однако документально такие свидетельства пока не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. Скорее всего, как представляется, препятствия в снятии ограничений чинились тем репатриантам, которые за сотрудничество с оккупационными германскими властями получили двойное наказание: заключение и последующую ссылку (такая практика в советском исправительно-трудовом законодательстве в те годы была распространена достаточно широко). Естественно, что в конце 1955 – начале 1956 гг. не снимали ограничений с тех, у кого срок ссылки, как уголовного наказания, еще не закончился.

В целом следует отметить, что история советских немцев-репатриантов изучена еще достаточно слабо. В этом направлении необходимы дальнейшие исследования.

wohl am ehesten so sein, dass die Menschen auf eigenen Wunsch mit Genehmigung der MWD-Organen und zwecks Familienzusammenführung in die bezeichneten Gegenden kamen. Eine solche Praxis gab es bekanntermaßen in den ersten Nachkriegsjahren (s. Anlage 5).

In den Dokumenten der Abteilung Sondersiedlung des MWD der UdSSR und in der 9. Abteilung des Ministeriums für Staatssicherheit der UdSSR, in denen es um die repatriierten Deutschen ging, wurde in der Spalte „für wie lange umgesiedelt“ der Vermerk „ohne Angabe von Fristen“ festgehalten, d.h. genau wie bei allen übrigen Deutschen der UdSSR, die zu Sondersiedlern geworden waren. In den Sondersiedlungsorten galten für die deutschen Repatrianten dieselben gesetzlichen Vorschriften wie für alle übrigen Deutschen (unter anderem das Dekret des Präsidiums des Obersten Sowjets vom 26. November 1948). Sie fielen in den Zuständigkeitsbereich der Abteilung Sondersiedlung, wurden jedoch in allen statistischen Unterlagen in einer eigenen Rubrik erfasst.

Im Weiteren ist das Schicksal der deutschen Repatrianten untrennbar mit dem Schicksal aller übrigen Sowjetdeutschen verbunden. Es gibt einzelne Zeugenaussagen dahingehend, dass man in einer Reihe von Regionen des Landes den Versuch unternahm, sie von der Geltung des Dekrets des Präsidiums des Obersten Sowjets vom 13. Dezember 1955 „Über die Aufhebung der Beschränkungen in der Rechtsstellung der...“ auszunehmen. Bisher ist es jedoch nicht gelungen, diese Aussagen mit Hilfe von Dokumenten zu verifizieren oder zu falsifizieren. Es wird wohl am ehesten so sein, dass man bei jenen Repatrianten die Aufhebung dieser Beschränkungen behinderte, die für ihre Zusammenarbeit mit den deutschen Besatzungsbehörden doppelt, d.h. mit Haft und anschließender Verbannung, bestraft worden waren (Eine solche Praxis war in jenen Jahren im sowjetischen Strafvollzugsrecht/Besserungsarbeitsrecht recht weit verbreitet). Natürlich wurden Ende 1955, Anfang 1956 für jene, bei denen die Verbannungsfrist als strafrechtliche Maßnahme noch nicht abgelaufen war, die Beschränkungen nicht aufgehoben.

Insgesamt ist anzumerken, dass die Geschichte der sowjetdeutschen Repatrianten noch recht wenig erforscht ist.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хроника депортации российских немцев

1914, сентябрь. Первая мировая война. Начало депортации российских немцев из Царства польского.

1914, ноябрь. Начало депортации немцев из Прибалтийских губерний.

1914, декабрь. Депортации немцев из всего Привислянского края.

1915, 19 июня. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. Иванов приказал главному начальнику Киевского военного округа взять среди немецкого населения в колониях заложников, главным образом из учителей и пасторов, заключить их до конца войны в тюрьмы (пропорция заложников: 1 на 1000 человек немецкого населения), реквизировать у колонистов все продукты за исключением продовольствия до нового урожая, а в немецких колониях поселить беженцев. За отказ немцев сдать хлеб, фураж или принять беженцев заложники подлежали смертной казни. Это – редчайший в истории пример, когда заложники брались от населения своего же государства.

1915, июнь – декабрь. Депортация немецкого населения из прифронтовой полосы. На восток были переселены все российские немцы, проживавшие западнее реки Днепр.

1915, 13 декабря. Российское правительство подготовило указ, согласно которому все немецкое население Поволжья весной

ANLAGE

Die Chronik der Deportation der Russlanddeutschen

1914, September. Erster Weltkrieg. Beginn der Verbannung der Russlanddeutschen aus Kongresspolen.

1914, November. Beginn der Verbannung der Russlanddeutschen aus baltischen Gouvernements.

1914, Dezember. Deportationen der Russlanddeutschen aus dem gesamten Weichselland.

1915, 19. Juni. Iwanow, Oberbefehlshaber der Armeen der Süd-West-Front, General der Artillerie, befahl dem Leiter des Militärkreises Kiew, in den Kolonien Geiseln aus der deutschen Bevölkerung zu nehmen (im Verhältnis 1:1000), vor allem Lehrer und Pfarrer, sie bis zum Kriegsende in Gefängnissen einzusperrern, die gesamten Lebensmittel der Kolonisten bis auf eine bis zur neuen Ernte ausreichende Menge zu beschlagnahmen und in den deutschen Kolonien Flüchtlinge zu unterbringen. Deutsche, die sich weigerten, Brot oder Futter abzugeben oder Flüchtlinge aufzunehmen, wurden hingerichtet. Dies ist ein beinahe beispielloser Fall, da Geiseln aus der Bevölkerung des eigenen Landes genommen wurden.

1915, Juni – Dezember. Deportation der deutschen Bevölkerung aus der Region nahe der Frontlinie. Alle Deutschen, die westlich von Dnepr lebten, wurden in den Osten vertrieben.

1915, 13. Dezember. Die russische Regierung bereitet einen Beschluss vor, nach dem die gesamte deutsche Bevölkerung des Wolga-Gebietes

1917 г. должно было быть депортировано в Сибирь. Реализации указа помешала Февральская революция.

1915. В Поволжье ликвидируется немецкая топонимия. Все немецкие поселения получают русские названия.

1916. Депортация немецкого населения с территорий, занятых русскими войсками в результате «Брусиловского прорыва».

1926. Выселение из немецких сел в отдаленные районы страны «бывших помещиков» – зажиточных крестьян, имевших земельные участки от 60 десятин и выше (в зависимости от региона проживания). Только из АССР немцев Поволжья было выселено свыше 150 семей).

1929–1933. Выселение из немецких сел в отдаленные районы СССР раскулаченных немецких семей. Выселению подверглись многие тысячи семей. Только из АССР немцев Поволжья в 1930–1931 гг. были выселены 4288 семей (24 402 человека – 3,7 % общей численности хозяйств Немреспублики). «Кулаки» пополняли контингент трудпоселенцев на востоке страны.

1934–1935. В СССР проводится направленная против советских немцев кампания «борьбы с фашистами и их пособниками». Фашистами называли тех, кто получал и распространял иностранную помощь, пособниками фашистов – тех, кто ею пользовался. Против немецких граждан СССР был развязан моральный и физический террор. Сотни человек были расстреляны, тысячи направлены в лагерь. На Украине за один только 1935 г. были репрессированы 24,9 тыс. немцев.

1936, 28 апреля. Совнарком СССР принял совершенно секретное постановление № 776-120сс «О выселении из Украинской

nach Sibirien verbannt werden musste. Die Februar-Revolution verhinderte die Umsetzung des Beschlusses.

1915. Im Wolga-Gebiet werden alle deutschen Ortsbezeichnungen durch russische ersetzt.

1916. Deportation der deutschen Bevölkerung aus den von den russischen Truppen im Zuge der sogenannten Brussilow-Offensive besetzten Gebieten.

1926. Die sogenannten „ehemaligen Grundbesitzer“, d.h. wohlhabende Bauern, die Landstücke ab 65 Hektar (je nach Region) besaßen, werden aus deutschen Dörfern in entfernte Regionen des Landes vertrieben. Allein in der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen waren mehr als 150 Familien betroffen.

1929-1933. „Entkulakisierte“ deutsche Familien werden aus deutschen Dörfern in entfernte Regionen der Sowjetunion vertrieben. Viele Tausende von Familien waren betroffen. Allein aus der Autonomen Sozialistischen Sowjetrepublik der Wolgadeutschen wurden 1930-1931 4288 Familien (24402 Menschen, d.h. 3,7 % der Gesamtbevölkerung der Republik der Wolgadeutschen) verbannt. Die „Kulaken“ kamen zu den Bewohnern der Arbeitssiedlungen im Osten des Landes dazu.

1934-1935. In der Sowjetunion wurde eine gegen Sowjetdeutsche gerichtete Kampagne zum „Kampf gegen Faschisten und deren Gehilfen“ durchgeführt. Als Faschisten wurden diejenigen bezeichnet, die Hilfe aus dem Ausland erhielten und weiterleiteten, als deren Gehilfen - diejenigen, die diese Hilfe nutzten. Gegenüber den deutschen Bürgern der Sowjetunion wurde ein physischer und moralischer Terror ausgeübt. Hunderte von Menschen wurden erschossen, Tausende wurden in Lager verbannt. In der

ССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Согласно этому постановлению, трудпоселенцами стали 45 тыс. «политически неблагонадежных» граждан СССР польской и немецкой национальностей.

1937–1938. «Немецкая операция» НКВД. Цель операции – «ликвидация в СССР шпионско-диверсионной базы фашистской Германии». В ходе операции по стране были репрессированы свыше 70 тыс. немцев. Средний процент расстрелянных – 76,14. Остальные пополнили ГУЛАГ. «Немецкая операция» НКВД стала вершиной репрессивной политики Советского государства по отношению к немецкому населению в 1930-е гг.

1941, 22 июня. Начало Великой Отечественной войны.

1941, август. Переселение из Крыма на Северный Кавказ под видом эвакуации 53 тыс. немцев. В дальнейшем они были переселены на восток с северокавказскими немцами.

1941, август – сентябрь. Переселение из Ленинграда и его пригородов 96 тыс. человек финского и немецкого населения.

1941, 26 августа. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О переселении всех немцев Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области».

1941, 28 августа. Президиум Верховного Совета СССР издает Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», официально обвинивший поволжских немцев в пособничестве агрессору.

Ukraine wurden allein im Jahre 1935 24,9 Tausend Deutsche von den Repressionen betroffen.

1936, 28. April. Der Rat der Volkskommissare der Sowjetunion fasst einen streng geheimen Beschluss Nr. 776-120 cc „Über die Aussiedlung von 15 000 polnischer und deutscher Haushalte aus der Ukrainischen SSR und deren Verlagerung in das Gebiet Karaganda der Kasachischen SSR“. Nach diesem Beschluss wurden 45 000 „politisch unzuverlässige“ Bürger der polnischen und deutschen Nationalität in Arbeitssiedlungen untergebracht.

1937-1938. „Deutsche Operation“ des NKWD. Das Ziel: „Liquidierung der Spionagebasis des faschistischen Deutschlands in der Sowjetunion“. Im Zuge der Operation wurden in Russland über 70 000 Deutsche vertrieben, im Durchschnitt 76,14 % wurden erschossen. Andere landeten im GULAG. Mit der „deutschen Operation“ des NKWD erreichte die Repressionspolitik der Sowjetunion gegenüber der deutschen Bevölkerung in den 30er Jahren ihren Höhepunkt.

1941, 22. Juni. Beginn des Großen Vaterländischen Krieges.

1941. August. Aussiedlung von 53 000 Deutschen aus der Krim in den Nordkaukasus, angeblich als notwendige Evakuierung. Später wurden sie zusammen mit nordkaukasischen Deutschen weiter nach Osten vertrieben.

1941. August – September. Aus Leningrad und Umland werden 96 000 Menschen finnischer und deutscher Nationalität vertrieben.

1941, 26. August. Der Rat der Volkskommissare der Sowjetunion und das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei fassen den Beschluss „Über die Umsiedlung von allen Deutschen aus der Republik der Wolgadeutschen und den Gebieten Saratow und Stalingrad in andere Gebiete und Kreise“.

1941, 31 августа. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Оно предписывало всех немцев-мужчин в возрасте от 16 до 60 лет мобилизовать в строительные батальоны и направить в лагеря на Урал и в Казахстан. Свыше 18,6 тыс. человек были мобилизованы. Остальных мобилизовать не удалось из-за быстрого продвижения на восток германских войск. Мобилизованные немцы Украины составили первый контингент трудовой армии.

1941, 3–20 сентября. Депортация немецкого населения из Поволжья в Сибирь и Казахстан. Согласно официальным данным, из АССР немцев Поволжья переселили 373 529 человек, из Саратовской области – 46 706 человек, из Сталинградской области – 26 245 человек. 7 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР территория Республики немцев Поволжья делится между Саратовской и Сталинградской областями.

1941, 7 сентября. Приказ наркома обороны И. Сталина об изъятии из рядов РККА всех военнослужащих-немцев и отправке их в трудовую армию. Изъятие, в основном, проходило до конца года. Около 15 тыс. военнослужащих-немцев стали вторым контингентом трудовой армии.

1941, сентябрь. Переселение немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей.

1941, сентябрь–октябрь. Переселение немцев из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, восточных областей Украины.

1941, октябрь. Переселение немцев из Воронежской области, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР, Закавказья.

1941, 28. August. Das Präsidium des Obersten Rates der Sowjetunion erlässt den Beschluss „Über die Umsiedlung der im Wolga-Gebiet lebenden Deutschen“, in dem die Wolgadeutschen offiziell der Feindbegünstigung beschuldigt werden.

1941, 31. August. Beschluss des Politbüros des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei „Über die auf dem Territorium der Ukrainischen SSR lebenden Deutschen“. Demnach müssen alle deutschen Männer im Alter von 16-60 Jahren in Baubataillonen in Arbeitslager Urals und Kasachstans geschickt werden. Über 18 600 Menschen wurden mobilisiert. Der schnelle Vormarsch der deutschen Truppen nach Osten hat eine weitere Mobilisierung verhindert. Die mobilisierten Deutschen aus der Ukraine gehörten zum ersten Kontingent der Trudarmee.

1941, 3.-20. September. Deportation der deutschen Bevölkerung aus dem Wolga-Gebiet nach Sibirien und Kasachstan. Offiziellen Statistiken zufolge wurden aus der Autonomen Republik der Wolgadeutschen 373 529 vertrieben, außerdem 46 706 – aus dem Gebiet Saratow, 26 245 – aus dem Gebiet Stalingrad. Am 7. September wird das Territorium der Republik der Wolgadeutschen gemäß dem Beschluss des Präsidiums des Obersten Rates der Sowjetunion zwischen den Gebieten Saratow und Stalingrad geteilt.

1941, 7. September. Der Volkskommissar der Verteidigung Josef Stalin befiehlt, alle Deutschen aus der Roten Armee zu entlassen und in die Trudarmee zu schicken. Dies vollzog sich bis zum Jahresende. Etwa 15 000 Soldaten der deutschen Nationalität bildeten das zweite Kontingent der Trudarmee.

1941, September. Aussiedlung der Deutschen aus Moskau und Umgebung und aus dem Gebiet Rostow.

1941, September – Oktober. Aussiedlung der Deutschen aus den Gebieten Tula, Krasnodar und Ordschonikidse, aus den autonomen Re-

1942, 10 января. Постановление ГКО СССР о первом массовом призыве немцев в трудовую армию. Массовые призывы осуществлялись также на основании постановлений ГКО от 14 февраля 1942 г., от 7 октября 1942 г. (по этому постановлению в трудовую армию начали призывать женщин). Массовые призывы в трудовую армию проходили также в мае-сентябре 1943 г. Трудовая армия функционировала до марта 1946 г. В нее были мобилизованы свыше 316 тыс. немцев и немок. Число погибших превысило 60 тыс. человек.

1945, январь. Правовое оформление спецпоселения. Создание спецкомендатур.

1948, 26 ноября. Президиум Верховного Совета СССР издает Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного проживания лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указом за побег предусматривалась одна универсальная мера наказания – 20 лет каторжных работ.

1955, 13 декабря. Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Согласно указу, немцам запрещалось возвращение в места додепортационного проживания.

1964, 29 августа. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"» с немцев Поволжья снимаются «огульные обвинения» в пособничестве агрессору, однако их возвращение на Волгу и в другие регионы довоенного проживания, а также восстановление автономии не предусматривается.

публики Nordossetien und Kabardino-Balkarien sowie aus den östlichen Gebieten der Ukraine.

1941, Oktober. Aussiedlung der Deutschen aus dem Gebiet Woronesch, aus den autonomen Republiken Tschetscheno-Inguschetien und Dagestan sowie aus Transkaukasien.

1942, 10. Januar. Beschluss des Staatlichen Verteidigungskomitees der Sowjetunion über die Masseneinziehung der Deutschen zur Trudarmee. Masseneinziehungen erfolgten außerdem nach den Beschlüssen vom 14. Februar 1942 und vom 7. Oktober 1942 (demnach wurden auch Frauen zur Trudarmee einberufen) sowie im Mai-September 1943. Die Trudarmee existierte bis zum März 1946. Mehr als 316 000 deutsche Männer und Frauen wurden mobilisiert, über 60 000 starben.

1945, Januar. Sondersiedlungen erhalten rechtlichen Status. Sonderkommandaturen werden gegründet.

1948, 26. November. Das Präsidium des Obersten Rates der Sowjetunion erlässt den Beschluss „Über strafrechtliche Verantwortung für die Flucht aus den Orten der obligatorischen und ständigen Ansiedlung der während des Vaterlandskrieges in die entfernten Gebiete der Sowjetunion ausgesiedelten Personen“. Der Beschluss sieht eine universelle Strafmaßnahme vor – 20 Jahre Zwangsarbeit.

1955, 13. Dezember. Das Präsidium des Obersten Rates der Sowjetunion erlässt den Beschluss „Über die Aufhebung der Beschränkungen in der rechtlichen Lage der Deutschen und deren Familien, die in Sondersiedlungen untergebracht sind“. Der Beschluss verbietet den Deutschen an die Orte zurückzukehren, wo sie vor der Deportation lebten.

1964, 29. August. Der Beschluss des Präsidiums des Obersten Rates der Sowjetunion „Über Änderungen im Beschluss des Präsidiums des

1972, 3 ноября. Принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Через 31 год после депортации немцы получают юридическое право вернуться в места довоенного проживания.

Составитель проф. Аркадий Герман

Obersten Rates der Sowjetunion vom 28. August 1941 „Über die Umsiedlung der im Wolga-Gebiet lebenden Deutschen“ werden die Wolgadeutschen von den „unbegründeten Beschuldigungen“ der Feindbegünstigung befreit. Ihre Rückkehr ins Wolga-Gebiet und an andere Vorkriegswohnorte, sowie die Wiederherstellung ihrer Autonomie sieht der Beschluss jedoch nicht vor.

1972, 3. November. Das Präsidium des Obersten Rates der Sowjetunion verabschiedet den Beschluss „Über die Aufhebung der ehemals für bestimmte Bürgerkategorien vorgesehenen Einschränkungen in der Wahl des Wohnortes“. Russlanddeutsche erhalten 31 Jahre nach Deportation das Recht an ihre Vorkriegswohnorte zurückzukehren.

Verfasst von Prof. Arkadij German

Приложение 1

Начальный этап операции по выселению немцев из Поволжья в сентябре 1941 г.¹

Anlage 1

Die erste Etappe der Übersiedlung der Wolgadeutschen im September 1941

№ п/п	Станция погрузки Bahnhof (Station) der Beladung der Züge	С каких территорий АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей происходила погрузка людей Landkreise der ASSR der Wolgadeutschen, der Gebiete Saratow und Stalingrad, wo die Züge beladen wurden	Дата отправления Datum der Abreise	Номера эшелонов, (количество людей в них) Nummer der Züge (Anzahl der Pers.)
1	Ст. Покровск (г. Энгельс) St. Pokrowsk (Stadt Engels)	г. Энгельс, Красноярский, Маркштадтский, Унтервальден- ский, Куккусский (частично), Зельманский (частич- но), Иловатский кантоны АССР НП Engels, Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Krasnojarsk, Marxstadt, Unterwalden, Kukkus (teilweise), Seelmann (teilweise), Ilowatka	3.09	820 (2419), 821 (2345)
			4.09	823 (2336), 824 (2314), 825 (2325)
			5.09	826 (2364), 827 (2315), 828 (2349)
			6.09	861 (2315)
			7.09	816 (2435), 867 (2351), 869 (2383)
			8.09	750 (2335), 748 (2328), 749 (2350), 791 (2229), 751 (2451)
			9.09	873 (2342), 753 (2324), 754 (2348)
			12.09	764 (2344), 763 (2348), 769 (2298)
			13.09	772 (2415), 773 (2418)
			14.09	775 (2372), 774 (2527)
			15.09	886 (2349), 779 (2360)
			16.09	778 (2373), 781 (2454), 795 (2447), 796 (2343), 843 (2355), 844 (2330), 845 (2367)

			17.09	817 (2504), 812 (2284), 811 (2412), 813 (2303)
			18.09	832 (2136), 739 (2174), 776 (2379), 814 (2422)
			19.09	770 (2558)
			20.09	833 (2635)
				Всего: 46 эшелонов, 108 865 чел. Insgesamt: 46 Züge, 108 865 Pers.
2	Ст. Увек (пригород Саратова) St. Uwek (Vorort von Saratow)	Бальцерский, Добринский (частично) Золотовский кантоны, пос. Красный Текстильщик АССР НП Kantone: Balzer, Dobrinka (teilweise), Solotoje, Dorf Kranij Tekstilschtschik ASSR der Wolgadeutschen	12.09	850 (2170)
			14.09	887 (2436), 793 (2334), 846 (2339)
			15.09	838 (2113)
			16.09	809 (2299), 810 (2299), 889 (2315), 892 (2370), 851 (2351), 852 (2328)
			17.09	891 (2487)
			18.09	836 (2331), 818 (2209), 777 (2363), 853 (2377)
			19.09	837 (2303), 854 (2457)
			20.09	834 (2243), 835 (2183)
			21.09	815 (2359)
				Всего: 21 эшелон, 48 666 чел. Insgesamt: 21 Züge, 48 666 Pers.
3	Ст. Анисовка St. Anisowka	Терновский, Куккусский (частично), Зельманский (частично) кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Ternowka, Kukkus (teilweise), Seelmann (teilweise)	3.09	742 (2298)
			9.09	755 (2247)
			11.09	761 (2513)
			13.09	765 (2340)

			14.09	771 (2423) Всего: 5 эшелонов, 11 821 чел. Insgesamt: 5 Züge, 11 821 Pers.
4	Ст. Безымянная St. Besimjannaja	Лизандергейский (частично), Куккусский (частично) кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen Lysanderhöhe (teilweise), Kukkus (teilweise)	8.09	870 (2520)
			10.09	762 (2468)
			11.09	876 (2488), 759 (2555)
			12.09	767 (2476)
			13.09	883 (2489)
			15.09	794 (2327)
			16.09	780 (2380)
			Всего: 8 эшелонов, 19 703 чел. Insgesamt: 8 Züge, 19 703 Pers.	
5	Ст. Титоренко St. Titorenko	Лизандергейский (частично) кантон АССР НП Kanton Lysanderhöhe der ASSR der Wolgadeutschen (teilweise)	7.09	745 (2424)
			9.09	800 (2430)
			Всего: 2 эшелона, 4844 чел. Insgesamt: 2 Züge, 4844 Pers.	
6	Ст. Нахой St. Nachoi	Мариентальский (частично) кантон АССР НП Kanton Mariental der ASSR der Wolgadeutschen (teilweise)	4.09	804 (2118)
			6.09	807 (2233)
			8.09	746 (2396)
			9.09	756 (2485)
			13.09	882 (2291)
			14.09	885 (2504)
			16.09	766 (2259)
			Всего: 7 эшелонов, 16 285 чел. Insgesamt: 7 Züge, 16 285 Pers.	

7	Ст. Урбах St. Urbach	Мариентальский (частично) кантон АССР НП Kanton Mariental der ASSR der Wolgadeutschen (teilweise)	3.09	856 (2283)
			4.09	860 (2258)
			7.09	744 (2335)
			8.09	871 (2294)
			Всего: 4 эшелона, 9170 чел. Insgesamt: 4 Züge, 9170 Pers.	
8	Ст. Мокроус St. Mokrouс	Федоровский, Гнаденфлюрский (частично) кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Fjodorowka, Gnadenflur (teilweise)	6.09	866 (2253)
			8.09	797 (2270), 792 (2333)
Всего: 3 эшелона, 6856 чел. Insgesamt: 3 Züge, 6856 Pers.				
9	Ст. Плес St. Pljes	Гнаденфлюрский (частично) кантон АССР НП Kanton Gnadenflur der ASSR der Wolgadeutschen (teilweise)	3.09	857 (2358)
			4.09	803 (2450)
			6.09	865 (2479)
			9.09	799 (2272)
Всего: 4 эшелона, 9559 чел. Insgesamt: 4 Züge, 9559 Pers.				
10	Ст. Красный Кут St. Krasny-Kut	Краснокутский кантон АССР НП Kanton Krasny-Kut der ASSR der Wolgadeutschen	3.09	847 (2137)
			4.09	859 (2456)
			6.09	831 (2489), 864 (2582)
			7.09	868 (2545)
			9.09	849 (2442)
			13.09	801 (2411)
Всего: 7 эшелонов, 17 062 чел. Insgesamt: 7 Züge, 17 062 Pers.				
11	Ст. Тимофеевка St. Timofejewska	Экгеймский (частично) кантон АССР НП Kanton Eckheim der ASSR der Wolgadeutschen (teilweise)	3.09	741 (2512)
			4.09	848 (2358)
			5.09	863 (2489)
Всего: 3 эшелона, 7359 чел. Insgesamt: 3 Züge, 7359 Pers.				

12	Ст. Лепехинская St. Lerechinskaja	Экгеймский (частично), Зельманский (частично) кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Eckheim (teilweise), Seelmann (teilweise)	5.09	805 (2323)
			6.09	830 (2218), 841 (2432)
			8.09	872 (2512)
			9.09	875 (2527)
			12.09	881 (2524)
			13.09	878 (2320)
			Всего: 7 эшелонов, 16 856 чел. Insgesamt: 7 Züge, 16 856 Pers.	
13	Ст. Гмелинская St. Gmelinskaja	Гмелинский, Старо-Полтавский кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Gmelinskaja, Staraja Poltawka	3.09	822 (2270)
			5.09	806 (2329)
			6.09	840 (2425), 829 (2570)
			8.09	798 (2072)
Всего: 5 эшелонов, 11 666 чел. Insgesamt: 5 Züge, 11 666 Pers.				
14	Ст. Палласовка St. Palassowka	Палласовский кантон АССР НП Kanton Palassowka der ASSR der Wolgadeutschen	3.09	855 (2167)
			4.09	858 (2321)
			5.09	862 (2328)
			6.09	839 (2310), 808 (2259)
Всего: 5 эшелонов, 11 385 чел. Insgesamt: 5 Züge, 11 385 Pers.				
15	Ст. Медведица St. Medwediza	Франкский (частично) кантон АССР НП Kanton Frank (teilweise) der ASSR der Wolgadeutschen	3.09	714 (2349)
			5.09	715 (2552)
			8.09	718 (2617)
			12.09	719 (2591)
			13.09	720 (2660), 819 (2362)
			16.09	722 (2683), 721 (2658)
			17.09	712 (3243), 723 (2727)
Всего: 10 эшелонов, 26 442 чел. Insgesamt: 10 Züge, 26 442 Pers.				
16	Ст. Неткачево St. Netkatschewo	Франкский (частично) кантон АССР НП Kanton Frank (teilweise) der ASSR der Wolgadeutschen	5.09	716 (2795)
			14.09	710 (2594)
Всего: 2 эшелона, 5389 чел. Insgesamt: 2 Züge, 5389 Pers.				

17	Ст. Лапшинская St. Lapschinskaja	Эрленбахский (частично) кантон АССР НП Kanton Erlenbach (teilweise) der ASSR der Wolgadeutschen	7.09	717 (2643) Всего: 1 эшелон, 2643 чел. Insgesamt: 1 Zug, 2643 Pers.
18	Ст. Авилово St. Awilowo	Эрленбахский (частично) кантон АССР НП Kanton Erlenbach (teilweise) der ASSR der Wolgadeutschen	5.09 8.09 9.09	702 (2800) 704 (2905) 705 (2770) Всего: 3 эшелона, 8475 чел. Insgesamt: 3 Züge, 8475 Pers.
19	Ст. Камышин St. Kamyschin	Каменский, Добринский (частично) кантоны АССР НП Kantone der ASSR der Wolgadeutschen: Kamenka, Dobrinka (teilweise)	3.09 5.09 7.09 10.09 11.09 12.09 14.09 16.09	700 (2741) 701 (2759) 703 (2929) 706 (2726) 707 (2818) 708 (2761) 709 (2885) 711 (3099) Всего: 8 эшелонов, 22 718 чел. Insgesamt: 8 Züge, 22 718 Pers.
20	Ст. Саратов St. Saratow	Саратов, прилежащие районы Саратовской обла- сти, прилежащие кантоны АССР НП Saratow, Landkreise und Kantone in der Umgebung von Saratow	5.09 7.09 8.0.9 9.09 10.09 11.09 12.09 16.09	752 (2272), 784 (2323) 743 (2151), 747 (2385) 782 (2299) 757 (2168), 874 (2415) 877 (2386) 842 (2312) 802 (2383), 879 (2409) 888 (2362), 895 (2260) Всего: 13 эшелонов, 30 125 чел. Insgesamt: 13 Züge, 30 125 Pers.
21	Ст. Баланда St. Balanda	Баландинский район Саратовской области Landkreis Balanda des Saratower Gebiets	16.09	736 (2436) Всего: 1 эшелон, 2436 чел. Insgesamt: 1 Zug, 2436 Pers.

22	Ст. Аркадак St. Arkadak	Аркадакский район Саратовской области Landkreis Arkadak des Saratower Gebiets	16.09	724 (3189) Всего: 1 эшелон, 3189 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
23	Ст. Аткарск St. Atkarsk	Аткарск и прилежащие к нему районы Саратовской области Landkreis Atkarsk des Saratower Gebiets, Landkreise in der Umgebung von Atkarsk	16.09 18.09	737 (2460) 740 (2520) Всего: 13 эшелонов, 30 125 чел. Insgesamt: 13 Züge, 30 125 Pers.
24	Ст. Бурасы St. Burassy	Северные районы Правобережья Саратовской области Landkreise im Norden vom Saratower Gebiet (am rechten Wolga-Ufer)	16.09	738 (2134) Всего: 1 эшелон, 2134 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
25	Ст. Татищево St. Tatischtschewo	Татищевский район Саратовской области Landkreis Tatischtschewo des Saratower Gebiets	17.09	783 (2242) Всего: 1 эшелон, 2242 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
26	Ст. Курдюм St. Kurdjum	Центральные районы Правобережья Саратовской области Landkreise im Zentrum des Saratower Gebiets (am rechten Ufer)	7.09 8.09	785 (2403) 786 (2509) Всего: 2 эшелона, 4912 чел. Insgesamt: 13 Züge, 30 125 Pers.
27	Ст. Вольск St. Wolsk	Г. Вольск, Вольский и Хвалынский районы Саратовской области Stadt Wolsk, Landkreise Woljskij und Chwalinsk des Gebiets Saratow	11.09	787 (2566) Всего: 1 эшелон, 2566 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
28	Ст. Ершов St. Erschow	Центральные районы Левобережья Саратовской области Landkreise im Zentrum des Saratower Gebiets (am linken Ufer)	12.09	788 (2368) Всего: 1 эшелон, 2368 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
29	Ст. Римский-Корсаков St. Rimski-Korsakow	Центральные районы Левобережья Саратовской области Landkreise im Zentrum des linken Ufers des Saratower Gebiets	12.09	789 (2024) Всего: 1 эшелон, 2024 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.

30	Ст. Озинки St. Osinki	Восточные районы Левобережья Саратовской области Landkreise im Osten des Saratower Gebiets (am linken Ufer)	15.09	790 (2376) Всего: 1 эшелон, 2376 чел. Insgesamt: 1 Zug, 3189 Pers.
31	Ст. Гурьев St. Gurjew	Сталинградская область, Эрленбахский и Добринский кантоны АССР НП (частично) Gebiet Stalingrad, Kantone Erlenbach und Dobrinka (teilweise) der ASSR der Wolgadeutschen	6.09 10.09 11.09 15.09 17.09 1908	731 (2200) 725 (2325) 726 (2682), 727 (2200), 728 (2350), 729 (2350) 730 (2223), 732 (2462), 733 (2205) 734 (2177), 735 (2048) 735a (1658) Всего: 12 эшелонов, 26 880 чел. Insgesamt: 12 Züge, 26 880 Pers.
	31 станция 31 Stationen	АССР НП, Саратовская и Сталинградская области ASSR der Wolgadeutschen, Verwaltungsgebiete Saratow und Stalingrad	с 3.09 по 20.09 Vom 3.09. bis 20.09	188 эшелонов, 451 986 чел. 188 Züge, 451 986 Pers.

¹ Таблица составлена А.А. Германом на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208–218; Д. 85. Л. 106–110, 178; Д. 114, Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242–244, а также по воспоминаниям депортированных.

Приложение 2

Завершающий этап операции по выселению немцев из Поволжья в сентябре–октябре 1941 г.¹

Anlage 2

Die End-Etappe der Übersiedlung der Wolgadeutschen im September–Oktober 1941

№ п/п	Дата прибытия эшелона Ankunft des Zuges	Номер эшелона Nummer des Zuges	Кол-во людей в эшелоне Anzahl der Menschen im Zug	Умерло в пути Unterwegs gestorben	Родилось в пути Unterwegs geboren	Отстало в пути Unterwegs Zurückgebliebene	Оставлено в пути Unterwegs geblieben	Станция разгрузки Ausladungstationen	Районы расселения Landkreise der Ansiedlung	Примечания Bemerkungen
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Красноярский край Verwaltungsgebiet Krasnojarsk										
1	12.09	820	2482	–	–	–	–	Енисей Jenissei	Минусинский Minusinsk	
2	12.09	821	2338	1	8	7	–	Канск Kansk	Канский, Абанский Kansk, Aban	
3	14.09	822	2198	–	–	–	–	Енисей Jenissei	Больше-Муртинский Bolshaja Murta	
4	14.09	841	2432	–	–	–	–	Красноярск Krasnojarsk	Балахтинский Balachta	
5	15.09	823	2316	–	–	–	–	Ужур Ushur	Ужурский, Шарыповский Ushur, Scharypowo	
6	15.09	824	2339	–	–	–	–	Ужур Ushur	Шарыповский, Усть-Абаканский	
7	16.09	825	2325	–	–	–	–	Боготол Bogotol	Боготольский, Тюхтетский Bogotol, Tüchtet	
8	16.09	826	2365	–	–	–	–	Боготол Bogotol	Тюхтетский, Ачинский Tüchtet, Atschinsk	
9	17.09	827	2318	–	–	–	–	Ачинск – 2* Atschinsk – 2*	Ачинский, Бирилюсский Atschinsk, Biriljussy	
10	18.09	828	2350	–	–	–	–	Ачинск – 2* Atschinsk – 2*	Ачинский, Назаровский Atschinsk, Nasarowo	

11	18.09	831	2482	-	-	-	-	Канск Kansk	Абанский, Дзержинский Aban, Dserschinski
12	18.09	840	2440	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Краснотуранский Krasnoturansk
13	19.09	829	2277	-	-	-	-	Ададым Adadyum	Назаровский, Березовский Nasarowo, Berjosowka
14	19.09	839	2295	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Сухобузинский Suchobusinskoje
15	21.09	830	2270	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Казачинский Kasatschinskoje
16	27.09	883	2488	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Больше-Муртинский, Пировский Bolshaja Murta, Pirowskoje
17	30.09	809	2279	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Идринский, Советский Idrinskoje, Sowjetskoje
18	1.10	810	2252	-	-	-	-	Енисей Jenissei	Новоселовский, Советский Nowosjolowo, Sowjetskoje
19	1.10	783	2234	-	-	-	-	Канск Kansk	Канский Kansk
20	2.10	811	2399	-	-	-	-	Клюквенная Kljukwennaja	Солянский, Партизанский Soljanka, Partisanskoje
21	2.10	812	2286	-	-	-	-	Солянка Soljanka	Ирбейский, Дзержинский Irbejskoje, Dserschinski
22	2.10	813	2392	-	-	-	-	Канск Kansk	Тасеевский, Дзержинский Tassejewo, Dserschinski
23	2.10	814	2433	-	-	-	-	Шира Schyra	Ширинский, Енисейский Schyra, Jenissei
24	2.10	816	2416	-	-	-	-	Абакан Abakan	Аскизский, Бейский Askiskij, Bejsk

25	2.10	817	2503	–	–	–	–	Козульки Kosulki	Козульский, Даурский Kosulk, Daurskij	
26	3.10	836	2300	–	–	–	–	Бугач Bugatsch	Емельяновский, Илан- ский Jemeljanowo, Planskij	
27	3.10	837	2296	–	–	–	–	Камарчага Kamartschaga	Манский, Ильинский Landkreise Manskij, Planskij	
28	4.10	815	2180	–	–	–	–	Бугач* Bugatsch*	Емельяновский, Ени- сейский, Советский Jemeljanowo, Jenissej, Sowjetskoje	
29	4.10	818	2220	–	–	–	–	Сон* Son*	Боградский, Курагинский Bogradkij, Kuragino	
30	4.10	819	2362	–	–	–	–	Клюквенная* Kljukwennaja*	Рыбинский, Солянский Rybinskij, Soljanskij	
31	4.10	832	2229	–	–	–	–	Красная Сопка* Krasnaja Sopka*	Березовский, Каратуз- ский Berjosowka, Karatusskoje	
32	4.10	834	2213	–	–	–	–	Заково, Ниж. Ин- гаш Sakowo, Nishn. Ingasch	Советский, Нижне- Ингашский Sowjetskoje, Nishn. Ingasch	
33	5.10	833	2622	–	–	–	–	Клюквенная Kljukwennaja	Стоянский, Уярский Stojanskij, Ujar	
34	5.10	835	2162	–	–	–	–	Сон Son	Боградский Bograd	
12.09–5.10		34 эшелона 34 Züge	79 493 чел. 79 493 Pers.					18 станций 18 Stationen	43 района 43 Landkreise	
Алтайский край Verwaltungsgebiet Altai										
1	11.09	857	2358	2	–	–	–	Барнаул Barnaul	Каменский Kamen-na-Obi	

2	12.09	856	2218	–	–	–	1	Овчинниково Owtschinnikowo	Кытмановский Kytmanowo	
3	13.09	855	2171	–	–	9	–	Бийск Bijsk	Смоленский Smolenskoje	
4	14.09	858	2314	2	–	–	–	Третьяково Tretjakowo	Змеиногорский Smeinogorsk	
5	14.09	860	2338	–	–	–	–	Алейск Alejsk	Мамонтовский Mamontowo	
6	15.09	861	2318	–	–	–	–	Алейск Alejsk	Алейский Alejsk	
7	15.09	865	2427	–	–	2	–	Барнаул Barnaul	Каменский, Панкрушихинский Kamen-na-Obi, Pankruschiha	
8	16.09	862	2328	–	–	–	–	Рубцовск Rubzowsk	Рубцовский Rubzowsk	
9	16.09	864	2601	–	–	–	–	Поспелиха Pospelicha	Поспелихинский, Курьинский Pospelicha	
10	17.09	866	2255	–	–	–	–	Тальменка Talmenka	Залесовский Salesowo	
11	18.09	863	2489	–	–	–	–	Славгород Slawgorod	Славгородский Slawgorod	
12	18.09	867	2340	–	–	–	–	Поспелиха, Рубцовск Pospelicha, Rubzowsk	Новочихинский, Егорьевский Nowotschiha, Jegorjewskoje	
13	19.09	868	2147	7	–	6	–	Бийск Bijsk	Алтайский, Солонешнинский Altajskij, Soloneschnoje	
14	19.09	869	2388	13	–	–	–	Топчиха Toptschicha	Топчихинский Toptschicha	
15	19.09	870	2538	–	–	–	–	Алтайск* Altajsk*	Барнаульский, Троицкий Barnaul, Troizkoje	

16	20.09	859	2418	–	–	–	–	Славгород Slawgorod	Знаменский, Хабаровский Snamenskij, Habary	
17	20.09	871	2278	3	3	–	–	Алейск Alejsk	Парфеновский Parfjonowo	
18	22.09	876	2419	4	3	2	–	Барнаул Barnaul	Залесовский, Думчевский Salesowo, Dumtschewskij	
19	22.09	874	2415	–	–	–	–	Бийск Bijsk	Зональный, Ельцовский Sonalnoje, Jelzowka	
20	23.09	873	2342	–	–	–	–	Тальменская Talmenka	Тальменский Talmenka	
21	23.09	881	2615	–	–	–	–	Алейск Alejsk	Усть-Калманковский Ust-Kalmanka	
22	24.09	872	2511	–	–	–	–	Карасук Karasuk	Карасукский Karasuk	Ныне: Ново- сибирская обл Heute: Gebiet Nowosibirsk
23	25.09	882	2210	–	–	–	–	Овчинниково Owtschinnikowo	Косихинский Kosicha	
24	25.09	887	2422	–	–	–	–	Топчиха Toptschicha	Грязнухинский, Тогульский Grjasnuhinskij, Togul	
25	25.09	877	2391	–	–	–	–	Кулунда Kulunda	Завьяловский Sawjalowo	
26	26.09	875	2527	–	–	–	–	Кулунда Kulunda	Благовещенский, Волчихинский Wlagowetschenka, Woltschiha	
27	26.09	886	2328	–	–	–	–	Бийск Bijsk	Морушкинский, Ельцовский Moruschkinskoje, Jelzowka	
28	26.09	888	2362	–	–	–	17	Топчиха Toptschicha	Ребрихинский Rebriha	
29	27.09	838	2048	–	–	–	–	Кулунда Kulunda	Ключевский, Михайловский Kljutschi, Michajlowskoje	

30	27.09	885	2501	–	–	–	–	Кулунда Kulunda	Кулундинский, Родинский Kulunda, Rodino	
31	28.09	878	2303	–	–	–	–	Карасук Karasuk	Красноозерский Krasnosersk	Ныне: Ново- сибирская обл. Heute: Gebiet Nowosibirsk
32	29.09	889	2308	–	–	–	–	Алтайская Altajskaja	Сорокинский, Харкин- ский, Павловский Sorokonskij, Harkinskij, Pawlowsk	
33	29.09	892	2370	–	–	–	–	Барнаул Barnaul	Сорокинский, Павлов- ский Sorokinskij, Pawlowsk	
34	30.09	891	2456	–	–	–	–	Калманка Kalmanka	Калманский, Андреев- ский Kalmanka, Andrejewskij	
11.09–30.09		34 эше- лона 34 Züge	80 454 чел. 80 454 Pers.					14 станций 14 Stationen	47 районов 47 Landkreise	
Омская область Verwaltungsgebiet Omsk										
1	9.09	742	2382	–	–	–	–	Омск Omsk	Тарский, Тевризский Tara, Tewris	
2	10.09	741	2335	–	–	–	–	Омск Omsk	Больше-Реченский Bolsheretschje	
3	10.09	714	2303	–	–	–	–	Тюмень Tjumen	Тюменский, Тобольский Tjumen, Tobolsk	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
4	11.09	700	2855	–	–	–	–	Колония Kolonija	Калачинский, Ново- Омский Kalatschinsk, Nowo-Omsk	

5	13.09	716	2795	–	–	–	–	Марьяновская Marjanowskaja	Исиль-Кульский, Полтавский Issil-Kul, Poltawka	
6	13.09	702	2585	–	–	–	–	Исиль-Куль Issil-Kul	Исиль-Кульский Issil-Kul	
7	14.09	701	2629	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Черлакский, Дробышевский Tscherlak, Drobyschewo	
8	14.09	715	2258	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Таврический, Азовский Tawritscheskoje, Asowo	
9	15.09	717	2633	–	–	–	–	Тюмень Tjumen	Тюменский, Ярковский Tjumen, Jarkowo	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
10	16.09	703	2703	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Азовский, Павлоградский Asowo, Pawlogradka	
11	17.09	704	2959	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Русско-Полянский, Моло- товский Russkaja Poljana, Molotowo	
12	18.09	705	2780	–	–	–	–	Называевская Nasywajewskaja	Тюкалинский, Солдатский Tjukalinsk, Soldatskij	
13	20.09	706	2660	–	–	–	–	Омутинская Omutinskaja	Юргинский, Армизонский Jurga, Armisonskoje	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
14	20.09	718	2052	–	–	–	–	Ишим Ischim	Виколовский, Бердюжский Wikulowo, Berdjuschje	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
15	21.09	707	2687	–	–	–	–	Гольшманово Golmyschma- nowo	Гольшмановский, Аромашевский Golmyschmanowo, Aromaschewo	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen

16	22.09	708	2499	–	–	–	–	Ишим Ischim	Сорокинский, Казанский Sorokino, Kasanskoje	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
17	22.09	719	2602	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Саргатский, Дзержинский Sargatskoje, Dserschinski	
18	22.09	736	2436	–	–	–	–	Исиль-Куль Issil-Kul	Исиль-Кульский, Полтавский Issil-Kul, Poltawka	
19	25.09	709	2918	–	–	–	–	Тюмень Tjumen	Нижне-Тавдинский, Вилижанский, Ярковский Nishnaja Tawda, Wilishanskij, Jarkowo	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
20	25.09	895	2276	–	–	–	–	Ольгино Olginio	Москаленский Moskalenki	
21	26.09	724	3189	–	–	–	–	Ялуторовск Jalutorowsk	Ялуторовский, Исетский Jalutorowsk, Isetskoje	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
22	26.09	710	2603	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Саргатский, Горьковский Sargatskoje, Gorkowskij	
23	26.09	712	2676	–	–	–	–	Называевская Nasywajewskaja	Крутинский, Называевский Krutinka, Nasywajewskaja	
24	26.09	720	2658	–	–	69	–	Ишим Ischim	Ишимский Ischim	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
25	26.09	723	3173	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Знаменский, Большеук- ский, Усть-Ишимский Snamenskoje, Bolschije Uki, Ust-Ischim	
26	26.09	737	2456	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Седельниковский, Колосовский Sedelnikowo, Kolosowka	

27	26.09	738	2155	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Москаленский Moskalenki	
28	27.09	711	2681	–	–	–	–	Заводоуковск Sawodoukowsk	Ялutorовский, Упоров- ский Jalutorowsk, Uporowo	Ныне: Тю- менская обл. Heute: Gebiet Tjumen
29	27.09	739	2075	–	–	–	–	Калачинск Kalatschinsk	Оконешниковский, Кор- миловский Okoneschnikowo, Kormilowka	
30	28.09	740	2520	–	–	–	–	Куломзино Kulomsino	Ульяновский, Любинский Uljanowskij, Ljubinskij	
31	28.09	721	2712	–	–	–	–	Маслянская Masljanskaja	Маслянский, Абатский Masljanskaja, Abatskoje	Ныне: Тюмен- ская обл. Heute: Gebiet Tjumen
32	29.09	722	2668	–	–	–	–	Называевская Nasywajewskaja	Называевский Nasywajewskaja	
9.09–29.09		32 эшелона 32 Züge	82 943 чел. 82 943 Pers.					15 станций 15 Stationen	50 районов 50 Landkreise	
Новосибирская область Verwaltungsgebiet Nowosibirsk										
1	17.09	752	2280	–	–	–	–	Томск Tomsk	Томский Tomsk	Ныне: Том- ская обл. Heute: Gebiet Tomsk
2	18.09	743	2252	2	6	–	2	Чулымская Tschulymskaja	Чулымский Tschulymskaja	
3	19.09	744	1694	–	–	–	–	Черепаново Tscherepanowo	Черепановский Tscherepanowo	
4	19.09	747	2341	–	–	–	–	Ояш Ojasch	Ояшский Ojasch	
5	20.09	782	2299	–	–	–	–	Евсеево Jewsejewo	Легоставский Legostawskij	

6	20.09	746	2345	3	8	–	1	Каргат Kargat	Каргатский Kargat	
7	20.09	479	2950	–	–	–	–	Кольчугино Koltschugino	Крапивинский Krapiwinskij	Ныне: Кемеровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo
8	23.09	748	2054	–	–	–	–	Яшкино Jaschkini	Яшкинский Jaschkino	Ныне: Кемеровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo
9	23.09	750	2568	2	6	–	2	Анжеро-Судженск Anschero-Sudschensk	Анжеро-Судженский Anschero-Sudschensk	Ныне: Кемеровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo
10	23.09	753	2333	2	5	2	–	Каргат Kargat	Кочковский Kotschki	
11	23.09	755	2352	5	2	–	1	Татарок Tatarok	Усть-Тарский Ust-Tarskij	
12	23.09	761	2222	4	–	4	–	Топки Topki	Топкинский Topki	Ныне: Кемеровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo
13	24.09	745	2455	3	1	7	–	Чаны Tschany	Вешеровский Wescherowskij	
14	24.09	754	2266	3	1	7	–	Кажурла Kaschurla	Михайловский Michajlowskij	
15	24.09	726	2446	6	6	4	–	Чаны Tschany	Чановский Tschany	
16	24.09	763	2346	–	–	–	–	Новосибирск Nowosibirsk	Сузунский Susun	
17	25.09	759	2565	2	5	2	–	Юрга Jurga	Юргинский Jurga	Ныне: Кемеровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo

18	25.09	767	2474	3	4	3	–	Барабинск Barabinsk	Барабинский Barabinsk	
19	26.09	751	3106	5	–	3	–	Купино Kuptschino	Купинский Kuptschino	
20	26.09	764	2079	5	–	–	–	Чулым Tschulym	Чулымский Tschulym	
21	26.09	765	3292	1	2	–	–	Тяжин Tjaschin	Тисульский Tisul	Ныне: Кеме- ровская обл. Heute: Gebiet Kemerowo
22	26.09	769	2300	9	6	4	–	Новосибирск Nowosibirsk	Кожевниковский Koschewnikowo	Ныне: Том- ская обл. Heute: Gebiet Tomsk
23	26.09	770	2424	7	5	4	–	Машково Maschkowo	Машковский Maschkowo	
24	26.09	772	3102	3	–	16	–	Ижморская Ischmorskaja	Ижморский Ischmorskaja	
25	26.09	775	2308	–	–	–	–	Черепаново Tscherepanowo	Маслянский Masljanskij	
26	26.09	779	2360	–	–	–	–	Искитим Iskitim	Искитимский, Черепановский Iskitim, Tscherepanowo	
27	1.10	776	2377	–	–	–	–	Убинское Ubinskoje	Убинский Ubinskoje	
28	27.09	780	2279	–	–	–	–	Коченево Kotschenewo	Коченевский Kotschenewo	
29	27.09	774	2501	–	–	–	–	Тогучин Togutschin	Тогучинский Togutschin	
30	27.09	757	2168	–	–	–	–	Новосибирск Nowosibirsk	Новосибирский Nowosibirsk	
31	29.09	756	2485	4	8	–	–	Каинск Kainsk	Куйбышевский Kujbyschewskij	
32	29.09	771	2327	–	–	–	–	Чистоозерная Tschistoosernaja	Чистоозерский Tschistoosernaja	

33	29.09	773	2240	4	3	1	–	Татарск Tatarsk	Усть-Тарский Ust-Tatarsk	
34	29.09	781	2454	3	–	1	–	Тяжин Tjaschin	Тяжинский Tjaschin	
35	30.09	766	2121	7	7	–	–	Барабинск Barabinsk	Здвинский Sdwinsk	
36	30.09	777	2213	–	–	–	–	Болотная Bolotnaja	Болотинский Bolotnaja	
37	30.09	778	2307	3	–	12	–	Каргат Kargat	Довольненский Dowolnoje	
17.09–1.10		37 эше- лонов 37 Züge	88 685 чел. 88 685 Pers.					28 станций 28 Stationen	35 районов 35 Landkreise	
Кустанайская область Verwaltungsgebiet Kustanaj										
1	9.09	803	2450	–	–	–	–	Кустанай Kustanaj	Кустанайский Kustanaj	
2	9.09	804	2201	–	–	–	–	Кустанай Kustanaj	Затобольский Satobolsk	
3	11.09	805	2321	–	–	–	–	Кустанай Kustanaj	Межигаринский, Карасу- Базарский Meschigarinsk, Karasu- Basarsk	
4	11.09	806	2323	–	–	–	–	Джаркуль Dscharkul	Пешковский, Федоров- ский Pesckowsk, Fjodorowka	
5	12.09	807	2247	–	–	–	–	Разъезд № 6 Rasjesd N 6	Орджоникидзевский Ordschonikidse	
6	13.09	808	2274	–	–	–	–	Бреды* Bredy*	Джетыгаринский, Ор- джоникидзевский, Тара- новский Dschetygarinsk, Ordschonikidse, Taranowskoje	

7	18.09	802	2383	–	–	–	–	Аман, Карагай Aman, Karagay	Кустанайский Kustanaj	
9.09–18.09		7 эшело- нов 7 Züge	16 199 чел. 16 199 Pers.					6 станций 6 Stationen	9 районов 9 Landkreise	
Павлодарская область Verwaltungsgebiet Pawlodar										
1	15.09	784	2312	–	–	–	–	Павлодар Pawlodar	Иртышский Irtysch	
2	17.09	791	2271	1	–	2	1	Шербакты Tscherbaty	Чупринский Tschuprinsk	
3	18.09	785	2403	1	–	2	–	Красноармейка Krasnoarmejka	М.-Горьковский М.-Gorkij	
4	19.09	788	2368	6	4	4	2	Павлодар Pawlodar	Лебяжинский, Куйбышев- ский, Кагановический Lebjaschje, Kujbyschew, Kaganowitsch	
5	19.09	789	2020	1	8	4	–	Кутвино Kutwino	Бурлюкский, Павлодар- ский Burljuk, Pawlodar	
6	20.09	787	2566	–	–	–	–	Павлодар, Кар- гомыс Pawlodar, Kargomys	Лозовский, Урлюдюкский, Шурупин- ский Losowsk, Urljudjuk Schurupinsk	
7	23.09	790	2376	–	–	–	–	Павлодар Pawlodar	Павлодарский Pawlodar	
8	25.09	786	2509	3	3	2	–	Павлодар Pawlodar	Павлодарский Pawlodar	
9	1.10	792	2333	–	4	–	–	Tus-Kola	Losowsk	
15.09–1.10		9 эшело- нов 9 Züge	21 158 чел. 21 158 Pers.					6 станций 6 Stationen	12 районов 12 Landkreise	

Акмолинская область Verwaltungsgebiet Akmolinsk											
1	12.09	848	2355	4	–	17	1	Масленка Masljonka	Масленский Masljonka		
2	13.09	847	2313	–	–	4	–	Кокчетав Kokschetau	Зерендинский Serenda		
3	18.09	849	2448	–	3	2	–	Кокчетав Kokschetau	Арык-Балыкский, Рузаев-ский Aryk-Baly, Rusa	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau	
4	20.09	850	2135	–	2	8	–	Курорт Боровое Kurort Borowoje	Шучинский Schtutschinsk		
5	22.09	846	2326	–	2	6	5	Масленка Masljonka	Масленский, Энбекшильдерский Masljonka, Enbeckschildersk		
6	22.09	853	2378	–	–	–	–	Атбасар Atbasar	Атбасарский Atbasar		
7	25.09	843	2337	1	1	4	–	Атбасар Atbasar	Атбасарский Atbasar		
8	25.09	844	2360	1	1	7	10	Ак-Куль Ak-Kul	Сталинский Stalinsk		
9	27.09	845	2354	2	2	2	–	Колутон Kuluton	Калининский Kalinin		
10	27.09	852	2319	–	–	–	–	Джаксы Dschaksy	Есильский Esil		
11	27.09	851	2362	3	–	7	–	Атбасар Atbasar	Молотовский Molotow		
12	28.09	854	2411	–	–	–	–	Кокчетав Kokschetau	Рузаевский, Арык-Балыкский Rusa, Aryk-Baly	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau	
12.09–28.09		12 эше-лонов 12 Züge	28 098 чел. 28 098 Pers.					7 станций 7 Stationen	11 районов 11 Landkreise		

Северо-Казахстанская область Verwaltungsgebiet Nordkasachstan										
1	15.09	797	2273	–	–	–	–	Кокчетав Kokschetau	Кокчетавский Kokschetau	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau
2	17.09	800	2420	–	–	–	–	Петухово Petuhowo	Пресновский Presnowka	
3	19.09	842	2312	4	2	2	2	Кокчетав Kokschetau	Малиновский Malinowskij	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau
4	20.09	798	2090	–	–	–	–	Петропавловск Petrorawlowsk	Петропавловский Petrorawlowsk	
5	20.09	801	2418	–	–	–	–	Смирновская Smirnowskaja	Советский Sowjetskij	
6	22.09	793	2332	–	–	2	–	Кокчетав Kokschetau	Кокчетавский Kokschetau	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau
7	24.09	795	2376	–	–	11	–	Кокчетав Kokschetau	Кокчетавский Kokschetau	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau
8	26.09	799	2282	–	–	5	–	Мамлютка Mamljutka	Октябрьский Oktjabrskij	
9	28.09	796	2352	–	–	–	–	Кокчетав Kokschetau	Айратаусский Eiratusskij	Ныне: Кокчетавская обл. Heute: Gebiet Kokschetau
10	29.09	794	2328	–	–	–	–	Петухово Petuhowo	Пресновский Presnowka	
15.09–29.09		10 эшелонов 10 Züge	23 183 чел. 23 183 Pers.					5 станций 5 Stationen	7 районов 7 Landkreise	

Семипалатинская область Verwaltungsgebiet Semipalatinsk										
1	14.09	731	2200	-	-	-	-	Семипалатинск Semipalatinsk	Семипалатинский Semipalatinsk	
2	20.09	727	2200	-	-	-	-	Семипалатинск Semipalatinsk	Семипалатинский Semipalatinsk	
3	20.09	729	2350	-	-	-	-	Семипалатинск Semipalatinsk	Новопокровский Nowopokrowsk	
4	23.09	879	2406	4	3	3	-	Жангиз-Тобе Schangys-Tobe	Кокпектинский Kokpektinskij	
5	24.09	732	2197	-	-	-	-	Бельгагачский Belagatschskij	Бельгагачский Belagatschskij	
6	24.09	733	2205	-	3	5	-	Аягуз Ajagus	Аягузский Ajagus	
7	26.09	734	2177	3	3	4	-	Жангиз-Тобе Schangys-Tob	Кокпектинский Kokpektinskij	
8	27.09	725	2325	-	-	17	-	Семипалатинск Semipalatinsk	Семипалатинский Semipalatinsk	
9	27.09	735	2052	3	3	4	-	Чарская Tscharskaja	Чарский Tscharskaja	
14.09–27.09		9 эшелон 9 Züge	20 112 чел. 20 112 Pers.					5 станций 5 Stationen	6 районов 6 Landkreise	
Восточно-Казахстанская область Verwaltungsgebiet Ost-Kasachstan										
1	23.09	728	2350	-	-	-	-	Защита Satschita	Усть-Каменогорский Ust-Kamenogorsk	
2	24.09	726	2682	-	-	-	-	Предгорное Predgornoje	Глубоковский Glubokoje	
3	24.09	730	2223	-	-	-	-	Шемонаиха Schemonaicha	Шемонаихинский Schemonaicha	

4	27.09	735a	1658	–	–	–	–	Шемонаиха Schemonaicha	Новошуйбинский Nowoschulbinskij	Семипалатин- ской обл. Gebiet Semipalatinsk
23.09–27.09		4 эшело на 4 Züge	8913 чел. 8913 Pers.					3 станции 3 Stationen	4 района 4 Landkreise	
Общий итог Insgesamt										
9.09–5.10		188 эше- лонов 188 Züge	440 238 чел. 440 238 Pers.					107 станций 107 Stationen	2 республики, 2 края, 8 областей, 224 района 2 Republiken, 10 Verwaltungsgebiete, 224 Landkreise	Ныне: 2 го- сударства, 2 края, 12 областей Heute: 2 Staa- ten, 14 Ver- waltungsge- biete

Примечания:

1. Прочерк в графах 5–8 означает отсутствие данных.

2. Знаком * обозначается основная станция выгрузки; часть семей с данного эшелона выгружалась на других, близлежащих, станциях.

Bemerkungen:

1. Strich in den Spalten 5–8 bedeutet, dass die Angaben fehlen.

2. Zeichen * bedeutet, dass der Zielbahnhof angegeben ist. Ein Teil der Familien, die mit diesem Zug transportiert wurden, wurde auf den anderen Stationen ausgeladen.

¹ Таблица составлена А.А. Германом на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208–218; Д. 85. Л. 106–110, 178; Д. 114, Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242–244, а также по воспоминаниям депортированных.

Приложение 3

План внутриобластного переселения немцев в Нарымский округ. (Приложение к постановлению бюро Новосибирского ОК ВКП(б) от 1 июля 1942 г.)

Anlage 3

Plan zur innenregionalen Umsiedlung der Deutschen in den Narymskij Bezirk. (Anlage zum Beschluss des Nowosibirischer Bezirkskomitees der WKP(B) (OK ВКП (b)) vom 1. Juli 1942)

№ п/п	Наименование района, откуда планируется переселение Name der Landkreise, aus denen ausgesiedelt wurde	Фактически проживающих немцев tatsächlich gemeldet	Подлежит переселению der Umsiedlung unterliegen
1	Болотнинский Bolotnoje	2352	1000
2	Ижморский Ischmorskij	5054	3500
3	Каргатский Kargat	2025	1000
4	Коченевский Kotschenjowo	1610	1000
5	Мошковский Moschkowo	1508	1000
6	Ояшинский Ojasch	1308	800
7	Татарский Tatarsk	2074	1000

8	Титовский Titowski	4205	1500
9	Тшучинский Tschutschinskij	4162	1500
10	Тонкинский Tonkinskij	1115	500
11	Тяжинский Tjaschinskij	1646	1000
12	Черепановский Tscherepanowo	2519	1200
			15.000

*ВЕРНО: Зав. протокольной частью обкома ВКП(б)
(Афанасьева)*

ГАНО. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 41.

*Gez.: Leiterin der Protokollstelle des Gebietskomitees der WKP(B)
(Afanas'ewa)*

ГАНО. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 41.

Приложение 4

Распределение переселяемых немцев внутри районов Нарымского округа

Anlage 4

Verteilung der umgesiedelten Deutschen in den einzelnen Kreisen des Narymskij Bezirks

№№ п/п	Наименование населенных пунктов Ortsname	Количество вселяемых Zu unterbringende Personen
<i>Александровский район Landkreis Alexandrowskoje</i>		
1	Прохоркино Prochorkino	200
2	Никольск Nikol'sk	800
3	Верхне-Вартовское Werchne-Wartowskoe	400
4	Назино Nasino	600
5	Лукашкин Яр Lukaschkin Jar	800
6	Медведево Medwedewo	200
<i>Каргасокский район Landkreis Kargassok</i>		
1	Усть-Тымский Ust-Tymskij	500
2	Тым Тым	500
3	Каргасок Kargasok	700
4	Казальцево Kasaltzewo	500
5	Подъельники Podjelniki	300
<i>Парабельский район Landkreis Parabel</i>		
1	Невальцево Newaltzewo	200
2	Алатаево Alatajewo	400
3	Нарым Narym	600
4	Городище Gorodischtsche	200
5	Парабель Parabel	600
<i>Колпашевский район Landkreis Kolpaschewo</i>		
1	Коломино Kolomino	600
2	Тискино Tiskino	200
3	Тогул Togul	800

4	Березовка Beresowka	200
5	Инкино Inkinno	500
6	Чажемто Tschaschemto	700
Молчановский район Landkreis Moltschanowo		
1	Амбарцево Abramtzewo	200
2	Соколовка Sokolowka	400
3	Молчаново Moltschanowo	600
4	Усть Чулым Ust' Tschulum	300
5	Могочино Mogotschino	500
Кривошеинский район Landkreis Kriwoscheino		
1	Карнаухово Karnauchowo	200
2	Красный Яр Krasnyj Jar	200
3	Никольское Nikolskoje	500
4	Былино Bylino	300
5	Кривошеино Kriwoscheino	800
Чаинский район Landkreis Tschainskij		
1	Подгорное Podgornoje	500

Председатель Нарымского окрисполкома КРЫЛОВ
Управляющий Новосибирским Госрыбтрестом
Котельников

Vorsitzender des Narymskij Bezirksvollzugskomitees
Krylow Leiter des Nowosibirisker staatlichen
Fischereibetriebsverbandes Kotelnikow

2 июля 1942 г.
г. Новосибирск

2. Juli 1942
Stadt Nowosibirsk

Отп. 4 экз.

1. – Чрезвыч. Тройке по переселению
2. – Главсибрыбпрому
3. – Окружному Окрисполкому
4. – Рыбтресту

Kopie an:

1. – Sondertrojka²⁷ für Übersiedlungsangelegenheiten
2. – die Hauptverwaltung der Fischindustrie Sibiriens
3. – das Bezirksvollzugskomitee
4. – Fischereibetriebsverband

ГАНУ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 30-31.

GANU. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 30-31.

Приложение 1

Расселение немцев-репатриантов по территории СССР (по состоянию на 1 января 1953 г.)¹

Anlage 5

Verteilung der deutschen Repatrianten in der UdSSR (Stand: 1. Januar 1953)

Наименование республик, краёв, областей	Name der Republiken, Regionen, Gebiete	Количество репатриантов Anzahl der Repatrianten
1. РСФСР, в том числе:	1. RSFSR, hiervon:	145 858
Башкирская АССР	Baschkirische ASSR	773
Бурят-Монгольская АССР	Burjatisch-Mongolische ASSR	867
Карело-Финская АССР	Karelo-Finnische ASSR	29
Коми АССР	Komi ASSR	10 131
Марийская АССР	Marische ASSR	2592
Татарская АССР	Tatarische ASSR	68
Удмуртская АССР	Udmurtische ASSR	7580
Чувашская АССР	Tschuwaschische ASSR	7
Якутская АССР	Jakutische ASSR	977
Алтайский край	Region Altai	13 841
Красноярский край	Region Krasnojarsk	3200
Приморский край	Region Primorje	16
Хабаровский край	Region Chabarowsk	116
Амурская область	Gebiet Amur	39
Архангельская область	Gebiet Archangelsk	10 976
Владимирская область	Gebiet Wladimir	2
Вологодская область	Gebiet Wologda	9462
Горьковская область	Gebiet Gorki	1174
Дальний Север (выделен МВД, – А.Г.)	Ferner Norden (Gliederung des MWD – A.G.)	882
Ивановская область	Gebiet Iwanowo	1779
Иркутская область	Gebiet Irkutsk	4418

Кемеровская область	Gebiet Kemerowo	4888
Кировская область	Gebiet Kirow	5735
Костромская область	Gebiet Kostroma	6342
Куйбышевская область	Gebiet Kujbyschew	57
Курганская область	Gebiet Kurgan	51
Молотовская область	Gebiet Molotow	17 831
Московская область	Gebiet Moskau	98
Мурманская область	Gebiet Murmansk	16
Новосибирская область	Gebiet Nowosibirsk	13 262
Омская область	Gebiet Omsk	1869
Оренбургская область	Gebiet Orenburg	1973
Ростовская область	Gebiet Rostow	195
Рязанская область	Gebiet Rjasan	8
Сахалинская область	Gebiet Sachalin	1
Свердловская область	Gebiet Swerdlowsk	12 076
Томская область	Gebiet Tomsk	5830
Тульская область	Gebiet Tula	57
Тюменская область	Gebiet Tjumen	1810
Ульяновская область	Gebiet Uljanowsk	26
Челябинская область	Gebiet Tscheljabinsk	4264
2. Казахская ССР	2. Kasachische SSR	42 850
3. Киргизская ССР	3. Kirgisische SSR	36
4. Таджикская ССР	4. Tadschikische SSR	18 023
5. Туркменская ССР	5. Turkmenische SSR	381
6. Узбекская ССР	6. Usbekische SSR	1185
В Исправительно-трудовых лагерях и на спецстройках НКВД	In Besserungsarbeitslagern und auf Sonderbaustellen des NKWD	540
Всего	Summe	208 388

¹ См.: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Депортация немцев Поволжья

Die Deportation der Wolgadeutschen

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 384–385.

² Подробнее см.: «Поверните ваше оружие...» (Использование поволжских немцев в контрпропаганде на население и вооруженные силы Германии летом 1941 г. / Публикация документов А.А. Германа // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 274–294; Герман А.А. Большевистская власть и немецкая автономия на Волге. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 345–347.

³ О противодействии немцев слому традиционных устоев жизни пишут практически все авторы, исследующие историю этнических немцев России в XX в. (А. Айсфельд, Л. Белковец, В. Бруль, Н. Вашкау, А. Герман, О. Лиценбергер, Н. Осташева (Венгер), И. Черказьянова и др.)

⁴ К такому выводу, в частности, пришла М.В. Егорова, впервые проведя комплексное исследование всех форм противодействия этнических немцев Поволжья мероприятиям большевистской власти. См.: Егорова М.В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни (1918–1941 гг.). Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

⁵ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 183–188.

⁶ Подробнее см.: Герман А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999; Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Там же. С. 75–83; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Там же. С. 35–74.

⁷ См.: Ионг де Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М.: Иностранная литература, 1958. С. 47.

⁸ См.: Герман А.А. Большевизм и немецкая автономия на Волге. С. 12–14.

⁹ См.: Ионг де Л. Указ. соч. С. 102–108, 127, 139–140, 153–155, 164–170, 177, 180–182, 209.

¹⁰ Там же. С. 358, 359.

¹¹ Как правило, на сотрудничество с оккупантами шли люди, жестоко пострадавшие от советской власти в годы коллективизации и массовых репрессий 1930-х гг. См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 98, 99, 390; Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С. 120; Gerlach H. Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs. – Kirchheimbolanden, 1992. S. 94 и др.

¹² См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000. С. 447–448.

¹³ В 1918 г. по инициативе С. Орджоникидзе из станиц Сунженской линии были выселены терские казаки, а их земля передана ингушам и чеченцам; в 1920-е гг. из Средней Азии были выселены многие русские семьи, а их земля передана местному населению; в начале 1930-х гг. в отдаленные районы СССР были переселены многие тысячи раскулаченных крестьянских семей; в 1936 г. из западных приграничных регионов в Казахстан было переселено 15 тыс. польских и немецких семей; в конце 1930-х гг. из приграничных регионов Дальнего Востока в Казахстан были переселены этнические корейцы.

¹⁴ См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 173.

¹⁵ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2... С. 283.

¹⁶ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

- ¹⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–6. Постановление опубликовано. См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229–233.
- ¹⁸ См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...». С. 173; Кичихин А. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 33.
- ¹⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 276; Д. 5034. Л. 15–19.
- ²⁰ См.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 7, 40.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.
- ²² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.
- ²³ См.: Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Там же. Л. 7–11. Инструкция опубликована. См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 233–236.
- ²⁶ См.: Там же. Л. 12–16.
- ²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 7–11.
- ²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 12–16.
- ²⁹ См.: Там же. Л. 17.
- ³⁰ См.: *Departation aus Bangerdt, kanton Kukkus // Heimatbuch der deutschen aus Rußland. 1973–1981. Stuttgart, 1981. S. 37.*
- ³¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1а. Особая папка. Д. 5. Л. 7–9; Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 364–367.
- ³³ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4836. Л. 23.
- ³⁴ Полностью документ см.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41–43.
- ³⁵ См.: Там же.
- ³⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. // История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.
- ³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 3, 112.
- ³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.
- ³⁹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 6.
- ⁴² Там же. Л. 6–7.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 8.
- ⁴⁵ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 25.
- ⁴⁷ См.: Там же. Л. 26.
- ⁴⁸ По воспоминаниям переселенцев // Личный архив автора.
- ⁴⁹ См.: Личный архив автора.
- ⁵⁰ См.: Приложение 1.
- ⁵¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.
- ⁵² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 398–399.
- ⁵³ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 277–278.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 65, 67.
- ⁵⁵ См.: Приложение 1.
- ⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 34.
- ⁵⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 421; Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: В 4-х т. Т. 1: 1938–1975. М.: Известия, 1975. С. 81.
- ⁵⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2338. Л. 20, 21.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 39–40.
- ⁶⁰ См.: Там же. Л. 106, 107, 108, 109, 110.
- ⁶¹ См.: Там же. Л. 43, 44.
- ⁶² См.: Кичихин А. Указ. соч. С. 36; Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» С. 173; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 75.
- ⁶³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 114. Л. 139.
- ⁶⁴ См.: Там же. Д. 85. Л. 34–35.
- ⁶⁵ Личный архив автора.
- ⁶⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 25.

- 67 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 112.
- 68 Там же. Л. 90.
- 69 См.: Там же. Л. 102.
- 70 См.: Приложение 2.
- 71 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 120.
- 72 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 136.
- 73 Там же. Л. 172.
- 74 Там же. Л. 138.
- 75 См.: Там же. Л. 147.
- 76 Подсчет сделан автором на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208–218; Д. 85. Л. 106–110, 178; Д. 114. Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242–244.
- 77 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 122.
- 78 Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» М., 1995. С. 39.
- 79 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 123.
- 80 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 205.
- 81 См.: Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 45; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 117.
- 82 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 203.
- 83 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 116. Л. 43.
- 84 См.: Приложение 2.
- 85 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.
- 86 См.: Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 195, 196; Д. 12. Л. 176.
- 87 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 297.
- 88 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 169–170.
- 89 Там же. Л. 139–140.
- 90 См.: Там же. Л. 170.
- 91 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 140.
- 92 Там же. Д. 85. Л. 2.
- 93 См.: Там же. Д. 83. Л. 169.
- 94 Там же. Л. 170, 171.
- 95 Там же. Л. 170.
- 96 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 84.
- 97 Там же. Д. 84. Л. 137.
- 98 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 138.
- 99 Там же.
- 100 Там же. Л. 78, 79.
- 101 Там же. Д. 85. Л. 272.
- 102 См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 201; Д. 84. Л. 138.
- 103 Там же. Д. 84. Л. 78.
- 104 См.: Там же. Д. 85. Л. 120.
- 105 Там же. Л. 114.
- 106 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 85, 87–88.
- 107 Там же. Л. 93.
- 108 См.: Там же. Д. 83. Л. 194.
- 109 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 176; Д. 84. Л. 139; Д. 85. Л. 271.
- 110 Там же. Д. 83. Л. 173; Д. 85. Л. 91.
- 111 Там же. Д. 83. Л. 175, 176.
- 112 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 86, 272.
- 113 Там же. Д. 84. Л. 82.
- 114 Там же. Д. 83. Л. 173.
- 115 Там же. Д. 83. Л. 174; Д. 84. Л. 140.
- 116 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 140.
- 117 Там же. Л. 143.
- 118 Там же. Д. 85. Л. 92.
- 119 Там же. Л. 91.
- 120 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 259–286.
- 121 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 29.
- 122 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 94.
- 123 О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 13 декабря 1955 г. // История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 177.
- 124 См.: О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 29 ав-

густа 1964 г. // История российских немцев в документах. С. 178–179.
¹²⁵ См.: О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 3 ноября 1972 г. // История российских немцев в документах. С. 179.

Депортации немцев с территории Украины

Die Deportation der Deutschen vom Territorium der Ukraine

¹ Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 5. С. 16.

² Гриневич В. Сталінська національна політика щодо національних меншин у роки Другої світової війни 1939–1945 рр. // Друга світова війна і доля народів України. Всеукраїнська наукова конференція (Київ, 23–24 червня 2005 р.). К.: Сфера, 2005. С. 184.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 г.). М.: Русь, 2000. С. 447–448.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Реабилитированные историей: Автономная республика Крым / Ред кол.: В.П. Антипенко, Д.В. Омельчук, М.Р. Акулов и др. Кн. 2. Симферополь, 2006. С. 8.

⁶ Там же.

⁷ Fast G. Mennonites of the Ukraine under Stalin and Hitler // Mennonite Life. No. 2. April. 1947. P. 20.

⁸ Epp M. Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 27.

⁹ Fast G. Mennonites of the Ukraine under Stalin and Hitler // Mennonite Life. No. 2. April. 1947. P. 20.

¹⁰ Epp K. George. Mennonite Immigration to Canada after World War II // Journal of Mennonite Studies, Vol. 5 (1987) P. 112.

¹¹ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 151.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 221.

¹³ Там же.

¹⁴ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. С. 151.

¹⁵ Судьба российских немцев. Коллективная исповедь в письмах / Сост., общ. ред. и введ. Т.С. Иларионовой. М.: Нойес лебен, 1993. С. 68.

¹⁶ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 [архив Сталина, документы высших органов партийной и государственной власти] / Международный фонд «Демократия»; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова М.: Материк, 2006. С. 314.

¹⁷ Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Международный фонд «Демократия». М.: Материк. С. 348.

¹⁸ Герман А.А. Советские немцы в лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 7. С. 282.

¹⁹ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 306. Л. 603.

²⁰ Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. С. 212.

²¹ Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Международный фонд «Демократия». М.: Материк. С. 348.

²² Там же. С. 349.

²³ Там же. С. 351.

²⁴ История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Сб. докладов и материалов / Авт.-сост.: А.А. Дынгес. Донецк: Апекс, 2005. С. 102.

²⁵ Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Международный фонд «Демократия». М.: Материк. С. 349.

²⁶ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 63.

²⁷ Helmut T. Huebert. Events and people: events in Russian Mennonite history and the people that made them happen. Publisher: Winnipeg: Springfield, 1999. P. 218.

- ²⁸ Epp M. Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 28.
- ²⁹ Helmut T. Huebert. Events and people: events in Russian Mennonite history and the people that made them happen. Publisher: Winnipeg: Springfield, 1999. P. 219.
- ³⁰ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 47.
- ³¹ Там же. Л. 41.
- ³² Бугай М.Ф. Депортації населення з України (30–50-ті роки) // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 37.
- ³³ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 151.
- ³⁴ Там же. Д. 83. Л. 47.
- ³⁵ Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 42. Спр. 49. Арк. 67.
- ³⁶ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М.: 1995. С. 45.
- ³⁷ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 212.
- ³⁸ Там же. Л. 32.

Депортация немцев Северного Кавказа

Die Deportation von Deutschen des Nordkaukasus

- ¹ Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 3752. Л. 13, 13об., 25, 25об., 40, 40об., 49, 69, 69об., 70, 70об.
- ² История российских немцев в документах. Т. 1 (1763–1992 гг.) // Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 159–160.
- ³ Там же. С. 161–162; 164–165, 168.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 47; Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 203.
- ⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 16–29.
- ⁶ Ченцов В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. М.: Готика, 1998. С. 128–150.

- ⁷ Архив УФСБ Ставропольского края. Фонд прекращенных архивно-следственных дел. Д. 16824. Л. 104–105; Д. 25170. Л. 138–139.
- ⁸ К 1920-м гг. Яков Ремпель уже состоялся как социально зрелый деятель. Признание авторитетности Ремпеля и степень доверия ему были выражены в избрании его председателем КФК – Комиссии по церковным делам (аббревиатура сохранена от нем. Kommission für Kirchenangelegen), органа церковного управления меннонитов (1922–1924 гг.), и делегатом на Всемирный (юбилейный) меннонитский съезд (1925 г.).
- ⁹ Архив УФСБ Ставропольского края. Фонд прекращенных архивно-следственных дел. Д. 16824. Л. 247.
- ¹⁰ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 18–19.
- ¹¹ Там же. Л. 27–28.
- ¹² Там же. Л. 29.
- ¹³ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Ч. II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 275–277.
- ¹⁴ ГАСК. Ф. р-1852. Оп. 12. Д. 34. Л. 4–10.
- ¹⁵ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 9–12.
- ¹⁶ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 9.
- ¹⁷ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 10–11.
- ¹⁸ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 11.
- ¹⁹ Там же. Л. 10–11.
- ²⁰ Там же. Л. 41, 42, 42об.
- ²¹ ГАСК. Ф. р-1852. Оп. 12. Д. 34. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 4–5.
- ²³ Там же. Л. 7, 9.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Полевой материал автора 1991, 1993, 1994 гг., с. Кочубеевское Ставропольского края, г. Ставрополь, с. Ванновское Краснодарского края. Информация Гергардта Виктора Христиановича, Рота Вильгельма Яковлевича, Вальтер Эльзы Христиановны.
- ²⁶ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 10.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 39.

- ²⁸ Там же. Л. 45–47.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 1, 2, 203.
- ³⁰ Там же. Л. 39.
- ³¹ Там же. Л. 45–47.
- ³² Там же. Л. 1, 2, 203.
- ³³ Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 175.
- ³⁴ ГАРФ. – Ф.9479. – Оп.1. – Д.83. – Л. 122.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.83. Л. 123.
- ³⁶ См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 174.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 3, 10.
- ³⁹ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 11, 13.
- ⁴⁰ Там же. Л. 13. 14.
- ⁴¹ Там же. Л. 14, 15.
- ⁴² Полевой материал автора 1993, 1994 гг., с. Кочубеевское Ставропольского края, г. Ставрополь, с/з Кубань Краснодарского края. Информация Тевс Натальи Николаевны, Гольгрейм Валентины Августовны, Фильберта Георгия Георгиевича.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 39.
- ⁴⁴ ГАСК. Ф. р-1852. Оп. 12. Д. 54. Л. 1–3.

Депортация немцев Закавказья

Die Deportation der Kaukasiendeutschen

- ¹ Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О.Л. Милова. М., 1995 (РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Материалы к серии «Народы и культуры»). С. 23, 45.
- ² «По решению правительства Союза ССР...»: Сб. документов Сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик: Эльфа, 2003. С. 262.
- ³ Там же. С. 263–264.

- ⁴ Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е гг.). Ч. 2. Депортация немцев... С. 88–89.
- ⁵ Там же. С. 127–129, 132–138.
- ⁶ Там же. С. 129–132.
- ⁷ Из истории немцев Казахстана (1921–1975): Сб. документов: Архив Президента Республики Казахстан / Отв. ред. П. Карпыкова. Алматы – Москва: Готика, 1997. С. 105–106.
- ⁸ Там же. С. 99.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1–3. Duisburg, 2004, 2006, 2007.
- ¹¹ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 134.
- ¹² Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев... С. 51, 55–56, 57, 61, 172. Приведенные данные на 29 октября расходятся с указанными М. Джафарли: на 29 пародах, 21 эшелон, было отправлено всего 39 760 немцев (10 647 семей). Из них по АзССР – 20 070 чел. (6170 семей), по ГрузССР – 19 353 чел. (4349 семей) и по АрмССР – 337 чел. (128 семей). См.: Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 133.
- ¹³ «По решению правительства...» С. 268–269, 271; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев... С. 67–69.
- ¹⁴ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С.133.
- ¹⁵ «По решению правительства...» С. 274, 278–279, 289. По плану в бывшую АССР НП было намечено вселить 39 093 колхозных хозяйства; в Саратовскую область – свыше 13 000 хозяйств из Пензенской и Смоленской областей; в Орджоникидзевском крае передавались имущество и земли 53-х оставленных немцами колхозов и т.д.
- ¹⁶ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 138.

Депортация немцев из Москвы и Московской области

Die Deportation der Deutschen aus Moskau und aus dem Gaabiet Moskau

- ¹ См.: Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. С. 433.
- ² См.: Там же.
- ³ См.: Там же.
- ⁴ См.: Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 42.
- ⁵ См.: Деннингхаус. Указ. соч. С. 433.
- ⁶ См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.
- ⁷ См.: Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 65.
- ⁸ См.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 156.
- ⁹ См.: История российских немцев в документах. С. 161–162.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 158–162.
- ¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46. Здесь и далее ко всем конкретным данным о численности депортируемых, приводимым в документах НКВД, следует относиться осторожно, т. к. в разных документах они существенно разнятся. О неточности и ошибках в некоторых подсчетах признаются и сами работники этого ведомства. См.: Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 436.
- ¹⁴ См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in Sowjetunion 1941 bis 1956 / Hrsg von A. Eisfeld und V. Herdt. Koeln: Verl. Wiss. Und Politik, 1996. S. 85.
- ¹⁵ См.: Там же.
- ¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 129.

¹⁷ Ямпольский В. «Надо выселить с треском» // Новое Время. 1994. № 23. С. 37.

¹⁸ Таблица составлена автором на основании архивных данных и ряда крупномасштабных карт Казахской и Узбекской ССР. См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 48, 217, 218.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46.

²⁰ См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in Sowjetunion 1941 bis 1956. S. 86.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 83–84.

Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области

Die Deportation der Deutschen aus Leningrad und dem Gebiet Leningrad

- ¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 11.
- ² Дмитриев С.В. Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // Немцы Сибири: история и культура: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 63.
- ³ Абсолютные цифры взяты из указанной статьи С.В. Дмитриева, подсчет в процентах сделан нами.
- ⁴ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост. д-р. ист. наук, проф. Н.Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.
- ⁵ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 158–159.
- ⁶ История российских немцев в документах. С. 160
- ⁷ Интернет-ресурс: <http://history-gatchina.ru/article/warhronika.htm>. 05.01.2001.

⁸ Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. СПб., 2008. С. 81.

⁹ Интернет-ресурс: <http://lists.memo.ru/index.htm>

¹⁰ См.: Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / Сост. М.В. Левицкая. СПб., 2010. С. 49.

¹¹ См.: Айсфельд А. Административные переселенцы // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1: А–И. М., 1999. С. 29–31.

¹² Информацию сообщил д-р А. Айсфельд (Гёттинген) со ссылкой на книгу: Leniger M. Nationalsozialistische Volkstumarbeit und Umsiedlungspolitik 1933–1945.

¹³ Бах Д., Смирнов В. Немецкие следы в одном русском городе. Псков: от Тевтонского ордена к сегодняшнему партнерству. Псков, 1997. С. 101.

¹⁴ Жоголев А. Мирожский урок // Благовест: православная газета. 2008. 14 нояб. Интернет-ресурс: <http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=27&article=12974>.

¹⁵ Семенова А.Н. Мой долгий тернистый путь к немецкому языку // Впечатления нашей жизни. СПб., 2007. С. 23–25.

¹⁶ См.: Айсфельд А. Вартегау // Там же. С. 321–322.

¹⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 94.

Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг.

Die Geschichte der Wolgadeutschen van Narym 1941-1945

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 328.

² Там же. Л. 330.

³ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 73–7–1.

⁴ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М.: Готика, 1996. С. 74.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 544. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Архив Управления МВД по Новосибирской области. Ф. 5. Оп. 4. Пор. 2. Л. 7, 44.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 137.

⁹ Там же. Оп. 33. Д. 565. Л. 182–183; Д. 665«В». Л. 132.

¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 72.

¹² Там же. Л. 69.

¹³ Там же. Ф. Р-1020. Оп. 5. Д. 31. Л. 143.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 23, 35, 61, 67 и др.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 2–7.

¹⁷ Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 127–131.

¹⁸ Там же. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 14.

¹⁹ Там же. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 6. Л. 127–128.

²⁰ Там же. Л. 129–131.

²¹ Там же. Л. 131.

²² Там же. Д. 665«В». Л. 132.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ Там же. Л. 71.

²⁵ Архив Управления МВД по НСО. Ф. 5. Он. 4. Пор. 2. Л. 51–52.

²⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 182. Л. 68об.

Репатриация граждан СССР немецкой национальности

Die Repatriierung von Staatsbürgern deutscher Volkszugehörigkeit der UdSSR

¹ См.: Полян П.М. География принудительных миграций в СССР: Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра географ. наук. М., 1998. С. 4.

² См.: Там же. С. 25.

³ В 1944–1945 гг. в полосе наступления советских фронтов и на оккупированных Советским Союзом территориях была

проведена принудительная трудовая мобилизация немцев – граждан стран Восточной Европы. Сведенные в военизированные формирования – «рабочие батальоны», они работали, главным образом, на восстановлении объектов народного хозяйства СССР, пострадавших от оккупации и боевых действий. В системе учета НКВД СССР эта категория лиц числилась как «фольксдойче».

⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 1–3, 6–43, 45–49, 203; Д. 86. Л. 52, 219, 220; Д. 110. Л. 82, 83.

⁵ См.: Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart: Deutsche Verlag – Anstalt, 1983; Stump K. Die Russlanddeutschen Zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart, 1981 и др.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 43, 44, 45, 48, 70, 72, 84.

⁷ См.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 97.

⁸ См.: Полян П.М. География принудительных миграций... С.25.

⁹ См.: Судьба военнопленных и депортированных... С. 96.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 46–47.

¹¹ См.: Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и воен-

нопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 190.

¹² Правда. 1944. 11 ноября.

¹³ Цит. по: Полян П. Жертвы двух диктатур... С. 199.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 44–49.

¹⁵ О военнопленных – немцах Поволжья подробнее см.: Шульга И.И. Судьбы красноармейцев – немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 323–337.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 251.

¹⁷ См.: Там же. С. 252.

¹⁸ См.: Там же. Л. 258.

¹⁹ См.: Там же. Л. 262.

²⁰ См.: Там же. Л. 275.

²¹ Там же. Л. 287.

²² См.: Там же. Л. 288.

²³ См.: Там же. Д. 215. Л. 64, 83, 105, 130.

²⁴ См.: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ